О. А. Хорошилова

Костюм и мода Российской империи

ЭПОХА АЛЕКСАНДРА II и АЛЕКСАНДРА III

ЭТЕРНА

Костюм и мода Российской империи

О. А. Хорошилова

Костюм и мода Российской империи

ЭПОХА АЛЕКСАНДРА II и АЛЕКСАНДРА III

ЭТЕРНА
2015

УДК 94(47)”18/19”(084/1)
ББК 63.3(2)5я6
Х80

Макет, обработка фотографий и цветокоррекция –
Александр Зарубин

Фото на обложке и суперобложке:
Купец Иван Захарович Морозов в эффектной шубе и кавказском башлыке.
Ателье «Шерер и Набгольц», Москва. 2-я пол. 1860-х гг. Архив О. А. Хорошиловой

Хорошилова О. А.

Х80 **Костюм и мода Российской империи: Эпоха Александра II и Александра III.** – М.:, Этерна, 2015. – 472 с.: ил.

ISBN 978-5-480-00332-1

Новая монография Ольги Хорошиловой посвящена костюмам и моде эпохи Александра II и Александра III. Автор изучает, как и во что одевались члены императорской семьи, какими были основные виды форменного костюма, особенности крестьянского и купеческого стиля в одежде, «униформа» городского обслуживающего персонала.

Большая часть книги посвящена развитию русской моды в 1850 – 1890-е годы. Автор перечисляет главных икон стиля и анализирует их влияние на одежду и манеры русских щеголей. Политические и военные события, научные открытия, новые направления в искусстве и литературе, социальные явления, международные выставки описываются в контексте влияния на моду того времени.

В приложении содержатся выдержки из приказов, постановлений, правил этикета, прейскурантов торговых фирм, а также статьи из периодических изданий и словарь специальных терминов. Большинство иллюстраций и фотографий, вошедших в книгу, происходят из частных собраний и публикуются впервые.

УДК 94(47)”18/19”(084/1)
ББК 63.3(2)5я6

ISBN 978-5-480-00332-1

© О. А. Хорошилова, 2015
© ООО «Издательство «Этерна», оформление, 2015

Оглавление

Вместо предисловия. Альбуминовый мир 7

Глава 1
Костюмы семьи Романовых 11

Глава 2
Россия в мундире 49

Глава 3
Types russes 167

Глава 4
Мода 1850–1860-х годов 207

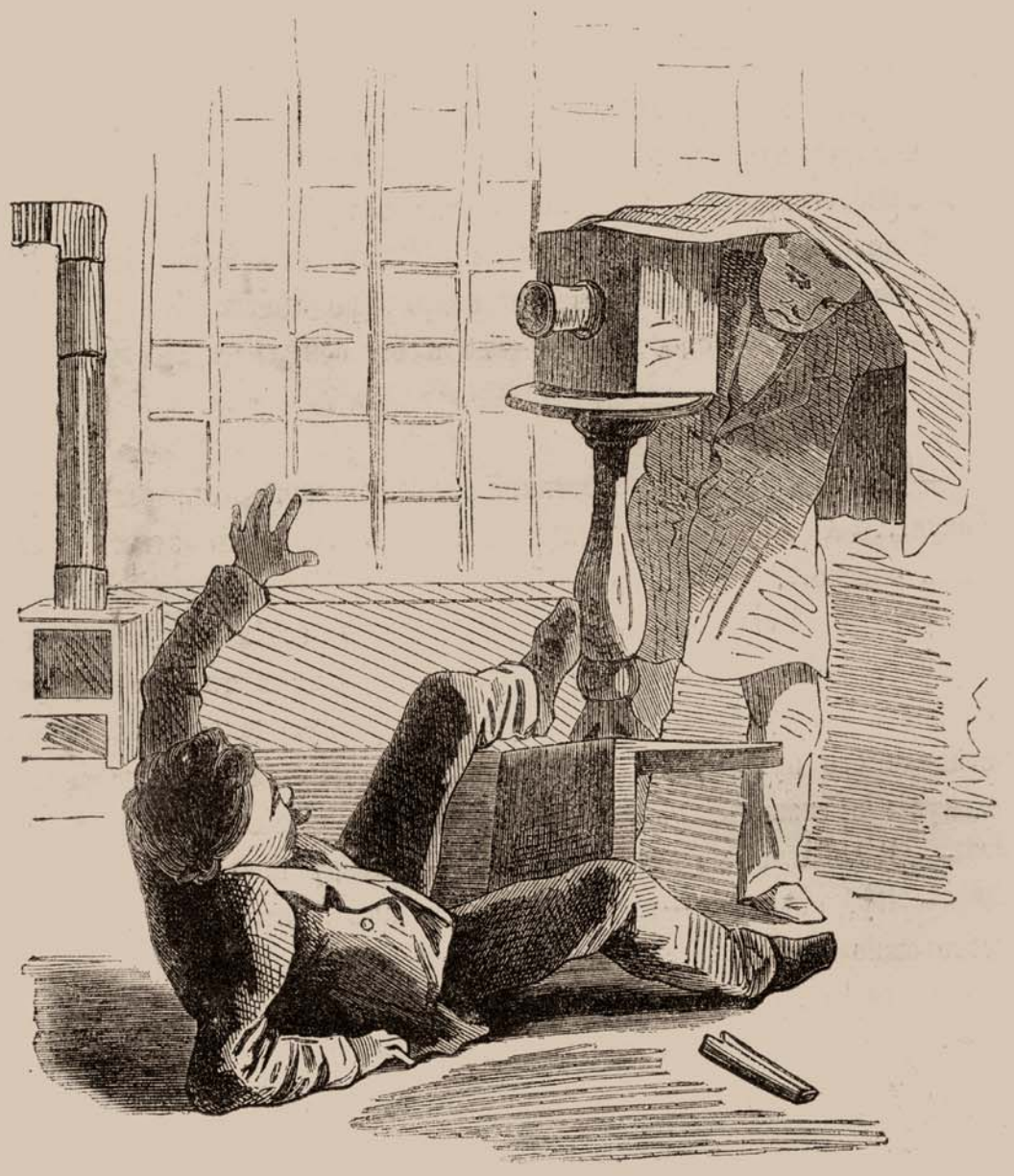
Глава 5
Мода 1870-х годов 297

Глава 6
Мода 1880–1890-х годов 367

Приложения 429

Библиография 466

Указатель имен и названий 468



Вместо
предисловия

Альбуминовый мир

К этой встрече готовились долго. Сначала придумывали образ, потом мучительно выбирали тот самый костюм и те звонкие мелочи, которыми бесстыдно намекали на свое высокое положение. Отцы семейства предпочитали новенькие сюртучные тройки, только полученные из Лондона или Вены, от Дейвиса и Грюнбаума, глянцевитые цилиндры от Циммермана, перстень и портсигар. Молодым хвастливым щеголям одного наряда было мало. Они брали с собой два-три костюма, эдакое парижское пальто, фасонистый венгерский полушубок, николаевскую шинель, и монокль, и любимого пса. Военные сдержанно осматривали свой парадный гардероб, молчаливо указывали денщикам на лучший, сшитый дорого, по мерке, мундир, и денщик аккуратно крепил к нему орденскую планку и звезды, прикручивал знаки и все прочие кульминации отлично-благородного служения. Чистил пуговицы, сдувал пылинки.

Мужчинам было куда проще. Дам всегда терзали сомненья. Из мерцающей пучины бездонного гардероба извлекалось любимое платье, но его владелица уже требовала перемены, и юркие горничные бежали за другим, третьим, пятым, пока будуар не заполняли шепотливые шелка, воздушные оборки, верткие ленты, юбки, шали, кружева. И все это шелестело, и дышало, и разливалось по будуару. Было сложно остановиться. Хотелось взять с собой всё – платье от Ворта, тальму от Бризака, шубку от Белкина, шляпку от Эжен, часики от Картье. Но эти вечные рекомендации! В журналах то и дело публиковали правила выбора одежды – не модные, а технические: «Весьма разумно уклоняться от резко выраженных мод в одежде и прическе. Этим устраняется опасность казаться, через несколько лет, старомодной или даже смешной. Нельзя даже советовать надевать новое платье, потому что ношеное большей частью сидит лучше. Нельзя также советовать надевать много украшений, потому что при их обилии производится впечатление фигуры с выставкой брошей, цепочек, крестов, часов и т. д. Из цветов предпочтение заслуживают темные: черный, серый, оливковый и коричневый. Синий выходит как бы белым. Совершенно не советуем надевать белые и крупноклетчатые материи. Чрезвычайно эффектны черные кружева».

Приходилось подчиняться – белое не надевать, модное не выбирать, украшеньями не увлекаться.

С детьми не церемонились. Одевали в то, что считали нужным, – прехорошенькие платьица, бархатные костюмчики, матроски и точные копии военных форм, одобренные отцом-офицером.

Итак, решено. В портплед уложены любимые наряды, прическа взбита, на полукафтанах спутников блестят награды, усы расчесаны. Все наконец готово. Нужно отправляться. Всем немного нервно.

Невский проспект, дом 28. Этот адрес с датой и точным временем был тонко выведен отличными орешковыми чернилами в пухлых ежедневниках многих солидных семейств. Нервничая, отправлялись именно сюда – в аккуратный позднеклассический особнячок, дом Имзена, в четвертый этаж. По звонку открывалась дверь, сдержанно приветливая прислуга помогала разоблачиться. Провожали в гостиную – лепной потолок, незатейливая люстра, скучные диваны, столики, напольные часы. Дежурный интерьер. Приходил стеснительный ассистент, молодой, безымянный, с помятым лицом, немного растрепанный и, кажется, невыспавшийся, в сюртуке с легким покушением на моду. Бормочет что-то. А глаза внимательные, цепкие до злости, пальцы нервные, вроде бы в каком-то порошке или краске, желтые, музыкальные – пальцы художника. Указывает путь. Через коридорчик, еще один, через комнату, сквозь бархатный занавес, в освещенный зал – на долгожданную встречу, к которой так долго и тщательно готовились.

И вот наконец он сам – похититель свободного времени и, как говорят, душ, виновник переживаний и семейных ссор, четырехногий молчаливый монстр с кожаным складчатым рептильным телом, бессовестно лорнирующий любопытно выпученной глазницей с крепко вставленным маслянистым моноклем.

Фотоаппараты были одушевленными. Их побаивались.

Дальше разыгрывалось действо. Неслышно, по-кошачьи, так что даже не скрипели половицы, вкрадывался мягкий лысоватый человечек – обожаемый всеми и всех обожающий, круглый жизнелюб Сергей Львович, чья звучная гравированная фамилия, Левицкий, заверяла лица знатнейших персон и великодержавных властелинов. Выбирали художественную «ситуацию» – фон, антураж, драпировки. Молчаливый ассистент выдвигал одну за другой картины – размытые холмы с кустистыми древами, бархатно-зеленые хребты в сумрачных подтеках олимпийского неба, грустно-одинокая ваза в лиловых дебрях условного рая. Живописные тени близорукого автора. Затем расставляли нехитрый антураж – резную банкетку, столик-бобик, балюстраду, псевдоготический стул. Скрипло выезжала пыльная драпировка – неизбежное дополнение фотографической идиллии. Рассаживали посетителей. Левицкий лично режиссировал свет (он делал это отменно), извинившись полуулыбкой, менял позы и поворот головы, поправлял складки, отступал, приближался, оббегал послушно замершие фигуры, веселил детей, чтобы те не расплакались и не расшалились. «Ну-с, теперь, кажется, хорошо». – Левицкий резко отходил, ассистент фокусировал объектив. Секунды тишины. Щелчок. Глубокий выдох. Снято.

Через несколько дней посетители ателье получали в конверте небольшие смуглые отпечатки – «визитки» на жаргоне фотомастеров. Это было в 1860-е годы. В 1870–1890-е публика тешила самолюбие карточками побольше – кабинетными, будуарными, променадными. Их красиво обрамляли, ими украшали гостиные и столовые, министерские приемные и офицерские собрания, их подносили для автографа, передавали по наследству, их даже продавали в фотоателье и специальных магазинах пылким поклонникам Эрато, Терпсихоры и русской Власти.

Фотография претендовала на звание знатнейшего вида искусств. Ее усердно копировали граверы, рисовальщики, иллюстраторы моды. И даже живописцы. Франц Винтергальтер самозабвенно писал Варвару Римскую-Корсакову по фотографии Робийяра.

Крамской старательно выводил мундирчик великого князя Сергея Александровича по «визитке» Левицкого. Контуры реализма дрожат на серебряных пластинах Луи Дагера.

Фотография сопровождала человеческую жизнь. Фотографы сопровождали историю. Они подобострастно щелкали затворами на коронациях и тихо заверяли кончину монарха на снимках post-mortem. Перед ними драгоценной чередой проходил высший свет. Статские усердно тянулись жилами щек и лосиной кожей кюлот. Генералы пыхтели бачками, а дородные промышленники – гаванскими сигарами. Увальни-социалисты уютно растекались в креслах заграничных русских ателье.

Левицкий, Бергамаско, Фишер, Шапиро, Тулинов, Пазетти и десятки других блестящих мастеров фиксировали изменения в политике, культуре, обмундировании, моде. На их глазах рождались, распускались и увядали кринолины, набухали бархатными почками турнюры, тянулись ивовыми прутиками талии, оттачивались женские фигуры, а мужские расплывались на плюшевых кушетках, и женщины мягко подчиняли себе мужчин.

Скрылся в дыму крымского позора фрачный николаевский мундир, и объективы сфокусировались на александровских полукафтанах и генеральских красных шароварах. Когда исчезли они, перед светописцами предстали мужиковатые гвардейцы в мундирах-армяках, в барашковых шапках...

Фотографы видели всё, успевали всё. Они смотрели на праздные пестрые толпы с высоты жестяных крыш и спускались на январский лед Невы вместе с куржавыми ледорубами. Они открыли современникам живой объемный мир во множестве деталей и оттенков сепии, который бесконечно интересно изучать сейчас, через 150 лет.

* * *

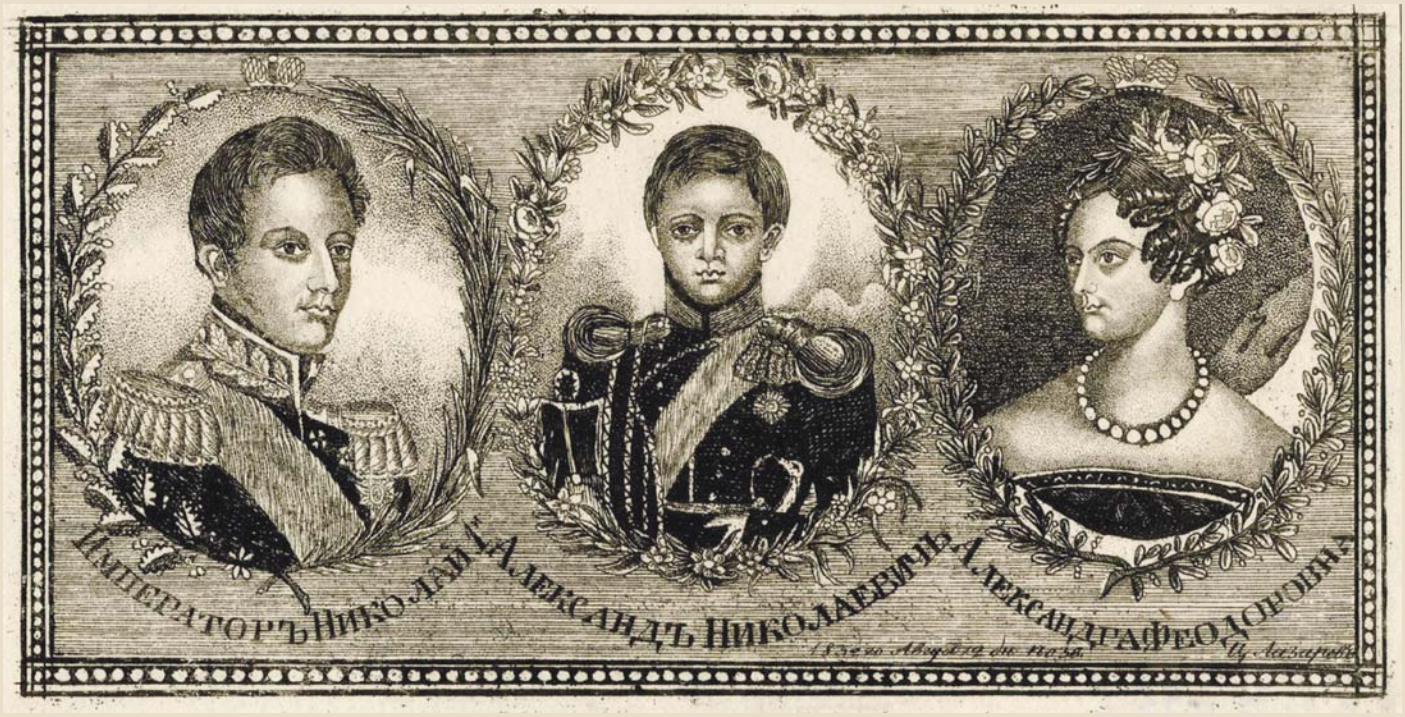
Я выражаю благодарность всем тем, кто помог мне в поисках информации и фотографий для этой книги. Ольге Вениаминовне Рачковской, предоставившей в мое распоряжение свою обширную библиотеку по истории культуры, моды и фотографии, коллекционерам старинной русской фотографии Владимиру Викторовичу Авдееву, Артему Анатольевичу Классену, Сергею Евгеньевичу Володарскому, Андрею Михайловичу Милякову за восхитительные снимки из их собраний, вошедшие в эту книгу. Благодарю Олега Олимжоновича Ахмедова, Владимира Владимировича Глазкова и Сергея Алексеевича Попова за помощь в атрибуции фотографий.

Выражаю благодарность издательству «Этерна» за подготовку макета книги.

1

Костюмы семьи Романовых

Костюмы Александра II
Костюмы Марии Александровны и детей
Костюмы Александра III
Костюмы Марии Федоровны и детей



Император Николай I,
цесаревич Александр Николаевич,
императрица Александра Федоровна.
Фототипия конца 1890-х гг. по эстампу
начала 1830-х гг.
Архив О.А. Хорошиловой

Костюмы Александра II

Людям свойственно усложнять. Это в их природе. Они ищут отпечатки перста провидения. Всматриваются в прошлое, выискивают в нем шифры настоящего. Случайные события наделяют божественной логикой. Нелепицы становятся символами, орлы возвещают победы, зайцы спасают от виселиц.

Рождение российских монархов плотно запеленуто в легенды и символы, большей частью нелепые. 17 апреля 1818 года был пасхальным днем, и многие (гораздо, гораздо позже) увидели в этом символ мученичества и возрождения. Говорили, что великая княгиня Александра Федоровна чувствовала грусть неизъяснимую, и это сочли плохим знаком. Раскатистый коленопреклоненный стих Жуковского назвали тогда гениальным пророчеством...

Но это был совершенно обычный день, каких много, день-невидимка, весенний, пыльный, будничный. Была среда. В Москве было тепло и лениво. Привычную тишину просыпающейся Первопрестольной нарушил лишь грохот пушек – стреляли 201 раз. Многие запомнили только это, а некоторые и этого не заметили. Тогда же газеты вышли с длинным манифестом: «Объявляем всем верным Нашим подданным, что в 17-й день сего апреля Любезнейшая Наша Невестка, Государыня Великая Княгиня Александра Федоровна разрешилась от бремени, рождением Нам племянника, нареченного Александром...» Для обывателей – просто новость, одним Романовым больше. Люди государственные подозревали, что это будущий правитель России. Но когда он им станет, и станет ли вообще...

Рождению великого князя радовались келейно, по-семейному. Разрешившаяся от бремени Александра Федоровна записала: «В 11 часов я услыхала первый крик моего первого ребенка. Ники целовал меня, заливаясь слезами, и вместе мы возблагодарили Бога, не зная, даровал ли Он нам сына или дочь, когда матушка (императрица Мария Феодоровна), подойдя к нам, сказала: “Это сын”. Счастье наше удвоилось, а впрочем, я помню, что почувствовала что-то строгое и меланхолическое при мысли, что это маленькое существо призвано стать Императором!»[1]

Еще до своего появления на свет Александр Николаевич сделался владельцем богатого гардероба и кое-что примерил 17 апреля. Были здесь несколько дюжин блузочек – простых, украшенных английским шитьем, праздничных из кембрика с кружевами и прошивками, утренних и длинных ночных из батиста и фланели – множество белых сорочек и десяток красивых праздничных платьев, отделанных английским шитьем и плиссе, перехваченных голубыми атласными кушаками. Были и мягкие нитевые чепцы, свивальники, пеленки-панталоны,

[1] Императрица Александра Федоровна в своих воспоминаниях/ Русская старина, 1896, Т. 88, кн. 10. – С. 38.

белые кашемировые сапожки и стеганые башмачки, простые и нарядные баветки, пояса для стягивания и подушки на конском волосе.

Перед обрядом крещения младенца нарядили в красивую длинную рубашку с шитьем, кружевами и лентами, положили на парчовую подушку, покрыли парчовым одеялом и передали в дрожащие от старости и волнения руки статс-дамы графини Шарлотты Ливен, помнившей еще хохотушку Елисавет. Шарлотта Ливен, вся в буклях и пудре, была в тот знаменательный день в роскошном тяжелом серебряном платье при ленте и ордене Святой Екатерины, а потому генерал Тормасов и князь Юсупов поддерживали не только младенца, но и великосветскую носительницу придворных традиций. Во время крещения младенец получил имя Александр и первые регалии – императрица Елисавета Алексеевна возложила на него знаки ордена Св. Андрея Первозванного, а рядом на подушечках мерцали звезда, синий крест и оранжевая лента ордена Черного Орла, подарок заморского деда, прусского короля Фридриха Вильгельма III.

Первые 14 дней, по правилам, пришедшим в Россию из Англии, новорожденного одевали только в мягкие распашонки, потом – во фланелевые рубашечки, пояса и свивальники. А через два-три месяца – в платья из фланели, кембрика и батиста. Тогда же великий князь примерил первые корсеты.

Новорожденного Александра назначили шефом лейб-гвардии Гусарского полка, и венгерские узлы с бранденбургами оплели его костюмчики. Позже появились настоящие мундиры. 17 апреля 1825 года в свое семилетие petit Sascha (так его называли в семье) был произведен в лейб-гусарские корнеты и получил первую полковую форму. 14 декабря 1825 года Николай Павлович повелел сыну навсегда сохранить на лейб-гусарском мундире вензелевое изображение императора Александра I. Любопытно, что в тот драматичный нервный день Александру Николаевичу впервые после обряда крещения надели Андреевскую звезду и ленту. Эти царственные регалии хорошо запомнили офицеры и солдаты лейб-гвардии Саперного батальона, выстроившиеся по приказу взволнованного Николая I перед окнами Зимнего дворца. Они присягнули царю, и царь доверил им наследника, испуганного мальчонку со звездой и в ленте, которого вынесли на мороз чуть не плачущим и предъявили усастым молодцам. «Его вверяю вашей охране», – прохрипел Николай Павлович. Ирония судьбы – 1 марта 1881 года во время фатального покушения на Александре II был темно-зеленый мундир лейб-гвардии Саперного батальона. Судьба не вмешалась. Саперы не спасли.

Сразу после подавления восстания декабристов petit Sascha стал шефом лейб-гвардии Павловского полка. В 1827 году, назначенный атаманом всех казачьих войск и шефом Войска Донского Атаманского полка, примерил синий чекмень, шаровары и высокую меховую шапку. Почти ежегодно рос громкий список подшефных частей – лейб-гвардии Кирасирский, Московский драгунский, Павлоградский гусарский, Клястицкий уланский и даже 3-й Прусский уланский полк, изящная форма которого так шла юному щеголю. «Облекшись в полный парадный мундир этого полка, – писал Сергей Татищев, – великий князь отправился сначала показаться родителям, потом к деду (прусскому королю Фридриху Вильгельму III), чтобы поблагодарить его, а от него явился к дяде, принцу Вильгельму, как к своему корпусному командиру»[2].

С детства Александр Николаевич был влюблен в военную форму, страсть к ней унаследовал от отца. Знал ее на «ять», лучше других наук, которые постигал прилежно, но без вящего желания. В конце 1820-х годов petit Sascha начал коллекционировать мундиры тех частей, над которым шефствовал или в которых состоял. Воспитатель великого князя, питомец муз Василий Андреевич Жуковский, только головой качал – августейший ученик думал совсем не о том. Генерал-майор Карл Карлович Мердер, другой воспитатель великого князя, начинание это приветствовал и в записках отмечал: «Но должно, действительно, отдать ему справед-

[2] Татищев С. С. Александр II/ Русский биографический словарь, Т. 1. – СПб., 1896. – С. 407.

ливость, что нет другого ребенка его возраста, имеющего столько ловкости, достоинства, любезности и более красивых форм, чем у него»[3].

Мундиры, особенно прусские и русские, ему, бесспорно, шли. И он, юнец, почти еще мальчик, умел их носить подобно прожженным гвардейским щеголям. Особенно хорош Александр Николаевич был в кавалергардской форме, придававшей величественность и прибавлявшей роста. Когда Карл Мердер увидел своего воспитанника в колете кавалергардского унтер-офицера, то с удовольствием отметил: «Он казался в оном очень велик». В следующем, 1830 году в форме этого полка цесаревич должен был поздравлять императрицу с именинами и участвовать в параде с разводом. Для этого Николай I лично позаботился об обмундировании сына. В письме Мердеру он указывал: «Дай Бог успеха твоему старанию и благословения нашему делу! К приезду нашему вели изготовить Саше всю кавалергардскую форму; но постарайся, чтобы его хорошо одели. Жене сделаем сюрприз»[4]. В 1831 году во время пребывания в Москве цесаревич вновь оделся кавалергардом и произвел фурор. «Он очаровал московское общество стройностью и красотою в щегольском красном кавалергардском мундире, в чулках и башмаках», – писал Татищев. Воспитатель Мердер выразился по-военному кратко: «Он прелестно хорош, за то и вскружил всем головы».

Petit Sascha носил цивильные наряды, но многие с военными элементами. На портретах 1820-х годов, в том числе кисти Джорджа Доу, он изображен в детских костюмчиках a'la hussard – темно-синих шароварах с лампасами и венгерскими узлами, в алой курточке, расшитой бранденбургами и украшенной кистями, белом воротничке-берте. Аналогичный ансамбль, состоящий из синих брюк и белого суконного лифика с гусарскими «снурами», хранится в Государственном историческом музее. По легенде, он принадлежал petit Sascha. Конечно, выбор именно таких нарядов был связан не только с шефством. В те годы великий князь и его ровесники с большим удовольствием рядились в «гусар», потому что их форма была банально красивой и к тому же служила своего рода придворным нарядом. Сергей Дмитриевич Шереметев вспоминал: «Зимним развлечением были для меня вечерние собрания у великих князей, куда меня приглашали по воскресным дням... Когда подходило давно желанное время, меня облекали в гусарскую куртку, сажали в карету и отправляли во дворец. Гусарская куртка введена была для всех посещающих эти вечера для однообразия формы, потому что великие князья носили также эти куртки. Это было введено императором Николаем»[5].

Цесаревич Александр Николаевич в обмундировании кадета 2-го кадетского корпуса в 1829 году.
Фототипия 1912 г.
Архив О.А.Хорошиловой

3 Записки К. К. Мердера, воспитателя цесаревича Александра Николаевича. 1826-1832/ Русская старина, 1885, № 7-9. – С. 38.

4 Татищев С. С. Александр II/ Русский биографический словарь, Т. 1. – СПб., 1896. – С. 409.

5 Шереметев С. Д. Воспоминания. 1853-1861. – СПб., 1898. – С. 37.

Император Александр II в коронационном облачении. Литография В. П. Верещагина, 1890 г.
Архив О.А.Хорошиловой

Были и сугубо цивильные вещи – белоснежные сорочки, жилеты и модные расшитые подтяжки, рединготы и сюртуки со вспученными рукавами-«жиго». Были маскарадные наряды, к примеру китайский, в котором Александр Николаевич появился на балу 1833 года, а также специальные танцевальные костюмы, один из которых упоминает Мердер: «1 декабря 1831 года. С некоторого времени великий князь берет уроки танцования в бальном костюме, чтобы не казаться слишком натянутым, когда ему придется явиться на бал в чулках и башмаках. Его высочество все еще вальсирует слабо»[6].

Но со временем и этот светский недостаток был устранен. Цесаревич Александр Николаевич превратился в подтянутого элегантного юношу с тонкой талией, стройными ногами и холодно-голубыми глазами, унаследованными

[6] Записки К. К. Мердера, воспитателя цесаревича Александра Николаевича. 1826-1832/ Русская старина, 1885, № 7-9. – С. 37.

от стального отца-императора. Он умел нравиться, в него влюблялись первые придворные красавицы. Но закон был неумолим, родители настоятельно напоминали о долге, о женитьбе. Вскоре подыскали достойную невесту – великую герцогиню Гессенскую Марию, с хорошей фигурой, добрым сердцем и отрешенной покорностью студеных глаз.

16 апреля 1841 года состоялось бракосочетание, на котором император Николай I и цесаревич присутствовали в казачьих мундирах. Эта церемония была лишь скромной репетицией куда более помпезного, богатого и шумного события – коронации.

Ее подготовили печальные события – обидное поражение в Крымской войне, всецело лежавшее на совести императора и обрюзгшей бюрократии, унизительный Парижский трактат, скоропостижная кончина Николая I, политическая изоляция России, затопленный флот, задушенный здравый смысл, растоптанное самоуважение. Народ нуждался в сладкой утешительной пилюле, и народ ее получил.

Коронация превратилась в демонстрацию мифической мощи государства, ее сказочного богатства и необъятных владений. В ней участвовали депутаты от народов, населявших ее земли, – армяне, гурийцы, абхазцы, татары, грузины, черкесы, башкиры. Все, как один, в национальных костюмах необычайных расцветок и форм, которые потом вдохновляли не одно поколение портных. Коронация стала и этаким военным дефиле, во время которого император лично представил новую армейскую парадную форму, недавно введенную по его распоряжению. И публике она понравилась, потому что эти шаровары, полукафтаны и каски были задуманы монархом для самого себя, и выглядел он в них восхитительно.

Александр Николаевич, как и его отец, предпочел короноваться в общегенеральской форме. Мундир построили из превосходного сукна благородного темно-зеленого оттенка. На алых обшлагах, карманных клапанах и воротнике поблескивало свежее золото шитых дубовых листьев. Все было придумано и скроено так, чтобы выгодно подчеркнуть достоинства монаршей фигуры – немного тесные рукава слегка расширялись к низу, лиф мягко охватывал стан и сужался у линии талии, а юбка резко расширялась, повторяя в перевернутой перспективе ширину императорских плеч под жирными генеральскими эполетами. Император выглядел идеально затянутым, и, возможно, не без помощи корсета.

В комплект коронационного обмундирования входили также алые шаровары с золотыми лампасами и кожаными штрипками, пояс-шарф из серебряной тесьмы с тремя полосками из черного и оранжевого шелка, кожаная каска с петушиным плюмажем, белые лайковые перчатки и невысокие сапожки с расширяющимися к верху голенищами.

Главным атрибутом коронационных облачений императора, его супруги и Александры Федоровны были мантии, выполненные на петербургской фабрике Ивана Лихачева из золотого требликатного глазета на желтой французской тафте с россыпью мелких вышитых государственных гербов и традиционным мехом горностая. Мантию Александра II скреплял тяжелый драгоценный аграф-застежка с двумя гранеными изумрудами и серебряным крючком. Его цена – 2967 рублей. Впрочем, Малая императорская корона, созданная для Марии Александровны, стоила гораздо дороже – 56 тысяч рублей. Эти красноречивые цифры аккуратно внесены в сметы и дела, хранящиеся в фонде 468 Российского государственного исторического архива. Весьма увлекательное чтиво.

Коронационные мероприятия растянулись на несколько недель. 14 августа император прибыл в Москву, но торжественный в нее въезд представили публике лишь 17 августа, после трех дней репетиций. Все было почти как в опере Глинки – император с родственниками верхом, пестрые народности в халатах и тулупах коленопреклоненно, грохот пушек, скороговорка колоколов, службы в храме, «Боже, царя храни» под музыку Львова и в завершение ура-патриотической постановки – император на Красном крыльце, его троекратный поклон и «народные возгласы ликованья» по нотам повисших в воздухе шапок.

26 августа – кульминация коронования. Сначала долго и тяжко несли золотой балдахин, потом – миропомазание в Успенском соборе, Высочайший обед в Грановитой палате, нескончаемая череда поздравительных аудиенций. Золото, серебро, напомаженные бачки, рассыпчатый жемчуг пота на сладко улыбчивых лицах, стыдливые залысины поклонов, мундиры, меха, халаты, парча, кружева. «Блестящая фантасмагория, непрерывный ряд празднеств, калейдоскоп незнакомых лиц» – весьма точные слова фрейлины Тютчевой.

Закончился август, начался сентябрь, блестящая фантасмагория продолжалась. Дали два бала, устроили народное гулянье на Ходынском поле. 9 сентября в Большом Кремлевском дворце прошел маскарад, собравший 10 тысяч гостей. Камер-паж Григорий Милорадович был одним из них:

«Все огромные орденские залы были битком набиты народом всякого звания. Маленький дождь накрапывал в этот вечер, и некоторые купцы пришли, видно, пешком, так что у некоторых на воротниках их полукафтанов видны были следы от дождя. Женщины в русских народных костюмах и сарафанах разных губерний России, другие же в бальных нарядах. Русские платья, кокошники, шитые жемчугом, бархатные и парчовые сарафаны с батистовыми, отделанными кружевами корсажами очень шли к русским красавицам... Государь император и великие князья были в форме стрелкового батальона Императорской Фамилии, которая подходит под национальный костюм: мерлушья черная шапка, кафтан русского покроя, широкие шаровары и высокие сапоги. Государю очень шла эта чисто русская форма одежды. Императрицы и великие княгини были в национальных роскошных костюмах и поражали блеском бриллиантов и драгоценных камней»[7].

Коронационные торжества наконец закончились. Жизнь вошла в привычное русло. Молодой император начал править – с запалом, задором, от всей души. Пришло время перемен, в России грянула первая «оттепель». Парадокс, но либеральные реформы царь проводил в форме – в полном уставном обмундировании. Даровал народу свободы, затянувшись в корсет и парадный генеральский полукафтан, при эполетах и наградах. Стоит ли удивляться тому, что преобразования эти провалились.

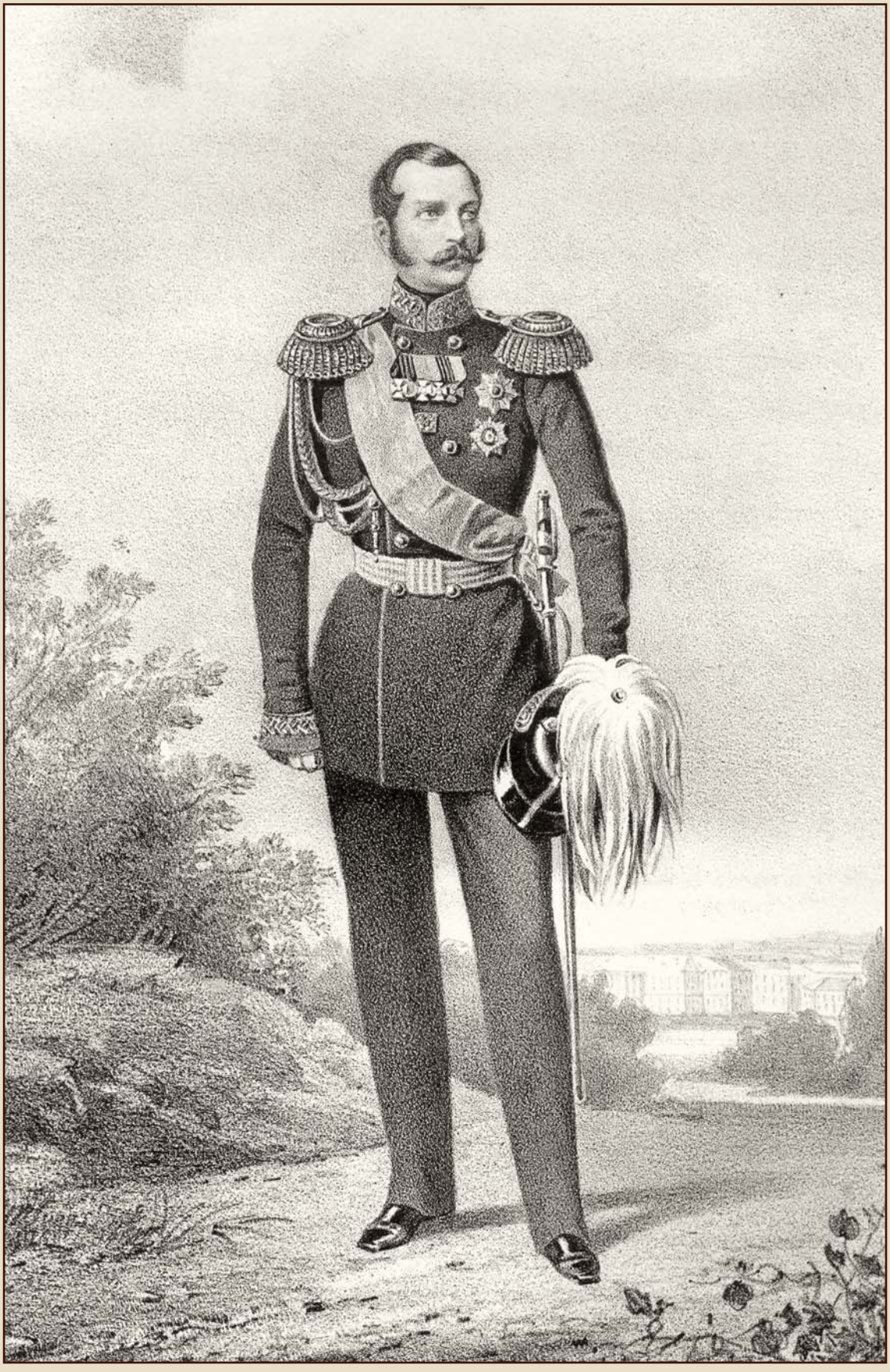
Император еще в детстве заболел мундироманией, и с годами она усилилась. Теперь он как бы соревновался с покойным родителем, у которого тоже была отличная богатая коллекция русских форм. И кажется, в этой семейной гонке Александр Николаевич победил. В его собрании хранились мундиры практически всех российских и некоторых иностранных полков. Были любимые – форма лейб-гвардии Преображенского, лейб-гвардии Измайловского, лейб-гвардии Конного, лейб-гвардии Гусарско-

[7] Из дневника графа Г. А. Милорадовича/ Русский архив, 1884, № 3. – С. 190.

На стр. 18

Александр II в мундире лейб-гвардии Преображенского полка с характерным шитьем на воротнике и белой выпушкой по лацкану. В наградной колодке первый – орден Св. Георгия IV степени, полученный в 1850 году в деле против кавказских горцев. Волосы императора слегка подвиты и зачесаны на виски. Эта прическа стала очень популярной среди русских мужчин. На левой стороне мундира видна ромбовидная звезда ордена Св. Георгия I степени, что позволяет датировать фотографию 1869 годом.
Ателье «Левицкий», Санкт-Петербург.
Архив О.А. Хорошиловой

Александр II в любимой зимней темно-синей венгерке лейб-гвардии Гусарского полка.
Ателье «Левицкий», Санкт-Петербург. Конец 1860-х – начало 1870-х гг.
Архив О.А. Хорошиловой



Александр II в форме начальника военно-учебных заведений – на воротнике и обшлагах рукавов заметно характерное шитье.
Гравюра П. Фернлунда. *1862 г.*
Архив О.А.Хорошиловой

Александр II
в форме генерала Собственного Его Императорского Величества конвоя.
Фотогравюра 1860-х гг.
Архив О. А. Хорошиловой

го полков. Последняя особенно шла императору, и он часто позировал в ней живописцам и фотографам. Ему нравилось одеваться конвойским генералом – вид у царя был тогда особенно грозный и торжественный. В повседневной жизни, даже во время прогулок по Екатерининскому парку с игривым псом Милордом, Александр Николаевич носил любимую конногвардейскую фуражку – по-николаевски высокую, с широким кожаным козырьком, белой тульей и алым околышем. Ее обессмертил художник Сверчков и описали многие современники: «У окна показался государь Александр Николаевич в белой фуражке с обычным обширным козырьком» (С. Д. Шереметев), «Я догадывалась, что это царь, он показался неподалеку от меня в своей белой фуражке с красным околышем» (Фанни Лир).

Александр II прекрасно знал тонкости форменного костюма, помнил наизусть все правила, постановления и «уточнения», ведь автором многих был сам. Он часто удивлял окружающих цепкой памятью и острым зрением, замечал малейшие оплошности и делал строгие выговоры офицерам. Карл Добровольский вспоминал такой случай: «В январе 1859 года мы собирались в Зимний дворец на царский выход. Живший со мной по соседству товарищ мой по академии (Николаевская академия Генерального штаба. – *О. Х.*), Кабардинского полка прапорщик Калмыков, зашел ко мне

Александр II
в сером двубортном пальто образца 1855 года и знаменитой конногвардейской фуражке с алым околышем и белой тульей.
Фототипия начала 1910-х гг. по известному снимку С. Левицкого 2-й половины 1860-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Александр II на смертном одре.
Фототипия 1911 года по снимку С. Левицкого 1881 года.
Архив О.А.Хорошиловой

и спрашивает: хорошо ли он одет? Я был тогда сильно занят и, увидев его, застегнутого на все пуговицы и при сабле, сказал, что хорошо. Прибыв в Зимний дворец, мы выстроились, по обыкновению, в Гербовом зале. Государь вышел из своих апартаментов, подходит ко многим офицерам, милостиво разговаривает; но когда подошел к Калмыкову, то пришел в ужас! "Ростовцев! Иди сюда, посмотри, как одеваются твои академики? – Михаил, посмотри, что за безобразие! На что это похоже!" Кучка генералитета приблизилась к государю, покачивая головами. Император, повторяя свое негодование, задержался перед Калмыковым по крайней мере четверть часа... Придя несколько в себя, Калмыков спросил стоявшего рядом с ним гвардейца-товарища: в чем дело? Гвардеец сардонически ответил: "Вы застегнуты не на ту сторону". Дело объяснялось очень просто. Калмыков всю свою службу нес на Кавказе, где на форму не обращали никакого внимания»[8].

В гардеробе императора были цивильные вещи, в которых он обыкновенно выезжал заграницу, – серые, сине-серые, коричневые и черные сюртуки, однобортные и двубортные, визитные тройки, вестоны, шляпы, перчатки, трости. Кое-что из них хранится в российских музеях. Превосходно сшитые, с вывертом и искрой, они великолепно сидели на молодцеватом августейшем щеголе, но все же в военной форме Александр Николаевич выглядел куда импозантнее и ярче.

В мундирах он рос, взрослел и правил. В мундире он был смертельно ранен 1 марта 1881 года. Отпевали и похоронили его в форме «семейного» лейб-гвардии Преображенского полка, в которой его запечатлел Сергей Левицкий. Это был последний снимок императора.

[8] Добровольский К. Н. Из памятных записок / Русский архив, 1907, кн. 1, вып. 4. – С. 622.

Костюмы Марии Александровны и детей

С будущей невестой великий князь Александр Николаевич познакомился случайно, заехав в миниатюрный Дармштадт во время своего европейского гранд-тура 1839 года. Он увидел ее впервые в оперном театре – милую хрупкую девушку лет пятнадцати с глянцевитыми волосами, белоснежной кожей и ледянисто-синими глазами глубоководного морского существа. Она все больше молчала, с тихим достоинством принимала пылкие комплименты великого князя (на нем в тот вечер был казачий мундир, и он был храбр). Потом они долго-долго ходили по гулким шепотливым коридорам гессенского замка, искали призрак белой дамы и много смеялись. «Имя принцессы не сходило с его уст», – писал Жуковский. Александр Николаевич почувствовал нечто, весьма похожее на любовь, и наотрез отказался знакомиться с другими невестами. Как только вести о неожиданно вспыхнувшем чувстве донеслись до Петербурга, император Николай I учинил гонцам допрос. Он обстоятельно расспросил о росте, весе, цвете лица и нравственных качествах принцессы Марии. Получив положительные ответы, кандидатуру ее утвердил. Следовало готовиться к миропомазанию и бракосочетанию.

7 сентября состоялся торжественный въезд принцессы в Санкт-Петербург и прием в Зимнем дворце. Она была в изысканном наряде и ослепительных украшениях, столь восхитивших камер-юнгферу Яковлеву: «Мне пришлось снимать с ее головы и шеи драгоценнейшие бриллиантовые уборы, какие я видела в первый раз в жизни. На принцессе был голубого цвета шлейф, весь вышитый серебром, а вместо пуговиц нашиты были бриллианты с рубинами; повязка темно-малинового бархата, обшитая бриллиантами; с головы спадала серебром вышитая вуаль»[9].

В этот день у придворных появилась наконец возможность оценить выбор великого князя и хорошенько рассмотреть принцессу. Многие отмечали ее скромность, изящество, хороший цвет кожи, синеву глаз, немецкую сдержанность жестов. Остроглазые добросердечные фрейлины подметили недостатки: «От непривычки к суровому климату у нее на одной щеке под глазом образовалось красное пятно величиной с голубиное яйцо. Когда лицо разгоралось, пятно становилось еще краснее и чувствительно жгло», «Нежная кожа на ее руках покрывалась какой-то перхотью и грубела, на руках даже лопалась». Но, кажется, принцесса не обращала на пятна большого внимания, не скрывала их под толстым слоем пудры и давала возможность фрейлинам наслаждаться великокняжескими изъянами. Впрочем, по совету докторов она делала овсяные маски и прикладывала к лицу корки свежих огурцов.

5 декабря 1840 года принцесса приняла православие, одетая подчеркнуто просто: «На ней был надет белый атласный сарафан и шлейф; последний был весь опушен лебяжьим пухом; волосы убраны очень просто: их сбили спереди в длинные почти прозрачные локоны; эта прическа была ей очень к лицу, весь туалет отличался простотою: на ней не было никаких драгоценных украшений»[10]. В процессе миропомазания ее нарекли Марией Александровной.

В Петербурге ей пришлось непросто, и не только из-за слишком пристальных ревнивых взглядов. Она должна была привыкать к новой придворной жизни, нелепому этикету, никому не понятным традициям, новым именам и лицам, сладостной лести, а главное – к исконно русской, генетической, необоримой, баснословной роскоши столичного двора, столь смущавшей ее, скромную гессенскую принцессу из маленького Дармштадта. Но она привыкла. Она полюбила роскошь. Она стала почти русской.

Приближался день бракосочетания, и августейшую невесту буквально завалили приданым. Одно – от гессенского двора, купленное ее дядей, принцем Карлом. Другое – от двора

[9] Яковлева А. И. Воспоминания бывшей камер-юнгферы императрицы Марии Александровны / Исторический вестник, 1888, Т. 33, I-III. – С. 157, 158.

[10] Там же. С. 162.

Императрица Мария Александровна в прогулочном мантеле и баволетке.
Ателье «Verry fils», Париж. Конец 1850-х – начало 1860-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Императрица Мария Александровна в муаровом платье с рукавами «пагод» и подрукавниками. Прическа с двумя бандо в стиле «императрица Евгения».
Неизвестное ателье, начало 1860-х гг. *Архив О.А.Хорошиловой*

русского, богатое, солидное, грузное и частью старомодное. К примеру, вместо популярных в Европе наволочек на лебяжьем пуху ей подарили русские пуховые салопы из темной шелковой материи, на шелковой подкладке. Их не носили, а для тепла накидывали на ноги во время сна. Среди «драгоценных платьев» было комично старое. «По темно-малиновому полю разбросаны довольно крупные букеты светло-серых и светло-розовых с зеленью цветов, тогда наш глаз еще не привык к таким крупным рисункам»[11], – поясняла камер-юнгфера Яковлева. Великая княгиня, принявшая наряд со смущенным молчаньем примерной девушки, назвала его «Grossmutterkleid» («бабушкино платье») и поспешила спрятать в самый отдаленный уголок гардеробной. Однако через много-много лет она все же вспомнила о нем и приказала камер-фрау его принести. Но та и с места не двинулась, густо покраснела и готова была разрыдаться. На вопрос императрицы «Что случилось?» камер-фрау дрожащим голосом ответила, что взяла его себе, перешила и давно уже сносила. По-немецки сдержанная Мария Александровна процедила только: «Ach, so». И камер-фрау вскоре покинула свой пост.

11 Яковлева А. И. Воспоминания бывшей камер-юнгферы императрицы Марии Александровны / Исторический вестник, 1888, Т. 33, I-III. – С. 419.

Свадьба состоялась 16 апреля 1841 года. Невесту готовили тщательно, при ее одевании присутствовали все статс-дамы и фрейлины, в том числе и Амалия Яковлева, оставившая описание подвенечного костюма Марии Александровны: «Белый сарафан ее был богато вышит серебром и разукрашен бриллиантами. Через плечо лежала красная лента; пунцовая бархатная мантия, подбитая белым атласом и обшитая горностаем, была прикреплена на плечах. На голове бриллиантовая диадема, серьги, ожерелье, браслеты – бриллиантовые. В сопровождении своего штата великая княгиня пришла в комнату императрицы, где ей надели бриллиантовую корону. Императрица сознавала, что не драгоценные алмазы должны в этот день украшать невинное и чистое чело молодой принцессы; она не удержалась от желания украсить голову невесты цветком, служащим эмблемой чистоты и невинности. Императрица приказала принести несколько веток живых померанцевых цветов и сама воткнула их между бриллиантов в корону; маленькую ветку приколола на груди»[12].

Еще более пышный наряд Мария Александровна надела во время коронации 26 августа 1856 года. Если парадная форма Александра II во многом соответствовала духу времени и новой армейской моде (с толикой французского шика), то платье супруги полностью отвечало строгим правилам придворного официоза. Традиции и старина определили крой и детали – декольте, узкий лиф со шнипом, длинные рассеченные от предплечья до локтя «польские» рукава, распашная верхняя юбка со шлейфом. Все это из глазета, густо затканного серебром до зеркального отлива. «На голове у нее не было никакого убора, волосы были расчесаны совсем просто, с двумя длинными локонами, спускавшимися на плечи»[13], – отмечала фрейлина Тютчева. В Успенском соборе во время миропомазания на царствие на императрицу водрузили тяжелую мантию из золотого трехликатного глазета, сшитую в мастерской Ивана Лихачева, а также Малую императорскую корону, выполненную специально для Марии Александровны ювелиром Леопольдом Зефтингером.

Императрица Мария Александровна в голубом муаровом платье с кокеткой, отделанной бахромой.
Ателье «Левицкий», Санкт-Петербург. Конец 1850-х – начало 1860-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

9 сентября императрица приняла участие в народном бале, одетая соответственно его тематике – в золотую парчовую душегрейку, расшитую изумрудами и рубинами, юбку из серебряной парчи, расшитую золотом.

И до и после коронации в расписании Марии Александровны значилось множество

12 Там же. С 169.
13 Там же. С. 157-158.

Императрица Мария Александровна в шелковом платье и тюлевом фишю с «мушками».
Ателье «Левицкий», Санкт-Петербург.
1-я пол. 1860-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

помпезных событий, требовавших присутствия в придворных или нарядных платьях. Амалия Яковлева сообщала: «В течение лета несколько раз в торжественные праздники бывали выходы или приглашались придворные в церковь Петергофского дворца к обедне. В таких случаях императрица (Александра Федоровна. – *О. Х.*), а за нею и великая княгиня (Мария Александровна. – *О. Х.*) одевались в большом дворце. Возня была не малая; надо было привезти множество нарядов на выбор; даже и тогда, когда великая княгиня выберет платье и шляпку, могло случиться, что ей что-нибудь не понравится в выбранных вещах; камер-фрау привозила на выбор также множество драгоценных вещей. Для парадного выхода требовалось еще большего выбора, так что целые фургоны нагружались ящиками, картонками и т. д.»[14].

25 июня по поводу дня рождения Николая Павловича обыкновенно устраивали торжества для семьи и узкого круга придворных. Но однажды вместо помпезного раута императрица Александра Федоровна решила организовать «сельский праздник», для которого специально заказали платья и аксессуары в пасторальном стиле. На Марии Александровне в тот день было легкое белое платье, вышитое соломой и украшенное колосьями и цветками мака. Они же покрывали голову великой княгини. Простоту «крестьянского» костюма компенсировали драгоценности, которым в тот день «не полагалось границ»: «Цветы были усеяны бриллиантами: в середину каждого цветка на серебряной проволочке был прикреплен бриллиант; он изображал как бы росу и эффектно колебался на своем гибком стебельке»[15].

В повседневной жизни Мария Александровна предпочитала одеваться скромнее, в согласии с собственными представлениями о хорошем вкусе. Ее любимым цветом был синий, который так подчеркивал арктическую голубизну ее глаз. Император Александр II прекрасно знал предпочтения супруги и часто дарил ей платья, костюмы и аксессуары разнообразных небесных оттенков. К примеру, после первых родов преподнес ей «утренний капот, серый кашемировый, на голубой шелковой подкладке, и чепчик с голубыми лентами»[16]. Любовь Марии Александровны к этому цвету, а также открытие мовеина, химического красителя, Вильямом Перкином повлияли на вкусы столичных щеголих. «Голубой цвет, кажется,

14 Яковлева А. И. Воспоминания бывшей камер-юнгферы императрицы Марии Александровны / Исторический вестник, 1888, Т. 33, I-III. – С. 173.
15 Там же. С. 395, 396.
16 Там же. С. 410.

любимый цвет русских модниц. Он очень идет к их белым лицам и светлым волосам», – отмечал Теофиль Готье.

Многое из того, что принадлежало императрице, бесследно исчезло, однако благодаря сохранившимся фотографиям и описаниям можно кое-что восстановить. К примеру, известно, что утром Мария Александровна носила легкие, простые и удобные платья светлых оттенков с небольшой изящной вышивкой и аппликациями. Амалия Яковлева вспоминала: «Утренний ее туалет был весьма прост: легкое батистовое платье с белым вышитым воротничком, соломенная шляпа с лентами под цвет соломы, коричневая вуаль, коричневый зонтик, шведские перчатки и клетчатый, пестрый манто. Так одетая, она каждое утро отправлялась с цесаревичем в пролетке к императрице, иногда оставалась завтракать там и, вернувшись домой, в известные дни принимала секретаря по делам»[17].

Императрица любила гулять. Ее прогулочный ансамбль обыкновенно включал шерстяное или шелковое платье, а иногда – блузку-гарибальдийку и юбку, накидку в модном испанском вкусе, в зимнее время – манто или салоп в русском стиле на меховой подкладке. Мария Александровна обожала ночные прогулки: «Она находила ночь такой соблазнительно прохладной, что отправлялась кататься. Случалось даже зимой, что, сменив наряд на простое неглиже, она в открытых санях каталась с великим князем (Александром Николаевичем. – *О. Х.*)»[18]. Гуляла императрица много, а когда возвращалась, спешила переоблачиться в домашнее платье или любимый шлюмпер, шелковый капот на лебяжьем пуху.

В великопостное время Романовы переезжали на несколько дней в Аничков дворец из Зимнего, в котором производилась генеральная уборка. Жизнь фрейлин и хранителей императорского гардероба резко менялась и более походила на бесконечный кросс. Мария Александровна постоянно искала какие-то свои вещи или предметы, в суматохе переезда часто их не находила и посылала за ними слуг в Зимний дворец. Когда же они возвращались с пустыми руками и виноватыми лицами, императрица отправляла их в магазины или мастерские модисток.

Ее любимыми портными были Чарльз Фредерик Ворт, Редферн, Ольга Бульбенкова. Зонтики поставляла известная столичная фирма «Александр», часы – компания «Павел Буре». Благодаря свидетельству камер-юнгферы Яковлевой, известно имя обувщицы Марии Александровны. Ее звали мадам Брюно. Когда великая княгиня забеременела и ноги стали сильно отекать, мадам сшила для нее специальную обувь: «Брюно (башмачница) умудрилась сделать ей калоши из перчаточной кожи на очень легкой и мягкой подкладке; конечно, гуляя в дождь и по топким дорожкам, не окорачивая платья и юбок, великая княгиня возвращалась с прогулки в таком виде, что надо было не только переодеться, но снятые платья и юбки (она носила белые шелковые юбки) оказывались негодными для дальнейшего употребления; калоши размокали и представляли нечто мягкое и неуловимо скользкое, а красная подкладка окрашивала и ботинки и чулки; всю эту обувь едва можно было стянуть с ног. Вследствие всего этого, ботинки и калоши заказывались дюжинами; калоши служили только на одну прогулку»[19].

Реклама фирмы «Александр», производившей зонты и веера, которыми пользовались императрица Мария Александровна и многие другие представители семьи Романовых.
Гравюра. Конец XIX в.
Архив О.А.Хорошиловой

17 Там же. С 401.
18 Там же. С. 402.
19 Яковлева А. И. Воспоминания бывшей камер-юнгферы императрицы Марии Александровны / Исторический вестник, 1888, Т. 33, I-III. – С.409.

Цесаревич Николай Александрович, Никс,
в парадной форме генерал-майора лейб-гвардии Атаманского казачьего полка.
Гравюра 1-й половины 1860-х гг.
Частная коллекция

На стр. 29

Цесаревич Александр Александрович
в сюртуке с погонами и аксельбантом генерал-майора Свиты, полученными в 1865 году.
Ателье «Левицкий», Санкт-Петербург. 1865-1868 гг.
Коллекция Дж. Кеннана, Библиотека Конгресса (США)

Мария Александровна любила кольца и, подобно саксонским красавицам Кранаха Старшего, могла носить сразу несколько на одном пальце. Амалия Яковлева знала их все наперечет: «На правой руке, на четвертом пальце, великая княгиня носила множество колец; это были воспоминания ее детства, юности, тут были кольца ее матери; все не дорогие и не имевшие даже особенного наружного достоинства. На левой руке она носила очень толстое обручальное кольцо и другое, такое же толстое, с узорною чеканкою, поперечник такой же толщины был прикреплен большим рубином. Это – фамильное кольцо, подаренное государем всем членам царской семьи»[20].

Эти острые украшения нередко становились причиной того, что императрица приходила из театра в совершенно разодранных перчатках. Она обычно так пылко аплодировала актерам, что тонкая лайка не выдерживала трения колец и рвалась.

Особенно страстно Мария Александровна рукоплескала актерам французской комедии, которые порой влияли на ее внешность и костюмы. К примеру, увидев однажды мадам Аллан, известную актрису, в платье, перехваченном лентой вместо привычного кушака, она захотела достать такую же и приказала камер-фрау во что бы то ни стало сыскать ее в магазинах. «Через несколько дней, – рассказывает Яковлева, – камер-фрау приносит ленту длиной около 4 аршин, совершенно такую, как описала великая княгиня, и говорит, что более таких лент нет, все раскуплено. Великая княгиня удовлетворилась и приказала сделать кушак с длинными концами, и надевала его на белые платья. А нам камер-фрау призналась, что ездила к госпоже Аллан и упросила ее уступить эту ленту великой княгине»[21].

У императрицы было множество дивной красоты ювелирных украшений, но она надевала их крайне редко. А позже и вовсе отказалась от них, принимая от супруга подарки деньгами. Она была по-немецки расчетлива и даже могла жертвовать благополучием, если того требовали обстоятельства. К примеру, во время Крымской войны не шила новых платьев и большие средства передавала в пользу раненых, вдов и сирот. Деньги, полученные у супруга вместо драгоценностей, ей тогда очень пригодились.

Несмотря на то что Мария Александровна владела истинными произведениями ювелирного искусства, самыми ценными она считала черные четки, привезенные из Серафимовского Дивеевского женского монастыря. Она практически не расставалась с ними после скоропостижной кончины сына Николая, которого горячо любила. Эта неожиданная смерть повлияла на гамму ее нарядов. Отныне императрица носила платья и костюмы приглушенных тонов – маренго, темно-шоколадного,

[20] Там же. С. 403

[21] Там же. С. 411, 412.

Великий князь Павел Александрович
в форме лейб-гвардии Гродненского гусарского полка, шефом которого он был.
Ателье «Bergamasco», Санкт-Петербург. 2-я пол. 1860-х гг.
Коллекция Дж. Кеннана, Библиотека Конгресса (США), LC-USZ62-128134

Великие князья Алексей и Владимир Александровичи.
Литография. 1868 г.
Российская национальная библиотека

бордового, темно-синего, бутылочного и даже испанского черного. Разрыв с мужем только укрепил Марию Александровну в верности тусклым оттенкам преждевременно наступившей старости.

У монаршей четы было семеро детей – Николай, Александр, Владимир, Алексей, Сергей, Павел и Мария. Дочь Александра умерла в восемь лет. Их жизнь и костюмы полностью соответствовали придворным правилам. Сразу после рождения великие князья назначались шефами частей и зачислялись в несколько полков. К примеру, великий князь Александр Александрович 26 февраля 1845 года стал шефом Астраханского Кабардинского полка и зачислен в три гвардейских – Преображенский, Павловский и Гусарский. В семь лет мальчишки получали первый офицерский чин и соответствующую форму. Однако до этого по особому распоряжению августейшего отца они могли носить обмундирование нижних чинов тех частей, в которых состояли. К примеру, в 1851 году Александр Александрович впервые надел форму рядового лейб-гвардии Павловского полка и послушно стоял в ней на часах перед открывшимся памятником Павлу I в Гатчине.

До семи лет мальчишки носили то же, что их сверстники-аристократы, – блузы с батистовыми воротничками, кители, пиджачки, шаровары, штанишки-кникербокеры, мягкие ботиночки. Однако чаще великих князей одевали соответственно вкусам эпохи – в русские костюмчики, состоявшие из красных шелковых рубашечек, подхваченных кушаками, бархатных поддевок в ямщицком стиле, широких темно-синих шаровар, заправленных в мягкие сапожки с модным «развалом». В таких нарядах великие князья не только участвовали в семейных торжествах и позировали именитым петербургским фотографам, но и представали перед иностранными правителями, чем, конечно, способствовали распространению русского стиля в Европе. К примеру, когда Наполеон III посещал чету Романовых в Ницце, к нему подвели великого князя Сергея Александровича, одетого в красную шелковую рубашку и шаровары. Костюм произвел на императора Франции большое впечатление. Неудивительно, что уже в 1860-е годы парижские журналы моды рекламировали детские наряды a'la russe и a'la muzhik.

На стр. 30

Великий князь Владимир Александрович
в форме офицера лейб-гвардии Стрелкового батальона Императорской Фамилии образца 1857 года. Сабля на поясной портупее введена в 1865 году. Тем самым фотографию можно датировать 1865-1867 годами.
Ателье «Левицкий», Санкт-Петербург.
Архив О.А. Хорошиловой

Великий князь Сергей Александрович в парадном мундире лейб-гвардии Преображенского полка, командиром которого он стал в 1887 г.
Ателье «Bergamasco», Санкт-Петербург. 1887 г.
Частная коллекция (Париж)

Великая княжна Мария Александровна в элегантном визитном платье.
Неизвестное ателье. Конец 1870-х – начало 1880-х гг.
Частная коллекция

Великие князья обожали и эффектные кавказские костюмы, а также обмундирование Собственного Его Императорского Величества конвоя, в котором мальчишек запечатлел Сергей Левицкий.

В семь лет они получали не только первые офицерские мундиры, но и эдакую домашнюю военную одежду – форму воспитанников Александровского кадетского корпуса для малолетних. Она состояла из темно-серых панталон и короткой черной однобортной курточки с красной выпушкой, девятью позолоченными пуговицами (куртку застегивали только на одну верхнюю), с узкими погончиками и широким белым отложным воротником, обшитым оборкой. Такую еще в 1830-е годы носило старшее поколение великих князей – братья императора Александра II. В этой форме мальчишки зубрили сложные дисциплины под руководством офицеров-преподавателей и чувствовали себя действительно кадетами.

Чем ближе к совершеннолетию, тем чаще и дольше великие князья носили форму полков, над которыми шефствовали или в которых состояли. Практически на всех русских фотографиях они позируют в ладных александровских мундирах, при эполетах и орденской мишуре.

Великая княжна Мария Александровна одевалась так, как предписывали придворные традиции, этикет и французская мода, – платьица светлых оттенков, сначала очень короткие, затем более длинные, батистовые воротнички, кушачки, ленты. Она послушно привыкала к корсетам и носила смешные платья на кринолинах. Во время Больших выходов и других торжеств Мария Александровна надевала «придворный доспех» – русское платье, расшитое серебром, и головной убор в форме повязки. В восемнадцать лет примерила военную форму – мундир, рейтузы и шапку 14-го уланского Ямбургского полка, шефом которого она стала.

Костюмы Александра III

Он был просто великий князь. Цесаревичем был его старший брат Николай, Никс, красавец, «тонняга», щеголь. Никса готовили стать императором, много учили, муштровали, посвящали в тайны политики и дипломатии, объясняли тонкости сложных взаимоотношений с европейскими правителями. Из него, верно, получился бы неплохой император, если бы не болезнь, туберкулез костей. В 1865 году Никс скоропостижно скончался, и цесаревичем объявили Александра. Все были немного смущены: семья – потому что считала его вторым во всем, политики – потому что не видели в нем правителя, сам Александр – потому что не стремился им быть. Но он стал не российским императором, а русским царем, грузным, картинно спокойным и жестоко карающим.

Он был мужиковатым увальнем – крепко сбитым, тяжелым, кряжистым, немногословным, человеком-горой. «Настоящий мясник, силен и мускулист чрезмерно. – сообщал Эмиль Диллон. – В молодости он сгибал подковы и высаживал плечом двери. Фигура его громадна и неповоротлива, движения неловки, что обуславливается отчасти его болезненной застенчивостью. Его манеры не поддались никакой выправке, и он совершенно лишен той непринужденности в обращении, которая является отличительной чертой светского человека. Держит он себя холодно, говорит отрывисто»[22]. Безжалостно точный портрет будущего императора.

В 1865 году ему было двадцать лет, и он практически все время носил военную форму. Сразу после кончины старшего брата его назначили атаманом всех казачьих войск, шефом лейб-гвардии Атаманского казачьего и 3-го уланского Смоленского полков. В этом же году после спешной присяги Александра зачислили в добрую дюжину гвардейских частей. В августе столь же спешно произвели в генерал-майоры и записали в Свиту. Весной 1868-го – в генерал-адъютанты, а осенью – в генерал-лейтенанты, в 1874-м – в генералы от инфантерии и генералы от кавалерии. Стремительная и блистательная военная карьера, столь характерная для Романовых.

Император Александр III в коронационном облачении.
Литография В. П. Верещагина. 1890 г.
Архив О.А.Хорошиловой

Александр почти ничего не понимал в гвардейской «тонности», следовать неуставным правилам щегольства считал глупым. Ему были скучны облые кирасы, литые каски, жирные эполеты и звонкое шитье. Элегантная конвойская форма, в которой его отец был неотразим, ему не шла – медвежья фигура не умещалась в затянутую черкеску, газырницы расходились диагонально. Было тесно, неловко как-то.

Цесаревич любил спокойный комфорт, расшитым приталенным мундирам предпочитал удобные военные сюртуки и носил их непременно расстегнутыми – были видны подкладка, сорочка, галстук и белый жилет. В таком виде он фотографировался в лучших ателье, прини-

[22] Диллон Э. Александр III / Александр III. Воспоминания, дневники, письма. – СПб.: Издательство «Пушкинского фонда», 2001. – С. 262.

Цесаревич Александр Александрович в сюртуке с генерал-адъютантскими отличиями –аксельбантом и погонами с вензелями. На шее – знак ордена Св. Георгия II степени, полученный им в 1877 году. Любопытно, что на этой фотографии будущий император позирует с бакенбардами. Ателье «Везенберг и К°», Санкт-Петербург. 1878–1881 гг. *Архив О.А.Хорошиловой*

мал доклады, работал, гулял с супругой Марией и дул изо всех богатырских сил в геликон во время концертов большого медного оркестра, который сам основал. Правда, иногда во время вечерних репетиций он избавлялся от сюртука, нисколько не смущаясь посторонних. Александр Берс, музыкант оркестра, отмечал: «Великий князь заказал себе инструмент особенно больших размеров, потому что в геликоны обыкновенных размеров ему было трудно влезать. Этот инструмент своей тяжестью настолько сильно давил на левый погон сюртука, что цесаревич перед игрой обыкновенно снимал сюртук и заменял его пиджаком, который оставался тут же <...>. Весьма часто приезжал нас послушать государь император Александр Николаевич. В эти вечера мы были по обыкновению в сюртуках с погонами; но цесаревич к приезду его величества надевал тоже сюртук, который тот час же по отъезде государя снова заменялся тужуркой – любимым одеянием его высочества»[23].

Покушение 1 марта 1881 года оборвало жизнь императора Александра II. Цесаревич стал новым правителем России. Однако объявлять дату коронации не спешил, терпеливо ждал, пока «успокоится чувство, возмущенное страшным злодеянием». И вот по прошествии двух лет, когда чувство успокоилось, а пауза слишком затянулась, назначили наконец дату торжеств. Началась спешная подготовка.

Александр III, как его отец и дед, выбрал для коронования общегенеральский тип мундира, который армия надела в 1881 году. Тем самым во время предстоящего события состоялось как бы официальное парадное представление новой формы. Мундир был построен в петербургской мастерской портного Его Величества Ф. Раузера. Темно-зеленый, с алыми обшлагами и воротником, золотным шитьем и блестками, он запахивался на правую сторону и застегивался на крючки. В центре лифа едва был заметен вертикальный разрез – для миропомазания. Эту портновскую хитрость применит Карл Норденштрем, когда будет работать над коронационным мундиром для Николая II. Но вместо разреза он придумает небольшой квадратный клапан с застежкой. К мундиру сшили такого же цвета суконные шаровары, которые император Александр III заправил в удобные сапоги со многими складками, как было принято в армии. Обряд коронации 15 мая 1883 года начался по традиции в Успенском соборе Кремля. На императора и императрицу возложили тяжелые золотые парчовые горностаевые мантии. И кажется, они ничем не отличались от родительских. Однако разница была. Барон Бернгардт Кене, увлеченный нумизмат и тонкий знаток геральдики, убедил императора изменить узор. Вместо мелких, практически невидных на далеком расстоянии гербов он

[23] Берс А. А. Воспоминания об Александре III / Александр III. Воспоминания, дневники, письма. – СПб.: Издательство «Пушкинского фонда», 2001. – С. 87.

Александр III в любимом сюртуке с погонами. Отмечу привычку императора придерживать один из наконечников аксельбанта.
Фототипия начала 1900-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

предложил нашить по одному, но большему по размеру. И даже рисунок представил, исполненный художником Леманом. Проект Кене царь утвердил.

Важную, если не самую главную роль в процессе коронования играли драгоценности. Большую императорскую корону Александр III принял из рук митрополитов, скипетр – от генерал-адъютанта Баранова, державу – от графа Валуева. Затем уверенно и спокойно он возложил на голову супруги Малую императорскую корону, созданную в 1856 году для Марии Александровны. Несмотря на то что в 1883 году использовали все те драгоценности, которые участвовали в коронации Александра II, кое-что все-таки обновили, почистили и поменяли. К примеру, ловкие мастера осторожно подогнали Большую и Малую императорские короны под размер головы монарха и его супруги. Обошлось это казне в 1200 рублей. Во всех своих действиях мастера строго отчитывались перед Министерством императорского двора, в результате был составлен пухлый «Отчет о расходах по коронации» с длиннохвостыми цифрами впечатляющих имперских трат[24].

Пожалуй, это был первый и последний тяжелый, неудобный и глупо величественный наряд, в который облачился Александр III. Сразу после завершения утомительных празднеств он вновь надел сорочку, жилет, шаровары и любимую серую двубортную тужурку. В таком виде отдыхал, работал и правил страной.

Гардероб царя был не по-царски скромен – множество тужурок и сюртуков, шаровар, брюк и жилетов. Он явно пошел не в отца-фрунтомана. Мундиры не коллекционировал, часто их не шил, занашивая форму до дыр, до горьких укоров супруги-модницы. Однако все, что надевал Александр III, скроено было гениально и сидело великолепно. «Трудно ему было угодить по части мундиров, – вспоминал Сергей Дмитриевич Шереметев. – Он всегда возился с портными и спорил с ними, рассматривал их счеты. Но гардероб его сравнительно был очень немногосложен. У него были только необходимые мундиры и сюртуки и терпеть не мог мундирных коллекций, которыми наслаждался император Александр II. Носил он преимущественно все то же и занашивал платье, дома ходил в тужурке»[25].

Сергей Юльевич Витте также подметил скупость императора: «Он терпеть не мог излишней роскоши – жил с замечательной скромностью... Когда мне приходилось сопровождать поезд императора Александра III, то, конечно, я ни днем, ни ночью не спал; и постоянно мне приходилось видеть, что когда все уже лягут спать, то камердинер императора Александра III Котов постоянно штопал его штаны, потому что они у него рвались. Как-то раз, проходя мимо камердинера (который до настоящего времени жив и теперь состоит камердинером у императора Николая II) и видя, что он все штопает штаны, говорю ему: “Скажите, пожалуйста, что вы все штопаете штаны? Неужели вы не можете взять с собою несколько пар панталон, чтобы в случае, если окажется в штанах дырка, дать государю новые штаны?” А он говорит: “Попробуйте-ка дать, как раз он и наденет. Если он наденет какие-нибудь штаны или сюртук, то кончено: пока весь по всем швам не разорвется, он ни за что не скинет. Это для него самая большая неприятность, если заставить его надеть что-нибудь новое. Точно так же и сапоги: подайте, – говорит, – ему лакированные сапоги – так он вам эти сапоги за окно выбросит”»[26].

За границей император чаще всего ходил в цивильных костюмах и не без удовольствия позировал в них британским и европейским фотографам. Он любил удобные прогулочные комплекты – пиджачные или визиточные. На многих фотографиях царь

24 Отчет о расходах по коронации, 1883 г. РГИА. Ф. 482. Оп. 10. Д. 77.

25 Шереметев Д. С., граф / Александр III. Воспоминания, дневники, письма. – СПб.: Издательство «Пушкинского фонда», 2001. – С. 330.

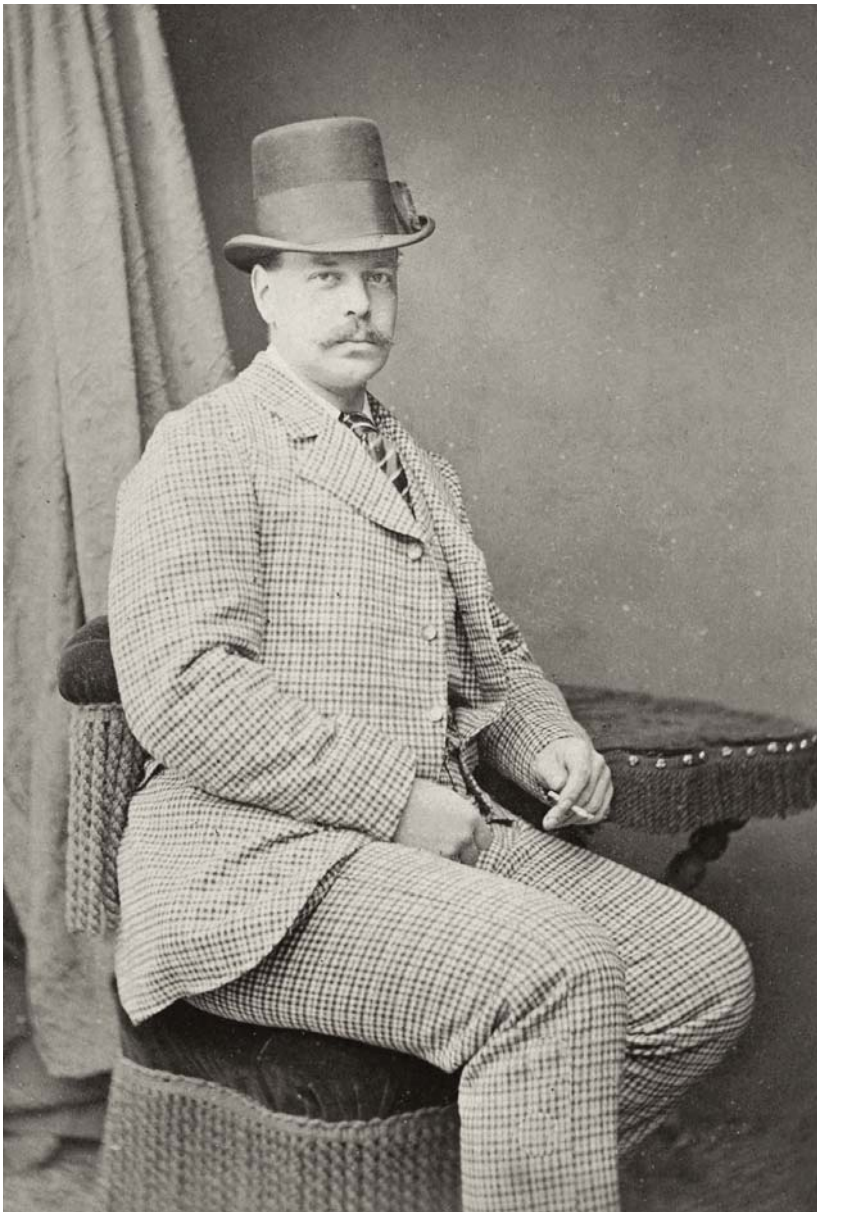
26 Витте С. Ю. Воспоминания. – М.: Мысль, 1991. – С. 126.

запечатлен в клетчатых весьма популярных тогда во Франции тройках – жилете, брюках и вестоне. Фетровые цилиндры и котелки отлично дополняли его городские костюмы и превосходно сидели на большой императорской голове. Александр Александрович совсем не мучился с завязываньем галстуков и умел их носить. В его гардеробе были и официальные пластроны, и бабочки, и веселые полосатые регаты, и необходимые галстучные булавки и зажимы. Дома царь ходил запросто, если не в тужурке, то в рубахе. «После обеда царь пьет чай в частных апартаментах царицы, куда неизменно является в бумажной блузе, подпоясанной кожаным ремнем», – отмечал современник. По утрам некоторые придворные видели Александра III на балконе, пьющим чай в халате.

Император обожал охоту, рыскал за зверем с азартом, стрелял без промаха. «В душе охотник и хороший стрелок», – говорил про него Сергей Шереметев. За дичью отправлялся в специальном сером костюме из плотной английской шерсти. Его главным элементом была куртка-норфолк с отложным воротником, двумя пухлыми накладными карманами, защипами на спинке и хлястиком. С ней император надевал суконные шаровары и заправлял их в сапоги. На голову нахлобучивал мерлушковую круглую шапку сродни тем, которые тогда носила русская армия. Иногда, впрочем, он останавливал свой выбор на мягкой фетровой тирольской шляпе.

Кажется, сапоги император носил и на охоте, и на параде, и дома. При этом любил мягкие, с развалом и многими складками. Они даже стали предметом придворных острот и анекдотов. К примеру, ходила история о том, что царь вместе со своим приятелем Петром Черевиным, шутником и забавником, заказал специальные сапоги «с такими особыми голенищами, чтобы входила в них плоская фляжка коньяку, вместимостью с бутылку». И этими остроносыми сапогами водили за нос Марию Федоровну, которая якобы ничего об их тайниках не ведала. Правда, иногда Александр Александрович делал приятное супруге и переобувался в мягкие красные туфли, вышитые белыми крестиками. Царю их подарила дочь Ольга.

В отличие от своего отца, он не любил россыпи драгоценных аксессуаров. Хранил в шкатулке только необходимые по этикету – галстучные булавки, запонки и прочие мелочи. Никаких колец, кроме обручального, не носил, но и оно, как отмечал Шереметев, растрескалось от старости.



Цесаревич Александр Александрович в модном клетчатом костюме французского кроя. Ателье «Russell&Sons», Лондон. 1870-е гг. Flickr.com

Юная Мария София Фредерика Дагмар в нарядном туалете – шелковой блузе, зуаве и юбке со множеством воланов.
2-я половина 1850-х гг.

Костюмы Марии Федоровны и детей

Когда она стояла под руку с императором, она казалась крохотной и хрупкой. Александр III нежно называл ее «моя Минни», баловал и прощал баснословные счета, регулярно поступавшие от королей моды, Ворта и Редферна. Минни любила красивые вещи, эффектные платья, блесткие драгоценности. И вероятно, увлеклась ими, приехав в Россию. Ведь в Дании при дворе короля-скряги Кристиана IX жили по-лютерански скромно, показную роскошь осуждали. Детей воспитывали в строгости и одевали их в то, что носили старшие или что шили придворные портные, обходившиеся династии не слишком дорого. Но Дагмар обожала рассматривать парижские журналы мод, изучала раскрашенные гравюры, на которых акварельные полногрудые дамы с неестественно тонкими талиями кружились в платьях на широких кринолинах и некая «Домино» или «Фиалка» настоятельно рекомендовала заказывать такие наряды непременно у Ворта. «У Ворта! Это нам не по карману», – ворчала мать, и дочь вежливо соглашалась. В их семье с родителями не спорили.

И вот Дагмар наконец стала невестой русского цесаревича Александра. Она думала, что вырвалась на свободу. Но свобода оказалась мнимой. Юная принцесса почувствовала это, как только ступила на русскую землю. Здесь на нее посмотрели с укором. Почему? Потому что на августейшей невесте было мышиное прогулочное платье со скромным кринолином и предусмотрительным подбором сзади, чтобы не запачкать низ юбки. Когда она вышла из экипажа, прибыв в Царское Село, ей пришлось прилюдно надевать аккуратную розовую шляпку, и тысячи беспардонно наблюдавших зевак смутили ее до крайности. Впрочем, она быстро к ним привыкла. Такова уж царская доля.

В тот же день невеста участвовала в торжественном ужине в Александровском дворце. По этому случаю она надела платье, которое ей подарила императрица Мария Александровна. Это был лишь один из множества подарков, полученных Марией Федоровной (такое имя она получила во время миропомазания). Ее приданое, сформированное тогда же, в 1866 году, включало в себя множество дорогих и драгоценных вещей – парча, меха, кружева, золотые нити, чемоданы, сумки и кофры, постельные принадлежности и несколько комплектов складных дорожных кроватей, кожаные изделия, матрасы, обивка, мебель, нижнее белье, блузы, сорочки. В приданое вошло несчетное количество обуви, к которой маленькая Дагмар испытывала слабость. В реестре упомянуты, к примеру, «башмаки белые атласные с обтянутым каблуком Луи XV», «сапожки разного цвета шелковые с обтянутыми каблуками Луи XV», «башмаки бронзовой кожи с обтянутыми каблуками Луи XV». Все это от русских и европейских производителей.

Часть платьев для высоконареченной невесты выполнил портной Чарльз Фредерик Ворт, и они обошлись весьма дорого. Но Ворт был вполне по карману русскому двору и стал любимым закройщиком Марии Федоровны. Он поставлял ей наряды целых тридцать лет.

В приданое включили и роскошный придворный комплект для будущих Больших выходов, выполненный русскими мастерами и золотошвейками. Он состоял из трех нарядов – белого муарового сарафана и шлейфа, густо покрытых вышивками, стоимостью 2300 рублей, расшитых золотом сарафана и шлейфа из синего бархата стоимостью 450 рублей и еще одного дополнительного бархатного шлейфа бутылочного оттенка, расшитого золотом. За него отдали 500 рублей. В длинном списке счетов «по изготовлению приданого для Ее Императорского Высочества» указаны даже «халат невесты и туфли из глазета», предназначавшиеся для первой брачной ночи. Была такая старая и, как все старое, нелепая традиция встречать жениха в спальне в этаком русско-персидском сказочном наряде. Аналогичный ритуальный костюм должен был надеть и жених. Великий князь Александр Михайлович вспоминал: «В конце зала стоял стол, покрытый приданым жениха... Особое мое внимание обратил на себя ночной халат и туфли из серебряной парчи. Меня удивила тяжесть халата. “Этот халат весит шестнадцать фунтов”, – объяснил мне церемониймейстер. “Шестнадцать фунтов? Кто же его наденет?” Мое невежество смутило его. Церемониймейстер объяснил мне, что этот халат и туфли по традиции должен надеть новобрачный пред тем, как войти в день венчания в спальню своей молодой жены. Этот забавный обычай фигурировал в перечне правил церемониала нашего венчания наряду с еще более нелепым запрещением жениху видеть невесту накануне свадьбы. Мне не оставалось ничего другого, как вздыхать и подчиняться»[27].

Дагмар в бальном платье с глубоким декольте.
Ателье «M. Fajans», Варшава. 1-я пол. 1860-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Подчинилась и миниатюрная Минни – сложно даже представить, как выдержала она такие массы парчи и серебра, за которые императорский двор уплатил 55 рублей. Впрочем, ее венчальный наряд был еще тяжелее – серебряный сарафан с мантией малинового бархата, подбитой горностаем, и малой бриллиантовой короной.

15 мая 1883 года в Москве состоялась коронация Александра III. Торжественное облачение Марии Федоровны готовили в полном

[27] Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний. – М.: Современник, 1991. – С. 109.

Дагмар в бальном платье с декольте.
Неизвестное ателье, Дания (?). Середина 1860-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

соответствии со старинными правилами коронования. Неподъемное жесткое платье строили всем миром. В московской фирме братьев Сапожниковых, известных на всю Россию и Европу своими сказочными текстилями, заказали тяжелую серебряную парчу. Однако расшивали ее в петербургской золотошвейной мастерской «А. Ломан», хозяин которой Федор Мартини предложил собственный проект орнаментов, который и был утвержден императрицей. Парчу готовили целый год, и стоили эти работы 4 тысячи рублей. Кроили и «собирали» платье тоже в столице, в мастерской «Izambard Chanceau». Помимо парчового сарафана, Малой императорской короны и горностаевой мантии, в коронационном комплекте Марии Федоровны было множество небольших симпатичных вещиц – белые шелковые чулки с вышитыми инициалами императрицы и короной, белые лайковые перчатки и удивительно аккуратные миниатюрные туфельки из серебряного глазета на изящном фигурном каблучке и с кружевным бантом на подъеме.

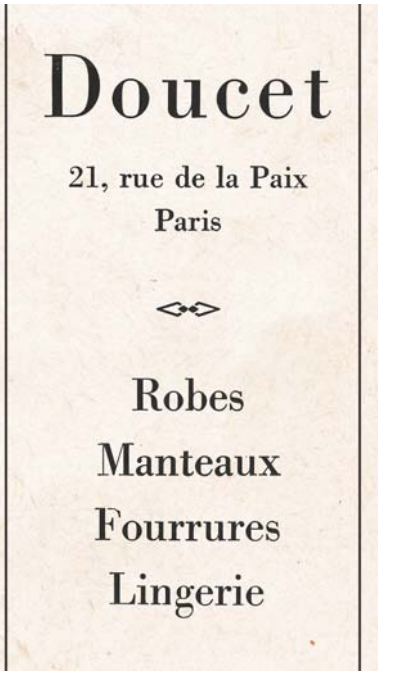
Платье и прочие вещи, приобретенные для коронования Марии Федоровны, обошлись в баснословные 175 тысяч рублей.

В торжественные дни и в обычной жизни императрица носила платья от своего любимого портного Чарльза Фредерика Ворта. Их сохранилось немало. Это и парадные бархатные декольтированные наряды с длинными шлейфами и оборками, легкие бальные туалеты, описание одного из которых оставила Мария Федоровна: «На мне было розовое платье, украшенное спереди серебряными и темными цветами, сзади был шлейф, а талия была украшена розовыми перьями».

Ворт создавал ей весьма популярные в 1880-е годы платья с переменными лифами – один для прогулок, другой – для визитов. В заказе от 1883 года, направленном на имя портного, упоминались следующие наряды: «Костюм цвета морской волны из лионского шелка с вышивкой из шелка-сырца, с двумя корсажами. Модельный костюм соломенного цвета с двумя корсажами. Платье помпадур, украшенное розой душистой, с двумя корсажами. Бальное платье белого атласа с серебряной вышивкой, декорированное нарциссами и розами. Порфира и сарафан розового бархата, вышитые тонким серебром. Вуаль из муслина. Комплект заколок для волос с полевыми цветами. Комплект заколок для волос с нарциссами и розами».

Парижский британец сочинял для русской датчанки и совсем простые, но хитрые в крое амазонки (Дагмар обожала верховую езду), аккуратные полупрозрачные пеньюары с рюшами и жабо, а также суконные тайеры, строгие прогулочные ансамбли на турнюрах,

Мария Федоровна с детьми Георгием, Ксенией и Николаем, будущим российским императором. Автором элегантного визитного платья цесаревны, скорее всего, является Чарльз Фредерик Ворт.
Ателье «Везенберг и К°», Санкт-Петербург.
Конец 1870-х гг.
Архив О.А. Хорошиловой



Реклама модного дома Redfern.
Справа виден российский двуглавый орел и подпись: «Поставщик Его Императорского Величества императрицы российской».
Литография, 1885 год.
Архив О.А.Хорошиловой

Реклама модного дома Doucet.
Литография. Начало 1900-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

которые так шли подтянутой Марии Федоровне. Вот их-то больше всего не любил царь и всегда находил повод, чтобы подтрунить над костюмами со странно выпяченной задней частью. Иногда его шутки выходили за рамки приличия. Александр Бенуа стал свидетелем одной из них: «Принцесса (Евгения Максимилиановна Ольденбургская. – *О.Х.*) почти всегда была одета в костюм-тайер, иногда темно-синего цвета, но чаще светло-серого или бежевого. Этому полумужскому наряду полагалось иметь сзади раскрывающиеся фалды. И вот мы все были свидетелями того, как Александр III, самодержец всероссийский, осторожно подкравшись сзади к принцессе, ни с того ни с сего раскрыл эти фалды и даже, манерно схватив кончиками пальцев, подержал их несколько секунд в таком положении. Спору нет, шутка эта была несколько дурного тона и какая-то чисто мальчишеская»[28].

Ворт обожал не только Марию Федоровну, но и ее старшую сестру Александру, которой служил верой и правдой долгие годы и которой посвятил одно из самых своих смелых и эротических творений – платье «Принцесса».

В списке европейских портных Марии Федоровны значились и другие, не менее известные имена – Редферн, Дусе, Нико, «Сестры Калло». Были и русские мастера, услугами которых императрица особенно часто стала пользоваться с 1890-х годов, – Ольга Бульбенкова, Надежда Ламанова, Август Бризак, А. Т. Иванова.

К середине 1890-х сформировался список лиц, которым присвоили официальное звание «Поставщик Императрицы Марии Федоровны». К 1917 году его носили 29 человек и фирм, не считая получивших его раньше 1895 года. Одного благоволения августейшей модницы было отнюдь не достаточно, чтобы войти в этот почетный список. Требовались целых восемь лет беспорочной службы на поприще постоянного поставщика. Среди них было немало представителей мира моды: портной Август Бризак (Малая Конюшенная ул., д. 8), дамские портные Павел Иванович Китаев (Фонтанка, д. 40) и Александр Михайлов (Караванная ул., д. 22), модистка Генриетта Зеест, владелица мастерской «Зеест и К°» (Невский пр., д. 10), торговец мехами Павел Иванович Лелянов (Невский пр., д. 3), перчаточник Жюль Гюйо, поставщик кружева и лент Николай Васильевич Базырин (7-я Рождественская ул., д. 22),

28 Бенуа А. Н. Мои воспоминания. – М.: Наука, 1990, I-III. – С. 694, 695.

брюссельский торговец чулками Ватриган, обувщики Генрих Вейс (Караванная ул., д. 8) и Анфим Лукич Малков (лавка в Гостином дворе № 38), сапожный мастер Иван Каменский (Варшава), парикмахер Анри Делькроа (Морская ул., д. 19) и парикмахерский салон «Гишар» (Караванная ул., д. 5).

Мария Федоровна была русской императрицей, и потому в ее гардеробе хранились не только цивильные наряды, но и форма. В 1868 году она стала шефом 11-го уланского Чугуевского полка, в 1880 году – лейб-гвардии Кирасирского и 2-го лейб-драгунского Псковского полков, 2 марта 1881 года – лейб-гвардии Кавалергардского полка, в 1892 году – шефом Гвардейского экипажа.

Особенно хороша императрица была в дивных искристо-белых мундирах и юбках лейб-гвардии Кирасирского и Кавалергардского полков. Эти формы соответствовали не только военным традициям, но и французским дамским модам, предполагавшим узкую высокую талию и турнюр. Были в коллекции императрицы и полковые сувениры, к примеру веер в память о карусели, устроенной кавалергардами в 1886 году. Вещица из алого атласа (цвет супервеста) была снабжена памятными аксессуарами – полковым знаком в форме мальтийского креста, серебряным кольцом-шпоркой и петлей в виде офицерского темляка.

Мария Федоровна участвовала не только в милых кавалерийских каруселях, но и в формальных, строгих и скучных январских балах. Описание одного из них привожу в приложении № 8. Однако больше всего хохотушка Мария Федоровна любила придворные маскарады. Вероятно, поэтому в правление Александра III их было так много. И они были такие яркие, звонкие, такие забавные. В 1888 году состоялся Зеленый (Изумрудный) бал. Все присутствовавшие мужчины дополнили форму или цивильные черные фраки зелеными розетками, лентами, аксессуарами. Дамы были в платьях разнообразных оттенков зеленого и в дивных изумрудных парюрах.

В следующем году тоже повеселились изрядно, хотя и в траурных нарядах. Незадолго до январского маскарада 1889 года скоропостижно скончался кронпринц Рудольф. Однако по настоянию Марии Федоровны мероприятие не отменили, а провели его в черных нарядах и танцевали до упада. Многие тогда сочли это выпадом в сторону Габсбургов. Но с ними у Романовых давно уже были натянутые отношения, и русский двор ничем не рисковал.

Самый пышный и громкий маскарад прошел в особняке великого князя Владимира Александровича 25 января 1883 года. Его темой стала русская история и былины. Большинство гостей предпочли роскошную, златопарчовую эпоху «тишайшего» Алексея Михайловича и время первых Романовых. Александр Александрович Половцов отмечал: «Бал у вел. кн. Владимира Александровича преимущественно в костюмах по преимуществу русских XVI столетия. Праздник удается в высшей степени, обилие и разнообразие ярких цветов оживляет залу в противоположность скучному фраку. На императрице верный исторический костюм царицы, нарисованный князем Григорием Гагариным. Богатство материи и камней чрезвычайное. Жена моя в русском костюме XI столетия, дочь в татарском уборе, а я в костюме, изображенном на известной гравюре, изображающей портрет стольника Потемкина, ездившего послом в Англию. Особенно выдаются костюмы Васильчикова, директора Эрмитажа, и двух его дочерей, Балашевой, Шереметевой, гр. Воронцовой, старухи кн. Кочубей, Всеволожской (Е. Д.). Все великие князья разодеты в богатейшие костюмы и уборы, вообще мужчины одеты с большею, чем дамы, историческою верностью»[29].

Подробное описание события привожу в приложении № 9.

Мария Федоровна, хоть и обожала танцы, маскарады и веселье, была примерной женой и любящей матерью пятерых детей – Николая, Георгия, Михаила, Ксении и Ольги. Сын Александр умер во младенчестве. Как только она забеременела первенцем, императрица Мария Александровна на правах высокосиятельной

29 Половцов А. А. Дневник государственного секретаря А.А. Половцова в двух томах. *Т. I.* 1883–1886 гг. – С. 38.

бабушки стала заботиться о приданом, приготовления которого описала наблюдательная камер-юнгфера Яковлева:

«Приданое стоило больших денег и состояло из такого множества вещей и белья, что ребенок не мог употребить всего, тем менее сносить. Когда же вторично надо было готовить приданое (для великого князя Александра Александровича. – *О. Х.*), императрица снова обратилась с этим поручением к камер-фрау (Каролине Винклер. – *О. Х.*); последняя напомнила о том, что множество вещей осталось нетронутыми от первого приданого, и осмелилась предложить некоторую благоразумную экономию: добавить недостающее, а вместо остального получить деньги. Цесаревна была довольна этой мыслью, и как она, так и императрица, выразили милостиво на то свое согласие. Так как по обычаю за приготовленное приданое камер-фрау получала подарки, то императрица спросила Винклер: "Зачем вы отказались готовить приданое? Ведь вы получаете же за это что-нибудь от магазинов?" Винклер обиделась и с чувством собственного достоинства просила императрицу не иметь такого о ней мнения. "Я никому не дозволяла поднести мне что бы то ни было; прошу Ваше Величество верить моим словам". Достойная Каролина Егоровна Винклер была бескорыстна для себя и доброжелательна для других»[30].

Дети Александра III тоже подчинялись целому ряду костюмных правил. До семи лет носили цивильную одежду – русские шелковые и ситцевые рубашки с шароварами, белые сорочки и бархатные кюлоты, а также матросские костюмы. Дочек одевали в милые батистовые, муслиновые и фланелевые платьица с бертами и кружевными воланами. Существовала и особая одежда для торжеств, введенная еще императором Николаем I, – белое батистовое или шелковое платьице с воротничком-бертой и рукавчиками-воланами в духе позднего романтизма. Его носили императорские дети примерно до трех лет.

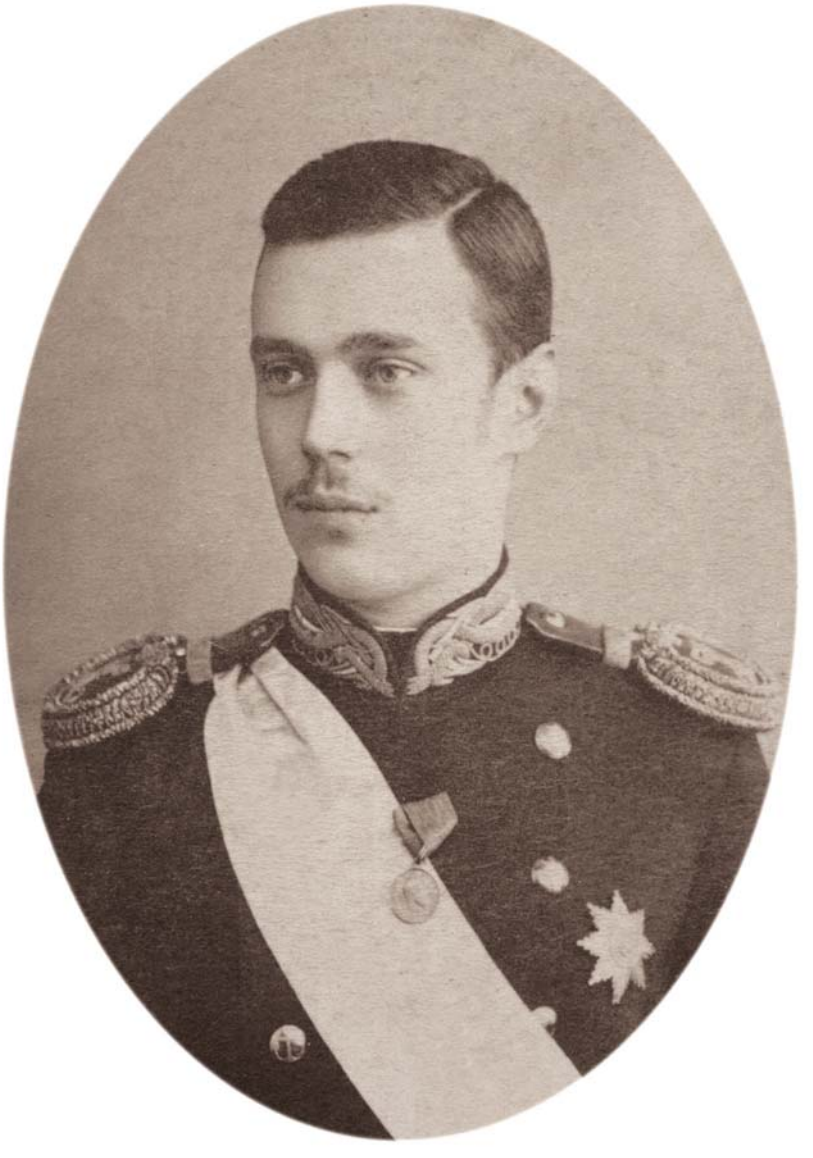
30 Яковлева А. И. Воспоминания бывшей камер-юнгферы императрицы Марии Александровны/ Исторический вестник, 1888, Т. 33, кн. I-III. – С. 597, 598.

Великий князь Николай Александрович в мундире офицера лейб-гвардии Атаманского полка. Фототипия. 1880 г. *Архив О.А.Хорошиловой*

Наконец, в семь лет великие князья могли надеть полковую форму. Николай Александрович получил от своего деда, императора Александр II, дивные мундиры тех полков, в которые с рождения был зачислен: лейб-гвардии Семеновского, Измайловского, Егерского, Кавалергардского. Среди самых любимых был элегантный темно-зеленый мундир лейб-гвардии Преображенского полка, украшенный шитьем по воротнику и клапанам рукавов, красным лацканом и традиционной белой выпушкой. На свое семилетие великий князь получил и парадную форму 65-го пехотного Московского полка, шефом которого он состоял со дня рождения. Она была скромнее гвардейской, но юнец был от нее в полном восторге. Братья Николая сразу после рождения тоже назначались шефами воинских частей: Георгий стал шефом 93-го пехотного Иркутского полка, Михаил – 129-го пехотного Бессарабского полка, в девятнадцать лет Ксения стала шефом 15-го гусарского Украинского полка, а Ольга – шефом 12-го гусарского Ахтырского полка, связь с которым она сохранила в эмиграции.

На стр. 44

Великие князья Георгий и Николай, дети цесаревича Александра Александровича. Ателье «Везенберг и Ко», Санкт-Петербург. Конец 1870-х гг. *Архив О.А.Хорошиловой*



Великий князь Георгий Александрович
в парадном мундире мичмана 1-го Флотского генерал-адмирала великого князя Константина Николаевича экипажа.
Ателье «Везенберг и К°»,
Санкт-Петербург. 1889 год или чуть позже.
Частная коллекция (Париж)

Помимо парадных мундиров и платьев, автором большинства которых был Карл Норденштрем, в гардеробах великих князей и княжон хранились цивильные костюмы русских и европейских портных – Иванова, Альфреда, Лидваля, Бульбенковой, Ламановой, Ворта, Редферна, Дусе, сестер Калло... Некоторые из них создавали и сложные придворные и подвенечные платья. К примеру, для бракосочетания великой княжны Ксении Александровны и великого князя Александра Михайловича комплект парадных и свадебных нарядов был отшит в мастерской гениальной Ольги Бульбенковой (смотрите описание в приложении № 10). Она же стала автором фантастического коронационного платья императрицы Александры Федоровны, с которого началась новая страница в истории русской императорской моды.

На стр. 47

Великий князь Михаил Александрович
в парадном мундире лейб-гвардии Кирасирского Ее Величества полка.
Открытка издания Антибольшевистского комитета,
Париж. 1930-е гг.
Архив О.А. Хорошиловой

2

Россия в мундире

Форма русской армии
Форма военно-морского флота
Военные ателье и магазины
Кадеты, юнкера, гардемарины
Форменный костюм чиновников
Одеяния священнослужителей
Костюмы воспитанников средних
и высших гражданских
учебных заведений

Офицеры 1-й Гвардейской пехотной дивизии
в разнообразных видах форм, введенных в начале царствования императора Александра II.
В центре верхом – штаб-офицер лейб-гвардии Семеновского полка, император Александр II в форме лейб-гвардии Преображенского полка и штаб-офицер лейб-гвардии 1-й Артиллерийской бригады.
Раскрашенная гравюра по рисунку К. К. Пиратского.
Конец 1850-х гг.
Частная коллекция (Париж)

Эта странная любовь появилась в России давно, в начале XVIII века. А может и раньше – еще в киевское угрюмо-византийское время. Впрочем, не важно. Важна сила этой странной русской любви.

Она проникала всюду и всех покоряла – императоров и царедворцев, генералов и служителей культа, универсантов и гимназистов и румяных барышень. Ей посвящали себя без остатка, служили ей всею душою. Ее раскатисто критиковали сухари-«филозофы», художники посвящали меткие карикатуры, а заезжие педантичные иностранцы отмечали рост ее масштабов в своих аккуратных путевых ежедневниках. Эта странная любовь не оставила равнодушным никого. Ее имя – мундиромания.

Россия рождалась и умирала в мундире. Отцовские фуражки и дедовы треуголки участвовали в шумных играх мальчишек. Потом эти мальчишки сопели в постройке «смирно» на тумбе в ателье, а портной бесцеремонно шагал по ним линейкой, снимал мерки для первого настоящего мундира. Мальчишки шли в гимназисты и кадеты. За партами учились понимать форму, которую любили с младенчества. Кадеты смотрели в юнкера, юнкера – в офицеры, офицеры мечтали о генеральской серебряной старости. Гимназисту нравились чиновничья шпага и петлицы, а чиновнику – награды и мундиры первых разрядов. И даже те, чье происхождение было исконно безмундирным, получали от правителей кафтаны с чеканными пуговицами и шитьем, медали «за усердие» с хороший купеческий кулак. Не было в России ни одного без формы. Клошары государственных ночлежек, и те шаркали по жизни в штопаных солдатских шароварах и фуражках с расщепленным надвое козырьком.

А барышни? Они носили форменные платья с передниками, рукавчиками, пелеринками и восхищались мундирами, и звонкие их восторги были подобны золотым лаврам генеральских воротников. Чуткий современник расслышал учащенное сердцебиение дев: «Блестящий гвардейский полукафтан и золотое камер-юнкерское шитье сводят барышень с ума. В их глазах гений и слава ничто в сравнении с эполетом и золотым шитьем».

Отчего же в России было так много мундироманов? Оттого, что в ней любили подчинять и подчиняться.

Форма русской армии

18 февраля 1855 года в Зимнем дворце на солдатской стальной кровати тяжело умирал император Николай I. Призвав своего старшего сына, цесаревича Александра, собравшись духом и последними силами, монарх прохрипел признание: «Сдаю тебе мою команду. Но не в таком порядке, как желал». Это были последние его слова. Правдивые, но слишком мягкие.

Участник Крымской войны А. А. Александровский, обер-офицер 31-й Гжатской дружины Государственного Подвижного ополчения в форме образца 1855 года – красной холщовой рубахе, армяке из крестьянского серого сукна, красном кушаке и золотых эполетах с номером дружины. На серой суконной фуражке – кокарда и желтый латунный ополченский крест.
Дагеротип, Киев. Октябрь 1855 г.
Архив О.А.Хорошиловой

Даже в свои последние минуты император не понимал или отказывался понимать, на что он обрек свою империю. Его команда, его Россия, была тяжело, смертельно больна. Основательно промерзнув в николаевское студеное время, она воспаленно бредила революцией и нуждалась в серьезном лечении – оттепелью, реформами.

Февраль 1855 года. Французы и англичане уже под Севастополем, Восточная кампания почти проиграна. Военные поселения и крепостная система тянут страну в дремотное прошлое. Армия огромна, сонлива, неповоротлива, и туго скрепит от тучной старости завещанный Николаем I бюрократический аппарат.

Александр Николаевич стоически перенес смерть отца, но гибель России... Об этом нельзя было помыслить. Что делать? Срочно

Офицеры и нижние чины 2-й Легкой Гвардейской кавалерийской дивизии в формах образца 1855-1857 гг. Представлены следующие части: лейб-гвардии Драгунский, лейб-гвардии Уланский Его Величества, лейб-гвардии Гродненский гусарский и Лейб-Атаманский полки.
Раскрашенная гравюра по рисунку К. К. Пиратского. Конец 1850-х гг.
Частная коллекция (Париж)

Поручик Сергей Александрович Юренев в лацканном мундире 3-й Гвардейской и Гренадерской артиллерийской бригады.
Ателье «Н. Индутный», Санкт-Петербург. 1880 г.
Архив О.А. Хорошиловой

Лацканные мундиры эпохи Александра II будут возвращены русской армии в 1907 году по распоряжению Николая II. Император позирует в только что введенной форме лейб-гвардии Преображенского полка.
Фотооткрытка, издательство А. Л. Кононова. Конец 1900-х гг.
Архив О.А. Хорошиловой

нужны реформы. С чего начинает молодой император? С мягких перестановок и условных перемен. Воинскую часть, к примеру, решено «улучшить». Александр все еще боится раскатисто-разгонного слова «реформа». Сначала «улучшениями» занялся генерал Ридигер, а после – интеллигентный тихоня генерал Сухозанет, захлебнувшийся в канцелярском болоте.

Что еще делает новопровозглашенный император? Он сочиняет форму, играется с пуговичками и вензелями, жонглирует приятными французскими словами. Мундиротворчество – его любимое занятие. Не прошло и месяца после кончины Николая I, как изданы приказы, заменяющие одни красивые детали другими. Генерал-майорам свиты присвоены серебряные аксельбанты, избранным полкам – вензеля в бозе почившего монарха.

Затем настал черед обмундирования. Его начали менять в 1855 году и более не останавливались. Что учитывали? Пожелания нового императора, обладавшего отменным чувством формы (в обоих смыслах), политическую обстановку и расчетливую дружбу с правителями Европы. И почти не учитывали боевой опыт и беспощадные цифры интендантских смет, такие скучные, такие сухие.

В 1855-1856 годах рубль рухнул – страна проиграла войну, лишилась флота, союзников, потеряла господство на Черном море. И в это самое время элегантным росчерком августейшего пера был утвержден для армии двубортный полукафтан – дорогой, с широкой юбкой, шитьем, галунами и петлицами. Было четыре

Граф Борис Сергеевич Шереметев в вицмундире рядового вольно-определяющегося лейб-гвардии Кавалергардского полка, в котором служили некоторые другие представители этой семьи. Позирует, возможно, с сестрой Анной.
Ателье «А. Pasetti», Санкт-Петербург. Начало 1890-х гг.
Архив О.А. Хорошиловой.

Поручик одного из армейских драгунских полков в форме образца 1855 года.
Неизвестное ателье. Начало 1860-х гг.
Архив О.А. Хорошиловой

варианта. «Двубортный, имеющий по восьми пуговиц на каждом борте и скошенный воротник», носили генералы при общегенеральской форме, генерал-адъютанты и состоявшие в Свите Его Величества, лейб-гвардии Гарнизонный батальон и некоторые другие части. «Двубортный, имеющий по шести пуговиц большого размера на каждом борте», полагался армейским полкам. Гвардия облачилась в полукафтаны с лацканами и остроуглыми воротниками. Гвардейская кирасирская дивизия была безмерно счастлива, что ей сохранили искристо-белый цвет парадной формы, главным элементом которой стал полукафтан – однобортный, на крючках, обшитый галуном – любопытный и редкий пример влияния прусского стиля во время царствования французского. На балы в Зимний дворец кавалергарды и конногвардейцы являлись в праздничных алых полукафтанах, весьма эффектных.

Гвардейским казакам оставили меховые николаевские шапки, армейцы же получили папахи кавказского типа – с широкой меховой опушкой и суконным полукруглым верхом. Полукафтаны и чекмени стали свободнее по крою, с полами в семь вершков от талии, со скошенными воротниками у гвардейцев и скругленными – в казачьих войсках.

В 1855 году тесные николаевские панталоны переменили на либеральные александровские шаровары – более просторные, удобные, легко поддающиеся изменчивой военной моде. В постановлении их описывали так: «Вверху имеется пояс, шириною спереди

Князь Николай Васильевич Репнин,
ротмистр лейб-гвардии Кавалергардского полка в парадной форме образца 1855 года – в мундире и темно-синих чакчирах с красными лампасами и выпушкой.
На груди заметна серебряная перевязь для подсумка.
Ателье «Photographie de Franck», Париж, 1862 г.
Архив О.А. Хорошиловой

За пятьдесят лет форма Кавалергардского полка практически не изменилась.
Открытка «Т-во Голике и Вильборг». Начало 1900-х гг.
Архив О.А. Хорошиловой

Трубач лейб-гвардии Гродненского гусарского полка
в городской обыкновенной форме образца 1865 года. Тогда гвардейские гусары надели кепи с двуглавым орлом и белым султаном. Трубачи получили алые султаны.
Литография «Т-во Голике и Вильборг». *Архив О.А.Хорошиловой*

Дама с супругом, нижним чином лейб-гвардии Гусарского полка,
одетого в зимнюю темно-синюю венгерку, введенную в 1855 году, и такого же цвета чакчиры.
Неизвестное фотоателье, 1870-е гг. *Архив О.А.Хорошиловой*

На стр. 56

Штаб-офицер лейб-гвардии Гродненского гусарского полка
в парадной форме образца 1855 года.
Литография «Т-во Голике и Вильборг». *Архив О.А.Хорошиловой*

два, а сзади полтора вершка, к коему пришиваются шаровары небольшими складками. Спереди имеется прорезь в четыре вершка, а по бокам, на два вершка ниже пояса, карманы. Длина шаровар: спереди до подъема, а сзади – до каблука. Подмочи из черной кожи»[1]. Их шили из темно-зеленого и серо-синего сукна, а летние – из полотна.

[1] ПСЗРИ, Т. 30, 1855, № 29121.

Генерал-адъютант Эдуард Иванович Тотлебен в двубортном полукафтане и шароварах образца 1855 года. Снимок был сделан в апреле 1857 года, когда Тотлебен сопровождал великого князя Константина Николаевича во время официального визита в Париж. На генерале видна лента ордена Св. Станислава I степени, которую он получил летом 1856 года во время коронации Александра II.
Ателье «Mayer&Pierson», Париж.
Архив О.А. Хорошиловой

Генерал-адъютант, граф Петр Андреевич Клейнмихель, государственный деятель, главноуправляющий путями сообщения (с 1842 по 1855). Запечатлен в парадной форме генерал-адъютанта образца 1855 г.
Ателье «Г. Деньер», Санкт-Петербург, 1865 г. *Архив О.А. Хорошиловой*

Франты, которых в гвардии всегда хватало, отредактировали крой по законам военного шика. Кавалеристы, к примеру, обзавелись мешковатыми шароварами, необычайно широкими в верхней части и резко сужающимися к низу. Их переняли у французских щеголевато-небрежных офицеров. В начале 1860-х годов в моду вошли шаровары, расширявшиеся книзу, словно брюки английских матросов. В таких ходили фатоватые пехотные офицеры и даже воспитанники военных училищ, рискуя получить разнос от директора за злостное нарушение устава.

Генералы выделялись из серо-зеленой армейской массы крикливо-красными шароварами с золотыми лампасами. Это была прихоть Александра II, элегантный реверанс в сторону Наполеона III. Крым густо краснел от позора и несметного количества алых штанов французских солдат, окруживших Севастополь. Но император подкупил царя нежданной мягкостью и влажным дружелюбием. И алые шаровары русских генералов стали границей, определившей конец Восточной войны и начало дипломатической дружбы двух империй, весьма, однако, недолговечной.

Генерал от инфантерии князь Петр Дмитриевич Горчаков, участник покорения Кавказа и Крымской войны. Позирует в общегенеральской форме образца 1855 года. На полукафтане заметны лента и звезда ордена Св. Александра Невского.
Ателье «Disderi», Париж.
Конец 1850-х – начало 1860-х гг.
Архив О.А. Хорошиловой.

Генерал от инфантерии, генерал-адъютант, граф Владимир Федорович Адлерберг
в мундире генерал-адъютанта образца 1855 года. У шеи заметен портрет Николая I и Александра II, украшенный алмазами, полученный в 1859 году.
Ателье «Левицкий», Санкт-Петербург. Середина 1860-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Генерал от инфантерии граф Михаил Николаевич Муравьев,
участник Отечественной войны 1812 года, организатор подавления восстания в Польше в 1863 году. Позирует в вицмундире образца 1859–1861 годов с шестью пуговицами по борту и широким галуном на закругленном воротнике и обшлагах.
Ателье «Левицкий», Санкт-Петербург. Не позднее 1861 г.
Архив О.А.Хорошиловой

Этой странной дружбой можно объяснить и другое нововведение – кожаный сужавшийся кверху кивер 1855 года. Его почти дословно скопировали с французского, который в армии Наполеона III называли «шако». Он заменил совершенно негодные в бою кивера и нелепые пехотные каски. Одним из главных его достоинств был широкий козырек «в полтора вершка с выпуклым с боков кантом», который неплохо защищал от солнца в бою и походе. Остальные детали отвечали лишь духу столичного плац-парада – огромный металлический герб в форме двуглавых орлов, черный каскад волосяного султана или помпон, серебряный киверный «снур»... Дорого и блестяще. Настоящая находка для остроглазых стрелков противника. Как бы понимая это, кабинетные мундиротворцы придумали киверу камуфляж – черный клеенчатый чехол, на котором выводились номера и литеры рот.

Это было в мае 1855-го. Но уже в декабре 1857 года кивер заменили другим – более низким суконным с двуглавым орлом новой формы. И на этом не остановились. В 1860 году приказано срезать высоту кивера и слегка приподнять козырек. В 1862 году ввели шапку «кепи», приземистую, легкую, с узким околышем и тульей, будто бы примятой своим круглым донцем к широкому кожаному лакированному козырьку. И опять не обошлось без влияния французской униформы. Похожие головные уборы с таким же названием носили молодцеватые усачи армии Наполеона III. Император Александр II все еще питал к нему влажно-дружеские чувства и спешил приобщить русскую армию к искусству французского военного шика. Эмоциональный разрыв в отношениях правителей случился в 1863 году во время нашего очередного похода в бунтующую Польшу. Галльских словечек и деталей в русской форме тогда поубавилось.

Генерал-лейтенант, московский генерал-губернатор, князь Владимир Андреевич Долгоруков в мундире образца 1855 года с генерал-адъютантскими эполетами и аксельбантом. Обращает внимание старинная прическа в стиле 1840-х годов.
Ателье «Ch. Bergamasco», Санкт-Петербург. 1865-1867 гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Кронпринц Фридрих Вильгельм Прусский (будущий император Пруссии Фридрих III) в форме 11-го гусарского Изюмского полка русской армии, шефом которого он стал в 1851 году. На принце – синий ментик, в руках – кепи образца 1862 года. Судя по адресу фотоателье, а также по наличию ментика, снимок сделан в 1865 или 1866 году. Ателье «Левицкий», Санкт-Петербург.
Архив О.А.Хорошиловой

Ни оглушительное поражение в Крымской кампании, ни экономический кризис не мешали военному ведомству кроить и перекраивать армейскую форму – вне всякой логики и законов здравого смысла. Вводили разнообразные элементы, одни детальки заменяли другими, и за каждым нововведением неизбежно тянулся многословный шлейф «некоторых дополнений и уточнений», противоречивших друг другу. С 1862 года «кепи» с металлическим снуром по верхнему краю присвоено только генералам и штаб-офицерам, но в 1870 году – еще и обер-офицерам. В 1855 году офицеры и генералы-генштабисты носили при походной, парадной и праздничной формах вицеполукафтаны с галунами, в 1856 году их заменили на парадные полукафтаны. В 1862 году уланы и казаки надели кепи, но в 1867-м – вновь фуражки. Меняли цвета лацканов, выпушки, вензеля, типы полукафтанов и виды галунов. Меняли даже названия полков. К примеру, в 1856 году лейб-гвардии Егерский переименован в лейб-гвардии Гатчинский, к большому неудовольствию его офицеров.

Спешно переформировывали старые части – армейских кирасир легко, как по волшебству, превратили в драгун. Создавали и новые подразделения. После крымской катастрофы наше командование наконец осознало отсталость русской военной доктрины и ее полное несоответствие новым условиям боя. Англичане и французы уже давно не чистили ружья кирпичом – у них были легкие нарезные вин-

Свиты Его Величества генерал-майор Константин Николаевич Манзей (в центре) в форме генерала Свиты – сюртуке с серебряными погонами, белой выпушкой, алым воротником и серо-синими шароварами. С обеих сторон – щеголеватые молодые люди с модными бакенбардами в прогулочных тройках.
Ателье «Светопись бывшая Левицкого», Санкт-Петербург. 1-я половина 1860-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Генерал-лейтенант, писатель, военный агент в Вене, барон Федор Федорович Торнау.
Позирует в сюртуке при эполетах и аксельбанте Генерального штаба. На шее – орден Св. Владимира III степени. Мягкая щегольская фуражка имеет модный широкий кожаный козырек, который так любил император Александр II.
Ателье «L. Angerer», Вена. Начало 1870-х гг.
Архив О.А. Хорошиловой.

Генерал-лейтенант Исаак Шиошиевич Туманов, член Комитета вспомоществований при Главном штабе Кавказской армии.
Одет в сюртук при эполетах. На шее – орден Св. Владимира III степени. В петлице – орден Св. Георгия IV степени за 25 лет службы. Атрибуция Олега Олимжоновича Ахмедова.
Ателье «Фотография Амазаспа Мамикониянца», Тифлис. 1872 г. *Архив О.А. Хорошиловой*

Генерал-адъютант герцог Георг Мекленбург-Стрелицкий, супруг великой княгини Екатерины Михайловны.
Запечатлен в сюртуке с эполетами и аксельбантом.
Ателье «Левицкий», Санкт-Петербург.
2-я половина 1860-х гг. *Архив О.А. Хорошиловой*

товки. Войска королевы английской сражались на Крымском полуострове «Энфилдами», а французы – стержневыми штуцерами Тувенена с прицельной дальностью 1100 метров. Они мгновенно перекрывали наш огонь, заставляя молчать не только передовые цепи атакующих, но и артиллерию. Бесславно проиграв крымские баталии, наши генералы признали – в России не хватает качественного нового оружия и профессиональных стрелков. «Дайте мне русских венсенцев[2]», – мягко потребовал Александр II. Новоявленный военный министр Сухозанет взял под козырек. 27 марта 1856 года издали Высочайший приказ о формировании лейб-гвардии 1-го и 2-го Стрелковых батальонов со всеми правами и преимуществами старой гвардии. В октябре был создан лейб-гвардии Стрелковый Императорской Фамилии батальон из офицеров и нижних чинов Стрелкового полка Императорской Фамилии.

Александр II, страстный мундироман и мундирознай, распорядился немедленно представить ему проекты униформы для стрелков и, между прочим, высказал пожелание, чтобы лацканы и канты были непременно малиновые, «именно такого оттенка, какой имел Гвардейский Конно-егерский полк бывших польских войск»[3].

[2] «Венсенцы» или венсенские стрелки – род французской легкой пехоты, славившийся меткой стрельбой и прекрасной физической подготовкой.

[3] Карцов П. Исторический очерк лейб-гвардии 1-го Стрелкового Его Императорского Величества батальона с 1856 по 1885 год. – СПб., 1885. – С. 7.

Нижний чин из горцев лейб-гвардии Кавказского эскадрона Собственного Его Величества конвоя. К левой газырнице прикреплен Знак отличия Военного ордена.

Ателье «W. Carrick», Санкт-Петербург. Начало 1860-х гг. *Архив О.А. Хорошиловой*

Высочайшие пожелания учли, и уже 31 марта 1856 года объявили о новой форме для 1-го и 2-го Стрелковых батальонов. Офицерам полагались кивера с черным султаном, полукафтаны темно-зеленого сукна с малиновыми выпушками и малиновыми настежными лацканами. Шаровары носили темно-зеленые с малиновой выпушкой. Воротники и обшлага офицеров 1-го батальона украшала затейливая вышивка золотом, 2-го батальона – серебряные петлицы.

Самыми экстравагантными были стрелки Императорской Фамилии. Аристократы-офицеры еще в 1855 году примерили униформу в «пейзанском вкусе» – темно-зеленые полукафтаны русского покроя с запахом налево, красные кушаки, шаровары широкие и сверхширокие, заправленные в сапоги с тысячами мелких складок. Главным атрибутом стрелков стала шапка русского образца: «Четырехугольная, с подкладкой на вате. Околыш из черной смушки. Спереди на околыше напротив угла пришивается медный крест установленного образца»[4]. В 1857 году у «мужицких» кафтанов появились стоячие закругленные воротники с петлицами.

Форма батальона Императорской Фамилии была необычна и неожиданна для конца 1850-х годов. «Русская» тема едва звучала в костюме и светской моде, фанатично преданной галлам. Никто еще не бредил мужицкими шароварами и бородами, еще не появилась «Могучая кучка», а до стиля «неорюс» было целых двадцать лет. Именно с этой романтической, немного театральной формы началась новая, мощная волна увлечения русским стилем. В ней были заложены идеи будущей «мужицкой» формы эпохи Александра III.

В 1867 году стрелки надели мундиры «казачьего покроя», то есть с бортом по центру, расшитые бранденбургами. В них ощущалось влияние балканского и венгерского костюмов, весьма актуальных в конце 1860-х годов, когда раскатисто и победоносно звучали одобренные свыше идеи панславизма.

Костюм – средство пропаганды. Русские императоры часто использовали его, чтобы наглядно представить географический размах империи, ее неукротимые геополитические амбиции. Лучший пример – обмундирование лейб-гвардии Кавказского эскадрона Собственного Его Величества конвоя. Этакое «собранье пестрых глав» из истории русского покорения Кавказа, этнография, усиленная милитаризмом, средство устрашения терро-

4 Бордунов Н., Шевченко И. Стрелки Императорской Фамилии / Цейхгауз, № 37. – С. 27.

ристов, иностранных послов и армий. Покоренные народы были представлены не только лучшими своими воинами, но и фантастическими нарядами. Грузины-конвойцы рядились в малиновые, обшитые галуном мундиры с короткими рукавами и в зеленые вицмундиры с длинными откидными рукавами. С ними носили бешметы (зеленые с мундирами и малиновые с вицмундирами) со стоячим воротником и галунной обшивкой, темно-зеленые шаровары, мягкие из серой замши сапоги, меховую шапку национального образца, малиновую фуражку с зеленым околышем и выпушкой. Наборные ремешки, шашки, жирницы, кинжалы, пистолеты – все в облике и вооружении этих молодцов отвечало грузинскому колориту.

Лезгины отличались алыми, украшенными галунами мундирами с длинными разрезными рукавами. Вицмундиры, схожие по крою, шили из темно-синего сукна. Гроденаплевые бешметы полагались синие к мундирам и алые к вицмундирам. Мусульмане лейб-гвардии Кавказского эскадрона носили аналогичные костюмы, но привлекали гораздо больше внимания своими искристо-белыми мундирами, обшитыми серебряным галуном. Бешметы носили желтые, из гроденапля, вицмундиры – из темно-синего сукна. Но самыми необычными в этом пестро-крикливом военном сборище были горцы. Эти богатыри из кавказских легенд, в посеребренных шлемах с кольчужной сеткой, в стальных панцирях и налокотниках украшали шумные Высочайшие выезды и аккуратные гвардейские каруселли на Марсовом поле. Импульсивный Теофиль Готье не мог сдержать восторгов: «Какие воинственные и гордые лица, какая дикарская чистота типов, какие тонкие, изящные и нервные тела, какое изящество движений! А костюмы особого покроя, приятных тонов, так хорошо пригнанные и подчеркивающие всю красоту человека! Цивилизованные люди полностью утратили чувство костюма»[5].

Офицеры и нижние чины лейб-гвардии Кавказского казачьего эскадрона носили форму не столь крикливо национальную – алые мундиры и синие вицмундиры с красивыми газырями, белые и красные бешметы, папахи, черкесские шашки и пистолеты. Однако и ею любили похвастаться. Дмитрий Иванович Скобелев, отец полководца, был известным щеголем (сын эту черту унаследовал). Даже во время Русско-турецкой войны, у Дуная и под Плевной, он находил время и повод покрасоваться конвойской формой: «Скобелев надевал огромную форменную папаху, садился на лошадь, объезжал полки, здоровался с офицерами и казаками и затем опять садился в таратайку, причем папаха отправлялась под сиденье, а на смену ее вытаскивалась красная конвойная фуражка. Дмитрий Иванович командовал несколько лет тому назад конвоем его величества и носил конвойную форму. Когда мы подъезжали к деревням, он не забывал откидывать борты пальто и открывал свою нарядную черкеску, обшитую широкими серебряными галунами»[6].

У императора и военных чиновников хватало времени не только переименовывать полки и формировать батальоны, но даже регулировать растительность на солдатских лицах. В 1855-м, самом сложном и печальном году правления Александра II, постановили: «1. Войскам, вступающим в караул в обыкновенные дни, усов и бакенбард не фабрить. 2. В воскресные дни вступать им в караул с нафабренными усами и бакенбардами и имеющим султаны – в султанах»[7].

Армия не поспевала за ретивым бегом хаотичной министерской мысли, и потому не все дополнения и уточнения, пропечатанные на гербовой бумаге, попадали в жизнь. В жизни главными были удобство и простота. Потому в армейский обиход быстрее прочего попадали вещи, которые армия давно ждала, незаменимые, скромные, прочные вещи. Еще в Крымскую войну офицеры оценили грубый комфорт солдатских шинелей, и после ее окон-

[5] Готье Т. Путешествие в Россию. – М.: Мысль, 1988. – С. 88, 89.

[6] Верещагин В. В. Повести, очерки, воспоминания. М.: Советская Россия, 1990. – С. 158.

[7] ПСЗРИ, Т. 30, 1855, № 29129.

Павел Константинович Ржевский 1-й, офицер лейб-гвардии Кавалергардского полка, в офицерском пальто образца 1855 года.
Фототипия.
Архив О.А.Хорошиловой

На стр. 67

Штаб Новогеоргиевской крепости. В верхнем ряду позируют нижние чины четырех крепостных пехотных полков. На околыше одного из солдат видна желтая шифровка «4Н» (4-й крепостной Новогеоргиевский полк). В среднем ряду – офицеры штаба Новогеоргиевской крепости. Пятый справа – комендант крепости инженер-генерал Вольдемар Георгиевич Бурман. Четвертый справа – крепостной интендант полковник Карл Александрович Шульман. Шестой справа, возможно – начальник штаба крепости. Офицеры одеты в серые двубортные пальто, введенные в 1855 году. На начальнике штаба – роскошная «николаевская» шинель на меху. У ног молодого адъютанта поручика – камера Kodak. Ноябрь 1896 года.
Фотограф А. Соловьев.
Архив О.А.Хорошиловой

чания начались диспуты о дальнейшей судьбе этой боевой новинки. Военное ведомство, к счастью, пошло навстречу фронтовикам. Неожиданно быстро, смело, наотмашь оно ввело двубортное плащ-пальто, скроенное на манер солдатской шинели. Это была революция. Это был первый шаг либерализации армии и ее облика. С мышино-серого, грубоватого, но удобного офицерского пальто началось Новое время в истории русской военной формы.

20 мая 1855 года появилось его описание: «Серого сукна, цвета, подходящего к цвету солдатской шинели; двубортный, застегивающийся на шесть пуговиц, одинаковых с имеющимися на шинели того, кому плащ присваивается... Воротник одного сукна с плащом, шириною 3 1/2 вершка, делается мягкий и оттибается наружу. Откинутый воротник застегивается на один крючок, пришитый у основания воротника, а поднятый воротник застегивается с помощью суконной лапки, одного с плащом цвета. На передних концах воротника, сверху, нашивается по одному цветному клапану с выпушкой или без оной, с пуговицей на верхнем конце... В зимнее время вместо суконного воротника дозволяется иметь меховой воротник, также шириною в 3 1/2 вершка... Рукава имеют круглые, прямые обшлага... Плащ шьется так, чтобы мог свободно надеваться сверх полукафтана с эполетами... Длина плаща – на 4 вершка ниже колена. Подкладка: для одних только генералов – из красного полусукна; для всех же прочих чинов и званий – из серого полусукна, одного с плащом цвета»[8].

Плащ имел два боковых кармана с широкими горизонтальными клапанами. Хлястик, красиво собирая складки на спинке, мягко акцентировал талию. Если пальто носили внакидку, одна часть хлястика отстегивалась. К плащу полагались галунные погоны с вышитыми звездочками и вензелями (кому они были присвоены).

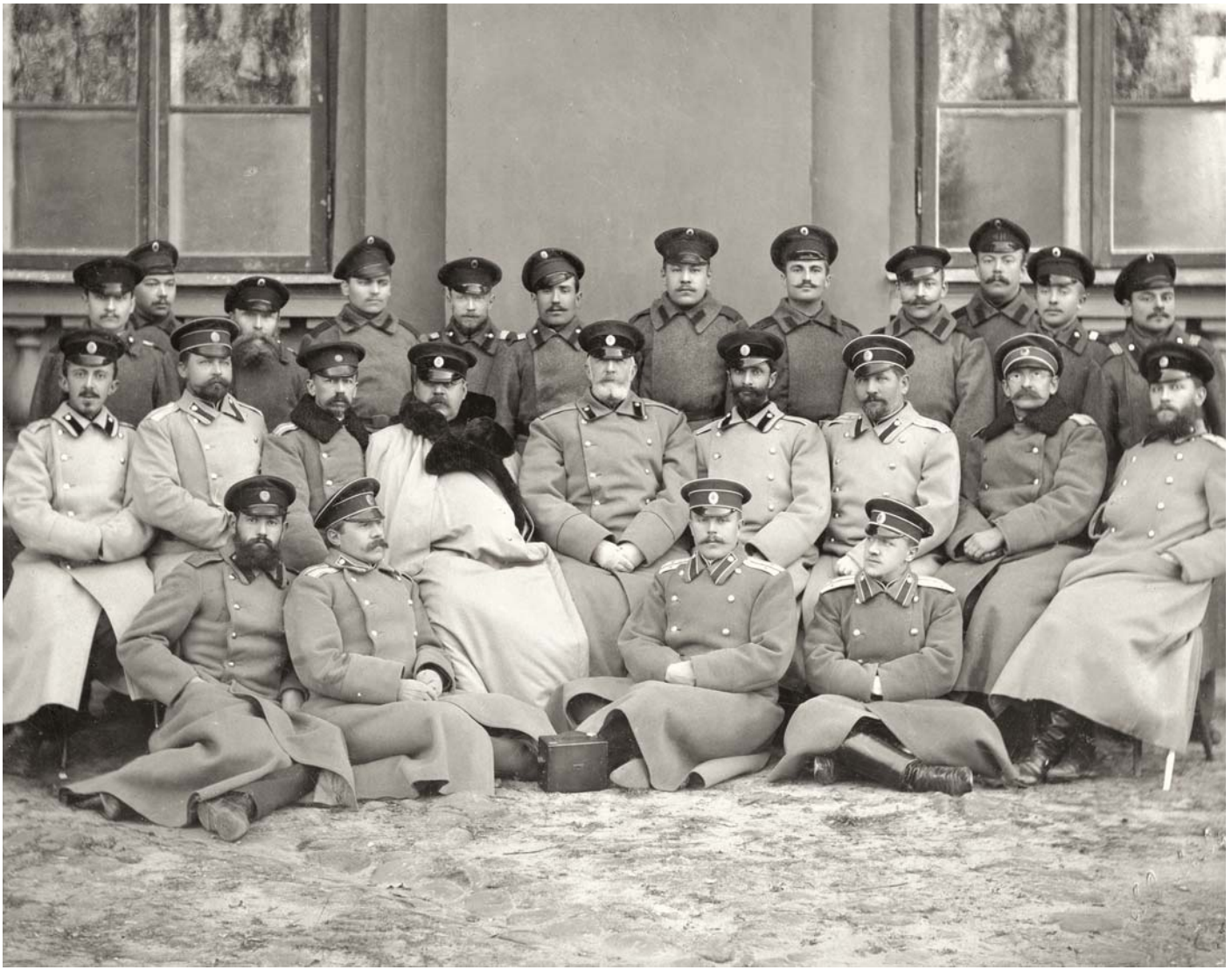
Впрочем, офицерам оставили шинели с пелериной, на меху, с длинными рукавами-привесками, тяжелые и неповоротливые, как вся николаевская эпоха. Эти гиганты хранились в нафталинных гардеробах многих столичных и провинциальных богатеев, любивших прокатиться в них на лихаче – с зимним ветерком и конфетной барышней под руку.

После Крымской войны, одновременно с началом демократизации армии, солдатский стиль стал сильнее влиять на внешность офицеров. Аристократы-стрелки уже превратились в осанистых «мужиков». Офицеры уже надели шинели солдатского типа, а в 1860 году примерили удобные холщовые кители, заимствованные из обмундирования нижних чинов кавалерии. Их кроили одинаковыми для всех частей – «с закругленным воротником, с шестью металлическими пуговицами по каждому борту и с галунными погонами, как на мундирах»[9]. Отличались только карманные клапаны: «В тяжелой кавалерии и во всех частях пехоты – прямые с четырьмя металлическими пуговицами, а в легкой кавалерии – вырезанные мыском и с шестью пуговицами»[10].

[8] ПСЗРИ Т. 30, 1855, № 29340б.

[9] ПСЗРИ Т. 35, 1860, № 33943.

[10] Там же.



Эти летние весьма удобные кители прослужили офицерам до 1907 года.

Башлык, введенный в гвардии и армии в марте 1862 года одновременно с кепи, тоже отвечал военно-походному стилю реформ и обладал тонким флером кавказской романтики. Подобно солдатским шинелям, он был родом из Восточной войны. Офицеры, сражавшиеся на Кавказском театре, оценили прелесть и преимущества национальных горских костюмов и кое-что заимствовали, в том числе башлыки. На дерзкие нарушения уставной формы во время войны старались не обращать внимания даже николаевские служаки-скалозубы.

Башлык шили из верблюжьего некрашеного сукна, отчего он имел специфический мягкопесочный оттенок и выглядел по-модному демократично. Офицерский вариант от солдатского отличался лишь отделкой – золотым или серебряным «шейтажем» (сутажом) по швам и гарусной тесьмой по краям. Солдатский обшивался простой тесьмой. Как только эта вещь появилась в табели обмундирования, возникли десятки неуставных способов подвязывания и драпировки ее длинных концов. Тогда же башлыки проникли в светскую моду. Их носили не только мужчины, но женщины и дети, дополняя лаконичную отделку замысловатыми вышивками, кистями и бахромой.

Походное обмундирование – реестр военных кампаний, в котором победы русской армии упомянуты вскользь, а поражения опи-

Николай Николаевич Дубенский 1-й, поручик лейб-гвардии Кавалергардского полка, в роскошной «николаевской» шинели на медвежьем меху.
Фототипия, 1909 г.
Архив О.А.Хорошиловой

саны с пристрастием. Постыдные разгромы и мелкие неудачи стимулировали развитие формы. Крымская война перекроила многие ее элементы. Когда же русские полки, в суконных полукафтанах и шароварах, уверенно ступили на красную, солнцем высушенную землю пыльного Туркестана, стало ясно – с жарко одетыми полками далеко не забраться. Начальство Туркестанского военного округа распорядилось незамедлительно переодеть их в легкие белые гимнастические рубахи. В 1869 году после серии замечательных и драматичных побед Военный совет постановил: «Ввести для всех строевых и нестроевых чинов гимнастическую рубаху из армейского фламского полотна с суконными пристяжными погонами, по форме, каждой части войск присвоенной, кроме денщиков, для которых рубахи строить без погонов. Срок службы этим рубахам ограничить одним годом»[11].

Одежда белого цвета отражала туркестанское солнце, в ней было не жарко. Но ее было видно издали, она превращала офицеров и солдат в отличные мишени. Еще в 1868 году юркие остроглазые узбеки, хлынувшие в Самарканд и осадившие русский гарнизон в цитадели, выбивали наших офицеров именно по их белым кителям: «Этот бравый офицер (артиллерист Служенко. – *О.Х.*) ехал вдоль стены в белом кителе, на вороной лошади, представляя таким образом хорошую мету, что ему и замечали. “Я вижу, что он что-то склонился над седлом, – рассказывал Воронец, – и спрашиваю: “Служенко, что с Вами?” Ничего не отвечает. Сняли с лошади – пуля в животе”»[12].

Прекрасными мишенями стали и введенные белые рубахи солдат, но другого спасения от палящего солнца не придумали.

Кепи от солнца защищал полотняный чехол с длинным, до плеч, назатыльником. Впрочем, от жары он не спасал, и во время боя, при температуре под пятьдесят градусов, солдаты нахлобучивали его прямо на стриженые мокрые головы. «Я надел на голову и носил в следующие дни белый чехол с офицерской фуражки, и теперь еще где-то хранящийся у меня»[13], – вспоминал Василий Верещагин.

Темно-зеленые жаркие шаровары в войсках Туркестанского военного округа заменили замшевыми «чембарами»: «Из козловой или бараньей замши, окрашенной с одной стороны в красный краповый цвет... В шагу штанины должны быть, сообразно с телосложением солдата, достаточно свободны и не стеснять его при гимнастических упражнениях и фехтовании. Шаровары должны иметь длину, сообразную с ростом человека, и притом так, чтобы они могли доходить свободно до щиколотки»[14].

11 ПСЗРИ, Т. 44, 1869, № 46936.
12 Верещагин В. В. На войне в Азии и Европе. Воспоминания. – М., 1894. – С. 28.
13 Там же. С. 34.
14 Там же.

Лев Николаевич Толстой, прапорщик легкой батареи № 5 20-й артиллерийской бригады. Позирует в однобортном мундире эпохи Николая I и так называемой николаевской шинели с пелериной и меховым воротником. Такие шинели оставались популярными среди русских офицеров и в более позднее время.
Фототипия «Шерер и Набгольц» с дагеротипа 1854 года.
Архив О.А. Хорошиловой

Во всех этих приказах 1869 года новая туркестанская форма описана последовательно, подробно и правильно – кители, рубахи, кепи, шаровары. Жизнь, особенно походная, особенно боевая, всегда гораздо интереснее, ярче, неожиданнее. Как только не одевались и на кого только не были похожи те самые, пылью и солнцем пропитанные солдаты Туркестана. После окончания битвы за Самарканд русским нижним чинам дали волю: «Им позволили освидетельствовать лавки, – писал Василий Верещагин, – и чего, чего они оттуда не натаскали! Нельзя было без смеху смотреть, как они одевались потом во всевозможные туземные одеяния, одно другого пестрее и ярче. За несколько рублей можно было купить у них целые сокровища для этнографа»[15].

В этом диковатом Туркестанском походе форма щеголя Александра II потерпела грандиозное фиаско. Переменили почти все – от головных уборов до сапог. И казалось, вот он, тот горький назидательный урок, который научит наконец мундиротворцев мыслить здраво и соизмерять маниловские «проэкты» с географическими картами и расчетами интендантов. Но и тогда, и после, перед началом Русско-турецкой войны, царь думал о парадах, пуговичках и петличках, а о финансах почти не думал. Военный министр Милютин негодовал: «3 января 1874 года. Опять перемена в форме обмундирования: возвращение генералам прежних неуклюжих шарфов с кистями, и аксельбанты особого вида полковым адъютантам... 12 марта 1874 года. У государя опять новые проекты по части обмундирования войск: барону Штейнгелю (генерал-лейтенанту, управляющему Интендантским музеем) указано новое распределение мундирных отличек для разных родов и частей войск. Как обыкновенно, в проектируемых нововведениях нет никакого рационального основания, а потому предвижу только новые усложнения и затруднения для интендантских складов»[16].

Кроме прочего, опять изменили форму головных уборов. В некоторых частях, к примеру в гвардейской пехоте, армейских драгунских и гусарских полках, ввели кепи с жесткой тульей, кожаным ремнем вместо околыша и овальным кожаным донцем. Тогда же генералам гусарских и уланских полков вместо кепи присвоили каски «с генеральскими отличиями». Зачем? А просто так – проформы и парадного блеска ради. Столичные генералы изменениям этим особо не радовались. Они страдали – от незалеченных ран или кабинетных болезней, от жарких суконных мундиров и твердых холодных касок, от колючих петербургских ветров, этих шумных тамбурмажоров рождественских и крещенских парадов. Но генералы придумывали способы, как от них уберечься, не нарушив устав и форму. К примеру, надевали парики – для согрева. Петр Кропоткин приводит забавный случай: «Тысячи народа на набережной и на льду следят издали за церемонией (освящение воды на Иордани 6 января. – *О. Х.*). Все, конечно, стоят без шапок во время молебствия. В тот год был сильный мороз, и один старый генерал надел из предосторожности парик; но когда старик перед выходом на улицу поспешно накидывал в передней шинель, то не заметил, как парик его был сбит на сторону и был посажен пробором поперек. Константин Николаевич (великий князь, брат Александра II. – *О. Х.*) увидел это и во все время службы пересмеивался с молодыми великими князьями. Все они смотрели на генерала, который глупо ухмылялся, не понимая, чем он мог вызвать такое веселье. Константин Николаевич шепнул брату, который тоже взглянул на генерала и рассмеялся»[17].

Офицерская молодежь тоже нарушала устав, но без особых на то бытовых причин – просто из желания покрасоваться. Франты внимательно следили за светской модой и внешностью императора, главного щеголя гвардейской столицы. Александр II, как и его отец, обожал затягиваться, строить тонкую

15 Там же. С. 53.

16 Милютин Д. А. Дневник / Александр II. Воспоминания. Дневники. – СПб.: Пушкинский фонд, 1995. – С. 263–265.

17 Кропоткин П. А., князь. Записки революционера / Александр II. Воспоминания. Дневники. – СПб.: Пушкинский фонд, 1995. – С. 137.

талию, которую акцентировали зауженный книзу лацкан, кушак, разлетающиеся полы мундира. И гвардейцы примирились с корсетом и утягивались в него, словно барышни. Александр II отрастил и ревностно оберегал от ветра и дождя аккуратные бачки, сначала выглаженные лессированные – в стиле покойного принца Альберта, а позже – в форме двух пенно-пивных облачков, как носил император Франц-Иосиф. Их тоже быстро скопировали столичные цирюльники по требованию фатоватых поручиков и капитанов. Мягкую картавость императора ловко переняли петербургские офицеры, превратив едва заметный речевой недостаток в модный «гвардейский акцент». Они грассировали, говорили в нос, растягивая гласные, украшая речь фасонистыми французскими словечками и тяжелыми галльскими англицизмами. Этот любопытный элемент офицерской моды дожил до XX века и пересек границу вместе с утлой толпой эмигрантов-лишенцев. Он звучал в парижском Морском собрании, на вечерах союзов преображенцев и кавалергардов, в ресторанных фойе и таксомоторах. С «гвардейским акцентом» читал «Другие берега» Владимир Набоков...

Щеголем из щеголей был Михаил Дмитриевич Скобелев. Одевался он всегда с иголочки лучших военных закройщиков, красиво пил, красиво танцевал и картавил по-гвардейски, с изыском. Но Скобелев до ужаса боялся начальства, комично робел, заикался и краснел. И вот когда предстояло вновь явиться к грозному штабному генералу, происходила невообразимая метаморфоза. Василий Верещагин иронично отмечал: «Всегда заново одетый и надушенный перед солдатами под пулями, в главной квартире он ходил каким-то отчаянным: шинель на боку, фуражка на затылке – точно он боялся, чтоб не засмеяли, не поставили ему в вину щегольство одеждою, как ставили в вину храбрость»[18]. Другой слабостью Скобелева, свойственной многим гвардейским офицерам, были парфюмы. Верещагин не упустил и этого из виду: «Когда, после короткого пребывания в Париже, я, снова возвращаясь на Дунай, зашел к матери Михаила Дмитриевича, она попросила доставить сыну ящичек, *очень нужный* (курсив В. Верещагина). На границе вскрыли ящик, и он оказался битком набитым склянками духов»[19].

Пехотные офицеры, адъютанты. Слева – штаб-офицер в однобортном мундире образца 1872 года, справа – обер-офицер в сюртуке. Вензеля под короной, а также место съемки, возможно, говорят о том, что шефами этих пехотных частей являются австрийские эрцгерцоги. Ателье «M. Schwarz», Вена. 1872 г. *Архив О.А. Хорошиловой*

18 Верещагин В. В. На войне в Азии и Европе. Воспоминания. – М., 1894. – С. 339.

19 Там же. С. 340.

Штабс-капитан пешей артиллерии Ганорский,
участник Русско-турецкой войны,
в сюртуке и аксельбанте адъютанта.
Ателье «Т. С. Хитров и Сие»,
София (Болгария). Конец 1870-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Поручик
Сергей Александрович Юренев.
Черный бархатный воротник его сюртука, «ученый» кант под ним, а также вензеля «М» под короной на золотых погонах говорят о том, что он служит в Кавказской гренадерской великого князя Михаила Николаевича артиллерийской бригаде. Юренев принял участие в Ахалтекинской экспедиции 1880-1881 годов и был смертельно ранен 12 января 1881 года при взятии штурмом крепости Геок-Тепе. Его имя поместили на мраморной доске в церкви при Михайловском артиллерийском училище.
Ателье «Фотография художника Колчина и Ермакова»,
Тифлис. 1880 г.
Архив О.А.Хорошиловой

В новом потоке приказов «о переменах и уточнениях» толика разумного все же была. В 1872 году вместо двубортных мундиров на 12 и 16 пуговиц ввели однобортные на 8 пуговиц. Они стоили чуть дешевле и несколько снизили затраты на пошив армейской формы. Впрочем, лацканные мундиры и гусарские доломаны остались прежними. Военный министр Милютин добивался перемены солдатского снаряжения, слишком тяжелого и неудобного: «Между прочим, показано на людях все неудобство нынешнего способа пригонки шанцевого инструмента, тесака, сухарного мешка, шинели (через плечо) и всего остального груза, обременяющего плечи и спину бедного солдата. Давно мы уже домогаемся окончательной отмены тесаков и возвращения к прежнему способу носки свернутой шинели на ранце»[20].

[20] Милютин Д. А. Дневник / Александр II. Воспоминания. Дневники. – СПб.: Пушкинский фонд, 1995. – С. 266.

Обер-офицер 27-го пехотного Витебского полка в сюртуке при эполетах.
Ателье «Конти», Воронеж. 1-я половина 1880-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Милютин взывал к логике императора. Милютин жонглировал фактами, приводил цифры, уговаривал. Александр Николаевич с отрешенным царственным спокойствием выслушивал импульсивного генерала и оставался неколебим. Очередное свое реформаторское поражение министр зафиксировал в дневнике: «Государь, несмотря на очевидные неудобства теперешнего снаряжения солдата, оставляет все по-прежнему, не приводя другой причины, как ту, что “так носили прежде” или что “так у пруссаков...”. В подобных случаях всякие логические доводы бесполезны. Иная великая государственная реформа проводится легче, чем какое-нибудь изменение цвета погона или отмена тесака у барабанщика!»[21]

Чего не смог добиться военный министр, рождалось само собой – вне устава и монаршей воли, в жестких условиях боев и походов, на полях под Плевной и Правецом, в снегах и льдах шипкинских перевалов.

Походный стиль, походный шик

12 апреля 1877 года началась Русско-турецкая война. Не то чтобы Россия была к ней не готова. Конечно, разработали план стратегического развертывания и положение о полевом управлении войск, наметили операционные линии, места перехода через Дунай и пункты стремительных побед, рассчитали примерную скорость движения войск и доставки продовольствия, определили, где будут базовые склады, склады промежуточные, магазины... И все это на дорогой штабной бумаге – легко скользящим пером. Про овраги, как всегда, предпочли не вспоминать. И выкарабкиваться из этих оврагов, канцелярских ловушек, должна была сама русская армия – без помощи ленивых интендантов и обманщиков-купцов. Куцые узкоколейки были хороши разве что для кротких болгарских огородников. Проливные дожди превращали дороги в густо чавкающее месиво. Интендантские склады находились порой так далеко, что сыскать их не могли даже сами интенданты. Войска с привычным злым терпением ждали продовольствия и теплых вещей. И часто не дожидались. Обмундирование русской армии, придуманное фатом-императором, для изнурительных походов в снег и стужу не годилось. «Шапка только до мобилизации, – сетовал Василий Верещагин, – в походе носят фуражку, которая при морозах, на дожде и солнце ссыхается... Натурально, что с таким головным покровом при атаке приходится защищать голову естественным движением руки – вот уже первое неудобство. Каски тяжелы, жестки, винтами режут головы, а при нашем климате и холодны... Солдатское сукно плохое, на дожде намокает, от ветра не защищает – он пронизывает его, на морозе никуда не годится... А необходимость работать зимою без теплых рукавиц? – хоть теплые варежки должны быть при форме»[22].

[21] Там же.

[22] Верещагин В. В. На войне в Азии и Европе. Воспоминания. – М., 1894. – С. 363., 367.

Санитарные повозки, предоставленные графиней Е. Н. Адлерберг, для перевозки раненых во время Русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Собрание ВИМАИВиВС (Санкт-Петербург).

Теплыми вещами, полушубками, фуфайками, набрюшниками запасались впопыхах, их хватило не всем. Да и те оказались дурного качества и быстро сносились. Офицеры и солдаты, и даже генералы страдали от морозов, утопая, коченея в балканских снегах, они проклинали нерасторопных интендантов, которые по традиции надеялись на авось, смекалку русского солдата и беззаветную помощь «братушек». Правда, если верить документам, кое-что полезное интенданты все-таки придумали. К примеру, солдатское сукно для шинелей стали обрабатывать непромокаемым составом по способу профессора Швартовского, а белье для войск в виде эксперимента предложили шить из хлопковой ткани, приемлемой по цене и качеству[23].

Все же остальное придумывала и доводила до ума сама армия. Сразу после объявления войны, еще по дороге на Дунай, многие вспомнили печальную Крымскую кампанию, когда дальнозоркие англичане и французы выбивали русских офицеров по их форме и эполетам. К тому же солдатское обмундирование было объективно удобнее в походах. И офицеры

23 Аранович В. А. Интендантское снабжение русской армии во второй половине XIX – начале XX века. СПб., 2005. – С. 102.

Русские солдаты на Балканских хребтах. 1877–1878 гг.
Собрание ВИМАИВиВС (Санкт-Петербург).

Нижние чины одного из русских пехотных полков во время отдыха. Кавказский фронт Русско-турецкой войны, 1877–1878 гг.
Частная коллекция (США).

преобразились в нижних чинов. Как именно это происходило, описал Александр Александрович Берс: «По дороге я надумал сделать себе солдатскую шинель и солдатский ранец; мне почему-то казалось, что офицерское пальто, которое гораздо темнее солдатской шинели, непременно должно привлекать во время дела особенно внимание неприятеля... Офицерский ранец казался мне никуда не годным, разве только для запаса папирос: он был слишком мал, жесткий, давил на усталую спину, да к тому же пригонка ремней была неудобная. Портупея меня тоже беспокоила. Я чувствовал, что при первом же случае я не выдержу неудобного пристегивания сабли сбоку к поясному ремню, брошу портупею и устрою себе какую-нибудь более удобную перевязь через плечо. Пользуясь трехчасовой остановкой в Киеве, я съездил в город для закупки материала, из которого ротный портной и сапожник сделали мне,

Эпизод обороны Шипки.
Декабрь 1877 г.
Гравюра из «War in the East», 1878 г.
Архив О.А.Хорошиловой

во время пути, шинель, ранец и портупею через плечо. Я принял совсем солдатский вид, о котором несколько дней тому назад в Петербурге не мог и мечтать: но в походе начальство смотрело снисходительно на наши фантазии»[24].

Лиха беда начало. Как только наши войска переправились через Дунай и с пугающей быстротой начали теснить турок, появилась большая проблема – жара. Петербург был далеко, а командиры полков и корпусное начальство не по-столичному лояльны. Уставную форму тихо изменили с тихого согласия императора. Так, по крайней мере, утверждал генерал Паренсов: «Каски и мундиры были брошены, явились не только кителя и рубашки, но и назатыльники из белого холста, подобные тем, которые носят наши войска в Средней Азии; наконец, многие части войск сняли сапоги и обулись в местные опанки, легкую практичную обувь одинаково удобную в жару, в грязь и в холод, но, конечно, не щеголеватую на вид»[25].

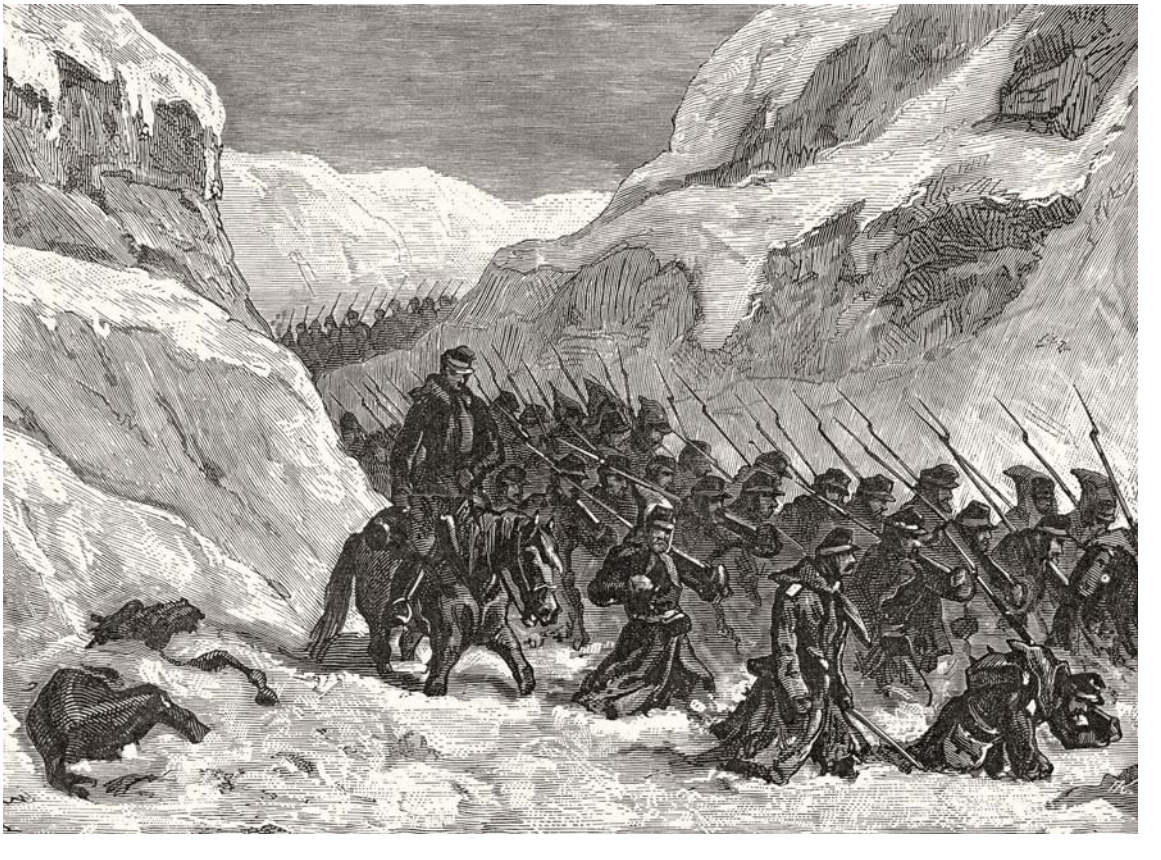
Настоящие испытания формы на прочность и смекалки на быстроту начались зимой, когда наши Западный и Южный отряды форсировали Балканы. Теплых вещей катастрофически не хватало. Большинство солдат – в серых кислых шинелях, в развалившихся сапогах, перевязанных чем попало, на голове – бесформенные нахлобучки, суконные кепи, те самые, о которых так много думал император и так часто менял их форму. Среди оскаленных гор и жутковато гулких обрывов, в колючих туманах и жгучих ветрах эти кепи казались неуместной насмешкой, глупой шуткой, абсурдом. Потерявшие форму, цвет, козырьки и фурнитуру, они оставались на солдатских макушках «сугреву ради». Головы кутали в рваные башлыки, суконные тряпки, срезанные с турецких шинелей, в какие-то грязновато-серые вязаные платки, которые старушки-болгарки пихали солдатам и плакали, плакали. Вид русских войск мог и вправду довести до слез.

«Люди страшно нуждались в одежде, – писал генерал Александр Казимирович Пузыревский. – Запасные вещи остались назади вместе с ранцами; своевременного подвоза устроить не было возможности. Между тем условия боевой службы вовсе не способствовали сохранению одежды. Нижним чинам постоянно приходилось то пробираться по колючим кустам, то по густому лесу, то ползти и скатываться по горам, спать не раздеваясь несколько недель подряд, тащить орудия с лямками через плечо, мокнуть под дождем, мерзнуть в стужу и пр. и пр... Запас белья тоже был назади, а потому люди оставались в одной и той же, совершенно оборвавшейся от бессменной носки и спанья одежде. Стирать белья тоже невозможно было...

[24] Берс А. А. Воспоминания офицера лейб-гвардии Преображенского полка о походе в Турцию в 1877-1878 гг. / Русская старина, 1898, вып. 4-6. – С. 120.

[25] Паренсов П. Д. Из прошлого. Воспоминания офицера Генерального штаба о войне 1877-1878 гг. / Русская старина, 1899, вып. 7-9. – С. 91.

Переход кавказских войск через Саганлук на пути в Эрзерум, май 1877 года.
Гравюра, типография А. М. Котомина, 1879 г.
Архив О.А. Хорошиловой



Переход кавказских войск через Саганлук на пути в Эрзерум, май 1877 года.
Гравюра, типография А. М. Котомина, 1879 г.
Архив О.А. Хорошиловой

Более всего люди страдали от недостатка обуви. Сапоги пришли постепенно в совершенную негодность, как от постоянного употребления, так и от недостатка смазки; вследствие этого, намокнувшая обувь при морозе или высушке лопалась и быстро разрушалась»[26].

От обморожения и верной гибели спасали себя сами. Предусмотрительные офицеры еще летом запаслись войлочными сапогами и полушубками. Зимой они шили себе толстые наушники из отрезанных концов башлыка, а рукавицы – из турецких килимов и домотканых балканских ковров. Обувь придумывали из всего, что было под рукой. Наворачивали куски сукна и войлока, отрезы походных палаток и одеял, шерстяные платки и воловью кожу мехом наружу. Стягивали все это жгутами, и получались балканские опанки – все-таки национальный костюм «братушек» имел куда больше здравых идей, чем александровская форма. Впрочем, как писал Берс, «у некоторых даже трудно было разобрать, во что были обмотаны ноги».

Самым популярным способом быстро согреться были костры. Их разжигали пышно, ярко, не боясь обнаружить себя – холод тогда считали врагом пострашнее турок. Солдаты дневали и ночевали перед кострами, а иногда и вместе с офицерами. Но часто к пламени подбирались так близко, что горела одежда, а заменить ее было нечем. Обугленные полы подшивали кусками сукна или войлока.

Офицеры покупали полушубки, войлочные и меховые шапки, овчинные рукавицы и валенки, превращаясь в балканских молодцеватых помещиков. В горах приходилось шагать твердо и широко – а отнюдь не по-парадному, с вытянутым носочком. И тогда-то они поняли всю нелепость форменных шаровар: «Наши неширокие брюки страшно стесняли меня в горах при каждом большом шаге, при каждом прыжке. Я чувствовал себя стесненным в движениях, проклинал моего портного, который ни душой, ни телом не был в этом виноват»[27]. Вместо походных шаровар надевали купленные у местного населения войлочные штаны, широкие в шагу. Вместо шинелей и сношенных полушубков – кожаные пальто и шведские куртки, которые в небольших количествах получали из отрядов Красного Креста.

[26] Пузыревский А. К. Переход через Балканы в 1877 году. Военно-исторический очерк / Русская старина, 1880, вып. 9-12. – С. 89.

[27] Берс А. А. Воспоминания офицера лейб-гвардии Преображенского полка о походе в Турцию в 1877-1878 гг. / Русская старина, 1898, вып. 4-6. – С. 181.

Во время Русско-турецкой войны офицеры придумывали своеобразные «домашние» наряды, используя трофейные турецкие вещи, такие как фески.
Карикатура из журнала «Разведчик», 1880-е годы.

Михаил Константинович Языков, штабс-ротмистр лейб-гвардии Кавалергардского полка. Запечатлен в теплой меховой бекеше, в которой сражался против турок при Шейново и Тырново в декабре 1877 – январе 1878 года.
Фототипия 1909 г. *Архив О.А.Хорошиловой*

Не желавшие прозябать у костров гвардейские офицеры барственно изобретали одежду для сна: «На ночь, – вспоминал Александр Берс, – я имел обыкновение снимать пальто и мундир и оставался в длинном шелковом наполеоновском жилете (но только с рукавами), подбитом беличьим мехом; сапоги снимал, а на ноги надевал длинные самой толстой шерсти чулки, голову покрывал феской. Денщик укладывал меня в мешок, точно в гроб, завязывал тесемки мешка, покрывал буркой и, выходя из палатки, заваливал вход в нее снегом»[28].

Скромные армейцы рядились в то, что пошлет бог, интендант и продаст болгарский крестьянин. В прогорелых шинелях, залатанных полушубках, похожие на французов, покалеченных морозом и партизанами в 1812-м, они ежились у костров и засыпали под надрывные завывания снежных шипкинских ураганов.

Во время походов даже расточительные гвардейцы научились беречь сапоги, без которых работать и воевать невозможно. Александр Берс вспоминал: «В снятые с меня мокрые сапоги сейчас же вкладывались маленькие походные колодки; таким образом сапоги не съеживались от мокроты и не доставляли мне тех мучений, которые испытывали другие, не подумавшие в Петербурге о своих ногах и не догадавшиеся сделать себе во время похода колодки хотя бы из балканского бука; жаль было смотреть на этих мучеников, когда они по утрам, натягивая ссохшиеся за ночь у костра сапоги, подскакивали на другой ноге. Из боязни тревоги многие вовсе не снимали на ночь сапог, и по утрам, от тяжести в ногах, были обыкновенно не в духе»[29].

На стр. 78

Военный врач, состоящий в одном из отрядов Красного Креста. Снят перед отправкой на театр Русско-турецкой войны. Молодой человек неплохо подготовился к балканским условиям. На нем теплое, на вате пальто, через плечо – кожаная сумка с медикаментами, на ногах удобные краги и швейцарские ботинки, в руках – трость для горных переходов.
Ателье «Marr&Radoschevitche», Киев. 1877 г.
Архив О.А.Хорошиловой

[28] Берс А. А. Воспоминания офицера лейб-гвардии Преображенского полка о походе в Турцию в 1877-1878 гг. / Русская старина, 1898, вып. 7-9. – С. 191.

[29] Там же.

Среди боевых офицеров, прозябавших на Балканах, были и щеголи. Молодой генерал Михаил Скобелев, любитель покрасоваться, всерьез думал, в чем бы покорить упрямые горные хребты. Василий Верещагин не скрывал иронии: «Он заказал себе для перехода через Балканы какой-то необыкновенной длины и теплоты сюртук на черном бараньем меху; заказал его еврею-портному Владимирского полка, и тот опоздал, не доставил сюртука к сроку. Скобелев страшно сердился, кричал, звал своего денщика Курковского, грозил, что перепорет их всех, рвался в дверь, а я стоял у двери и не пускал, потому что он непременно кого-нибудь побил бы и вообще натворил бы того, о чем сам бы потом пожалел... Всему, однако, есть конец – кончилось и мученье М.Д.: явился денщик с сюртуком, сшитым и сидевшим просто ужасно. Скобелев страшно бранился, одеваясь; опять грозился всех перепороть, сюртук бросить в печку и проч. Но главное все-таки было достигнуто – он никому не дал лизуна за горячее время ожидания. “Ну что, Василий Васильевич, как сюртук: скверно, а? Да скажи же! Что за подлецы, что за мерзавцы, с... д...!” При всем моем желании успокоить и утешить его надобно было сознаться, что сюртук сидел дурно, но делать было нечего; его превосходительство напялил его и поехал к великому князю»[30].

Сам Василий Верещагин одевался тоже весьма оригинально, с национальным колоритом. Он купил у торговцев короткий румынский полушубок – ловкий, хорошо сшитый, на белом бараньем меху. Голову покрывал остроконечной бараньей шапкой, смахивавшей на болгарский «калпаци». Любитель военных деталей, художник был вооружен шашкой на портупее, у борта шубы белел орден Св. Георгия, добавлявший солидности владельцу.

Однако не нужно думать, что так одевались все генералы и офицеры. О шике и вертлявых тонностях гвардейской столичной жизни здесь, в дремучих, непроходимых балканских снегах, совсем позабыли. Здесь выживали – каждый день, каждый час. Удивительно, но даже свитские генералы, эти румяные, круглые баловни большого света, херувимами кружившиеся, в перьях и золоте, вкруг монарших особ, здесь, на войне, выглядели иначе: «Они отпустили себе бороды, с которыми мы их никогда не видели в Петербурге; на них были совсем полинялые пальто, лица у всех загорелые, похудевшие, мрачные; лошади вовсе не генеральские, а в руках казацкая нагайка. Все показались мне усталыми и удрученными»[31].

Чем ближе наша армия подбиралась к Софии, тем больше неуставных элементов появлялось в ее одежде. Полки обратились в кочевые полчища не то переселенцев, не то разбойников. В их облике перемешались все балканские народы, русская и турецкая формы. Их изможденные почти раннехристианские лица, недобрые и выразительные, тонули в клокатых бородах горных дикарей.

Однако в начале января перед самым вступлением в Софию все как-то ожили, встрепенулись, в руках засеребрились кусочки зеркал – всем хотелось выглядеть молодцами: «Прожженные шинели с черными заплатами, драные шапки без козырьков, фески, стеганые турецкие безрукавки, которые заменяли солдатам сгоревшие шинели, все это было припрятано в середину роты; люди расчесывали себе пальцами бороды, поправляли смятые фуражки, надевали их слегка набок, чтобы придать себе более молодцеватости. Общий вид рот сделался более удовлетворительный, но все-таки он был весьма печальный»[32].

Перед самым окончанием войны в Сан-Стефано многие офицеры вернули себе щеголеватый вид, отлично вымывшись, купив белья, сходив к цирюльнику. Некоторые решили бороды не брить до официального распоряжения. Но и получив его, не спешили с ними расставаться. К примеру, генерал-лейтенант

На стр. 81

Генерал от инфантерии Михаил Дмитриевич Скобелев в мундире образца 1882 года. На груди среди прочих наград – звезда ордена Св. Георгия II степени, полученная в 1881 году за удачную Ахалтекинскую экспедицию. Скобелев следит за модой – мундир скроен с узкой талией, и, возможно, полководец затянут в корсетный пояс. На рукаве заметна траурная репсовая лента в память о недавно погибшем императоре Александре II, чьи вензеля полководец надел в 1878 году, получив звание генерал-адъютанта. Фототипия «Экспедиция заготовления государственных бумаг» по снимку начала 1880-х гг. *Архив О.А.Хорошиловой*

30 Верещагин В. В. На войне в Азии и Европе. Воспоминания. – М., 1894. – С. 153, 154.

31 Берс А. А. Воспоминания офицера лейб-гвардии Преображенского полка о походе в Турцию в 1877-1878 гг. / Русская старина, 1898, вып. 4-6. – С. 383.

32 Берс А. А. Воспоминания офицера лейб-гвардии Преображенского полка о походе в Турцию в 1877-1878 гг. / Русская старина, 1898, вып. 7-9. – С. 698.

Штабс-капитан Геннадий Константинович Язвин в мундире лейб-гвардии Гренадерского полка образца 1855 года.
Так подтянуто и молодцевато участники Русско-турецкой войны выглядели лишь после ее завершения.
Ателье «Т. С. Хитров и Сие», София (Болгария). Конец 1870-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Казимир Густавович Эрнрот,
генерал-лейтенант, военный министр Болгарии, участник Русско-турецкой войны.
Одет в двубортную тужурку болгарской армии.
Ателье «Фотография Д. А. Карастоянов», София. 1880 г.
Архив О.А.Хорошиловой

Эрнрот даже после окончания войны, даже на посту военного министра Болгарии продолжал носить густую мужиковатую бороду – в память о своем участии в боях.

Война для России – катализатор реформ, как правило небыстрых и несмелых. Начав кампанию весной 1877 года, русская армия просидела у Плевны до конца декабря и форсировала Балканы – из последних сил, окоченелыми руками, обмороженными ногами, согреваясь кострами и злобой на интендантов, на воровatых поставщиков. Форма императора Александра II к зимним походам не годилась. И если бы не доброжелательное отношение местного населения, солдатская смекалка и запасливость некоторых офицеров, не понятно вообще, чтобы сталось с нашей армией и где закончила бы она эту кампанию.

Критика формы звучит во многих мемуарах – у обласканных царским вниманием штабных генералов, у безымянных пехотных офицеров, журналистов и художников. Критиковал ее и Василий Верещагин. Ему, любителю комфорта, парижских мод и красоты, пришлось столкнуться с нечеловеческими условиями похода и опробовать новые варианты балканского «обмундирования», собранного из теплого «чегопопало». То, что

могло бы стать новой формой армии, он перечислил в статье «Из опыта походов», опубликованной в 1889 году:

«Больше всего я настаиваю на том, чтобы солдаты имели на зиму полушубки и теплые рукавицы, имели не контрабандно, как теперь, а официально – полушубок должен быть формой наших солдат от ноября до марта... И теперь хорошие начальники, жалея людей, заводят полушубки на экономические суммы, если таковые есть, но все это делается негласно... Шинели, конечно, должны остаться, но зимой – форменный полушубок, длинный до колен, как обыкновенный русский, или короткий, закрывающий лишь живот, как у румын... Под шинелью полушубок был бы нехорош, но вместо сюртука, перетянутый, он может быть очень представителен; и говорить нечего, что это была бы чисто русская форма, не “европейская”. Офицеры тоже были бы не прочь от полушубка, который, грея более, не был бы тяжелее: офицерское теплое пальто из штиглицкого драпа весит ведь от 25 до 35 фунтов, – тяжеленько в нем действовать»[33].

Закончил Верещагин свой критический обзор почти требованием: «Необходимо, чтобы солдат наш... сбросил бы с себя иностранную форму, которую он еще имеет, и, одетый в полушубок с теплыми рукавицами и носками, наловчился бы во всех маневрах, изворотах и движениях зимою»[34].

Эту статью художник явно писал под влиянием перемен в обмундировании, начатых императором Александром III сразу после восшествия на престол. Как и Верещагин, он участвовал в Русско-турецкой войне. Знал о недостатках отцовской формы и печальных последствиях, ею спровоцированных. Он любил русский стиль, а западный не любил. Он ввел новый военный костюм, более удобный и патриотичный, превратив солдат и офицеров в картинных коренастых мужиков a’la Russe.

33 Верещагин В. В. На войне в Азии и Европе. Воспоминания. – М., 1894. – С. 364-366.

34 Там же. С. 370.

Ошибки Русско-турецкой войны были учтены. Русская армия получила больше теплых бекеш и валенок, в которых позируют разведчики лейб-гвардии Измайловского полка.

Фотооткрытка. Около 1903 г.
Архив О.А.Хорошиловой

«Кто в рубахах – мужики»

Многое в новой форме было продиктовано недавно закончившейся войной. Глядя на нее, начинаешь буквально кожей ощущать навязчивый, какой-то даже патологический страх перед морозом. Кажется, что ее авторы сделали все, придумали все, чтобы не повторился балканский сценарий, чтобы загасить, задушить, уничтожить в себе память о ледяной лихорадке и ничем неутолимом желании согреться. Новую форму не то чтобы утеплили, ее перетеплили. Шапки стали меховыми: мерлушковыми у генералов и офицеров, барашковыми у солдат. Похожи они были на русские «мурмол-

Полковник Николай Алексеевич Епанчин в мундире офицера Генерального штаба образца 1882 года. Среди его наград – орден Св. Станислава III степени с мечами и бантом и румынский крест «За переход через Дунай», полученные за участие в Русско-турецкой войне. Автограф офицера адресован болгарскому полковнику Делову. Впоследствии Епанчин примет участие в Первой мировой войне и станет видным деятелем русской военной эмиграции. Ателье «A. Pasetti», Санкт-Петербург. 2-я пол. 1890-х гг. *Архив О.А.Хорошиловой*

ки» и одновременно на светские «токи» – невысокие головные уборы без полей, которые тогда входили в моду. В шапках было тепло зимой, хотя приходилось дополнительно надевать суконные наушники. Весной и летом в них было невыносимо. И теперь не балканские морозы, а жара среднерусской полосы вызывала обмороки и болезни. Но приходилось терпеть, ведь по приказу 1881 года меховая шапка стала парадным головным убором, а парады происходили круглогодично.

Утеплили и другие части формы. В 1881 году ввели «мундир двубортный», больше похожий на крестьянский суконный армяк – без пуговиц, с запахом, а у щеголей – с косым бортом, заходящим почти на бок. Подпоясывались кушаками и шарфами, а нижние чины – кожаными ремнями и бляхами. С мундирами носили шаровары – заметно шире тех, которые так давили и натирали во время шипкинского рейда. Их заправляли в разухабистые с картинным развалом сапоги со многими складками. Выходило совсем по-русски. Зимы уже не боялись. Но летом мундиры и шаровары никто не отменял – солдаты, офицеры, генералы на парадах семью потами обливались, но терпели. Правда, все-таки была альтернатива – с 1 мая вместо мундиров и вицмундиров, а также сюртуков офицерам разрешалось (в определенных случаях) надевать белые и небеленые двубортные кители. А смельчаки носили вместо уставных суконных фуражек, покрытых белыми чехлами, легкие заказные, «где верх в виде чехла был уже приделан»[35].

Помимо мундиров офицерам полагались сюртуки с эполетами или погонами, длинные шаровары. В холодное время надевали шинели с башлыками, а также плащи (пальто).

Лица «утеплили» бородами – почти такими же, какие отпустили солдаты и офицеры на ледяных перевалах из-за нехватки времени и условий, «сугреву ради», зимой на Шипке. Однако новые бороды растили и резали по народным лекалам – в форме лопаты, как носили крестьяне с идиллических полотен Венецианова и акварелей Орловского. Такой щеголял и сам император.

Как бы красноречив ни был Верещагин, что бы ни писали военные теоретики и участники балканского перехода, шинели остались главным видом солдатской верхней одежды. В них они ревели «ура» на парадах, заглатывали белые хлопья шимозы под Мукденом, кисли в постылых окопах Великой войны. Полушубки в цейхгаузах были, но «в малых количествах».

Генерал-фельдмаршал, генерал-фельдцейхмейстер великий князь Михаил Николаевич в форме образца 1882 года.
Фото из собрания полкового объединения лейб-гвардии Конно-Гренадерского полка (Париж).
Архив О.А. Хорошиловой

35 Макаров Ю. В. Моя служба в Старой Гвардии. 1905–1917. – Буэнос-Айрес: Доррего, 1951. – С. 43.

Капитан и старший унтер-офицер пехотного полка, четвертого в дивизии, в форме образца 1881 года.
На рукаве унтер-офицера – золотые и серебряные галуны образца 1890 года, указывающие на то, что он прослужил на сверхсрочной действительной службе свыше 6 лет.
Фотооткрытка, парижское издание. Конец 1890-х гг.
Архив О.А. Хорошиловой

Старший фейерверкер лейб-гвардии Гвардейской Конноартиллерийской бригады в мундире, меховой шапке и шароварах образца 1882 года.
Открытка «Свято-Троицкой общины сестер милосердия». Начало 1900-х гг.
Архив О.А. Хорошиловой

Унтер-офицер лейб-гвардии Гренадерского полка в форме образца 1882 года. Он отрастил аккуратную бороду, следуя постановлению 1881 года «нижним чинам гвардейских частей впредь бороды не брить».
Открытка «Свято-Троицкой общины сестер милосердия».
Начало 1900-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Унтер-офицер лейб-гвардии Саперного батальона в форме образца 1882 года и полной походной выкладке.
Фотооткрытка издания магазина Фельтена.
Начало 1900-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Офицеры 1-го Семиреченского казачьего полка и 8-го Западно-Сибирского линейного батальона. Большинство – в зачехленных фуражках и летних походных кителях образца 1860 года. На молодом офицере в центре – мундир с обшлажными петлицами образца 1874 года и меховая шапка с кокардой и знаком отличия за Хивинский поход, пожалованные в 1875 году.

Ателье «А. Лейбин», город Верный. 1883-1884 гг.

Архив О.А.Хорошиловой

Александр III хотел серьезно удешевить пошив формы, и это вторая причина ее появления. Пуговиц не стало – это плюс, главный и единственный. Во всем остальном новое обмундирование почти не отличалось по цене от старого. А в чем-то и превосходило его – к примеру, меховые шапки стоили дороже отмененных суконных кепи.

В целом новая форма имела так же много недостатков, как и прежняя, хотя и стала любопытным примером трактовки национального стиля. Ее безжалостно критиковали, в журналах разносили в пух и прах – кто-то по личному опыту, но чаще из чисто русской привычки все и вся критиковать, без вкуса и разбору.

«Кройка и шитье мундира очень непросты, и при всем том нынешний мундир достаточно-таки неуклюж»[36], – считал А. Литвинов. И многие с ним соглашались: «Покрой его таков, что без кушака в нем нельзя никуда выйти, а если кушаки всегда носить, то надо их часто менять <...>. Мундир, застегиваемый на крючки, приличен только новый, а чуть-чуть мундир несвеж, крючки морщат всю грудь, а борт оттопыривается, открывая для постороннего глаза побелевшие и погнувшиеся петли»[37]. «Мундир по-прежнему остался неудобен. Пригонка по-прежнему трудна. Борт на крючках держится плохо и при надетой амуниции очень часто отстегивается»[38].

Офицеры находили лаконичный военный гардероб неоправданно дорогим. Все чаще звучали предложения ввести более дешевые и удобные тужурки: «Несколько стеснительными и для службы не совсем удобными кажутся некоторые из наших правил о форме одежды

36 Литвинов А. Суконная рубаха вместо мундира / Разведчик, 1892, №116 – С. 566.

37 А. Е. Форма одежды офицеров / Разведчик, 1898, № 394 – С. 399, 400.

38 Разведчик, 1892, № 116. – С. 566.

господ офицеров. Отчего, например, не дать последним возможности при их малом содержании (особенно в младших чинах) носить тужурку (укороченное пальто) не только дома, но и на занятиях для сохранения сюртука»[39].

Помимо мундира, было множество неудобных деталей. К примеру, офицерский галстук: «У мундира всегда открыта шея спереди в разрезе воротника – галстук этого не устраняет, мы его не умеем носить. Офицеры наши давно уже вместо галстука носят так называемый “клочок”, то есть полоску сукна, пришитую к одной стороне воротника, что много практичнее галстука»[40]. Шапке тоже досталось от критиков: «В барашковой шапке, которая специально предназначена для парадов, ровно нет ничего парадного, короче, эта шапка не удовлетворяет своему основному назначению»[41]. Противники «мужицкого» обмундирования делали такой вывод: «Редко случается, чтобы кто-либо на улице или в гостях показался в мундире; это прямо доказывает, что пехотный мундир не пригоден для обиходной жизни».

Но главным недостатком новой формы назвали ее мужиковатость. Гвардейские генералы и офицеры, германофилы и франкоманы, надували щеки, краснели от злости и фыркали, наряжаясь в «крестьянский» мундир, нахлобучивая (так предписано) шапку. А некоторые по-театральному красиво покидали службу, бросая на стол полкового командира рапорт и припечатывая его картавой фразочкой с гвардейским прононсом: «Гусским кгэстьянином быть нэ жэваю».

Но в офицерских собраниях и в военной прессе звучали и другие голоса – сторонников нового форменного стиля. Даже среди гвардейцев были истые славянофилы, любители русской культуры, тонкие ценители грузного, на хлебных дрожжах взращенного, стиля «нео рюсс». Им нравились мерлушковые «мурмолки» и суконные армяки, широченные шаровары и скрипучие сапоги. Они находили «милую пгэлэсть» в этой квасной, ура-патриотической русскости, столь любимой императором и столь модной в просвещенном, артистическом обществе. Ею даже научились щеголять. Офицеры носили «кафтаны» с тесными лифами, узкими, почти осиными талиями, акцентируя их шерстяными кушаками с бантами, борт был мягко скошен направо. Сапоги заказывали широкие, со многими складками и высокими каблуками. Нижние чины на собственные средства шили неуставные, крошечные и тесные, барашковые шапки, едва державшиеся на головах.

Лишь при следующем, и последнем, российском императоре Николае II и лишь после оглушительного и обидного поражения в Русско-японской войне «мужицкая» форма была сдана в цейхгауз, как несоответствующая новым боевым условиям и новой театральной моде с легкой ностальгией по царю-освободителю.

Николай Николаевич Склифосовский, адъютант, поручик лейб-гвардии Гренадерского полка, в сюртуке и галунной портупее.
Ателье «A. Lorens», Санкт-Петербург. 1890-е гг.
Архив О.А. Хорошиловой

39 К. Л. М. Правила формы одежды гг. офицеров / Разведчик, 1894, № 203 – С. 734.
40 Литвинов А. Суконная рубаха вместо мундира / Разведчик, 1892, №116 – С. 566.
41 А. Е. Форма одежды офицеров / Разведчик, 1898, № 394 – С. 399-400.

Нестроевые 45-й пехотной дивизии. Представлены все полки, входящие в ее состав (околыши фуражек красного, белого, синего и зеленого цветов). Фотография, скорее всего, сделана в 1907 году, так как на трех нижних чинах (сидят) – уже двубортные мундиры нового образца, а все остальные донашивают старые армейские образца 1881 года.
Ателье «Юлиюс Шенбрун», Рига.
Архив О.А.Хорошиловой

Нижние чины, офицеры и генералы 37-й пехотной дивизии. В первом ряду четвертый справа – полковник Николай Петрович Половцов, пятый справа – генерал-лейтенант, начальник дивизии Константин Осипович Курганович, шестой справа – дивизионный врач, действительный статский советник Федор Алексеевич Косач. Офицеры уже надели новые двубортные мундиры 1907 года, нижние чины донашивают старые, 1881 года.
Неизвестное фотоателье, Санкт-Петербург. 1908 г.
Архив О.А.Хорошиловой

Николай Григорьевич Герцов, подпоручик 164-го пехотного Закатальского полка,
в форме образца 1881 года и с черной кожаной лакированной портупеей образца 1884 года. Обращу внимание на модный крой мундира с облегающим лифом, подчеркивающим узкую талию.
«Cabinet Portrait», 2-я пол. 1880-х гг.
Архив О.А. Хорошиловой

Командир броненосного крейсера «Дмитрий Донской» капитан 1-го ранга Николай Александрович Зеленой в парадной летней форме при общефлотском мундире с шитьем образца 1855 года, эполетах, фуражке в белом чехле и сабле.
Фотоагентство Detroit Photographic Co., 1893 г. Библиотека Конгресса, отдел гравюр и фотографий (Вашингтон, США).

Форма Военно-морского флота

Она всегда была особенной – элегантной, мягко щегольской, очень британской и немного прусской. И она была почти независимой – от сухопутной моды и тонностей, от личных вкусов монархов и звонкого ура-патриотизма. Морские волки счастливо избежали многоактных переодеваний – в красноштанных галлов, австрийцев или сермяжных крестьян. Они вообще не вписывались в четкую систему координат военной формы и были всегда как бы между – носили мундиры и почти цивильные двубортные сюртуки, от чего их иногда обидно путали с чиновниками.

Адмиралы, генералы и офицеры

В 1855 году практически одновременно с армией морские волки получили новое обмундирование. Удобное, современное, искристо красивое и дорогое, оно вполне отвечало духу нового, александровского, времени. Главной новинкой был темно-зеленый двубортный полукафтан с шитьем – на восемь пуговиц со скошенным воротником и на шесть пуговиц с воротником закругленным. Первый тип полагался при общегенеральской и общеадмиральской формах, а также генерал-адъютантам, военным чинам Морского министерства, генералам и офицерам Гвардейского экипажа

На стр. 92

Контр-адмирал Степан Степанович Лесовский в городской общеадмиральской форме.
Начало 1860-х гг.
Библиотека Конгресса, отдел гравюр и фотографий, № 01764 (Вашингтон, США).

Капитан-лейтенант Петр Оттович Коцебу, командир парохода «Чатырдаг», позирует в обыкновенной городской форме вне службы, утвержденной в 1856 году, – темно-зеленом мундире без шитья (вицмундире), жилете и брюках. Офицер сфотографировался в Галатце во время хождения «Чатырдага» по дунайским портам.
Ателье «Jul. Udvardy», 1866 г.
Архив О.А.Хорошиловой

Лейтенант Сергей Ильич Кази с сестрой Ольгой Ильиничной.
Офицер позирует в двубортном вицмундире образца 1855 года и фуражкой под мышкой.
Фото середины 1860-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

и другим. Полукафтан второго типа носили, к примеру, офицеры, числящиеся по флоту, состоящие во флотских экипажах. Его же вместо сюртука и вицмундира надевали при общегенеральской и общеадмиральской формах.

Точно так же, как в армии, на флоте отменили панталоны и ввели шаровары «с прорезью в четыре вершка и карманами по бокам». Летом надевали полотняные шаровары.

Новый перечень предметов флотской формы включал несколько видов головных уборов. Самым красивым и дорогостоящим была черная пуховая треуголка с петлицей (для генералов и адмиралов из канительного жгута, для офицеров – из галуна). Все еще носили николаевские кивера «времен очаковских и покоренья Крыма».

Облик изысканно одетого офицера завершала парадно убранная, с красиво извитой гардой, черно-золотая сабля, alter ego владельца. Она была не только оружием, но и эдаким церемониймейстером. Ее особенный плотный

Британский принц Альфред Саксен-Кобург-Готский в русской обыкновенной форме капитана 1-го ранга – двубортном сюртуке гражданского покроя образца 1870 года с погонами, которые разрешалось носить вне службы. Обращает также внимание весьма популярный в тот период аксессуар – крупное кольцо под виндзорским узлом галстука. Принц сфотографирован во время пребывания в российской столице в рамках торжеств по случаю своего бракосочетания с великой княжной Марией Александровной.
Ателье «Ch. Bergamasco», Санкт-Петербург. 1874 г.
Архив О.А.Хорошиловой

Лейтенант Александр Павлович Шестаков, герой Русско-турецкой войны. В ночь с 13 на 14 мая 1877 года совместно с лейтенантом Ф. В. Дубасовым взорвал турецкий монитор «Хивзи-Рахман», за что был награжден орденом Св. Георгия IV степени. На офицере – двубортный сюртук гражданского покроя образца 1870 года. На эполетах отчетливо виден вензель шефа 1-го Флотского экипажа великого князя Константина Николаевича – «К» под короной.
Неизвестное фотоателье, конец 1870-х гг. *Архив О.А.Хорошиловой*

Старший лейтенант великий князь Александр Михайлович в окружении офицеров, нижних чинов и воспитанников морских учебных заведений. Фото сделано во время плавания броненосного крейсера «Дмитрий Донской» в Северную Америку.
Фотоагентство Detroit Photographic Co., 1893 г. Библиотека Конгресса, отдел гравюр и фотографий (Вашингтон, США).

Генерал-адмирал великий князь Константин Николаевич
в городской обыкновенной форме 1870-х годов.
Гравюра 1880-х гг. *Архив О.А.Хорошиловой*

Офицер корпуса корабельных инженеров Николай Николаевич Пущин,
в будущем – генерал-лейтенант, главный инспектор кораблестроения. Одет в цивильную пиджачную тройку, так как находится за границей. На лацкане заметен фрачный вариант знака об окончании Николаевской морской академии.
Ателье «J. S. Schroeder», Эльбинг. Конец 1890-х гг. *Архив О.А.Хорошиловой*

медный звон, чисто и печально отозвавшийся во многих эмигрантских мемуарах, всегда опережал морского офицера, горделиво сообщал о его появлении. Вне строя при сюртуках и полукафтанах без шитья носили кортики, скромные, но весьма элегантные.

Буквально через несколько месяцев после введения эту форму начали редактировать, усложнять, утяжелять новыми значениями. В общем, происходила та же свистопляска, что и в армии. Феноменальная половинчатость александровских реформ, сочетавших глупость со здравомыслием, повлияла и на развитие флотского обмундирования. Были явные излишки и несуразности. К примеру, в декабре 1855 года вместо кивера ввели фуражку, не простую, а с огромным разбросившим крылья двуглавым орлом, удобно усевшимся на офицерской голове, словно наглый голубь на бронзовой макушке полководца. Быстро, однако, одумались и в 1857 году заменили фуражку треугольной шляпой. Старинные кивера оставили Гвардейскому экипажу и некоторым другим частям, но их носили только на берегу и только с расшитыми полукафтанами.

Были и разумные идеи. В 1855 году ввели очень нужный и современный офицерский плащ, скроенный на манер солдатской шинели. Через три года появился удобный легкий летний полотняник, заменявший в теплое время суконный полукафтан.

На стр. 96

Генерал-адмирал великий князь Алексей Александрович
в обыкновенной форме вне службы при погонах, на которых отчетливо видны три вышитых двуглавых орла.
Фототипия. Начало XX века. *Архив О.А.Хорошиловой*

Адъютант, лейтенант 2-го Черноморского флотского его высочества герцога Эдинбургского экипажа. Возможно, Александр Николаевич Творогов. О принадлежности к части говорят вензеля «А» под короной на погонах. Офицер позирует в суконном плаще-пальто вне строя. К петлице прикреплен орден Св. Владимира IV степени с мечами и бантом, полученный за участие в Русско-турецкой войне. Это подтверждают место и время, когда был сделан снимок. Город Котел (Болгария), 1878 год.
Архив О.А.Хорошиловой

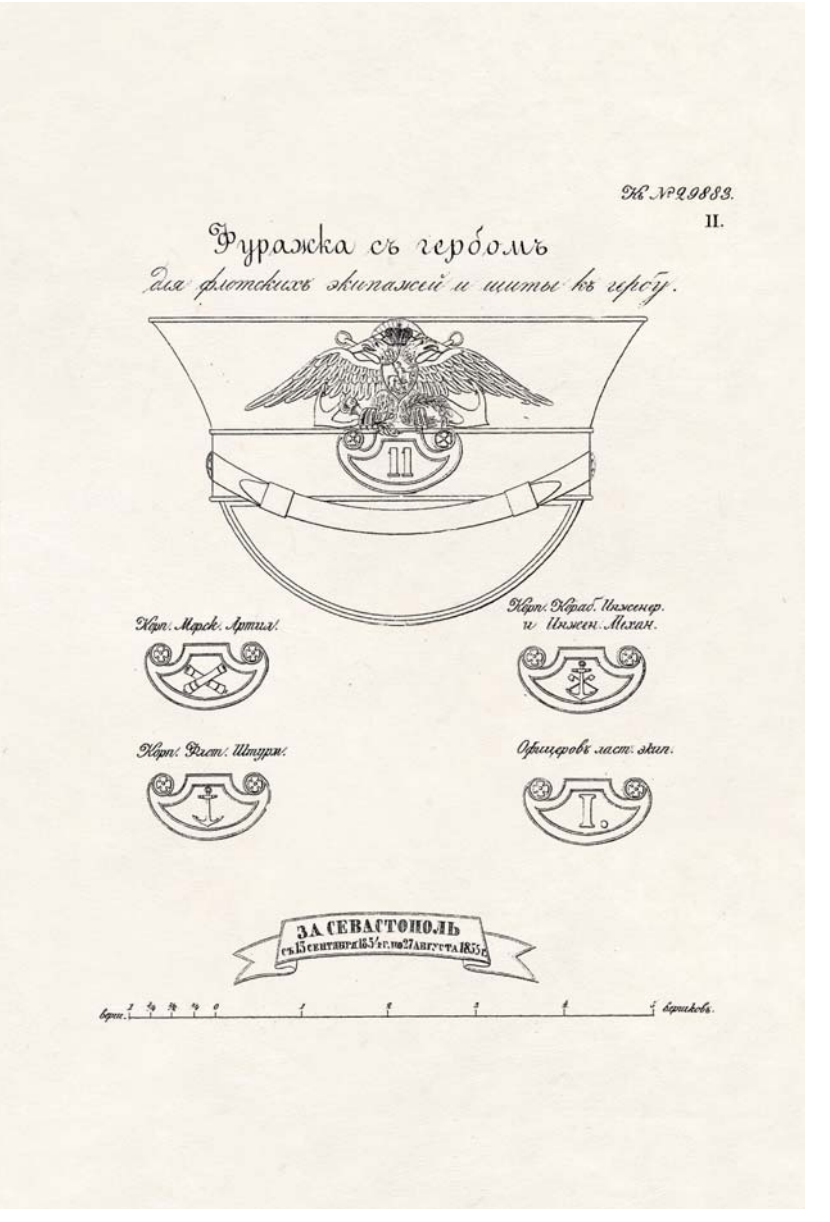
Капитан-лейтенант Гвардейского экипажа Федор Васильевич Дубасов, герой Русско-турецкой войны, георгиевский кавалер. Изображен в обыкновенной форме (вне службы) при погонах и белом жилете.
Фотогравюра конца 1870-х гг. *Архив О.А.Хорошиловой*

Обмундирование обновляли и меняли, но старые его элементы разрешили донашивать «какое-то время». Началась форменная неразбериха. И ею воспользовались щеголи. Они ходили в чем хотелось, оживляли форму неуставными деталями, в общем, фертили. И генерал-адмиралу великому князю Константину Николаевичу это определенно не нравилось. По его приказу в феврале 1856 года расторопные бумагомараки составили многостраничный трактат «Правила о форме одежды для господ адмиралов, генералов, штаб- и обер-офицеров Морского ведомства»[42]. Все, что вышло из-под пера венценосных мундироторцев за прошлый год, было аккуратно уложено в таблицы с пространными описаниями городского и походного типов, делившихся на парадный, праздничный, обыкновенный варианты. В городской форме существовал и специальный воскресный вид. Перечень всех вариантов формы привожу в приложении № 1.

Но поток изменений не ослабевал. Меняли формы орлов на пуговицах и адмиральских эполетах, названия одежды (полукафтаны стали именоваться мундирами), отменяли старые и вводили новые головные уборы – в 1862 году, к примеру, Гвардейский экипаж снял николаевские кивера и надел кепи. Множество деталей и нюансов, которые было сложно объяснить и запомнить.

42 ПСЗРИ. Т. 31, 1856, № 30155.

Капитан-лейтенант Зиновий Петрович Рожественский в сюртуке гражданского покроя образца 1870 г.
К петлице прикреплен орден Св. Георгия IV степени, полученный за бой с турецким броненосным корветом «Фетхи Буленд».
Снимок начала 1880-х гг.
Военно-морской журнал-форум kortic.borda.ru.



Фуражка с гербом для флотских экипажей, введенная в 1855 году.
Иллюстрация из «Полного собрания законов Российской империи».

Пожалуй, одной из самых важных новинок стал двубортный сюртук гражданского покроя, введенный в 1870 году и заимствованный из гардероба чиновников. Он заменил сразу два элемента формы – вицмундир (тогда под сюртук надевали однобортный белый жилет) и закрытый сюртук (тогда надевали жилет двубортный, темно-зеленый). Логично, что в следующем году в реестре офицерских вещей появился новый летний белый полотняник (китель), скроенный как сюртук. Его носили с белыми шароварами и фуражкой в полотняном чехле. Офицеры, особенно Черноморского флота, выглядели в этом костюме весьма эффектно.

Сюртук спровоцировал появление новых щегольских галстуков и высоких неуставных воротничков, которыми офицеры грешили и раньше. Александр Михайлович Рембелинский, служивший в Гвардейском экипаже, вспоминал: «Очень памятен мне жестокий нагоняй, который дал ему однажды покойный государь Александр II на яхте “Александрия”, заметив у него край воротничка рубашки, слегка выглядывавший из-за галстука. Государь, обыкновенно

кроткий, казался не на шутку рассержен. А немного лет спустя, когда морякам дали новую форму сюртуков с отложными воротниками и открытыми жилетами, офицеры стали щеголять выставкою белья с высочайшими отложными и загнутыми воротничками a'la jockey-club. Вот как моды изменчивы!»[43].

Перемены формы и ее деталей фиксировались в специальных «Правилах». Только за 1870-е их вышло целых два – в 1871 и 1878 годах. Городская форма делилась на парадную, праздничную, воскресную и обыкновенную. Походная была в одном варианте – береговом. В «Правилах» указывалось, как правильно носить ордена и даже во что быть одетым на брачной церемонии и в маскараде. Эти правила привожу в приложениях № 2 и 3.

Как только на престол взобрался Александр III, военные моряки бросились заучивать очередные таблицы с форменными формулами. Монарх был явно заинтересован в том, чтобы упростить и удешевить не только любимую армию, но и флот, офицеры которого превратились за двадцать прошедших лет в театральных статистов, с бесконечными переодеваниями, водевильными парадами и опереточным выходами. Обращать морских волков в русских мужиков монарх, к счастью, не стал. Им оставили мундиры образца 1855 года – на пуговицах, с шитьем – и пуховые шляпы с петлицами. Но количество видов форм сократили вдвое. Теперь носили только парадную, обыкновенную и береговую походную. Принадлежностями первой были мундир с эполетами, шляпа с петлицей, ордена и сабля. Обыкновенная складывалась из следующих элементов: вицмундир, белый жилет, черный узкий галстук, повязанный малым бантом, шляпа, ордена, сабля. Береговая походная форма подразумевала мундир с погонами, шаровары, заправленные в сапоги, фуражку, ордена и саблю. Так выглядели морские офицеры при Александре III. Такими они оставались при молодом Николае II, вступившем на престол осенью 1894 года.

[43] Рембелинский А. М. Из воспоминаний старого офицера Гвардейского экипажа / Русский архив. – 1910, кн. 2, вып. 7. – С. 431.

Нижние чины

В первый год своего царствования император Александр II изменил внешность морских волков. Нижние чины флота вслед за офицерами надели темно-зеленые двубортные полукафтаны – на восемь пуговиц со скошенным воротником (для числившихся в Гвардейском экипаже, а также денщиков адмиралов, генералов, офицеров Гвардейского экипажа и других, писарей Главных управлений Морского министерства) и на шесть с воротником закругленным (служащих во флотских, Финских, учебных экипажах и для некоторых других). Сначала эти полукафтаны скроили, не думая, по французской моде, как в армии – тесный лиф, сужающийся к талии, расширяющиеся полы. Эффектно, но не для сложной и подвижной матросской работы. В Морское министерство поступали жалобы от офицеров. Да и сам великий князь Константин Николаевич, близорукий, но все замечавший, понимал, что сухопутно-придворная мода во флоте нелепа. Уже в следующем году с подачи августейшего генерал-адмирала министерство предложило новый, более широкий крой полукафтана.

Кивера с гербом и едва видной бело-оранжево-черной кокардой хранились теперь только в цейхгаузах Гвардейского экипажа и в ладных рундучках денщиков. Все остальные несли на скромных темно-зеленых фуражках здоровенных двуглавых орлов с щитками и едва заметными кокардами. Орлов, впрочем, в 1856-м отменили, а в следующем году нижние чины вынуждены были надеть вместо парадных фуражек необычные головные уборы – круглые клеенчатые шляпы с широкими полями, которые с 1870 года стали носить с шелковыми лентами.

Матросам полагались шаровары и суконные брюки одного цвета с полукафтаном, кроившиеся широкими, свободными в шаге. Носили их не на подтяжках, а на поясе-ошкуре – суконном вшитом ремне, застегивавшемся спереди на две пуговицы. Кроме того, в него, между сукном и подкладкой, продевали

Нижние чины бронепалубного корвета «Рында» в судовой форме – синих фланелевых рубахах с воротниками, брюках и нательных рубахах. На рукаве рубахи боцманмата (сидит, первый справа) виден нарукавный знак комендора-стрелка, введенный в 1891 году. Группа сфотографирована во время Второго похода «Рынды» в Атлантику. Фотоагентство Detroit Photographic Co., 1892–1893 гг. Библиотека Конгресса, отдел гравюр и фотографий (Вашингтон, США).

ремешок, затягивавшийся спереди небольшой металлической пряжкой. Остался и знаменитый лацбант, главный атрибут морских брюк начиная с XVIII века. «Строили» его следующим образом: «Боковые швы брюк не зашиваются до самого верха и образуют лацбант, который застегивается с каждого бока на две пуговицы, а серединою своею за верхнюю пуговицу ошкура. На боковых швах брюк ниже лацбанта имеются карманы»[44]. Летом полагались полотняные брюки с ошкуром и вздержкой вместо ремня.

Суконные и полотняные шаровары носили некоторые нижние чины флота вместо отмененных панталон – к примеру, военно-рабочие роты и кондуктора Корпуса инженеров морской строительной части, денщики флотских офицеров.

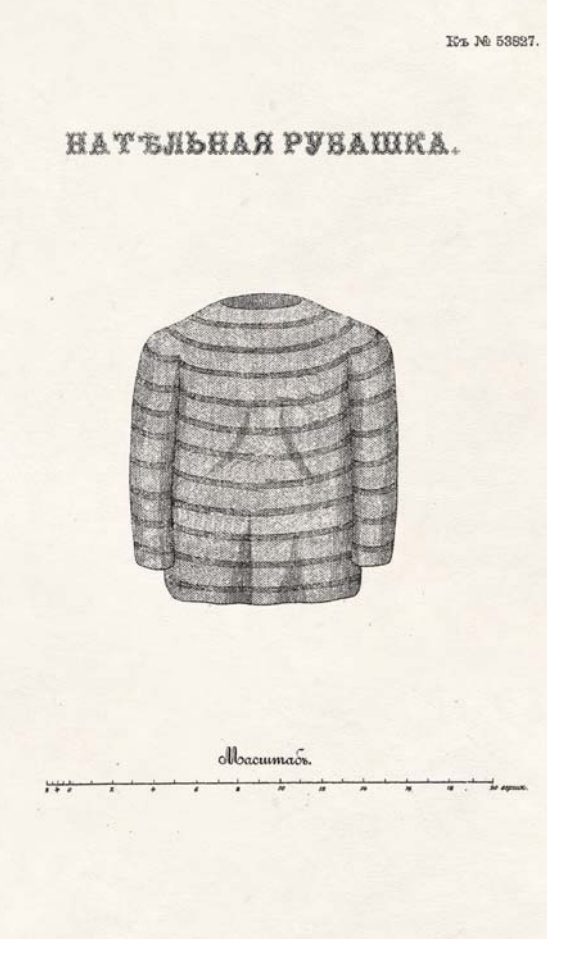
Помимо парадной была и судовая форма, главные атрибуты которой – белая рубаха из фламского полотна («голландка», «форменка») и синяя фланелевая («фланка») – благополучно дожили до XX века. В 1856 году чиновники Морского министерства, любители отличий и наград, придумали способ, как матросам крепить на судовую форму заветные георгиевские ленточки: «В случаях, когда они (нижние чины. – *О. Х.*) бывают одеты в брушлатах, в синих и белых рубахах, нашивать на левой стороне груди георгиевскую ленту в один ряд длиною в один вершок: на рабочих же рубахах, то есть на голландках, лент нашивать не следует»[45].

Надо сказать, что голландки пачкались чрезвычайно быстро. В Морском министерстве, однако, от белого цвета решили не отказываться, но защитили самое маркое место,

44 ПСЗРИ, 1855, Т. 30, № 29859.

45 ПСЗРИ, 1856, Т. 31, № 30651.

Белая полотняная рубашка (голландка), введенная в 1874 году. Иллюстрация из «Полного собрания законов Российской империи».



Нательная рубаха (тельняшка), введенная в 1874 году. Иллюстрация из «Полного собрания законов Российской империи».

низ рукавов, специальными синими обшлагами, украшенными одной белой узкой полоской. Чувство формы (а она у генерал-адмирала и чиновников была отменная) подсказало гармоничное дополнение – две белые полоски на воротнике голландки уравновесили одну на обшлагах. В 1881-м нижние чины Гвардейского экипажа надели трехполосные воротники (при трех полосах на синих обшлагах), а в следующем году – матросы всех остальных экипажей и флотов.

В рундуке матрос хранил и сугубо рабочие вещи – для безжалостного угля и копоти, для ливней и соленых ветров. Но и в них был свой лаконичный, суровый шик. Рабочие рубахи кроили широкими, для надевания поверх «фланки», и шили из небеленой толстой парусины № 7. В холодное время надевали вязаные фуфайки, с октября – недубленые полушубки, кожаные варежки и валенки с длинными голенищами, во время работ в непогоду – непромокаемые рубахи и брюки, а также плащ-зюйдвестку с капюшоном.

В начале 1870-х годов в форме нижних чинов появились два элемента, без которых и сейчас сложно представить настоящего мор-

Матрос Гвардейского экипажа в двубортном мундире образца 1855 года. Хорошо заметны воротник с двумя гвардейскими петлицами и белая опушка. На столе лежит бескозырка образца 1872 года с георгиевской лентой, дарованной нижним чинам Гвардейского экипажа в 1878 году за участие в Русско-турецкой войне 1877-1878 гг.
Санкт-Петербург, ателье «М. Кадысон», 1878–1880 гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Нижние чины флотского экипажа в судовой форме одежды – синих фланелевых рубахах с воротниками и бушлатах.
Неизвестная фотомастерская, 1890-е гг.
Архив О.А. Хорошиловой

ского волка, – бескозырка и тельняшка. Первая введена в 1872 году. Ее тулью украсила кокарда, а околыш овила черная шелковая лента с золотящимся именем экипажа, крейсера, канонерки и якорями на развевающихся концах. Сугубые щеголи (среди столичных матросов таких было немало) обзавелись неуставными, очень длинными лентами, ниспадавшими на стальные плечи. С 1878 года нижние чины Гвардейского экипажа, принявшего участие в Русско-турецкой войне, надели на бескозырки георгиевские ленточки. Их же даровали и черноморским экипажам, участвовавшим в обороне Севастополя в Крымскую кампанию. Тельняшка или по-официальному, нательная рубаха появилась в «Табели предметов обмундирования» в 1874 году. Удобная, полуприлегающая, она не стесняла движений матросов, резво бегавших по палубе и взлетавших по сигналу боцманской дудки на мачты, под самые облака. Она вязалась из шерстяных и хлопковых нитей так, чтобы получилось 11 узких синих и 12 широких белых полос. Благодаря такому сочетанию рубаху было видно даже на далеком расстоянии – во время работы на мачтах, в дыму и пламени боя. Синий и белый – цвета Андреевского флага, покровителя моряков. Поэтому матросы считали тельняшку не просто удобной одеждой, а своей «морской душой». Количество и размер полос образца 1874 года постепенно менялись. Синие заметно расширились, их стало больше. К началу XX века белые и синие полосы сравнялись по количеству и ширине ($^1/_4$ вершка).

Был и еще один элемент обмундирования, который исправно служил сначала императорскому флоту, а потом и красному, большевистскому, – бушлат. Вернее, брушлат – так он назывался со времени своего появления в 1848 году и вплоть до начала XX века. Говорят, такое странное для русского уха слово придумал быстромыслый обрусевший немец Федор Петрович Литке, мореплаватель, который впервые опробовал новое полупальто в своей экспедиции. И тогда и позже брушлат кроили коротким, двубортным на пуговицах, с отложным воротником.

Военные ателье и магазины

Лучшие находились на Невском проспекте, Большой Морской, вдоль Екатерининского канала, в самом центре блистательно безликой, однообразно красивой столицы. Здесь не жалея, с размахом тратили деньги гвардейские фаты, а портные с тороватым прищуром нахваливали им ладные мундиры, аккуратные фуражки, пальто из лучшего английского сукна и хвастали особенно удачными виньетками на золотом шитых воротниках. Цокали, влажно причмокивали – для убеждения. И офицеры поддавались. Здесь не принято было торговаться. Здесь шик и «тонность» высоко ценили и потому так дорого оценивали.

На грифах особенно щеголеватых мундиров и подкладках особенно аккуратных фуражек золотилось имя: «Н. Норденштремъ». Его знали все без исключения авантажные офицеры и генералы столицы. Это было лучшее и старейшее в Петербурге ателье военного платья, находившееся в доме № 46 по Невскому проспекту. Принадлежало оно кряжистому и крепкому скандинавскому клану портных. В 1821 году основатель фирмы швед Николай Норденштрем приехал в столицу с твердой лютеранской верой в обогащающую силу труда. И в вере своей утвердился. Фирма начала процветать. С 1850-х годов мастерскую возглавляли его племянники – братья Николай и Карл Норденштремы. Знатоки моды, кудесники кроя, сладчайшие льстецы, они умели уместить любого сдобного гвардейца в тесный полукафтан с аполлонической талией и аккуратно обернуть тоннягу-преображенца в мужицкий мундир, не принизив его высокого происхождения. Они знали назубок размеры и капризы именитых клиентов, умели им потакать и гениально подчиняли своей воле.

Придя с новенькой формой к какому-нибудь августейшему спесивцу, они обращали гостиную особняка в гимнастический зал. А дальше было так. По величественно тихому приказу Карла Ивановича спесивец послушно поднимал и опускал руки, крутился вправо, а потом влево, нагибался и разгибался, приседал и даже прыгал. Не проронив ни одного слова. В это время Карл Иванович, сосредоточенно насупившись, медленно обходил «гимнаста», одергивал полы и рукава, грубо охлопывал плечи и грудь, бесцеремонно хватал за талию. Так он проверял посадку новенькой формы. Августейшие особы не обижались – после таких вот физических упражнений, тычков и хлопков и небольших правок мундир сидел как литой, как на портретах холодно-звонкого Крюгера. Угрюмые скандинавы верно служили Александру II, Александру III и пестро щебечущей толпе молодых франтов из великих князей и князей крови. Мундиры, шаровары, фуражки их фирмы хранились в раздушенных, табаком пахнущих гардеробах императора прусского, короля английского, царя болгарского, принца сиамского...

Норденштремы правили в военном Петербурге авторитарно, но не единолично. Были достойные конкуренты. Второй гильдии купец Степан Яковлевич Доронин оспаривал у Норденштремов звание первого гвардейского портного. Его ателье на Невском проспекте в доме 56, основанное в 1870 году, быстро прославилось. Поклонников «доронинских» мундиров было много и среди гвардейских офицеров, и среди высочайших особ.

Известное на весь аристократический Петербург ателье Якова Дмитриевича Дмитриева, расположенное на Литейном проспекте в доме 40, шило прекрасное военное платье и форму чиновников. Сначала Дмитриев был полковым портным, быстро разбогател, поднабрал мастерства, весу в обществе, разжился нужными связями. В 1874 году вышел в отставку и открыл мастерскую. Дело пошло. «[Дмитриев] участвовал в двух ремесленных выставках, – отмечал П. Спасский, – в 1885 году получил бронзовую медаль, в 1899 году получил большую золотую медаль. Мастерская его работала и теперь работает большей частью для высокопоставленных лиц и представителей военной аристократии. Ныне годовой оборот дела Якова Дмитриевича

Реклама магазина и фабрик офицерских вещей М. И. Скосырева.
Гравюра. Конец XIX в.
Архив О.А.Хорошиловой

достигает крупной суммы»[46]. Годовой оборот рос одновременно с количеством наград. На черном парадном фраке Дмитриева переливались рубиновой эмалью ордена Св. Анны и Св. Станислава III и II степеней, а на тугом пикейном жилете дребезжала толстая золотая цепочка от часов (императорская корона, герб на крышке). Их подарил портному Николай II.

Императоры, великие князья и богатые офицеры часто отправляли денщиков к Александру Михайловичу Скосыреву. В его магазине на Владимирском проспекте можно было одеться с головы до ног и приобрести необходимые аксессуары, к примеру галунные портупеи и великолепные аксельбанты. Мундирное шитье петербургские гвардейцы заказывали в мастерской «Мария Залеман», владела которой Анна Васильевна Артемьева. Стоило оно недешево – около 30 рублей, но офицеры денег не жалели, так как результат был всегда бесподобен.

В 1890-е годы в когорту избранных, монархом обласканных портных торжественно вступил Лев Петрович Михельсон. Начинал он в Туле, работал в небольшой лавке готового платья. В 1882 году перебрался в Москву – поближе к деньгам и свету. Здесь он получил тоскливое место конторщика у купца Матвеева, владельца нескольких магазинов мужского платья. После отбывания воинской повинности ненадолго вернулся к скучному Матвееву. В 1893 году его пригласил в Петербург купец Сагалов – соблазнив должностью главного уполномоченного при двух магазинах. Но и там не задержался Михельсон – переметнулся к Даттелю, став управляющим магазина «Невский базар». В 1896

[46] История торговли и промышленности в России (под ред. П. Х. Спасского). – СПб., 1910. Т.1. – С. 276.

году он открыл собственную лавку военного и статского платья «Симеоновский магазин» (улица Большая Симеоновская, д. 5). И, как писал современник, «стал вести свое дело с успехом – при помощи Божией и добрых людей». В правление Николая II в магазине Михельсона ошивались сплошь щеголи – гвардейские офицеры, пшюты-лицеисты и хлыщеватые задастые студенты.

Хорошую, ладную, но без паркетного щегольства форму покупали в «Магазине военных вещей» купца Петра Никитича Жигунова (Большая Садовая улица, 50). Были известны и другие фирмы – «Магазин офицерских вещей» Соломона Яхеса (Гороховая улица, 44), «Леон Кастильон» (Большая Морская улица, 16), петербургские и московские магазины И. В. Рапопорта.

Иногда, впрочем, вещи не покупали, а получали в подарок. Младшие братья-подпоручики офицерские темляки от старших братьев, усастых капитанов. Отличившиеся генералы и адмиралы – часы и запонки от августейших особ. Адмирал Арсеньев, к примеру, вспоминал такой подарок: «Накануне праздника Рождества Христова у императрицы была елка для детей... Мне, между прочим, императрица подарила пуговицы (boutons de manches[47]) с греческой надписью: "AEI" (навсегда). Я был этим очень тронут... Эти пуговицы и теперь сохраняются у меня»[48].

Магазин «Фанни» (улица Караванная, 14) особенно любили морские офицеры. Там продавали непромокаемую одежду «из серого и черного мелюскина утвержденного образца» – сравнительно недорого: пальто на подкладке с пуговицами и петлицами – 14 рублей, без пуговиц и петлиц – 9 рублей. Тужурки стоили 8 и 6 рублей соответственно. В этом же магазине по заказу обрабатывали ткани специальным водоотталкивающим раствором. Аналогичные вещи продавала и М. Собенникова в магазине на Казанской улице, 22.

Сапоги и ботфорты заказывали в «Товариществе Санкт-Петербургского механического производства обуви» (с 1910 года – «Скороход»). Магазины его были всюду: в столице – на углу Морской и Гороховой улиц, в Гостином дворе, на Невском проспекте в доме 61; в Москве – в Пассаже и Верхних Торговых рядах. А еще в Одессе, Киеве и Варшаве. Ботфорты были превосходные. Аккуратные, фасонистые, с какой-то особенной выправкой и статью. Словом, настоящие кавалергарды среди кавалерийской обуви. Пара таких, принадлежавшая Николаю II, хранится ныне в музее Царского Села.

Офицеры флота страдали от дефицита прочной обуви. Даже в столице сложно было достать ладные крепкие сапоги для дальних морских походов. Продавали красивую дрянь – для паркетов и петербургской брусчатки. В соленых штормах они разбухали и растекались словно бумажные. Но был выход – покупать обувь за границей. Адмирал Дмитрий Сергеевич Арсеньев во время плавания на канонерской лодке «Морж» в 1860 году приобрел славную непромокаемую пару в богом забытом Фальмуте: «Прогуливаясь по фальмутским улицам... я наткнулся на сапожную лавку, хозяин которой, сидя перед своими дверьми, точал грубые матросские сапоги, и я спросил его, могут ли быть сделаны сапоги *действительно непромокаемые*. Спросил я это потому, что имевшиеся у нас сапоги, заказанные за дорогую цену в Лондоне как непромокаемые, оказались во время только что выдержанного нами шторма совершенно промокаемыми... Поэтому я был приятно удивлен, когда сапожник мне ответил, что, конечно, можно иметь действительно непромокаемые сапоги и что он такие и делает. Хотя я ему и не вполне поверил, но все-таки заказал ему пару сапог. К счастью, они оказались действительно совершенно непромокаемыми, если только их смазывать салом, как мне рекомендовал это делать сапожник, и я во все время нашего полуторагодового плавания, как бы мы ни были обливаемы волнами и дождями, никогда не промачивал себе ног»[49].

---

47 Boutons de manches (*с фр.*) – запонки.

48 Арсеньев Д. С. Из записок адмирала / Русский архив. – Кн. 3, вып. 10, 1910. – С. 385.

49 Арсеньев Д. С. Из записок адмирала / Русский архив. – Кн. 3, вып. 10, 1910. – С. 271.

Набрюшники, напульсники, а также носки без швов, нужные в армейском быту, покупали в магазине Юлия-Германа Готлиба на Владимирском проспекте в доме № 2. Торговец не скупился на развернутую рекламу с подробным прейскурантом: «Набрюшники, предохраняющие желудок от простуды: фланелевые красные – 90 к., двойные красные и белые – 1 р. 50 к., эгерские самые практичные – 2 р. Цена носкам 5 р., чулкам – 7 р. за дюжину; самые тонкие носки – 6 р., чулки – 9 р. за дюжину. Предостерегаю гг. покупателей, что некоторые торговцы продают другие сорта за джутовые».

За внешностью своей офицеры следили ревностно. Усы и бороды стригли по последней моде, терпеливо расчесывали, умащали пахучими снадобьями. В конце 1880-х – начале 1890-х была популярна венгерская помада «Армин» – «для холи и мягкости усов и бороды». Ее покупали в лавке Г. Пюпа в Пассаже и столичных аптекарских магазинах. Стоила баночка 1 рубль 40 копеек.

Все элементы формы, аксессуары, красивые мелочи, бытовую всячину, мыло и помаду можно было купить в мастерской и магазинах Гвардейского экономического общества. Там, кстати, предлагали и любопытные варианты офицерской спортивной одежды по системе доктора Егера: «Белье шерстяное, толстая вязаная фуфайка и наколенники тоже чистой шерсти; форменные брюки и затем по желанию: мундир, сюртук или тужурка; фуражка с наушниками и козловые сапоги. Носки обязательно шерстяные. Несмотря на видимую легкость, такой костюм будет служить наилучшей защитой от простуды»[50].

В 1890-е годы Гвардейское экономическое общество только формировалось, набирало финансовый вес. Его краткая и блистательная эпоха началась позже, в декабре 1909 года, когда громко, под медные трубы оркестров и простуженных генералов открылся центральный магазин общества в строго помпезном неоклассическом здании, похожем на ростру гигантского торгового корабля.

На стр. 109

Витя Рыков, воспитанник 1-й Московской военной гимназии, в летней форме одежды – однобортном мундире образца 1872 года, белых полотняных шароварах и кепи образца 1862 года. Ателье «Фотография Назимова», середина 1870-х гг. *Архив О.А. Хорошиловой*

Кадеты, юнкера, гардемарины

Россия – страна мундира. Но мундир нужно было уметь носить. Этому искусству учили с детства. Десятилетних румяных мальчиков отправляли в кадетские корпуса – на перевоспитание, на переплавку. Там их закаляли, вымуштровывали до стального солдафонства и, если повезет, неплохо образовывали. Там, в гигантских звонких залах, раскатистых булыжных дворах, в курилках и туалетах, мальчишек учили носить форму. Делом это было непростым. Сначала они привыкали ходить строем, потом – шагать в строю. Парадомания вошла в армейский обиход еще при Николае Павловиче. При Александре Николаевиче идеальные литые шеренги, выгнутая грудь, ровные ноги и острый носок все еще высоко ценились. Следовало красиво держаться, стоять и сидеть навытяжку, с руками по швам. Приемчики эпохи фрунтомана Александра II были актуальны и во время последнего российского императора. К примеру, моего деда и других воспитанников 2-го кадетского корпуса преподаватели заставляли обедать по старинке – с толстенными книгами под мышками. Древний способ отучить мальчишек раскидывать локти. Кто ронял тяжеленный том, получал выговор. Иногда наказывали строже.

Но кадеты должны были уметь не только ходить и сидеть. Они должны были врасти в форму, знать все ее детальки, все ее «ремешки». Десятки уставных правил зубрили на лекциях и строевых занятиях. Правила хорошего тона выучивали в тусклых коридорах, спальнях и туалетах – подальше от глаз начальства.

В 1855 году кадеты надели шаровары и двубортные полукафтаны армейского образца – с шестью пуговицами по борту и закругленным воротником, на котором в 1856 году появились галунные петлицы (по одной или две на каждой стороне). Две такие же, но короче, украсили обшлага. Цвет погон зависел от номера корпуса: первым присвоили красные погоны, вторым – синие, третьим – белые, четвертым – темно-зеленые. Регламентировался и

50 Зимний костюм офицера для прогулок на самокате / Разведчик, 1893, № 167. – С. 1039.

цвет выпушки, зависевший от военно-учебного округа: В Санкт-Петербургском (кроме 1-го корпуса) – красная, в Московском (кроме 2-го корпуса) – светло-синяя, в Западном (кроме 3-го корпуса) – белая. В том же году кадеты получили в качестве летней повседневной одежды полотняную блузу. Как только армия надела небольшие будто бы примятые кепи, их ввели и воспитанникам кадетских корпусов.

Учившимся в Оренбургском Неплюевском и эскадроне Сибирского кадетских корпусов присвоили обмундирование казачьего типа – темно-зеленый полукафтан, застегивавшийся по центру на крючки, закругленный воротник, обшлага по-кавалерийски мыском и эффектную кавказскую папаху с красным верхом. Но 1866 году эту эффектную форму пришлось снять и примерить скучное общекадетское обмундирование.

В 1863 году начались милютинские реформы, корпуса были преобразованы в военные гимназии, увеличился штат «гражданских» преподавателей и сократилось количество специальных дисциплин. Военный министр мечтал максимально приблизить эти заведения к гражданским гимназиям. Впрочем, кардинальные изменения почти не отразились на внешности кадет. Они носили ту же форму – двубортные темно-зеленые мундиры, а с 1872 года – однобортные на восемь пуговиц, серые шинели, шаровары и кепи, так же стройно ходили классами и тянулись перед воспитателями, не могшими привыкнуть к новому, почти гражданскому статусу своих воспитанников. В таком обновленном реформированном виде гимназии просуществовали двадцать лет.

В 1882 году их переименовали в кадетские корпуса и создали новый штат воспитателей из офицеров. Форма изменилась частично. Ввели шерстяной кушак цвета погон, фуражку с козырьком и кокардой. Увеличили количество часов на строевые занятия, старший класс (возраст) переименовали в строевую роту. В 1885 году вернули звания вице-унтер-офицера и вице-фельдфебеля. Первые отличались погонами с галуном по отлету, а вторые носили еще и продольную галунную полоску посередине.

Камер-паж в строевом двубортном мундире образца 1855 года.

Ателье «И. Бранденбург», Санкт-Петербург. Начало 1860-х гг.
Архив О.А. Хорошиловой

Но как бы ни менялись программа, методика и атмосфера в корпусах, традиции оставались незыблемыми. По заведенному в корпусах порядку новички ходили только в казенной форме, которую кое-как подбирал им вечно уставший, вечно недовольный дядька, начальник швальни. Лишь старшеклассники могли сшить отпускную форму в ателье по мерке, однако это приветствовалось не во всех корпусах.

Серьезно провинившихся кадет наказывали по традиции срезанием погон с мундира, считая, что позор пойдет виновнику на пользу. Ошибались. Кадет либеральной эпохи было не так просто вогнать в краску. Спарывание погон не помогало, и тогда придумывали альтернативные способы воздействия на разболтавшихся мальчишек. К примеру, в 1-й Московской военной гимназии ввели «каторжный» класс, куда собирали всех провинившихся и разными хитрыми приемами старались благостно воздействовать на совесть. Николай Андреевич Якубович, воспитатель этой гимназии в 1860-е годы, вспоминал: «Средний возраст был, однако, самый трудный. Там было одно классное отделение – "каторжное". К нему был назначен особый, чрезвычайно строгий воспитатель, с особыми полномочиями. Почти половина из этого отделения ходила в серых куртках, в лазаретных халатах или мундирах, вывернутых наизнанку. Это была одна из мер для их обуздывания. Снятия погон не произ-

На стр. 110

Воспитанник младшего специального класса Пажеского Его Величества корпуса в мундире образца 1872 года и фуражке, введенной в 1882 году вместо упраздненного кепи.

Ателье «Д. А. Борель», Санкт-Петербург. 1883-1887 гг.
Коллекция В.В. Авдеева (Санкт-Петербург)

М. Брысин, воспитанник Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса, в классном (повседневном) чекмене и шароварах с лампасом, которые разрешалось носить только с парадной формой. Такое нарушение устава можно объяснить. Придя к фотографу в повседневном платье, мальчик захватил и парадные шаровары с широкими лампасами для того, чтобы запечатлеться в них. Потому он позирует в легком развороте, чтобы они были лучше видны.

Неизвестное ателье, Оренбург. До 1866 г.
Архив О.А. Хорошиловой

Воспитанник Иркутского юнкерского училища, открытого в 1874 году и готовившего офицеров из вольноопределяющихся казаков.
Иркутск, 2-я половина 1870-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

водило на них никакого впечатления, а потому их, как недостойных носить форму заведения, одевали в шутовские костюмы. В них они ходили в классы и в столовую, но и это не помогало. Тогда заведены были смирительные рубашки, с длинными рукавами. Их надевали на разбушевавшихся мальчуганов, связывая рукава крест-накрест, и, таким образом, добивались, чтобы буян успокоился»[51].

И младшие и старшие тщательно следили за опрятностью формы – не столько по приказу, сколько из любви к щеголеватой чистоте. Особенно старательно скребли сапоги и драили пуговицы мундиров. Происходило это в специальных помещениях – чистильнях, обыкновенно утром, до завтрака: «В маленьком коридоре стоят несколько грязных скамеек, на них расставлены тарелки с рыжей ваксой, протертые щетки и толченый кирпич. Подле скамеек толкотня, возня, спор из-за щеток и гербовок (особых дощечек для чистки пуговиц)... Более предусмотрительные и заботливые воспитанники с вечера почистили уже сапоги и платье, теперь бродят по рекреационным залам и "подзубривают". Дневальные солдаты, составлявшие нашу прислугу, за незначительную плату чистили сапоги и платье двум-трем кадетам, имевшим возможность платить им за это... "Строиться!" – доносится приказание дежурного. Все тянутся в зал. Начинается осмотр. Расстегиваются куртки. Осматривают, все ли пуговицы. Поворачивают направо и налево»[52].

По традиции форсили старшие классы – с видимым послушанием следуя уставу, юноши наловчились искусно и незаметно его нарушать. Слегка утягивали талию, чуть расширяли полы мундира, носили шаровары немного шире положенных и, как отмечал Николай Якубович, «ходили без подтяжек, с всклоченными волосами, вечно пробовали свои мускулы». Но это в корпусе. Вне его стен позволяли гораздо больше. Все, что знал кадет о хорошем тоне, что слышал о моде и щегольстве, он пытался отразить в костюме для бала. И не было пределов совершенству. Василий Кривенко очень точно описал паркетную внешность фатоватых кадет: «Лицо и руки по нескольку раз вымыты яичным мылом; волосы припомажены, пуговицы и сапоги вычищены до пределов возможности. Некоторые шикари – в собственных мундирах с офицерскими петлицами, с крахмальными выставленными воротничками и манжетами. Вкус наш неприхотлив, и нам кажется, что они хорошо одеты»[53]. Мальчишки из кожи вон лезли, чтобы выглядеть пижонисто. Кому позволяли финансы, покупал лайковые перчатки, помаду и модный парфюм. Все прочие выдумывали способы, как, не потратив ни копейки, превратиться в фертов. Запачканные перчатки тщательно мыли, выжимали в полотенцах и сушили за окнами для скорости, симулировали простуду и тащили из лазаретов пузырики с репейным маслом и умащали им волосы.

Готовясь к балу, старательно копировали приемчики какого-нибудь образцового кор-

[51] Якубович Н. А. (Гриневич Н. В.). Летопись и мысли старого педагога / Русская старина, 1913, Т. 154. – С. 164.

[52] Кривенко В. С. В министерстве двора. Воспоминания. – СПб.: Нестор, 2006. – С. 46.

[53] Там же. С. 89, 90.

пусного щеголя из молодых воспитателей. Кривенко, к примеру, вспоминал, как его соученики по корпусу до комичного подражали конноартиллеристу Драншему: «Им нравится эта походка, нравится его бравая фигура, и ему подражают. Стараются так же, как он, откидывать назад голову, так же держать правую руку между второй и третьей пуговицей мундира, так же по-балетному ходить и постукивать каблуками в мазурке». Впрочем, и сам конноартиллерист поручик Драншем злостно нарушал устав, являясь на бал в эполетах капитана, при высоком воротничке и толстенной часовой цепочке.

Однако как бы ни фиксатуарились кадеты, на балах они не могли конкурировать с пажами, с их завидным происхождением, высоким положением в военно-учебной иерархии и банально красивой формой. В начале царствования Александра II строевая форма пажей включала кожаную каску, шаровары, темно-зеленый двубортный полукафтан с 8 пуговицами по каждому борту и золотыми петлицами, украшавшими гвардейский скошенный воротник, обшлага, а у камер-пажей еще и карманные клапаны сзади. Придворная форма, богатая, дорогая, во многом напоминала костюм первых чинов двора. Темно-зеленый однобортный полукафтан был расшит жирными, рельефными петлицами, которые укорачивались к талии и расширялись от талии к низу. К нему полагались белые суконные шаровары, украшенные у камер-пажей золотым галуном по боковым швам, ловкие лакированные сапожки с тенькающими шпорами и золотая галунная портупея со шпагой для камер-пажей.

Круговорот постановлений об изменениях и уточнениях формы затронул и пажеский костюм. К примеру, уже в 1857 году придворные шаровары отменены, вновь введены белые панталоны и здоровенные, будто литые, ботфорты. В 1862 году воспитанники корпуса надели кепи – белые с красным околышем, потом они стали черными. Каски до 1872 года надевали только с придворной формой.

В 1870 году была опубликована новая табель пажеского обмундирования. Оно делилось на два типа – для специальных и для общих классов. Первый включал в себя четыре вида формы. Придворная для камер-пажей подразумевала однобортный мундир с горизонтальными петлицами, каску с белым султаном, короткие из белого трико панталоны, ботфорты и полусапожки (во время дежурства во дворце), белые замшевые перчатки, серый плащ-пальто офицерского образца. Пажи носили аналогичную форму, но вместо панталон – белые шаровары, на каске – черный султан, обувь – полусапожки без шпор. Строевое платье камер-пажей и пажей состояло из темно-зеленого двубортного мундира на 8 пуговиц со скошенным воротником (в начале

Воспитанник Александровского военного училища в парадной форме образца 1863 года. Обращают внимание неуставные шаровары, расширяющиеся к низу на морской манер.
Ателье «Фотография Цикен», Москва. Середина 1860-х гг.
Архив О.А. Хорошиловой

Воспитанник Морского кадетского корпуса в двубортном мундире с отложным воротником, украшенным петлицами, и белыми погонами.
Ателье «Фотография Каррика и Мейера», Санкт-Петербург. 1-я пол. 1860-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Гардемарин Морского училища Николай Оглоблинский.
Его белые суконные погоны с галуном украшены якорями желтой меди, введенными для гардемарин еще в 1832 году. Оглоблинский отрастил усы, которые разрешили отпускать в 1873 году.
Ателье «Грюнберг», Санкт-Петербург. 1881 или начало 1882 г.
Архив А. и В. Гофманов (Париж)

1870-х он стал однобортным), темно-зеленых зимних и белых летних шаровар, шинели и черного кепи с красным околышем и галуном. В отпуск уходили в том же, но шаровары были без штрипок. Классная и домашняя форма представляла собой комплект из однобортного на 9 пуговиц вицмундира со стоячим закругленным воротником, темно-зеленых шаровар (их носили даже летом), гимнастерки и кепи без герба и султана. Обмундирование общих классов в целом было похоже на описанное выше. Однако в качестве классного и домашнего платья носили короткие двубортные плащи вместо вицмундира. Правда их, как и вицмундиры, вскоре отменили и ввели новые – однобортные на 8 пуговиц.

В эпоху Александра III пажеская форма существенно не менялась. Лишь в 1882 году кепи отменили и ввели фуражки – темно-зеленые с алым околышем. От них камер-пажи избавлялись еще до официального окончания корпуса. Происходило это обычно на летних красносельских военных сборах. Многие юнцы, уже выбрав будущее место службы, спешили похвастаться громким именем и головным убором старинного гвардейского полка. Георгий Петрович Миллер вспоминал: «В начале июня пажи участвовали уже в занятиях красносельских войск... Всякий трепал, в какой полк выйти, шли бесконечные споры и дебаты, где лучше, где производство скорее... Рассуждали о том, какой портной лучше шьет форму,

какие клинки для сабель лучше, и еще в лагерях у каждого камер-пажа была налицо офицерская фуражка избранного им полка, в которой он щеголял в свободное от занятий время в шатре, возбуждая зависть пажей младшего специального класса, которым еще год приходилось ждать этой благодати»[54].

54 Миллер Г. В. Воспоминания пажа / Исторический вестник, 1897, Т. 68, № 4. – С. 168.

Юнкер Санкт-Петербургского пехотного юнкерского училища в форме образца 1881 года.
Ателье «E. Breuer», Санкт-Петербург. Начало 1900-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

При Александре II, благодаря стараниям военного министра Милютина, произошли серьезные изменения в военном образовании. В начале 1860-х учебные заведения разделили на общеобразовательные и специальные. К первым причислили кадетские корпуса, а также общие классы Пажеского корпуса. Ко вторым, готовившим офицеров, – недавно сформированные военные училища (1-е Павловское, 2-е Константиновское, 3-е Александровское, Николаевское кавалерийское), юнкерские училища, в которых обучались юнкера и унтер-офицеры из вольноопределяющихся. Два старших класса Пажеского корпуса соответствовали двум курсам военного училища, потому юноши прямиком из него выходили в полк офицерами.

Юнкер Николаевского кавалерийского училища в парадной форме.
Ателье «Ю. Штейнберг», Санкт-Петербург.
2-я пол. 1880-х гг.
Коллекция В.В.Авдеева (Санкт-Петербург)

В 1863 году сформированные военные училища получили единообразную форму. Темно-зеленый двубортный мундир с красным закругленным воротником без петлиц, но с золотым армейским галуном по верхней части. Погоны, обшитые галуном, отличались цветом и вензелями: в Павловском – светло-синие с вензелем «П» под короной, в Константиновском – красные с вензелем «А» под короной, в Александровском – белые с коронованной буквой «А». На пуговицах, а также ременной бляхе была выбита гренада. Шаровары носили темно-зеленые, летом – белые из гвардейского фламского полотна. Полагались также серая шинель, башлык, короткий плащ для домашних занятий и черный кепи с красным околышем. Многим такая форма не нравилась. Василий Кривенко, учившийся в «Павлонии», относился к их числу: «Двубортный мундир армейского унтер-офицера нельзя сказать, чтобы особенно красил юношеские фигуры, хотя с ним еще можно было мириться; но что особенно было уродливо – это кепи австрийского образца, совершенно не соответствовавшие славянским лицам»[55].

В 1864 году воротники мундира стали темно-зелеными, но с красными суконными клапанами, пуговицы – в Павловском и Александровском – с короной, в Константиновском – гладкие. В 1872 году юнкера надели однобортные мундиры на 8 пуговиц. Спортивных костюмов не существовало, поэтому домашние костюмы дополнялись специальными элементами. Фехтовали в толстых неуклюжих нагрудниках и шлемах с сетками, верховой ездой занимались в синих рейтузах с кожаными ластовицами.

В военных училищах эпохи Александра II существовало много традиций, связанных с формой. К примеру, ротных писарей из юнкеров (над которыми постоянно издевались и подшучивали) одаривали почетными синими штанами штабных бумагомарак. Мундиры и амуницию было принято отдавать на чистку служителям за определенное вознаграждение. Лишь фельдфебели могли пользоваться услугами дядек бесплатно, но и они исправно платили за работу. Традиционно щеголяли и нарушали устав. Василий Кривенко вспоминал одного портупей-юнкера, который во время дежурства скидывал тяжеленные солдатские сапоги и залезал в мягкие домашние тапки. Делал он так до тех пор, пока не попался на глаза великому князю Николаю Николаевичу Старшему. За этот проступок юнкер угодил на месяц в карцер. Юнкера обожали театр, особенно Мариинку, куда они отправлялись, увы, в казенном обмундировании, гремящих сапожищах, но зато в купленных на собственные деньги белых лайковых перчатках. В театре они не сдавали шинели – из экономии, а клали их на сиденье. И конечно же, по давно заведенной традиции, юнкера готовились к выпуску загодя – договаривались с портными, обсуждали с родителями «офицерское приданое», которое в бедных семьях подразумевало «гвардейское» одеяло, а в богатых – «бобры для шинели и каракуль для пальто с придачею пятисот рублей для полной столичной экипировки»[56].

Юнкера Николаевского кавалерийского училища выгодно отличались от «пылящих армейцев» своей пижонистой формой, заимствованной у гвардейских драгунских унтер-офицеров. Воспитанники Оренбургского военного училища с 1866 по 1870 год, когда заведение закрылось, щеголяли в казачьих чекменях и папахах. Юнкера Михайловского артиллерийского и Николаевского инженерного училищ носили форму унтер-офицеров армейской пешей артиллерии и армейских саперных батальонов соответственно.

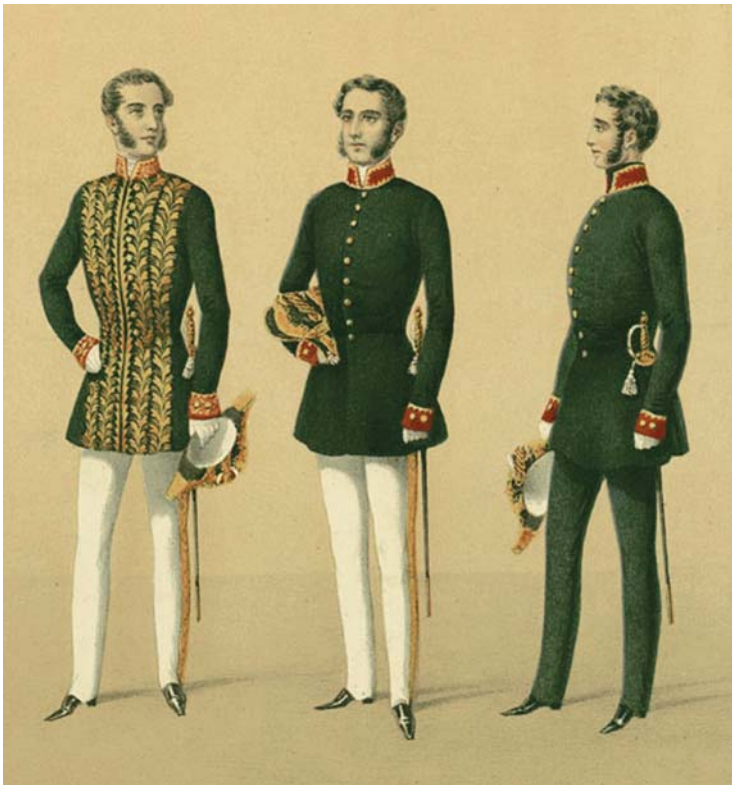
В 1882 году юнкера военных училищ надели армейский «мужицкий» мундир на крючках, шаровары и барашковые шапки, воспитанники Николаевского кавалерийского училища – новое обмундирование гвардейских драгун.

Воспитанники пехотных и кавалерийских юнкерских училищ носили форму тех полков, в которых официально состояли,

---

55 Кривенко В. С. В министерстве двора. Воспоминания. – СПб.: Нестор, 2006. – С. 120.

56 Кривенко В. С. В министерстве двора. Воспоминания. – СПб.: «Нестор», 2006. – С. 133.



но погоны по отлету украшал юнкерский галун, а у вольноопределяющихся – еще и шерстяной трехцветный шнур.

Форма воспитанников Морского корпуса менялась в соответствии с общей реформой обмундирования. В 1855 году они надели новые темно-зеленые полукафтаны – двубортные, на 12 пуговиц, с белыми суконными погонами и с закругленным воротником, на котором вскоре появились золотые галунные петлицы (по одной на каждой стороне). С 1857 года на морские учения и прогулки вместо кивера надевали круглые матросские шляпы с широкими полями. Верхней одеждой служили черные «зипуны» с погонами и петлицами, домашней – однобортные куртки на 9 пуговиц с шароварами, а летней – белые просторные рубахи и брюки. В 1860 году появилось новое звание – гардемарин «по признанному неудобству производства воспитанников морских учебных заведений при выпуске прямо в офицеры». И отныне, чтобы получить заветные эполеты мичмана, юноше нужно было целых два года проходить под парусом в звании гардемарина. А для того, чтобы они получше узнали быт корабля, сплавались с людьми и получили практические навыки, повелено было, «чтобы все гардемарины назначаемы были ежегодно в кампанию и преимущественно на суда, отправляемые в заграничные плавания». «Гарды» надели форму, в которой сочетались кадетские и офицерские элементы: темно-зеленый двубортный мундир с погонами, но не белыми, а темно-зелеными, украшенными обер-офицерским галуном и якорем по середине, шляпу с петлицей, фуражку, пальто и саблю с темляком, как у офицеров. При парадной форме вместо правого погона на мундире носили жирный золотой аксельбант с «витушкой», похожей на аппетитную слойку, к которой крепился медвяный якорь. С 1882 года звание гардемаринов стали давать не тем, кто совершил несколько летних плаваний, а воспитанникам старшего курса Морского училища. Им присвоили белые суконные погоны с якорями из желтой меди.

Форма воспитанников Инженерного и артиллерийского училища Морского ведомства весьма напоминала описанную выше. В 1856 году, когда возникло это заведение,

Парадная, праздничная и обыкновенная форменная одежда членов Государственного совета. Высочайше утверждена 8 марта 1856 г. Рисовал А. Беземан. Литография А. Э. Мюнстера. РГИА. Ф. 1409. Оп. 10. Д. 334. Л. 2.

Парадная форменная одежда государственного канцлера иностранных дел. Высочайше утверждена 8 марта 1856 г. А. Беземан. Литография А. Э. Мюнстера. РГИА. Ф. 1409. Оп. 10. Д. 334. Л. 1

Егермейстер, ландмаршал Эзеля, барон Александр Артурович Буксгевден в парадной форме военного покроя вторых чинов императорского двора образца 1856 года. На плечах заметны особые погоны из золотого жгута, присвоенные шталмейстерам и егермейстерам двора. На шее и груди – белые мальтийские кресты прусского ордена Св. Иоанна Иерусалимского.
Неизвестное ателье, нач. 1910-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Обер-шенк граф Павел Сергеевич Строганов в парадном мундире первых чинов императорского двора образца 1855 года.
Среди его наград – лента и звезда ордена Св. Анны I-й степени.
1890-е гг. Фототипия. *Архив О.А.Хорошиловой*

Чиновник в мундире 5-го разряда министерства юстиции с полным шитьем на воротнике и обшлагах.
На пуговицах виден министерский чекан – столп закона.
К началу XX века мундиры, введенные в 1855 – 1856 годах, практически не изменились.
Ателье «М. Козлов», Астрахань. 1900-е гг.
Архив О.А.Хорошиловой

юнцы надели новенькие темно-зеленые полукафтаны, совсем такие же, как у мальчишек Морского корпуса, но погоны шили из красного сукна, воротник украшала одна серебряная петлица, а на обшлагах их не полагалось. Шинель носили серую суконную, шаровары – зимой темно-зеленые, летом – полотняные. Классная форма состояла из темно-зеленой фуражки, короткой однобортной куртки со стоячим воротником и девятью пуговицами по борту, шаровар и летних брюк. Была и одежда морских кампаний для воспитанников трех старших классов – зипуны из темно-зеленого сукна, куртки из темно-серой нанки с брюками, круглые клеенчатые шляпы, заменившие кивера в 1857 году.

В 1873 году Морское ведомство издало любопытный приказ, разрешающий воспитанникам Морского и Технического училищ носить усы и бакенбарды. Юноши старших курсов мгновенно обросли, ощетинились, возмужали и стали похожи на молодцеватых стальных гвардейских матросов.

Форменный костюм чиновников

Россия менялась, хотя и медленно. Менялись политика, общество, армия, моды и нравы, идеи и идеологи, и даже правители. Все, кроме чиновников. Уклад и траекторию их жизни раз и навсегда определила пресловутая Табель о рангах. Ее неколебимая никакими временами и реформами вертикаль заставляла тянуться всем канцелярским, суконным существом, лосинами щек, шитьем шеи, жилами парадных мундиров. И жилы рвались – мундиры не выдерживали напрягающей растяжки по вертикали. Но тот, кто тянулся осторожно и умело, тот преуспевал, тот шил новый мундир, с обшивками, богаче прежних. Так выходили в чины. Но не все дотягивались до первых рангов.

Многие были приговорены к низшим классам и обречены на вечное прозябание, мерзлый аллюр по ледяным улицам гоголевских министерских городов. Немногие при-

Иван Никифорович Михайлов, действительный статский советник, известный картограф, профессор Санкт-Петербургского Сиротского института императора Николая I. Позирует в мундирном фраке образца 1855 года. Михайлов награжден орденом Св. Владимира III степени и орденом Св. Станислава I степени. Весьма примечательна надпись на доске: «Научите детей искренне любить свою Родину и ее Верховного вождя». Ателье «A. Lorens», Санкт-Петербург. 1900-е гг. *Архив О.А.Хорошиловой*

вычно ленились и тихо дремали в пыльно-суконных департаментах под мышиный шорох безликих тщедушцев, регистраторов и титулярных и под медный бой услужливых часов, приближавших заветный момент нового чина и новой уютной должности. Фигуры значительные, ленивцы из ленивцев, заплывали желтым кабинетным жиром, обрастали золотой дворцовой бахромой и белой кожей придворных панталон, становились тучны, тупы и неповоротливы, что, впрочем, не мешало им отвешивать машистые поклоны и тянуться, тянуться.

Они всё так же любили взятки – то единственное, что составляло смысл их министерского существования, оживляло их лениво однообразную сонливую службу, заставляло скрипеть их позолоченные грузные перья, жирно выдавливать дорогостоящие «одобря». Чиновники, всякие, и бедные и значительные, обожали мундиры и трепетали при виде сиятельных наград. Многие мечтали о крестах в петличку, немногие – о шейных знаках, ленивцы из ленивцев – о муаровых лентах и лучистых звездах.

Всё было как всегда. Менялась лишь оболочка.

Оболочку придумал император Александр II вместе с высокопородными лицами Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Монарх хотел удешевить чиновничье платье и подчинить его законам логики. И это отчасти получилось. В 1855 и 1856 годах практически одновременно с армейскими были утверждены ведомственные полукафтаны, alter ego чиновников, их вторая суконная кожа. «Общий покрой, – сообщалось в постановлении, – однобортный, застегивающийся на девять гербовых пуговиц, положенных для министерств и ведомств; воротник стоячий, скошенный, суконный или бархатный, где таковые положены, обшлага вместо круглых разрезные; пуговицы: по две на обшлагах, две на лифе и две внизу карманных клапанов»[57]. Цвет полукафтана темно-зеленый. Темно-синие носили только чиновники Министерства народного просвещения, Академии художеств, Главного управления путей сообщения и публичных зданий, департамента духовных дел иностранных исповеданий и гражданские инженеры Горного ведомства. В 1859 году полукафтаны повелели именовать мундирами.

Как и все в жизни «людей двадцатого числа», мундиры подчинялись Табели о рангах, вернее о разрядах. Всего их было десять, и у каждого – строго прописанное в постановлениях количество обшивки. Чины 1, 2 и 3-го разрядов носили парадные, все прочие – обыкновенные мундиры. 1-й разряд отличался богатой вышивкой по воротнику и под ним, по бортам (в три ряда), на полах сзади, на обшлагах, карманных клапанах и по швам (в один ряд). Чины 2-го ранга надевали мундиры с вышивкой на воротнике и под ним, по борту на полах спереди в два ряда, а на полах сзади в один ряд, на обшлагах и карманных клапанах. Чем ниже ранг должности, тем меньше вышивки. Третий разряд не имел вышивки под воротником, у четвертого отсутствовала обшивка по

57 ПСЗРИ, Т. 31, 1856, Ч. 2, № 30247.

Чиновник Министерства юстиции 6-го класса должности (в центре) в двубортном черном форменном пальто с поперечными плечевыми знаками из золотой рогожки образца 1894 года, на воротнике – петлицы и министерская арматура – столп закона.

Неизвестное ателье. 1894-1895 гг.

Архив О.А.Хорошиловой

Чиновник (в центре), не имеющий классного чина, в двубортном укороченном пальто с петлицами и форменной фуражке с чиновничьей круглой кокардой на тулье. Отмечу щегольские сапоги со многими складками, столь популярные в конце 1870-х и 1880-е годы.

Ателье «Восточная фотография и Апельбаум», Одесса. Начало 1880-х гг.

Архив О.А.Хорошиловой

Молодой чиновник в форменном двубортном сюртуке, скроенном с широкими лацканами, модными в 1870-е годы.
Неизвестное ателье, Россия. Начало 1870-х гг. *Архив О.А.Хорошиловой*

Чиновник в мундирном фраке – виден отложной бархатный воротник и пуговицы с чеканом.
Неизвестное ателье, Санкт-Петербург. 2-я половина 1850-х гг. *Архив О.А.Хорошиловой*

бортам. Пятый разряд отличался полным, а шестой – половинным шитьем на воротнике и обшлагах. Те, кто относился к седьмому разряду, заказывали мундиры с половинным шитьем на воротнике и кантом на обшлагах, который не полагался восьмому разряду. Мундиры девятого разряда украшали только лишь канты. Те, кого возраст или судьба приговорили к десятому, самому низкому, разряду, стеснительно расшаркивались и услужливо кланялись в мундирах со скромным росчерком канта на виновато пустом воротнике. И росчерк этот подводил итоговую черту в сложной иерархии шитья.

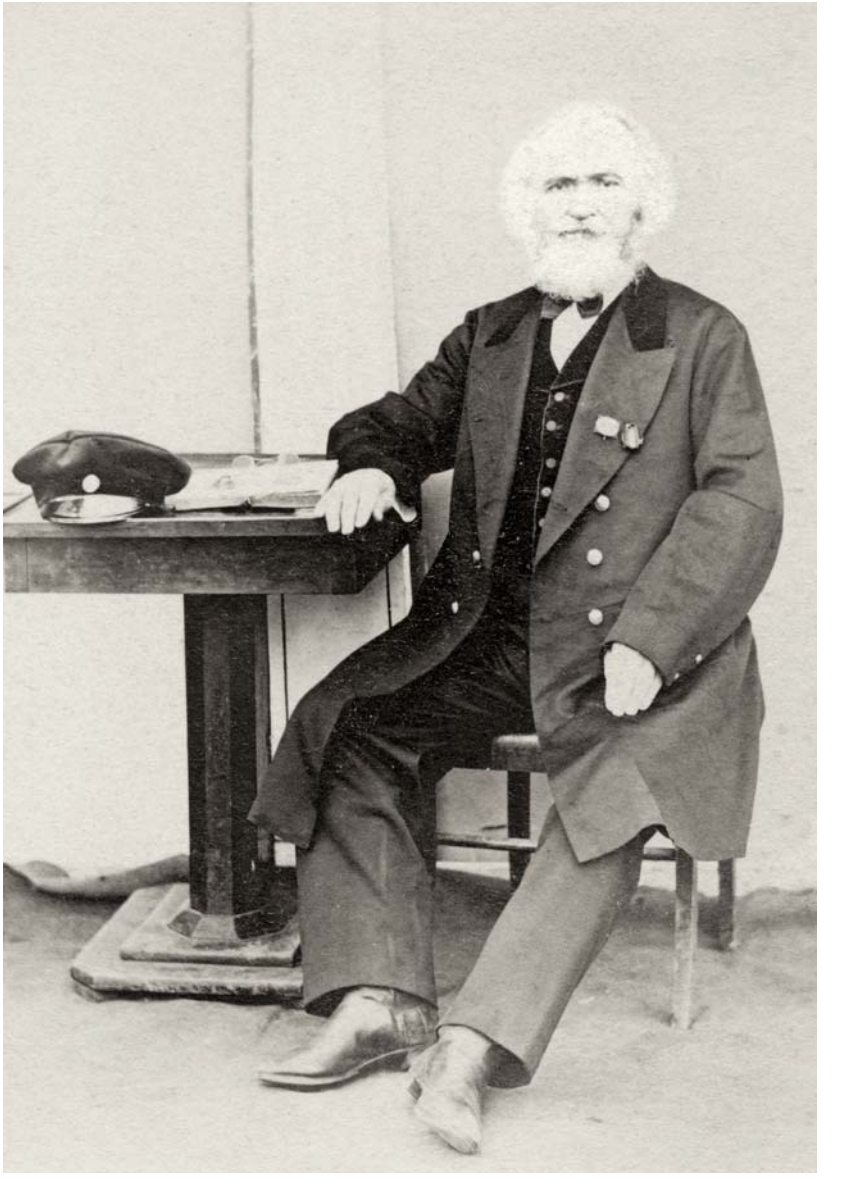
Костюм чиновника был сложен. Помимо мундира носили мундирные фраки и двубортные сюртуки «на шесть пуговиц, с отложным воротником и обшлагами без клапанов, одного цвета с полукафтаном; пуговицы должны быть того ведомства или губернии, где чиновники служат»[58].

В гардеробе хранились суконное двубортное пальто военного кроя и теплая шинель (на меху или вате), белые пикейные и темные суконные жилеты, белые и черные шелковые галстуки, портупея для шпаги, полуботинки и высокие сапоги. Панталоны носили нескольких видов – повседневные, парадные с лампасами, белые с галунными лампасами и без них. Танцующие на придворных балах являлись в белых шелковых кюлотах, чулках и туфлях, совсем как при покойном Николае Павловиче.

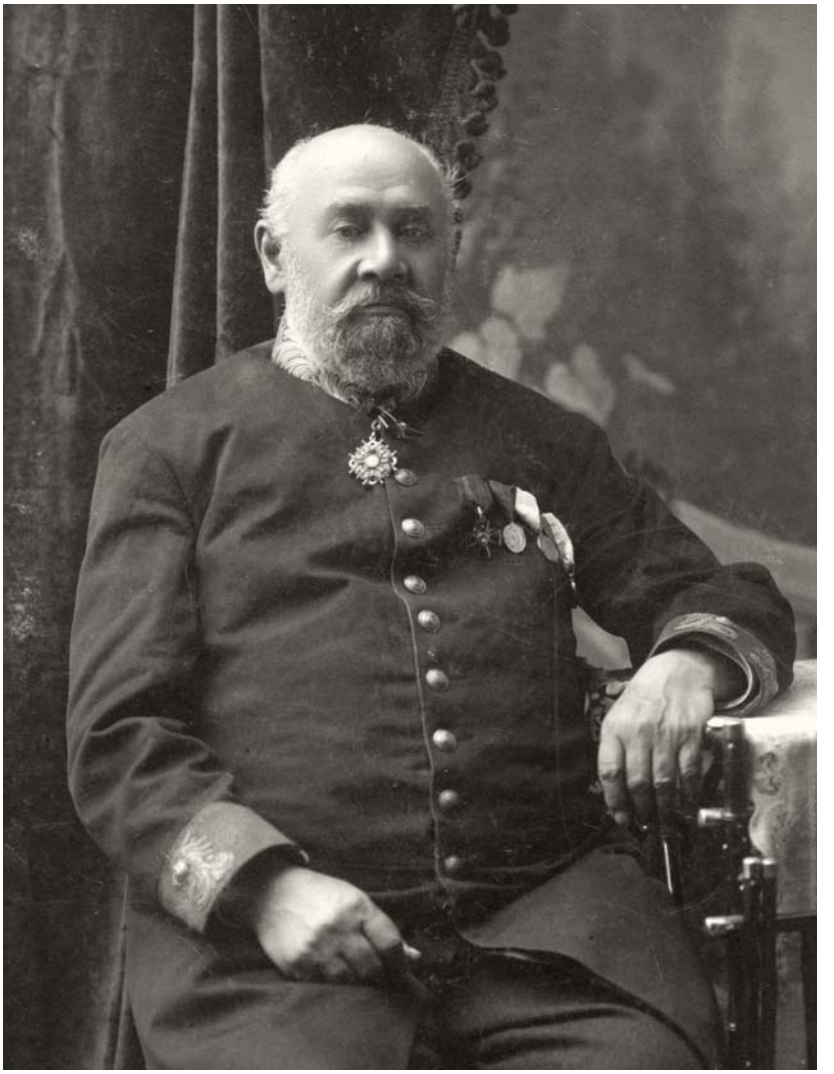
58 ПСЗРИ, Т. 30, 1855, № 29223.

Существовало три головных убора – черная фетровая треугольная шляпа, фуражка с кокардой и круглая пуховая шляпа (цилиндр). Первая, как и мундир, подчинялась Табели о рангах и строго соответствовала классу чиновника. Широкий жирный галун украшал треуголки лиц первых двух классов. Принадлежавшие к третьему и четвертому классам носили такие же галуны, как на шляпах вторых чинов двора. Шляпу чиновников пятого класса украшала генеральская петлица. Суконная фуражка почти ничем не отличалась от военной, однако кокарда была не овальная, а круглая. Околыш и выпушка соответствовали цвету мундирного воротника. Круглые шляпы уставу не подчинялись. Они зависели от финансовых возможностей чиновника и модных веяний.

Но мало было хранить эти вещи в гардеробе. Каждый, даже незаметный покорный коллежский регистратор, должен был знать, как, когда и с чем их сочетать. Устав определил пять видов форменного платья. Парадный вариант, в котором являлись, к примеру, на Высочайшие выходы и большие придворные балы, подразумевал мундир, белые жилет и галстук, белые суконные брюки с галуном (для первых четырех классов) и брюки по цвету мундира (для всех прочих), а также шляпу и шпагу. В праздничной форме послушно выстаивали многочасовые богослужения в присутствии императорской четы, участвовали в освещении церквей и частных крестинах, ездили в маскарад. Она отличалась от парадной лишь тем, что лица первых трех разрядов вместо расшитого мундира надевали вицмундиры с кантом. В обыкновенной форме повелевалось быть при закладке церквей, на экзаменах в учебных заведениях, при выносах и погребениях, а также «у Божественной литургии и вообще при церковных службах в присутствии их императорских величеств и высочеств». Несмотря на свое название, форма эта была скорее парадной, чем будничной. Носили все те же мундиры, но с темно-зелеными или темно-синими брюками, черными жилетом, галстуком и фетровой шляпой. Лент не надевали. Будничная форма своему наименованию вполне соответствовала. Чиновникам предписывалось быть в ней «при исполнении служебных обязанностей в дни будничные». Это означало мундирный фрак или двубортный сюртук, такого же цвета суконные брюки, черный жилет и галстук. С фраками можно было носить и фуражку и цилиндр, а с сюртуками – только фуражку. Когда «чернильная душа» отправлялась по делам службы в какую-нибудь забубенную, министром и богом забытую местность, из гардероба доставали дорожный комплект – двубортный сюртук с отложным воротником, темные брюки и форменную фуражку с кокардой.



Чиновник в форменном сюртуке с отложным черным бархатным воротником и чеканными пуговицами. На столе – фуражка с круглой чиновничьей кокардой.
Неизвестное ателье, Россия. 1860-е гг.
Архив О.А.Хорошиловой



Господин в дворянском мундире образца 1855 года. На груди – орден Св. Владимира IV степени, на шее – ордена Св. Станислава II и Св. Владимира III степеней.
Ателье «Cabinet Portrait». Начало 1900-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

При составлении проекта новой формы, к счастью, не забыли о бытовых моментах, к примеру о летней жаре, которую приходилось переносить стоически – в суконном платье. Сановники сжалились – труженикам пера и бумаги предложили носить летом белые демикотоновые и коломенковые брюки. Темные шерстяные сюртуки, впрочем, сезонной редакции не подвергли.

Были в чиновничьей среде самые что ни на есть гоголевские персонажи, служители и писари, согбенные тщедушцы без лица и звания – «любезнейшие» на языке спесивых бюрократов. Тихонько, на тоненьких проворных ножках, с вечным виноватым поклоном, со сладкой складкой улыбки они шмыгали по министерским шепотливым коридорам из одной канцелярской норы в другую. Невидимые, неслышные. И форму им придумали самую неброскую – темно-зеленого сукна полукафтан со стоячим воротником и девятью пуговицами по борту. Брюки и фуражка были того же цвета и без выпушек. Курьеры на их фоне выглядели почти офицерами – усастые, осанистые, в темно-зеленых мундирах с черными канительными погонами, в темно-серых шароварах, при фуражке с гражданским гербом и аббревиатурой министерства или ведомства.

Чиновничье платье строго делилось на два типа кроя – гражданский и военный. Форма первого типа, широко распространенная, включала в себя мундир, сюртук и мундирный фрак, брюки, треуголку, фуражку и цилиндр. И было бы так легко запутаться в этом канцелярском однообразии, если бы не особое шитье, пуговички и петлички и все те форменные приятности, которые так любили и которыми так гордились глупейшие толстяки Щедрина и Чехова. Сенаторы носили красные парадные мундиры с богатой золотой вышивкой и сенатским бордюром, а также темно-зеленые вицмундиры с шитьем лишь на воротнике и обшлагах. Члены Государственного совета искрились и мерцали в медовых отсветах бальных свечей. Их звезды и кресты путались в золотых зарослях дубовых и масляничных ветвей. Родовитые счастливцы, семьей и связями прописанные в кабинетах Собственной Его Величества канцелярии, отличались мундирами со светло-синими воротниками и золотым шитьем – ветвь дуба была плотно усажена листьями и желудями. Придворным чинам полагались однобортные на девять пуговиц мундиры с великолепными шитыми золотом орнаментами, украшавшими красный скошенный воротник, обшлага, карманные клапаны и фалды. На черных бархатных воротниках чиновников Министерства внутренних дел красиво переплетались васильки и хлебные колосья, а на красных суконных воротниках Министерства иностранных дел – масляничные и дубовые ветви. Они же вместе с сенатским бордюром определили композицию шитья мундиров Министерства юстиции.

Чиновник в мундире с министерским шитьем образца 1855 года.
Ателье «В. В. Дегтярев», Иркутск. Начало 1880-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Ветеринар офицерского чина в однобортном мундире с серебряными галунными погонами и петлицами на узком (по военной моде тех лет) воротнике.
На груди – орден Св. Станислава III степени с мечами и серебряная медаль «В память Русско-турецкой войны 1877-1878 гг.»
По уставу ветеринары носили темно-синие мундиры, однако предписания часто нарушали. Этот офицер надел мундир гораздо более светлого оттенка на манер австрийской формы. Треугольные наградные колодки также очень напоминают австрийские образцы.
Ателье «W. Twardzicki», Варшава. Начало 1880-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Служащие в Государственном контроле имели воротники «яхонтовые» (насыщенный глубокий чернильно-синий оттенок) с шитьем в виде «дубовых листьев с чередующимися сухими веточками». Те, кто служил в почтово-телеграфном ведомстве, носили на воротниках серебряные дубовые листья и «пуки стрел», символизировавшие электрические разряды. Самыми, пожалуй, необычными были мундиры старших чинов Ведомства учреждений императрицы Марии Федоровны. Помимо густо расшитого воротника они носили специальные золотые шевроны (от обшлага до локтя), составленные из жирных виноградных и пальмовых ветвей с пуговицами посередине. Такие особенно любили купцы. Позируя фотографу, они смешно расставляли локти, чтобы лучше было видно золото рукавов.

Вообще же композиций из ветвей, листьев, плодов и побегов для чиновников придумали огромное множество. И если соединить их в одну книгу, получился бы любопытный ювелирный гербарий.

Особую форму носили представители дворянства. Ее ввел еще Николай Павлович, одевший своей железной волей всю Россию в суконный мундир. Однако императору было недостаточно по уставу одетого дворянина. Он подчинил его платье строгой должностной иерархии. Богатое золотое шитье, введенное в 1832 году, украшало красные воротники, обшлага и карманные клапаны темно-зеленых мундиров только губернских предводителей дворянства. Совестные судьи, заседатели и уездные депутаты довольствовались шитьем на воротнике и обшлагах. Все же остальные, участвовавшие в выборах, носили мундиры с шитьем только по воротнику. Молодым дворянам красивых золотых узоров было недостаточно. Им хотелось выглядеть импозантно и непременно a'la mode, о чем они не переставали напоминать закройщикам, пока те кроили и резали темно-зеленое сукно их будущих полукафтанов. Н. А. Щеховский, в начале 1860-х еще довольно молодой человек, должен был принимать участие в дворянских выборах и зака-

Будущий идеолог революционно-демократического движения Николай Васильевич Шелгунов
в парадной форме полковника корпуса лесничих образца 1855 года – темно-зеленом двубортном мундире с серебряными эполетами, черным бархатным воротником и обшлагами, серебряными петлицами.
Ателье «Л. Барклай», Санкт-Петербург. Конец 1850-х или самое начало 1860-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

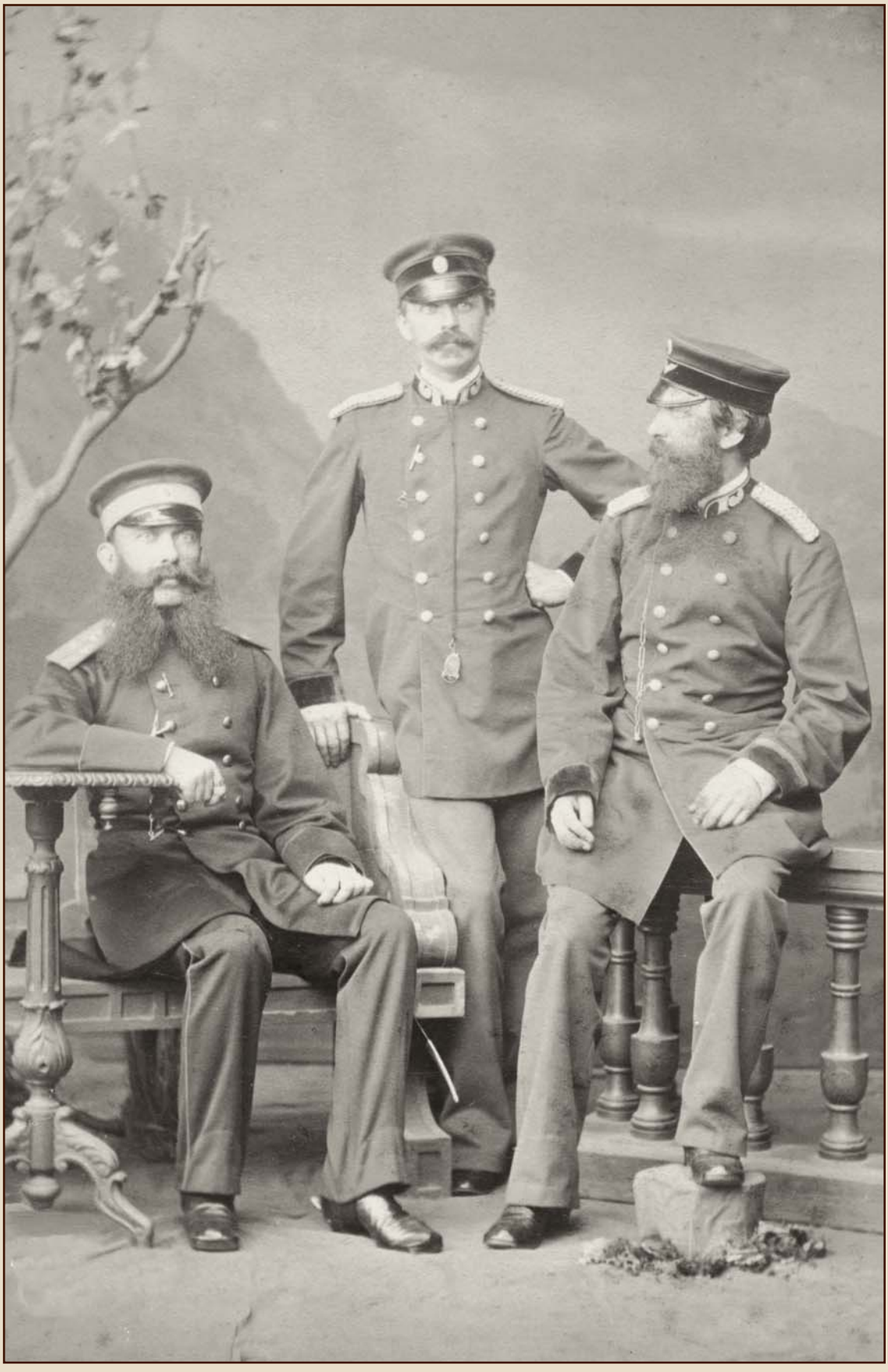
Николай Викторович Флорин, коллежский советник Министерства путей сообщения.
Запечатлен в форме инженера путей сообщения образца 1876 года – в темно-зеленом вицмундире с отложным черным бархатным воротником и плечевыми знаками из серебряного жгута. На груди заметен знак об окончании Института инженеров путей сообщения, учрежденный в 1866 году.
Фотоателье «А. Лоренс», Санкт-Петербург. Конец 1870-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Старший машинист службы тяги,
служащий при подвижном составе и тяге. Одет в форму образца 1878 года.
На тулье фуражки – посеребренный знак паровоза.
Ателье «У. Н. Березовская», Пенза. Конец 1870-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

зал себе по этому поводу дворянский мундир: «Когда я сообщил о том, что мне предлагают службу по выборам, то отец сказал, что для этого необходимо иметь дворянский мундир, и, вероятно желая доставить мне приятный сюрприз, заказал его на этот раз уже настоящему портному. Уже почти перед самым началом выборов немец Кэтов (портной. – *О.Х.*) неожиданно для меня принес мундир, сшитый довольно недурно, но к этому мундиру был приделан такой уродливый воротник, что уничтожал все его достоинства. Спереди он подпирал мне нос, а сзади доходил до полвины головы. В ответ на сделанный мною по-немецки вопрос – Кэтов только стыдливо взглянул в ту сторону, где стоял отец, и я мгновенно уразумел, что воротник этот приобретен самим отцом в видах все той же самой экономии. По уходе портного я почувствовал, чуть не в первый раз в жизни, решимость высказать протест... Вероятно, протест мой был выражен с подобающей энергией, потому что возымел надлежащее действие, и на другой же день после того отец изменил своим экономическим правилам, и портной мне принес другой воротник, уже совершенно приличный»[59]. Это в общем-то пустячное происшествие описано Щеховским через много лет так полно и с таким чувством потому, что он и большинство его современников к форме относились ревностно и с большой любовью, как дамы к парижским нарядам. И даже такие детали, как высота воротника, композиция шитого орнамента и ширина талии, всегда были предметами горячих споров с портными.

Помимо мундиров, дворяне носили двубортные темно-зеленые сюртуки с красными воротниками. Пуговицы имели губернский чекан, то есть гербы той губернии, которую представлял дворянин.

59 Щеховский Н. А. Воспоминания, мысли и признания человека, доживающего свой век смоленского дворянина / Русская старина, 1896, Т. 85, вып. 7-9. – С. 99-100.



Чиновники, служащие на Варшавско-Венской железной дороге (?), в двубортных мундирах с поперечными плечевыми знаками. Справа позирует штабс-капитан, возможно, 30-го пехотного Полтавского полка. Формы чиновников-путейцев и пехотного офицера во многом схожи.

Ателье «Brandel», Варшава. Конец 1870-х гг.

Архив О.А.Хорошиловой

Действительный статский советник в однобортном темно-зеленом мундире гражданского чиновника Главных управлений военного министерства образца 1885 года.
На его чин указывают две вышитые золотые звездочки на воротнике. Среди наград – орден Св. Анны I степени (звезда и лента).
Ателье «Братья Карбини», Санкт-Петербург. 2-я пол. 1880-х гг.
Архив О.А. Хорошиловой

Начальник станции 2-го класса в фуражке и пальто образца 1878 года.
На его должность указывают серебряные галуны сверху и снизу черного околыша. Тулья фуражки – из красно-оранжевого сукна.
Неизвестное фотоателье, Пенза. Конец 1870-х гг.
Архив О.А. Хорошиловой

Коллежский асессор, состоящий в военно-окружном или военно-народном управлении. Позирует в мундире военного покроя образца 1885 года. На воротнике отчетливо видны серебряный штаб-офицерский галун, петлица и две золотые звездочки, указывающие на чин. Под рукой – черная мерлушковая шапка с кокардой и без герба, присвоенная гражданским чиновникам военных управлений и заведений военного ведомства Омского, Иркутского и Приамурского военных округов. Однако вместо круглой гражданской кокарды коллежский асессор надел овальную кокарду. Такие нарушения в тот период были частым явлением – чиновникам очень хотелось быть похожими на офицеров.

Неизвестное ателье, 2-я пол. 1880-х гг. *Архив О.А. Хорошиловой*

Титулярный советник Николай Иванович Остроумов в дорожной форме одежды Министерства юстиции образца 1881 года – сюртуке с наплечными знаками из золотого жгута, фуражке и шароварах, заправленных в сапоги с длинными голенищами.

У шеи виден крест ордена Св. Анны II степени.

Ателье «A. Soumovski», Кишинев. 1-я пол. 1880-х гг.

Архив О.А. Хорошиловой

Второй тип форменного костюма чиновника был военным по крою. Его носили те «гражданские», кто служил в военном ведомстве или кто состоял в военизированных корпусах и ведомствах гражданских министерств. Любопытно, что до второй половины 1860-х годов их форму старались во всем уподобить офицерской. В 1863 году опубликовали постановление с целым рядов новшеств «для большего сходства обмундирования с военными чинами». К примеру, темно-зеленые шаровары заменили серо-синими с кантом, на чины указывали погоны шириной в $^{5}/_{8}$ вершка с вышитыми звездочками. Топографам и писарям разрешили даже отпускать усы.

До 1867 года существовал целый ряд военизированных корпусов гражданских ведомств – инженеров путей сообщения, горных инженеров, лесничих, межевой корпус. В них служили не только офицеры, но и гражданские чины, формой почти от них не отличавшиеся. Они носили кожаные каски, двубортные темно-зеленые полукафтаны с погонами, на воротниках штаб-офицеров был нашит широкий серебряный галун, у обер-офицеров – по две галунные петлицы. Петр Дмитриевич Боборыкин вспоминал знакомого журналиста Щеглова, служившего в корпусе инженеров путей сообщения: «По внешности имел он совершенно штатский вид, а незадолго перед тем он носил еще военную форму инженера путей сообщения, то есть каску, аксельбанты и шпоры. Тогда “путейцы” считались офицерами и воспитание получали кадетское. Воображаю, каким комическим рыцарем смотрелся он в полной форме и в каске с черным султаном из конского волоса!»[60]

В конце 1860-х было решено слегка демилитаризовать внешний облик этих гражданских чинов. В 1869 году отменили плечевые погоны, на чины теперь указывали звездочки, расположенные поверх шитья на воротниках мундиров и вицмундиров. Притом чтобы лучше отличать классы, придумали звездочки трех типов – шитые канителью для генералов, матовые металлические с поперечной насечкой для штаб-офицеров (до коллежского асессора включительно) и гладкие металлические для обер-офицеров. Их сочетание или отсутствие указывало на определенный чин: тайный советник – три шитые звездочки, надворный советник – три матовые металлические, титулярный советник – ни одной. На воротниках сюртуков, плащей и шинелей звездочки крепились поверх галунных петлиц, рисунок которых соответствовал отмененным погонам. В 1876 году вместо вицмундира ввели сюртук гражданского покроя, который чуть ранее уже надели офицеры флота, а круглую чиновничью кокарду перенесли с околыша на тулью. Так чиновников стало легче отличать от кадровых офицеров.

Но всякие реформы эпохи Александра II были половинчатыми и часто противоречили одна другой. Как только решили демилитаризовать внешность чиновников, опять ввели погоны – на сей раз двух типов: продольные и поперечные. Началась форменная неразбериха, спровоцированная самими «канцелярскими душами». Всем хотелось носить продольные погоны, и даже тем, кому они вообще не были присвоены.

Вступивший на престол Александр III решил проблему, как обычно, кардинально – он повелел все наплечные погоны и жгуты, присвоенные гражданским чиновникам, «совершенно отменить» и для обозначения чинов ввести звездочки для мундирных воротников и галунные петлицы для сюртуков, пальто и шинелей. В 1885 году издали два постановления, устанавливавшие четкое различие между мундирами гражданского и военного покроя. В начале года вышло распоряжение о форме гражданских чинов военного ведомства. Указывалось десять основных ведомств и должностей, которым было присвоено платье, весьма напоминавшее военное. Носили однобортные мундиры на восемь пуговиц со стоячим скошенным или закругленным воротником, сюртуки двубортные открытые гражданского покроя и двубортные закрытые со стоячим воротником наподобие пехотных офицерских, мерлушковые шапки, фуражки и папахи

60 Боборыкин П. Д. За полвека. Воспоминания. – Классика КнигаФонда. – С. 174: http://www.knigafund.ru/books/49423

(те, кто служил в казачьих частях). В декабре 1885 года вышло постановление о форме чиновников гражданских ведомств, которым был присвоен мундир военного кроя. Среди них – гражданские инженеры МВД, чины акцизного надзора и корчемной стражи Министерства финансов, горные инженеры Министерства государственных имуществ, чины корпуса лесничих и некоторые другие. По новой табели чиновникам полагались двубортные и однобортные мундиры на восемь или девять пуговиц, закрытые и открытые сюртуки, мундирные фраки, укороченное пальто (тужурки) и белые двубортные кители-полотняники, а также пальто, шинели, фуражки и меховые шапки.

Как бы строг ни был к чиновникам устав, министр и сам император, всегда находились щеголи, чудаки и даже тихие революционеры, редактировавшие форменное платье в согласии с собственными прихотями. В начале 1870-х годов вольнолюбивые чиновники Царства Польского поголовно нарушали запреты и носили густые аккуратные бороды, которые исчезали, только когда Варшаву навещал император: «В виду предстоявшего царского проезда через Петроков, – вспоминал современник, – начались еще заблаговременно приготовления к царской встрече. В те времена чиновникам строжайше было запрещено носить бороду: ношение бороды было признаком либерального образа мыслей, но в Царстве Польском чиновники присвоили себе это украшение, и все, кто считал, что ношение бороды служит ему украшением, избавляет от горловых простуд или от излишних хлопот бриться, носили бороду. В виду же царского проезда велено было скосить злополучные бороды до основания и всем чинам, до известного класса, иметь парадные мундиры»[61].

В начале правления Александра II в министерствах служили еще согбенные ласковые старички, помнившие пухлую ручку императрицы Екатерины и сладчайшую улыбку Александра. Такие хоть и следовали букве устава, но почтенный свой возраст подчеркивали в костюме высоковатым воротником мундира и длинноватыми рукавами, как носили в 1810-е годы. Писатель Петр Боборыкин знавал одного из таких кабинетных старожилов: «Плетнев (ректор Императорского Санкт-Петербургского университета критик Петр Александрович Плетнев. – *О. Х.*) тогда был уже пожилой человек, еще бодрый на вид, хорошего роста, с проседью, с выбритым лицом... Все в нем отзывалось другой эпохой, вплоть до покроя коротких – только по щиколотку – панталон и обуви на тонких подошвах, какую носил и мой дед»[62].

Чиновникам приходилось нарушать устав из-за скверных погодных условий, которые ни в каких постановлениях не значились и в форме не учитывались. В лютые морозы и метели инженеры-путейцы, к примеру, выглядели совсем не так, как их запечатлели безымянные художники на шаблонных рисунках «установленных форм одежды». Костюм одного из них описал современник: «И вот я и помощник мой, инженер Балинский – последний в инженерной фуражке, в волчьей шубе, повязанный зеленым кучерским поясом и сапогах из собачьей шерсти, одолженных ему сжалившимся над ним местным священником, так как у Балинского, когда он приехал в Никитовку, было только одно тонкое ватное пальто – отправились на паре до конца участка»[63].

Были среди «людей двадцатого числа» и просто чудаки, которые являлись на службу в чем попало. «Дембицкий был человек добрый, но очень мягкого характера – писал В. А. Смородин об инспекторе Петроковской гимназии. – Он не часто заглядывал в гимназию, а если обстоятельства требовали присутствия его в заведении, он не стеснялся появляться в коридорах гимназии в халате и колпаке, с длинным чубуком в зубах»[64].

---

61 Смородин В. А. Годы службы моей в Варшавском учебном округе и эпизоды рабочего быта. Воспоминания педагога / Русская старина, 1913, Т. 155. – С. 297, 298.

62 Боборыкин П. Д. За полвека. Воспоминания. – Классика Книга-Фонда. – С. 86: http://www.knigafund.ru/books/49423

63 Любимов Л. Н. Из жизни инженера путей сообщения / Русская старина, 1913, Т 155, вып. 1-3. – С. 26.

64 Смородин В. А. Годы службы моей в Варшавском учебном округе и эпизоды рабочего быта. Воспоминания педагога / Русская старина, 1913, Т. 155. – С. 297, 298.

Чиновник в форменном сюртуке.
На шее – орден Св. Станислава II степени под короной.
Судя по выражению лица, он весьма доволен собой и наградой.
Ателье «J. X. Raoult», Одесса. 2-я пол. 1860-х гг. *Архив О.А.Хорошиловой*

Чиновник в партикулярном платье
с орденом Св. Станислава II степени.
Неизвестное ателье. 1-я пол. 1860-х гг. *Архив О.А.Хорошиловой*

Каждый чиновник, вне зависимости от ранга, статуса и происхождения, мечтал о наградах. Сначала ревностно выслуживал орден «в петличке», затем подумывал об искристом кресте на шее и безудержно к нему стремился. И плох тот русский чиновник, который никогда не грезил об ослепительной баснословной звезде и ленте, мягкие муаровые зигзаги которой как бы очерчивали сложный и скользкий путь кавалера к желанной награде. Весьма показательна история, рассказанная Модестом Чайковским. Его брат Петр пригласил на премьеру своей оперы «Опричник» семейство во главе с отцом, Ильей Петровичем, горным инженером в отставке: «В ложе второго яруса сидел Илья Петрович с семьей. Старичок сиял от счастья. Тем не менее на мой вопрос: "Что лучше, по его мнению, для Пети – переживать этот успех или, будучи чиновником, получить орден Анны первой степени?" – отвечал: "Все-таки Анненская звезда лучше"»[65]. Это были слова истинного чиновника.

Костюм «чернильных душ» был столь же сложен, как бюрократическая машина, которой они беззаветно служили. Неудивительно, что даже процесс украшения одежды орденами и лентами строго подчинялся правилам, учитывавшим не только ранг и класс ордена, но и виды костюма, а также поводы, по которым следовало надевать ту или иную награду.

65 Чайковский М. И. Воспоминания. Цит. по: Конисская Л. М. Чайковский в Петербурге. – Л.: Лениздат, 1969. – С. 126.

Орден апостола Андрея Первозванного был самой старой и высокой наградой императорской России, получить который могли лишь «высшие чиновники государственные» и только по монаршему благоволению, так как «никакие заслуги не определяются законом для достижения сего ордена». Голубая лента была заветной целью знатнейших сановников. Она возносила к самим монаршим стопам и помогала направлять эти стопы в необходимом сановнику направлении, она открывала новые возможности придворного и политического влияния и некоторое время прочно защищала от интриг и нападок недоброжелателей. Звезду ордена крепили к левой стороне груди выше других наград. При полукафтане и вицеполукафтане голубую ленту с крестом поверх двуглавого орла надевали через правое плечо. Если сановник был в мундирном фраке и ему следовало носить ленту, тогда ее надевали поверх белого жилета под фрак. В комплект награды входила также цепь, которая украшала плечи и грудь сановников в дни орденских праздников во время присутствия при Высочайшем дворе, а также во время торжественных выходов. В этих случаях голубая орденская лента не надевалась.

Орден Святого равноапостольного князя Владимира имел четыре степени. Кавалеры первой украшали правую сторону полукафтана и вицеполукафтана семиконечной звездой, а черно-красную ленту надевали под мундир, выпуская наружу в прорезь с левой стороны лишь концы с крестом. Поверх полукафтанов и вицеполукафтанов ее носили только в день орденского праздника, 22 сентября, а также во время Высочайших выходов. При мундирном фраке звезду ордена надевали под андреевскую звезду, если чиновник ее имел.

Награжденные второй степенью крепили владимирскую звезду также к левой стороне мундира, но ниже ордена Белого орла. Шею украшали крестом II степени, помещая его ниже знака Белого орла, но выше анненского креста I степени. Если же облачиться следовало в сюртук, то надевали только орденскую звезду – ниже звезд Белого орла и Святого Александра Невского.

Чиновник в партикулярной сюртучной двойке. На груди виден знак за пореформенное устройство, которым поощряли лиц, задействованных в реформах Александра II.
Неизвестное ателье, 1860-е гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Третья степень представляла собой орденский крест, аналогичный II степени, но несколько меньший по размеру. Его носили на шее на черно-красной ленте. Орден Св. Владимира IV степени носили на груди.

Ленту ордена Александра Невского, имевшего одну лишь степень, надевали через левое плечо, звезду крепили на левой стороне груди. Если сановник уже был осчастливлен орденом Св. Андрея Первозванного, тогда он носил лишь звезду Александра Невского, а вместо ленты украшал шею крестом, носившимся

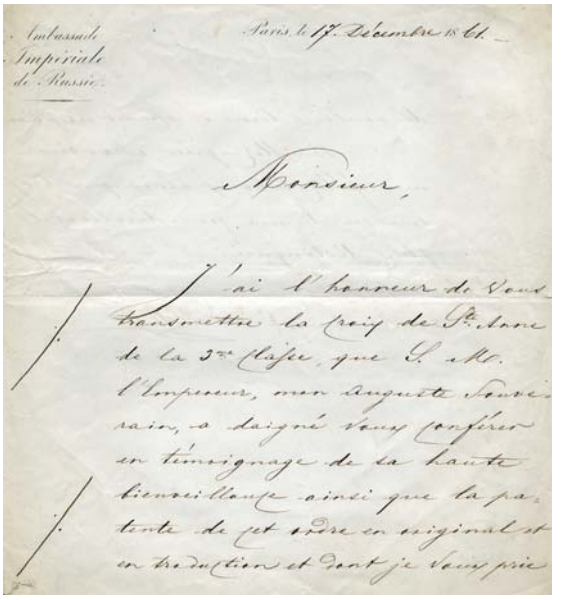
БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ
МЫ АЛЕКСАНДРЪ ВТОРЫЙ,
ИМПЕРАТОРЪ и САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ,
и прочая, и прочая, и прочая.

Извѣстно и вѣдомо да будетъ каждому, что МЫ Николя Оглоблинскаго, за оказанную его въ службѣ НАШЕЙ ревность и прилежность, въ НАШИ Губернскіе Секретари тысяща осьмъ сотъ пятьдесятъ осьмаго года Января двадесять шестого дня, Всемилостивѣйше пожаловали и учредили, яко же МЫ симъ жалуемъ и учреждаемъ, повелѣвая всѣмъ НАШИМЪ подданнымъ онаго Николая Оглоблинскаго за НАШЕГО Губернскаго Секретаря надлежащимъ образомъ признавать и почитать; и МЫ надѣемся, что онъ въ семъ ему отъ НАСЪ Всемилостивѣйше пожалованномъ чинѣ такъ честно и прилежно поступать будетъ, какъ то вѣрному подданному надлежитъ. Во свидѣтельство чего, МЫ сіе Правительствующему Сенату подписать и Государственною НАШЕЮ печатью укрѣпить повелѣли. Дано въ Санктпетербургѣ Іюня 9 дня 1859 года.

Сенаторъ и Кавалеръ Федоръ Рербергъ
Сенаторъ и Кавалеръ Николай Аквердовъ
Сенаторъ и Кавалеръ Иванъ Гринвальдъ
Исправляющій должность Товарища Герольдмейстера
Въ должности Секретаря

Въ Сенатѣ въ книгу записанъ подъ №12345

При замѣчаніяхъ въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ подъ №1064



Ambassade Impériale de Russie

Paris le 17. Décembre 61.

Monsieur,

J'ai l'honneur de vous transmettre la croix de St. Anne de la 3me classe, que S. M. l'Empereur, mon auguste Souverain, a daigné vous conférer en témoignage de la haute bienveillance ainsi que la patente de cet ordre en original et en traduction et dont je vous prie

Грамота о производстве в чин губернского секретаря, подписанная членами Правительствующего сената, сенаторами Федором Рербергом, Николаем Аквердовым, Иваном Гринвальдом. 1859 г.
Архив О.А.Хорошиловой

Официальное письмо российского посла во Франции графа Павла Дмитриевича Киселева о вручении ордена Св. Анны III степени. С подобными письмами адресаты получали коробочки с заветными орденами. 1861 г.
Архив О.А.Хорошиловой

всегда выше прочих орденских знаков. На мундирный фрак крепили лишь звезду, при этом ниже звезды ордена Св. Владимира I степени. Если положено было носить ленту, то ее надевали под фрак на белый жилет.

Знаки ордена Белого орла носили следующим образом. Ленту надевали через левое плечо, звезду крепили к левой стороне груди выше звезды ордена Св. Владимира II степени. Если кавалер уже имел орден Св. Андрея Первозванного, то грудь он украшал лишь знаком ордена на ленте левее ордена Св. Владимира IV степени. При ордене Св. Александра Невского ленту тоже не носили, а орденский знак перемещался на шею выше креста ордена Св. Владимира II степени.

I степень ордена Св. Анны представляла собой звезду, носимую на правой стороне груди, и орденскую ленту, надеваемую через левое плечо. Чиновники, получившие II степень, надевали на шею орденский крест на красной ленте с желтой каймой. III степень ордена, то есть золотой покрытый красной финифтью крест на ленте, носилась на груди и только в том случае, если кавалер не был награжден более высокими степенями этого ордена. На мундирном фраке крест этот носили те чиновники, которые еще не получили орден Св. Владимира IV степени и не имели шейных орденов.

Была и еще одна степень – 4-я, которой награждали лишь за отличия, проявленные в боях. Она представляла собой крест под короной, носимый на эфесе шпаги. Ее чашку украшала надпись «За храбрость», а гарду – темляк из анненской ленты с кистью.

Помимо Св. Анны существовал и другой типично чиновничий орден – Св. Станислава, пустячный, ничего не значащий, низший в лучистой иерархии расточающих награды святых. Однако именно с него чиновник начинал медленное подобострастно согбенное движение по карьерной лестнице, а потому не иметь Св. Станислава хотя бы в петлице значило быть в обществе пустым местом.

Скромный орден имел всего три скромные степени. Первая – звезда, носимая на левой стороне груди и крест на ленте через правое плечо. Вторая – золотой крест, покрытый с лицевой стороны красной финифтью и носимый на шее. Третья степень украшала грудь чиновника или петлицу его сюртука и фрака.

Об этой награде не принято было упоминать в разговоре и тем более ею хвастаться. Ее часто игнорировали даже самые мелкие, тщедушные чиновники, мечтая поскорее получить заветную Анну III степени, придававшую некий статус, основательность и стройность кропотливо создаваемому образу.

Кавалерам, однако, следовало знать не только иерархию орденов и точное их место на мундире или фраке. Существовали правила о том, с каким видом одежды какие ордена и ленты необходимо надевать. Их также нужно было выучить назубок. На парадных мундирах и праздничных полукафтанах пестрели ленты и звезды старших степеней, а также ордена младших классов, надетые в строгом соответствии с правилами. При обыкновенной и будничной формах ленты носили не на фраке, а по жилету. Если чиновник, спеша на службу, надевал двубортный сюртук, то его разрешалось украсить лишь звездой и крестами всех степеней ордена Св. Георгия, старшей степенью ордена Св. Владимира, статс-секретарским знаком, а также учеными и академическими знаками, свидетельствовавшими о высокой образованности и широкой эрудиции их носителя. На особой, дорожной и летней формах награды располагались в соответствии с правилами их ношения на мундирных фраках. Когда чиновник присутствовал на официальных панихидах, то утром он носил мундирный фрак с орденами и лентой по жилету, а вечером, надев черный фрак, оставлял ордена дома в заветных коробочках.

Гражданские чиновники, вышедшие из военной службы, при всех видах формы и независимо от имеющихся орденов надевали орден Св. Георгия IV степени. Если они были награждены Золотым оружием с надписью «За храбрость», то носили не военную шашку, а шпагу гражданских чиновников военного ведомства с темляком и соответствующей надписью на чашке эфеса.

Современники эпохи отмечали интересную закономерность – при либеральном Александре II «чернильных душ» награждали гораздо реже, чем при его жестком и волевом сыне. Это касалось в особенности служащих в Министерстве народного просвещения: «Впоследствии Гивартовский дослужился до тайного советника, но в то время (в 1860-е годы. – *О. Х.*) его чин был, кажется, очень незначителен, а из всех почестей имел только Анненский крестик (орден Св. Анны III степени. – *О. Х.*), который и болтался постоянно в петлице его фрака. Вообще в то время чины и ордена далеко не так щедро сыпались на народных просветителей, как в настоящее время, когда почти каждый учитель гимназии или инспектор какого-нибудь городского училища в уездном городе непременно статский советник; а директоры гимназий и реальных училищ – все действительные статские; кроме этого, все они увешаны нынче крестами на шее, а между профессорами нередок и орден Белого орла, о чем тогда даже сам Гивартовский, вероятно, и не мечтал»[66].

И было стыдно, было просто недопустимо вовсе не иметь ордена. В петлице должен был красоваться хотя бы звонкий, пестрый и пустячный Станислав III степени, тот самый, который комично гордо демонстрирует на рваном халате федотовский «свежий кавалер». Кстати, художник нисколько не преувеличил. Многие чернильные души так любили награды, что носили их даже на домашнем платье. «Заезжал я к нему и без его зову. Почти постоянно он ходил в сером казакине, но непременно со всеми орденами. С орденами он был во всякое время дня и ночи, и во всяком месте»[67].

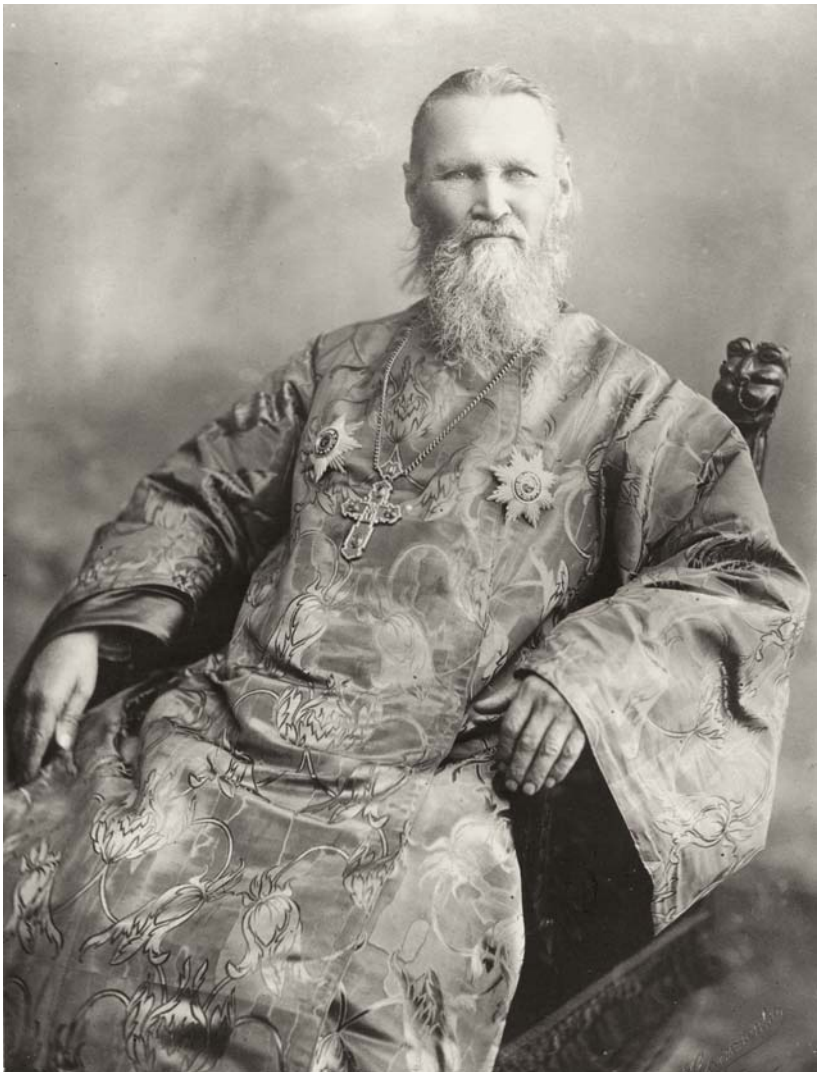
Иногда приходилось обманывать, брать ордена у друзей «напрокат» или даже выдумывать новые награды. Любопытная история, связанная с орденским подлогом, приведена на страницах «Модного магазина»: «Один русский, находясь за границей, сожалел всегда о том, что не имеет ни малейшего орденка. Вот гениальная мысль осенила его. Он надел на шею золотой крест на голубой ленте и отправился в театр. Этот странный орден привлек внимание государя той страны, в которой он находился. К нему был послан адъютант, чтобы узнать, какой это орден украшает его грудь? Барин нисколько не сконфузился, встал, принял гордую осанку и проговорил с важностью: “C’est la croix de ma Mère![68]”».

---

66 Щеховский Н. А. Воспоминания, мысли и признания человека, доживающего свой век смоленского дворянина / Русская старина, 1896, Т. 85, вып. 1-3. – С. 195.

67 Записки сельского священника / Русская старина, 1880, Т. 27, вып. 1-4. – С. 49.

68 «Это орден имени моей мамы».



Митрофорный протоиерей Иоанн Кронштадтский в необычной рясе из дорогой парчи, возможно восточной. В подобных одеяниях священник позировал и на более ранних снимках, начиная с 1880-х годов. На груди – звезды орденов Св. Анны I степени, Св. Владимира II степени и подносной наперсный крест. Ателье «А. Семененко», Санкт-Петербург. Начало 1900-х гг. *Архив О.А. Хорошиловой*

Одеяния священнослужителей

Она делилась на два основных вида – повседневная (внебогослужебная) и священная (богослужебная). Основным элементом первого была длинная, практически до пят, ряса (надевалась на подрясник) с расклешенными книзу рукавами, завернутыми наружу. Она застегивалась на крючки (подшитые под борт) на левую или на правую сторону. У рясы был пришивной стоячий воротничок, застегивавшийся, как правило, на две пуговички. Щеголи (а были среди белого духовенства и такие) надевали под него чуть более высокий крахмальный воротничок. Этот вид одежды могли шить из разнообразных, порой весьма дорогих материалов – тонкой шерсти или плотного хлопка, атласа и даже шелка с муаровым отливом. Лоснящееся великолепие дорогих материй оттенялось густыми рыхлыми оттенками бархатных рукавных отворотов. Подкладку шили из того же материала, либо чуть светлее. Зимние шелковые рясы иногда утеплялись шерстяной стеганой подкладкой.

Священнослужители, принадлежавшие белому духовенству, могли варьировать цвета ряс, соблюдая одно важное условие – в холодное время тона темные (синий, темно-коричневый, маренго, темно-пурпурный), в теплое – светлые (бежевый, светло-серый, палевый). Протоиереи и протопресвитеры носили фиолетовые рясы. Черное духовенство – исключительно черные.

Во внебогослужебное время священнослужители черного и белого духовенства носили скуфейки – мягкие четырехклинные шапочки из сукна или бархата, отороченные в зимнее время мехом. Впрочем, белое духовенство имело и другие виды повседневных головных уборов – к примеру, цилиндры с широкими полями и расширяющейся к верху тульей (их называли «поповские шляпы»), фетровые и летние соломенные шляпы, даже панамы. Представители белого духовенства, а также иеромонахи носили наградные фиолетовые камилавки – цилиндры, расширяющиеся кверху. Они были введены в ранг церковных наград в 1797 году.

Священники, служащие в церквях за границей, имели право стричься и «при неофициальных появлениях в общественных местах носить светское одеяние»[69].

Во время богослужений священнослужители облачались в ризы, соответствовавшие определенной табели о рангах. Одеждой диакона и низших клириков был стихарь – достаточно свободная рубаха-балахон с округлым срезом горловины и расширяющимися книзу рукавами, из-под которых были видны парчо-

69 Сборник законов и форм о наградах духовенства и других лиц. – Харьков, 1893. – С. 5.

Ректор Нижегородской духовной семинарии, протоиерей Геннадий Васильевич Годнев
в рясе с крестом, возможно подносным.
Ателье «Фотография Д. Лейбовского», Нижний Новгород.
Конец 1880-х гг.
Архив О.А. Хорошиловой

Отец Иоанн Кронштадтский с помощником.
Ателье «П. Шауман», Кронштадт. 1880-е гг.
Коллекция А.А. Классена (Санкт-Петербург)

вые или бархатные поручи с вышитыми крестами. Надевали стихарь на подрясник (у диаконов чаще всего из шелка). К левому плечу на специальную небольшую пуговицу пристегивали орарь – длинную полосу из красочной парчи или других дорогих материалов. Диакон торжественно возвышал передний конец орари во время ектений, осеняя себя крестным знаменьем и указывая прихожанам и хору начало песнопений.

Чем выше сан священнослужителя, тем сложнее его ризы. Иереи на подризник (стихарь) надевали вместо орари епитрахиль, парчовую или бархатную с богатой вышивкой ленту, охватывающую шею и ниспадающую почти до земли, а также пояс с нашитыми крестами. И лишь затем они облачались в красивую, блесткую фелонь – особого рода накидку с прорезью для головы и мягким вырезом спереди, тем самым подризник и епитрахиль оставались видны.

Этот элемент верхней богослужебной одежды отличался богатством вышивки, представлявшей сложную систему христианских символов. К примеру, четыре вышитые полосы (одна по горловине, две ближе к середине и одна внизу) означали Четвероевангелие, верными служителями которого были иереи и епископы. Но каждая из них имела и свое особое значение. Во время службы на священнике могли быть и особые церковные иерархические награды – набедренник (давался за ревностное служение церкви и носился на правом боку) и палица, небольшой плат ромбовидной формы, который мог получить священник, прослуживший пять лет в сане протоиерея. Палицу носили на левом боку.

Епископы, архиепископы и митрополиты вместо фелони носили саккос – широкий рубахоподобный балахон, напоминавший диаконский стихарь. Перед и спинка от низа рукавов не сшивались, а соединялись «звонцами» и петлями. Поверх саккоса надевали большой или малый омофор – широкую ленту с вышитыми крестами, позументом и бахромой. Один ее конец спускался с левого плеча вниз, другой оборачивался вокруг шеи и перекидывался на спину. Тем самым богослужебный гардероб епископов, архиепископов и митрополитов составляли семь основных элементов: подризник, поручи, епитрахиль, пояс, омофор, саккос, а также палица. Головным убором, дополнявшим это шитое великолепие, была митра. Существовал и еще один яркий элемент гардероба епископов – архиерейская мантия с широкими горизонтальными полосами и прямоугольной формы «скрижалями» – по две у плечей и у низа подола. Надевали ее поверх рясы во время торжественных процессий и входа во храм.

Священнослужителей награждали согласно рангу. Иереи получали набедренник, скуфью, камилавку, наперсный крест от Священного Синода, орден Св. Анны III степени. Протоиереи – орден Св. Анны II степени, орден Св. Владимира IV степени, палицу, орден Св. Владимира III степени, золотой наперсный крест из Кабинета Его Императорского Величества, золотой наперсный крест «с украшениями» из Кабинета Его Императорского Величества, орден Св. Анны I степени, митру. Архиереи имели право носить и так называемые поднесенные кресты, полученные, к примеру, от прихожан или офицерских обществ. Они, как правило, щедро украшались драгоценными камнями. Существовали и наградные саны – протоиерей, игумен, архимандрит, в которые могли возводить за отличие.

Осип Петров и Геннадий Кондратьев, первые исполнители партий отцов Мисаила и Варлаама в опере «Борис Годунов». На артистах весьма близкие к оригинальным костюмы бродячих монахов. Ателье «A. Lorens», Санкт-Петербург. 1874 г. *Архив О.А.Хорошиловой*

Примечательным был костюм монахов. Новоначальные носили черную рясу из шерсти или хлопка и камилавку, белизну их рук оттенял черный горох четок. Костюм «малосхимников» включал хитон (власяницу), вышитый параман с четырьмя ремешками, соединявшимися крестообразно на груди, пояс-катаур, которым подпоясывали хитон, рясы и мантии (паллии), безрукавную одежду с единственной застежкой у ворота. Поверх камилавки малосхимники носили клобук. Третья, высшая степень монашества – великая схима. Принимая постриг в нее, монах полностью отдалялся от мира, а порой и от своей братии, для того, чтобы соединиться с Богом через постоянную молитву в уединении.

Монахиня Параскева Николаевна (по надписи на обороте), в черном апостольнике и рясе.
Санкт-Петербург, конец 1890-х гг.
Архив О.А. Хорошиловой

Монахиня в рясе и зимнем головном уборе. В руках – четки.
Ателье «Новая русская фотография Назимова», Москва. Начало 1870-х гг.
Архив О.А. Хорошиловой

Печально известная игуменья Митрофания (баронесса Прасковья Григорьевна Розен), возглавлявшая Введенский Владычный монастырь в Серпухове, обвиненная в растратах и приговоренная к каторге. Позирует в черной рясе, апостольнике и клобуке. На груди – наперсный крест игуменьи.
Ателье «А. Ф. Александровский», Москва.
Самое начало 1870-х гг. *Архив О.А. Хорошиловой*

Русские паломники в Палестине.
1890-е годы.
Архив О.А.Хорошиловой

На стр. 140

Члены общества хоругвеносцев.
Ателье «П. Григорьев», Иваново-Вознесенск.
Начало 1900-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Этот особенный статус безмолвного «великосхимника» красноречиво выражали специфические элементы его костюма. Аналав – длинный черный плат с вышитыми шелком восьмиконечным крестом, орудиями страстей Христовых, головой Адама, словами из молитв. Надевался он поверх мантии. Голову великосхимников покрывал расшитый крестами куколь, ниспадавший на спину и плечи, отбрасывавший суровую тень на впалые, потухшие глаза служителей «ангельского чина».

В женских монастырях носили костюмы, весьма схожие с вышеописанными. Послушницы облачались в темные рясы и надевали платки – черные или белые, в зависимости от вида послушания и занятий. Одежда монахинь включала подрясник, кожаный пояс, рясу с отложным воротником и рукавными отворотами, мантию с застежкой у горловины. Голову, спину, плечи и грудь покрывал черный апостольник (платок, туго стянутый вокруг головы с помощью вздежки на затылке). Белый надевали, когда этого требовал особый вид послушания (к примеру, вышивание или работа в просвирне). Во время богослужений и торжеств поверх апостольника монахини надевали черный клобук. Впрочем, зимой вместо него носили своеобразный остроконечный, отороченный мехом головной убор, одновременно похожий на скуфью и кокошник, с длинным кукулем. Каждой сестре полагались четки, а игуменьям – еще и наперсный крест.

Особый костюм был у церковных старост. Установленный в 1869 году, он просуществовал вплоть до 1917 года практически без изменений. Существовало три типа. Церковные старосты не из крестьян, служившие при столичных и губернских кафедральных соборах и приходских церквях, носили темно-зеленый мундир 9-го класса Духовного ведомства с черным бархатным воротником и обшлагами, украшенными серебряным кантом. Старостам не из крестьян уездных соборов и сельских церквей полагались такие же мундиры, но 10-го класса – с серебряным кантом лишь по воротнику. Церковным старостам из крестьян придумали кафтан – длинный, отрезной по талии, с застежкой по центру. Черный бархатный воротник, обшлага и борта (до талии), а также околыш фуражки были обшиты серебряным галуном. Талию украшали серебряная бахрома и две кисти. С 1873 года старосты, прослужившие церкви верой и правдой девять лет, получали право носить мундиры и кафтаны даже после оставления этой должности.

Похожие костюмы имели хоругвеносцы – сначала лишь те, кто выполнял почетные функции несения хоругвей во время крестных ходов, а затем – члены обществ хоругвеносцев, популярных в конце XIX – начале XX века. Описание первых официально установленных кафтанов относится к 1864 году: «Государь Император соизволил Высочайше разрешить: хоругвеносцам Московских соборов Успенского, Благовещенского, Архангельского, церкви Двунадесяти Апостолов и монастырей Чудова и Вознесенского носить при крестных ходах избранную ими с общего согласия форму кафтанов со стоячими воротниками и с галунами на воротниках и обшлагах, на груди до пояса и с пояса по бокам и позади с кисточками; но с тем, чтобы хоругвеносцы соборов и церквей придворного ведомства имели галун золотой, а епархиального – серебряный»[70].

В чем-то весьма близкими монашеским были одежды русских паломников, ежегодно посещавших Святую землю. Многие облачались в тонкие однорядки, напоминавшие монашеские рясы, головы покрывали шерстяными скуфейками. Некоторые, впрочем, отправлялись в сложное путешествие по Палестине в своих обычных костюмах, живо описанных путешественником Александром Васильевичем Елисеевым: «Странно было видеть вятских крестьян на берегу Красного моря в своих национальных костюмах, больших сапогах, красных рубахах, зипунах, фуражках, с котомками за плечами и Синайскими ветвями в руках»[71]. Паломниц можно было легко спутать с послушницами – они рядились в темные шерстяные платья, черные или белые платки.

На стр. 143

Воспитанники Санкт-Петербургской 1-й гимназии В. Унковский и М. Чиковский в парадной форме образца 1868 года.
Санкт-Петербург.
Архив О.А.Хорошиловой

70 ПСЗРИ, Т. 43, 1868, дополнение к Т. 39, № 41630 (1864 год).
71 Елисеев А. В. Цит. по: Беляков В. В. Русский Египет. – М.: Вече, 2008. – С. 11.

Гимназист в мундире и кепи образца 1868 года.
Ателье «K. Brandel i Ski», Варшава.
Начало 1870-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Николай Михайлович Пунин, воспитанник 5-й СПб. гимназии. Мальчик знал толк в «тонности». На нем прекрасно сшитый гимназический мундир с весьма модным в то время узким воротником.
Ателье «К. Андерсон», Санкт-Петербург. Нач. 1870-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Костюмы воспитанников средних и высших гражданских учебных заведений

Их существовало множество. Помимо двух основных и самых популярных – гимназий и реальных училищ, были специализированные – коммерческие, технические, сельскохозяйственные, промышленные, городские училища, а также духовные семинарии. Блистательных интеллектуалов и блистательных олухов продолжали выпускать привилегированные Александровский лицей и Императорское училище правоведения. Во второй половине XIX века быстро развивалась система среднего женского образования, открывались гимназии и училища. Те же девушки, которым истлевших хрестоматий и лепечущего сумбура учителей было не достаточно, поступали на высшие женские курсы и становились образованными изгоями. Русское общество не поспевало за просвещенной Европой, чей женский род определялся теперь не только грамматической категорией.

Как только на престол взошел Александр II, он потребовал немедленно переобмундировать армию и чиновников, а за ними – и гимназистов. В июне 1855 года им спешно построили новую форму – парадную и вседневную. Во время торжеств, высочайших визитов и других знаменательных событий они надевали однобортные темно-зеленые полукафтаны. Цвет воротника и обшлагов, петлицы, пуговицы и фуражки оставлены такими, какие существовали при Николае I. Сюртуки и куртки (для пансионеров гимназий) теперь шили со скошенным воротником, который пришелся воспитанникам по душе, так как роднил их с военной элитой России – императорской гвардией, отличавшейся именно такими, скошенными стоячими воротниками.

Во времена Николая Павловича гимназисты зимой носили серые шинели, длинные, чуть ли не до пят, с трепыхавшейся на ветру пелериной. В 1856 году ввели еще и пальто темно-зеленого цвета, двубортное, по шесть пуговиц в ряду, по две петлицы на воротнике. В холодное время воротник украшали мехом – каракулем, лисицей, бобром. Этот удобный вид одежды, постепенно вытеснивший грузные николаевские шинели, обожали юные франты, ведь в те годы пальто было хитом французской мужской моды.

В 1864 году произошла очередная реформа образования. Гимназии разделили на классические и реальные. В первых преподавали гуманитарные дисциплины и готовили, как и раньше, к поступлению в университеты. Реальные гимназии оканчивали те, кто хотел продолжать образование в технических и коммерческих вузах. Новая система – новая форма. В 1864 году гимназисты надели однобортный мундир уже привычного темно-зеленого цвета с черными пуговицами[72]. К вящему неудовольствию многих мальчуганов, «гвардейский» воротник был заменен отложным. Галунные петлицы исчезли, а вместо них появились унылые суконные единого для всех гимназий синего цвета. С полукафтаном носили темно-зеленый

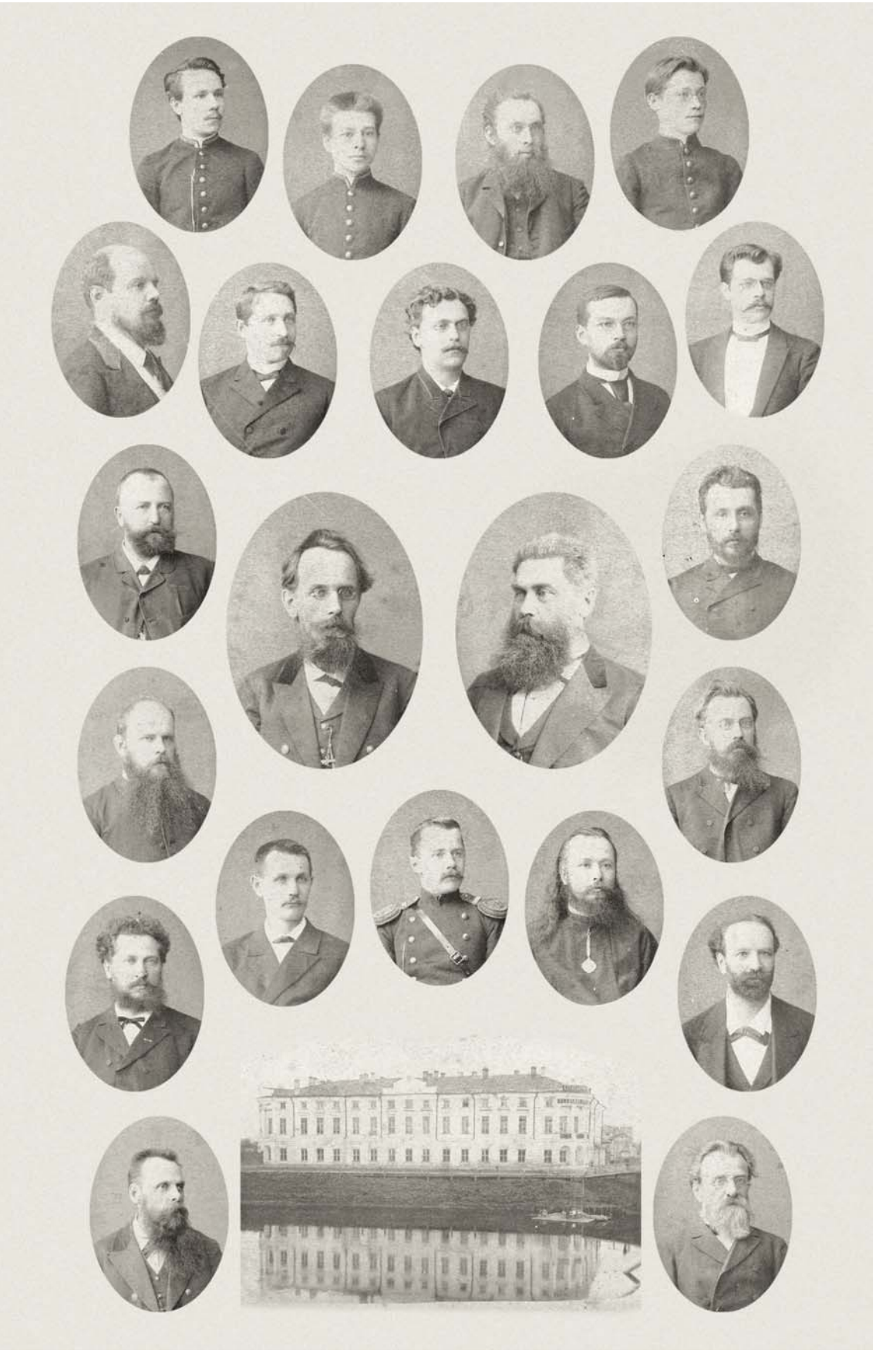
Форма домашней и вседневной одежды воспитанников пансионов гимназий и прогимназий Министерства народного просвещения образца 1870 года.
Литография.
Архив О.А. Хорошиловой

жилет, суконный или шелковый галстук, темно-серые брюки, а поверх него – темно-зеленое пальто с черными пуговицами.

Царство Александра II – настоящая ахиллесова пята униформологов. Сколько всего было введено! Чуть ли не каждый год император и министерства кроили и перекраивали вновь введенные мундиры, меняли их цвета и фурнитуру, шитье, шифровки, выпушки... Творилась настоящая чехарда, в которой даже сегодня разобраться нелегко. Она отчасти затронула и гимназическое платье. Только принят указ о новой форме, только усердные родители заказали ее у хороших закройщиков, только воспитанники начали к ней привыкать, как в 1868 году опубликовали новое постановление[73]. Теперь следовало носить

72 ПСЗРИ, Т. 39, 1864, № 41472.

73 ПСЗРИ, Т. 43, 1868, № 46544.



Воспитанники – выпускники Александровского реального училища в Вологде
в парадных мундирах образца 1873 года (трое сверху). В центре – фотографии их преподавателей и директора гимназии.
Неизвестное ателье, Вологда. 1890-е гг.
Архив О.А.Хорошиловой

темно-синие однобортные мундиры, не доходящие до колен, с девятью гладкими посеребренными пуговицами, скошенным воротником и узким серебряным галуном. К ним полагались темно-серые брюки, которые по французской военной моде тех лет кроили широкими и слегка мешковатыми. Доминирование синего в гамме цветов новой формы было моментально отмечено остряками, и за гимназистами прочно закрепилось прозвище «синяя говядина».

В качестве головного убора ввели кепи с широким кожаным козырьком, заимствованное, как и многое другое в эпоху Александра II, из французской военной униформы. Его украшали белые выпушки (вокруг тульи и верхнего края околыша). Гимназические цвета, по которым было нетрудно определить учебное заведение, окончательно ушли в прошлое, им на смену пришла военизированная арматура, крепившаяся над козырьком на околыше. Ее посеребренные лавры окружали аббревиатуру, состоявшую из букв и цифр. По этому шифру при определенной сноровке можно было установить, где учится воспитанник: «С.П.Б.1Г.» – Санкт-Петербургская Первая гимназия, «О.2Г.» – Одесская Вторая гимназия, «Р. Г.» – Ришельевская гимназия...

Форма образца 1868 года весьма напоминала обмундирование русской армии – возвращен стоячий «гвардейский» воротник, введены французские кепи и шифровка, как в армейских частях. С военными гимназистов роднило и серое двубортное пальто «офицерского образца», а также песочного цвета башлыки из верблюжьего сукна, надев которые воспитанники в полной мере ощущали себя «господами военными». Иногда их действительно с ними путали. Мстислав Добужинский приводит такой случай: «Один хлыщеватый драгунский вольноопределяющийся в потемках около того же самого катка принял меня за офицера: я был высокого роста, и мое форменное светло-серое пальто было совсем офицерского покроя. Он вытянулся и взял “под козырек”, я же нашелся и вежливо сказал: “Пожалуйста, не беспокойтесь, проходите” (как говорил мой папа юнкерам и кадетам в таких случаях), тут же расхохотался»[74].

Гимназист в парадной форме образца 1881 года. В его руке – только что введенная фуражка. Неизвестное ателье, 1880-е гг. *Архив О.А.Хорошиловой*

В 1870 году убеленные сединами чиновники неожиданно спохватились – за увлекательнейшим делом составления новой формы они позабыли о вседневном платье. Ведь не целый же день мальчишкам носить красивые полукафтаны. Было решено ввести домашнюю одежду для пансионеров, а также для тех воспитанников, которые жили на общих ученических квартирах. Так в 1870 году появились серые суконные однобортные пиджачки с отложным воротничком и шестью костяными

74 Добужинский М. В. Воспоминания. – М.: Наука, 1987. – С. 102.

Ученики Ревельской Николаевской гимназии – старшеклассник в парадной форме и воспитанник младших классов в повседневном платье. Старший мальчик – явно щеголь и любит нарушать устав. Он застегнул мундир на верхний крючок на манер французских гимназистов и демонстрирует цепочку карманных часов, висящую на жилете. Его фуражка «примята» на одну сторону – по военной моде тех лет.
Ателье «Б. К. Лайс», Ревель. 1880-е гг. *Архив О.А. Хорошиловой*

пуговицами, носившиеся с суконными темно-серыми шароварами[75].

Любопытно, что тогда же воспитанникам, учившимся в южных областях Российской империи, в летние месяцы разрешили носить такие же пиджаки, но из беленого хлопка и парусины. В этом тоже ощущалось влияние военного стиля, ведь еще в 1860 году офицеры русской армии надели белые полотняные кителя (полотняники).

В 1871 году – новая волна реформ. Вместо реальных гимназий учредили реальные училища, готовившие к поступлению в высшие технические учебные заведения. В 1872 опубликовали их устав, штаты и табели имущества.

75 ПСЗРИ, Т. 45, 1870, № 47997.

Воспитанник старших классов Рижской Николаевской гимназии. Фотография сделана в весенне-летнее время, о чем говорит зачехленная фуражка.
Ателье «W. Malinowski», Рига. 1890-е гг. *Архив О.А. Хорошиловой*

А в следующем году переодели воспитанников в новую форму – темно-зеленый однобортный мундир на девять позолоченных пуговиц со скошенным, как у гимназистов, воротником, украшенным узким золотым галуном по верхнему краю, темно-серые шаровары и двубортное офицерского образца пальто. Кепи было аналогично гимназическому, но из темно-зеленого сукна, с желтыми выпушками и жестяным позолоченным знаком с заглавными буквами училища: «СПБІРУ» (Санкт-Петербургское 1-е реальное училище), «УВР» (Виленское реальное училище) и так далее.

После многочисленных жалоб заботливых родителей на то, что мальчишки летом страдают от жары в суконных мундирах, министр народного просвещения граф Толстой повелел ввести парусиновые блузы-косоворотки с черным форменным ремнем и парусиновые брюки, а вместо кепи – белые полотняные фуражки с жестяными знаками.

В царствование Александра III платье гимназистов и реалистов оставалось в целом

Воспитанник реального училища (приюта) принца Петра Георгиевича Ольденбургского
в мундире с узким воротниковым галуном и поперечными наплечными знаками с выпушкой и вензелями принца.
Неизвестное ателье, Санкт-Петербург. 1890-е гг. *Архив О.А.Хорошиловой*

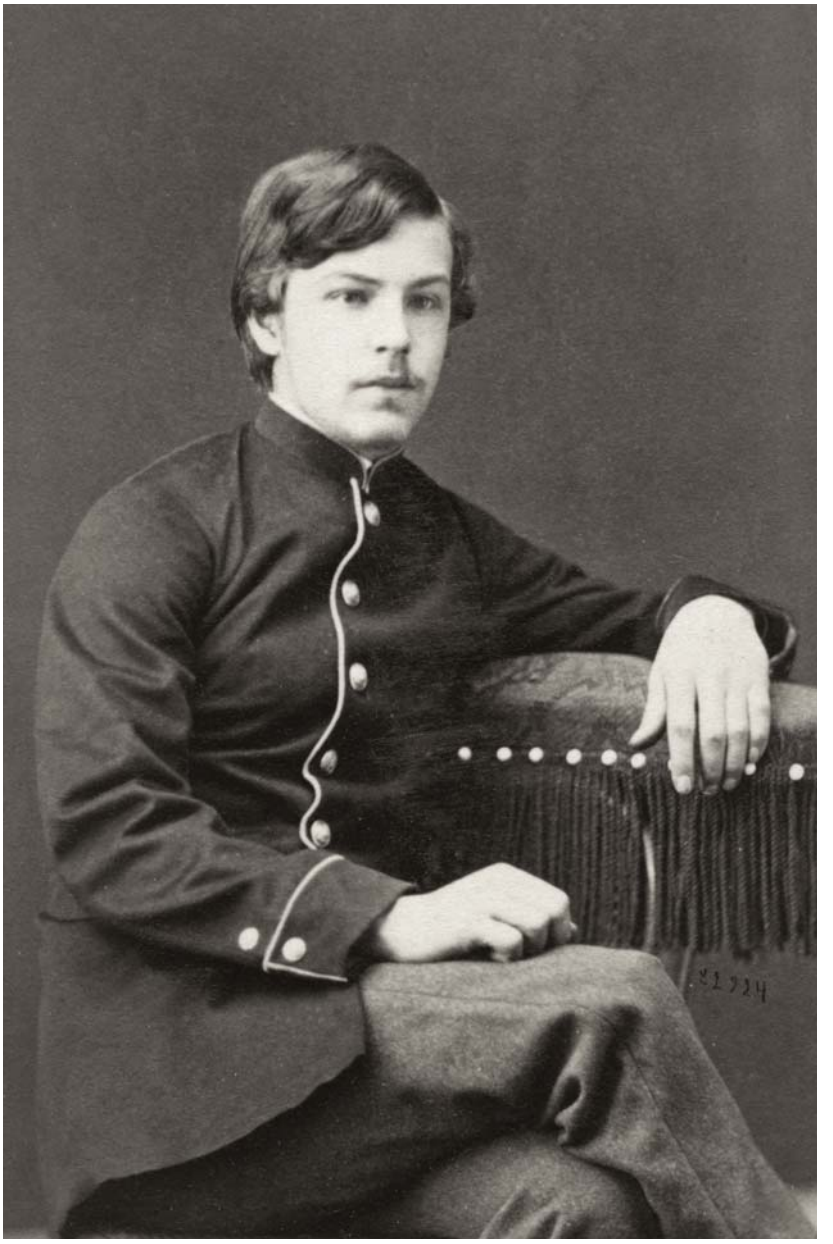
Слушатель Санкт-Петербургского Лесного института в форме образца 1884 года.
Однако вместо положенного по уставу мундира молодой человек носит «австрийскую» куртку с фигурными карманными клапанами, модную в тот период. На воротнике – петлицы, на плечах – поперечные знаки с арматурой, введенные в 1884 году.
Ателье «Р. Соболев», Санкт-Петербург. 1887 г.
Архив О.А.Хорошиловой

без изменений. Появлялись отдельные элементы, соответствовавшие духу новой военной формы. К примеру, в 1881 году кепи заменили форменными фуражками, при этом их цвет, выпушки и арматура оставлены прежними. В зимнее время головные уборы подбивали ватой, а в летнее – покрывали белыми чехлами, как это было принято в армии. Гимназисты и реалисты все еще носили традиционные однобортные мундиры с галунами на воротнике. Однако они были отнюдь не у всех и в некоторых гимназиях надевались исключительно по парадным случаям. Александр Бенуа, учившийся в гимназии Императорского Человеколюбивого общества, вспоминал: «Она (парадная форма. – *О. Х.*) была общая по покрою и цвету с формой всех других классических гимназий, то есть синяя куртка с серебряным шитьем на вороте и серебряными пуговицами. Парадную форму сшили мне только к свадьбе брата Михаила в 1884 г.; шитье на ней было отменного качества и подкладка была белая шелковая. При всей моей ненависти к ношению формы, этим своим “шикарным” мундиром я гордился и охотно щеголял в нем в театре»[76].

Повседневной одеждой этой и некоторых других гимназий и реальных училищ в царствование Александра III выбрали «русские» рубахи черного или темно-синего цвета, косой борт которых спускался по диагонали к кушаку. Их заимствовали из военного костюма, тон в котором тогда задавал русский стиль. Одновременно были введены и гимнастические рубахи-косоворотки из небеленого полотна для упражнений.

Помимо классических гимназий и реальных училищ существовало большое количество специализированных средних учебных заведений коммерческого, сельскохозяйственного, технического и других направлений. И у каждого была особая форма. К примеру, воспитанники Александровского коммерческого училища носили однобортный мундир, похожий на гимназический, но из черного сукна с

76 Бенуа А. Н. Мои воспоминания. – М.: «Наука», 1990, Т. I – III. – С. 401.



Воспитанник Императорского Московского технического училища
в форме образца 1870 года – черном однобортном сюртуке с бирюзовыми кантами и серых шароварах.
Ателье «М. Настюков», Москва. Начало 1870-х гг.
Архив О.А. Хорошиловой

темно-зеленым бархатным воротником и узким золотым галуном по его верхнему краю. Напротив, форма воспитанников Петровского коммерческого училища более напоминала университетскую – двубортный мундир на шесть позолоченных пуговиц, стоячий скошенный воротник с зелеными выпушками, петлицами и пуговицами, черные суконные брюки, фуражка с зеленым околышем и жестяным знаком: аббревиатурой «П.У.» в лавровых ветвях. Форма строительного училища МВД заимствовала некоторые элементы одежды чиновников этого министерства – околыш фуражки и отложной воротник шили из черного бархата, шесть пуговиц на мундире-тужурке имели тот же чекан, что и служившие в МВД. Воспитанники сельскохозяйственных школ не могли похвастаться красивой формой, но она, по крайней мере, была вполне удобной – двубортная серого сукна куртка с отложным воротником и четырьмя пуговицами на каждом борту, серая суконная фуражка, байковая бурка с капюшоном.

Фасонистые воспитанники Александровского лицея пропагандировали снобистский консерватизм и похвальную верность имперским традициям. Они гордились изящным однобортным мундиром темно-зеленого цвета, украшенным позолоченными гербовыми пуговицами, красным воротником с «гвардейским углом» и традиционными петлицами (серебряными – в младших классах, золотыми – в трех старших). С мундиром носили белые замшевые перчатки, темно-зеленые брюки со штрипками и короткие кожаные полусапожки, за безупречной чистотой которых лицеисты ревностно следили. Гордостью каждого была черная фетровая треуголка, украшенная с правой стороны галуном и розеткой. В последнем классе, кроме того, полагалась короткая шпага, которую носили на левом боку в прорези мундира.

В вопросах тонности лицеистам ничуть не уступали «чижики-пыжики», воспитанники Императорского училища правоведения. Их форма напоминала лицейскую. Те же однобортные темно-зеленые мундиры и брюки, николаевские шинели и черные пальто, ловкие курточки и фуражки. Но петлицы носили по одной на каждой стороне воротника, и прикладным цветом был не красный, а зеленый. Он вместе с желтым приборным металлом дал повод острякам прозвать правоведов «чижиками-пыжиками». Любопытно, что воспитанники училища ненавидели спесивых выскочек, особенно тех, кто носил не казенные, а собственные щеголеватые мундиры, дорого сшитые у столичного портного: «В эту эпоху даже в старшем курсе только у двух товарищей из нашего класса были собственные мундиры,

Ученики Музыкальных классов при Нижегородском отделении Императорского Русского музыкального общества.
Ателье «Новая фотография М. Дмитриева», Нижний Новгород. Февраль 1892 г. (по подписи).
Архив О.А. Хорошиловой

Александр Николаевич Сахновский в парадной форме воспитанника Императорского Александровского лицея.
На мундире видны две золотые петлицы старшего класса. На левом боку – шпага. В руке – треуголка с петлицей.
Ателье «E. Westly», Санкт-Петербург. 1898 г.
Собрание А. М. Милякова (Москва)

и они за свое щегольство часто подвергались насмешкам других. Остальные все обходились казенными мундирами. Вообще направление и интересы были очень серьезные»[77].

Существовала в училище и другая особенность – воспитанников делили на ранги. На мундирных обшлагах нашивались обыкновенно по три позолоченных пуговицы. Но старшие и так называемые подстаршие помимо этого носили три и одну петлицу на обшлаге соответственно[78]. Особой гордостью «чижиков» была шляпа с петлицей. Модест Чайковский отмечал: «Правоведская треуголка для массы окружена почти таким же ореолом великосветскости, как каска пажа и красный воротник лицеиста. Я упоминаю здесь об этом потому, что это неосновательное предубеждение породило и некоторый оттенок тщеславия в самих правоведах и имело хотя и слабое, но несомненное значение в жизни Петра Ильича этого периода»[79].

С лицейской можно легко спутать форму воспитанников Дворянских институтов. Мальчишки носили темно-зеленые однобортные полукафтаны с красными суконными воротниками по две золотые галунные петлицы на каждом, двубортные студенческого образца сюртуки с красными скругленными воротниками и выпушкой по обшлагам. Плоские широкие пуговицы были особого чекана – с губернским гербом. Брюки шили из темно-зеленого сукна. Фуражки имели темно-зеленую тулью и красный суконный околыш с позолоченной арматурой. В 1863 году два из трех существовавших института, Пензенский и Виленский, были закрыты. Остался лишь один Нижегородский дворянский институт. Его воспитанники украсили свои головные уборы особым знаком – в лавровых ветвях сложно переплетенные буквы аббревиатуры с наложенным вензелем Александра II под короной.

Император-реформатор, между прочим, не забыл и о студентах, когда в 1855 году спешно придумывал Российской империи новое форменное платье. Вслед за армией и чиновниками универсанты сняли николаевские мундиры и надели александровские полукафтаны – темно-зеленые, однобортные со стоячими воротниками и «полной юбкой». Многие юноши искренне им радовались и, вытребовав у родителей денег, бросались в лучшие городские мастерские. Отлично сшитые, мундиры служили пропусками в хорошие дома и на

77 Герард В. Н. Чайковский в училище правоведения / Воспоминания о Чайковском. 2-е изд. М., 1973. – С. 31, 32.

78 Петлицы на обшлагах введены в 1855 году. См.: ПСЗРИ, Т. 30, 1855 год, 7 августа, № 29569.

79 Чайковский М. И. Жизнь Петра Ильича Чайковского. – Москва-Лейпциг, 1900, Т. 1. – С. 86.

светские вечера. Петр Боборыкин, студент Императорского Казанского университета, пользовался этим обстоятельством неоднократно: «И с таким-то скудным содержанием я в первую же зиму стал бывать в казанских гостиных. Мундир позволял играть роль молодого человека; на извозчика не из чего было много тратить, а танцевать в чистых замшевых перчатках стоило недорого, потому что они мылись»[80].

К мундиру полагалась треугольная шляпа «как у флотских чинов», которую носили, снимали и которой приветствовали высокопоставленных особ по правилам почти балетным. «В конце августа или в начале сентября по Москве разнесся слух, что император скоро туда приедет, – сообщал современник, – и нам, студентам, было строго приказано ходить не иначе, как в мундирах, причем субинспекторы усердно нам преподавали, как должны мы поступать в случае встречи с государем на улице. Следовало остановиться, спустить с левого плеча шинель, “для того, чтобы открыть оружие”, – объяснял бывший гусар, Константин Петрович Иогель, – затем перевернуть шляпу рогами в стороны и, приложа к ней руку, стоять до тех пор, пока государь не проедет. Процедура эта была довольно сложна, и на репетициях многие студенты исполняли ее до такой степени неловко, что начальство заранее приходило в отчаяние»[81].

Сюртуки оставили без изменений – двубортными, со скошенными воротниками. С ними носили темно-зеленые брюки со штрипками и фуражки. От студеных николаевских времен остались и шинели – широкие, суконные, с пелериной и длинными трубами рукавов, в которые нещадно задувал колючий ветер. Щеголи подбивали их бобром и медведем, те, кто хотел «соответствовать», но средств не имел, носил их на ватной подкладке. Однако воротник «николаевки» непременно покрывали мехом. Это было негласное условие университетского хорошего тона. Кто его не знал, обыкновенно неловкие юноши-провинциалы, попадали впросак: «Когда я приготовлялся к поступлению в университет, то отец, пригласив одного из тех “мужского платья художников”, которые обыкновенно нас обмундировывали, вздумал заказать ему для меня зимнюю шинель, на вате, но без мехового воротника, которую я и взял с собой в Москву. Когда наступила зима, то видя, что все другие студенты, даже те, которые находились на казенном содержании и получали платье от казны, имели на шинелях собственные меховые воротники, и не желая

Камергер Высочайшего двора действительный статский советник Сергей Павлович Яковлев с двумя сыновьями (?) – один (слева) учится в гимназии, второй – в Императорском Московском университете.
Ателье «М. Конарский», Москва. 1890-е гг.
Архив О.А. Хорошиловой

80 Боборыкин П. Д. За полвека. Воспоминания. – Классика КнигаФонда. – С. 35: http://www.knigafund.ru/books/49423

81 Щеховский Н. А. Воспоминания, мысли и признания человека, доживающего свой век смоленского дворянина / Русская старина, 1896, Т. 85, вып. 7-9. – С. 201, 202.

Студент Императорского Санкт-Петербургского университета в форменном пальто и фуражке образца 1885 года.
Любительское фото. 1890-е гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Стр. 154, 155

Студенты Императорского Харьковского университета в форменных двубортных сюртуках образца 1885 года.
Отмечу разнообразие оттенков синих воротников – от почти черного до светло-голубого. Некоторые позируют в двубортных тужурках, введенных в 1896 году.
Ателье «Moderne», Харьков. Конец 1890-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

отличаться от всех, я попробовал написать об этом отцу. В ответ я получил только несколько страниц каких-то рассуждений... Сшитая экономическая шинель в скором времени сделалась до того узка, что я должен был сбыть ее за бесценок»[82]. С 1856 года студенческий гардероб пополнился новинкой – удобным и современным двубортным пальто с цветными петлицами на воротнике.

Но так, подтянуто, по-офицерски студенты выглядели недолго. Министерство народного просвещения, подгоняемое импульсивным самодержцем, подготовило программу университетских реформ и начало ее внедрять с 1861 года. Тогда же была отменена студенческая форма, и многие сочли это первым шагом либерализации императорских университетов. Не стоит, однако, думать, что юношам дали полную свободу самовыражения в костюме. Их облик определялся пунктом № 3 нового университетского устава, опубликованного в 1863 году: «Не дозволяется являться в университет в одежде, запрещаемой полицейскими правилами». Более четкие требования к внешнему виду перечислялись в университетских положениях: «Учащиеся должны быть на лекциях в приличном платье, и при том не допускается ношение каких-либо знаков отдельной народности, товариществ и обществ. Верхнее платье, калоши, трости и зонтики должны быть оставляемы в швейцарской. Нарушение этого правила подвергает виновного замечанию или словесному выговору со стороны проректора или инспектора»[83].

Одевались в тот период в основном по средствам. Кто-то – франтовато, по-столичному, с налетом французского шика или британской спеси. Другие, из разночинцев, по-простому, без изысков. Были среди универсантов и те, кто открыто поддерживал народничество и зачитывался трудами увальней революции, блаженствовавших в Лондоне и Швейцарии. Такие выделялись из общей массы откровенно народной внешностью – ситцевыми косоворотками, шароварами, заправленными в сапоги, мятыми фетровыми шляпами и многодневной небритостью, а то и густыми бородами. В этом современном маскараде распознать истинное происхождение студента не могли даже опытные остроглазые сыщики. Елизавета Водовозова много общалась с народолюбивыми универ-

82 Щеховский Н. А. Воспоминания, мысли и признания человека, доживающего свой век смоленского дворянина / Русская старина, 1895, Т. 84, вып. 7-9. – С. 99.

83 Журнал Министерства народного просвещения, ноябрь 1863, Т. 120. – С. 22.

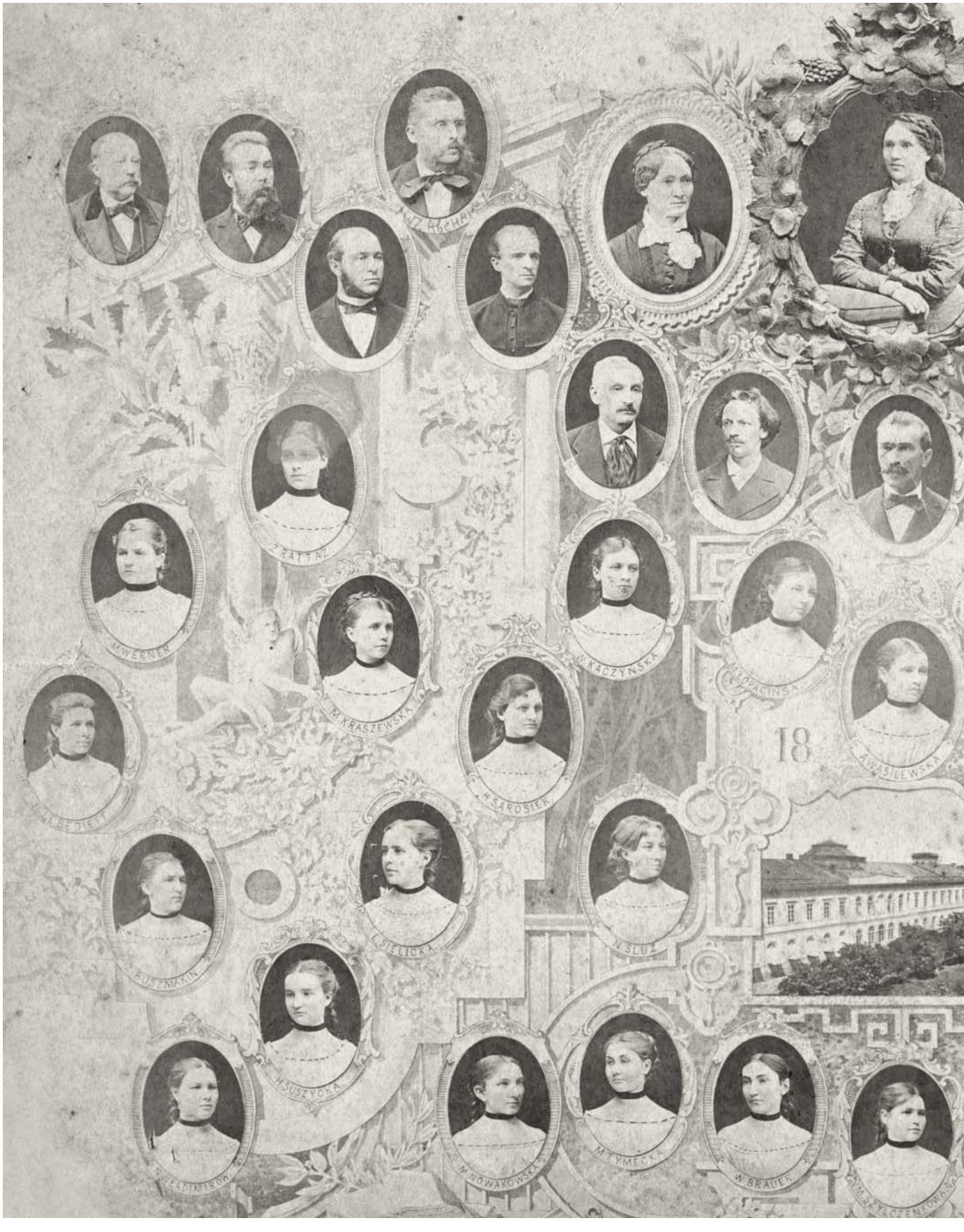
сантами в 1860-е годы: «Тот, кто принадлежал к привилегированному классу, старался скрывать это, а вышедший из народа при первой возможности выставлял на вид свое происхождение. С такой гордостью рассказывал в то время молодой человек о том, что его отец до сих пор пашет землю, а мать в три погибели гнется над жнитвом!»[84]

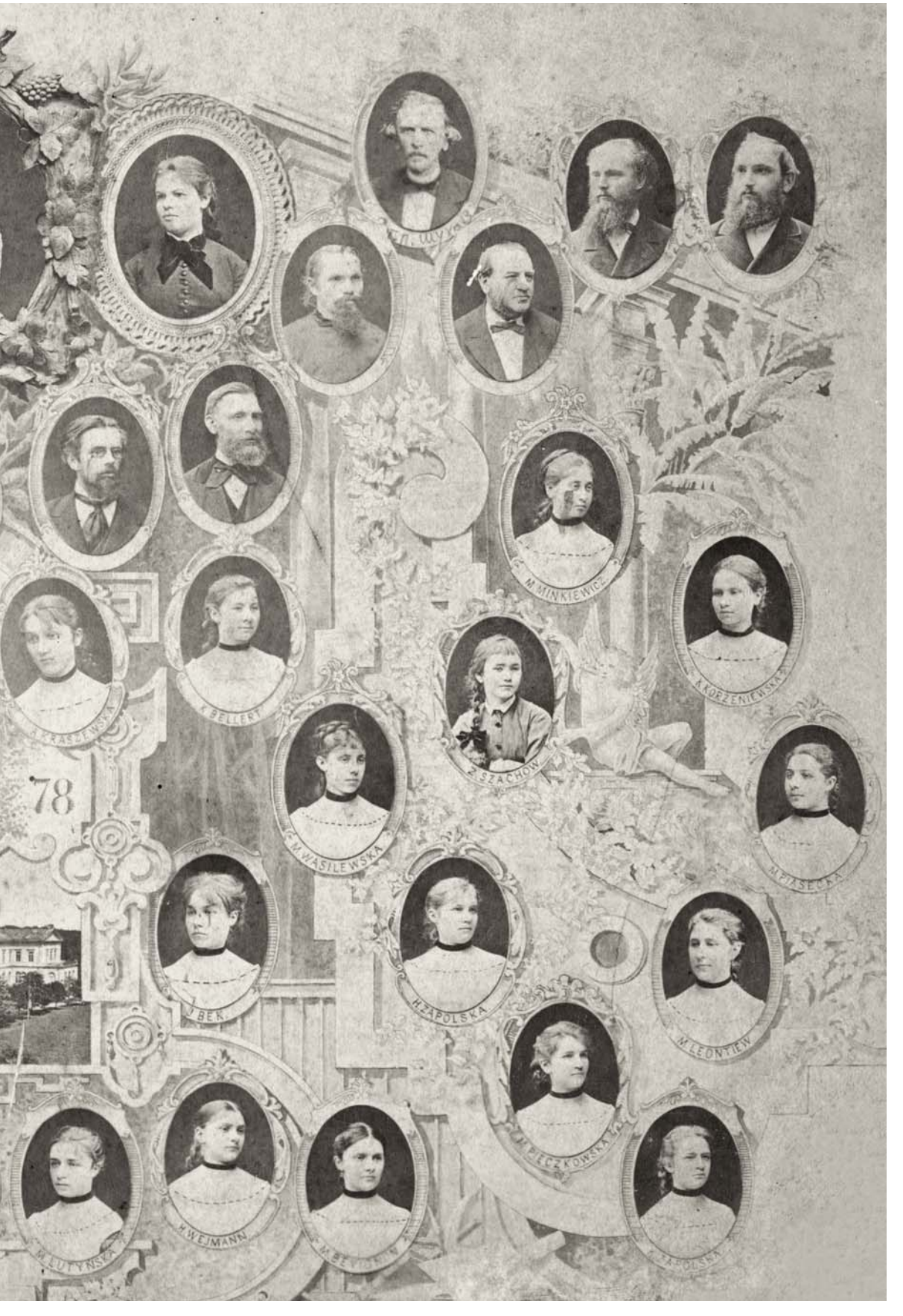
Их часто, по уставу, «подвергали словесным выговорам», но либеральные меры воздействия не помогали. Устанавливали тайный полицейский надзор – считалось, что подобные субъекты склонны к бунтам и провокациям политического характера. И не без основания. Среди народовольцев, к примеру, было много бывших студентов, отчисленных из университетов за политику. Чем закончилась их история, хорошо известно. Бывшие студенты попали на скамью подсудимых, Россия получила нового тучного монарха-реакционера, а вольнолюбивое студенчество – новую форму «для водворения духа дисциплины». В 1885 году универсанты, многие без особого желания, надели мундиры или «смирительные рубашки» – по меткому замечанию современников. Мундиры были однобортные на девять желтых металлических пуговиц с «государственным чеканом», воротники – скошенные стоячие из темно-синего сукна с двумя золотыми петлицами на каждой стороне. Такие же петлицы нашивались на обшлага – по две на каждом. Мундиры надевали в дни праздничные, торжественные. В будни носили темно-зеленые двубортные сюртуки, а с 1886 года еще и летние – белые парусинные. Головным убором была фуражка с зеленой тульей и синим околышем. В холодное время универсанты кутались в николаевские шинели, но большинство предпочитало серые офицерского кроя пальто с синими петлицами на воротнике. Студентам вновь разрешили носить шпаги – при сюртуках и мундирах. Словом, юноши превратились в этаких офицеров, некоторые даже отпустили усы или носили аккуратные гвардейские бороды. Призывать к бунту и совершать перевороты в таком почти военном имперском платье было уже как-то неудобно. Потому универсанты революционного толка эту форму презирали и от нее прилюдно отрекались. Они продолжали демонстративно носить косоворотки, тужурки и шаровары. Благо в тот период процветал национальный стиль, император Александр III сам порой ходил в косоворотках, поэтому никаких серьезных мер не последовало.

При суровом бородатом монархе мундиров в российском образовании стало, кажется, больше. Форма была у студентов-путейцев и студентов-медиков, у тех, кто постигал основы сельского хозяйства и электротехники, биологии и строительства, архитектуры и знатнейших художеств. Теперь все поголовно носили форменные фуражки, тужурки и сюртуки, а некоторые еще и мундиры – с тесными воротниками и с обручами металлических петлиц, душившими свободолюбие, душившими вопли юношеского протеста.

Светлейшая княжна Елена Александровна Ливен, начальница Смольного института. Автограф адресован воспитаннице, мадемуазель Мармен, чей отец в 1900-е годы преподавал в этом заведении французский язык.
Ателье «E. Westly», Санкт-Петербург. Конец 1890-х гг.
Архив О.А. Хорошиловой

84 Водовозова Е. Н. На заре жизни. Воспоминания. – СПб., 1911. – С. 575, 576.


K.WERNER
M.KRASZEWSKA
M.SAROSIEK
W.KACZYNSKA
A.WASILEWSKA
E.SIELICKA
M.SUSZYCKA
M.NOWAKOWSKA
M.TYMECKA
W.BRAUER



Выпускной класс Александро-Мариинского института благородных девиц в Варшаве.
1878 г.
Архив О.А.Хорошиловой

Но и девочки, робкие воспитанницы благороднейших институтов и гимназий под августейшим покровительством, ходили строем в форменных платьях и учились подчиняться – классным дамам, преподавателям и директорам.

Институтки носили одинаковые по крою и силуэту платья – с небольшим декольте, короткими рукавами и достаточно широкой, не доходившей до пола юбкой. Они были двух видов – повседневные и визитные (парадные). Первые шили из английского камлота, были тяжелыми, мало изящными, грубыми. Вторые, из белого коленкора, выглядели изысканнее. Поверх воспитанницы натягивали длинные белые рукавчики («манжи») из грубого холста, привязывая их тесемками под короткими рукавами платья. Декольте надежно прятала белая пелерина, ленты которой завязывали спереди на груди элегантным бантом. Белые рукавчики, передники и пелеринки для визитных платьев полагались из коленкора или батиста. Выпускное платье шили по образцу визитного и обычно на заказ, по мерке, потому оно выгодно подчеркивало изящество и тонкость выпускницы. Парадный туалет дополнял воротник-берта с прошивкой из атласной ленты.

Стр. 161

Воспитанница Царскосельского училища Санкт-Петербургского епархиального ведомства.
Ателье «В. Лапре», Царское Село. Начало 1870-х гг.
Архив О.А. Хорошиловой

Платья институток различались не только по видам, но и по возрастным цветам. Эта особенность существовала в Воспитательном обществе благородных девиц уже в 1780-е годы. Тогда четыре возраста носили платья различных цветов: первый – кофейного, второй – голубого, третий – серого, четвертый – белого. Палитра впоследствии слегка корректировалась, но принцип выделять возраста с помощью цветов остался неизменным, и эту традицию переняли другие институты, открытые позже. Помимо общих классов существовали и так называемые специальные педагогические, в которых обучались пепиньерки, готовившиеся стать учителями и гувернантками. Их форменный костюм отчасти напоминал учительский – строгие закрытые серые платья, черные передники и скромные белые фишю, отделанные кружевами, которые мягко охватывали плечи и стан.

Если институтки, особенно столичные, осмеливались на аристократические капризы и порой нарушали регламент формы, то воспитанницы епархиальных училищ, бледные, молчаливые, робкие существа, жили строго по расписанию и форму свою, похожую на институтскую, носили именно так, как повелевал им устав. Устав же повелевал облачаться в шерстяные (летом хлопковые) платья – темно-серые по будням и коричневые в праздничные дни, черные передники, белые пелеринки и рукавчики. В некоторых училищах, однако, цвета платьев зависели от возраста воспитанниц. К примеру, в Царскосельском женском училище духовного ведомства младшие классы носили коричневые платья, а средние – зеленого[85]. Это косвенно подтверждают и старинные фотографии. О цветах платьев Исидоровского училища пишет бывшая епархиалка Анастасия Лебедева: «Воспитанницы класса различались по цвету платья – в 1–2-м классах платья (из камлота) были темно-красные (бордо); в 3–4-м – зеленые; в 5-м и 6-м – лиловые; в 7–8-м – серые. В будние дни мы носили черные передники и белые пелеринки (одной из форм наказания, к которой прибегали сравнительно редко, была “оставить без передника”)»[86].

Епархиалок воспитывали в строгом послушании, так как в будущем они должны были стать достойными женами священников – мудрыми, знающими и молчаливыми. Проступки карались. Прически, бархотки, зеркальца, шелковые чулки строго-настрого запрещали. Нельзя было даже ходить размахивая руками, за что «наказуемых обязывали держаться за края фартука, проходя по коридору, что считалось большим позором»[87]. И правила эти ничуть не смягчились при либеральном императоре Николае II.

Казалось, епархиалок готовили в матушки самим их неказистым бабьим костюмом,

85 Об этом см.: Россия в мемуарах. Епархиалки. – М.: НЛО, 2011. – С. 283.

86 Лебедева А. В Исидоровском училище. Воспоминания. В кн.: Россия в мемуарах. Епархиалки. – М.: НЛО, 2011. – С. 141.

87 Преображенская М. С. Воспоминания о Калужском женском епархиальном училище (1914-1915, 1917-1918 годы). В кн.: Россия в мемуарах. Епархиалки. – М.: НЛО, 2011. – С. 154.

в котором они ощущали себя лет на двадцать старше. «Гулять воспитанниц водили один раз в две недели или в три, – писала Людмила Худзинская, воспитанница Рязанского епархиального училища, – а не водили часто потому, что одежки казенной было очень мало, пальто драповое халатом (то есть запашное. – *О. Х.*), платок шерстяной небольшого размера, высокие галоши – наружность получалась не из красивых – прямо какие-то арестантки. Пальто надевалось на кого попало, так что и фигуры были неважные, поэтому, конечно, девочки и избегали ходить гулять... публика и с жалостью и с насмешкой относилась к этим неуклюжим фигурам... В скандальных черных пальто и серых платках никому не хочется идти»[88].

В российских женских гимназиях единой формы не существовало. Во-первых, потому что некоторые принадлежали Ведомству учреждений императрицы Марии, другие относились к Министерству народного просвещения. Кроме того, было много частных заведений, форму в которых определял владелец совместно с советом опекунов. Но даже среди гимназий внутри одного ведомства цвета и крой одежды отличались. Общими обязательными элементами гимназического девичьего костюма были длинные, ниже колена платья темных приглушенных тонов (коричневые, бордовые, темно-зеленые, цвета маренго) и передники, черные по будням и белые в праздничные дни. Правила каждого заведения четко определяли цветовую гамму костюма и внешность воспитанницы. Описания костюмов для девочек появились еще в 1858 году, как только

Воспитанницы Пепиньерского класса Смольного института в форменных костюмах – черных платьях, передниках и белых фишю.
Ателье «В. Лауфферт», Санкт-Петербург. 1860-е гг.
Архив О.А. Хорошиловой

88 Худзинская-Гоельская Л. А. Записки епархиалки. В кн.: Россия в мемуарах. Епархиалки. – М.: НЛО, 2011. – С. 88-92.

Выпускной класс воспитанниц Вятской Мариинской женской гимназии. Девушки позволяют себе некоторые вольности в костюме. На некоторых – шелковые банты, воротнички с фестонами, бархотки и даже пелеринки. Ателье «Фотография Рытвинского», Вятка. Конец 1860-х гг. *Архив О.А. Хорошиловой*

открылись первые женские Мариинские гимназии (училища). Воспитанницы Московского женского училища, к примеру, надели коричневые (три младших возраста) и синие (три старших возраста) шерстяные платья, белые пелеринки и рукава, черные фартуки[89]. Принцип делить форму на возрасты и дополнять пелеринами и рукавчиками сохранялся в Мариинских гимназиях и позже.

Скучная, мрачноватая гимназическая форма пережила императоров, советских вождей и, основательно отредактированная по канонам современного стиля, живет до сих пор.

Единообразие – качество не только гимназического платья. Единообразными были и костюмы курсисток, девушек эпохи реформ – общественных и модных. Женское образование, когда-то немыслимое в России, порицаемое, проклинаемое, опасное, теперь, в 1860-е годы, стало задачей общества, то есть мужчин. Пореформенные господа, разумные и просвещенные, сочли женское образование важным и своевременным и много способствовали тому, чтобы дамы имели возможность присутствовать на лекциях наравне с мужчинами. Краевич преподавал физику, Бекетов – основы ботаники. Паульсон читал педагогику дамам, а нравоучения – чиновникам Министерства народного просвещения, относившимся с недоверием к этому мужскому предприятию. Но Паульсон добился своего – ему разрешили открыть лекционные курсы при петербургской 5-й гимназии, названные Аларчинскими. Так мужскими руками были заложены основы высшего женского образования.

Курсисткам сразу и сильно не повезло. Их, таких серьезных, восторженных и своенравных, опасливо называли «синими чулками» – мол, раз постигают науки и хотят быть мужчинам равными, значит, привлечь внимание противоположного пола не могут,

89 Журнал Министерства народного просвещения, Т. 103, 1859, отд. 7. – С. 144.

Выпускной класс воспитанниц одной из петербургских женских гимназий. Отмечу разнообразие фасонов платьев и модный крой, характерный для начала 1890-х гг. Неизвестное ателье, Санкт-Петербург. Начало 1890-х гг. *Архив О.А.Хорошиловой*

оттого и коротают часы в лекционных залах. За этим эпитетом предсказуемо потянулись другие – «старые девы», «неряшки», «нигилистки». Обер-полицмейстер Трепов в записке на имя императора набросал их карикатурный портрет: «Почти все они одеты в черные платья, у всех почти коротко выстриженные волосы, очки, словом, наружностью своею большая часть посетительниц курсов говорит о принадлежности своей к Петербургскому обществу нигилисток»[90].

Но в любой карикатуре есть толика правды. Резко негативное отношение мужского большинства спровоцировало протест. Курсистки намеренно эпатировали публику, намеренно злили ее, ведь общество все равно было настроено отрицательно. Противоречия обостряли, различия жирно подчеркивали, доводили до гротеска. В лекционных душных залах, в которых разрешалось даже курить, высиживать многие часы в тесных корсетах было невозможно. И некоторые, особо смелые, от корсетов отказались. Дневные платья с рюшами и оборками, со множеством милых мелочей, с плотными подушками турнюров под тяжкими драпировками тюника – не годились. Курсистки надели черные платья, похожие на католические сутаны – закрытые и скучные, но зато не привлекавшие рассеянно блуждающего по залу мужского внимания. В 1880-е в аудиториях появились девушки в тайерах, костюмах-двойках, придуманных британскими портными под давлением суфражисток и врачей-физиологов. Те, кто открыто плевал в лицо общественному мнению, отваживались и на более дерзкие выходки – коротко стриглись, курили, носили темные очки с синими или зелеными стеклами. Вот по этим злым и ярким революционеркам (которых было меньшинство) судили обо всех курсистках, сообщали о них в донесениях, поминали в мемуарах.

90 Тишкин Г.А. Женский вопрос в России. В 50—60 гг. XIX в. — Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1984. – С. 197.

Воспитанницы одной из санкт-петербургских женских гимназий в платьях и белых парадных передниках.
Ателье «К. Шапиро», Санкт-Петербург. Конец 1880-х гг.
Архив О. А. Хорошиловой

«Впоследствии в моей юности, – писала с некоторой брезгливостью Екатерина Андреева-Бальмонт, – я встретила у моих старших сестер всех этих умных и замечательных женщин (кроме С. Ковалевской, умершей в 1891 году). Все они были уже старые, некрасивые, стриженые, курили, одевались в какие-то серые балахоны. Я не хотела быть похожей на них»[91].

Курсистки становились любимыми темами журнальных карикатуристов. Легкий карандаш художника Владимира Кадулина превратил их в оборотней – в гермафродитов с цигаркой в полусгнивших зубах, в гидроцефалов с пухнущими от знаний головами, в насекомых с глазами-блюдцами и мелко семенившими лапками.

Но благодаря курсисткам в шкатулке женских украшений появилась ювелирная диковинка – интеллект, искусно ограненный профессорами. Прошло совсем немного времени, и в 1900-е мужчины научились оценивать женщин именно по этой необычной драгоценности. И красавиц тогда стало на порядок больше.

91 Андреева-Бальмонт Е. А. Воспоминания (отрывки). — М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1997. – С. 174.

Курсистка в строгом прогулочном жакете, элегантной шляпке и пенсне, которые тогда носили многие слушательницы женских курсов.
1889 г.
Архив О.А.Хорошиловой

Дама, учившаяся на женских врачебных курсах при Санкт-Петербургском Николаевском военном госпитале. На лифе виден знак об их окончании, введенный в 1880 году.
Ателье «F. Muller»,
Житомир. 2-я пол. 1880-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Воспитанница Динабургской женской гимназии в коричневом платье и белом парадном переднике.
Ателье «В. Штейнберг»,
Динабург. 1889 г.
Архив О.А.Хорошиловой

Курсистка в элегантном прогулочном платье и со смелой короткой стрижкой.
Ателье «И. Киселев»,
Воронеж. 1880-е гг.
Архив О.А.Хорошиловой

3

Types russes

Крестьяне
Купцы и торговцы
Городской люд

Мордовские крестьяне.
Фотооткрытка
по известному снимку М. Букаря
начала 1870-х гг.
Начало XX века.
Архив О.А. Хорошиловой

Так красиво по-французски назывались серии открыток и фотографии конца XIX века.

Их выпускали в России большими тиражами на радость иностранцам, случайно или по делам заехавшим в далекую снежную жутковатую страну, где царствовал баснословный мороз и правил невидимка-чиновник, где мужик водил по улицам медведя, а кузнец водил за нос самого черта, где ели горячие блины, запивая ледяной водкой и закусывая слюдяным стаканом. Здесь все было в диковинку. Здесь все были диковинными и диковатыми. Шумные, пучеглазые «лихачи» в ватных армяках и квадратных шапках неслись с посвистом на звонких тройках сквозь колючий ветер и беспощадно стегали зазевавшихся прохожих. Скуластые татары в древних широченных халатах времен Тамерлана шаркали по брусчатке, волоча гигантские холщовые мешки с шипящими шелками и, возможно, джинном. А им навстречу выплывали округлые кормилицы в сарафанах, шушунах и кокошниках, со свекольным румянцем на молочных щеках, будто из сказки, будто из пушкинского царства Салтана.

В этой смутной стране бунтов и призраков цвета министерской бумаги, оттенков солдатской шинели «types russes» были ярким пятном, цветастой заплаткой, раздражающей глаз, будоражащей память. Ими восхищались иностранцы и дети. Первые собирали фотоснимки и открытки, скрупулезно описывали по ним внешность «мюжикофф» для лондонских и парижских читателей, для славы и гонорара. Вторые бессознательно напитывались впечатлениями и красками, и затем, на склоне лет, в мерзлом Белграде и осенне-медвяном Медоне оживляли эмигрантские мемуары пестрыми картинками народного калейдоскопа, русского счастливого безбедного детства.

Крестьяне

Европейские путешественники, боявшиеся ехать в дремучую Центральную Русь, с удовольствием покупали у столичных торговцев фотографии крестьян, на плотных листах дорогого картона, в золотых рамках и виньетках. Нельзя было не восхищаться этими дородными бабами и мужиками, глянцевитыми, аккуратными, напомаженными, в пестрых хорошо выглаженных костюмах, смазанных сапогах, рогатых шапках с кистями. То были картинные произведения именитых русских мастеров, авторов крестьянских серий: Михаила Букаря, Лидии Полторацкой, Торвальда Митрейтера, Ивана Рауля. Откровенно постановочные, этнографические снимки, своего рода пропаганда. Русское крестьянство сыто и круглощеко, и живется ему весело и беззаботно, и одевается оно живописно, с искрой и вывертом.

По этим фотографиям теперь легко и приятно изучать идеальный, лессированный трудами ученых, народный «типовой» костюм. Вот матрешечные бабы губерний южных и губерний северных. Первые – в хорошо читаемых поневных комплексах: вышитых рубахах, заправленных в клетчатые поневы с прошвой, в передниках, насовах, с повязками или рогатыми кичками на головах. Вторые – в богато вышитых сарафанах и фантастических кокошниках всех форм и размеров. Вокруг баб – веселись-гуляй рубаха-парни, все, как один, крепыши и красавцы, скуластые, курносые, с деревянными плоскими лицами и выпуклыми пуговицами глаз. Стоят или изображают

Иван Болдырев. Семья донских казаков. Снимок из цикла «Виды и типы второго Донского округа», 1875-1877 гг.
Архив О.А.Хорошиловой

присядку в ситцевых блузах и кушаках, широченных в жирную складку портах, «скрыпучих» свиных сапогах, в армяках и романовских шубах и шапках непременно набекрень. Красивая страна, щегольское крестьянство.

Жизнь была убогой. До народников о ней не писали, старались не вспоминать. Ее стеснительно прятали от пронырливых фотообъективов и золотых очков заметливых иностранцев. Тщетно. Европейцы, особенно разведчики-англичане, героически рыскали по самому далекому захолустью и метко его описывали, жестоко высмеивали. Туда же отправлялись редкие смельчаки, русские фотографы, чтобы запечатлеть настоящее, заплатанное и выплаканное, лапотное, сирое крестьянское бытие. Можно восхищаться Букарем и Раулем, но верить стоит Каррику и Болдыреву, хотя в их осторожной деревенской правде чувствуется полупрозрачный фильтр цензуры.

Жили, в общем, бедно, одевались разно – как придется, по средствам. Все чаще так, как ходили в городах, куда многие подавались на заработки. Крестьянки носили ситцевые юбки, блузы с кокетками и кокетливым воланом, платья, тулупы и шубки, замужние прятали голову

В. Каррик.
Крестьяне в поле.
1870-е гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Вильям Каррик.
Крестьяне за обеденным столом.
1870-е гг.
Архив О.А.Хорошиловой

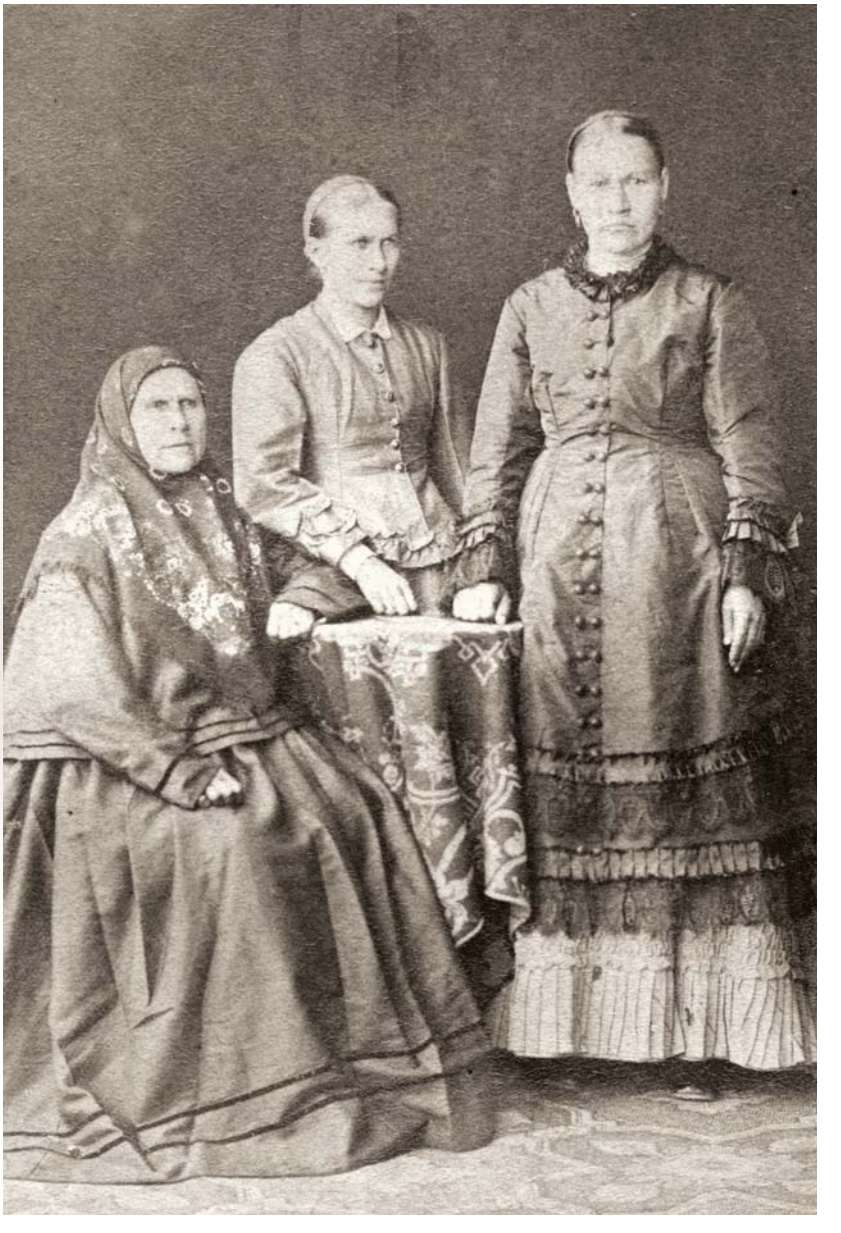
Крестьянин с супругой.
Заметно влияние городского стиля на их костюмы.
Ателье «Фотография А. Зилотина», Бийск. Начало 1870-х гг.
Архив О.А. Хорошиловой

Молодая крестьянка в шубе.
Ателье «Фотография А. Зилотина», Бийск. Конец 1860-х гг.
Архив О.А. Хорошиловой

под платки. Мужской крестьянский костюм был простым – рубаха, порты, армяк, опанки да валенки, а еще тулуп, с которым не расставались даже летом, даже в жару, что особенно пугало иностранцев.

Пестрые национальные костюмы хранились в основном у зажиточных крестьян, которые облачались в них лишь по большим «годовым» праздникам. А каждый день носили все то же, что остальные, но качеством лучше, из дорогих фабричных материалов – сатина и шелка. Город тогда стремительно проникал в деревню. Крестьянский костюм «обуржуазился»: вместо портов – скроенные на городской манер брюки, заправленные в высокие сапоги «с гармошкой», вместо кафтанов и армяков – пиджаки, при этом двубортные почитались выше однобортных, так как стоили дороже. Жены от

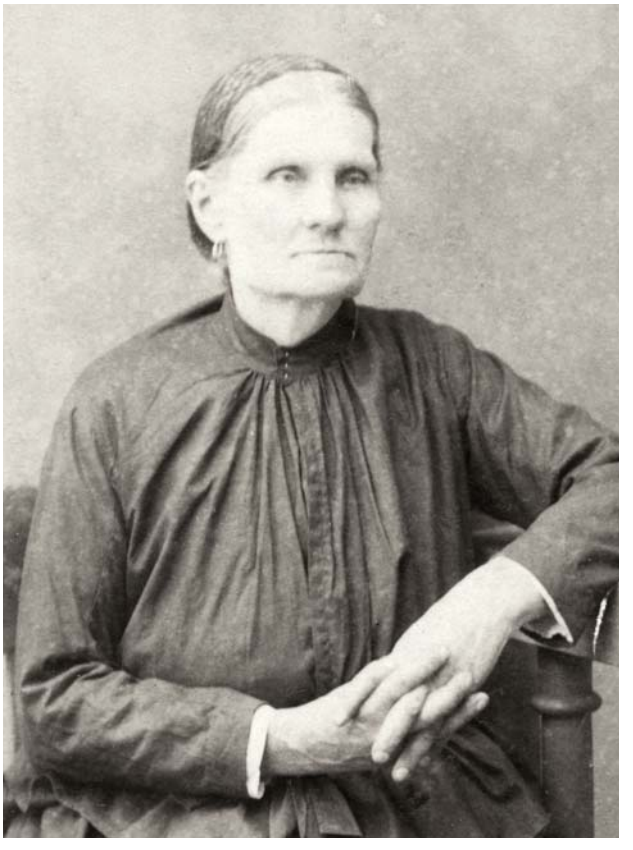
Крестьянка,
возможно няня в дворянской семье.
Неизвестное ателье. 1860-е гг.
Архив О.А. Хорошиловой



Крестьянская семья. Мать и две дочери,
которых уже практически не отличить от горожанок.
Ателье «Фотография А. Зилотина», Бийск. Начало 1870-х гг.
Архив О.А. Хорошиловой

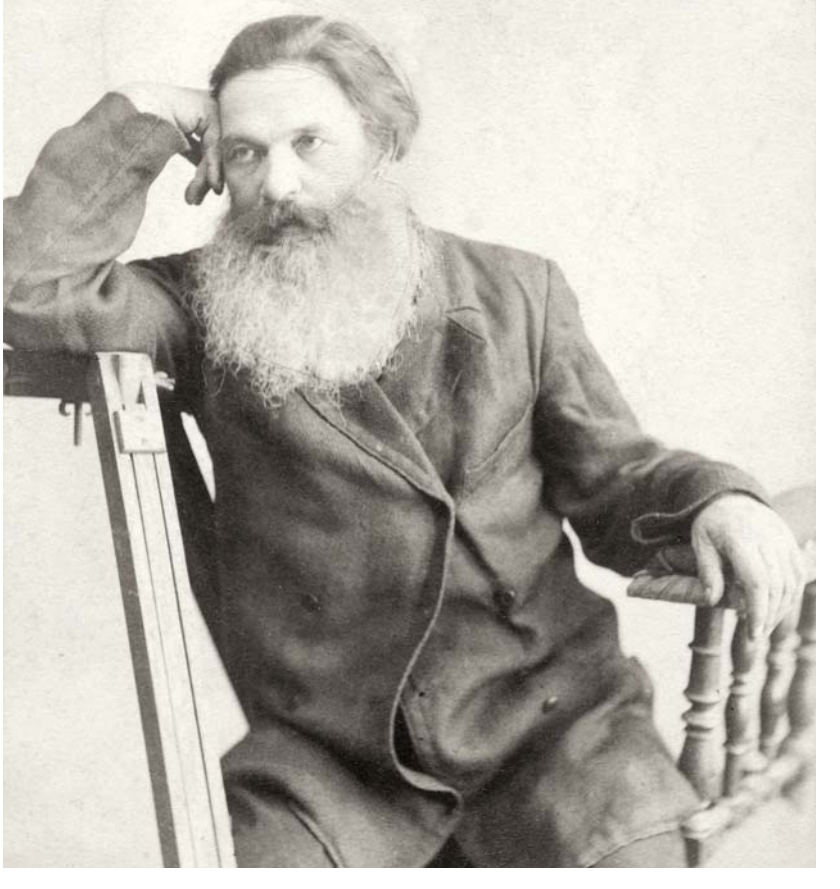
мужей не отставали – платья шили в стиле «буржуа», с покушениями на моду, носили кофточки, «польты» и шубки, а также зонтики и галоши: «Что касается женщин, то их одежда состояла из ситцевого платья, поверх которого они надевали нечто вроде кофты-пальто, доходившей до середины бедра, на голове – цветастые платки, завязанные под подбородком. Женщины помоложе носили чулки и башмаки, старухи, пренебрегая этой данью западной моде, по-мужицки обувались в грубые смазные сапоги»[1]. К концу XIX столетия народные костюмы остались лишь на фотографиях и открытках да в редких сундуках особо бережливых и богатых крестьян. С них и начались крупные этнографические коллекции начала века XX.

1 Готье Т. Путешествие в Россию. – М.: Мысль, 1988. – С. 357.



Пожилая крестьянка в кофте и юбке.
Ателье «Фотография М. Г. Молчанова», Каменец-Подольский. 1880-е гг.
Архив О. А. Хорошиловой

Молодая крестьянка в юбке, кофте и платке.
Ателье «Русская светопись», Харьков. 1900 г.
Архив О. А. Хорошиловой



Мещанин из крестьян позирует в своем лучшем воскресном костюме.
Ателье «Общедоступная фотография», Царицын. 1888 г.
Архив О. А. Хорошиловой

Стр. 175

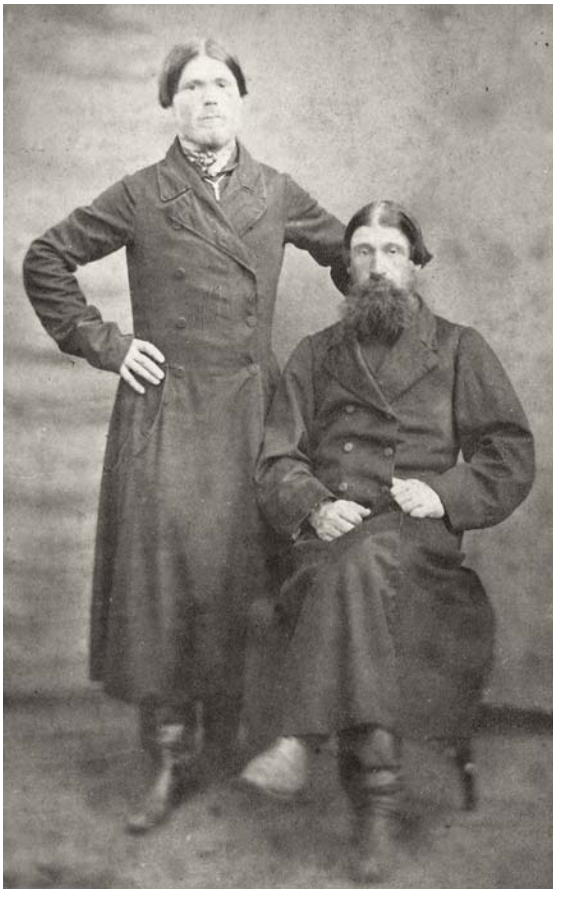
Забайкальский казак Василий Суховерков с супругой и дочкой Наташей.
Ощутимо влияние цивильного костюма. На казаке – шаровары с желтыми лампасами и городского типа пиджак. На супруге – модная кофта с кокеткой, юбка и белый воскресный передник.
Конец 1890-х – начало 1900-х гг.
Семейный архив К. В. Зборовского

Купцы и торговцы

Длиннопалые европейские путешественники, меривши русские просторы складным циркулем неутомимых ног, ходили по лавкам, ярмаркам, торговым рядам. Выискивали. Не товары, а продавцов – ловких и юрких купцов. И насытившись зрелищем, аккуратно заносили в записные книжки: «Русские торговцы, называемые здесь купцами, бороды имеют густые, стригутся “под горшок”, полнотелы, не всегда опрятны, набожны, любят чай...», «купцы сохранили типично восточный внешний вид: борода, сюртук, являвший собой видоизмененный кафтан, высокая шапка, мешковатые штаны и сапоги». Пытливые иностранцы заставили поверить в то, что купец – это грузный твердолобый масляный мужик в сатиновой рубахе, пухлом кафтане, наглый, хитрый, тороватый. Словом, именно такой, как на открытках «types russes».

Но длиннопалые путешественники напрасно мерили купечество общим аршином. Во второй половине XIX века это сословие было далеко не таким понятным, одноликим. Во время реформ 1860-х годов оно сильно разрослось за счет крестьян, мещан и даже дворян, избавившихся от тягостных земельных наделов и решивших заняться коммерцией. «Положение о пошлинах на право торговли и других промыслов», изданное в 1863 году, дало им право платить патентные и торгово-промышленные сборы и именоваться купцами. На этих новообращенных распространялись и обширные купеческие права.

Отныне существовали только две гильдии, в которые вступали, выкупив соответствующее свидетельство. Его следовало ежегодно возобновлять, но это получалось не у всех – по причинам разным, в том числе и финансовым. Потому исконных, «потомственных» многовековых купеческих семейств было наперечет. Одни, лишенные гильдейского свидетельства (из-за растрат, банкротства или по судебному решению), становились мещанами. Другие, крестьяне и мещане, быстро преуспевали, стремительно фантастически богатели, из 2-й переходили в почетную 1-ю купеческую гильдию, а потом и вовсе выбивались в дворяне и делались даже генералами. Это называлось «облагородить фамилию» или «анноблироваться».



Купец (сидит) и приказчик в традиционных двубортных сюртуках.
Неизвестный автор, Россия.
Конец 1850-х – начало 1860-х гг.
Коллекция А.А. Классена (Санкт-Петербург)

Пеструю массу купцов объединяла фанатичная преданность делу, от которого зависело благополучие, а также крепкий, основательный, богатый жизненный уклад. Дома имели осанистые, двухэтажные с широкими окнами, пухлым балконом и затейливой лепкой по фасаду. На втором этаже – личные апартаменты, ладные кабинеты с богатырскими картинами итальянцев и голландцев, с кряжистыми мебелями в столовой, гостиной, детской. На первом – контора, лавка, склады, а еще подвал, полный яств. Купцы были известными гурманами, в особенности столичные. «Когда купец богатеет, – сообщал Дональд Макензи, – он свободно тратит деньги на паркетные полы, огромные зеркала, малахитовые столики, рояли самых именитых мастеров. Иногда, особенно по случаю

Стр. 176

Купцы в традиционных костюмах – двубортном сюртуке, скроенном на манер чуйки, и теплом тулупе.
Волосы расчесаны на прямой пробор и подвиты. Купец справа демонстрирует золотые карманные часы с цепочкой и шатленом, предмет гордости всех торговцев.
Ателье «Фотография М. Рыбакова», Москва.
Конец 1860-х – начало 1870-х гг.
Архив О.А. Хорошиловой

Купец в бархатной поддевке и сюртуке.
Ателье «К. Андерсон», Санкт-Петербург.
Начало 1870-х гг.
Архив О.А. Хорошиловой

В. Каррик.
Купец в зимней одежде – шубе, подбитой мехом, и высокой шапке-«боярке».
1870-е гг.
Архив О.А. Хорошиловой

свадьбы или похорон, он устраивает грандиозные банкеты и тратит баснословные суммы на гигантских осетров, икру всех сортов, заморские фрукты, шампанское и всевозможные другие деликатесы»[2].

Основательно жили, основательно одевались. Дремучие губернские торговцы и фабриканты, особенно из староверов, рядились мужиками – ситцевые рубахи-косоворотки, перепоясанные пестрыми кушаками, широкие шаровары, заправленные в разухабистые жирные скрипучие сапоги со многими складками. Поверх рубах – поддевки-безрукавки из шерсти, но чаще из рыхлого восточного бархата с толстой цепочкой карманных часов. Традиционной верхней одеждой были чуйки, длинные, темно-синие, безворотые, с широким запахом на «русскую» сторону, то есть налево. Застегивались на крючки или пуговицы – стеклянные, перламутровые или обтянутые тканью. Зимой носили тяжелые мохнатые длинные шубы, короткие тулупы и меховые шапки, иногда весьма высокие. В Сибири были популярны черные «барнаулки», прозванные так

2 Mackenzie Wallace, Donald, sir. Russia. – Lnd, 1912. – P. 192-193.

Купец в суконном армяке, барашковом токе и хорошо начищенных сапогах со многими складками.
Ателье «Н. А. Франтов», Вязники. 1880-е гг. *Архив О.А.Хорошиловой*

Купец в двубортном пальто на вате или меху с барашковым воротником.
Ателье «Фотография В. Мартынова», Москва. 1870-е гг. *Архив О.А.Хорошиловой*

по местности, где их шили[3]. Одетые в чуйки и меха мужиковатые «самоварники», бородатые, стриженные «в скобу», недобро смотрят, торовато прищурясь, с портретов русских примитивистов, тяжело живописавших тяжесть осанистого бытия.

Но так выглядели не все купцы. В эпоху александровской оттепели отогрелась, забурлила экономическая жизнь. Стали больше торговать, впопыхах прокладывали железные дороги, по которым пыхтящие составы везли заморские товары с востока на запад и с запада на восток. Из крупных центральных городов в глубинку доставляли готовое платье европейского кроя. С 1870-х годов купцы все меньше напоминали картинных кряжистых мужиков. Чуйки превратились в длинные, ниже колена, двубортные сюртуки с отложным воротником и множеством мелких пуговиц. Вместо поддевок носили штучные жилеты, иногда длиннее классических цивильных. Провинциальные щеголи-богачи ловко сочетали европейский

3 Гончаров Ю. М. Купеческая семья второй половины XIX – начала XX века. – Российская академия наук, Институт этнологии и антропологии РАН, Алтайский государственный университет, 1999. – С. 158.

Семья купца Петербургской губернии.
1-я пол. 1880-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

лоск с русским сермяжным стилем и нередко появлялись в «мужицких» изящно скроенных ансамблях из великолепного привозного текстиля. Так одевался, к примеру, сын крупного заводчика Шамси Асадулаева: «Костюм же его заключался в шелковой рубашке, русской поддевке, с шароварами из лучшего английского сукна, с желтыми из тонкой кожи сапогами, на пальце его руки красовался крупный брильянт чистейшей воды, большой ценности»[4].

В Петербурге, Москве, Киеве, Нижнем Новгороде вычислить «купчину» в праздно фланирующей толпе элегантенов было сложно. Николай Варенцов ярко описал некоторых из них: «Продажей хлопка занимался я, но для продажи других товаров, как то: шелка-сырца, сырнока, шерсти, кожи, каракуля — был бухарец Хусейн Шагазиев. Ему было лет около пятидесяти, роста был небольшого, имел выпуклый упрямый лоб, с жидкой растительностью на лице, скуласт. Одевался по-европейски, на голове носил чаплашку (круглая шапочка, напоминающая тюбетейку. – *О. Х.*). Вид у него был щеголеватый: в галстуке булавка с большим бриллиантом, на указательном пальце перстень с таким же бриллиантом, на жилете висела толстая золотая цепочка с брелоками... На освободившееся место директора был выбран Николай Иванович Решетников, интересный молодой человек приблизительно лет тридцати пяти с чем-нибудь, стройный, с большим лбом, с правильным красивым овалом лица, с черными гладкими и причесанными

Купец и купчиха в прекрасно скроенных городских костюмах.
Ателье «В. П. Бебин», Казань.
1870-е гг.
Архив О.А.Хорошиловой

4 Варенцов Н. А. Слышанное, виденное, передуманное, пережитое: http://lib.rus.ec/b/372112/read

Известный российский предприниматель Людвиг Метцель, открывший в 1878 году первое российское рекламное бюро. Он позирует в прекрасно сшитом фраке и сорочке с манишкой.
Ателье «Ю. Мебиус», Москва. 1890-е гг.
Архив О.А.Хорошиловой

волосами с боковым пробором... Всегда он был одет в отлично сшитый сюртук черного цвета; в черном шелковом галстуке торчала булавка с довольно крупным бриллиантом... Я старался Решетникову подражать во многом, и он был, так как сказать, моим наставником по наведению буржуазного лоска: убедил в выгодности шить костюмы у лучших портных, обуваться у лучших сапожников и так далее...»[5]. Павел Бурышкин указывал, что его отец «одевался либо за границей, либо у Деллоса, который был совсем неплохой портной в Москве»[6]. Костюмы для московского купца Виктора Станицына, описанного в романе «Китай-город», тоже шили французы – Дюсотуа и Блан. Кроме того, коммерсант носил «галстуки, белье, золотые мелкие вещи не иначе как лондонские, "точно такие", как принц Галльский, от тех же самых поставщиков»[7].

Эти городские хлыщи стриглись по последней моде, хотя бороды не брили, щеголяли в отлично сшитых костюмах, обхождение имели светское, баловались французскими словечками. Сословную принадлежность выдавали детали – слишком толстые цепочки и здоровенные карманные часы, дородные перстни, крепко сидящие на толстых пальцах, галстучные булавки невообразимых размеров. Оно проявлялось и в том, как своеобразно купцы использовали европейские элементы одежды. Петр Иванович Щукин приводит такой пример: «Ходили обыкновенно пить шампанское в винный погребок Богатырева, близ Биржи, на Карунинской площади. Прежде всего, Королев (Михаил Леонтьевич Королев, московский городской голова. – *О. Х.*) ставил на стол свою шляпу-цилиндр, затем начинали пить, и пили до тех пор, пока шляпа не наполнялась пробками от шампанского; тогда только кончали и расходились»[8].

«Ордынко-якиманской» была и патологическая чрезмерность облика и быта. Некоторые жили и одевались по принципу «чем больше, тем лучше». Доходило до смешного. Москва долго помнила молодцеватого купца Веретенникова, быстро разбогатевшего на несметном наследстве рано преставившегося родителя. Свой финансовый достаток он подчеркивал белыми костюмами, головными уборами и обувью, считая, вероятно, этот цвет главным признаком состоятельности. Носил только белые трости и галстуки и ездил кататься по купеческой Москве на отличной паре искристо-белых лошадей, управляемой молодым кучером во всем белом.

Столичные купцы денег обычно не жалели и костюмы шили на заказ в престижных ателье. Но порой хулиганили. Николай Павлович Кудрин, директор Среднеазиатского торгово-промышленного товарищества, человек солидный и богатый, добывал обновки следующим образом: «На Нижегородской ярмарке он отправлялся на обед, даваемый ярмарочным

[5] Там же.
[6] Бурышкин П. А. Москва купеческая. – М.: Высшая школа, 1991. – С. 217.
[7] Боборыкин П. Д. Китай-город: http://az.lib.ru/b/boborykin_p_d/text_0120.shtml
[8] Щукин П. И. «Как в старину пили московские купцы», цит. по: Бурышкин П. А. Москва купеческая. – М.: Высшая школа, 1991. – С. 82.

купечеством губернатору, я увидал его готовым к выходу, в порыжевшей шляпе с отрывающимися полями, и сказал: “Пора бы вам купить новую шляпу!”. Он махнул рукой и ответил: “Куплю”. Возвратился с обеда в новой шляпе и в новых калошах, тогда как ушел без калош. Я его поздравил: “Наконец-то купили! Старая шляпа прямо была неприлична”. Он, хохоча, ответил: “Нет, не покупал, надел чью-то чужую, да, кстати, и калоши, теперь долго не придется покупать”. Вообще я замечал, что ему доставляло большое удовольствие оставить кого-нибудь в дураках, и от всех таких удач он был весел и от души потешался над пострадавшими»[9].

Купцы носили не только цивильное, но и форменное платье. Мундиром определенного министерства награждали за особые заслуги в области благотворительности, их носили покровители учебных и богоугодных заведений, члены коммерческих обществ, правлений, состоящие на выборных должностях. Так, в 1859 году, когда разрабатывали проект устава низших и средних училищ, в особом пункте упомянули форму для купцов, блюстителей низших учебных заведений: «Мундирный полукафтан министерства народного просвещения 8 разряда»[10], то есть однобортный, темно-синего сукна со стоячим воротником, украшенным серебряным половинным шитьем, присвоенным этому министерству. Его дополняла шпага гражданского образца. Члены ярмарочных комитетов получали право носить темно-зеленые однобортные полукафтаны 8-го разряда Министерства финансов. С 1834 года купцы, состоявшие на выборных должностях, получили мундиры Министерства внутренних дел: «Должностям, замещаемым по выбору купечества и мещанства, присвоить разряды для ношения мундиров в следующем порядке: городским головам в столицах — 6-й, в губернских и портовых городах — 7-й, в уездных и заштатных городах — 8-й; заседателям от купечества в палатах: Уголовной и Гражданской, в Совестных судах и в Приказах Общественного призрения, членам Городских дум и бургомистрам: в столицах — 7-й, в губернских и портовых городах — 8-й, в уездных и заштатных городах — 9-й; ратманам: в столицах – 8-й, в губернских и портовых городах – 9-й, в уездных и заштатных городах – 10-й; городовым старостам и секретарям магистратов и Сиротских судов: в столицах – 10-й, в губернских и портовых городах – 10-й, в уездных и заштатных городах – 10-й»[11].

Петербургский купец 2-й гильдии, старовер Михаил Дмитриевич Усов с супругой Марией Петровной.
Ателье «К. Шапиро», Санкт-Петербург. 1890-е гг.
Архив О.А. Хорошиловой

В этом положении, между прочим, приводилось описание мундирного кафтана, любопытного симбиоза форменного и традиционно купеческого платья: «Как некоторые лица, занимающие городские должности, носят старинное русское одеяние, то таковым дозволяется повсеместно, как в столицах, так и в уездных и губернских городах носить вместо мундиров кафтаны с шитьем соответственно разрядам, а вместо шпаг – сабли»[12].

9 Варенцов Н. А. Слышанное, виденное, передуманное, пережитое: http://lib.rus.ec/b/372112/read

10 Журнал Министерства народного просвещения, Т. 105, 1860. – С. 94.

11 ПСЗРИ, Т. 9, 1834, № 7344.

12 Там же.

Купец Широков-Селиверстов в мундире 9-го разряда православного духовного ведомства Святейшего синода. У бедра видна шпага, носившаяся при этом мундире.
Ателье «А. Рымаренко», Курск. 1899-1900 гг.
Коллекция С. Е. Володарского (Харьков)

Потому на старинных фотографиях, особенно 1860–1870-х годов, купцы позируют и в однобортных мундирах с гражданскими шпагами, и в двубортных мундирных кафтанах с купеческими саблями.

Самым, пожалуй, ярким, искристым и дорогим был мундир Ведомства учреждений императрицы Марии, который купцы получали за щедрую помощь заведениям, входившим в его состав. К примеру, жертвовавшие ежегодно не менее 300 рублей носили мундиры 4-й степени, за двести рублей купец получал право на мундир 5-й степени[13]. Павел Бурышкин вспоминал: «Для “благотворителей” бывала доступной и самой легкой служба по ведомству учреждений императрицы Марии. Но “благотворительных”, как говорили, “бирюзовых” генералов не любили»[14]. Так их называли потому, что мундиры ведомства украшала бирюзовая выпушка.

Торговцы могли выбиться в дворяне и тогда получали право на темно-зеленый мундир с красными воротником и обшлагами, с золотым шитьем. Бурышкин отмечал: «Иногда – это бывало сравнительно редко – тот или иной коммерческий деятель, а иногда и вся его семья именным высочайшим указом возводились в “потомственное дворянское достоинство”. Одним из последних примеров “облагорожения” старых купеческих фамилий было возведение (в 1912 году) главного владельца и руководителя Трехгорной мануфактуры Николая Ивановича Прохорова со всей его семьей в дворянское достоинство... Хорошо помню, как много говорили о том, что Николай Иванович Прохоров в дворянском мундире с красным воротником принимал участие в выборе последнего губернского предводителя, назначенного обер-прокурором Священного Синода»[15].

Купцы любили награды и получали их весьма регулярно. Почти у каждого блестела возле бороды большая, с хорошее блюдо, медаль «За усердие» с профилем русского монарха, при котором это самое усердие было подобострастно выказано. Они чеканились из золота и серебра, носились на станиславской, анненской, владимирской и александровской лентах на груди и шее. У проворных дельцов таких «блюдец» висело иногда по 4-5 штук. Примерно столько имел городской голова Торжка: «У Л. (городского головы. – *О. Х.*) страсть к медалям была развита в высшей степени, что, впрочем, имело и свои хорошие стороны. Так для получения лишней медали он выстроил на свой счет каменные конюшни и казармы для двух эскадронов уланского полка. В большие

13 ПСЗРИ, Т. 35, 1860, № 35970.
14 Бурышкин П. А. Москва купеческая. – М.: Высшая школа, 1991. – С. 111.
15 Там же. С. 109.

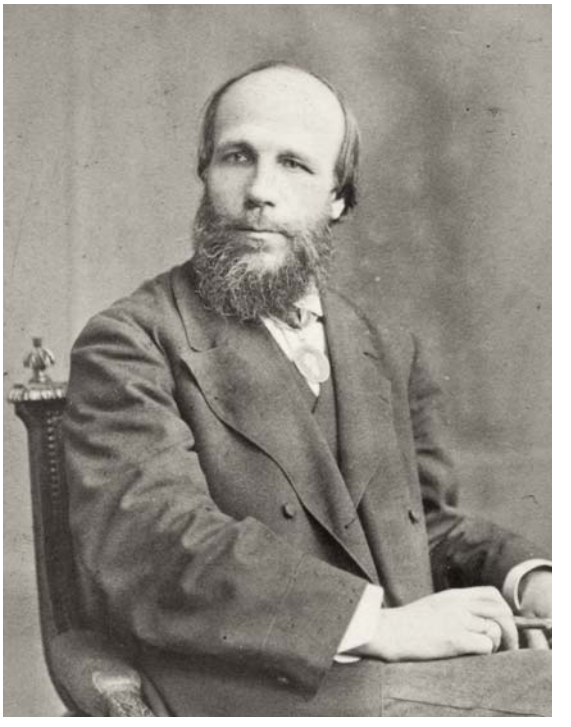
Член советов заведений императрицы Марии Федоровны в мундире Ведомства учреждений Императрицы Марии 1-й степени.
Ателье «В. Федоров», Казань. 1900-е гг.
Коллекция В. В. Авдеева (Санкт-Петербург)

праздники он надевал мундир и все имеющиеся у него медали и являлся в таком виде в собор, а затем делал визиты именитым гражданам города и наиболее влиятельным помещикам, живущим в городе»[16].

Медалей становилось все больше, и во второй половине XIX века они упали в цене. Заметливый Уоллес Макензи сообщал: «Подобно бумажным деньгам, выпущенным в большом количестве, эти награды потеряли свою ценность. Золотые медали («За усердие». – *О. Х.*), которыми раньше купцы дорожили и носили их с гордостью на шейной ленте, теперь интересуют гораздо меньше»[17]. Торговцы 2-й половины XIX века патологически пристрастились к орденам. Они могли получить низшие степени Св. Станислава, Св. Анны и даже Св. Владимира, которым гордились особенно. Макензи приводит забавную историю: «Один купец даровал обществу, которому покровительствовала великая княгиня, значительную денежную сумму с условием быть представленным к ордену Св. Владимира. Но вместо желаемой награды, которую сочли слишком высокой и несоответствующей подаренной сумме, он получил орден Св. Станислава. Но донатор был очень недоволен и потребовал вернуть ему деньги. Требование было удовлетворено. Но по правилам императорские подарки возвращению не подлежали, и купец получил орден св. Станислава ни за что»[18].

Купец 1-й гильдии Евфим Данилович Школяренко в мундире Ведомства учреждений Императрицы Марии 1-й, 2-й или 3-й степени (видно полное шитье на воротнике).
Ателье «A. Fedecki», Харьков. 1903 г.
Коллекция С. Е. Володарского (Харьков)

16 Синицын А. А. Из воспоминаний старого врача/ Русская старина, 1913, Т. 154. – С. 211.
17 Mackenzie Wallace, Donald, sir. Russia. – Lnd, 1912. – P. 197.
18 Mackenzie Wallace, Donald, sir. Russia. – Lnd, 1912. – P. 197.



Купец в сюртучной тройке с золотой шейной медалью «За усердие» на станиславской ленте.
Ателье «Фотография Булгак и Овчаренко», Москва. 1876-1886 гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Предприниматель Людвиг Метцель запечатлен во фрачной тройке с наградами, среди которых – орден Св. Анны III степени под короной, звезда персидского ордена Льва и Солнца (первая сверху).
Ателье «Отто Ренар», Москва. Начало 1900-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Петербургские купцы позируют на природе.
На купце слева – звезда ордена Св. Станислава I степени.
На указательном пальце – крупный перстень с печаткой.
Неизвестный автор, 1887 г. *Архив О.А.Хорошиловой*

И конечно, пользовались любой возможностью, чтобы этими наградами похвастаться, иногда во вред своему здоровью. Варенцов, к примеру, вспоминал торговца Сергея Пантелеевича Кувшинникова, получившего орден Св. Станислава низшей, III степени. Награда пустячная, брелок на пестрой ленте, но купец был вне себя от радости: «Неожиданная награда на милого и тщеславного старичка сильно подействовала и послужила причиной скорой его смерти. Кувшинников радовался награде, как мальчик игрунке; носил орден не снимая, даже, как говорили, ложился спать с ним. Желая, чтобы все видели его орден, в мороз, едучи на извозчике, распахивал левую полу своей медвежьей шубы (в таком виде и я его видел) – он простудился и, получив крупозное воспаление в легких, скончался»[19]. История, достойная пера Гоголя.

Купчихи были под стать мужьям – крепкие на руку и на слово, хитрые, хваткие, прозорливые, настоящие гром-бабы. Порой они занимали в семейной иерархии первое место, а тихим безропотным мужьям милостиво отводили второе. Такой, к примеру, была моя прабабушка Варвара Дмитриевна Соколова, женщина волевая, жесткая, как говорится, с характером. Ее супруг, второй гильдии купец Михаил Александрович Пунин, мягкий и болезненный, быстро отошел от дел и вскоре умер, оставив жену с четырьмя детьми на руках. Ранняя кончина мужа не помешала «царице Варваре» (так ее называли в семье) продолжить семейное дело и открыть новый мануфактурный магазин на Зеркальной линии (ныне улица Садовая) в доме № 72. Прабабка наряжалась по-светски – в шерстяные, хлопковые и тафтяные платья с явными покушениями на моду. Впрочем, после смерти супруга носила лишь темную одежду с кружевной вдовьей вуалью.

Столичных купчих отличить от дворянок было невозможно – красивые, статные, в эффектных парижских платьях и скромных драгоценностях, они украшали петербургские и московские балы. «Дворянство завидовало купечеству, купечество щеголяло своим стремлением к цивилизации и культуре, – писал Владимир Немирович-Данченко, – купеческие жены получали свои туалеты из Парижа, ездили на “зимнюю весну” на Французскую Ривьеру и, в то же самое время, по каким-то тайным психологическим причинам заискивали у высшего дворянства»[20]. Петр Боборыкин, знаток московской торговой жизни, бытописатель с пристрастием, с любовью к деталям, нарисовал подробнейший портрет купчихи Станицыной, в котором не было и толики «ордынко-якиман-

Прабабушка автора, второй гильдии купчиха Варвара Дмитриевна Пунина (урожденная Соколова) позирует в траурном наряде, который она носила после смерти мужа.
Ателье «Carbini Frires», Санкт-Петербург. Начало 1890-х гг.
Архив О.А. Хорошиловой

[19] Варенцов Н. А. Слышанное, виденное, передуманное, пережитое: http://lib.rus.ec/b/372112/read

[20] Немирович-Данченко Вл. И. Из прошлого. – М.: Гос. издательство худ. литературы, 1938. – С. 24.

Варвара Дмитриевна Пунина (в центре) в окружении семьи. В первом ряду сидят ее внуки – Николай, Зинаида, Леонид и Александр. Позади на руках ее сына Николая – Лева Пунин, дед автора. Любительский снимок. Павловск. Около 1901 г. *Архив О.А.Хорошиловой*

щины»: «Этой женщине, сквозь прозрачную вуалетку, точно посыпанную золотым песком, вряд ли бы кто дал больше двадцати трех лет. Ей было уже двадцать семь. Рослая, с прекрасным бюстом, не жирной, но не худой шеей и тонкой умной головой, она смотрела настоящей дамой. Ее охватывало короткое пальто из черного фая. Оно позволяло любоваться линией ее талии и переходило в кружевную оборку. Широкие, модного покроя рукава, также отделанные кружевами и бахромой из гофрированных шелковых кусочков, выпускали наружу только ее пальцы в светло-серых перчатках. Вокруг шеи шел кружевной высокий барок. Из-под пальто выходило узкое, песочного цвета, тяжелое платье: спереди настолько высокое, что вся нога, в башмаках с пряжками и цветных шелковых чулках, была видна. На ее лоб и глаза, глубоко сидевшие в впадинах, легла тень от полей широкой “рубенсовской” шляпы с густым темно-гранатовым пером»[21].

В глубинках тоже старались одеваться на парижский манер, однако дамы пожилые предпочитали исконно купеческий, народно-бабий стиль. Екатерина Авдеева-Полевая сообщала: «Прежде все купчихи носили юбки и кофты, а на головах платки; платки были парчовые,

21 Боборыкин П. Д. Китай-город: http://az.lib.ru/b/boborykin_p_d/text_0120.shtml

глазетовые, тканые, с золотыми каймами, шитые золотом, битью, канителью; бывали платки по сто пятидесяти рублей; дома носили в достаточных и бедных домах бумажные вязаные колпаки. Ныне все молодые женщины, купчихи, одеваются точно так же, как и в столице. Кто приедет прямо из Москвы или Петербурга, тот мало заметит разницы в одежде»[22].

Детей наряжали соответственно семейному укладу. Традиционалисты предпочитали сугубо народный стиль: рубашки, шаровары, поддевки. Любопытно, что некоторые выдавали юных дочерей замуж не в традиционных белых подвенечных нарядах, а в кумачовых. «В Москве была богатая свадьба, – сообщал современник, – миллионер С.И.Щ. выдавал замуж свою дочку. Невеста во время венчания была одета во всем красном, начиная от башмачков, кончая вуалью, с букетом красных цветов в руках, вместо принятого белого с цветами флердоранжа, как эмблемы чистоты и невинности»[23]. В выборе такого неожиданного цвета, вероятно, сказалась генетическая близость купцов к народу.

Столичные коммерсанты одевали детей согласно европейской моде, которая, впрочем, признавала актуальность национальных стилей, в том числе русского. Детей любили наряжать в рубашки a'la russe, чей народный фасон мягко отредактировала парижская мода. «На этот раз – театр. Поездка туда не то, что в цирк, – объяснял Константин Сергеевич Станиславский, выходец из крупной московской купеческой семьи. – Нас предварительно моют, одевают в шелковые русские рубахи с бархатными шароварами и замшевыми сапогами. На руки натягивают белые перчатки и строго-настрого наказывают, чтобы по возвращении домой из театра перчатки оставались белыми, а не совершенно черными, как это обыкновенно случается»[24].

Дородные купчихи в выходных нарядах.
Ателье «Фотограф М. Г. Молчанов», Каменец-Подольский. 1890-е гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Щегольство родителей дети наследовали в полной мере. Некоторые мальчишки в 10–12 лет выглядели прожженными столичными франтами. Николай Варенцов вспоминал: «Сын Павел (Павел Герасимович Хлудов, сын именитого московского купца и предпринимателя. – *О. Х.*) сосредоточил на себе все внимание своих родителей как будущий единственный наследник всех дел и богатств их. Его слишком баловали и не по годам развивали в нем восприятие чувственных удовольствий: так, будучи совсем еще мальчиком, 10–12 лет, он приезжал с визитом к своему двоюродному брату Василию Алексе-

22 Авдеева-Полевая Е. А. Записки и замечания о Сибири. Цит. по: Гончаров Ю. М. Купеческая семья второй половины XIX – начала XX века. – Российская академия наук, Институт этнологии и антропологии РАН, Алтайский государственный университет, 1999. – С. 159.

23 Варенцов Н. А. Слышанное, виденное, передуманное, пережитое: http://lib.rus.ec/b/372112/read

24 Станиславский К. С. Моя жизнь в искусстве. – М.: Искусство, 1983. – С. 18.

Дети купца Михаила Дмитриевича Усова – Дмитрий, Александра и Анастасия.
Ателье «А. Семененко», Санкт-Петербург. 1890-е гг.
Архив О.А.Хорошиловой

евичу Хлудову одетым во фрак, с цилиндром на голове, на роскошных рысаках»[25].

Под началом купцов работали десятки служащих, составлявших торговую иерархию. На ее низшей ступени находились «мальчики» – юноши 12–15 лет, как правило, из небогатых купеческих и ремесленных семей, но иногда сыновья самого купца. Одевались они по-народному просто – хлопковые или ситцевые рубашки, поддевки или жилеты, шаровары, заправленные в сапоги, фуражки и барашковые шапки, тулупы. Если «мальчики» оказывались бойкими, хитрыми, работали проворно и аккуратно, через пять лет их переводили на должность «молодцов», которым доверяли более сложные задания, они работали на складах, занимались счетоводством, могли сидеть в лавках, а порой играли роль телохранителей и вышибал. «Молодцы» одевались с претензией – косоворотки ситцевые или шелковые, перехваченные кушаком с кистями, бархатные поддевки, а то и двубортные пиджаки, скроенные на городской манер. Писатель Петр Боборыкин, описывая московских «молодцов», упоминал их «чуйки и длиннополые сибирки». Парни быстро обзаводились статусными аксессуарами – карманными часами, брелоками с множеством цепочек, кольцами и перстнями – словом, всем звонким, броским и глупым.

«Молодцы» подчинялись приказчикам, которые управляли лавками и занимались финансами. Столичные практически не отличались от горожан средней руки – носили цивильные тройки, правда, чаще не сюртучные, а более демократичные пиджачные. Шерстяные и фланелевые брюки в тонкую полоску поверх полуботинок. Приказчики, работавшие в глубинке, сочетали в костюме элементы народного и светского стилей. «Посмотрите на этого мужчину, – восклицал писатель Теофиль Готье, холеным перстом своим тыча в купеческого приказчика, – в синем кафтане исключительной чистоты с застежкой на груди сбоку, как у китайцев, с собранными симметрично по бедрам складками: это артельщик или слуга купца. Фуражка с плоским дном и надвинутым на лоб козырьком дополняет его костюм. Волосы и борода у него разделены надвое, как у Иисуса Христа»[26].

Доверенные, непосредственно подчинявшиеся купцам, имели большие полномочия и громадные средства, которые они обыкновенно тратили на развлечения, женщин и красивую жизнь. Одевались с иголочки, ни в чем не уступали своим хозяевам.

Деловая Россия – не только купцы. В Москве и Петербурге, в тороватых приволжских городах процветала уличная торговля, бойкая, ловкая, многолюдная, с шуткой и сальным словцом. Яства продавали живо, враз, десятки ярмарочных мужиков, пахнущих сдобой и терпким потом. Пирожки, сбитень, калачи, фрукты, мороженое, кислую капусту, соленые

[25] Варенцов Н. А. Слышанное, виденное, передуманное, пережитое: http://lib.rus.ec/b/372112/read

[26] Готье Т. Путешествие в Россию. – М.: Мысль, 1988. – С. 46.

Петербургский купец в окружении большого семейства. На его городского кроя двубортном пиджаке виден румынский крест «За переход через Дунай», говорящий о том, что он принимал участие в Русско-турецкой войне. На шее – медаль «За усердие» на станиславской ленте. Неизвестное ателье. 1890-е гг. *Архив О.А. Хорошиловой*

грибки – все, чем славилась изобильная Русь, можно было купить у этих мохнатых, хитро услужливых мужиков, восхищавших иностранцев и детей. Теофиль Готье писал: «Картина не будет полной, если не нарисую несколько дюжин мужиков в засаленных и грязных тулупах: они продают яблоки или пироги, несут провизию в корзинах из переплетенных сосновых лучин»[27].

Торговцы одевались по-народному – рубахи, поддевки, шаровары и картузы. Зимой часами крутились у лавок, ловили покупателей и пугали их своими изъеденными молью шубами или тулупами до земли, барашковыми шапками и валенками. Все были, как один, бородаты, угрюмы на вид, но с задорной искрой в глазах и сальной шуткой, готовой сорваться с кончиков обледенелых усов. Профессионального костюма не существовало, но были профессиональные детали. Уличные разносчики поверх всего, даже толстенной шубы, носили передники какого-то неопределенного серо-желтого цвета. Лоточники тянули на ремне тяжелые деревянные короба, а на головах, на плотных серых подушках-«бубликах» качались уключивые корзины с яствами. Книгоноши, оборванные тусклые мужики, несли грузные груды пыльных книг в холщовых серых мешках. Торговцы мясных рядов, осанистые, грозные, былинные,

27 Там же. С. 49.

Приказчик в расшитой рубашке, пиджаке и шароварах, заправленных в высокие сапоги.
Ателье «Г. А. Янсон», Санкт-Петербург. 1880-е гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Петербургские «молодцы».
Санкт-Петербург, 1870-е гг.
Архив О.А.Хорошиловой

в черных блестящих клеенчатых передниках и манжетах молодецки махали топорами. На их кожаных поясах морозно звенели ножи, посаженные в стальную клетку. От этих звуков холодило кровь.

Продавцы икон, вечные спутники столичных и провинциальных ярмарок, долгожители именитых торговых рядов, внешность имели особенную. Это подметил остроглазый жизнелюб Теофиль Готье: «Торговцы иконами лучше одеты, чем их соседи – торговцы кожами. В основном на них – старинные русские костюмы: суконный синий или зеленый кафтан, застегнутый на одну пуговицу у плеча и схваченный на талии тугим поясом, большие кожаные черные сапоги, длинные, висящие по обеим сторонам волосы разделены на прямой пробор. Они короче подстрижены на затылке, чтобы не мешать на вороте. Вьются светлые или орехового цвета бороды»[28].

Не менее колоритно выглядели торговцы пушниной – какие-то доисторические, раннеплеменные, дремотные сибиряки с войлочными бородами, начинавшимися от самых глаз, густым басом нараспев трубившие про свой товар, тяжкие маслистые драгоценные меха. «К сожалению, одежда этих людей больше изношена, чем живописна, хотя и обладает

28 Готье Т. Путешествие в Россию. – М.: Мысль, 1988. – С. 143.

Торговец пушниной из Иркутска.
Ателье «Portrait Album», Иркутск. 1860-е гг.
Библиотека Конгресса, отдел гравюр и фотографий, коллекция Джорджа Кеннана (Вашингтон, США)

Торговцы пушниной из Сибири – купец (справа) и лавочник, приехавшие на Нижегородскую ярмарку.
Ателье «А. Карелин», 1870-е гг.
Архив Красноярского краевого краеведческого музея

все-таки некоторым дикарским своеобразием, – отмечал Готье, – нет ярких тонов, только иногда, то там, то сям мелькнет розовая рубаха. Если рисовать все эти лохмотья, из красок вполне хватило бы охры, жженой сиены, кассельской земли и битума»[29].

Но самыми яркими в толпе уличных и ярмарочных продавцов были азиаты, диковинки в этом серо-сермяжном синекафтанном торговом царстве. Везли они с Востока баснословные вещицы – ковры, серебряные блюда, кувшины, украшения, оружие, цветастые шелка и рыхлый густых оттенков бархат, чубуки и наргиле, все, чем так легко было соблазнить мягкодушного отзывчивого русского человека. Азиаты ехали на рынки в том, что обыкновенно носили, – в широченных халатах и шароварах, вышитых кафтанах, бархатных туфлях с острыми зазнавшимися носами – «осетринными рылами», по меткому выражению купцов. Готье не мог пройти мимо них: «Буквально наводняли ярмарку скуластые татары с прищуренными глазами, толстогубые, желтолицые... в ситцевых стеганых тюбетейках на макушке и коричневых кафтанах, перехваченных поясами с металлической отделкой. Персы легко узнавались по овальным вытянутым лицам, длинным носам с горбинкой, густым черным

[29] Там же. С. 388, 389.

Торговец галантерейным товаром.
Фотооткрытка «Шерер и Набгольц», Москва. 1900-е гг.
Архив О.А. Хорошиловой

Пирожник.
Фотооткрытка «Шерер и Набгольц», Москва. 1900-е гг.
Архив О.А. Хорошиловой

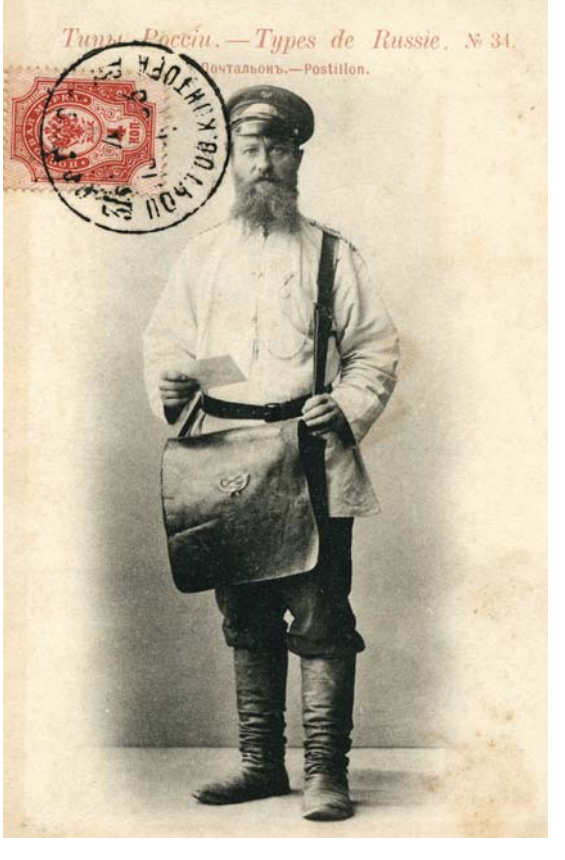
бородам и благородству восточного типа лиц. Даже если не обращать внимания на характерные конические каракулевые шапки, шелковые полосатые одежды и кашемировые пояса, их можно было сразу узнать. Были здесь и армяне, одетые в узкие куртки с широкими рукавами, черкесы с осиными талиями и большими меховыми папахами на головах»[30].

Частным предпринимательством занимались не только торговцы, но и ремесленный люд, удрученно шаркавший по улицам центральных и губернских городов и театрально, с жалостью и надрывом, зазывавший зевак рифмованным стоном. Точильщик, увешанный острыми ножами и топориками, устало волочил ноги под тяжестью пудового станка. Став посередине двора, разогнав колесо и легко касаясь ножом диска, он тянул привычное: «Точиить ножи-ножницы, точиить». И этой заунывной арии аплодировали острые серебряные искры металла и отзывчивые каблучки служанок, проворно спускавшиеся по гулким черным лестницам барских домов.

30 Там же. С. 390.

Трубочист
Фотооткрытка «Шерер и Набгольц», Москва. 1900-е гг.
Архив О.А. Хорошиловой

Уличный точильщик
Неизвестное ателье.
1900-е гг.
Архив О.А. Хорошиловой



Работник мясной лавки.
На поясе видны металлические ножны.
Ателье «W. Carrick», Санкт-Петербург. 1860-е гг.
Архив О.А. Хорошиловой

Почтальон в летнем форменном костюме и сумке с арматурой почтово-телеграфного ведомства.
Фотооткрытка «Шерер и Набгольц», Москва. 1900-е гг.
Архив О.А. Хорошиловой

Кормилица в батистовом платье-сарафане с младенцем.
Ателье «Везенберг», Санкт-Петербург. 1890-е гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Городской люд

На российских улицах было много занятного. В толпе праздно гуляющих господ и снующих меж ними лоточников, картузников, сапожников, книгонош и старьевщиков острый глаз иностранцев примечал круглых, крутобоких, скуластых баб в слишком правильных, этнографических русских костюмах и кокошниках. Они несли себя, словно столбовые дворянки, ступая медленно и величаво, поводя плечами, будто в танце. Это были кормилицы, молодые бабы, нанятые богатыми семействами для кормления младенцев. Родители шили им народные костюмы, в которых те ходили все время, пока выполняли свои почетные обязанности. Летом – в богато расшитых рубахах с полувоздушными кисейными пузырями рукавов, распашных косоклинных сарафанах, украшенных кружевом и бусинами, парчовых душегреях и атласных кокошниках: голубых, если кормили мальчиков, и розовых – если девочек. Зимой носили шугаи и шубки с пестрыми платками. В правильных картинных нарядах они выглядели идиллическими крестьянками, о которых так сладко грезилось Венецианову.

Готье, фланировавший вдоль Невского проспекта, чувственно оглядывал красавиц, любуясь сдобой скуластого лица, сладким румянцем мраморных щек и необычным для европейца костюмом: «Рядом с вами в национальном костюме проходит кормилица; на голове у нее повойник – нечто вроде шапки в форме диадемы из красного или синего бархата, крашенной серебряным шитьем. Повойник бывает поднят или опущен: поднятым его носят девушки, опущенным – замужние женщины. У кормилиц повойник с донышком, и из-под него висят косы... Похожая на жакет верхняя одежда из камки на вате с кокеткой, с недлинными полами, из-под которых видна юбка из менее богатой ткани... Жакет у нее красного или синего цвета, как повойник. Широкая золотая лента идет по краю жакета»[31].

В искусстве одеваться «под крестьян» кормилицам не уступали извозчики, толстозадые бархатные мужики с окладистыми бородами, в фетровых цилиндрах или русских квадратных шапках. Они сидели на козлах своих экипажей и недобро, с презрительным прищуром оглядывая проходивших, выискивали средь толпы господ побогаче, похмелее. Такие хорошо платили и не замечали обмана, а извозчики обманывали часто – завышали цену, ошибались в сдаче, «перекатывали», то есть долго-долго возили по окружным переулкам и тянули так время. Грехов за душой водилось много, но все им сходило с рук.

31 Готье Т. Путешествие в Россию. – М.: Мысль, 1988. – С. 46.

Как и все в Российской империи, извозчики делились на ранги. Низшую ступень иерархии занимали «ваньки», без сна и отдыха работавшие на окраинах, бедные, угрюмые, большей частью пропойцы. Одевались они как могли. В теплое время года – штопанные рубахи с видавшим виды жилетом или поддевкой, шаровары в заплатах, на голове – картуз с расщепленным козырьком. Зимой натягивали драные тулупы или армяки, нахлобучивали бесформенную шапку с выбивавшимися клочками ваты. Ломовые извозчики, занимавшиеся перевозкой грузов, хоть и зарабатывали больше «ванек», но вид имели такой же поношенный и неопрятный. Петр Боборыкин: «На возах и в обозах, рядом и позади телег, ломовой, в измятой шляпенке или засаленном картузе, с мощной спиной, в красной жилетке и пудовых сапогах, шагает с перевалом, невозмутимостойко, с трудовой ленью, покрикивая, ругаясь, похлестывает кнутом своего чалого широкогрудого и всегда опоенного мерина под раскрашенной дугой»[32].

Выше в «табели о рангах» находились «лихачи» – извозчики, промышлявшие на дорогих центральных улицах, поджидавшие клиентов возле роскошных ресторанов и кабаре (за это администрации заведений приплачивали). Они были любимцами фотографов, с большим удовольствием их снимавших на козлах возле какого-нибудь грандиозного заведения или спешенных, подбоченившихся и колоритных. Потом эти безымянные круглые «лихачи» в фототипиях и фотографиях во множестве экземпляров расходились по свету, попадали в сафьяновые альбомы любителей русского быта, на страницы травелогов и юмористических изданий. Их приметный театрально-русский наряд сформировался в начале XIX века. Но уже во второй половине XVIII столетия извозчики носили армяки и зимние шапки с квадратным верхом. Описание раннего костюма «лихачей» приведено в билете 1794 года, данного «извозчику на одной лошади Петру Абрамову»:

«1. С этим билетом ездить тебе санному в санях, одноколках или роспусках или в каретах с заклейменными хомутами и номером, пришитым к платью на спине.

<...>

3. Иметь свои упряжки, то есть: кареты, сани, дрожки и одноколки, все настоящею желтою одною краскою выкрашенные; одним словом, отнюдь чтобы кроме желтой никакой другой краски в повозках не было.

4. Зимою и осенью кафтаны и шубы иметь, какие кто пожелает, но шапки русские с желтым суконным вершком, и опушкою черной овчины, а кушаки желтые шерстяные.

5. Летом же с 15 сентября по 15 число балахоны иметь белые холстинные, а шляпы черные с перевязкою желтою стамедною против данных на съезжие образцов, а кушаки желтые ж.

<...>

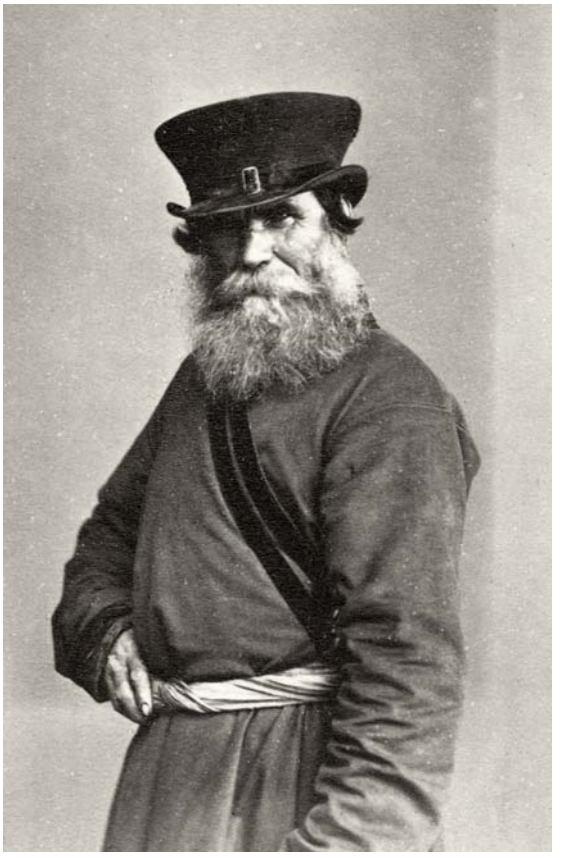
15. Номер беречь и всегда иметь пришитой на спине, если ж пойман будешь без номера, то взят будет штраф»[33].

«Лихачи» второй половины XIX века носили синие или зеленые пухлые суконные армяки, отделанные черными атласными или бархатными бейками. Кроились они с округлыми складками на спинке, ниже талии, которые изнутри прокладывали лощенкой и ватой. Армяки шили с глубоким запахом на левую сторону и подпоясывали широкими шерстяными кушаками или кожаными ремнями с серебряным набором, за которые «лихачи» затыкали рукавицы. Было два типа головных уборов. В теплое время – велюровый или фетровый низкий цилиндр с развалом, украшенный репсовой лентой и пряжкой. В холодное – круглые меховые колпаки, а также знаменитые «кучерские» шапки с квадратным верхом. Теофиль Готье внимательно изучил костюмы «лихачей»: «Русский кучер – это очень характерный персонаж, и в нем в полной мере проявляется местный колорит. Плотно сидящая на голове шапка, длинный синий или зеленый кафтан, застегнутый под левой рукой на пять крюч-

32 Боборыкин П. Д. Китай-город: http://az.lib.ru/b/boborykin_p_d/text_0120.shtml

33 Билет извозчику от 1794 года/ Русская старина, 1896, Т. 85, 1-3. – С. 122-124.

**«Ваньки»
в чайной.**
Фототипия по известному снимку И. Монштейна.
Архив О.А.Хорошиловой



**В. Каррик.
Лихач в армяке и низком цилиндре с развалом.**
1870-е гг. *Архив О.А.Хорошиловой*

**«Ванька»
в зимнем наряде.**
Ателье «W. Carrick»,
Санкт-Петербург. 1860-е гг.
Архив О.А.Хорошиловой

ков или пять серебряных пуговиц, собранный складками по бокам и затянутый черкесским поясом с золотыми нитями, открытая мускулистая шея, широкая окладистая борода, вытянутые, держащие вожжи руки – нужно признаться, торжественный и величественный вид!»[34].

В Петербурге иностранцев поражало поистине барочное великолепие собственных выездов, то есть частных экипажей, принадлежавших богатым столичным особам. Их форма, а также внешность кучеров зависели исключительно от вкусов и возможностей владельцев. Русская аристократия с французскими манерками и штучками устраивала собственные выезды не хуже королевских. Кучеров рядили в эффектные красные камзолы, рядом с ними или на запятках тряслись смазливые юнцы в смешных ливреях сказочных грумов или имперских форейторов. Николай Андрианович Щеховский оставил описание собственного выезда одной старой чопорной смоленской помещицы: «Каждый праздник или воскресный день к церкви, отстоявшей от дома не более как саженей на пятьдесят, подкатывалась высочайшая двухместная карета на каких-то стоячих рессорах. В карету была впряжена, цугом с форейтором, четвертня еле передвигавших от древности ноги лошадей, а на запятках ее, держась крепко за ремни и болтаясь во все стороны, стояли непременно два лакея, в ливреях и треугольных шляпах, надетых, как тогда говорилось, с поля. Карета останавливалась, лакеи, цепляясь друг за друга своими шляпами, сползали с запяток, становились по обеим сторонам дверцы, и начиналась длинная процедура откидыванья бесчисленного количества подножек в виде лестницы, по которой старушка спускалась вниз, поддерживаемая лакеями с обеих сторон»[35].

Еще более пышными были посольские выезды, которыми правили тучные, расшитые галунами кучера, а рядом на козлах восседали егеря в касках или треуголках с плюмажем. «На кучерах кафтаны, – сообщает Готье, – а иногда рядом с кучером сидит человек, некто похожий на солдата в медной каске, на макушке которой шарик вместо вымпела, как на гребне военной каски. Эти люди одеты в серое пальто, воротник которого обшит красными или голубыми лентами, указывающими на чин их хозяина – генерала или полковника. Привилегией иметь солдата рядом с кучером пользуются только кареты посольств»[36].

Лихач в цилиндре и армяке, перепоясанном красным шерстяным кушаком. Фотооткрытка «Шерер и Набгольц», Москва. 1900-е гг. *Архив О.А. Хорошиловой*

34 Готье Т. Путешествие в Россию. – М.: Мысль, 1988. – С. 51.

35 Щеховский Н. А. Воспоминания, мысли и признания человека, доживающего свой век смоленского дворянина / Русская старина, 1895, Т. 84, 7-9. – С. 100.

36 Готье Т. Путешествие в Россию. – М.: Мысль, 1988. – С. 53.

Чичиков и его кучер в зимней четырехугольной шапке.
Рисунок А. Агина, гравированный Е. Бернадским.
С гоголевских времен до эпохи Александра III, когда был издан этот альбом «Мертвые души», одежда кучеров практически не менялась.
«Сто четыре рисунка к поэме Н. В. Гоголя "Мертвые души"». 1893 г.
Архив О.А.Хорошиловой

Чичиков и кучер в армяке и низком цилиндре.
Рисунок А. Агина, гравированный Е. Бернадским.
«Сто четыре рисунка к поэме Н. В. Гоголя "Мертвые души"». 1893 г.
Архив О.А.Хорошиловой

Перевозками занимались не только извозчики и кучера, но и лодочники, мужики суровые, крепкие, немногословные. Одеты были по-народному – рубахи с поясом, синие штаны, широкие сборчатые сапоги, а также бараньи полушубки, которые так поразили своим цветом французского писателя: «Когда он новый, дубленая кожа имеет довольно приятный для глаза бледно-розовый цвет семги. Он прострочен для красоты и, в общем, не лишен колорита. Но мужик верен своему тулупу, как араб – бурнусу. Раз надев, он уже его не снимает: это ему и одеяло и кровать»[37].

Порядок на улицах блюли городовые, одетые весьма колоритно. Эти верные служаки с грубыми лицами, словно бы вытесанными неумелой рукой плотника-пропойцы, и унтерскими закрученными усами расхаживали вдоль и поперек своего небольшого участка в особой, всеми хорошо знакомой форме. Их черные (с зеленоватым отливом) мундиры украшали своеобразные плечевые знаки – жгуты из оранжевого шнура с посеребренными гомбочками: тремя – для городовых высшего оклада, двумя – среднего и одной – низшего. В 1892 году для городовых, бывших фельдфебелей, вахмистров и унтер-офицеров ввели еще и поперечные погоны, в народе именовавшиеся «карточками». Их нашивали под плечевым жгутом у оката рукава. Бывший ефрейтор носил одну гарусную нашивку на «карточке», бывший младший унтер-офицер – две, старший унтер-офицер – три. Бывшие армейские фельдфебели отличались одной басонной нашивкой, золотой или серебряной, гвардейские – полуштабским басоном.

Летом городовые надевали белые рубахи с зачехленными фуражками, зимой поверх

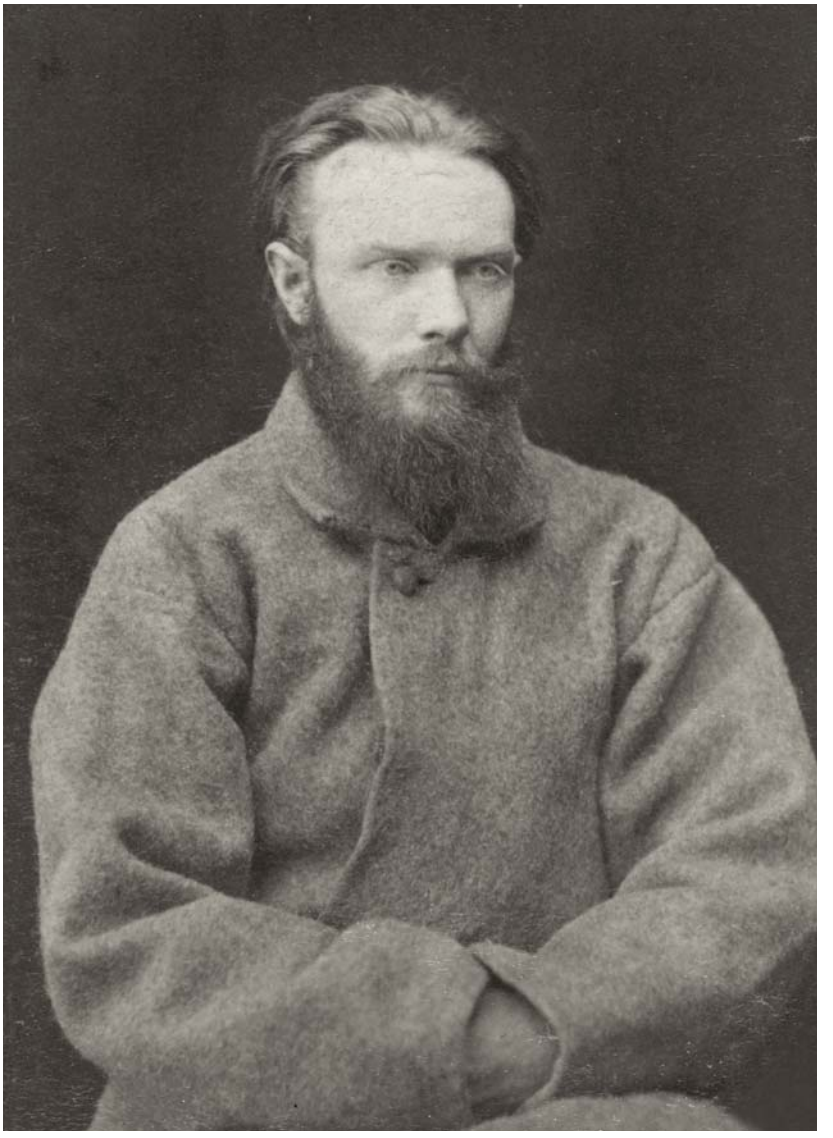
37 Там же. С. 29,30.

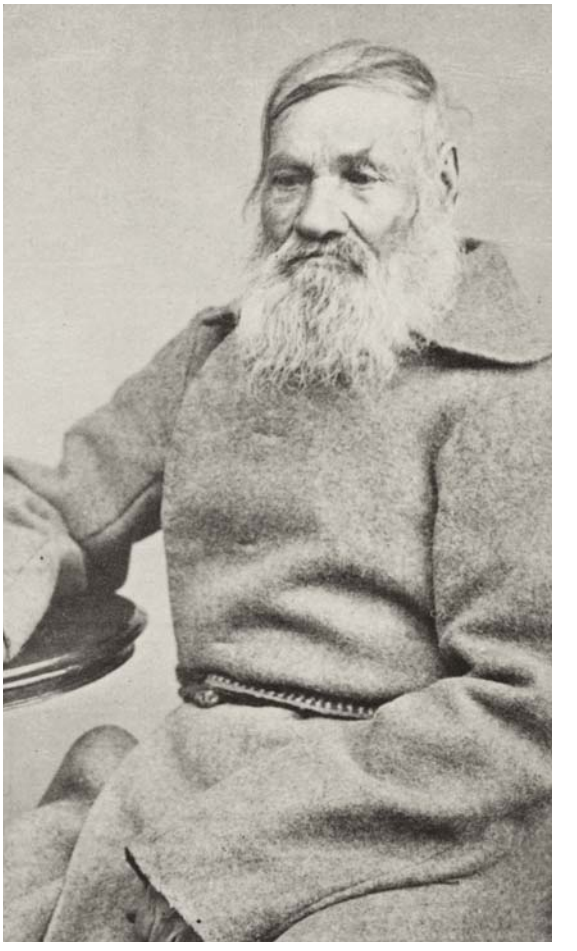
мундира натягивали тугую темно-серую шинель солдатского образца с зелено-оранжевыми петлицами на воротнике и нахлобучивали барашковую шапку. На ней, а также на фуражке теснились одна под другой штампованные посеребренные бляхи – герб и лента с номером участка. Венчала эту сложно составленную композицию солдатская кокарда. Главными смирительными и устрашающими средствами были драгунская шашка, револьвер и свисток.

У городовых были помощники – дворники, зорко следившие за тем, что происходило во дворах и глухих переулках, помогавшие ловить преступников и с особым пристрастием наблюдавшие за жильцами домов. В революционные 1870-е и 1880-е их услугами нередко пользовались сыщики, выискивавшие среди благообразных господ тех, кто мог быть связан с террористами и взрывоопасной студенческой молодежью. Впрочем, основная работа дворников была вполне мирного характера. Они убирали подъезды, мели и поливали дворы и улицы, зимой очищали их от снега и льда, за особую плату кололи дрова и разносили аккуратные вязанки по квартирам щедрых жильцов. Одевались сообразно профессии. Поверх рубахи или тулупа – холщовый фартук с одним или двумя карманами, на голове – темно-зеленая или черная суконная фуражка с кожаным или клеенчатым верхом и черным козырьком. К ее тулье или к специальной шейной цепочке крепилась медная бляха с выбитой надписью «Дворникъ» и названием улицы по обводу. Иногда ее привинчивали к левой стороне передника. Летом носили нитевые перчатки, зимой – овчинные рукавицы. С помощью свистка, висевшего на шее или на шнурке у борта тулупа, верные служители дворов и улиц призывали на подмогу городовых, отпугивали воров и хулиганов.

Иногда на улицах можно было встретить пыльно-серых арестантов, которых с гиканьем и устрашающими воплями гнали конные жандармы. Тогда город сочувственно затихал, бабы крестились и даже плакали – арестантов в России считали мучениками, почти святыми. Одеты они были соответствующе – в оборванные ветхозаветные тряпки, заплатанные бесформенные обноски, которые в документах именовались рубахами, бушлатами и армяками. Согласно табели 1887 года, заключенным мужчинам полагались: нижнее белье – одна холщовая рубашка и подштанники (на 180 суток), портянки (или чулки) из подкладочного холста на 120 суток; зимний костюм – суконный бушлат (на 720 суток), суконные брюки (480 суток), суконная шапка на подкладке и наушники (960 суток), суконные рукавицы и онучи (960 суток), а также полушубок, один на десять арестантов; летняя одежда: бушлат и штаны из равендука (на 120 суток), шапка из равендука (на 240 суток). Одежда арестанток была чуть разнообразнее: летняя – рубашечного холста рубаха, юбка с лифчиком подкладочного холста и полотенце (на 180 суток), чулки или портянки (120 суток), капот тиковый (360), косынка коленкоровая и передник из подкладочного холста (180 суток), летний капор

Дворник, тащащий вязанку дров жильцам дома.
Ателье «W. Carrick», Санкт-Петербург.
Частная коллекция





Заключенный иркутской тюрьмы.
Иркутск, 1870-е гг.
Библиотека Конгресса, отдел гравюр и фотографий, коллекция Джорджа Кеннана (Вашингтон, США)

Заключенный иркутской тюрьмы.
Иркутск, 1870-е гг.
Библиотека Конгресса, отдел гравюр и фотографий, коллекция Джорджа Кеннана (Вашингтон, США)

тиковый (240 суток); зимняя одежда – панталоны (360 суток), суконные кацавейка и капор (720 суток, по одной штуке на четыре арестантки), суконные чулки и рукавицы (960 суток) и полушубок (960 суток, один на десять арестанток). Обувь для мужчин – сапоги с запасными передами и подметками (360 суток) и сапоги с длинными голенищами (360 суток, одна пара на десять арестантов), для женщин – башмаки (180 суток) и полусапожки (180 суток, одна пара на пять арестанток)[38].

По улицам русских городов тихо плелись старьевщики, оборванные, смердящие отходами, опустившиеся мужики со свалявшимися в войлок бородами, в какой-то серой рвани вместо одежды. За плечами несли бесформенные тюки, набитые всякой всячиной. Что-то продавали, что-то подбирали на улицах, вырывали из недр помоек. Почти так же выглядели пилигримы и просители милостыни, сидевшие, словно сизые нахохлившиеся голуби, вдоль храмовых решеток, на бордюрах и возле них. Необычно для русских улиц одевались «князья» – татары, скупавшие старые тряпки и кое-что выгодно перепродававшие. Их легко узнавали по характерной восточной внешности и костюму: остроконечной тюбетейке, халате на вате, подпоясанном кушаком, шальварам и низеньким

38 ПСЗРИ, Т. 7, 1887, № 4376.

мягким сапожкам. «Он (продавец-татарин. – *О. Х.*) завернут в просторный засаленный халат и носит меховую шапку, хотя термометр может показывать плюс 90 градусов в тени»[39], – иронизировал Уоллес Макензи, английский путешественник. Дополнял картину огромный мешок, перекинутый через плечо, заставлявший своего владельца сгибаться чуть ли не пополам.

В ресторанах, гостиницах, банях и магазинах любознательного иностранца ждали новые открытия, новые «русские типы». Европейцы спешили в рестораны отведать колоритной и калорийной русской кухни. В фешенебельных заведениях их встречали сначала швейцары, в галунах и медалях, затем гардеробщики, с поклоном принимавшие верхнюю одежду. В знаменитом московском «Славянском базаре» они выглядели так: «Справа и слева в передних стояли сумерки. Служители в голубых рубашках и казакинах со сборками на талье, молодцеватые и степенные, молча вешали верхнее платье»[40]. Гостей фешенебельных ресторанов обслуживали холеные, верткие, сладкие, услужливые гарсоны в отлично сшитых черных фраках и брюках, белых жилетах, сорочках и галстуках. На руках – белые нитевые перчатки. Волосы «окапулены», то есть расчесаны на две половинки, напомажены и подвиты в стиле итальянского тенора. Выражение лица терпеливо-приветливое. Особо внимательные завсегдатаи отмечали мягко азиатский разрез хитрых глаз. Тогда существовал спрос на официантов из татар, которые не пили, работали отменно и обманывали искусно, так, что даже владельцы ресторанов не всегда об этом догадывались.

Были, однако, заведения с ярко выраженным национальным колоритом в кухне, обслуживании, роскоши и воровстве. В таких ресторанах официанты одевались «по-русски» или «по-московски», то есть в народном стиле. Теофиль Готье побывал в одном из них, расположенном недалеко от Красной площади: «Особенность этого ресторана была то, что вместо повсеместных татар, переодетых в официантов из “Братьев провансальцев” (известный парижский ресторан 1860-х годов. – *О. Х.*), обслуживание было доверено попросту мужикам. Чувствовалось по крайней мере, что мы находимся в России. Мужики, молодые и ладные, причесанные на прямой пробор, с тщательно расчесанной бородой и открытой шеей, одеты были в подвязанные на талии розовые и белые летние рубахи и синие, заправленные в сапоги широкие штаны. При всей свободе национального костюма они обладали хорошей осанкой и большим природным изяществом. По большей части они были блондинами. Одетые подобным образом, в позах почтительного ожидания, они имели вид античных рабов на пороге триклиниума»[41].

Уличный торговец-татарин. Фотооткрытка «Шерер и Набгольц», Москва. 1900-е гг. *Архив О.А.Хорошиловой*

39 Mackenzie Wallace, Donald, sir. Russia. – Lnd, 1912. – P. 6.

40 Боборыкин П. Д. Китай-город: http://az.lib.ru/b/boborykin_p_d/text_0120.shtml

41 Готье Т. Путешествие в Россию. – М.: Мысль, 1988. – С. 233.

Половой московского ресторана.
Фотооткрытка «Шерер и Набгольц», Москва. 1900-е гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Повар ресторана.
Ателье «П. Н. Барбашова», Москва. 1890-е гг.
Архив О.А.Хорошиловой

В более дешевых ресторанах 1-й и 2-й категорий официанты носили все то же, но выглядели менее опрятно, иногда вместо фраков надевали белые передники и обслуживали без перчаток. Повара ресторанов одевались практически так же, как их европейские коллеги, – белые балахоны с воротниками стоечкой, белые шаровары и поварские колпаки, весьма высокие.

В трактирах, особенно «копеешных», обслуживающий персонал из мужиков носил то, что было ему генетически удобно и близко, – рубахи-косоворотки, шаровары с сапогами, жилеты и даже пиджаки. Вместе с ними работали половые, мальчишки десяти – пятнадцати лет, остриженные по-народному «в кружало», одетые в полотняные, перепоясанные кушаком или ремнем блузы и шаровары. За цвет их косовороток мальчишек называли «белорубашниками».

Прислуга столичных фешенебельных гостиниц имела чисто европейский лоск и внешность. У входа постояльцев встречал рослый густобородый швейцар из гвардейцев в фуражке, черной суконной двубортной шинели, расшитой галунами, с наградной колодкой на груди. Внимательный поклончивый администратор в черной визитной тройке, налакированный и звонкий, проворно выдавал ключи, чирикая о прелестях отеля и прекрасном выборе постояльцев. В гостиницах с претензией на парижскую элегантность мальчишки-носильщики летали по мраморным лестницам в цирковых мартышечьих костюмчиках – коротеньких куртках с тремя рядами пуговиц, овитых гусарскими бранденбургами, штанишках с лампасами и ловких шапочках с позументом, едва державшихся на стриженых головах. Номера убирали смазливые молоденькие горничные

в скромных серых или кофейных платьях и белоснежных передниках с крахмальными хрусткими крылышками.

Прислуга частных домов одевалась аналогично, по-европейски. В богатых семействах держали лакеев, костюм которых состоял обыкновенно из черного фрака и брюк, белого жилета, сорочки с манишкой, черной или белой (в торжественных случаях) бабочки. «Когда вы сидите за столом, одетый в черное слуга при галстуке и в белых перчатках, безукоризненный в своей одежде, как английский дипломат, невозмутимо и с серьезным видом стоит за вами, готовый исполнить малейшее ваше желание»[42], – отмечал Готье. Однако такой чопорно мрачный стиль нравился не всем. И об этом слуги иногда открыто заявляли господам. Любопытную историю приводит в воспоминаниях Елена Юрьевна Хвощинская. Как только их слуги (все из крестьян) узнали о манифесте 1861 года, начались разговоры. Импульсивный и малограмотный молодой лакей Хвощинских смело выразил недовольство по поводу своего костюма: «“Ваш лакей Евграф, – ответил посредник, – обижен тем, что вы его одеваете, как старика: другого цвета, кроме черного, не позволяете носить”. Много мы все смеялись над этой жалобой, и мама решила прибавить Евграфу жалованья с тем, чтобы он сам одевался, как знает. Он поспешил воспользоваться этой свободой и сшил себе туалет, подходящий к его молодым годам. В первый праздник нарядился он в светло-розовые панталоны и лиловый галстук, самодовольно оглядывая себя! Но, к несчастью, все его невесты девичьей осмеяли его, и он, поверив им, что черный цвет более ему к лицу, опять облек себя в старческий туалет, хотя иногда, по большим праздникам, украшал себя цветными галстуками»[43].

Высокое место в иерархии домашней прислуги занимала горничная. Она убирала комнаты, помогала хозяйке и детям одеваться, накрывала на стол, выполняла всякую мелкую работу по дому и вне его. Ее костюм был строг и элегантен – шерстяное или хлопковое платье чаще всего коричневого цвета, с невысоким стоячим воротничком, украшенным узкой кружевной лентой или английской вышивкой. Поверх надевался белый полотняный фартук с нагрудничком и достаточно широкими бретельками с рюшами из того же материала. На голове – круглый чепчик или белые кружевные ленты. На ногах – чулочки и туфельки на невысоком каблучке, впрочем, их порой не было видно под длинным, практически в пол, подолом. Выходя на улицу, горничная надевала жакет или пальто, которые дарила ей хозяйка.

Мальчик-носильщик с отцом.
Ателье «С. Н. Курбатова», Москва. Конец 1890-х – начало 1900-х гг.
Архив О.А. Хорошиловой

42 Готье Т. Путешествие в Россию. – М.: Мысль, 1988. – С. 110.
43 Воспоминания Елены Юрьевны Хвощинской / Русская старина, 1898, Т. 93, 1-3. – С. 570.

4

Мода 1850–1860-х

Иконы стиля
Железо и кровь a’la mode
Национальная мода
Культура и hi-tech 1860-х
Женская мода. Кринолины, кринолетты
Цвета, платья, костюмы
Вещи и вещицы
Мужской костюм
Детский костюм
Костюмы для спорта

Русская мода 1860-х годов была грузной и богатой горожанкой, бессовестно любившей роскошь вечерних нарядов, банальную красивость увесистых драгоценностей, телесную негу рыхлых восточных тканей.

Свое дородное купеческое тело она добровольно подвергала ежедневной испанской пытке, надевая неудобный и дорогой корсет, это вечно скрипящее, вечно жмущее изобретение мужчин-идеалистов. Но мода была им подвластна, и она терпела. Ей приходилось мириться с неизбежностью кринолина, еще одного инженерного продукта стремительной мужской мысли. У него было несколько авторов. В 1830 году Николя Шарль Удино придумал высокие офицерские воротнички с прошивками из конского волоса – для прочности. В 1846 году его мысль довели до ума и абсурда французские ремесленники, смастерив юбку-колокол из льна и конского волоса – буквально «крин-о-лин». В 1854 году появились кринолины из китового уса, а в 1856-м Огюст Персон, инженер, большой умница, спец по части механических изысков, запатентовал «каж» из стальной проволоки под названием «Sherwood». Через два года аналогичную конструкцию предложил в Америке, а затем в Европе В. С. Томсон. В свои стальные «кажи», клетки, он легко ловил модниц, словно заядлый птицелов.

Чарльз Фредерик Ворт, мнивший себя демиургом, не мог мириться с тоскливой пустотой безжизненного кринолина, вызывавшего в британце нестерпимый творческий зуд. Чарльз Фредерик Ворт наполнял скучную проволоку смыслом, заливал тяжелоструящимися тканями и оборачивал сквозящим кружевом. Эффект получался вполне барочный, не хуже жирно вылепленных испанских фасадов.

Все эти инженеры и творцы почитали кринолин архитектурой. Он был их защитой, их донжоном, твердо державшим оборону в этой странной последней войне моды со здравым смыслом. Самый широкий, самый неприступный каркас был назван малаховым курганом – в честь недавно павшего севастопольского укрепления. Но и этот, французский, малахов курган пал – в конце 1860-х годов под напором легкой стальной кавалерии – кринолинетов и турнюров, начавших новую костюмную эпоху.

Русская мода 1860-х годов была заядлой театралкой. Ей нравился плотский кровавый занавес сцены, бархатные волны которого она старательно копировала – оборками и подборами на платьях. Она любила парик и пудру, фижмы и шуточки версальских фарфоровых маркиз и была без ума от рассыпчатых колоратурок итальянских оперных див.

Эта пылкая, восторженная горожанка с наивностью юной девы увлекалась историей и политикой, то и дело примеряя маски ее баснословных героев. Она кое-что знала о византийском средневековье и французской готике, что-то слыхала об эпохе барокко, с любопытством разглядывала галантную живопись Ватто и Фрагонара, перенимала искусство драпировки, завещанное XIX веку французскими неоклассиками. Мода была в восторге от Вальтера Скотта и Джорджа Байрона, от пылких и диких революционеров Южной Америки и Балкан. Она боготворила романтика Бонапарта,

Стр. 208

Императрица Евгения. Портрет Ф. Кс. Винтергальтера. 1861 г. Фототипия начала XX в. *Архив О.А. Хорошиловой*

Императрица Евгения, супруга Наполеона III.
Ателье «Levitsky», Париж.
Около 1863 г.
Архив О.А.Хорошиловой

краснорубашечника Гарибальди, молчаливого моржеусого Бисмарка, глянцевитого принца Альберта и прелестный десяток миловидных дам со сложносоставными фамилиями европейских дворов. Свой тяжелый, перегруженный историзмами гардероб она разбавляла показно дешевым русским стилем – милым кустарным шитьем, блузами и жакетками, шароварами и сапожками, шапочками и поддевками в стиле «ямщик». Русская мода 1860-х годов была истой патриоткой и славянофилкой, быстро забывшей позор Севастополя и вновь готовой щедро аплодировать скромным победам возрождавшейся из стыда и пепла русской армии.

Спорт? О нем почти не говорили. Максимум, что позволяли себе русские модницы 1860-х, – красиво прокатиться верхом на фоне лессированных красот замерших парков. Летом осторожно качались в лодках и пытались даже купаться. Зимой делали два-три неуверенных круга по январскому льду скейтинринков. Но русский спорт был еще скромен и юн. Его время пришло позже.

Иконы стиля

Их было множество – принцессы и княгини, шпионки и масонки, актрисы и певицы. Но практически все – иностранки. Русские были редкими птицами в этом крикливом и пестром вольере моды.

Высший свет продолжал интересоваться «фешионебельными штучками» изобретательной императрицы Евгении. Ее сложно было назвать красавицей – Франц Винтергальтер бессовестно льстил. Сепии Дисдери и Пирсона были куда правдивее. Начинавшая уже стареть, полноватая, сдобно выпудренная, с нарисованными черными бровями и смешным длинным носом, императрица обладала, тем не менее, природным чувством вкуса, талантом предвидения и титулом первой законодательницы европейской моды, которую она крепко держала в пухлом волевом кулачке. В 1850-е она прославила испанские гребни, кружевные шали и мантильи, в 1860-е – испанские кофточки и распашные бурнусы (Альгамбра, Мадрид, Эскориал) из черного бархата или драпа с расширяющимися книзу рукавами и неизбежной гарнировкой из черного сутажа – на плечах и вдоль рукавов. Черный цвет стал популярен благодаря Евгении. Но она благоволила и к белому. Русская пресса, к примеру, с жаром обсуждала ее новое белое кисейное платье на голубой тафте с одним широким воланом, украшенным английским шитьем, и кисейным буфом с продернутой голубой атласной лентой. Платье дополнял голубой тафтяной жилет и шитая кисейная кофточка. «Мы видели пеньюар из белого жаконета, приготовленный для императрицы Евгении. Он состоял из казака, образующего жилет, обшитый двойным рядом шитья, и из юбки с отделкой в виде передника. Передник состоит из двух рядов шитья, прошивок и мелких складок»[1].

Считалось, что императрица приобщила парижанок к романическим прелестям шотландского стиля. О том, как именно это произошло, повествует «Модный магазин»: «Теперь

[1] Моды/ Модный магазин, 1863, № 13. – С. 161.

Императрица Евгения и император Франции Наполеон III позируют в прогулочных костюмах.
Ателье «A. Disderi», Париж. Около 1859 г.
Архив О.А. Хорошиловой

дело идет о том, хорош или дурен шотландский genre и долго ли он будет в моде? Многие журналы положительно отвергают его, другие, напротив, отстаивают и опираются на авторитеты: "Уж если, говорят, императрица Евгения не носила других платьев, кроме шотландских, во время путешествия своего в Испанию, и бывшие с ней дамы графиня Морни, госпожа Агвадо, графиня д'Эстурмель, и прочие делали то же – кажется, подражая им, этим представителям фэшона, нечего бояться как бы не впасть в модную ересь". Итак, шотландский в моде – носите шотландское; когда оно выйдет из моды, вы будете носить что-нибудь другое»[2].

Впрочем, в пропаганде шотландского стиля у императрицы были достойные конкуренты – печально-монументальная королева Виктория и ее балованный сын принц Эдвард, пустячный бонвиван и мот.

Евгения и Чарльз Фредерик Ворт дали новую жизнь версальским модам умопомрачительного XVIII века. И даже когда кринолины стремительно теряли популярность, императрица надевала широкие стальные «кажи», словно бы в подражание фижмам Марии Антуанетты: «На императрице Евгении было серое (gris de lin) платье из пу-де-суа, затканного лавровыми листьями того же цвета... Вся фигура ее напоминала портреты Марии Антуанетты. Фижмы, виденные на императрице, дают повод думать, что кринолин (настоящий большой кринолин) снова возвратится. Уже начинают находить, что для парадных туалетов это гораздо величественнее и более гармонирует с длинным треном»[3].

Императрица Евгения, закованная в кринолин Томсона, задрапированная в бархат и газ, могла быть удивительно скромной и по-английски рациональной. Она любила стро-

Императорская чета, Евгения и Наполеон III, с сыном Наполеоном Жозефом Бонапартом.
Ателье «A. Disderi», Париж. Около 1859 г.
Архив О.А. Хорошиловой

Стр. 213

Императрица Евгения любила не только темные оттенки, но и белый цвет.
Фотография Гюстава ле Грэ, 1856 г.
Национальная библиотека Франции, отдел эстампов (Париж)

[2] Моды/ Модный магазин, 1863 № 21. – С. 253.

[3] Моды/ Модный магазин, 1867, № 23. – С. 375.

Британская королева Виктория в прогулочном шелковом платье темно-фиолетового оттенка и с испанской шалью из кружева шантильи. После скоропостижной смерти своего супруга принца Альберта в 1861 году королева носила лишь траурные наряды, чем спровоцировала моду на черный цвет. Раскрашенная вручную фотография.
Неизвестное ателье, 1860-е гг.
Архив О.А.Хорошиловой

гие белые манжеты и полотняные воротнички дневных платьев. Не брезговала и элементами мужского стиля. Так в середине 1860-х в Петербурге стали популярны каскетки «Евгения» – ловкие белые фуражки с козырьком, которые носила императрица во время путешествия по Испании. Супруга Наполеона III обожала удобные прогулочные костюмы, которые заказывала по особым случаям: «Туалеты для прогулок составляют совершенно отдельные костюмы, которые нельзя носить ни дома, ни в городе. Императрица Евгения первой приняла эту удобную, кокетливую одежду. А что введено императрицей, принимается всем «фешионебельным» обществом. Перед отъездом французского двора и Фонтенбло в Виши был большой парад, на котором сама императрица и все приближенные ее присутствовали верхом в нарочно придуманных для того костюмах. На императрице было платье каштанового цвета (marron), на других дамах – черное, черное с белым, серое или синее (популярные в тот период цвета костюмов для путешествий и прогулок. – *О.Х.*)»[4].

Чуть поодаль, согласно этикету, но везде и повсюду двигалась за Евгенией ее верная подруга и спутница, проворная и миниатюрная Паулина фон Меттерних. Ее знали и любили в Петербурге, пытавшимся в то время мягко заигрывать с австрийским двором в противовес маленькому диктатору Наполеону III. Меттерних открыла Европе и России много славных имен. Она пропагандировала музыку Вагнера и Сметаны, познакомила Евгению с чудесами портновского искусства Ворта, ставшего придворным поставщиком европейских и русского дворов. Паулина одной из первых примерила жакет с отворотами и длинными петлями во вкусе аби XVIII столетия.

Она часто выбирала «мужские» цвета для прогулочных ансамблей – прусский серо-стальной или насыщенный синий наполеоновской гвардии. Один из оттенков зеленого даже получил ее имя – «меттерних», а вместе с ним и особый тип домашнего платья: «Другой туалет, княгини Меттерних, назначен также для дома. Поплиновая клетчатая юбка, зеленая с белым, ничем не отделанная внизу, но очень длинная и на восемь аршин ширины. Шитый перкалевый жилет с кружевным жабо; зеленая бархатная или суконная кофточка, вышитая по краю блестящей сталью, с узким, точно так же вышитым рукавом. Тяжелая цепь из стальных с резьбой шариков два раза обвивалась вокруг шеи и опускалась очень низко на жилет. На княгине надет был блондовый чепчик с зелеными и фиолетовыми кружками и лентами этих двух цветов, но без брид. Зеленые сафьяновые башмаки и белые шелковые чулки фиолетовыми цветочками»[5].

4 Моды/ Модный магазин, 1864 № 16. – С. 266.
5 Моды/ Модный магазин, 1863, № 21. – С. 253.

Портрет княгини Паулины фон Меттерних, исполненный Ф. Кс. Винтергальтером в 1860 г.
Фототипия конца XIX века.
Архив О.А.Хорошиловой

Княгиня Паулина фон Меттерних, известная европейская модница, светская львица, близкая подруга императрицы Евгении. Позирует в забавном платье в популярном тогда испанском стиле.
Фототипия по снимку 1857 г. *Архив О.А.Хорошиловой*

В честь княгини назвали и новый головной убор: «Из круглых шляп назовем шапочку Меттерних, которая спереди высока и украшена хохолком из цветов и длинным развевающимся шарфом»[6].

Смелыми взглядами на моду славилась и другая спутница императрицы Евгении – герцогиня де Морни, любимица императора Николая I (и, как говорят, его незаконная дочь), русская аристократка, урожденная княжна Трубецкая. В восемнадцать лет она выпорхнула замуж за герцога де Морни, брата Наполеона III и перебралась в Париж, где стала одной из блистательных модниц высшего света. София Сергеевна совсем по-русски обожала пышность и громкие театральные эффекты. В начале 1860-х годов поражала французский двор хрустким газом и благороднейшими жирно взбитыми шелками на широченных корзиночках кринолинов. Эти лакомые горы без устали приготовлял ей парижский кондитер от моды, Чарльз Фредерик Ворт. Но, как и любая русская, Трубецкая-де Морни была крайне противоречива в выборе туалетов и могла с невероятной

6 Модный магазин, 1867, № 14. – С. 224.

Княгиня Паулина фон Меттерних в старости.
Фототипия, 1905 г. *Архив О.А.Хорошиловой*

Князь Рихард и Паулина фон Меттерних.
На княгине – любимый прогулочный туалет, созданный «королем моды» Чарльзом Фредериком Вортом. Жакет выполнен в стиле французских мундиров XVIII века с характерными широкими обшлагами, украшенными пуговицами.
Фототипия 1890-х гг. *Архив О.А.Хорошиловой*

Шляпка «меттерних», названная в честь княгини.
Гравюра. Журнал «Модный магазин», 1860-е гг.
Частная коллекция

Герцогиня де Морни, урожденная София Сергеевна Трубецкая.
Портрет Ф. Кс. Винтергальтера 1863 года.
Фототипия начала XX века.
Архив О.А. Хорошиловой

легкостью примирять необарокко с рационализмом. К примеру, она одной из первых в Париже заказала себе удобный (и тем вызывающий) жакет в стиле мужского фрака: «Корсажи с фраками составляют модную новость наступающего сезона. Однако прошлой зимой соотечественница наша, герцогиня Морни, одна из блестящих звезд французского двора, была на бале в белом тюлевом платье, поверх которого надет был алый бархатный фрак с открытой талией. Теперь же фраки, все без исключения, делаются закрытые»[7].

Русская модная пресса регулярно обсуждала наряды датской принцессы (впоследствии королевы) Александры, главной красавицы Европы. В 1863 году она вышла замуж за принца Уэльского Эдварда и начала править британской модой с осторожной оглядкой на угрюмую пучеглазую королеву Викторию. Популярность Александры у нас объясняется еще и тем, что она была старшей сестрой Марии Федоровны (Дагмары), ставшей в 1866 году супругой цесаревича Александра Александровича, будущего самодержца.

Каждый ее шаг, каждый новый туалет живо обсуждался русской прессой. В 1863 году,

[7] Моды/ Модный магазин, 1864, № 9. – С. 136.

Принцесса Уэльская Александра
в прогулочном туалете
и легкой испанской шали.
Ателье «Sardringham», Англия. Около 1863 г.
Архив О.А. Хорошиловой

Принцесса Уэльская Александра в подвенечном платье.
Раскрашенная гравюра. 1860-е гг.
Сайт flickr.com

Принц Уэльский Эдвард в парадном облачении, в котором он участвовал в свадебной церемонии.
Раскрашенная гравюра. 1860-е гг.
Сайт flickr.com

Знаменитая певица Аделина Патти
в летнем прогулочном платье в полоску,
модной соломенной шляпке «меттерних»
и сетке «рета» во вкусе Высокого Возрождения.
Ателье «Ch. Reutlinger», Париж. 1860-е гг.
Архив О.А.Хорошиловой

к примеру, много писали о подвенечном наряде принцессы Александры, созданном Чарльзом Фредериком Вортом, известным мастером бесценных оберток конфетного супружеского счастья: «На невесте надето было великолепное платье, вышитое серебряными цветами: розы, трилистника и репейника, национальными цветами Великобритании. Платье это производило необыкновенный эффект»[8]. Между прочим, драгоценности, оттенявшие богатство подвенечного платья, сочинил для Александры британский придворный ювелир Гаррард: «Ему были заказаны принцем Уэльским се подарки, предназначенные для его невесты. Последние недели, когда вещи эти были уже готовы и выставлены в магазине для прельщения любопытных взоров, у дверей его постоянно толпились посетители... Да и было на что посмотреть! Это целая масса богатства, вкуса и изящества отделки! Между выставленными вещами особенное внимание обращали на себя ожерелье с прибором, то есть брошем, браслетами, серьгами, диадемой и проч. и кольцо из шести драгоценных камней»[9]. В 1860-е годы по имени красавицы принцессы стали называть бледные оттенки лилового, прически, а также забавные шляпки: «Тулья соломенная, поля прозрачные из черного кружевного тюля с шотландским фаншоном; с боков черная тафта и пучок зелени такого же цвета, как и фаншон. Под полями – тюль-иллюзьон с фиалками и зеленью»[10].

Среди законодательниц русской моды была и светлейшая княжна Мария Максимилиановна Романовская, герцогиня Лейхтенбергская. В 1863 году, когда она вышла замуж за принца Баденского, светский Петербург не переставал восхищаться ее подвенечным платьем, украшениями, а также по-русски щедрым белошвейным приданым, составленным из десятков пеньюаров, чепчиков, рукавов и подрукавников, наколок и галстучков, тюлевых косынок и нежнейших носовых платков с монограммами.

8 Где что делается / Модный магазин, 1863, № 6. – С. 75.
9 Модный магазин, 1863, № 7. – С. 86.
10 Моды / Модный магазин, 1863, № 11. – С. 136.

Паулина Лукка в эффектной бархатной шляпе с плюмажем и накидке в венгерском вкусе.
Ателье «Sarony», Нью-Йорк.
Конец 1860-х – начало 1870-х гг.
Архив О.А. Хорошиловой

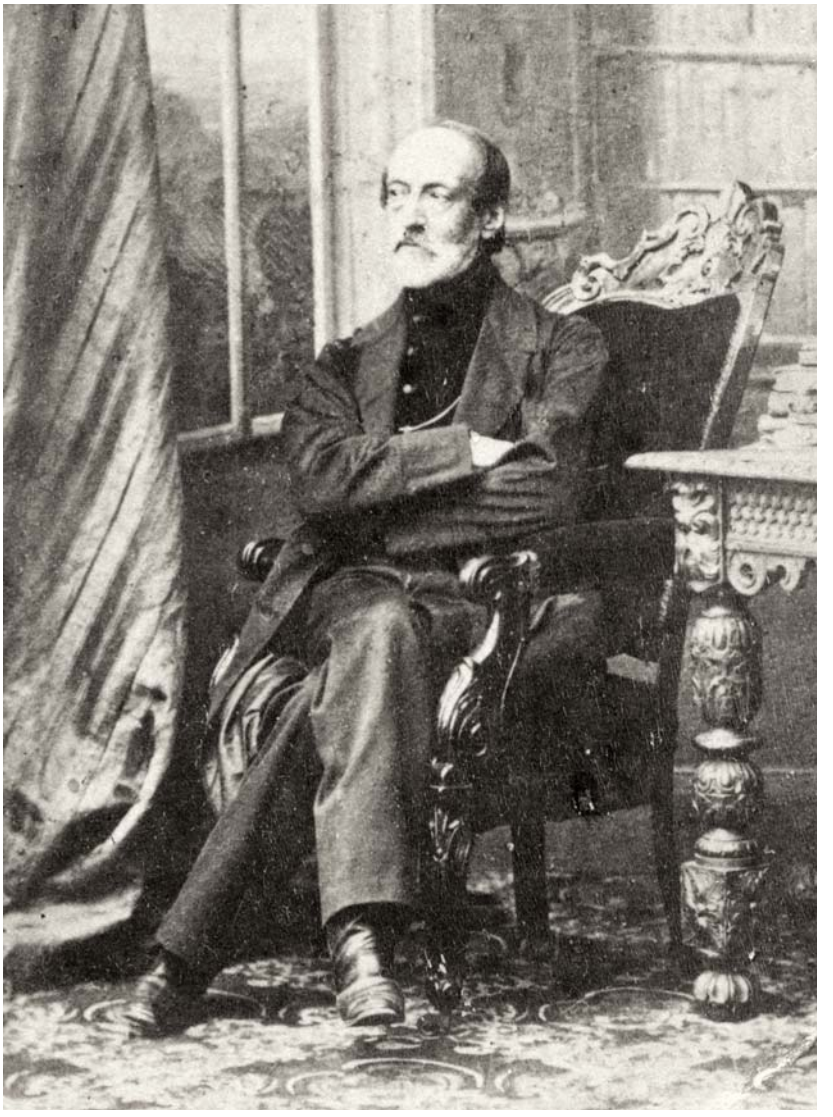
Певица Паулина Лукка в шелковом визитном платье с черными бусами из каменного угля и черным крестиком у ворота.
Ателье «H. Lehmann & Co.»,
Берлин. 2-я пол. 1860-х гг.
Архив О.А. Хорошиловой

В 1860-е годы русская мода перенесла шумное итальянское нашествие, которое возглавили две смазливые голосистые особы – оперные сопрано Аделина Патти и Паулина Лукка. Первая, между прочим, протеже Джузеппе Верди, блистала в Петербурге уже в начале десятилетия. Ее именем были названы прически, черные опереточно траурные кресты, украшавшие лифы, и даже юбка: «Гладкая или с мелкими полосками материя, низ ее отделан широкой полосой кашемира, верхняя сторона которой вырезана зубцами»[11].

Ее конкурентке, Паулине Лукке, рукоплескали по обе стороны Атлантики. Русская публика, нашедшая артистку необыкновенно привлекательной, а глаза необыкновенно выразительными, начала перенимать ее стиль и называла «Луккой» прически и аксессуары...

Впрочем, у моды плохая память на имена.

11 Моды/ Модный магазин, 1864, № 10. – С. 156.



Светлейший князь Александр Михайлович Горчаков, определявший внешнюю политику России во времена Александра II.
Неизвестное фотоателье, Франция (?). Конец 1850-х гг.
Архив О.А. Хорошиловой

Джузеппе Мадзини, политик, идеолог борьбы за независимость Италии.
Позирует в сюртучной тройке с бархатной поддевкой вместо жилета.
Неизвестное ателье, Западная Европа. 1860-е гг.
Архив О.А. Хорошиловой

Железо и кровь a'la mode

Россия в те годы была счастливо близорука. Внутренние конфликты она не замечала и не спешила разрешать. Польские повстанцы – ах, пустяки. Студенческие бунты – даже не говорите. Крестьянская реформа – сделано что должно, и будь что будет. Ее волновали конфликты зарубежные, за которыми пристально следил сквозь золотую оправу очков очаровательно близорукий князь Горчаков.

Русская мода 1860-х годов имела пеструю внешнеполитическую окраску. И главным цветом в ней был красный. Его гневно выплеснули в лицо австрийцам итальянские предводители войны за независимость. О ней в России много писали. Восхищались вдохновенным политиком Мадзини, аплодировали вислоусому королю Виктору-Эммануилу лишь за то, что он сумел выдавить тихое «да» на кабинетные сладкие увещевания хитреца Кавура. Но главным героем, раскатисто смелым и, как все громкие герои, наивным, был Гарибальди. Вояка до мозга костей, ничего не смысливший в политике, он задался благородной целью вытрясти из итальянского сапога всех до единого австрийцев. И считал, что сделает это чертовски легко, но ему мешали мерзацы-политики, обманывали и предавали, расставляли чертовы сети, в которых легковерный итальянец путался и задыхался.

Джузеппе Гарибальди в знаменитой красной рубахе, ставшей символом жестокой борьбы за освобождение Италии.
Неизвестное ателье, Западная Европа. 1860-е гг.
Архив О.А. Хорошиловой

Джузеппе Гарибальди в головном уборе, получившем его имя.
Снимок 1860-х г. по фотографии Надара.
Архив О.А. Хорошиловой

Но австрийцы и французы, весь мир помнил молодецкую оборону Рима, стремительный захват Палермо и триумфальный въезд в Неаполь. И даже после разлада с Виктором-Эммануилом, стычке с его войсками и обидной ране в ногу (от своей же итальянской пули) он остался главным героем Рисорджименто.

Блистательный русский свет обсуждал, впрочем, не только его победы, но и броскую внешность. Он и его стрелки-партизаны, его верная «тысяча», прославили красные просторные рубахи во время южноитальянского похода 1860 года. Как говорили, эти блузы, предназначавшиеся рабочим аргентинских скотобоен, Гарибальди выкупил за бесценок на складе в Уругвае. Он и его люди потом много раз устраивали настоящую кровавую баню ненавистным австрийцам. Эта рубаха в начале 1860-х годов стала весьма популярной благодаря императрице Евгении (Франция была союзником Италии в борьбе за независимость). Модную новинку нарекли «гарибальдийкой». Она стала прототипом дамских блуз конца XIX – начала XX века.

Впрочем, гарибальдийка могла быть не только истово-алого цвета. Громкие победы итало-французских войск над австрийцами в 1859 году дали начало новым батальным цветовым оттенкам – пурпурно-красной маджента и ярко-сиреневому сольферино, которые ворвались в моду благодаря волшебным анилиновым красителям, позволявшим смело экспериментировать с палитрой. «Модный свет»

Русская дама в гарибальдийке с модным поясом-«медичи» и широкой юбке на кринолине.
Ателье «A. Schenk», Веймар. Середина 1860-х гг. *Архив О.А.Хорошилова*

Дама в блузке-гарибальдийке и юбке.
Неизвестное ателье, середина 1860-х гг. *Архив О.А.Хорошиловой*

комментировал: «Рубашка (гарибальдийка. – *О. Х.*) делается из кашемира всех возможных цветов. Самый любимый – синий и сольферино, а бывают и фиолетовые, и коричневые, и белые, вышитые черным шнурочком. Можно также вышивать белым шнурком; можно отделывать перед и рукава кружевами. К рубашке необходим пояс: он прикрывает обшивку рубашки и поддерживает складки, которые падают поверх него. На плечах рубашка делается или сборками, или складками; к вороту пришивается или отложной воротничок, или стоячий»[12].

С блузой-гарибальдийкой носили одноименную широкую юбку из черной или серой шерсти, обшитую по низу лентами из кашемира. Иногда ее шили в цвет с рубашкой, но лишь из тканей приглушенных оттенков.

Вдохновенный итальянский революционер стал крестным отцом не только блузок, юбок и платьев. В его честь назвали остромодный в 1860-е годы головной убор – аккуратный фетровый ток с невысокой тульей и жестким бортиком. Иногда его дополняли бахромистым плюмажем. Он походил на знаменитую небрежно элегантную шляпу, в которой Гарибальди нередко позировал фотографам.

Мода на фетровый ток мгновенно достигла России, однако приобрести его в конце 1850-х – начале 1860-х годов было не так просто даже в столице. К примеру, сестра Петра Ильича Чайковского Александра тщетно искала шляпку в петербургских магазинах и заказала брату купить ее в Берлине. Вскоре она получила неутешительный ответ: «Во всем Берлине мы нашли только одну Гарибальди – и то на самой первой берлинской камелии, а все другие считают это какой-то недосягаемой роскошью»[13]. Однако через несколько лет токи-гарибальдийки появились в Петербурге и произвели колоссальный фурор. Один из записных острословов мгновенно отозвался ироничным стихотворным фельетоном:

12 Модный магазин, 1862, № 1. – С. 19-20.

13 Чайковский П. И. Письма к родным – М.: Государственное музыкальное издательство, 1955. – С. 6.

Дама из семейства Рыковых в прогулочном платье и шляпке-гарибальдийке. Обращают на себя внимание небольшие наручные часы, признак приближающейся дамской эмансипации. Ателье «S. Schmidt», Швейцария. 2-я половина 1860-х гг. *Архив О.А. Хорошиловой*

Я гулял с женой намедни
Вдоль по Невскому проспекту –
Боже! Сколько в магазинах
Либерального эффекту!

От героя нет проходу:
Гарибальди и в газетах,
Гарибальди в дамских шляпах,
Гарибальди на портретах!

Говорит жена: «Не смей ты
Подходить ко мне ни разу,
Если мне гарибальдийки
Не достанешь по заказу!»

Я содрал с бедняги взятку,
Взял оброк я с человека,
Но зато доставил шляпку
Не в разлад с идеей века.

Эта шляпка-гарибальди
Не чета иным банальным:
Эта шляпка и по моде,
И с принципом либеральным!

Но были и другие политики. К примеру, Отто фон Бисмарк. Этот моржеусый одутловатый полнотелый министр поражал неповоротливую Европу начала 1860-х быстротой мысли, дьявольским хитроумием и какой-то феноменальной работоспособностью. Обыкновенно вкрадчивый, спокойный и тихий, он требовал жесткого себе подчинения, требовал железа, которым ковал новое государство, и крови, чтобы потопить в ней ослушавшихся его стальной воли. Бисмарк не был щеголем, не разбирался в моде и не имел охоты вникать в тонкости придворного этикета. Но его боялись, а страх, как и восторг, вдохновляет во все времена.

Россия, в 1860-е годы откровенно заигрывавшая с Бисмарком перед недовольными очами Франца-Иосифа, шелестела аплодисментами и хвалебными статьями в его адрес, а по паркетам дворцов и усадеб шелестели платья «бисмарк» цвета стали и крови. Тогда же появились костюмы и кофточки, названные

Щеголь в модной шляпе-гарибальдийке и венгерке. Он носит бороду в стиле Джузеппе Гарибальди. Неизвестное ателье, Москва (?). Конец 1860-х гг. *Архив О.А. Хорошиловой*

Отто фон Бисмарк, премьер-министр Германской империи (с 1871 года), генерал-лейтенант. Позирует в сюртуке и каске 7-го кирасирского Магдебургского фон Зейдлица полка. Ателье «P. Biegner», Берлин. 1871 г. *Архив О.А. Хорошиловой*

Стр. 225

Маркус Спарлинг. Портрет известного военного фотографа Роджера Фентона в костюме зуава. 1855 г. Библиотека Конгресса, отдел гравюр и фотографий, LC-USZC4-9167 (Вашингтон)

в его честь: «Нижняя юбка и пальто сделаны из рубчатого бархата, верхняя юбка – из тафты Бисмарк. Под пальто надевается шелковая рубашка Бисмарк с узкими рукавами. Пальто застегивается косо и образует пуговицами сердцеобразную вставку»[14]. Простудно-шмыгающей фамилией политика нарекли ворсистые шерстяные накидки и вышивку, их украсившую. Была шляпка Бисмарк «из крепа, отделана гирляндой винограда и маленькими кистями из черного бисера, бархатные ленты завязаны под шиньоном, вуаль и шарф из кружева». Были цвета Бисмарк – серовато-желтый, грязно-палевый и тот особый плацевый шинельно-серый – цвет берлинского неба, отраженного в облом стальном шлеме железного канцлера.

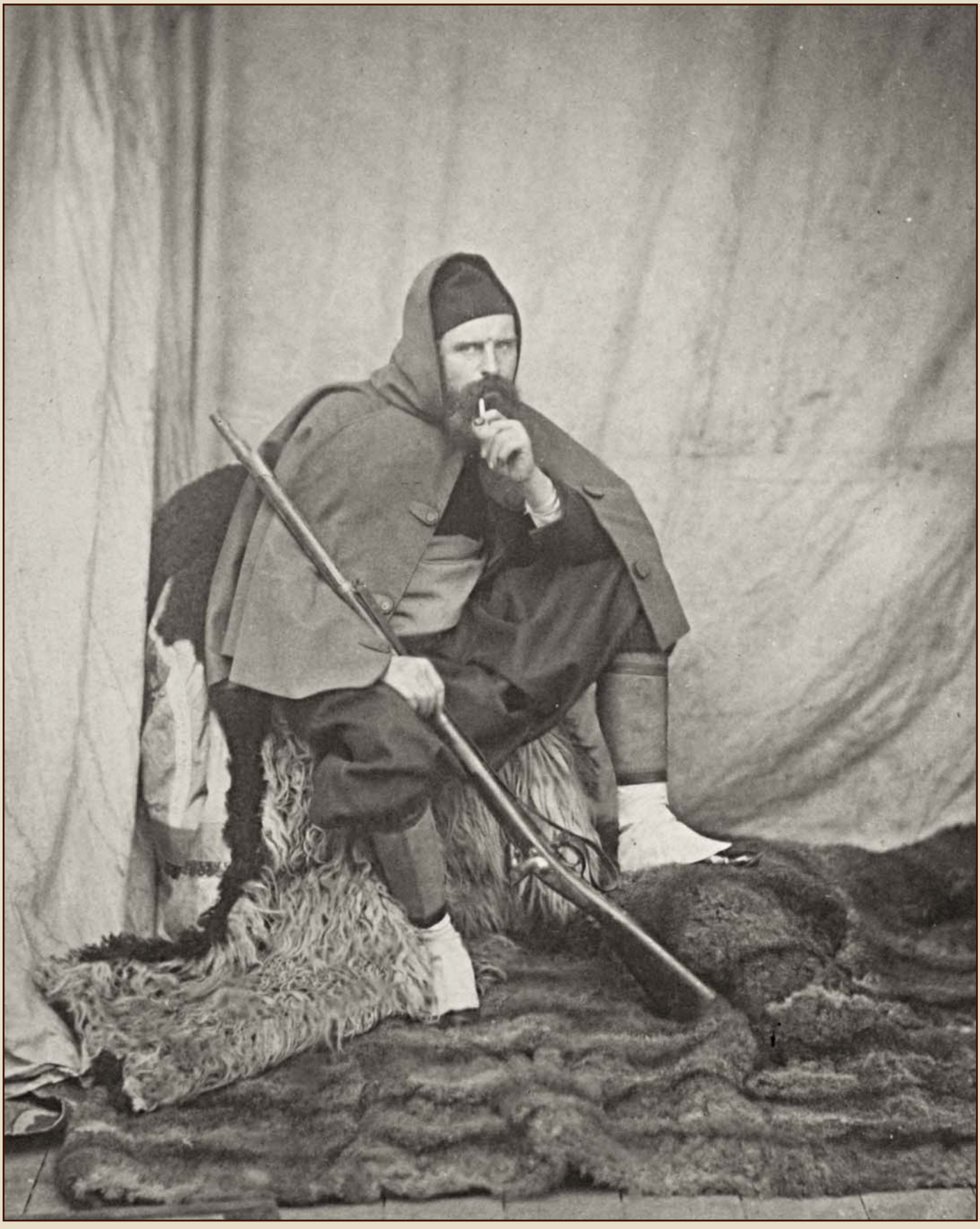
Франко-мексиканская война и громкое взятие французами города Пуэбла в 1863 году сделали популярным мексиканский стиль, и русские дамы поспешили обзавестись платьями «Пуэбла» из шелковой глянцевитой материи – они не боялись ни дождя, ни пыли и потому пришлись в пору заядлым путешественницам.

Шумное и длительное завоевание Алжира звучало гулким отдаленным эхом в моде 1860-х годов. Диковинные и диковатые зуавы все еще впечатляли дам львиной гривой волос под мягкой феской и петушиными красно-синими костюмами с затейливыми вышивками. Русские и европейские красавицы продолжали носить многоцветные зуавы – небольшие аккуратные жакеты. Их стоимость и популярность оставались высокими. «За серенький суконный зуав на лиловой тафте с лиловыми пуговицами с нас спросили 60 р., другой был из черного кашемира на черной же тафте и обшит в три ряда вокруг пестрой шелковой лентой. За этот зуав хотели 40 р.»[15], – жаловалась София Мей, редактор журнала «Модный магазин». Под зуавы надевали полотняные или шелковые рубашки с воротничком стоечкой. Были также распространены алжирские юбки, расшитые сутажом, и бурнусы в североафриканском стиле.

В этой пестрой политической многоголосице едва были слышны марш-маршевая прусская флейта и медные кавалерийские рожки XVIII века. Покойный король Фридрих, Семилетняя война и резвые каруселли переодетых в мужской костюм императриц не могли бороться с живой и быстро растущей популярностью современных политиков. Однако и они нашли свое место в эклектичной, перегруженной моде. Носили, к примеру, платья с корсажами «мускотер», цветные глянцевые отвороты которых так напоминали лацканы на офицерских мундирах беспокойного осьмнадцатого столетия. Носили платья со складками Ватто, куртки-казаки a'la Мария Лещинская и зуавы, расшитые гусарскими бранденбургами.

14 Модный магазин, 1867, № 22. – С. 356,357.

15 Модный магазин, 1862, № 1. – С. 20.



Фрэнк Роуэлл.
Сержант Гэнри Лиллибридж
в форме зуава с тесаком и ружьем.
1862 г. Библиотека Конгресса, отдел гравюр и фотографий,
LC-DIG-ppmsca-34602 (Вашингтон)

Зуав с ружьем.
Неизвестное ателье, Франция (?).
Частная коллекция

Изысканные дамы в прогулочных туалетах.
На даме слева – крайне модный жакет «мускотер» с манжетами, имитирующими обшлага французских военных аби XVIII века.
Эти жакеты ввели в моду Паулина фон Меттерних и Чарльз Фредерик Ворт.
Ателье «Bergamasco», Санкт-Петербург.
Конец 1860-х – начало 1870-х гг.
Коллекция В.В.Авдеева (Санкт-Петербург)

Анастасия Мироновна Бутузова в бурнусе с отделкой из сутажа и кистей.
Ателье «Jan Mieczkowski», Варшава. 2-я пол. 1860-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Жакет «зуав».
Гравюра с английского журнала мод.
Середина 1860-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Стр. 229

Имам Шамиль, плененный в Гунибе в 1859 году. Фотография сделана в начале 1860-х годов, когда имам находился в Санкт-Петербурге перед отправкой в Калугу.
Ателье «Левицкий», Санкт-Петербург.
Архив О.А. Хорошиловой

Иван Захарович Морозов, представитель известного купеческого рода, в роскошной медвежьей шубе и модном кавказском башлыке.
Ателье «Шерер и Набгольц», Москва. 2-я пол. 1860-х гг.
Архив О.А. Хорошиловой

Молодой человек в черкеске. В руке – белая меховая папаха. Позировать в кавказских национальных костюмах стало модно в 1860-е годы.
Ателье «И. Ланге», Пятигорск. Конец 1860-х гг.
Коллекция В.В.Авдеева (Санкт-Петербург)

Национальная мода

В конце 1850-х в Европе вновь заговорили о польском вопросе – громко, на международных переговорах. Это раздражало императора и воодушевляло варшавских свободолюбцев. Александр II, покидая Штутгарт после сдержанно деликатной встречи с Наполеоном III, раздражительно кинул примолкшей свите: «Со мной смели заговорить о Польше!» И вскоре ему ответили нарезные ружья варшавских, гродненских, люблинских повстанцев. К борьбе с русской армией присоединились жители Царства Польского, Юго-Западного и Северо-Западного краев, создавались партизанские отряды и сотни. Жители бунтарских городов превратили одежду в красноречивый немой протест. Они носили черные траурные костюмы, как бы оплакивая потерянную свободу и независимость. Они придумали новые национальные кокарды, ленты и эмблемы (орел и сломанный якорь), которые надевали во время злых и пугающе тихих манифестаций. Но в 1864 году грузный и грозный граф Муравьев раздавил повстанцев тяжелыми свиными сапогами своих солдат. Польский стиль запретили.

Другой народ – черкесы, столь же вольный и свободолюбивый, оказал известное влияние на русскую моду. Их никогда не считали внутренними врагами государства, как поляков. Это был просто один из кавказских народов, который требовалось покорить, ассимилировать и поставить под шашку и под ружье (черкесы были отменными воинами). К началу 1860-х восточный Кавказ уже был по-

Дама в прогулочном платье и роскошной кашмирской шали.
Неизвестное фотоателье, Россия. 2-я пол. 1860-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Дама из семьи Яковлевых-Склифосовских позирует в дневном платье с искристой восточной шалью. Благодаря Крымской войне в России вновь вырос интерес к Востоку.
Неизвестное ателье, Москва (?). Середина 1860-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

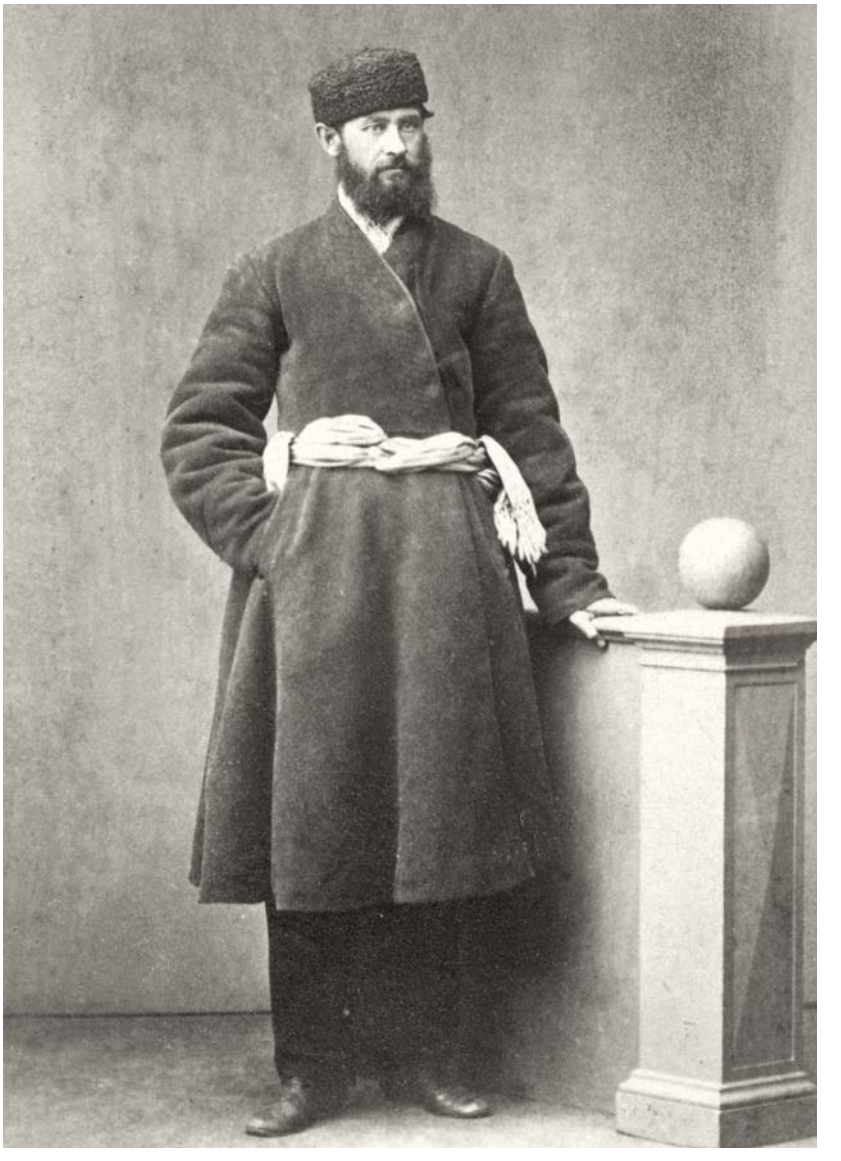
корен Россией, а Шамиль с великим послушанием ждал своей участи в Петербурге. Когда же в 1864 году завершилось наконец покорение западной Черкесии, в многонациональной русской моде зазвучали отчетливые кавказские нотки. В детском костюме появились суконные черкески. Они исчезнут только после 1917 года. Дамы и господа, пришедши в фотоателье, нахлобучивали папахи, принимали тетральные позы в кавказских нарядах, сверкая глазами, газырями, наборными поясками и «азиятскими» шашками, припасенными расторопными мастерами именно для таких вот случаев. Стал популярным дамский костюм «Черкес», который, впрочем, едва напоминал экзотические наряды кавказских красавиц: «Черное бархатное пальто обшито соболем; соболий воротник и обшивка рукава. Шапка из соболя украшена беличьим хвостом с пуговицей и черной сеткой с кистями... Ангорская шапочка со стальной отделкой и цветной шелковой сеткой. Кавказские сапожки»[16].

16 Модный магазин, 1868, № 23. – С. 416.

Россия бредила Востоком, с которым остервенело сражалась и править которым так мечтала. Крымская кампания, нескончаемые кавказские войны и обострившийся в 1860-е годы балканский вопрос обагрили моду ярым, кричащим алым, с которым спорили изумрудный, бирюзовый, лимонный и фиалковый – цвета баснословного Константинополя, цвета Блистательной Порты, державшей свои узорчато резные «пушечные ворота» на стальном замке. Неуступчивость и кровожадность турок завораживала. Дамы с удовольствием драпировались в смирнские шали и накидки в восточном вкусе. Они превращались в смешливых Хюррем-Роксолан и украшали туалетные столики искристыми «тюрбанами» Сулеймана, потерявшего когда-то голову от любви. В этих «тюрбанах» дамы хранили пудру и пуховки. Новые Роксоланы горделиво носили платья «Султанша», кофточку «Селика» и пальто «Эмир».

Но главным в пестрой моде 1860-х годов, примерно патриотичным и цензурой одобренным был русский стиль. После горького позора Восточной войны прошло уже достаточно времени. Россия копила силы и наращивала политический вес. Россия сосредотачивалась. Молодой царь Александр II искал поддержки и нашел ее среди косматых славянофилов. Тогда все были чуть пьяны от любви к Отечеству – военные и чиновники, обласканные властью архитекторы, художники, музыканты. И даже ничего в политике не понимавший Петр Чайковский отрастил мужицкую бороду и сочинил несколько тяжко патриотичных опер. Любители старины и царьградских мифов основали Славянский комитет в Москве, а чуть позже – в Петербурге, провели Славянский конгресс и придумали термин «панславизм» для неуклюжего оправдания русского присутствия на Балканах.

Национальные стили оставались популярны все десятилетие. В начале были платья в народном вкусе и бурнусы, отделанные русским швом. В середине 1860-х – алые и белые блузы-гарибальдийки с русской и балканской вышивкой, домашние платья-сарафаны, салопы, шубки, сапожки. Придумали даже пальто Петр I, «с длинной талией, широкими обшлагами на довольно узких рукавах, напоминающее костюмы петровских времен»[17]. Были и детские русские костюмы – в стиле царя Алексея Михайловича. В конце 1860-х модные журналы советовали обзавестись шубками «Славянка» и «Маруся». Следовало непременно приобрести пальто «Мужик», о котором сообщалось: «Это пальто сделано из толстого коричневого, с красной искрой, драпа и отделано коричневым бархатом и аграмантом. Спереди оно скрещивается пола на полу, а сзади образует казак, обтянутый по талии»[18].



Господин в театрально народном костюме – крестьянском армяке с шерстяным кушаком и барашковом токе. Бороду носит по-мужицки – лопатой. О том, что он горожанин, говорит едва заметная деталь – хорошо сшитые брюки и мягкие кожаные ботинки.
Ателье «Мебиус», Москва. 2-я пол. 1860-х гг.
Архив О.А. Хорошиловой

17 Модный магазин, 1863, № 8. – С. 102.
18 Модный магазин, 1868, № 6. – С. 114.

Девушка в костюме с элементами малоросского стиля – блузке с широкими рукавами, бархатной поддевке-«керсетке» и бусах.
Ателье «H. Laurent», Санкт-Петербург. 1863 г.
Коллекция В.В.Авдеева (Санкт-Петербург)

Зимний костюм для девочек в стиле эпохи царя Алексея Михайловича.
Гравюра из журнала «Модный магазин», 1863 г.
Архив О.А.Хорошиловой

Культура и hi-tech 1860-х

Модой правила не только война. Русские дамы, как их европейские современницы, увлекались миром прекрасного, интересовались новинками науки и техники, посещали международные экспозиции, в том числе и всемирные выставки. Тогда много писали о красивых проектах строительства Панамского канала. И модницы примеряли черно-белые платья из одноименной ткани.

В 1863 году сумеречный гоголевский Петербург озарился шестью тысячами керосиновых фонарей. Нелюдимые литературные призраки на время покинули городские закоулки, преображенные нестройным газовым светом в променады a'la mode. Их тотчас заполнили столичные «фешионабли» и пообтертые любители технических новинок. Дамам было предложено дефилировать в газовых диадемах: «Над затылком, смаскированный шиньоном или собственной косой, помещается небольшой газовый резервуар; от него с обеих сторон дугой, как венок, огибает голову газопроводная трубочка, на которой насажены очень маленькие горелки, покрытые стеклянными цветными шариками, которые устроены подобно ламповым цветным шарам. Сама проволока, конечно, смаскирована золотой каймой наподобие диадемы и, если угодно, может быть украшена драгоценными камнями. Отверстия горелок малы, почти микроскопичны, так что выпускают газ очень дробными долями. Запас его, хранящийся в резервуаре, оказывается совершенно достаточным на все время бала»[19].

В то время в светских салонах все чаще можно было услышать два затейливых словца, начинавшихся (что особенно нравилось франтам) с высокомерного фасонистого «э», – экономия и эмансипация. Первое было придумано старательными умницами-рантье, скупым пером выведшими это слово на гроссбухе городской бережливости. Они экономили ради выгоды, из расчета, по правилам мещанского благочестия. Светская публика экономила лишь потому, что так было модно. К примеру, считалось хорошим тоном шить прогулочные платья из нескольких старых, расширять и удлинять подолы клиньями и воланами, срезанными с юбок. Были даже способы, как из двух платьев «свежих, но совершенно заношенных внизу» сделать новое бальное платье. На службу экономии был поставлен увесистый стальной зингеровский станок, ровные и уверенные стежки которого прострочили готовому платью дорогу в промышленное будущее. Рычащие швейные машинки позволяли беречь не только деньги, но и время. Самые модные столичные журналы не гнушались публиковать красноречивые таблицы, демонстрировавшие их преимущество перед ручным трудом:

	руками	машиной
Мужская рубашка	14 ч. 26 мин.	1 ч. 16 мин.
Сюртук	16 ч. 35 мин.	2 ч. 38 мин.
Шелковый жилет	7 ч. 19 мин.	2 ч. 14 мин.
Льняной жилет	5 ч. 14 мин.	48 мин.
Шерстяные брюки	5 ч. 10 мин.	51 мин.
Летние брюки	2 ч. 50 мин.	38 мин.
Платья шелкового	8 ч. 27 мин.	1 ч. 13 мин.
Шерстяного	8 ч. 27 мин.	1 ч. 4 мин.
Ситцевого	6 ч. 37 мин.	57 мин.

«Эмансипацию», второе популярное англо-американское словечко, застенчиво смаковали эротоманы и пылко защищали пунцовощекие салонные либералки. Права женщин, в том числе избирательные, образование, участие в политике и государственном управлении – все эти сложные понятия хаотично обсуждали вперемежку с новинками эмансипированной моды. «Говорят, в США и Британии дамы носят панталоны, а юбок вовсе не носят. Говорят, что они примерили мужские костюмы и теперь не в силах от них отказаться. Говорят, что американок теперь не отличить от мужчин и что в Масачузете формируется кавалерийский полк, составленный из молодых девиц лучших фамилий». Что только не говорили.

[19] Где что делается / Модный магазин, 1863, № 8. – С. 110.

Доктор Мери Уолкер,
участница Гражданской войны в США, военный хирург, единственная женщина в истории страны, награжденная медалью Почета, высшей наградой США. Во время Гражданской войны она примерила военную форму, сшитую специально для нее, – форменное платье и широкие шаровары. Этот наряд был вдохновлен костюмом другой американской эмансипе – Амелии Блумер.
Ателье «J. Holyland», США. Библиотека Конгресса, отдел гравюр и фотографий, LC-DIG-ppmsca-19911 (Вашингтон)

Французская художник-анималист и скульптор Роза Бонер, известная дама-эмансипе.
Еще в конце 1850-х годов она эпатировала публику своими полумужскими костюмами.
Фотография. Начало 1870-х гг.
Архив О.А. Хорошиловой

К дискуссии присоединились обозреватели моды, печально признавшие: «Пальто с отворотами, с накладными карманами, стоячие воротнички, галстуки, жилеты – нет никакой возможности усомниться в несчастной тенденции женщин подражать мужчинам»[20].

Мода 1860-х годов была крайне влюбчивой сентиментальной толстушкой, пылкое чувство в которой мог зажечь любой дурно написанный роман, портрет пучеглазого героя в журнале, фарфоровые Бурбоны и позолоченный Восток. Светский обозреватель весьма верно подметил это упадочное любвеобилие: «Платья, которые мы носим, напоминают фижмы Людовика XV, напоминают также жанр Ватто, а отделки – времена Первой империи. Платья с хвостами принадлежат к той же эпохе, но длина талий берет свое начало с тридцатых годов. Ко всему этому начинают примешивать русский элемент, в малом, впрочем, количестве. Очевидно то, что мода... берет отовсюду, что ей пригодно»[21].

[20] Модный магазин, 1862, № 22. – С. 509.
[21] Модный магазин, 1863, № 2. – С. 22.

Женская мода. Кринолины, кринолетты

«Кринолин так привился к современному костюму, что и подумать нельзя обойтись без него», – сообщал светский обозреватель в начале 1860-х годов. Действительно, за предыдущее десятилетие дамы свыклись с железными кандалами, клетками, «малаховыми курганами», приноровились так ловко садиться и грациозно вставать, мягко проскальзывать сквозь любые, даже самые узкие дверные проемы, что нынче они не представляли своего светского существования без этих стальных оков, которые на французский манер называли «кажами».

В 1860-е годы кринолины создавали из стальной проволоки, а юбки – из десятков разнообразных тканей, выбор которых зависел не только от сезона, но и от назначения платья. Так, для «зимних» кринолинов использовали стеганую шелковую материю, затканный кашемир и прочие виды шерсти. Юбки для «летних» вариантов рекомендовали шить из коленкора и полосатого «кути», для вечеров и балов – из кисеи, нансука и даже тюля с воланами.

Примечательно, что уже в начале 1860-х годов в журналах появились рекомендации для мастериц, как делать юбки-кринолины на дому. Вот один из них:

«Кринолин состоит из 6 кусков. Всего лучше взять для него дикого коленкору. Вы сошьете все куски очень крепким швом, кроме переда, который не сшивается, а застегивается на пуговицы. Внизу вы заложите рубец в один палец ширины и начнете подшивать коленкоровые полоски. Они должны идти вокруг, кроме верхних четырех рядов, которые охватывают бока и зад, а перед оставляют свободным. Потом вы вдергиваете стальные пружины; выбирайте только их получше, чтобы они гнулись, но не ломались – нижняя должна быть шире других. Обшейте коленкором концы пружин и вдергивайте их так, чтобы они впереди заходили друг на дружку, не менее как на полуаршин. Верхние пружины просто прикрепляются к бокам, кроме последней, которая должна быть в два конца. Они прикрепляются на боках и скрещиваются сзади, так что можно сделать турнюр больше или меньше. Затем юбка сзади собирается и пришивается к поясу, который застегнут спереди на два крючка, а сзади сдергивается на две тесемки, продетые вдвое на противоположные стороны. Их завязывают сзади, стягивая сколько кому нужно. К низу пояса с изнанки пришивают тесемку и привязывают ее к шнуркам корсета: тогда юбка будет тянуться назад, как ей и следует»[22].

Оноре Домье. Карикатура на кринолин.
1856 г. Гравюра.
Частная коллекция (Париж)

Британская карикатура на кринолин «малахов курган».
Подпись под рисунком: «Иногда в ветреную погоду Адольф боялся, что его дорогая Китти воспарит к небесам подобно гигантскому воздушному шару».
Конец 1850-х гг. Раскрашенная гравюра.
Коллекция эстампов Джеймса Смита Ноэла, библиотека Государственного университета Луизианы (Шривпорт, США)

Каждая светская львица имела в своем гардеробе десяток «кажей» Томсона (или как их еще называли «cage élite»), привезенных из Британии, Франции, Германии и даже Соединенных Штатов. Предприятия «W. S. & E. H. Thomson» тысячами производили драгоцен-

22 Моды / Модный магазин, 1862, № 2. – С. 45.

Образцы подрукавников для платьев, батистовые фишю и манишки.
Гравюра из журнала «Magasin des Demoiselles», Франция. Начало 1860-х гг.
Архив О.А. Хорошиловой

ные клетки на радость модницам, в том числе петербургским. Последние, между прочим, отмечали явное преимущество томсоновских кринолинов перед всеми остальными. «Форма их хорошо как придумана. Обручи легкие и гибкие и не торчат у тальи» – таков был общий приговор. А потому носили «кажи» Томсона весной и летом – под мягкими податливыми шелками цветных или невинно-белых платьев.

Эти баснословные стальные выпуклости диктовали дамам новые правила этикета. К примеру, появилась мода сидеть «en fromage», что по-русски звучало прозаичнее: «в сыре». Выглядело это так – одна нога поджата, а другая болтается «по воле ветра и кринолина».

К середине десятилетия его форма заметно изменилась. Перед стал более плоским, а сзади начали появляться небольшие увеличения в области бедер, наметился трен, удлинившийся к 1867–1868 годам. В конце десятилетия «кажи» проиграли битву со здравомыслием, потеряв не только свой внушительный вес и «горделивую округлость», но и популярность. Модные обозреватели, азартно перекрикивая друг друга, прочили кринолину скорую и помпезную кончину. Они отмечали, между прочим, что некоторые петербургские дамы «уже вовсе обходятся без кринолинов, а некоторые, самые благоразумные, сохраняют его в уменьшенном виде».

Любопытно, что русские арбитры моды именно тогда подхватили свежую европейскую идею отказа от кажей в пользу античной естественности: «Те, которые оставили кринолин, желая уподобиться античным статуям, стоящим на своих пьедесталах в длинных, красиво драпированных одеждах, глубоко ошиблись в расчете и вместо того представляли из себя нечто вовсе не грациозное»[23]. Несмотря на эти робкие попытки освободиться из стальных томсоновских оков, они оставались обязательными, хотя постоянно видоизменялись в угоду новым веяниям моды. В 1867 году они выглядели примерно так: «Новые кажи имеют не более $2^1/_2$[24] аршина ширины и не более трех или четырех обручей. Сверху необходима юбка или даже две для того, чтобы скрыть эти обручи»[25]. В 1868 году стали весьма популярны фижмы и турнюры, которыми как бы компенсировали осанистые объемы, потерянные кринолином в изматывающей гонке с убыстряющимся временем. Фижмы (или, как их называли по-французски, paniers) формировались сзади с помощью стянутых шнурков. Турнюру пришивали с боков или сзади – к поясу кринолина или носили поверх него на особом кушаке. Она представляла собой «два или три закругленных волана из волосяной материи или накрахмаленного коленкора различной шири-

23 С. Мей. Моды / Модный магазин, 1867, № 10. – С. 165.
24 Примерно 195 см.
25 С. Мей. Моды / Модный магазин, 1867, № 10. – С. 175.

Бледно-фисташковое шелковое интерьерное платье (слева) и туалет для бала (справа).
Гравюра из журнала «Magasin des Demoiselles», Франция. 1860 г.
Архив О.А.Хорошиловой

Богатая горожанка в визитном платье с отделкой из бахромы и бархатных беек, а также воротничком из домотканого кружева.
Неизвестное ателье, Санкт-Петербург (?). Конец 1860-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

ны – верхний короткий, а другие соразмерно расширены»[26]. В сущности, с этих небольших и едва ощутимых дополнений началась мода 1870-х годов.

Дамы оставались верны не только кринолину, но и корсету. В 1860-е его линия талии мягко повышалась в угоду моде на античность. В тот период даже пробовали освободиться от корсетов, заменяя их галантными поясами Регентства, дополненными спереди пряжками, а сзади – маленькими плотными басками. Эти пояса предлагала в Петербурге Анна Лансад, купчиха 2-й гильдии, владевшая модным магазином в доме Елисеевых у Полицейского моста (Невский проспект, 15). Другой известной мастерицей корсетов была мадам Васильева, чья мастерская находилась в Петербурге по адресу: Загородный проспект, дом № 22. В рекламном проспекте сообщалось: «Изучив подробно корсетное мастерство у бывшей мадам Лекуфле и будучи старшей мастерицей у преемницы ее мадам и у Бурден, с 1863 года по выданному ей из цехового управления свидетельству за ее искусство изготовляет: корсеты, особые кринолины, юбки со шлейфом». У нее можно было заказать шелковые эластичные корсеты за 15–20 рублей, кринолины на кисее за 8–10 рублей.

В Туле нижним бельем – женским, детским и мужским – успешно торговал купец Николай Страхов. Впрочем, этот упитанный ловкач, настоящий тульский монополист, предлагал и все остальное – от одежды до игрушек – «по умеренным ценам».

Цвета, платья, костюмы

Силуэт десятилетия определяли хорошо припрятанные каркасы – корсеты и кринолины. В начале 1860-х годов юбки были широки, а талии жестко утягивал корсет под тесным остроуглым лифом. Рукава кроили по моде – сильно расширенными к низу. В конце десятилетия дамы заметно раздобрели – корсет, ставший короче и чуть шире, словно античный борец, мужественно держал тяжелый антаблемент новоклассической талии, а фижмы и турнюры кажей Томсона образовывали аппетитные припухлости, которые мягко округляли на укоротившихся юбках подборы и вздержки.

Палитра была разнообразной. Каких только названий не придумывали: цвет золоченой кожи и волос королевы, мексиканский и турецкий синий, серый голубиный и серый пепельный, зеленый Бордо и зеленый Бенуатон, рассерженный Бисмарк и прекрасная Гавана! Впрочем, самыми востребованными оставались анилиновые оттенки – от нежно-голубого до насыщенно-черничного.

[26] Моды / Модный магазин, 1868, № 13. – С. 235.

В дамских гардеробах той поры было множество видов платьев. Утренние (их называли saut-de-lit) шились обыкновенно из «простых добротных материй, скромного цвета, способных выдержать дождь и непогоду», предпочитали лино и альпака светлых оттенков. Скромным был и крой – гладкий облегающий лиф, полуширокие рукава с полотняными манжетами, ворот, украшенный манишкой и кокетливым галстучком, юбка полная и длинная, но без трена и с обязательными шнурками-вздержками для прогулок по саду.

Днем в домашней обстановке носили удобную одежду, хотя многие даже в личных покоях не могли отказаться от корсета и кринолина. Самым распространенным вариантом был костюм, состоявший из хлопковой или шелковой сорочки, зуава или жакета-аби, юбки. Иногда вместо обыкновенной блузки дамы надевали матросскую рубашку, мода на которую пришла почти одновременно с гарибальдийками. Дома также любили носить всевозможные капоты, подпоясанные шелковым кушаком с кистями. Если наряд был скопирован с туалета какой-либо великосветской дамы, его называли «аристократическим». В российской столице, к примеру, пользовался популярностью костюм княгини Меттерних: «Поплиновая клетчатая юбка, зеленая с белым, ничем не отделанная внизу, но очень длинная и в восемь аршин ширины. Шитый перкалевый жилет с кружевным жабо; зеленая бархатная или суконная кофточка, вышитая по краю блестящей сталью. На княгине надет был блондовый чепчик с зелеными и фиолетовыми кружками. Зеленые сафьянные башмаки и белые шелковые чулки с фиолетовыми цветочками»[27].

Платья для гуляний и городские наряды были в то время главными объектами технологических экспериментов. Испытывали на прочность новые смесовые ткани, без устали меняли цветовую палитру. В 1862–1863 годах закройщики смело укоротили подол именно прогулочных платьев для удобства хождения и защиты текстиля от грязи. Верхнюю юбку рекомендовали вздергивать с помощью шнурков – получались сборки по бокам и сзади (с них началась турнюрная мода). При этом неизбежно открывалась нижняя юбка, которую отныне стали шить из шерстяных тканей – серых, красных, черных и в полоску. Цветовая гамма чулок тоже стала разнообразнее. «В магазинах уже давно появились цветные чулки – мы видели красные, черные, серые», – сообщала София Мей.

Аристократка в шелковом прогулочном платье со множеством воланов в испанском вкусе.
Ателье «Bondoneau», Париж. Середина 1860-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

27 Модный магазин, 1863, № 21. – С. 253.

Реклама пояса «порт-жюп».
Раскрашенная гравюра. Журнал «Les Modes Parisiennes», 1864 г.
Архив О.А. Хорошиловой

Возникло множество других способов собирать и приподнимать юбки платьев. Предлагали, к примеру, пользоваться каучуковой тесьмой: «Концы крепко сшивают вместе и надевают эту каучуковую тесьму через голову на платье, пониже талии – платье вздергивается кверху настолько, чтобы покрыть тесьму»[28]. Применяли и «порт-жюп» – бархатный или шерстяной пояс на крючках с пришитыми четырьмя петлями (по две спереди и сзади). Пояс крепился к талии, а через петли дамы аккуратно продергивали края юбки. Получался своеобразный тюник над цветной или черной нижней юбкой. В первой половине 1860-х годов прогулочные платья украшали вышивками из черного сутажа или миньярдиза, в конце десятилетия – лентами темных оттенков и воланами. С 1867 года дамы стали чаще носить корсажи с безрукавками – в том числе кружевными.

Весьма модными аксессуарами, дополнявшими платья, были пояса. Сколько их придумали в те годы! Широкие замшевые или бархатные «пояса Медичи», расширяющиеся к центру и украшенные затейливой серебристой пряжкой. Швейцарские пояса из пу-десуа всех оттенков синего с непременно серебряными шнурками. Самими широкими были арагонские пояса или, как их тогда именовали, «пояса-карманы», удобные в поездках или во время прогулок. Эта модель используется до сих пор.

Летом на прогулки дамы отправлялись в кисейных или фуляровых платьях всевозможных светлых оттенков, отдавая предпочтение белому и гриперлевому. В изумрудных солнцем сквозящих садах они скользили в полувоздушных платьях, белых в черный горошек, – их обессмертил Моне. Аккуратные головки укрывали от солнца соломенные шляпки «пастушка» и «маркиза». От непогоды защищали льняные и хлопковые короткие пальто vareuse (Куртка) и saute-en-barque (Прыжок в лодке).

Холодной осенью драпировались в кашемировые шали, надевали пелеринки, суконные бурнусы, кавказского типа башлыки с прихотливой вышивкой сутажом, куртки Монпасье и короткие пальто. Зимой – бархатные манто и ротонды, просторные салопы на меху, шубы, муфты и токи.

Дамам той поры, почти как военным, приходилось заучивать сложные правила ношения одежды и знать назубок десятки ее типов. Как отметил один петербургский обозреватель: «Вечерние наряды резко отличаются от денных. Денные в свою очередь изменяются сообразно с часом, местом и случаем. В настоящее время нет платьев, годных всюду: каждый час, каждый выход требует своего специального покроя».

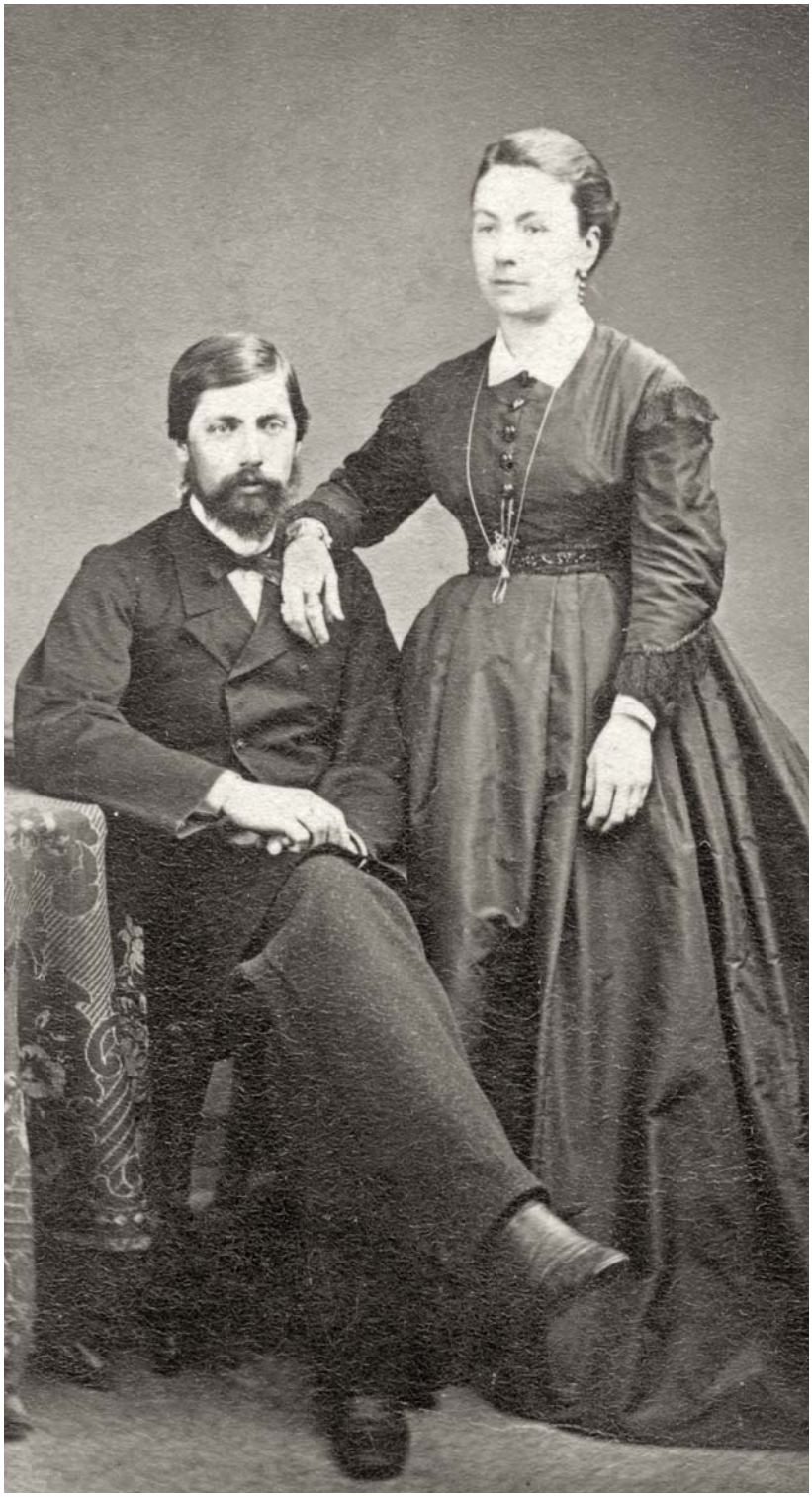
Были в дамских гардеробах многочисленные визитные платья для разнообразных светских случаев – не только для милых бесед с подругами в роскошных имперских интерьерах, но и для встреч с высокопородными гостями или официальных дневных выездов по специальному приглашению. В начале деся-

[28] Модный магазин, 1862, № 5. – С. 117.

Эффектная брюнетка в простом прогулочном платье, украшенном рюшем и нитями жемчуга.
Ателье «Abdullah Freres», Константинополь. Конец 1860-х гг.
Архив О.А. Хорошиловой

Горожанка в шелковом платье, отделанном бейками.
Ателье «К. Андерсон», Санкт-Петербург. 2-я пол. 1860-х гг.
Архив О.А. Хорошиловой

тилетия визитные платья шили из черного пуде-суа, шелка приглушенных анилиновых цветов, а также из серого муара оттенка гриперль и декорировали бисером, каменноугольной бахромой и «богатым аграмантом». Кстати, уже тогда вошли в обиход черные, серые и коричневые визитные костюмы, состоявшие из блузы, юбки, пальто-пеплума или жакета. Во второй половине и особенно в конце 1860-х годов визитные платья кроили с довольно длинным треном.



Семейная пара
в визитных нарядах.
Ателье «Васильев», Санкт-Петербург. 2-я пол. 1860-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Дородная дама
в прогулочном платье с широким
поясом-«медичи».
Ателье «Шерер и Набгольц», Москва. 2-я пол. 1860-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Туалеты для загородных прогулок.
Раскрашенная гравюра.
Magasin des Demoiselles.
1859 г.
Архив О.А. Хорошиловой

Графиня Иоанна Медем,
супруга графа Федора Петровича Медема, в весеннем прогулочном платье из шотландки с отделкой из бархатных беек и пуговиц.
Ателье «Gebr. H.&F. Kiepert», Митава. 2-я пол. 1860-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Любовь Евграфовна Штегельман (слева) с сестрой Александрой в прогулочных туалетах.
Неизвестное ателье, Санкт-Петербург. Конец 1860-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Русская аристократка на отдыхе в Висбадене.
Позирует в весеннем прогулочном туалете.
Ателье «Mondel&Jacob», Висбаден. Конец 1860-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Богатая горожанка в визитном туалете – блузе, юбке и кофточке, отделанной сутажом и бахромой.
Неизвестное ателье, Россия. Конец 1860-х гг.
Архив О.А. Хорошиловой

Семейная пара в прогулочных нарядах. На даме – модное легкое платье в мелкую клетку.
Неизвестное ателье, Россия. 2-я пол. 1860-х гг.
Архив О.А. Хорошиловой

Пожилая дама в интерьерном платье и накидке. На голове – чепчик.
Неизвестное ателье, Россия. Конец 1860-х гг.
Архив О.А. Хорошиловой

Супруга фотографа Александра Ильича Шпаковского с дочерьми. Позируют в летних прогулочных платьях на кринолинах. Автор снимка – А. И. Шпаковский, Санкт-Петербург. 2-я пол. 1860-х гг. *Коллекция А. А. Классена (Санкт-Петербург)*

Разнообразные случаи определяли особенности кроя: «Если визит делается семейный, бесцеремонный – платье должно быть длинное, но простое и почти всегда черное. Для парадных визитов нужен длинный трен, как вечером, дорогая материя и множество каменного угля – каменный уголь на шляпе, на пальто, на платье»[29].

К разряду официальных относились и платья для парадных обедов. Описание наиболее характерных приводит петербургский арбитр моды: «Они делаются с отрытыми лифами; сверху надеваются кружевные косыночки; некоторые покрыты тюлевыми складками вроде драпри; низ обшит двумя кружевными волана-ми; на шве верхнего кружева кладется рюша из тюля illusion. Для обедов надевают также швейцарские корсажи с тарлатановыми или кисейными шемизетками. Эти шемизетки делают совершенно так, как высокие лифы; рукава у них широкие на обшивке. Ворот и рукава обшивают буффой с продернутой цветной лентой»[30].

Одежда для вечерних светских мероприятий подчинялась многочисленным правилам и строго делилась на два основных вида – вечерняя (праздничная) и бальная. Их отличие лаконично и просто объяснил знаток столичной моды: «Женщины, придерживающиеся правила общежития, делают заметное различие в туалете, когда они едут на бал или на вечер, понимая, как смешно быть слишком просто одетой для одного и слишком нарядной для другого»[31]. Платья для вечеров шили из шелковых тканей, покрывали оборками и атласными лентами, вышивками сутажом и бисером. Рукава были заметно длиннее бальных – часто в виде полупрозрачного тюлевого фонарика, спускавшегося до локтя.

29 Модный магазин, 1867 № 4. – С. 63.

30 Модный магазин, 1862, № 7. – С. 169.

31 Модный магазин, 1868, № 4. – С. 75.

Девушка в платье для парадных обедов с декольте и полупрозрачным фишю.
Ателье «Американская фотография», Москва. Конец 1860-х гг.
Архив О.А. Хорошиловой

Княгиня Трубецкая в нарядном концертном платье.
Ателье «Jean Capel», Париж. Начало 1860-х гг.
Архив О.А. Хорошиловой

Для бальных платьев портные выбирали самые лучшие и дорогие материалы – тарлатан, муар-антик, тюль, креп, тафту, а продавцы кринолинов предлагали широкие разухабистые кажи, в которых дамам было неудобно двигаться, сидеть, танцевать, но, как они сами говорили: «Чтобы быть модной, надо страдать». И они страдали.

Излюбленными оттенками считались ивуар, гриперлевый, желто-серый, золотисто-желтый, васильковый, небесно-голубой. Рукавчики платья кроили короткими – в форме аккуратных фонариков, корсажи открытыми – с опасным декольте, ловко припрятанным под тюлевой бертой или шелковыми драпри. Считались модными платья в две-три юбки, верхнюю приподнимали тюником и фиксировали «гирляндами из роз и незабудок», «пучками бархатных маков с золотыми колосьями», любыми фантастическими брошами, бантами, кокардами и даже фибулами в византийском вкусе. Лиф платья украшали широкими шелковыми поясами duchesse или medici с затейливо расшитыми концами. С 1867 года дамы все чаще стали дополнять заметно сузившийся кринолин турнюрой и панье, отчего верхняя юбка сзади приобрела приятную припухлость, которую подчеркивали драпировки «а-ля Ватто».

Обычным дополнением бальных нарядов были цветы – искусственные и живые. Они украшали верхние юбки и лифы, стыдливо прикрывали нескромное декольте и нежными гирляндами драпри оттеняли мрамор девичьей кожи. Они венчали аккуратные прически-куафюры или вихрем кружились в распущенных каштановых волнах. Фантазия па-

Княгиня Гагарина (по подписи) в вечернем платье для парадных обедов или концертов.
Ателье «London and Provincial Photographic Company», Лондон. 2-я пол. 1860-х гг.
Архив О.А. Хорошиловой

рикмахеров, оживляемая мертвыми романами и мифами, превращала вальсирующих дам в фиалковых диан, незабудок-венер и прерафаэлитских гвиневер. Популярны были «венок из нарциссов и ландышей, между которыми красуется пунцовый бархатный бант», «пуфф из зелени, усеянный бриллиантовой росой, между которой сидит великолепная бразильская бабочка», «простой венок из листьев и цветов для дебютанток». Однако цветочные клумбы с печальными насекомыми нравились не всем. Остряки сыпали метафорами, иногда весьма непристойными, публиковали карикатуры и четверостишья. Бытовало, к примеру, такое:

Она плющом обвила волоса,
Природе это подражает:
Ведь плющ, кто этого не знает,
Развалин лучшая краса.

В то десятилетие сенсацией стали украшения и отделка из каменного угля и вулканитов (затвердевшей магмы). Ими осыпали бальные и вечерние платья, газовые тюники и воротники-берты. Их вплетали в прически, ожерелья, браслеты и броши. В те годы общество с азартом ожидало очередного пробуждения Везувия (оно произошло позже – в 1872 году). Вулкан стал в прямом смысле источником новой модной тенденции. Ловкачи-итальянцы наладили продажу везувианских вулканитов, из которых предприимчивые французы создавали украшения. Вошел в моду оттенок «Везувий». «Это не что иное, как оранжевый цвет, впадающий в пунцовый. Он идет только к брюнеткам», – отмечал светский обозреватель.

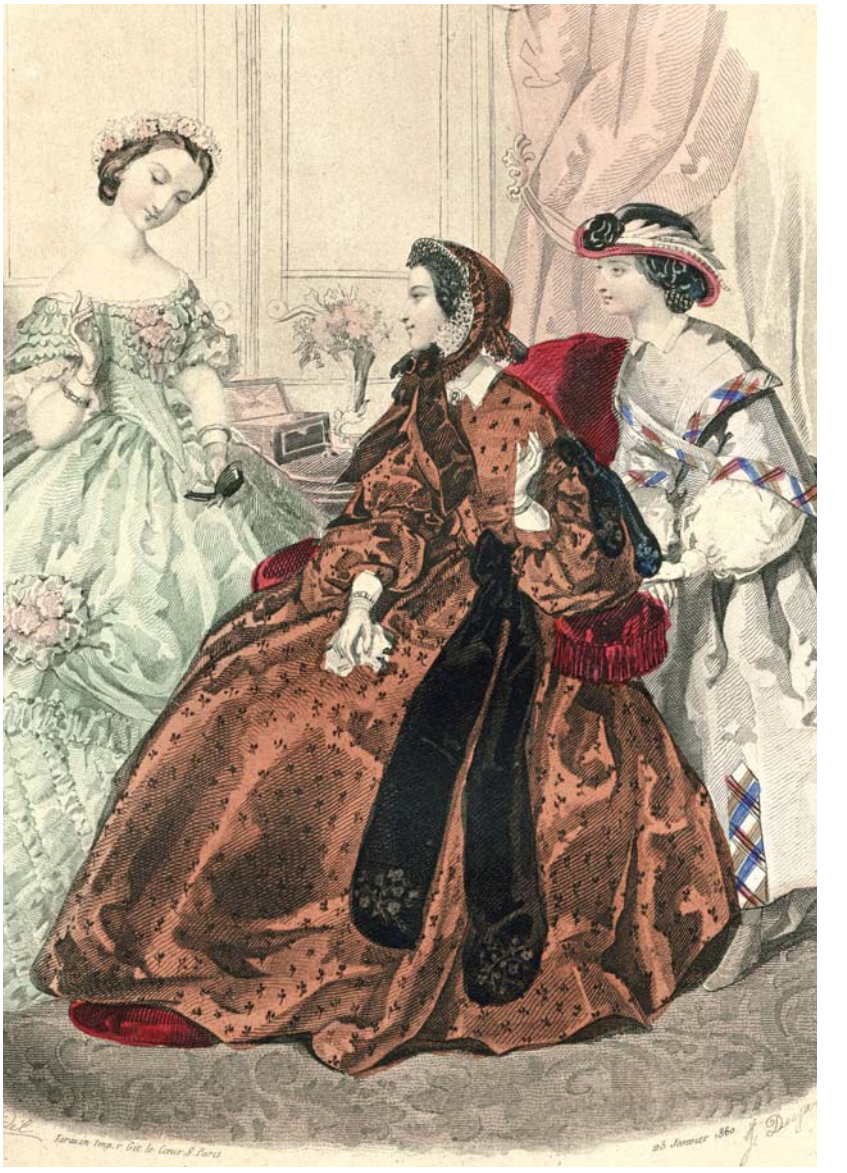
Дамы в везувианских платьях смотрелись на балах пикантно. И было не понятно, отчего они пламенели – от рдеющего ли вулканического платья или от пылкого комплимента, брошенного в горячке польского танца.

В отличие от искушенных в вопросах моды и любви дам, юные красавицы одевались не столь пылко. Им следовало держаться в рамках буржуазного приличия, чтить мораль и воплощать святую нравственность. Юные девы, особенно носительницы громких титулов и фамилий, одевались подчеркнуто скромно, что в целом было свойственно аристократкам России и Европы. Предпочитали платья из белого крепа, тарлатана, тафты с короткими рукавами и декольте, с атласным поясом по талии, завязанным на спинке бантом. Вот описание одного из характерных бальных нарядов молодой особы: «Нижняя юбка из белой тафты. На ней нашиты внизу три тарлатановые волана, сложенные вдвое и покрывающие юбку не более как на четверть – тарлатановая с одним простым рубцом. Два шарфа из того же тарлатана пришиты спереди в низу лифа, они спускаются на юбку и скрещиваются на ней. Лиф со шнипом и с бертой, которая оканчива-

Бальный (слева) и прогулочный туалеты.
Гравюра из журнала «Magasin des Demoiselles», Франция. 1860 г.
Архив О.А. Хорошиловой

Подвенечное платье (справа), прогулочный дамский туалет и наряд для мальчика.

Гравюра из журнала «Magasin des Demoiselles», Франция. 1860 г.
Архив О.А.Хорошиловой



ется сзади бантом с округленными концами. На голове гирлянда из незабудок, составленная из отдельных букетов, посаженных на толстой ветке древесного цвета»[32].

Привычным дополнением бального платья была накидка сорти-де-баль. София Мей сообщала: «Их делают из белого кашемира в виде бедуинов (вид накидки в североафриканском вкусе. – *О. Х.*) или коротеньких ротонд с капюшоном. Длинные ватные пелерины из белого атласа, обшитые лебяжьим пухом, совершенно изгнали горностаевые и другие меховые пелерины»[33].

Особым правилам подчинялись подвенечные и траурные наряды. Первые были полностью закрытыми – никакого декольте и нескромно оголенных рук. По традиции их шили из белых тканей – пу-де-суа, муар-антика, тафты – и дополняли кисейными юбками-тюниками и рукавами-воланами. В середине десятилетия были популярны стальное шитье и пуговицы. Облик невесты дополняли вуаль из тюля illusion, венок из флердоранжа и такой же букет, приколотый к корсажу.

Траурные платья по сложившейся традиции шили из черного текстиля, причем различали степени траура. Для глубокого – черный бархат и кашемир. Для полутраура – тафта, гренадин, бареж. Первые несколько месяцев после смерти члена семьи дамы носили только гладкие черные платья с кашемировой или

Бальный (слева) наряд и туалеты для прогулок.
Гравюра из журнала «Magasin des Demoiselles», Франция. 1860 г.
Архив О.А. Хорошиловой

Бальный (слева) и прогулочные туалеты.
Гравюра из журнала «Magasin des Demoiselles», Франция. 1860 г.
Архив О.А. Хорошиловой

32 Модный магазин, 1863, № 3. – С. 68.
33 Там же. С. 38.

Дама в белом подвенечном платье.
Ателье «Bergamasco», Санкт-Петербург. Начало 1860-х гг.
Коллекция В. В. Авдеева (Санкт-Петербург)

Щеголиха в прогулочном платье и пардессю, отделанном венгерскими узлами. На голове – бархатная шляпка «маркиза» во вкусе XVIII столетия.
Неизвестное ателье. Начало 1860-х гг.
Архив О. А. Хорошиловой

шелковой шалью. Уместными головными уборами считались креповые шляпы с длинной, закрывающей лицо вуалью. Затем переодевались в «легкий траур» – черные шелковые платья с отделкой из бисера, каменноугольными или аметистовыми украшениями. После шести месяцев траура можно было носить платья сдержанных цветов – лилового, синего, темно-коричневого, зеленого. Шотландский стиль с его мистикой и готической печалью сделал модной тончайшую белую клетку на трагичном черном шелке.

Кружева были одним из наиболее частых

Дама в прогулочном туалете и накидке из плотного шелка.
Неизвестное ателье, Германия. Начало 1860-х гг.
Архив О.А. Хорошиловой

Девяностолетняя графиня Мария Григорьевна Разумовская, светская львица и поклонница французских мод.
Сначала она была замужем за самодуром князем Александром Николаевичем Голицыным, который проиграл ее в карты графу Разумовскому. Впрочем, если верить современникам, дама ничуть не возражала. Говорили, что она покупала платья в Париже сотнями и имела в Петербурге чуть ли не самый богатый гардероб. На этом фото она позирует в прогулочном ансамбле и шерстяном бурнусе с кистями.
Ателье «И. Александровский», Санкт-Петербург. 1862 г.
Архив О.А. Хорошиловой

Русская дама в прогулочном бархатном пальто и баволетке.
Ателье «E. Neubauer», Ницца.
Середина 1860-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Мария Федоровна Морозова, мать мецената Саввы Морозова, в прогулочном туалете и бархатном салопе.
Ателье «Мебиус», Москва.
Середина 1860-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Князь Виктор Гагарин с очаровательными спутницами. Позируют в меховых шубах, токах и лисьих муфтах.
Ателье «M. Wolf», Галац.
Конец 1860-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Баронесса Александра Николаевна Фризенгоф, урожденная Гончарова, сестра Натальи Гончаровой, супруги Пушкина. Позирует в темном прогулочном платье, бархатной шубке, отделанной собольим мехом, и тонких лайковых перчатках.
Ателье «L. Angerer», Вена. 1-я пол. 1860-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

украшений, а потому их требовалось постоянно обновлять и чинить. Петербургские модницы часто наведывались в магазин госпожи Шоазель на Малую Морскую, где кружево не только продавали, но стирали и реставрировали. За гипюровыми поясами отправлялись на Михайловскую улицу в Лионский магазин. Они стоили от 25 до 40 рублей серебром.

Тальма, шубки, пальто и мантильи можно было приобрести в московском магазине Сергея Ивановича Белкина, поставщика великой княгини Александры Иосифовны. Петербургский магазин Au Bon Marche (Невский проспект, 63) предлагал большой выбор готовой верхней одежды – от пальто до зуавок. Здесь же можно было купить все необходимые аксессуары.

Иногда за мехами отправлялись на знаменитую Нижегородскую ярмарку, куда везли свои сказочные меха угрюмые сибиряки. Правда и там шуба хорошей выделки стоила баснословно дорого. Цены поразили даже Теофиля Готье, известного транжиру и бонвивана: «Бобры, куницы, соболя, голубые сибирские лисы стоят фантастических сумм, перед которыми меркнет западная роскошь. Шуба из голубой лисы стоит 10 000 рублей (40 000 франков), воротник из спинки нещипаного бобра – 1000 рублей. У меня есть маленькая шапочка из бобра, за которую в Париже не дали бы и 15 франков, но которая снискала мне некоторое уважение в России, где ценят людей, одетых в меха. Она стоила 75 рублей серебром»[34].

В пестром богатом гардеробе дам 1860-х годов лишь маскарадные костюмы почти не подчинялись моде и потому так часто ее предугадывали. Пока она, страдающая одышкой и полнотой, мучилась неизлечимым «дежавю», маскарадный костюм по-детски задорно играл в классику. Дамы заказывали антикизирующие пояса вместо жестких корсетов, но иногда обходились и без них. Они надевали корсажи a'la grec с чуть завышенной линией талии, драпировались в шелка подобно Гере и кружились в сандалиях над меандровым паркетом точно так, как через полвека будут порхать и кружиться белокожие нимфы Поля Пуаре.

На рассвете 1860-х взошла «Утренняя звезда», предвестница античных мод: «Платье в несколько белых и голубых тюлевых юбок. На белом тюле вышиты с правой стороны золотые звезды разной величины... вверх всего накинуто длинное белое тюлевое покрывало. С левой стороны – другое тюлевое покрывало, усеянное каплями росы. Античный корсаж, усеянный росинками, окружен был сверху открытого ворота гирляндой из роз; талию огибал пояс в виде серебряного кольца; на нем спереди красовалась серебряная звезда... Костюм этот довершали серебряные браслеты и ботинки телесного света с серебряными повязками»[35].

В популярности с Грецией конкурировали фижмы, рюши и маркизовы парики галантного осьмнадцатого века, тартан, килты и «плэды» окаменелой шотландской романтики, наполеоновский фестончатый трубадур с тяжким винным бархатом Лукреции Борджиа. Иные особы, питавшие любовь к эксцентрике, рядились в фантастических существ, словно бы предугадавших фантазмы Дали. К примеру, на маскараде в Тюильри 1863 года, устроенном императрицей Евгенией, княгиня Меттерних фурией летала по залитым золотом залам и пугала детей и дебютанток черным траурным платьем, вороньим отливом демонических крыльев и гигантской осклабившейся маской летучей мыши. На том же балу отличилась и наша соотечественница Варвара Дмитриевна Римская-Корсакова, одна из любительниц эксцентрики. В тот вечер она изображала зеркало и с большим достоинством несла на голове серебряного русского орла, подобно молодцу-кавалергарду. В искристой фантазии ей ничуть не уступали другие наши аристократки, слетевшиеся в Тюильри в костюмах пчел. «В одиннадцать часов явился кадриль пчел, исполненный двенадцатью молодыми особами, – сообщала София Мей, – Четыре громадных улья, затянутых внутри шелковой материей, а снаружи убранные цветами и зеленью, принесены были

34 Готье Т. Путешествие в Россию. – М.: Мысль, 1988. – С. 389.

35 Модный магазин, 1862, № 5. – С. 118.

Дама в венгерском маскарадном костюме с красивым ментиком на левом плече. На голове – бархатный ток с пером.
Ателье «Franck», Париж. 1860-е гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Девушка в модном маскарадном черно-белом наряде «Домино».
Ателье «Р. Бейер», Санкт-Петербург. 1863 г.
Коллекция В.В.Авдеева (Санкт-Петербург)

восемью пастухами и поставлены посреди бальной залы. В каждом улье заключалось по три пчелы в полосатых черных с золотом корсажах, с распущенными крыльями. По знаку Штрауса пчелы вышли из ульев и исполнили маленький балет, от которого пришло в восторг общество. Две из прелестных пчел были наши соотечественницы – княжны Трубецкая и Долгорукая»[36].

Маскарадную экзотику любили всякую – в том числе национальную. Рядились в исполненных неги султанш, острокосых черкешенок и пестрых османских гречанок, рядились

36 Модный магазин, 1863, № 5. – С. 63.

и в русских крестьянок. Один из таких патриотичных славянофильских костюмов, популярный в конце 1860-х, назывался «Калужанка» и включал в себя расшитую русскую рубаху, желтую шелковую юбку с вышитым передником, зеленую бархатную безрукавку, обшитую мехом, и красные сафьяновые сапожки. Голову украшала золотая повязка.

Ни один маскарад не обходился без «домино» – черных шелковых накидок с капюшоном на черно-белых широких платьях. Впрочем, критики, мнившие себя знатоками светского вкуса, устало цедили: «Домино – это уже моветон».

Костюмами для балов и маскарадов успешно торговала петербургская мастерская Амели-Мари, находившаяся на Малой Морской улице. Ее творения славились «щеголеватой аристократической простотой».

XVIII век никогда не выходил из маскарадной моды. Дама в костюме в стиле королевы Марии Антуанетты.
Ателье «F. Luckhardt», Вена.
Конец 1860-х – начало 1870-х гг.
Коллекция В. В. Авдеева (Санкт-Петербург)

Дама в нарядном, возможно театральном, платье.
Ее волосы распущены и украшены множеством цветков в стиле героинь полотен прерафаэлитов.
Ателье «Loescher&Petsch», Берлин.
Конец 1860-х – начало 1870-х гг.
Архив О. А. Хорошиловой

Известная артистка Императорских театров Александра Михайловна Каратыгина, супруга знаменитого русского трагика.
Была хорошо знакома с Пушкиным, Грибоедовым, Крыловым.
Запечатлена в визитном бархатном платье, чепце и модной испанской шали из черного кружева шантильи. Фотоателье А. И. Деньера.
Лист из «Альбома фотографических портретов августейших особ и лиц, известных в России». Санкт-Петербург, 1865 г. *Архив О.А.Хорошиловой*

Вещи и вещицы

В 1860-е годы ни одна дама не обходилась без накидок. Их существовало невообразимое количество – на всякое время суток и светский повод. Они строго подчинялись одному правилу – цвет должен был соответствовать колориту наряда. Это, как писали в то время, «придает туалету особенно спокойный и порядочный отпечаток».

Испанская модная лихорадка, которой императрица Евгения Монтихо наградила французов, а за ними и всю Европу, быстро добралась до Петербурга. Черный цвет никого не пугал и не вводил в романтическую тоску. Столичные львицы находили особое удовольствие драпироваться в сумрачные кашемировые платки, обшитые черным «испанским» кружевом (то есть французским шантильи). Они, кстати, стоили дорого – в петербургском магазине Делиля их продавали по 300–400 рублей за штуку. Летом, наоборот, надевали белые шали из тонкого кашемира с вышивкой или кружевами. Благодаря кавказским войнам и покорению Черкесии русские щеголихи осмелились примерить сугубо мужскую вещь – башлык. Кроили его точно таким же, как офицерский, и шили из кашемира разнообразных цветов. Впрочем, вместо военного галуна, мастера украшали его тесемками, а также сутажом и милой кисточкой на кончике.

В ту эпоху дамы обожали аккуратные блондовые чепчики, ловкие куафюры, бархатные капоры – без полей, но с жирным собольим мехом, обрамлявшим пухлое личико юной щеголихи. Конечно, носили шляпы – небольшие, высоковатые, с короткими полями и плюмажем. Весной и летом предпочитали отделку из шелковых (а порой и живых) цветов. Но перебарщивать с ними не стоило. «Теперь, когда мода требует, чтобы шляпы были высоки и украшались множеством цветов, нельзя спросить низкую шляпу с приплюснутыми полями. Однако же порядочная женщина все-таки не станет преувеличивать моды и не допустит, чтобы у нее на голове смогла уместиться целая выставка овощей и цветов»[37], – предупреждал светский хроникер.

37 Модный магазин, 1862, № . – С. 47.

Дама в прогулочном туалете со складным веером в руке.
Ателье «Мебиус», Москва. Начало 1860-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Баронесса Торнау, дочь Федора Федоровича Торнау, с дочерью. Позирует в прогулочном туалете и баволетке, в руках – меховая муфта.
Ателье «L. Angerer», Вена. Начало 1860-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Бальные куафюры иногда представляли собой целые композиции из шелка, газа, шиньона, птичек с перламутровыми крыльями, стрекоз и бабочек. Таким позавидовала бы сама Мария Антуанетта. XVIII век бесконечно вдохновлял мастеров, искушенных не только в моде, но и в истории живописи. В конце 1860-х, к примеру, появилась шляпка «пастурель» – крохотная, из белой или черной соломы с вздернутыми полями, мини-копия известных «рубенсовских» шляп, которые обессмертила Елизавета Виже-Лебрен.

Даже в шляпном искусстве военный стиль нашел своих почитательниц. Примерно с 1863–1864 годов в моду вошли фуражки (их носили во время путешествий или на даче) и соломенные высокие «жокейки» с козырьком и переливчатой изумрудной птичкой на тулье.

В Петербурге шляпы всевозможных фасонов, а также наколки и блондовые чепцы покупали или заказывали в Магазине мод И. А. Александровой (Вознесенский проспект, 20), у Елены Павловны Сиверс (Невский проспект, 52), госпожи Рейзакер (Невский про-

Москвичка в визитном платье со скромным кружевным воротничком, цепочкой и золотой брошью, аксессуарами, часто дополнявшими строгие дневные наряды.
Ателье «Шерер и Набгольц», Москва. 2-я пол. 1860-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Артистка Императорских театров в дневном платье с изящным репсовым бантом.
Ателье «Bergamasco», Санкт-Петербург. 2-я пол. 1860-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

спект, 82), которая, если верить рекламе, делала «хорошенькие, со вкусом и недорогие шляпы».

Веера были популярны и сверхпопулярны. Тяжелые платья, жар тысяч свечей, испанский черный сделали их модной необходимостью. Каждая дама хранила с десяток таких вещиц – веер скромный визитный и элегантный бальный, карманный для театра и «серьезный» для обеда, траурный и полутраурный. Во второй половине десятилетия модницы обзавелись деревянными веерами «из серого дерева с букетом фиалок, птицей и вензелем».

Эти вещицы считались элегантным подарком. Молодым особам в знак сердечного к ним расположения преподносили белый шелковый веер с гирляндами маргариток и анютиных глазок, с истомчиво переплетенными заглавными буквами ее имени. Вдовам дарили белый шелковый с вышитыми скабиозами на фоне россыпи полевых цветочков. Такие, между прочим, можно было купить в магазине Визинга (угол Невского проспекта и Садовой улицы), торговавшего, кроме того, парфюмерией.

Фантазия ювелиров фонтанировала. Они радовали щеголих браслетами, украшенными бирюзой или сбрызнутыми капельками кораллов, золотыми цепочками и аметистовыми испанскими крестами, жемчужными хваткими ожерельями и экзотическими «дутыми» бусами, затейливыми восточными булавками и античными камеями. Была, между прочим, мода на перстни, булавки и броши с крошечными фотопортретами супругов и фаворитов. Не блистательный с точки зрения здравого смысла панславизм блистал и переливался в горячем золоте бальных свечей огоньками византийских эмалированных брошей, кулонов, булавок. Их дополняли украшениями из янтаря, иногда поддельного.

Дама считалась модницей лишь тогда, когда умела правильно обращаться с перчатками, силуэты которых мягко передавали острый, учащенный и переменчивый ритм высшего петербургского света. Перчатки были его отпечатком, его дактилоскопией. Чрезмерная сложность и спесь столичного ритуала моды диктовала их фасоны, цвет, их raison d'etre. Разобраться в премудрости ношения помогали модные обозреватели: «Утром носят преимущественно шведские перчатки. Глассированные, если они не очень темные, надевают только вечером. Белые перчатки ни в коем случае нельзя надевать утром, даже и на свадьбу: эти перчатки днем позволяются только двум главным лицам торжества, то есть жениху и невесте. Присутствующие могут быть в светло-серых или светло-желтых перчатках. Для городских туалетов желтые перчатки, во всех их оттенках, самые приличные»[38].

Столь же внимательно относились к выбору обуви. Дома позволяли себе какие угодно фантазии, особенно в отделке туфель. Гуляли в ботах темных цветов преимущественно из лайки и шерсти, украшенных бантом и пряжкой. Бальные туфли были по традиции белыми или в тон платья (нежно-розовыми, голубыми, лиловыми, зелеными и т. д.). Если девушкам надлежало выглядеть похвально скромными, то дамы в возрасте шалили и без стеснения украшали бальные туфли игривыми блондами или розетками из лент.

Не менее жестким правилам подчинялись чулки: «На бал надевают обыкновенно шелковые или нитяные a jour. В городе, то есть для ходьбы пешком в грязную и сырую погоду, современная мода дозволяет носить шерстяные чулки – ярких цветов, полосатые, клетчатые, и т. д.»[39], – сообщал журнал моды.

Утренние лучи интеллектуальной техногенной эры, забрезжившие в 1860-е годы, проникли и в область производства дамских зонтов. Придумали удобные складные образцы с ручками из бамбука или резного дерева, которые иногда украшали золотыми набалдашниками и кольцами-крепежами. Для загородных прогулок и дач предлагали зонтики попроще – прямые фуляровые сурового цвета.

Сладкие и свежие цветочные ароматы завершали сложный процесс модного перевоплощения дамы в экзотический шелковый цветок с упругим бутоном на стальном кринолине. Пахли фиалками и розами, лилиями и жасмином, пахли «Морским бризом» и «Свежим дыханием мая» (этот парфюм выпускала французская фабрика Edouard Pinaud). Столичные красавицы обожали «Цветы Франции», посвященные императрице Марии Александровне.

Богатая провинциалка в бархатном визитном платье, украшенном кружевными «эполетами», и с большой геммой в золотой оправе.
Неизвестное ателье, Россия. Конец 1860-х гг.
Архив О.А. Хорошиловой

38 Модный магазин, 1862, № 5. – С. 116.
39 Там же.

Император Наполеон III
в цивильной сюртучной паре. На жилете видна золотая цепочка часов.
Ателье «Disderi», Париж. Около 1859 г.
Архив О.А.Хорошиловой

Стр. 263

Принц Уэльский Эдвард,
будущий король Англии, бонвиван и щеголь. Запечатлен в парадной сюртучной тройке с белым пикейным жилетом и шелковым галстуком-пластроном.
Ателье «Levitsky», Париж. Конец 1860-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Мужской костюм

В России были модны мундиры. В России было модно служить и носить темно-зеленые военные полукафтаны с лацканами, черные чиновничьи сюртуки с аппетитными жирными слоеными погонами. Идеальный крой и безупречная посадка партикулярного платья привлекали женщин куда меньше пустячно искристых орденов и развалистых косоватых генеральских мундиров. Но цивильные костюмы все же носили – аккуратно и по-щегольски – беспечные художники, музыканты, композиторы, столичные купцы, а также счастливые безработные аристократы, потомственные владельцы тысяч душ.

Русская мода тогда еще не была англоманкой. Жесткой осанке и легкой лондонской спеси мужчины предпочитали буржуазное удобство, мягкость и картинную непринужденность – все то, что гарантировал французский крой их костюмов. Он был особенно популярен среди творческой интеллигенции. Его, к примеру, любил Петр Ильич Чайковский, один из признанных «элегантенов» 2-й половины XIX века (подробнее о П. И. Чайковском и моде смотрите приложение № 4).

Русской мужской модой тоже правили иностранцы. В Петербурге часто обсуждали «штуки», которые выкидывал эксцентричный император Наполеон III. С ним Россия вынужденно сдружилась после Крымской войны, но уже в 1863 году рассорилась из-за польского вопроса. Многие русские модники в столице и провинции копировали его усы-ниточки и бородку-«мушку», которые монарх-выскочка в свою очередь позаимствовал у Людовика XIII Бурбона. Наполеон любил комфорт и потому носил удобные просторные брюки-шаровары, заметно расширявшиеся у колена и сужавшиеся к низу. Именно такие заказывали себе русские последователи французского стиля. Свой маленький тугой живот император не пытался прятать под корсет. Наоборот, он хвастливо выставлял его. Тогда плотно утянутое в штучный жилет брюшко было главной гордостью

Мода на усы в стиле Наполеона III проникла и в русскую провинцию.
Неизвестное ателье, Пенза. Конец 1860-х – начало 1870-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Граф Дмитрий Карлович Нессельроде, сын министра иностранных дел, демонстрирует тонкие длинные усы в стиле Наполеона III.
Ателье «Heinrich Graf», Берлин. 2-я пол. 1860-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

мужчин-горожан. Узкие талии и развитые, усиленные эполетами, плечи, мундиры и мраморные подделки под античность погрузились в пучину волн, омывавших Святую Елену. Восстановленный Бурбон, король-«груша», принцы Орлеанские, Бонапарт – все до одного были буржуа. Вместо двухуголок и шпаг носили цилиндры и зонты-трости. И с важностью расстегивали свои штатские сюртуки, чтобы художники и светописцы запечатлели тугие августейшие животы с мерцающими волнами золотых цепочек.

Полной противоположностью Наполеону III был принц Уэльский Эдвард, будущий английский король. Подтянутый, хотя и полноватый, щеголь с идеальным глянцевитым пробором и легким презрением, сквозящим во взгляде, осанке, во всех его продуманных грациозных движениях. Мать, сумрачная королева Виктория, обращалась к нему протокольно – «наш сын», а бесчисленные куртизанки Лондона и дмимонденки Ниццы звали его запросто – Берти.

Берти был заядлым охотником, гениальным волокитой и главным британским модником. Безупречные костюмы принца блестяще рекламировали английскую школу кроя. Клетчатые жилеты и брюки быстро скопировали петербургские портные, дав им громкое и ходкое название «принц Альберт». Его бутоньерки, галстуки и аккуратную бородку, венчиком окружавшую пухлое лицо, перенимали ранние русские англоманы. Петербургские дамы, вдохновленные внешностью Берти, назвали в его честь клетчатую ткань, из которой шили прогулочные платья.

Император Франц-Иосиф I в парадном мундире.
Справа от воротника виден русский орден Св. Георгия IV степени, полученный от императора Николая I за усмирение венгерского восстания 1848–1849 гг.
Журнальная фототипия 1890-х гг. *Архив О.А. Хорошиловой*

Император Франц-Иосиф к моде относился сдержанно и стильным шерстяным тройкам предпочитал удобную, элегантную и аскетичную форму австрийской армии. Однако и он мягко влиял на облик и костюм европейских мужчин. Благодаря ему в моду вошли и прочно в ней укрепились бакенбарды – два аккуратных пушистых шарика. Такие носил и царь Александр II, через которого бакенбардомания широко распространилась по России. Франц-Иосиф, любивший пострелять куропаток и картинно убить благородного оленя, часто носил охотничью суконную куртку с широкими зелеными лацканами и хлястиком на спинке, кникербокеры и тирольскую шляпу с фазаньим пером. Этот стиль быстро переняли в Европе и России.

Вслед за Францем-Иосифом I бакенбарды послушно отрастили солидные господа империи Габсбургов.
Ателье «J. Muller», Прага. Конец 1860-х гг.
Архив О.А. Хорошиловой

Иоганн Штраус-младший. В ту эпоху более модного композитора в России не было. Гибкий, стройный, фантастически подвижный, пылкий в музыке и любви. Он сводил с ума. Его обожали столичные дамы и девицы, рукоплескавшие каждому венскому аккорду, брызжущему со сцены Павловского вокзала. Они маниакально охотились за его кофейно-желтыми фотографическими портретами, которые особенно удавались художнику Людвигу Бутримовичу и потому стоили дороже прочих. Светские хроникеры отмечали: «В Павловске начал уже свою музыкально-ловеласовскую деятельность

Благодаря императору Александру II бакенбардами обзавелись многие русские мужчины, в том числе и представители творческой интеллигенции. Среди писателей самые пушистые и аккуратные бакенбарды носил Иван Александрович Гончаров.
Ателье «Лоренкович», Санкт-Петербург. 1860-е гг. *Архив О.А. Хорошиловой*

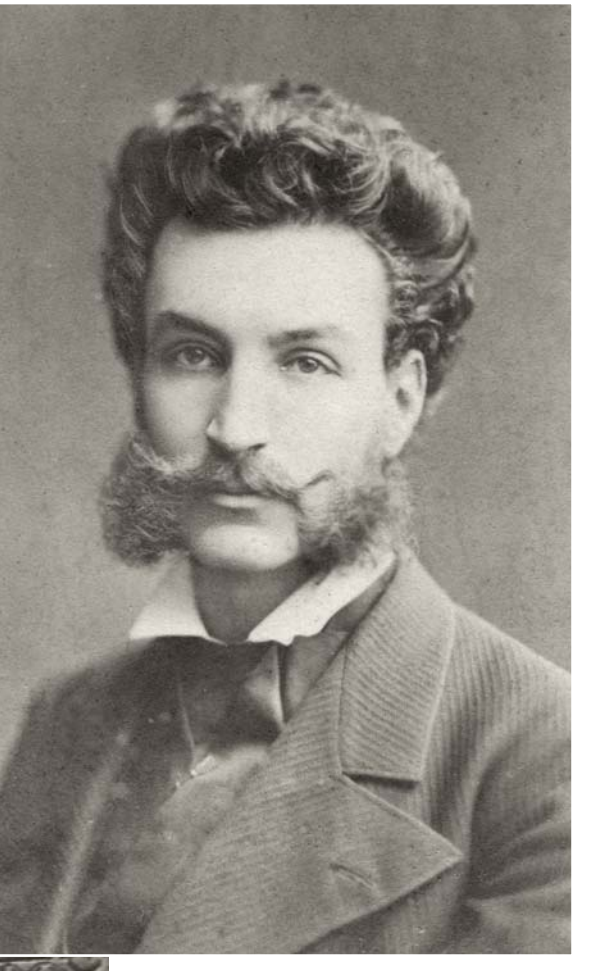
В старости Иван Александрович Гончаров продолжал носить «александровские» бакенбарды.
Ателье «Везенберг и К°», Санкт-Петербург. 1880-е гг. *Архив О.А. Хорошиловой*

Страус – кумир и восторг павловских престарелых дам и девственниц, которые с утра до ночи наполняют там фотографию г. Бутримовича, где выставлены для услаждения чувств и портреты и карточки знаменитого Иоганна Страуса».

Комментируя популярность композитора, журналисты стремились охладить пыл барышень, указывая: «Шраус по-прежнему производит фурор, но, увы, он женат! Туземкам остается только вдохновляться его магическим смычком».

Столичные модники копировали маэстро – взбивали шевелюры «а-ля Штраус», отращивали бакенбарды и подкручивали пышные усы, как это делал гениальный австриец. Дирижеры перенимали его балетную пластику, легчайшие па и фуэте, венскую тональность облика. Но осталась неповторимой его дьявольская левитация, чудесное парение в черном вихре кашемировых фалд над восхищенными зрителями, золоченым оркестром, вокзалом, Павловском...

Композитор и дирижер Иоганн Штраус.
Неизвестное ателье. Начало 1870-х гг.
Архив О.А. Хорошиловой



«Штраусомания» быстро овладела русскими.
На фото – одна из ее жертв с пышно взбитой шевелюрой, усами и бакенбардами a'la Штраус.
Неизвестное ателье, Россия (?).
Конец 1860-х – начало 1870-х гг.
Архив О.А. Хорошиловой

Известный французский композитор Гектор Берлиоз, запечатленный во время гастролей в Санкт-Петербурге. На лацкане видны фрачные варианты его многочисленных наград.

Ателье «Левицкий», Санкт-Петербург. 1867-1868 г.
Архив О.А.Хорошиловой

Не таков был сдержанный и суховатый Гектор Берлиоз, еще один модный в России композитор. Холодный, романтично отстраненный, с копной пышных серебристых волос и островатыми чертами женоподобного лица. Его портрет, сделанный в студии Сергея Левицкого во время визита в Петербург, украшал кабинеты столичных ценителей позднего французского романтизма. Говорят, Антон Рубинштейн, в то время уже известный пианист и композитор, отпустил длинные волосы в подражание Берлиозу, хотя, возможно, и Листу.

Мужская мода бессовестно увлекалась войной. Шумный Гарибальди и его дерзкая «тысяча» перекроили гардероб русских светских львов. Рукава вестонов, визиток и блуз стали шире, красный (цвет рубашек итальянского партизана) начали носить повсеместно – и в Петербурге, и в далеком Симбирске. Сольферино и маджента были прекрасной альтернативой истово кумачовому, а шапочки-гарибальдийки – утлым цилиндрам.

Мужчины обожали национальный стиль. Патриоты-славянофилы отращивали длинные бороды, превращаясь в достойных потомков баснословных изяславов и муромцев. Носили блузы-косоворотки, широкие шаровары, аккуратно заправленные в дорогие сапоги с развалом. Так выглядел, к примеру, Павел Якушкин, записной славянофил: «Черноволосый, очень рябой, с мужицким лицом, в поношенной поддевке и высоких сапогах, бараньей шапке и в накинутом на плечи мужицком кафтане из грубого коричневого сукна... Свою мужицкую “сбрую” он никогда и нигде не снимал. Поддевку и шаровары (часто плисовые) носил неряшливо, больше при красной рубахе, и вообще отличался большим неряшеством и нечистоплотностью. Свои статьи он носил в кармане шаровар, в виде замусоленных кусочков бумаги. Но на носу торчали очки»[40].

Длинные бороды, однако, не только символизировали любовь к отечеству, но также свободомыслие, вольнолюбие и высокий интеллект. Потому профессорско-преподавательский состав столичных университетов был поголовно бородат, как и упитанные члены русских революционных клубов благословенной Швейцарии и Англии.

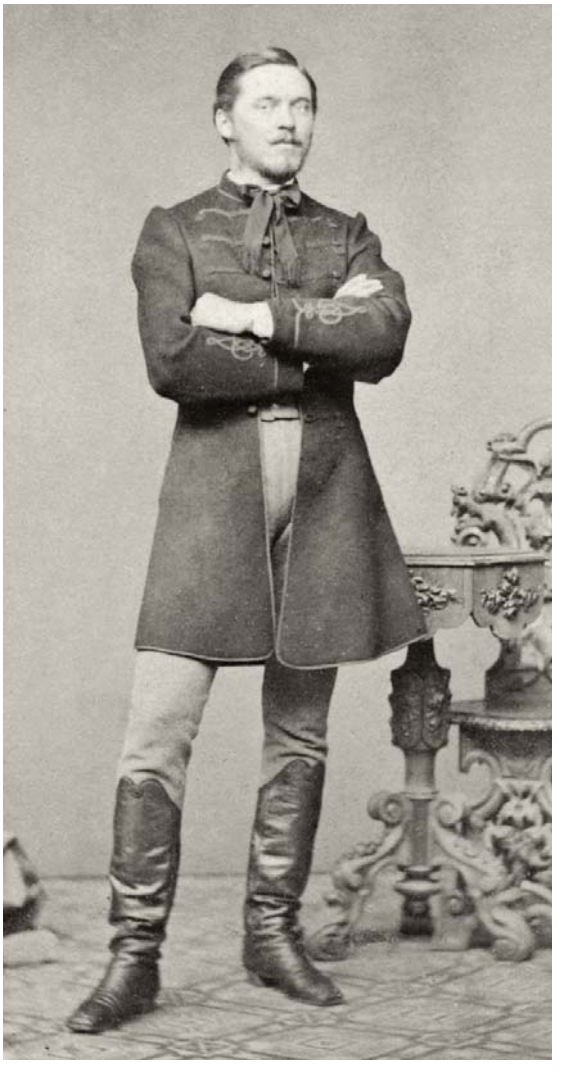
Балканы, о которых так грезилось царю и дипломатам, стали главной темой не только политических разговоров, но и русской мужской моды. Все чаще можно было встретить вислоусых господ, прогуливающихся в суконных или бархатных венгерках, рейтузах, расшитых гусарскими узлами, и ловких сапожках по ноге.

40 Боборыкин П. Д. За полвека. Воспоминания. – Классика Книга-Фонда. – С. 200: http://www.knigafund.ru/books/49423

Антон Григорьевич Рубинштейн. Автограф адресован пианистке и композитору Паулине Фихтнер-Эрдмансдерфер, супруге дирижера Макса Эрдмансдерфера. Над фотографией надпись рукой Рубинштейна: «O still mein Herz, sprich nicht so laut» («О мое сердце, не говори так громко»). Вероятно, строчка из его произведения. Ателье «J. Ganz», Брюссель. 1870-е гг.
Архив О.А. Хорошиловой

**Павел Иванович Якушкин
в своем знаменитом костюме
«под крестьянина».**
Неизвестное ателье, Санкт-Петербург. 1860-е гг.
Архив О.А. Хорошиловой

**Писатель
Михаил Васильевич Авдеев,
один из любителей русского стиля.**
Ателье «G. Mahn», Западная Европа. 1860-е гг.
Архив О.А. Хорошиловой



**Мужчина в модной венгерке
и гессенских сапожках.**
Неизвестное ателье, Россия. Конец 1860-х гг.
Архив О.А. Хорошиловой

Русский мыслитель и революционер Михаил Александрович Бакунин имел панславистскую внешность – длинные волосы и густую пушистую бороду. Политик позирует в конспиративном ателье при лондонском издательстве Николая Трюбнера.

Ателье «Trubner & C°», Лондон. 2-я пол. 1860-х гг.

Архив О.А. Хорошиловой

Господин в прогулочной венгерке, украшенной бранденбургами.

Ателье «Фотография М. А. Вяткина», Казань. Конец 1860-х гг.

Архив О.А. Хорошиловой

Господин в курительной шапочке с кистью, напоминающей турецкую феску.
Неизвестное ателье, Россия. Конец 1860-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Кавказские войны и Восточная кампания оставались актуальными в мужской моде. Щеголи, выезжая, скажем, на воды, покупали (или брали напрокат) черкески, наборные ремни и бешметы, чтобы сфотографироваться в них на память. Любители экзотики носили дома шелковые халаты, атласные шальвары и мурмолки, а также вышитые тапочки-мюли, привезенные с османских Балкан.

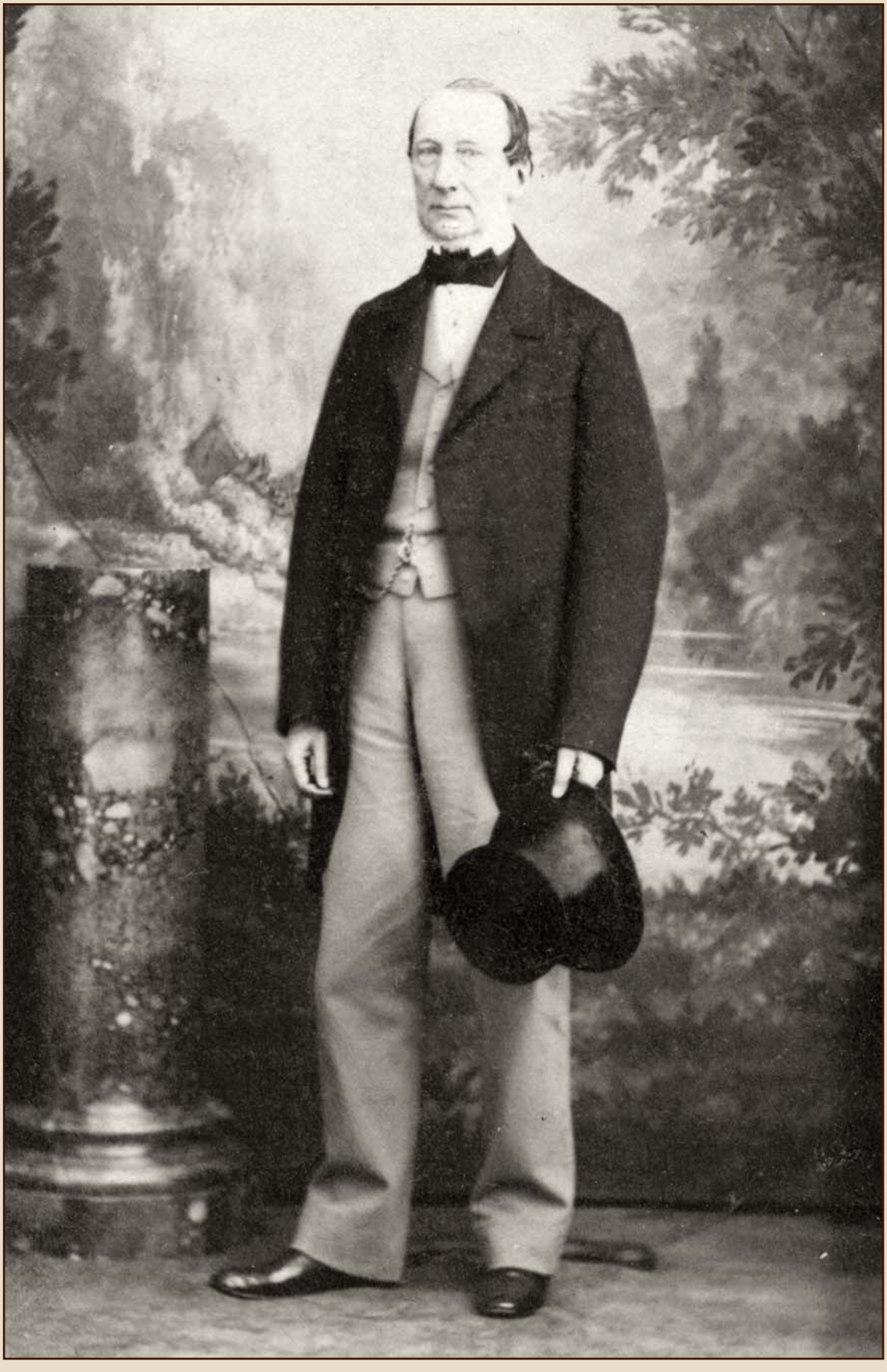
Те же, кто мнил себя западником (таких было немало в столице), одевались согласно предписаниям английских и французских журналов. Утром следовало носить короткую двубортную куртку с отворотами (иногда стеганными атласными) или визитку, английское название которой (morning coat) полностью соответствовало назначению. «Она кроится достаточно свободной, – сообщал мужской журнал моды, – с четырьмя пуговицами по борту, но застегнута только верхняя. Отворот не слишком широкий, воротник из атласа или бархата средней ширины. Карманные клапаны нашиты с боков – ниже линии талии»[41]. С визиткой носили жилет и брюки в тонкую полоску. Днем в городе мужчины дефилировали в сюртуках, шерстяных брюках и цилиндрах, а за городом – в вестонах с котелком или коротком пальто с низким цилиндром. Были весьма распространены и так называемые американские жакетки, нечто среднее между визиткой и пиджаком: «С мешком назади, спереди они застегнуты на одну только пуговицу, и очень широки в груди... Английские широкие панталоны, светлые, с американской жакеткой и белым жилетом составляют модный утренний костюм»[42]. На дневных церемониях, будь то свадьба или похороны, носили рединготы[43].

Утром и днем повязывали светло-серые или цветные фуляровые галстуки с непременным аксессуаром – «булавкой с сюжетом: бабочка, сапог, собака, птичьи когти и пр.».

На вечера, в театры, концерты, балы отправлялись в белых атласных галстуках, пикейных жилетах (черных – для вечеров и белых для балов), панталонах и фраке, петлицу которого обыкновенно украшали бутоньеркой или золотой цепочкой с «фрачниками» – миниатюрными копиями наград. София Мей отмечала: «На вечер одевают черный жилет и белый галстук. Для вечера также требуется белый фуляровый платок. На жилетах появляются металлические и даже розовые коралловые пуговицы. Одежды делаются шире и свободнее прежних, но рукава заметно суживаются»[44].

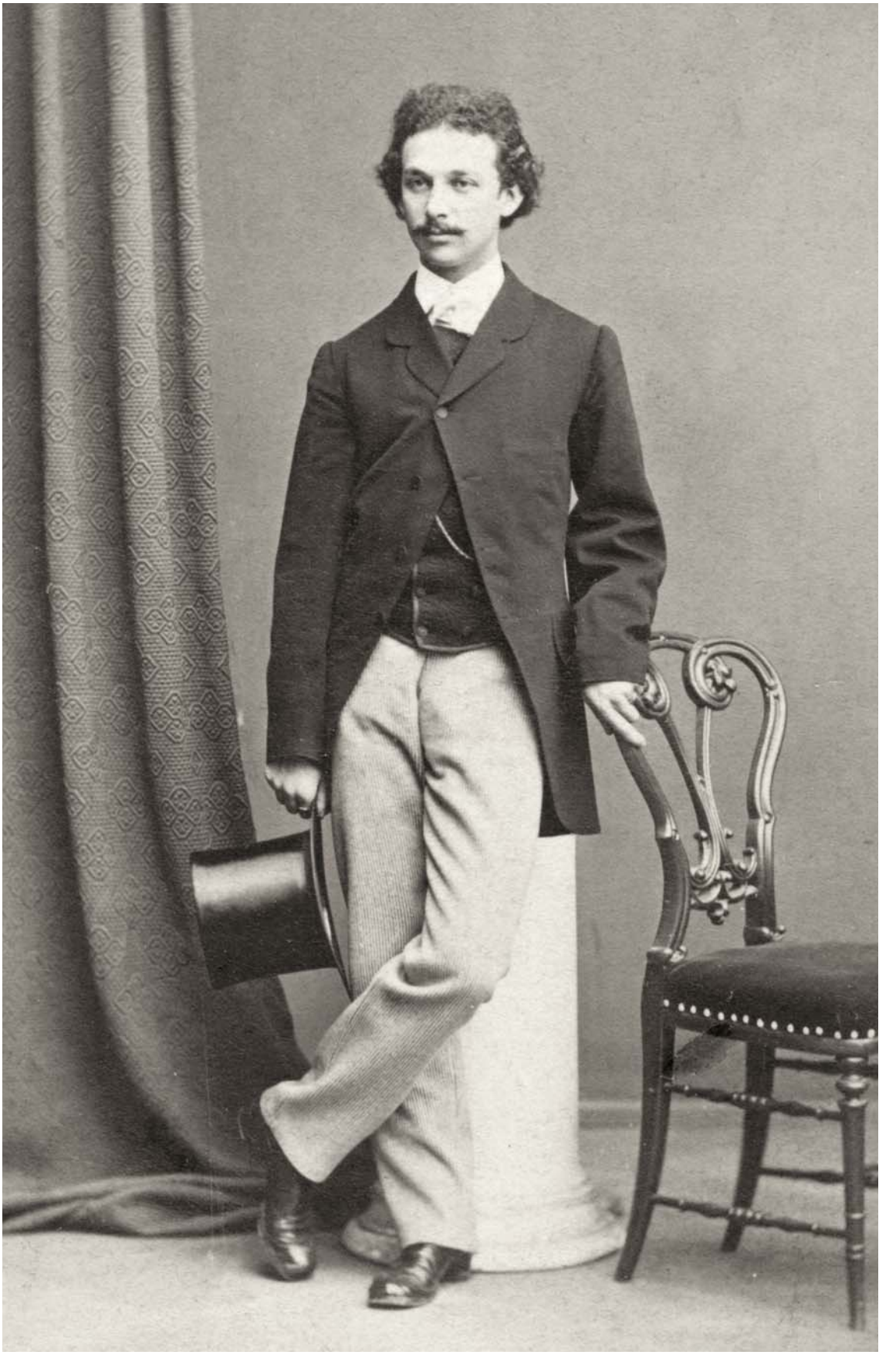
Верхняя одежда была разнообразной. Для дневных осенних прогулок – шерстяные однобортные рединготы с широкими отворотами, сюртуки, а также короткие однобортные пальто-сэки с пуговицами, спрятанными под планку, небольшим отложным воротником и боковыми карманами. В более холодное время – пальто-честерфильды, однобортные или двубортные, темных тонов. Зимой – пальто на меху, николаевские шинели. В России были очень популярны монументальные подбитые

41 Gazette of Fashion, 1868. – P. 72,73.
42 Модный магазин, 1863, № 13. – С. 161.
43 Модный магазин, 1865, № 22. – С. 346.
44 Модный магазин, 1864, № 1. – С. 14.



Барон Луи ван Геккерен, голландский дипломат, недруг Александра Пушкина, приемный отец Жоржа Дантеса. Позирует в прогулочном костюме – визитке, светлом шерстяном жилете и брюках.
Ателье «Louis Fragney», Париж. Начало 1860-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Граф Лев Львович Соллогуб, офицер гвардейской пехоты, генерал-майор.
Здесь уже в отставке. Запечатлен в дневной прогулочной визитной тройке.
Ателье «Wilth. Mayr», Кройцнах (Германия). 1864 г.
Архив О.А.Хорошиловой



Молодой франт в сюртучной тройке при цилиндре.
Неизвестное ателье,
Россия. 2-я пол. 1860-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Мужчина в прогулочном наряде позирует с сыновьями, один из которых, судя по куртке с синими петлицами, учится в гимназии.

Неизвестное ателье, Санкт-Петербург (?). 1860-е гг.

Архив О.А. Хорошиловой

Русский щеголь в шерстяной пиджачной паре, при котелке и тросточке.

Ателье «Mondel&Jacob», Висбаден. Конец 1860-х гг.

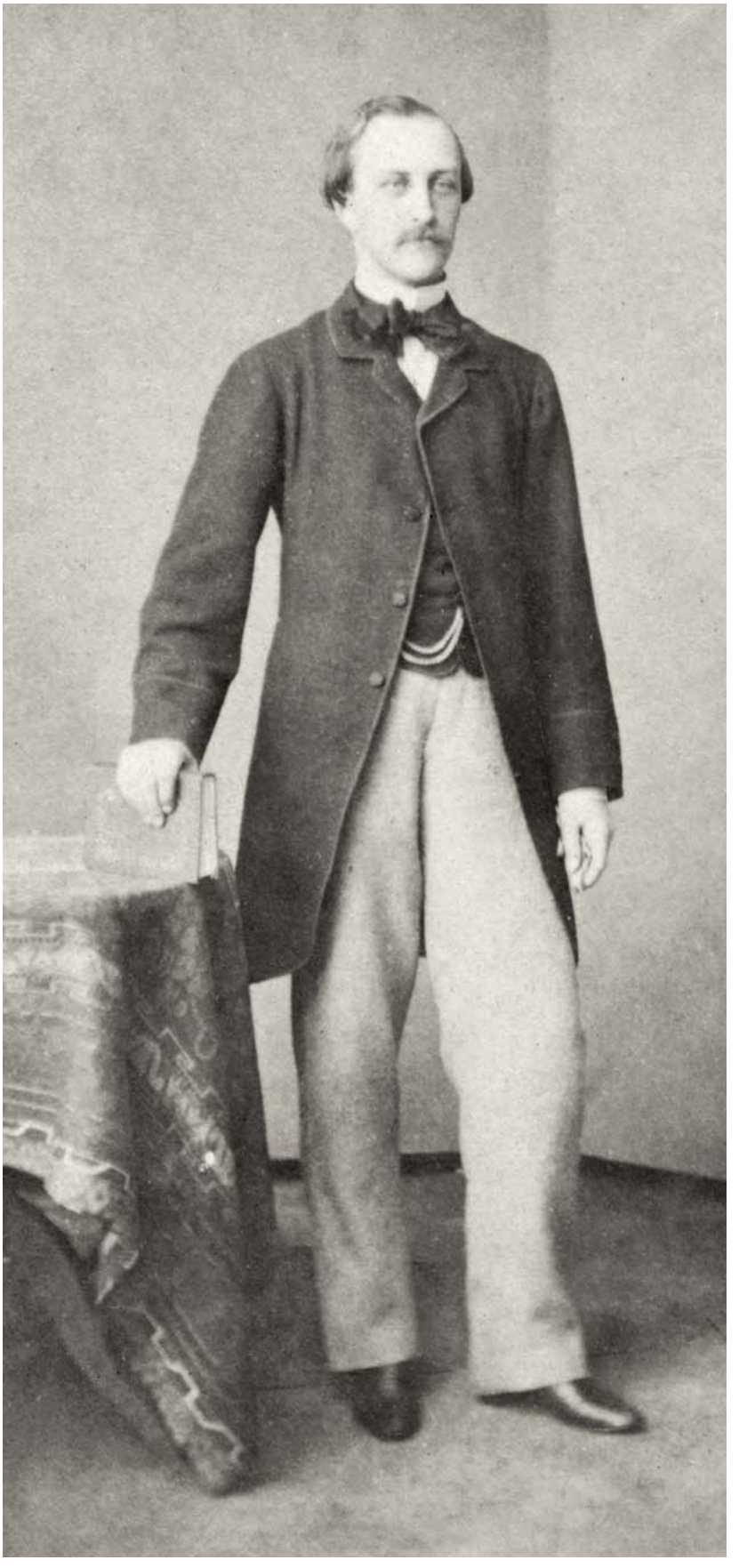
Архив О.А. Хорошиловой

Пожилой господин в прогулочной пиджачной тройке.

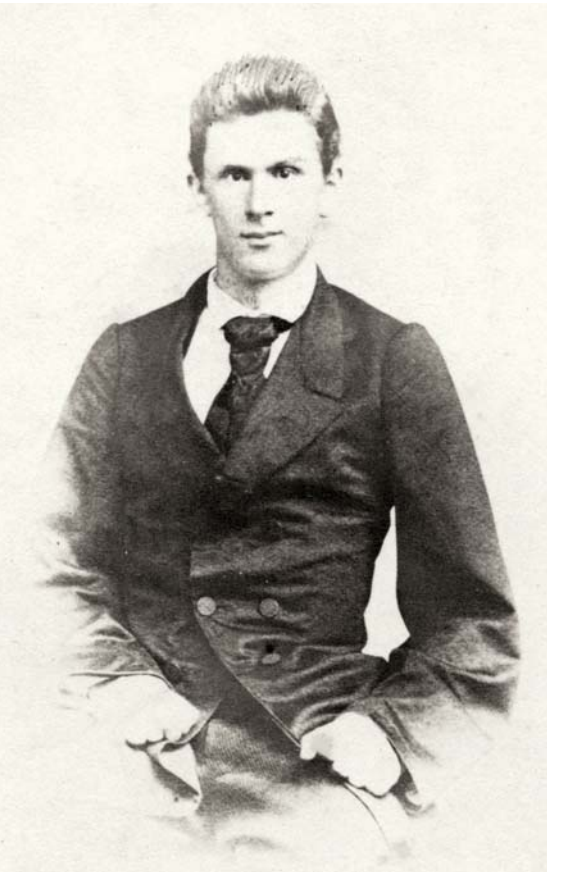
Ателье «Фотография художника Тулинова», Москва. 2-я пол. 1860-х гг.

Архив О.А. Хорошиловой

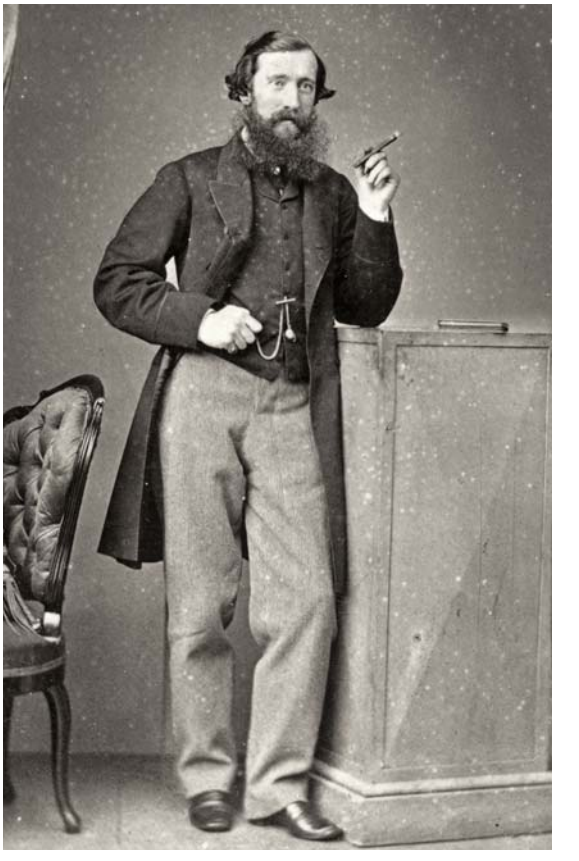
Знаменитый русский артист Иван Иванович Сосницкий, первый исполнитель роли Городничего в «Ревизоре».
Запечатлен в сюртучной тройке с пикейным жилетом.
Ателье «Bergamasco», Санкт-Петербург. 2-я пол. 1860-х гг.
Архив О.А. Хорошиловой



Князь Николай Васильевич Репнин, чиновник русского посольства в Париже, в сюртучной тройке.
Ателье «Photographie de Franck», Париж. Середина 1860-х гг.
Архив О.А. Хорошиловой



Небогатый горожанин в сюртучной двойке.
Неизвестное ателье, Россия. Конец 1860-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой



Иван Захарович Морозов, представитель известного купеческого рода, позирует в сюртучной тройке
В руке – гаванская сигара, с которыми очень любили фотографироваться мужчины той поры.
Ателье «Мебиус», Москва. 2-я пол. 1860-х гг. *Архив О.А.Хорошиловой*

жирным мехом шубы с тяжелым маслянистым воротом из медведя или волка. Такая была, к примеру, у Антона Рубинштейна, маститого пианиста, любившего театральные эффекты. Петр Боборыкин писал: «Рубинштейна я в первый раз увидал на эстраде, но издали, и вскоре в один светлый зимний день столкнулся с ним на Невском, когда он выходил из музыкального магазина, запахиваясь в шубу, в меховой шапке, какие тогда только что входили в великую моду»[45]. Огромную енотовую шубу носил поэт Алексей Апухтин, впрочем недолго – в январе 1866 года он подарил ее молодому композитору Петру Чайковскому. В подобных устрашающе монументальных шубах господа-славянофилы очень любили фотографироваться, насупив брови и строя в объектив грозную доисторическую мину.

Горожанин в сюртучной тройке, волосы слегка подвиты на концах, как делали некоторые фатоватые столичные купцы.
Ателье «Фотография Яшинского», Санкт-Петербург. 1-я пол. 1860-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

[45] Боборыкин П. Д. За полвека. Воспоминания. – Классика КнигаФонда. – С. 154: http://www.knigafund.ru/books/49423

Барон Александр Людвигович Штиглиц, известный российский промышленник и меценат. Запечатлен в прогулочном костюме, при цилиндре и трости. Волосы слегка зачесаны на виски в подражание Александру II.
Ателье «И. Александровский», Санкт-Петербург. Начало 1860-х гг.
Архив О.А. Хорошиловой

Бородач в сюртучной тройке.
Ателье «Шерер и Набгольц», Москва. 2-я пол. 1860-х гг.
Архив О.А. Хорошиловой

Русский поэт Яков Петрович Полонский в дневной сюртучной тройке.
Неизвестное ателье, Санкт-Петербург. 1860-е гг.
Архив О.А. Хорошиловой

Граф Григорий Александрович Строганов, обер-камергер, морганатический супруг Марии Николаевны, дочери Николая I. Позирует в сюртучной тройке, с папиросой в руке.
Ателье «Disderi», Париж. 1-я пол. 1860-х гг.
Архив О.А. Хорошиловой

Русский артист Алексей Михайлович Максимов запечатлен в сюртуке с шелковым галстуком-пластроном и золотой галстучной булавкой. Волосы красиво уложены и зачесаны на виски по моде тех лет.
Ателье «Bergamasco», Санкт-Петербург. Начало 1860-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Артист в пиджаке при галстуке с прической в стиле Александра II.
Ателье «Bergamasco», Санкт-Петербург. 2-я пол. 1860-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Неизвестный господин в сюртучной тройке. Волосы аккуратно зачесаны направо, на носу – золотые очки. Возможно, он подражает князю Александру Михайловичу Горчакову.
Ателье «L. Hoflinger», Дорпат. 1-я пол. 1860-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Носили и пальто на меху, стоившие весьма дорого. «Цена на эти пальто удивляет иностранца, – сетовал Теофиль Готье, – и наши модники отступились бы от такой покупки. Мало того что они сделаны из тонкого сукна на куньем или нутриевом меху, на них еще пришиты бобровые воротники стоимостью от двухсот до трехсот рублей в зависимости от того, насколько у них густой или мягкий мех, темного ли он цвета и насколько сохранил белые шерстинки, торчащие из него. Пальто стоимостью в тысячу не представляет собою чего-то из ряда вон выходящего, бывают и более дорогие. Это и есть незнакомая нам русская роскошь. В Санкт-Петербурге можно было бы придумать поговорку: “Скажи, в какой мех ты одет, и я скажу, чего ты стоишь”. Встречают по шубе»[46].

Этот же остроглазый французский писатель поделился с читателями и любопытными замечаниями о том, как именно в России носят шубы: «Накидывают, продев в рукав одну руку, и глубоко запахивают ее, кладя руку в кармашек, сделанный на передней части. Уметь носить шубу – целое искусство, этому сразу не научишься. Незаметным движением шуба вскидывается на спину, рука продевается в рукав, шуба запахивается вокруг тела, как детская пеленка. В течение некоторого времени мех сохраняет температуру прихожей, где шуба висит в доме, и полностью изолирует вас от внешнего холода. В шубе на улице вы остаетесь при той же температуре, что и дома»[47].

В Петербурге, на Невском проспекте, дефилировали утонченные знатоки париж-

46 Готье Т. Путешествие в Россию. – М.: Мысль, 1988. – С. 43-44.

47 Готье Т. Путешествие в Россию. – М.: Мысль, 1988. – С. 68.

Молодой человек, возможно славянофил.
Ателье «Шерер и Набгольц», Москва. 2-я пол. 1860-х гг.
Архив О.А. Хорошиловой

Господин в сюртучной тройке. Волосы аккуратно расчесаны и подвиты на концах.
Ателье «Фотография Р. Бейера»,
Санкт-Петербург. 2-я пол. 1860-х гг.
Архив О.А. Хорошиловой

Молодой человек в сюртуке. Волосы расчесаны на прямой пробор, что может говорить о его принадлежности к купеческому сословию.
Ателье «Английская фотография»,
Санкт-Петербург. 1-я пол. 1860-х гг.
Архив О.А. Хорошиловой

ского шика, щеголеватые молодые люди в костюмах с модной чудачинкой. В конце 1850-х их называли «гандэны» – от названия парижского бульвара Ганд (Gand), где любили гулять французские франты. В начале 1860-х годов в моду вошло другое слово – «кокодесы». Так сначала называли причудливой формы галстучные булавки с фигурками петушков, а затем и щеголей, их носивших. Петербургские кокодесы выглядели примерно так: «Они носят пиджаки, похожие на детские курточки. Эти пиджаки короткие до чрезвычайности и чуть-чуть не оканчиваются у талии; inexprimables (“невыразимые”, то есть короткие брюки, кюлоты. – *О. Х.*) – с огромными клетками. Жилет более менее одного цвета с пиджаком или пальто; галстуки или senateur по английскому образцу, соединяющие цвета, враждующие между собой, или фуляровые платки палевого цвета, испещренные мушками, красными, голубыми, лиловыми. Перчатки – cuisse de nymphe émue и soleil couchant[48]. Воротники рубашек прямые, только кончики загнуты, но очень, очень мало. Шляпа низка, очень низка и расширяется кверху. Снурки на pence-nez (пенсне) – целые, черные ленты. Еще немного, и мы вернемся к прежним incroyables[49]».

Впрочем, истых щеголей в то время было еще мало. Мужчины предпочитали строгий городской стиль, разбавляя его скучную гамму дозированным вкраплением экзотических ноток.

48 Cuisse de nymphe émue (с фр. – «бедро испуганной нимфы») – насыщенно-розовый цвет; soleil couchant (от фр. «заходящее солнце») – огненно-оранжевый оттенок.

49 Incroyables (от фр. «невероятные») – французские щеголи эпохи Термидорианского конвента и Директории, 1794–1799 гг.

Статский советник Петр Яковлевич Долинский в демократичной сюртучной тройке. На жилете – цепочка карманных часов.
Ателье «Художник Н. Досс», Санкт-Петербург. 1860-е гг.
Архив О.А. Хорошиловой

Господин в прогулочной пиджачной тройке.
Ателье «Шерер и Набгольц», Москва. 1-я пол. 1860-х гг.
Архив О.А. Хорошиловой

Пожилой человек в удобном шерстяном прогулочном пальто с отложным бархатным воротником.
В руках – мягкая фетровая шляпа.
Ателье «E. Neubauer», Ницца. 2-я пол. 1860-х гг.
Архив О.А. Хорошиловой

Господин в пальто на медвежьем меху и барашковом токе.
Ателье «Мебиус», Москва. Конец 1860-х гг.
Архив О.А. Хорошиловой

Купец Тимофей Саввич Морозов, отец мецената Саввы Морозова, демонстрирует роскошную медвежью шубу, предмет его гордости.
Ателье «Шерер и Набгольц», Москва. 1860-е г.
Архив О.А.Хорошиловой

Детский костюм

В то время детская мода часто становилась темой публикаций в прессе. Все как-то вдруг поняли, что милые пупсы тоже должны иметь права и свободы, свой собственный стиль и удобные, рациональные костюмы. Детям даровали привилегию оставаться детьми – хотя бы до 6–7 лет. А потом приходилось копировать стиль взрослых, их сложно сочиненные и кропотливо выполненные наряды.

Одежду для малышей обычно шили дома или заказывали мастерицам. Она была простой – платьица из белого хлопка и пике, украшенные кружевами, английской вышивкой или цветными тесемками по краю. Платья девочек 3–5 лет кроили с низким лифом (под ним – нансуковая манишка со складками), короткими буфчатыми рукавами и юбкой на кринолине и с фестончиками. Примерно до 4 лет мальчики тоже носили белые пикейные платья (и тоже на кринолинах) с черной прошивкой русским швом, а сверху – курточку. Зимой одевали детей в платья из поплина.

В 5–7 лет гардероб заметно взрослел. К белому цвету прибавлялись более темные оттенки – каштановый, шафрановый, голубовато-серый, а также яркие цвета модных новинок – гарибальдиек и африканских зуавов. Девочек часто можно было увидеть в платьях из гладкого фуляра цвета сольферино с черными бархатными болеро. К такому наряду полагалась шляпа из черной соломы с пером и лентой. Шотландский стиль считался вполне подходящим для маленьких модниц. На многих старинных русских фотографиях милые куклы, в завитушках и бантах, послушно позируют в клетчатых платьицах и кушачках из тартана, а некоторые еще и в гленгарри.

С пяти лет мальчиков одевали в курточки и панталоны-кникербокеры, в костюмчики, к примеру, такие: «Жакетка голубого поплина, вышитая черным шелковым шнурочком, греческим узором. Шемизетка, или рубашка, из серого фуляра, вышитая русским швом черным шелком. Шляпа принца Гальского – черная

Младенец во фланелевом платьице и чепчике.
Ателье «Rud. Buhlmann», Тун. 2-я пол. 1860-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Мальчик и девочка из семьи Рыковых с няней.
Неизвестное ателье, 2-я пол. 1860-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Стр. 284

Младенец в чепце, длинной рубашке и салопчике, украшенном вышивкой и фестонами.
Гравюра из журнала «Magasin des Demoiselles», Франция. 1860 г.
Архив О.А.Хорошиловой

Люба фон Шульман в платье из модной клетчатой шерсти.
Ателье «Charles Borchardt», Ревель.
Конец 1860-х – начало 1870-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Агроном Рейнгольд Штюрмер с дочерьми в шелковых дневных платьицах.
Неизвестное ателье. Конец 1860-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

бархатная с поднятыми полями и серым стоячим пером. Панталоны белые, ботинки серые; получулки клетчатые – голубые с белым»[50]. Верхней одеждой служили кители, пальто из бархата или шерсти. С ними носили фетровые или соломенные фуражки.

Родители под влиянием необоримого панславизма превращали сыновей в крестьянских отроков. Они шили им ситцевые, полотняные и шелковые рубашки-косоворотки в народном стиле – широкие, прямого кроя, с неизменными ластовицами и вышивкой. Они покупали им «мурмолки» и смешные кучерские шапочки, широченные шаровары и сапожки со многими складками. Они заставляли непослушных малышей надевать бархатные поддевки, отчего те становились похожи на карликовых ямщиков. Благостный любитель бутафорной национальной старины, композитор Юрий Николаевич Голицын, одевал так своего сына: «Мальчик лет семи-восьми, в голубой шелковой рубашечке, опоясанной серебряным кушачком, в черных бархатных русского покроя штанишках»[51].

Девочки носили платья-рубашки, весьма напоминавшие мальчишеские – широкие, подпоясанные, с вышивкой, панталоны, похожие на шаровары, и сапожки. К такому платью полагалось бархатное пардессю, отороченное мехом и отделанное бранденбургами наподобие польской витчуры.

К десяти годам девочки уже весьма напоминали своих мам. Однако платья еще не были

[50] Модный магазин, 1863, № 10. – С. 124.

[51] Морозов Н. Люди и нравы за полвека / Русская старина, 1913, Т. 154. – С. 438.

Очаровательный малыш во фланелевой клетчатой русской рубашке и шелковых шароварах.
Ателье «Е. Селецкая», Могилев-на-Днепре. Конец 1860-х гг. *Архив О.А. Хорошиловой*

Саша Соловьев в русской рубашечке и шароварах позирует со своей мамой Неониллой Петровной, урожденной Вишневской.
Ателье «Фотография художника А. Карелина», Нижний Новгород. 1867 г. *Архив О.А. Хорошиловой*

длинными – линия низа доходила до середины икры. Корсажи кроили полуоткрытыми с высокими шмизетками и широкими рукавами. Осенью и зимой носили пардессю, пальто, ротонды, пелерины и шубки.

На бал дети отправлялись в дорогих праздничных нарядах. Мальчики – в красивых бархатных костюмчиках, белых (иногда кружевных) воротниках с бантом, в шелковых чулках и ботах. Девочки присутствовали на балах в белых кисейных платьях с широким поясом «медичи» и розовыми атласными лентами, белых носочках и розовых тафтяных туфельках.

Все виды детской одежды можно было купить в Петербурге в салоне госпожи Ивановой (на улице Лиговка, в доме Раменского), в магазине мод Викторины Прео (Большая Конюшенная улица, дом Вебера), в «Депо дамских нарядов» у госпожи Петилья (рядом со Знаменской церковью).

Мальчики запечатлены в воскресных русских рубашках и широких бархатных шароварах.
Ателье «Фотография С. В. Рылова», Пермь. 2-я пол. 1860-х гг. *Архив О.А. Хорошиловой*

Родители позируют с четырьмя сыновьями, одетыми в шерстяные прогулочные костюмчики.
Ателье «Visit Portrait».
Конец 1860-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Маленький щеголь в синем шерстяном костюмчике «a'la matelot» и соломенной шляпе-канотье.
Ателье «J. Koester Jr.», Бад Ландек. Конец 1860-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Мальчик в форме гвардейского улана.
Ателье «К. Андерсон»,
Санкт-Петербург.
Конец 1860-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Мальчишки в овчинных бекешах в карпатском вкусе.
Ателье «М. Левитес», Тифлис.
2-я пол. 1860-х гг.
Коллекция В.В.Авдеева (Санкт-Петербург)

Анна Васильевна Журавлева в визитном платье, практически ничем не отличающемся от тех, которые носили дамы.
Ателье «Художник Н. Досс», Санкт-Петербург. 2-я пол. 1860-х гг.
Архив О.А. Хорошиловой

Мальчик в прогулочной куртке и светлых шароварах. В руке – модная шляпа-канотье.
Неизвестное ателье. Конец 1860-х гг.
Архив О.А. Хорошиловой

Оля Склифосовская, дочь известного хирурга, в красивом визитном платье, отделанном бархатными лентами и бантами.
Ателье «Napoleon Cui», Санкт-Петербург. Конец 1860-х гг.
Архив О.А. Хорошиловой

Девочка в эффектном испанском костюме – блузке с расшитым балеро и юбке, украшенной воланами. В волосах – роза.
Неизвестное ателье, Россия. 1860-е гг.
Архив О.А. Хорошиловой

Мальчик позирует в военном двубортном пальто с генеральскими галунными погонами. В руке – кепи с кокардой.
Мальчишки обожали наряжаться в военных, и родители часто им дарили точные копии обмундирования.
Неизвестное ателье, Санкт-Петербург. 2-я пол. 1860-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Дети в маскарадных нарядах по мотивам народных костюмов – пьемонтского (слева), сардинского (в центре) и бретонского.
Гравюра из журнала «Magasin des Demoiselles», Франция. Начало 1860-х гг.
Архив О.А. Хорошиловой

Костюмы для спорта

Профессиональный спорт только зарождался. И он пока не определял моду. В расписании длинного расхоложенного дня русских дворян были часы активного досуга, которые проводили вместе, всей семьей и непременно за городом. Самым любимым русским развлечением была верховая езда. В аристократических семействах ей обучали буквально с младенчества. И к 15–17 годам спесивые отпрыски уверенно держались в седле и легко правили скакунами благороднейших кровей. Мужской костюм для верховой езды был простым, удобным и скучноватым. Шевиотовые короткие вестоны, однобортные и двубортные охотничьи куртки и теплые рединготы, палевые лосины с сапогами-«суваров», а также шляпы и фуражки разнообразных фасонов. Предпочитали ткани камуфлирующих оттенков, но не отказывались от традиционно охотничьего – красного.

Дамы носили амазонки: «С короткими фраками... темно-зеленого сукна; гладкий корсаж застегнут спереди на продолговатые зеленые пуговицы; баски четырехугольные, отвернуты a'la mousquetaire»[52]. В конце десятилетия вошли в моду амазонки с лифами-пеплум и поясками. Их шили из сукна альпака, японского фуляра. Оттенков было великое множество. Обозреватель моды отмечал: «Цвет изменяется, смотря по вкусу и щегольству особы, которой он назначается. Мы видели несколько цветных амазонок: небесно-голубую амазонку с шапочкой-жокеем, украшенной голубым вуалем; белую амазонку, отделанную черным бархатным руло; к ней серая касторовая мужская шляпа»[53].

Но все же большинство предпочитало традиционные для амазонок цвета – черный, маренго, темно-синий и весьма модный «больной Бисмарк».

С амазонками надевали высокие цилиндры и фетровые шляпы с пером. Обязательным дополнением была полупрозрачная газовая вуаль. Сапожки предпочитали невысокие кожаные гессенского типа – то есть с мысиками и кисточками, как у гусар, перчатки из оленьей кожи. В руках модница держала стек или хлыст «буйволовый, с золотым набалдашником».

Зимой, когда выбор активных видов досуга ограничен, предпочитали весело рассекать серебристый лед на стальных коньках. Скейтинринки превращались в освещенное десятками факелов дефиле, по которому в одиночестве и шумными стайками звенели главные тенденции зимнего сезона. Здесь можно было увидеть несколько рдеющих бархатных венгерских шубок, расшитых жирными шнурами и подбитых астраханкой или куницей. С визгом проносились две-три белых пардессю, скроенных на французский манер, но отороченных по-русски – мехом. А современник успевал заметить короткие юбки и, «само собой разумеется, восхитительные ножки».

Русский стиль и русские меха на катке доминировали – иначе и быть не могло при тех баснословных имперских морозах. К примеру, вошли в моду забавные аксессуары – русские рукавицы. «Модный магазин» отмечал: «Муфта на катке совершенно бесполезна и при падении составляет большое неудобство. Рукавицы делаются из сукна или замши на фланелевой или плюшевой подкладке; они снаружи украшены вензелем, вышитым шелками или золотом; украшение можно не делать вовсе или упростить по собственному вкусу. Рукавица надевается сверх перчатки»[54].

Мужчины являлись на скейтинринки в суконных или овчинных полушубках, отороченных мехом, теплых шароварах, меховых шапках или аккуратных токах. В середине 1860-х годов в Петербурге англичане ввели в моду катание с факелами в руках. И господа надели поверх шапок фонарики на тесьме, которыми освещали ледяной путь хохотушкам-спутницам.

Весной и летом без спортивных костюмов не могли представить загородной жизни.

---

52 Моды / Модный магазин, 1864, № 20. – С. 315.

53 Моды / Модный магазин, 1867, № 15. – С. 240.

54 Объяснение политипажей / Модный магазин, 1867, № 1. – С. 10.

Самыми распространенными были морские комплекты – для прогулок, отдыха на побережье и принятия легких солнечных ванн. Господа надевали просторные рубахи наподобие матросских голландок, темно-синие брюки с широким поясом, невысокие легкие боты и соломенную шляпу. И в таком наряде обычно катали дам на лодках. Похожие костюмчики носили мальчишки. Им придумали матросские соломенные шляпы с черными гладкими лентами с вышитыми надписями французских кораблей: «Vengeur» («Мститель»), «Tapageur» («Крикливый»). Девочки и девушки также любили морской стиль – они предпочитали хлопковые платья-матроски с широким воротником с одной или двумя полосками. От солнца защищала шляпа: «С высокой прямой тульей; ее делают из бельгийской соломы, украшают спереди пучком страусовых перьев двух теней; вокруг тульи кладут белый или черный тюлевый шарф, который падает назад длинными концами, обшитыми одинаковыми кружевами»[55].

Помимо пляжа и лодок дамы любили бадминтон. Тогда специального костюма для этого вида спорта еще не придумали – он появится гораздо позже, в 1890-е годы. Носили бретонские костюмы, подробные описания которых часто печатали в журналах моды: «Нижняя юбка из серой материи обшита двумя черными биэ с белой бретонской вышивкой и красной высеченной полоской по краям. Верхняя юбка тоже серая... Перед и спина лифа из красной материи, бока серые. Узкие рукава обшиты внизу и сбоку до середины локтя красной обшивкой; верх рукава украшен браслеткой из черного биэ с бретонской вышивкой и красных оборочек. Белая соломенная шляпка с венком полевых цветов. Коричневые ботинки»[56].

То, что произошло в 1860-е годы с дамскими купальными костюмами, можно смело назвать революцией. Только американские феминистки подняли голову и повысили голос, только предложили они Америке и Европе смешные бескорсетные платья с театральными шароварами, а в Петербурге уже рукоплескали первому женскому костюму для спортивного плавания. Его представила Нэнси Эдберг: «Она плавала перед многочисленной публикой, и в этом не было ничего “особенного”, так как на ней был “особенный” фланелевый костюм».

Дамский туалет для купания.
Гравюра. Журнал «La Vie parisienne», 1866 г.
Архив О.А.Хорошиловой

55 Моды / Модный магазин, 1862, № 9. – С. 216.
56 Описание политипажей / Модный магазин, 1867, № 13. – С. 211.

Господин в костюме для верховой езды – двубортном сюртуке, лосинах, высоких сапогах. В руках – цилиндр и стек.
Неизвестное ателье, 1860-е гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Дама в амазонке.
Ателье «В. Лапре»,
Санкт-Петербург. 2-я пол. 1860-х гг.
Коллекция А.А. Классена
(Санкт-Петербург)

Гораздо менее «особенными» были купальные наряды для любительниц водных процедур, но и они были весьма ярки и подчинялись колоритной моде на народный стиль: «Костюм адмирал состоит из широких панталон, вареза и русской рубашки из голубого кашемира с белыми отворотами, на которых вышиты барки с матросами. Для плавания костюм из красного кашемира; на блузе и панталонах вышиты черные якоря. Самый оригинальный и пользующийся большим успехом – китайский костюм. Он весь черный и вышит пестрыми китайскими фигурами»[57].

[57] Моды / Модный магазин, 1867, № 16. – С. 259.

5

Мода 1870-х годов

Иконы стиля
Политические события
Национальные мотивы
Культурные события
Женская мода. Турнюры, корсеты, «кирасы»
Цвета десятилетия
Платья, костюмы, верхняя одежда
Мужской костюм
Детский костюм
Костюмы для спорта
Портные, ателье, магазины

Принцесса Луиза (справа)
с сестрой принцессой Хеленой.
Неизвестное ателье, Великобритания. 1864 г.
http://royalisticism.blogspot.ru

Здравый смысл победил. Венчики, клетки, «малаховы курганы» – вся эта стальная имперская бутафория отправлена на склад цивилизации вслед за низвергнутым Наполеоном III. Наступило самое скучное время в истории костюма – время английского common sense, американской деловитости и карикатурной скаредности бережливых горожан.

Парижская мода все еще правила вкусами Европы и России, но она уже не подчинялась фатоватому и расточительному племяннику Бонапарта. Идеалом красоты стал толстобрюхий буржуа, в скучном сюртуке и маске добропорядочности, неплохо игравший роль католика и семьянина. Этот наглец и обманщик был любителем хорошего вина, биржи и кокоток. Он знал, что такое «дорого», и прилюдно смаковал это словечко, о котором в имперском Париже и слыхом не слыхивали. Он любил и другое, посложнее – «рационализм». Его буржуа перенял от английских негоциантов, полагавшихся единственно только на разум при покупке акций, выборе невесты и дня собственной кончины.

Разум и расчет погубили то, что создала фантазия портных в 1860-е годы. Кринолин признан нерациональным. Его сменил турнюр. Широкие юбки и длинные трены признаны неудобными. Их сократили до разумных размеров. Ленты, драпировки, фишю признаны излишними. От них отказались. Попытались даже избавить дам от корсетов, но возроптали сами дамы. И эта неожиданно смелая для городской моды идея была на время оставлена. Разнаряженные толстухи начала 1870-х годов в платьях со странно выпуклой задней частью к концу десятилетия обратились в стройных упругих «сирен», затянутых в шелковые «доспехи» благонравия. От романтики Второй империи осталось одно лишь воспоминание – длинный узкий трен бальных платьев, который дамы терпеливо влачили в наказание за свержение монаршей моды.

В 1870-е годы ничего не выдумывали, но многое изобретали. Дамам, к примеру, были предложены складные турнюры, новые типы прогулочных нарядов, костюмы для путешествий и верховой езды, скопированные с аналогичных мужских. Женщинам позволили удобно гулять, быстро ходить, успевать на службу. Нервный ритм деловой жизни звонко выщелкивали швейные машины, и портные им в такт укорачивали платья, костюмы. И стальной этот ритм выливался на улицы, расходился барабанной дробью тысяч тросточек и кованых каблучков.

Научившись шире шагать, дамы смело покинули удушливые пышно задрапированные парчово-золотные интерьеры Ханса Макарта. Искусственный рай второго рококо они пожертвовали ради острого дневного света и безжалостного мужского мира, которому следовало предъявить требования, от которого следовало добиться признания своих прав. Удобство и рациональность дамских костюмов подготовили новую социальную революцию – феминизм.

Принцесса Луиза (в центре) в подвенечном платье в окружении фрейлин.
Иллюстрация из английского журнала. 1871 г.
Архив О.А.Хорошиловой

Стр. 301

Принцесса Уэльская Александра в визитном платье, возможно, работы Ч. Ф. Ворта.
Ателье «Ch. Bergamasco», Санкт-Петербург.
Начало 1870-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Россия послушно следовала за Францией. Но Россия недолюбливала Наполеона III и мягко осуждала парижскую революцию. Здесь никто не запрещал роскошь и не кричал о дороговизне. Русская аристократия предпочитала сдержанную скромность и благородный расчет и внимательно читала правила экономичной моды, публикуемые в русских журналах. Природный климат заставлял рядиться в меха, а климат политический – в рубахи и сарафаны, дорого расшитые в стиле дешевого лубка. Здесь еще никто всерьез не задумывался о правах женщин, но дамы получали высшее образование и с гордостью носили на лифах серебряные знаки дипломированных докторов. Русская мода гораздо больше любила иностранцев, чем французская, и потому доморощенные аристократки и богачки ехали за новинками в Европу. Оттуда везли «простые на вид и некрикливые туалеты», стоившие, впрочем, весьма дорого. Люди, вынужденные экономить, носили готовое платье, популярность которого и в России росла день ото дня.

Иконы стиля

Их стало меньше. И они становились стройнее, скромнее. И никто не решался сравнивать их с сумасбродными фрейлинами императрицы Евгении. Новые иконы стиля были чересчур педантичны, сдержанны и зависимы от внешних, политических обстоятельств. Они осторожно и убедительно гримировались под горожанок, и лишь громкие события, будь то свадьбы или похороны, служили поводом для слишком красивых и дорогих нарядов. В России в начале 1870-х годов обсуждали венчальное платье принцессы Луизы, дочери королевы Виктории, первой красавицы Британии. Сшитое из ирландского поплина и отделанное драгоценным кружевом хонитон, оно стало объектом копирования, не всегда, впрочем, искусного.

Принцесса Александра, несмотря на драмы личной жизни, тяжелое заболевание, приведшее к глухоте, оставалась в центре внимания русского высшего света. Она, к примеру,

Актриса Паска в сценическом костюме.
Ателье «Ch. Bergamasco», Санкт-Петербург. 1870-е гг.
Коллекция А.А. Классена (Санкт-Петербург)

Итальянская певица Аделина Патти, любимица петербургского света.
Позирует в театральном немного вычурном платье.
Фототипия, 1870-е гг.
Архив О.А. Хорошиловой

ввела в моду костюм «glaneuse» из сурового батиста, состоявший из весьма короткой юбки с тюником и облегающего корсажа с басками и вырезом «по-крестьянски».

Сложная и большая семья Романовых продолжала влиять на уклад жизни и внешность соотечественников. В 1874 году много говорили и писали о бракосочетании великой княжны Марии Александровны и герцога Эдинбургского принца Альфреда, после чего в моду вошло пардессю «герцогиня Эдинбургская» – довольно длинное, похожее на пальто, с остроуглыми басками и меховой опушкой из русского медведя.

Великая княжна Мария Александровна.
Неизвестное ателье, Россия. 1-я пол. 1870-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Певица Прасковья Сергеевна Левицкая (в будущем – Гирс), дочь известного петербургского фотографа. Позирует в визитном платье с модным испанским крестом из каменного угля.
Ателье «Левицкий», Санкт-Петербург. 1871 г. *Архив О.А.Хорошиловой*

Европейские актрисы без устали радовали столичную публику частыми визитами. Итальянка Патти все еще была законодательницей кокетливой полусветской моды, но у нее появились красавицы конкурентки. Петербург рукоплескал актрисе Паска за убедительные роли субреток и дмимонденок, за игривые улыбки и шуточки. Когда в 1877 году она получила двухгодичный контракт от парижского театра «Жимназ» и спешила покинуть столицу, ее забросали лавровыми венками, на багряных лентах которых золотились мольбы: «Паска, возвращайся быстрее. Мы ждем тебя!». Но проводив одну диву, публика бросалась к миниатюрным стопам другой – актрисы Полины Левицкой-Гирс. Настоящее имя этой черноглазой красавицы, почти неаполитанки, было Прасковья. Ее отец, знаменитый фотограф, владелец модного ателье Сергей Левицкий, помог дочке попасть в высший свет, а вокальные способности открыли ей дорогу в лучшие театры России и мира. Певица окончательно покорила петербургскую публику в 1871 году в «Травиате», и с тех пор ее фамилия часто встречалась в светских новостях.

Юлия Обренович, княгиня Сербии, запечатлена в модном черном туалете с драматичной испанской шалью.
Ателье «Angerer», Вена. 1870 г.
Архив О.А. Хорошиловой

Политические события

В России осторожно любили Бисмарка. В России скрыто восхищались Бисмарком. В России даже носили «бисмарк» – плацевый землисто-серый с оливковым переливом цвет. И даже когда сине-стальные прусские мундиры и острые шлемы хлынули во Францию, окружили Седан и блеснули под Парижем, даже тогда в России все еще нашептывали заветное имя мрачного усастого полубога.

Франко-прусскую войну, развязанную Бисмарком, у нас обсуждали как светскую новость – с легкой отрешенностью вежливого интереса. В журналах тактично печатали объявления о сборе ветоши и корпии для французов, публиковали смекалистые выкройки рубах для раненых (они пригодились в Русско-турецкую кампанию). Писали и о том, как война повлияла на парижский стиль. Отмечали, к примеру, новую моду на черный, на оттенки огня и пепла: «Черные и серые туалеты преобладают в моде в настоящую минуту – мода всегда соображается с обстоятельствами, а так как половина Европы в трауре, то, разумеется, траурные и полутраурные одежды в большом употреблении... В названиях модных цветов отразилось грустное положение Франции: серый цвет называется у них gris d'exil (серый изгнания), фиолетовый – souvenir des absents (воспоминание о тех, кто далеко), коричневый – terre etranger (чужбина), а модный красный – rouge bataille (красный батальный)»[1].

Пока модные хроникеры купались в новых цветовых оттенках, во Франции вершилась драма. Одновременно с высотами и крепостями пали кринолиновые холмы, а с ними – мода имперского Парижа. Оставшимся в столице портным пришлось приноровиться к новому политическому ритму, выкраивать на лицах благостные улыбки и кланяться кособоким парвеню-республиканцам. Им пришлось экономить, считаться с конкурентами из США и Британии, прославлять турнюры и публично раскаиваться за ошибки старорежимного прошлого. Но каким оно было волшебным – это прошлое.

Парижские портные все же выпросили индульгенцию, придумав республиканскому обществу новый революционный стиль, который быстро проник в Россию. Зазвучали имена героев Большого террора – Марата, Робеспьера, Тируань де Мерикур. В честь Шарлотты Корде, фанатички, жестокой убийцы, назвали мещанские чепчики: «Они в страшной моде, – комментировал петербургский обозреватель. –

[1] Модный магазин, 1871, № 7. – С. 98.

Форма этих чепцов высокая; передняя часть образует сборки и опускается довольно низко; посредством складок составляется тулья, и затем чепец опускается назад широкими концами. Лента или бархат, вдвое сложенный, отделяет тулью от обшивки и завязывается сбоку, под бантом. Чепец Шарлотта Корде делают из кисеи с кружевной обшивкой или весь кружевной. Он очень хорош из черного тюля с розовыми розами»[2].

Увлечение Великой французской революцией возвратило из небытия высокие прически, шиньоны и платья полонез, в которых глупенькие маркизы 1789 года бежали из разъяренно лязгающей тесаками Франции.

Россия была далека от Седана, Парижа и 1789 года. Давно разочаровавшись в Наполеонах, она с безразличием сильной державы приняла низложение монарха и великодушно разрешила золотой молодежи тихо тешиться игрой в революционную моду, носить чепцы-корде, накидки-робеспьер и платья-полонез.

В то время как Бисмарк хладнокровно наблюдал крушение Второй империи, подслеповатый Горчаков созерцал побережье Черного моря. С молчаливого одобрения прусского канцлера он заставил Европу пересмотреть многие условия Парижского мирного договора. Россия смогла вернуть корабли в Черное море. И ей вновь захотелось вернуть щит на ворота Царьграда. «Турция – больной человек», – говорил некогда Николай I. Больной человек нуждался во внимании и лечении с применением силы. Ее обеспечил Александр II.

Русское общество и пресса в то время много рассуждали на тему Востока, освобождения балканского народа и покорения турок. Мода, весьма чуткая к политическим новостям, вступила в диспут, предложив публике сперва покорить османский стиль. Он оказался нежданно податлив. Как только обнародовали результаты лондонской встречи, маленькой дипломатической победы Горчакова, русские дамы примерили стальные пояса в османском вкусе. «Новейшие из них украшаются металлическими чешуйками или листиками, нашитыми на кожу, – сообщал журнал моды. – Чешуйки или листики делаются стальные, бронзовые, из окисленного серебра и т. д. Пряжка в том же роде украшена маленьким пистолетом, сбоку – кинжал в кожаных ножнах»[3].

Дети графа Сергея Дмитриевича Шереметева – Дмитрий, Павел и Борис. Позируют в кавказских бешметах, черкесках с газырями и папахах на фоне казака Агоева и его супруги. Ателье «Фотография Т. Лимберга», Санкт-Петербург. Середина 1870-х гг. *Архив О.А. Хорошиловой*

Мужчинам были предложены расшитые сутажом фески, украшенные бахромой, а также халаты в турецком стиле. Любитель Востока и Кавказа скульптор Евгений Лансере ходил этаким османским эфенди: «Неизменно и дома и в гостях он носил полувосточный костюм, род

2 Модный магазин, 1872, № 6. – С. 82.

3 Модный магазин, 1874, № 17. – С. 265.

Молодой человек в бешмете, черкеске и папахе.
Неизвестное ателье, Армавир. 2-я пол. 1870-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Очаровательный мальчик в бархатном костюме с элементами венгерского и османского стилей.
Ателье «И. Е. Кесслер», Омск. 2-я пол. 1870-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

застегивавшейся на боку поддевки серого цвета, бархатные шаровары и татарские сапоги»[4]. Вместе с турецким стал вновь популярен и кавказский стиль. Александр Бенуа набросал убедительный портрет русского щеголя 1874 года: «Я заприметил новое лицо – молодого человека с заостренной бородкой, одетого совсем не так, как другие, – в кафтан без пуговиц и в шаровары. На ногах у него были мягкие черкесские сапоги, а на голове странная кавказская шапочка. Уже одно это было поразительно, но еще поразительней было то, что являлся этот молодой человек всегда верхом на казацкой лошади»[5].

Чем ближе Россия была к войне с Османской империей, тем отчетливее становилось присутствие в моде восточного стиля. Во время сербо-турецкого конфликта, разожженного с подачи русского правительства и при участии русской армии, у нас стали популярны два оттенка синего: «сербинка» – в честь братского народа, и «черняев» – в честь русского генера-

[4] Бенуа А. Н. Мои воспоминания. – М.: Наука, 1990, I-III. С. 83.

[5] Там же. С. 205.

Генерал-майор Михаил Григорьевич Черняев, назначенный главнокомандующим сербской армией во время военного конфликта с Турцией в 1876 году. Позирует в форме сербского главнокомандующего. На шее – золотой крест ордена Такова, полученный летом 1876 года.
Неизвестное ателье. 1876 г.
Коллекция А.А. Классена (Санкт-Петербург)

Леонид Александрович Шепелев, сын полковника Александра Шепелева.
Запечатлен в костюме с элементами болгарского национального стиля.
Ателье «Р. Бейер», Санкт-Петербург. Конец 1870-х гг. *Архив О.А. Хорошиловой*

ла, командующего сербской армией. Русская пропаганда нарекла османов кровожадными поработителями славян, и портные поддержали ее, назвав ярко-алый оттенок пролитой балканской крови «султанским красным».

Этот небольшой, сумбурный конфликт был прологом к Русско-турецкой войне, начавшейся в апреле 1877 года. То, что творилось тогда в обществе, сложно описать. Чересчур громкий взрыв патриотических чувств от плохо скрываемой обиды за оставленный Крым, неуместный ура-патриотизм славянофилов, призывы освободить братьев-славян и воссоединиться с ними навеки. Вновь заблистал, заискрился в художественных метафорах пресловутый щит Царьграда.

Теперь каждая аристократка, институтка и прачка считала своим долгом щипать корпию и делать бинты. Открывались мастерские, где шили белье для раненых. Одна из них была организована в Александрийском дворце цесаревной Марией Федоровной. «Модный магазин» сообщал: «От десяти до часу в некоторых комнатах дворца собираются любительницы-

закройщицы и, стоя за большими столами, с большим рвением режут и рвут большие куски холста и миткаля; им помогают молодые девушки по установленному дежурству. Общим порядком заведует энергичная и деятельная графиня Александра Андреевна Толстая, которая записывает и отпускает неготовые вещи, а готовые принимаются графиней С. А. Перовской. Великая княгиня Цесаревна и великая княгиня Мария Александровна ежедневно посещают мастерскую, оживляя присутствующих и работая сами за машиной, которая свивает длинные бинты»[6].

Портные в тот период чувствовали себя почти генштабистами. Вчитываясь в сводки с театра военных действий, они склонялись над чертежами и водили, водили карандашами, планируя направление вышивки, блистательный охват талии и окружение горловины в полном соответствии со стратегическим планом разгрома турок. Они создали целую галерею модных новинок с громкими и всем известными именами – манто «Черняев», пальто «Эдинбург» и «Гурко». Самой популярной была, пожалуй, шубка «Скобелев», о которой писали: «Она из сукна вроде барашка цвета беж, с опушкой из балканской лисицы. Аграмантовые застежки цвета беж с примесью белокурого бисера замыкают одежду на груди».

Вместе с генералами и монархами в моду вошли безымянные образы славянского народа. Портные предлагали пальто и шубки «болгарка», «сербинка», «черногорка», а также блузы и костюмы с восточноевропейской вышивкой. Детишек одевали в костюмчики, почти дословно скопированные с народных балканских. Участники кампании, в основном из генералов и ловкачей-интендантов, покупали у болгар за бесценок занятные домотканые вещицы – для себя и многочисленной родни. В 1878 году, когда войска богатырски перемахнули через Балканы и вошли в Адрианополь, «адрианопольский красный» стал цветом русской победы.

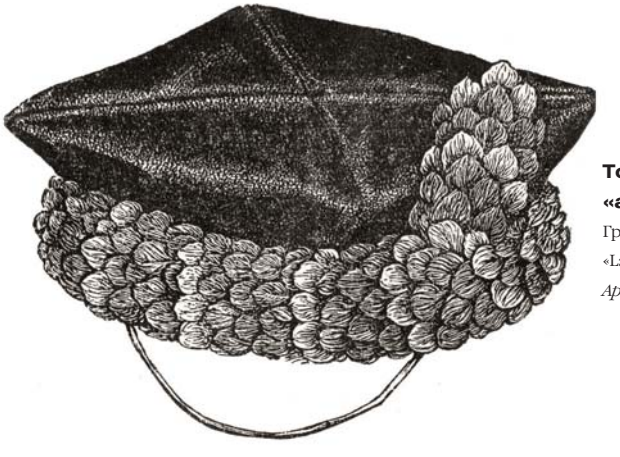
6 Модный магазин, 1877, № 13. – С. 156.

Национальные мотивы

Балканский и русский стили завоевали себе место в европейских библиотеках и гардеробах. В Париже быстро расходился фолиант Виктора Бутовского «История русского орнамента», изданный на деньги нашего правительства, желавшего таким образом пропагандировать отечественное декоративное искусство и вышивки. Во Франции заговорили о «мужицком стиле». Начали, к примеру, носить светлые соломенные шляпы, отделанные черной клеенкой, – их прозвали «a'la mujik». Русскими кожаными кушаками подпоясывали блузы и корсажи костюмов. В 1876 году парижские светские львицы надели «les touloupes», то есть «белые суконные шубки, подбитые белым бараньим мехом, которые надевают исключительно для езды в санях и в экипаже». Тогда же стали актуальны костюмы и пальто с «русским» запáхом – то есть бортом, круто заходящим по диагонали налево.

У нас и в Европе многие потеряли голову от русского кружева, которым отделывали не только белье и домашние костюмы, но и прогулочные туалеты. Творения вологодских мастериц пропагандировала Анна Григорьевна Надпорожская, в меру фанатичная поклонница всего исконно русского. Работы ее безымянных безропотных кружевниц участвовали во всемирных выставках, что позволило предприимчивой даме расширить производство и чуть позже организовать Общество белозерских кружевниц. Любительницей коклюшечных паутинок была София Мей, издательница «Модного магазина». В 1872 году она случайно купила у торговки в Царском Селе «за дешевую цену» ленты самодельного шитого кружева и обшила ими тюник прогулочного платья. Получилось недурно и патриотично. В нем она отправилась в Баден-Баден, где раздобревшая публика благостно оценила придумку, а продавцы модных новостей разнесли весть о ней по Европе. Так, по крайней мере, утверждала сама София Мей.

Лист из альбома Виктора Бутовского «История русского орнамента».
М., 1870 г.
Архив О.А.Хорошиловой



Ток для мальчика «a'la mujik».
Гравюра. Журнал «La Mode illustree», 1876 г.
Архив О.А.Хорошиловой

В начале 1870-х годов петербургские славянофилы часто наведывались в магазин народного платья, принадлежавший купцу 2-й гильдии Николаю Курицыну (улица Гороховая, 42). Здесь покупали камзолы, армяки, душегреи, ситцевые и шелковые рубахи, кокошники и сапожки. Словом, все для патриотического маскарада. Сюда, кстати, забегали и кормилицы – за сарафанами и повязками.

Стр. 308

Девушка в маскарадном костюме с популярными в тот период черногорскими нотками.
Ферротип, неизвестная мастерская. 2-я пол. 1870-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Платье с полонезом из шитого кружева.
Гравюра. Журнал «La Mode illustree», 1876 г.
Архив О.А.Хорошиловой

Стр. 311

Дама в так называемом русском платье.
Ателье «Балглей», Санкт-Петербург. Конец 1860-х – начало 1870-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

После окончания Русско-турецкой войны не было ни одной дамы, которая не примерила бы «русское» платье. Так назвали пестрый, псевдонародный костюм – блузу, юбку, сарафан или передник, сплошь затканные несложными узорами в украинском, балканском или русском стиле. Модный обозреватель отмечал: «Здесь (то есть в Павловске под Петербургом. – *О. Х.*) начинает преобладать русский наряд на молодых девушках среднего класса: рубашка тонкая, иногда даже кисейная, вышитая красным, передник такой же, юбка почти всегда темно-синяя с разноцветными галунами, много бус, коса свободно спускающаяся до талии, иногда повязка на голове или даже венок из цветов. Мило, приглядно, неприхотливо, но немного поражает среди европейских нарядов, так и кажется, что это ряженые! В более простом и неприхотливом Парголове этот наряд положительно преобладает между дачницами, и вы нередко можете встретить целые кавалькады амазонок с кокетливо-вышитыми и даже вырезанными и открытыми рубашками и густыми косами, переплетенными лентами»[7].

«Рядились» не только в столице и модных пригородах. «Рядились» в губерниях, особенно южнорусских. Отличились малороссы, которые во время всеобщего увлечения славянским стилем нашили цветастых народных костюмов и расхаживали в них по воскресным улицам, не забывая наведаться к фотографам.

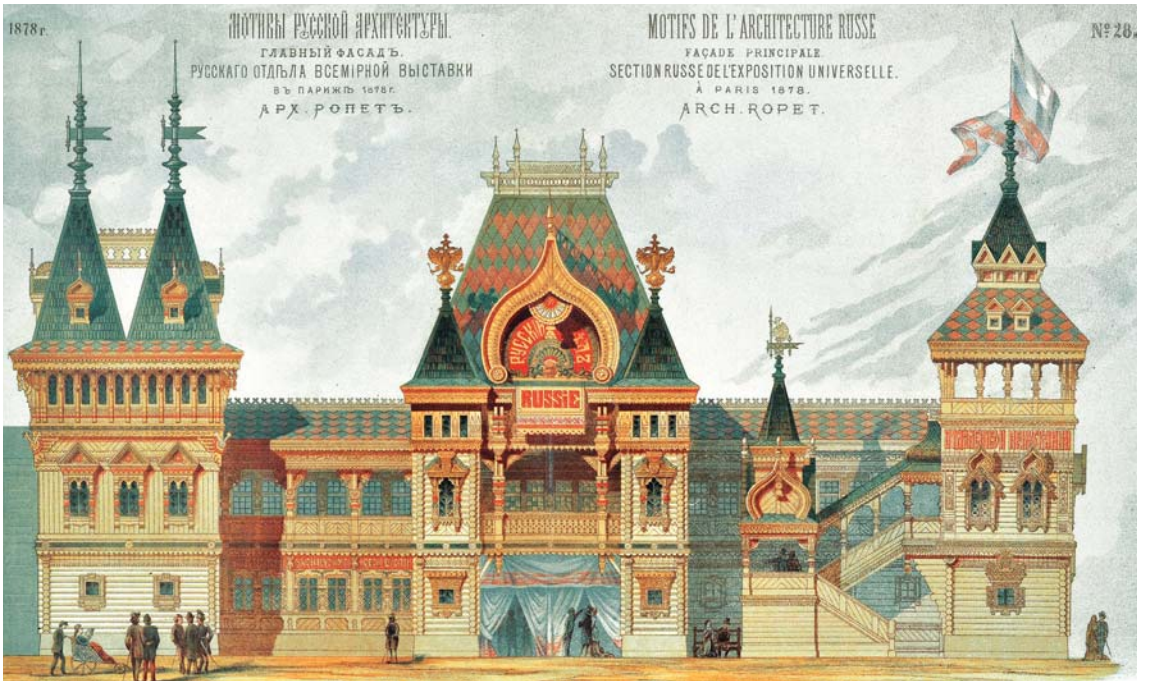
Русский стиль постепенно завоевывал Европу. На Всемирной выставке 1878 года был представлен необычайно пышный резной терем-теремок – национальный павильон, спроектированный Иваном Павловичем Ропетом (настоящее имя – Иван Николаевич Петров). А в нем – диковинки отечественного искусства и промысла. Жюри присудило золотую медаль художнику Николаю Авенировичу Мартынову «за рисунки с русских древностей» и высоко отметило кружева в древнерусском стиле, исполненные искусными мастерицами Московского общества кружевниц под председательством Екатерины Евграфовны Новосильцевой. Так сладчайший «неорюс» стал частью международного историзма.

В молодецкой свистопляске балканских стилей участвовала и Венгрия. Расшитые бранденбургами курточки и корсажи золотились теперь не только на балах, но и в театрах, на званых обедах и вечерах. Мужчины надели ловкие венгерки и кавалерийские «суженки», украшенные «гусарскими узлами» из сутажа. Излюбленной верхней одеждой дам стал долман, детальные описания которого пестрели в русских журналах моды: «Этот долман, подходящий к костюму, делается из сукна такого же цвета, вышивается черным суташем и застегивается спереди бранбенбургами. Он просто

[7] Модный магазин, 1878, № 13. – С. 206.

Красавица в малороссском костюме – блузе, бархатной «керсетке» и бусах. На голове – венок из шелковых цветов.
Ателье «В. Высоцкий», Киев.
Конец 1870-х – начало 1880-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

«Русские платья» оставались популярны и в дальнейшем. Столичная щеголиха позирует в одном из вариантов.
Ателье «Балглей»,
Санкт-Петербург. 1884 г.
Коллекция А.А.Классена (Санкт-Петербург)



Главный фасад русского павильона Всемирной выставки 1878 года, спроектированный архитектором Иваном Ропетом.
Раскрашенная гравюра.
http://woodtotalarch.com

накидывается на плечи, с висящими, длинными, прямыми рукавами. Этот confection, которому предсказывают большой успех, будут делать также из черного бархата с меховой опушкой»[8]. Прогноз сбылся. В 1877–1878 годах долманы накинули на плечи все без исключения модницы.

Мальчики, следуя примеру родителей, рядились в бархатные гусарские курточки. Девочкам сей вид одежды не был присвоен, и они утешались красными гессенскими сапожками с шелковыми кисточками.

Главным конкурентом османского и балканского стилей был «экоссе». Так манерно по-французски именовали шотландский романтизм. Его популярность в эпоху стального common sence легко объяснить. Салонным искусством правил историзм, а историей – черно-креповая вечно траурная королева Виктория, жительница Балморала, мшисто-серого игрушечного замка в призрачной Шотландии. Ее паучий силуэт тихо плавал по готической сетке окон, безразличный к свечному золоту и уютной шотландской клетке хорошо натопленных покоев. Башенки замка с флажками и одинокий донжон, так напоминавший вдову-регину, мелькали на страницах политических журналов и светских изданий. В Балморал наведывался франтоватый и дурашливый принц Альфред с молодой супругой, великой княжной Марией Александровной. Во время их свадьбы, в 1874 году, «экоссе» был официально представлен России. И если до этого громкого события из шотландки шили незатейливые прогулочные платья и домашние костюмы, то с 1874 года из благородных тартанов стали создавать визитные туалеты и наряды для праздничных обедов. Светский обозреватель отмечал: «Клетчатые материалы, как следовало ожидать, положительно овладели модой. Вы видите клетки всюду, начиная с перкали, оксфорда и батиста, до самых дорогих материй. В особенности хороши клетчатые фуляры во всех известных и неизвестных цветах. Для костюмов молодых девушек есть, например, голубой фуляр с тоненькими розовыми и белыми полосками, образующими клетку, белые и черные клетки, голубые с белым, лиловые с белым. Из них делают тюник и корсаж, а для юбки берут гладкий фуляр, из которого делаются всякого рода отделки»[9].

Вновь вспомнили Вальтера Скотта и окрестили именами его героев накидки и пальто. Одним из самых известных в России был ватерпруф «Айвенго» из непромокаемого драпа с пелериной, вышитой сутажом. Его накидывали, но могли и драпироваться в подражание шотландскому романисту.

Молодой человек в модной куртке-венгерке.
Неизвестное ателье, Россия. 2-я пол. 1870-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

8 Модный магазин, 1871. № 19. – С. 290, 291.

9 Модный магазин, 1875, № 19. – С. 159-160.

Королева Виктория в траурном наряде, который она надела после смерти супруга, принца Альберта. Его фотографию королева держит в руке.

Ателье «Ghemar Freres», Брюссель. 2-я пол. 1860-х гг.

Архив О.А. Хорошиловой

Мальчик в халатике из модной шотландки.

Неизвестное ателье, Казань (?), 1870-е гг.

Архив О.А. Хорошиловой

Мальчик в прогулочном костюме в шотландском вкусе.
Гравюра. Журнал «La Mode illustree», 1876 г.
Архив О.А. Хорошиловой

Девочка в шерстяном прогулочном платье в стиле «экоссе». На ногах – туфли с меховыми гетрами.
Ателье «В. Лапре», Царское Село. 1877 г.
Архив О.А. Хорошиловой

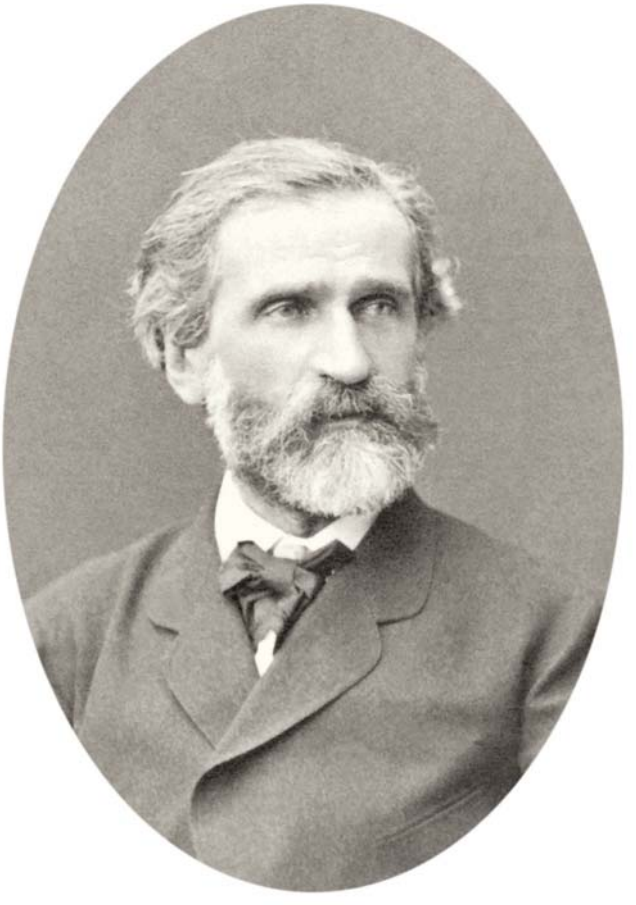
Пальто для девочки из тартана.
Гравюра. Журнал «La Mode illustree», 1876 г.
Архив О.А. Хорошиловой

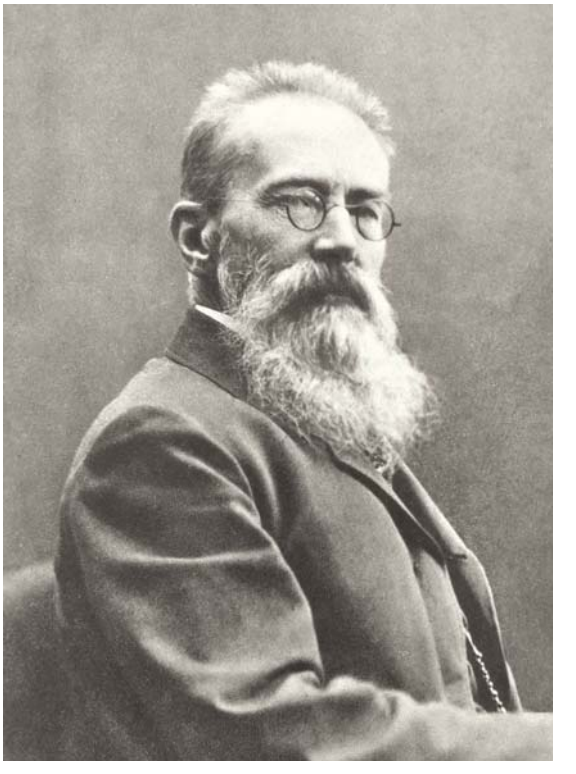
Шляпы в стиле «Ван Дик» и «Рубенс».
Гравюра. Журнал «La Mode illustree», 1876 г.
Архив О.А.Хорошиловой

Много знающий, но мало умеющий историзм выводил по копирке старинные виньетки барокко. Вандейкинг, которым Европа увлеклась в осьмнадцатом столетии, вернулся – с теми же приемчиками, фестончиками и великолепным позерством презрительных Стюартов. Картины фламандцев и англичан эпохи Карла I возбуждали фантазию портных. Шляпы «Ван Дик» и «Шарль Премьер» с бурными каскадами перьев и крупными стеклянными жемчужинами были бесподобны. Но и они не могли оспорить славу фетровой шляпы «Рубенс», переживавшей тогда свое второе после XVIII века рождение. «Ничто не может быть грациознее шляпы Рубенс, с широкими полями, поднятыми с одного бока, с фаевыми бие или бархатом, с большим страусовым пером!» – уверяли журналы мод.

Увлечение национальными мотивами не знало географических границ. Все еще носили испанские гребни-«жирафы» и кружевные мантильи. На Кубе тихо тлела гражданская война, и в модных новостях тихо скользнули платье «Гавана» и платье «Маис». Япония была на слуху. В 1873 году она впервые приняла участие во Всемирной выставке, вдохновив эстетов и обогатив негоциантов. А через год японские дипломаты вежливо кланялись русским, терпели их крепкие рукопожатия и панибратство ради выгодного договора: Сахалин – России, Курилы – Японии. И к этим 18 островам следовало прибавить русскую моду, попавшую под временное влияние страны сакур, шелков и фарфора. В конце 1870-х японские кимоно, предметы декоративно-прикладного искусства, веера уже не считались диковинками. Никого не удивляли и платья-пеньюары a'la Ниппон, которые наперебой предлагали столичные портные и рекламировали журналы мод: «Во время жаров щеголихи носят дома японский пеньюар с красным, черным, белым или зеленым фоном, вышитым золотом, перемешанным с роскошной флорой и фантастической орнитологией крайнего Востока»[10].

10 Модный магазин, 1877, № 13. – С.155.





Джузеппе Верди, чья опера «Аида» спровоцировала новую волну египтомании в Европе.
Ателье «F. Mulnier», Париж. 1870-е гг.
Архив О.А. Хорошиловой

Николай Андреевич Римский-Корсаков, автор «Псковитянки» и многих других прославленных опер.
Фототипия, 1890-е гг.
Архив О.А. Хорошиловой

Культурные события

В 1869 году открылся для судоходства Суэцкий канал. Джузеппе Верди предложили написать по этому случаю оперу. Он отказался. Второе письмо с нижайшей просьбой об опере застало его в Париже. То ли воздух столицы опьянил несговорчивого маэстро, то ли либретто было и впрямь хорошо, но композитор неожиданно быстро согласился. 24 декабря 1871 года в Каире впервые прозвучало его новое творение – опера «Аида», напомнившая миру о руинах пирамидальной цивилизации. Египтомания вновь овладела Европой. В первой половине 1870-х дамы выбирали для прогулочных и визитных платьев синий и зеленый «нильский», цвет той реки, где Радамес признавался эфиопской рабыне в мелодичной любви. Во время путешествий было принято накидывать на голову египетский капюшон из белого или цветного кашемира с отделкой из контрастного плиссе. Калазирис, схенти и короны фараонов стали все чаще встречаться на маскарадах.

Однако публика восхищалась не только европейскими операми. Стремительно росла и крепла русская музыкальная школа, пропагандировавшая национальный стиль. В 1873 году в Мариинском театре тепло встретили оперу «Псковитянка» Николая Римского-Корсакова. Портные не дремали. Тут же предложили одноименную шубку – из плотного сукна с «русским» запáхом и меховой оторочкой по рукавам и шалевому воротнику. Иногда ее подпоясывали шерстяным кушаком.

Художники также влияли на моду. Если верить журналистам, костюм «Маргарита» с популярными тогда подборами был придуман одной парижской портной, вдохновленной картиной сладчайшего романтика Ари Шеффера «Маргарита, покидающая церковь». Этот образ 1830-х годов был еще востребован. «Все в костюме прелестно, – поясняла София Мей. – Все так просто и изящно. Корсаж идет одинаково хорошо как высоким и тонким особам, так и к довольно полным. Покрой этот делается: для простых костюмов – из кашемира,

вигони, бежа, для нарядных – из фая и атласа, а также очень идет к венчальному туалету»[11].

Рациональность, удобство, быстрота передвижения – эти актуальные для 1870-х годов понятия обеспечили спорту первые строчки в новостях моды. Обсуждали регаты, королевскую охоту и конечно же скачки. Лоншан, облюбованный парижской аристократией и нуворишами еще при Наполеоне III, оставался популярным и в республиканское время. Предпочитали ставить на скакунов Люпена. Его жокеи отличались пунцовыми куртками, неизменно лидировавшими в безумной гонке оттенков. Победы в скачках принесли им славу. Парижанки, а за ними и русские щеголихи, заказывали нарядные платья с пунцовой отделкой оттенка «красный Люпен».

Главными движителями моды были всемирные выставки. Здесь узнали о Японии, матушке-Руси и британских новых технологиях. В 1876 году США впервые принимали у себя это международное событие. И тут же светские львицы изобрели американскую прическу – длинные завитые локоны на спине, остальные собраны на макушке в кичку. Платья заказывали из ткани «флорида» – с чередующимися матовыми и прозрачными полосками и цветочным узором «дамасэ». В 1877 году стало популярно «американское» платьице для детей – из белой тибетской шерсти со складками вдоль борта, широким отложным воротником и кушаком. Благодаря масштабной и зрелищной выставке 1878 года в Париже в моду вошел короткий костюм «l'Exposition» («Выставка»), состоявший из облегающего стан корсажа, недлинной юбки и тюника. Дамы легко и удобно перемещались в нем из павильона в павильон, гуляли по городу, паркам. Единственным украшением этого пуританско-спортивного костюма были разноцветные ленты на лифе и рукавах.

Новинки второй половины 1870-х, легкие скромные платья «бэби» и блузы «бэбэ», происходили из гардероба малышей. Мода взрослых наконец признала существование детского костюма и, снисходительно, полушутя, выбирала из него кое-что для себя.

Женская мода. Турнюры, корсеты, «кирасы»

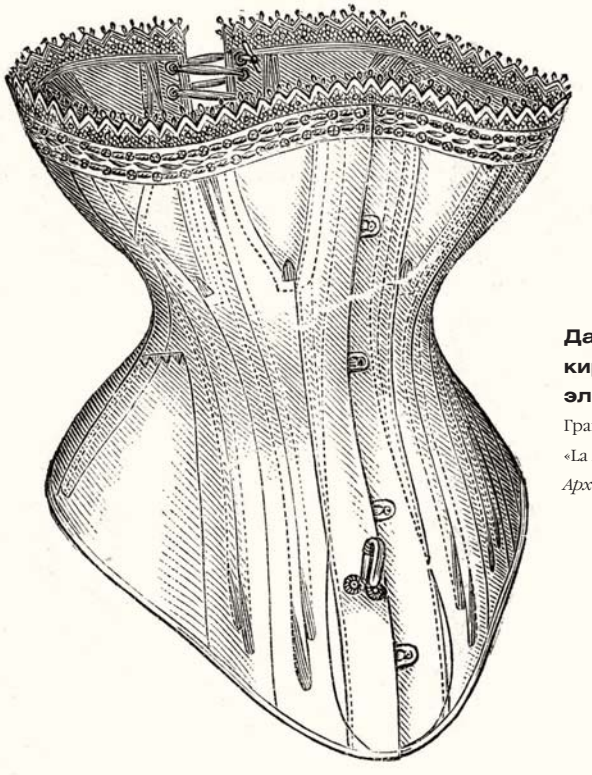
Силуэты дамских туалетов начала 1870-х годов свидетельствовали о победе турнюров над кринолинами. Однако она не была сокрушительной. Стальные венчики исчезли, но продолжали тихо существовать юбки-кринолины из плотного простроченного перкаля с испанскими воланами.

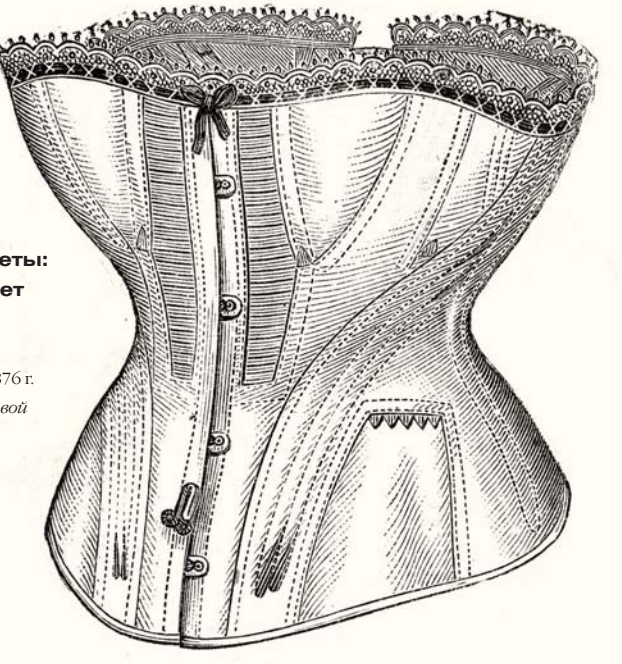
Журналы начала десятилетия предлагали два модных типа турнюров – короткий, коренастый волосяной и более изысканный со шлейфом для вечерних и бальных нарядов. Около 1874 года русские щеголихи примерили турнюр с пружинами, который следовало носить под юбками. Широкие пояса-баски поверх лифов и корсажи с фалдами акцентировали сформированную припухлость, смещая центр тяжести костюма на спинку. Дамы выглядели при этом необычайно комично. С серьезными лицами они вдохновенно рассуждали о политике, медицине и Франко-прусской войне, и в такт их глубокомысленным доводам качались баски, оборки и кисти, поводил бедрами запрятанный в них турнюр. И в этом молчаливом споре кокетство брало верх над умом. Даже казалось, что мужчины нарочно придумали эти тубусы и драпировки, чтобы осмеять интеллект образованных дам.

Словно почувствовав это, к концу 1870-х годов дамы отказались от комичных припухлостей. Турнюр сник, обессилел, безвольно повис на талии. Новый спортивный женский образ и вытянутый силуэт не оставили ему почти никаких шансов. Его присутствие в костюме конца десятилетия было номинальным.

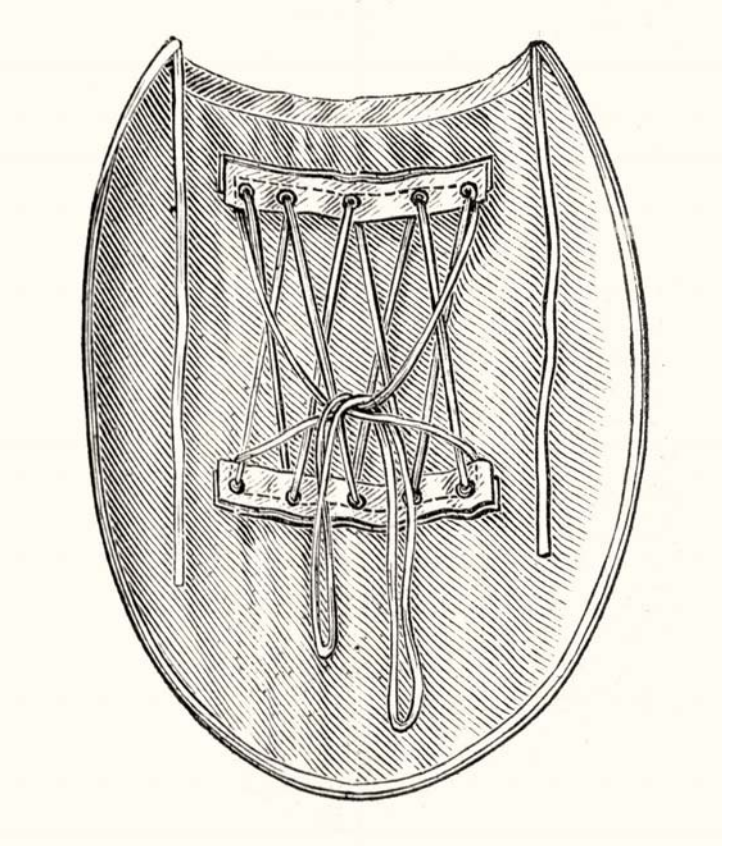
Корсеты изменялись в пандан турнюрам. В начале 1870-х крепкие, короткие, коренастые, они подчинялись моде на завышенную линию талии. Но мода была непостоянна, и в 1872 году талия вновь изменила свое местоположение, стремясь к естественной «природной» линии. Женщины начали основательно затягиваться

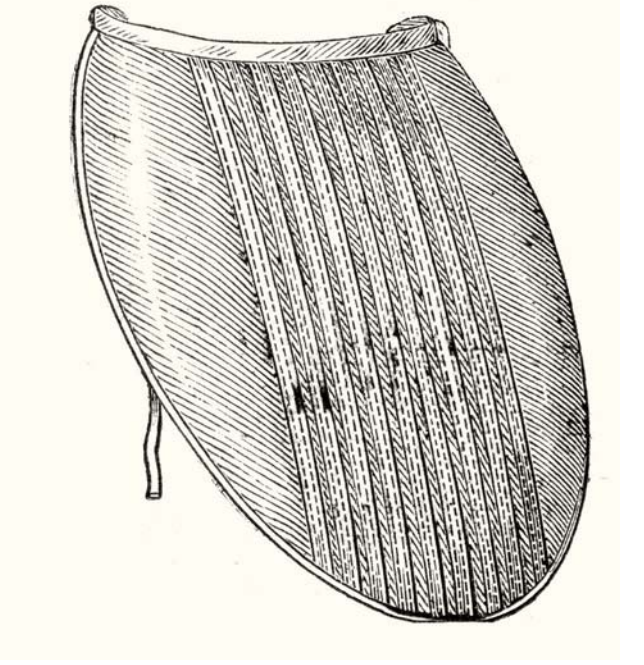
[11] Модный магазин, 1874, № 19. – С. 303.





Дамские корсеты: кираса и корсет эластичный.
Гравюры. Журнал «La Mode illustree», 1876 г.
Архив О.А. Хорошиловой





Турнюры из саржи (вид снаружи, вид изнутри).
Гравюры. Журнал «La Mode illustree», 1876 г.
Архив О.А. Хорошиловой

Элементы дамского нижнего белья: перкалевый жюпон, камисоль и ночной чепчик, пеньюар.

Гравюры. Журнал «La Mode illustree», 1876 г.

Архив О.А.Хорошиловой

ради желанных стройных силуэтов. Журналисты и портные предрекали скорые перемены, и они пришли из Франции. В 1873 году Чарльз Фредерик Ворт предложил удлиненные облегающие корсажи-«кирасы» с длинными басками, и журналисты справедливо сравнили их с каркасами анемичных испанок золотого века: «У Ворта корсажи делаются теперь очень обтянутые по талии, – сообщал журнал моды, – с довольно длинной баской сзади, по большей части украшенной перламутровыми пугови-

цами; спереди нет баски, но отделка состоит из косой фаевой полосы, придающей верхней части туалета какую-то чопорность, замечаемую на всех портретах Веласкеса»[12].

В 1875 году, когда лиф-«кираса» в исполнении Ворта достиг пика популярности, никто более не противился жестким, длинным и неудобным корсетам, стягивающим стан до идеальных пропорций стальных испанских инфант. София Мей предупреждала: «Гибкость стана может быть только при длинной талии, и к ним довели нас незаметным образом кирасы. Но для этой моды, утончающей талию, необходимо чувство меры: если ее пересолить – все пропало, и вместо красоты получится смешное безобразие»[13].

Мастера и портные входили во вкус и отчетливее ощущали власть над публикой. Они предложили новые корсеты – с высокой спинкой и удлиненным шнипом, как раз для вортовских «кирас». Затем придумали «корсет-каж» – тесный, жесткий с почти плоской нижней частью. Платья были столь же неудобны: «Так как женщина любит нравиться брадатому полу, то она покоряется, несмотря на мученья в этих узких, неудобных, душных, затрудняющих дыханье и ходьбу платьях», – комментировало петербургское издание.

Слабый пол терпел, брадатый – наслаждался.

Еще одной приметой женского костюма того времени был длинный трен вечерних и бальных платьев. Неудобный, ненужный, комичный и такой неуместный в городских условиях, он стал доминантой в праздничных туалетах, по нему даже мерили финансовый достаток. Глуповатая придумка портных отозвалась глупейшими эпитетами в прессе: «Длинный трен, добавляемый сзади, служит как бы рамой для картины. Женщина должна казаться прислоненной к волнам материи, которые ползут за ней в змеиных изгибах».

Дама
в пеньюаре из нансука.
Гравюра. Журнал «La Mode illustree», 1876 г.
Архив О.А. Хорошиловой

12 Модный магазин, 1873, № 17. – С. 271.
13 Модный магазин, 1875, № 22. – С. 175.

Цвета десятилетия

Остервенелая всеядность и дурновкусица плескались в многоцветье. Дамы носили много черного – сначала из солидарности со скорбящими матерями воюющей Франции, затем в знак траура по сокрушенной Второй империи, а после – из бюргерского приличия. Серый и коричневый, как и прежде, сопровождали путешественников, синий в многочисленных анилиновых оттенках – купальщиков и любителей бодрящего трувильского солнца. Опасные кокотки, романтичные девицы и дамы в возрасте любили пламенеющий красный – цвет испанских страстей, крови и шаровар пылких зуавов. «Молодые женщины, девочки, дети – все это облеклось в красный цвет, – комментировала София Мей. – Надо вам знать, что под этим названием разумеются многие тени: пунцовый, macassat, гранатовый, из новейших – cardinal и, наконец, rouge sultan, которым подарили нас последние события в Константинополе. Объяснить разницу, которая существует между этими тонами, почти невозможно»[14].

В моде был спокойный зеленый, цвет достатка и буржуазной респектабельности, а также все его многочисленные оттенки: «нильский», «теплого вечера», «резеды», «крапивы» и «поющих лягушек». Молодым дамам для вечера рекомендовали не только кисейно-белый, но и кричаще-розовый в маслистых переливах атласа.

Увлечение оттенками превратилось в манию. В их карамельных потоках дамы окончательно потеряли чувство вкуса и реальности. Светские хроникеры призывали опомниться, били тревогу, рисовали дикие карикатуры: «Они решаются носить голубые тюлевые или фаевые украшения в сочетании с желто-зеленоватыми цветами или ярко-бронзового цвета с не менее ярко-пунцовыми!»

Доводы не помогали. И тогда брались за перо уважаемые критикессы, светские львицы. Они составляли оттенки, сочиняли правила их ношения лишь для того, чтобы петербургские щеголихи не обратились в саратовских пестрых купчих. «Надо, чтобы темный или средний цвет был вместе с ярким – считал обозреватель моды. – С розовым, красным, зеленым и голубым можно носить только белое, черное или серое. Розовый телесный или saumon недурно идет к темно-каштановому, маис – к темно-фиолетовому, сизый (prune) – к бледно-розовому. Но лучше всего целая гамма тонов одного цвета».

14 Модный магазин, 1876, № 32. – С. 253.

Платья, костюмы, верхняя одежда

Костюм, как и прежде, подчинялся распорядку дня. Утром носили скромные белые и светлых оттенков платья, капоты, украшенные лентами и небеленым кружевом. Были также популярны кофты и юбки с отделкой из беек, сутажа и лент.

Домашняя одежда включала в себя добрую дюжину шерстяных и креповых жакеток – шафраново-желтых, красных и черных. Их украшали шелковой вышивкой, аграмантами, золотыми галунами. Носили халаты – утренние, незатейливые, и визитные – пестрые кашемировые, с пуговицами, карманами и кушаком. Вечером тихо донашивали потухшие платья прошлых сезонов из светлого фуляра и тафты.

Стр. 322

Две подруги в шерстяных дневных платьях, отделанных оборками.
Ателье «Первая фотография Иф», Москва. Начало 1870-х гг.
Архив О.А. Хорошиловой

Евгения Александровна Рыкова в визитном шелковом платье с небольшим тюником.
Ателье «Фотография И. Дьяговченко», Москва. 1-я пол. 1870-х гг.
Архив О.А. Хорошиловой

Дама в шерстяном прогулочном платье. На мальчике – бархатный визитный костюмчик.
Ателье «М. Кадысон», Санкт-Петербург. Начало 1870-х гг.
Архив О.А. Хорошиловой

Красавица в шерстяном прогулочном платье, украшенном сутажом и эполетами с бахромой.
Ателье «Jan Mieczkowski», Варшава. Начало 1870-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Стр. 325

Дама в визитном платье, украшенном шелковыми бантами и оборками. Супруг – в сюртучной тройке.
Ателье «Фотографии Страхова», Санкт-Петербург.
1-я пол. 1870-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

В визитных шерстяных или шелковых, темных или светлых туалетах ездили по гостям и чинно обедали. Требовалось украшать их кружевами, корсаж носить открытым – в форме сердца, но припудривать декольте батистовым фишю, тюлем или газом. К середине 1870-х стали популярны визитные костюмы: «То есть платье, тюник и пардессю одного цвета – очень изящные при всем своем однообразии». К ним полагались специальные головные уборы, к примеру популярная тогда шляпка «Камарго» из жемчужно-серого бархата, «с каштановым пером и бледно-голубым крылышком в виде эгретки».

Описание типичных визитных костюмов петербургской аристократии оставил светский хроникер: «В субботу, 18 июля, в церкви Царскосельского дворца было отслужено благодарственное торжественное молебствие (по поводу начала Русско-турецкой войны. – *О. Х.*). К двенадцати часам верхние залы наполнились дамами в изящных городских туалетах... Прелестная госпожа М-а была одета в шелковое платье светло-коричневого цвета с шарфами и бахромами вокруг цветов crème; у княгини Б-кой, урожденной О. Д., перед платья был из гладкого серого фая с воланами, а сверху был полонез с треном из материи matelassé (стеганая материя. – *О. Х.*) совершенно той же тени; самый свежий, самый роскошный и вместе с тем самый простой по отделке был туалет другой княгини Б-й, рожденной княгини Ш-й: юбка гладкая из фая цвета светло-лимонного или скорее paille d'Italie (итальянский палевый. – *О.Х.*), полонез спускающийся и образующий трен из matelassé совершенно той же тени; рукава гладкие: это необыкновенно богатое по материалу, но простое по производимому им общему впечатлению платье явно выходило из рук Ворта по удивительному изяществу фасона; шляпка из итальянской соломы была просто отделана двумя перьями и длинными тюлевыми завязками все того же цвета»[15].

В то быстро ходящее, деловое десятилетие не могли обойтись без прогулочных нарядов. Чарльзу Фредерику Ворту приписывается изобретение трансформера – платья «с тремя концами». Длину трена регулировали тесемки и аграфы. Перед прогулкой шлейф сокращался до максимума, во время визитов слегка увеличивался. А если дама решила надеть его на вечер, она отпускала трен. Этот многофункциональный наряд примерили тогда многие, в том числе и в России. Костюм «Сильфида» был аналогичным – платье из тонкой шерсти кроя «принцесса» легко трансформировалось из нарядного (с длинным треном) в прогулочное с помощью петель и двух пуговиц, к которым пристегивался шлейф. В начале 1870-х британские портные предложили наряды для путешествий из эластичной немнущейся вигони. Затем появились дамские варианты мужских

15 Модный магазин, 1877, № 13. – С. 156.

Три подруги в изысканных прогулочных туалетах.
Ателье «Фотография Черно-Озерская», Казань.
Середина 1870-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Дама в прогулочном платье позирует с супругом, одетым в пиджачную тройку.
Неизвестное ателье, Россия. Начало 1870-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Великая княжна Ольга Константиновна,
дочь великого князя Константина Николаевича, в светлом прогулочном платье в тонкую полоску.
Ателье «Ch. Bergamasco», Санкт-Петербург.
Конец 1860-х – начало 1870-х гг.
Архив О.А. Хорошиловой

Дама в прогулочном платье.
Тюник из грубого крашеного полотна и явные недостатки кроя говорят о том, что оно сшито в мастерской среднего уровня.
Ателье «Везенберг», Санкт-Петербург. 1870-е гг.
Архив О.А. Хорошиловой

Девушка в визитном платье, отделанном бархатными лентами и бантами.
Ателье «Везенберг», Санкт-Петербург.
1-я пол. 1870-х гг.
Архив О.А. Хорошиловой

Две щеголихи в прогулочных туалетах. На левой – серое платье с модным тюником.
Неизвестное ателье, Казань.
Середина 1870-х гг.
Архив О.А. Хорошиловой

Дамы в летних прогулочных туалетах.
Цветная гравюра. Журнал «Revue de la Mode», 1876 г.
Архив О.А.Хорошиловой

Дама в весеннем прогулочном наряде.
Цветная гравюра. Журнал «Journal le Printemps», 1874 г.
Архив О.А.Хорошиловой

ватерпруфов в многочисленных вариациях: «дипломат», «ольстер», «макферлан». В конце десятилетия возродили ампирное манто-каррик с несколькими слоями пелерины.

Зимой носили пальто, подбитые ватой или мехом, а также всевозможные шубки «неорюс».

Летом на дачи отправлялись в простых хлопковых и льняных костюмах и платьях, не забыв о соломенных шляпках-канотье и зонтах-парасоль.

Вечерние туалеты были великолепны. Платья для малых вечеров шили из фая, предпочитая торжественный и значительный черный, драматичный красный, традиционный белый, шедший всем без исключения молодым особам. Если в программе вечера танцы не значились, следовало надевать высокие корсажи без декольте. Девушкам предписывалось не увлекаться длинными тренами, громоздкой отделкой и платья носить легкие, скромные – нежно-розового, голубого, лилового и белого цветов.

Посещение театра предполагало кокетство, шутки и мягкую фантазию в костюме. Было больше отделки, лент, неожиданных брошей, рассыпанных по подолу цветов, баснословных диадем и запутавшихся в прическе бархатных мушек с переливчатыми гранеными глазками.

Кропотливо и ревностно готовили платья для бала, выполнявшего функции рекламного объявления, в котором сообщалось о поисках подходящего жениха к прекрасно воспитанной невесте, о только что полученном наследстве, мужнином чине и муаровой ленте, о цветущем здоровье и полном финансовом

Девушка в светлом прогулочном платье с длинным тюником. Голову украшает соломенная шляпка.
Ателье «Московская фотография», Казань. Середина 1870-х гг.
Архив О.А. Хорошиловой

Столичные мещанки в летних прогулочных нарядах.
Супруг одной из них одет в двубортный вестон.
Ателье «Г. А. Борель», Санкт-Петербург. 2-я пол. 1870-х гг.
Архив О.А. Хорошиловой

На даме слева – визитный костюм, на девушке справа – шелковое прогулочное платье.
Неизвестное ателье, Пенза (?).
1-я пол. 1870-х гг.
Архив О.А. Хорошиловой

Русские провинциалы в прогулочных туалетах.
Неизвестное ателье.
1-я пол. 1870-х гг.
Архив О.А. Хорошиловой

Анастасия Дунина в прогулочном туалете. Шею украшает бархотка с золотым медальоном.
Ателье «De Jongh», Веве (Швейцария). 1872 г.
Архив О.А.Хорошиловой

Девушка в шелковом дневном платье. На шее – бархатный бант и золотой медальон.
Ателье «К. Андерсон», Санкт-Петербург. Конец 1870-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

благополучии. Всю эту информацию старались вместить в один искристый, драгоценный наряд. Белый считался традиционно бальным цветом, оттенявшим каррарский мрамор обнаженных шеи, декольте и рук. Но в эпоху многоцветья допускали шафраново-желтые, розовые, зеленые и даже красные варианты. Лиф украшали оборками и бантами, тюник – воланами и кистями и вообще всем, что позволяли правила хорошего вкуса и фантазия портного. «Нынешней зимой туалеты достигли неслыханного великолепия, – сообщал светский хроникер о петербургских бальных нарядах. – Материи затканы серебром и золотом, газы с вышивкой наподобие изумрудов, сапфиров и рубинов – словом, блеск и роскошь неимоверные... Цветы, неизменные спутники бальных туалетов, употребляются в нынешнем году в неимоверном количестве: подборы, трены – все в гирляндах»[16].

Модница в шелковом визитном платье. В руках – веер.
Ателье «Kostka i Mulert», Варшава. 1877-1879 гг.
Архив О.А.Хорошиловой

16 Модный магазин, 1875, № 4. – С. 32.

Вера Александровна Соколова с супругом.
Пара позирует в костюмах для парадных обедов.
Неизвестное ателье, Россия. 1-я пол. 1870-х гг.
Архив О.А. Хорошиловой

Дамы в зимних пальто в венгерском вкусе.
Гравюра. Журнал «La Mode illustree», 1876 г.
Архив О.А. Хорошиловой

Сорти-де-баль оставался самой популярной и дорогой накидкой, традиционной спутницей легких шелковых танцевальных платьев.

В маскарадах почти не было новинок. Все давно уже придумали. Пастушки в широких юбках-панье, зашнурованных корсажах и неизменных соломенных шляпках кружились в танце с феями (газовый тюник, газовые крылья, острый бургундский колпак). Рыбачки-славянки в синих саржевых костюмчиках и коротких юбках ловили в неводы царь-лебедей, царевн-лягушек и длиннобородых повелителей пучин морских. Западники предпочитали образы из европейского средневековья, барокко и романтизма. Политические события обогатили национальную палитру маскарадов эпическими образами из славянской мифологии, пестрыми костюмами балканцев. Были здесь и псевдотурки – с ваксовыми усами, ватными животами, фесками и кинжалами.

Ритуальные костюмы, венчальные и траурные, также почти не изменились, мода редактировала лишь силуэты: сокращала талии, удлиняла корсажи, увеличивала высоту причесок.

Бальное платье из фая и велюра.
Гравюра. Журнал «La Mode illustree», 1876 г.
Архив О.А.Хорошиловой

Дама в бальном платье и сорти-де-баль.
Гравюра. Журнал «La Mode illustree», 1876 г. *Архив О.А.Хорошиловой*

Маскарадные костюмы.
Слева направо: костюм «Генрих III», эльзасский костюм, костюм «Людовик XIII», индийский наряд, костюм гадалки, костюм «Валуа».
Гравюра. Журнал «La Mode illustree», 1876 г.
Архив О.А.Хорошиловой

Маскарадные костюмы фей с волшебными крыльями были весьма популярны среди актрис и дам, не чуждых искусству.
Ателье «Везенберг», Санкт-Петербург. Конец 1870-х гг.
Коллекция В.В.Авдеева (Санкт-Петербург)

Варианты подвенечных туалетов.
Гравюра. Журнал «La Mode illustree», 1876 г.
Архив О.А. Хорошиловой

Варианты траурных платьев.
Гравюра. Журнал «La Mode illustree», 1876 г.
Архив О.А. Хорошиловой

Певец Жозеф Амеде Виктор Капуль, который ввел в моду стрижку, получившую его имя.
Неизвестное ателье, 1870-е гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Мужской костюм

Английский стиль надменных эсквайров соперничал с французским – конфетных фланеров. Жесткость посадки и однообразие кроя черно-серых троек разбавляли шалости парижских «бо» – рыхлый бархат артистических курток, текучий атлас художественных бантов, глянцевые проборы, ощипанные усики, вертлявое балагурство. Был и русский стиль – для ладно скроенных, крепконогих славянофилов: рубашки-косоворотки, шаровары, тулупы, шубы.

Буржуазный костюм победил усадебные барские причуды, и сами мелкопоместные очаровательно ленивые баре, в конец обеднев, спешили в города слиться с унылым черно-белым служивым дворянством. Купечество тоже стремилось прочь из тоскливых провинций в финансовые центры. И там облагораживалось, лакировалось, помадилось. Молодых хлыщей Островского, щеголеватых, с легким парижским флером, едва можно было отличить от состоятельных дворян.

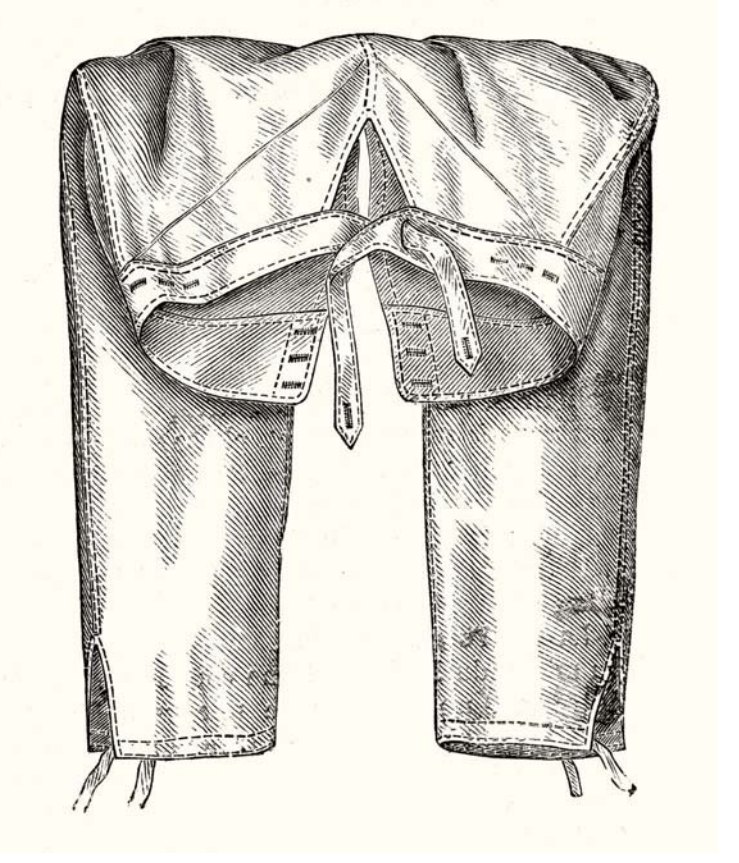
В тот скучный и тучный респектабельный период русская мужская мода не знала ярких икон стиля. Эпоха Иоганна Штрауса близилась к концу. Комично серьезное эстетическое движение было чуждо России. О Моррисе писали как об очередном английском чудаке. Увальни-принцы из рода Виндзоров с водянистыми глазами озерных рыб не впечатляли. Тенор Жозеф Капуль, пылкий француз, был, пожалуй, единственным иностранцем, освежавшим затхло городской стиль парижскими «штучками». Он научил русских парикмахеров стрижке «a'la Капуль» – быстрая высокая челка, острый пробор в аккурат по середине и завитки волос театральными кулисками.

Мужской костюм подчинялся расписанию дня. Утром – удобные хлопковые сорочки, традиционно белые с пристяжными воротничками и новомодные цветные, с воротничками пришивными. Любители русского стиля выбирали блузы-вышиванки – с отложным широким воротником и шитой бейкой вокруг него и по борту. Такие, к примеру, носил Петр Ильич Чайковский.

Холодным утром и вечерами господа сидели в сумрачно-зеленых кабинетах или гостиных, накинув шерстяные халаты с шалевым стеганым воротником и шелковым кушаком. Некоторые предпочитали восточные архалуки. Голову украшала шелковая стеганая шапочка-ермолка с кисточкой и небольшими шитыми аппликациями по тулье.

Для праздных дачников были легкие утренние костюмы – хлопковая белая сорочка, жилет, брюки однотонные или в полоску, легкий светлый вестон летом и твидовый приглушенных оттенков весной и ранней осенью.

Днем носили гладкие сорочки, но некоторые хранили верность вышитым – пуговичные петли романтично путались в льняных цветоч-



Элементы мужского нижнего белья: перкалевая сорочка, кальсоны, сорочка из полосатой материи.

Гравюры. Журнал «La Mode illustree», 1876 г.

Архив О.А.Хорошиловой

ках и листве. Широко открытые вороты, оголявшие верх шеи, считались признаком новых, мягко-либеральных времен. Ими увлекались даже агенты царской охранки. Жилеты стали модны с широким вырезом и пикейным белым поджилетником. Галстуков существовало множество – в виде шейных платков, искусно сложенных «бабочек», регат, пластронов. Последние обыкновенно украшались булавками с затейливыми фигурками, часто весьма пошлыми. Если днем отправлялись за город – на прогулку или верховую езду, – надевали охотничьи норфолки, короткие куртки и пиджаки. На службу ходили в сюртуках, однобортных и двубортных, с широкими по моде того времени отворотами. В них же наносили визиты и присутствовали на праздничных обедах.

Стр. 337

Столичный господин в сюртучной тройке. Широковатые брюки скроены на французский манер.
Неизвестное ателье, Санкт-Петербург (?). Начало 1870-х гг.
Архив О.А. Хорошиловой

Щеголь демонстрирует свой новый французского кроя костюм и любимого спаниеля.
Ателье «Шенфельд и К°», Санкт-Петербург. 1877 г.
Архив О.А. Хорошиловой

Петербуржец в дневном прогулочном костюме. Зачесанные на виски волосы выдают в нем ретромана.
«Cabinet Portrait», Санкт-Петербург (?).
Конец 1860-х – начало 1870-х гг. *Архив О.А. Хорошиловой*

Александр Бенуа так описывал гардероб своего отца, именитого архитектора: «Зимой и в “полусезоне” он был всегда одет если не в домашний халат, то в черный сюртук при рубашке с отложным воротником и с черным галстуком. Для выхода на улицу в морозные дни на голову одевалась старомодная бобровая шапка с выдающимся кожаным козырьком и тяжелая медвежья шуба; в менее суровые дни на голове у папочки появлялся котелок старомодного овального фасона, а на плечах разлетайка с пелериной. Летом же папа любил белые холщовые или желтоватые чесучовые костюмы, а в качестве головного убора надевалась несуразно большая “панама”; серая разлетайка служила верхней одеждой»[17].

17 Бенуа А. Н. Мои воспоминания. – М.: Наука, 1990, I-III. – С. 55.

Франт
в прогулочном
наряде
демонстрирует
трость с серебряным
набалдашником.
Ателье «К. Андерсон»,
Санкт-Петербург.
1-я пол. 1870-х гг.
Архив О.А. Хорошиловой

Солидный горожанин
в пиджачном костюме
и гриперлевом
цилиндре.
Неизвестное ателье.
Начало 1870-х гг.
Архив О.А. Хорошиловой

Франт в сюртуке
с модными во второй половине
1870-х годов широкими
лацканами.
Ателье «С. Пташинский», Санкт-Петербург.
Конец 1870-х гг.
Архив О.А. Хорошиловой

Элегантный мужчина,
возможно профессор,
в сюртучной тройке.
Неизвестное ателье, Россия.
Конец 1870-х гг.
Архив О.А. Хорошиловой

Молодой человек
в прогулочном костюме.
Пиджак застегнут
по-модному – только
на верхнюю пуговицу.
Волосы подвиты
в парижском стиле.
Ателье «Alfred Weidener»,
Хальберштадт. 2-я пол. 1870-х гг.
Архив О.А. Хорошиловой

Доктор Мункевич в визитном костюме.
Ателье «Фотография Иосифа Добровольского»,
Рославль. 2-я полк. 1870-х гг. *Архив О.А. Хорошиловой*

Серьезный мужчина с пышной растительностью в модном сюртуке с широкими лацканами.
Ателье «Н. Досс»,
Санкт-Петербург.
Начало 1870-х гг.
Архив О.А. Хорошиловой

Фрак был приличен в театре, на балах и торжественных вечерах. К нему полагались пикейный жилет, черные брюки, белый галстук-бабочка, а также изысканные аксессуары – запонки, перстни, золотые часы с цепочкой и фрачные награды, пришпиленные к левой петлице.

Осенью и зимой носили пальто – всех мыслимых и немыслимых фасонов и названий. Самые распространенные, «ольстер» и «честерфильд», получили в русской редакции плотную ватную или меховую подкладку. Заветные дорогие монументальные шубы оставались в почете и в цене. Их носили все – царь и генералы, тайные советники и купцы-толстосумы. Без шубы, как без ордена, в России было как-то несолидно, неприлично.

Княгиня Мария Васильевна Волконская вспоминала любопытный случай с ее учителем Милием Алексеевичем Балакиревым: «С того же достопамятного урока (когда Милий Алексеевич пришел в холщовом костюме), мечтой моих родителей стало подарить ему шубу, так как оказалось, что он ходит в осеннем пальто,

Модник в элегантном костюме – бархатном художественном пиджаке и жилете, и светлых шерстяных брюках.
Ателье «Twardzicki, Grochowski», Люблин.
Начало 1870-х гг.
Архив О.А. Хорошиловой

Горожанин в сюртучной тройке.
Ателье «Фотограф М. Г. Молчанов», Каменец-Подольский. Конец 1870-х гг. *Архив О.А. Хорошиловой*

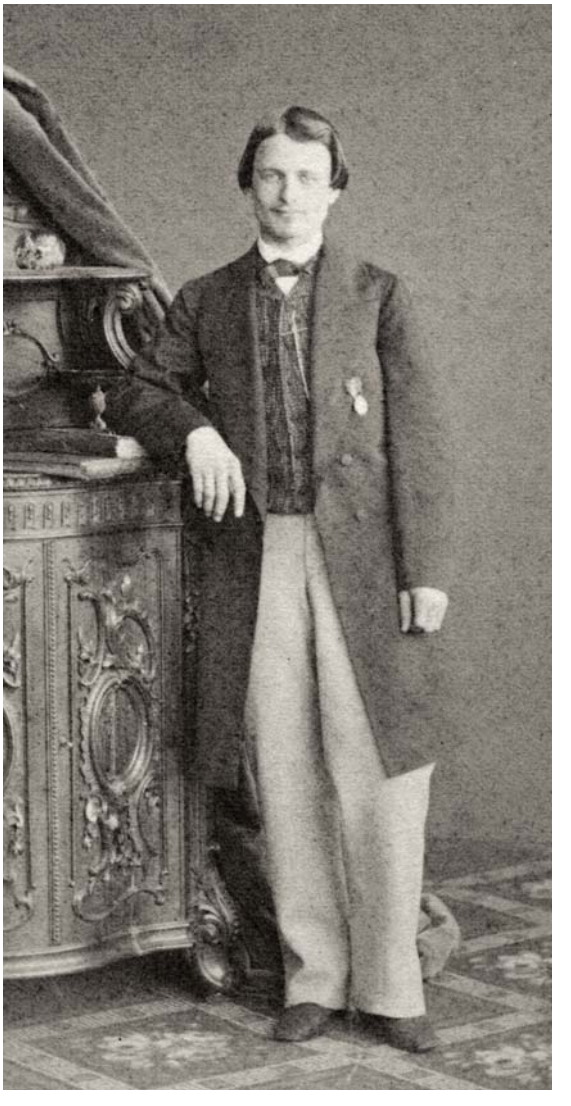
Павел Тимофеевич Склифосовский, военный врач, доктор медицины, участник Русско-турецкой и Русско-японской войн.
Позирует в сюртуке и пенсне, придающем серьезность.
Ателье «И. Дьяговченко», Москва. Конец 1870-х – начало 1880-х гг.
Архив О.А. Хорошиловой"

но так подарить, чтобы он не смог обидеться, оскорбиться... Наконец, решено было, что отец попросит его принять от себя, вследствие каких-то особенных обстоятельств и соображений, теплое пальто. Выбрали мех, сукно, осталось только снять мерку и заручиться согласием Милия Алексеевича сшить на него шубу... Наконец, мой отец решился и после одного из моих уроков позвал Балакирева к себе в кабинет, но как только он заговорил, все хитрые махинации моих родителей рухнули. Балакирев наотрез отказался от чего-нибудь более теплого, чем его старое холодное пальто... Тогда не знал никто, что Балакирев молчаливо решил не принимать участия, то есть не поощрять никакого убийства чего-нибудь живого без крайней необходимости»[18]. Соратники Балакирева по «Могучей кучке» были иного мнения и носили прекрасные шубы, не хуже тех, которыми восхищал всю Москву щеголь Николай Рубинштейн.

[18] Волконская М. В., княгиня. За 38 лет / Русская старина, 1913, Т. 153. – С. 97,98.

Элегантный молодой человек в прогулочном сюртуке, в руках – тонкие лайковые перчатки и фетровая шляпа.
Ателье «C. Hopfner», Халле. 2-я пол. 1870-х гг.
Архив О.А. Хорошиловой

Осип Иванович Комиссаров-Костромской, шляпных дел мастер, который в 1866 году спас Александра II от пули Каракозова. За это был возведен в дворянское достоинство, получил прибавку к фамилии, став Комиссаровым-Костромским, и выслужился до офицерского чина в гусарском полку. Но вскоре зазнался, спился и кончил свою жизнь в полном забвении. На этой фотографии позирует в сюртуке со штучным жилетом. В петлице виден орден Св. Владимира IV степени, полученный, среди прочих наград, за спасение императора.
Ателье «Bergamasco», Санкт-Петербург. Конец 1860-х – начало 1870-х гг.
Архив О.А. Хорошиловой



Молодые люди в дневных прогулочных костюмах.
Ателье «Фотография русская светопись», Москва. 1-я пол. 1870-х гг.
Архив О.А. Хорошиловой

Русский писатель, прозаик Всеволод Владимирович Крестовский запечатлен в сюртучной тройке и цилиндре.
Ателье «C. Bergamasco», Санкт-Петербург. Начало 1870-х гг.
Архив О.А. Хорошиловой

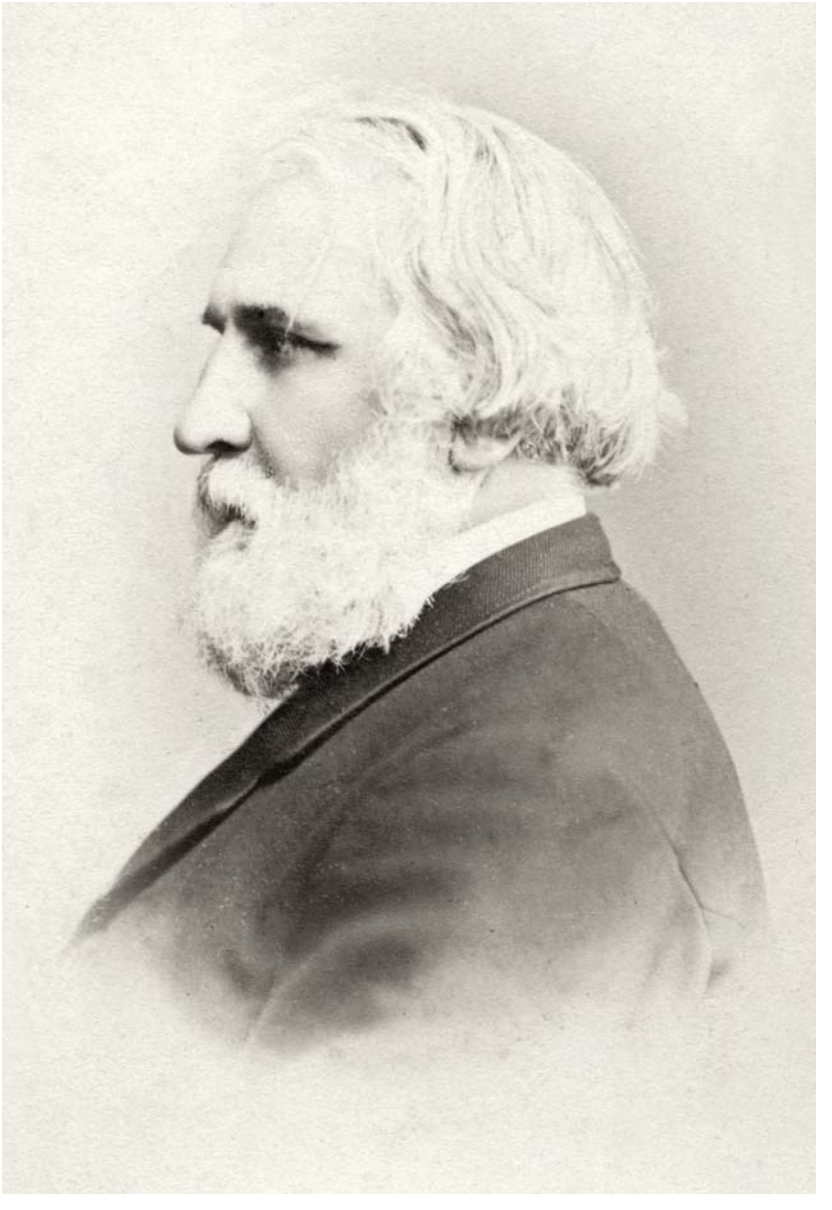
В России тогда не было ярких законодателей моды, но существовали безымянные франты. Одни перенимали британский акцент и манеры. «В числе молодых людей резко выделяются наши petits creves со стеклышком в глазу и с вытянутыми физиономиями, на которых так и написано, что им гораздо приятнее шаркать в гостиных, чем стоять под ружьем». Так писал светский хроникер о паркетных кривляках, не желавших отбывать воинскую повинность, ставшую в 1874 году в России всеобщей.

Писатель Николай Алексеевич Некрасов
в сюртуке и модных брюках в мелкую клетку.
Ателье «Левицкий», Санкт-Петербург. Начало 1870-х гг. *Архив О.А.Хорошиловой*

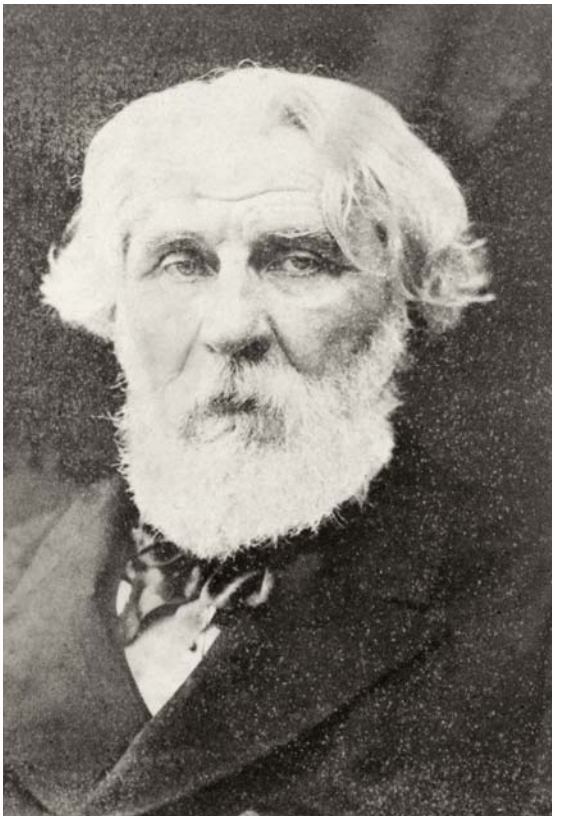
Русский пианист, дирижер Николай Григорьевич Рубинштейн в дневном костюме.
Ателье «Ф. Эйхенвальд», Москва. Конец 1860-х – начало 1870-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Князь Виктор Николаевич Гагарин в прогулочной визитной тройке и цилиндре.
Ателье «Disderi», Париж. Начало 1870-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Ученый-химик Дмитрий Иванович Менделеев в сюртуке с широкими лацканами.
Ателье «Фотографическая мастерская А. Лорис-Меликова», Санкт-Петербург. Начало 1870-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой



Писатель Иван Сергеевич Тургенев.
Седые волосы и русофильская борода стали определяющими элементами его имиджа.
Он оставался им верен до своей кончины.
Ателье «Bergamasco», Санкт-Петербург. 1874 г.
Архив О.А.Хорошиловой



Иван Сергеевич Тургенев.
Ателье «М. Панов», Москва. 1880 г.
Архив О.А.Хорошиловой

Другие щеголи пропагандировали квасной патриотизм и панславизм. Типичный облик одного из них описан в «Модном магазине»: «Я заметила... одного теплого патриота-славянофила, перерядившегося русским парнем, но таким, что его сейчас от простого народа отличить можно было: рубашка не тиковая, темная или красная кумачовая, а белая расшитая петушками, то есть такая, какую носят только мужики Мариинского или Александринского театров, шляпа высокая, с павлиньими перьями, на манер ямщицких, а неприхотливый и неприглядный картуз, совсем его заменивший; этот немолодой, толстый, коренастый и размашистый мужик – аматер есть, как говорят, пребогатый барин, господин С., желающий обратить на себя внимание, в чем он совершенно успел»[19].

Сложные и многочисленные правила поведения, ношения видов одежды, сочетания цветов и выбора аксессуаров заучивали по специальным светским «уставам», в большом количестве издававшимся в России. Пример одного из них привожу в приложении № 7.

[19] Светские отголоски / Модный магазин, 1878. № 16. – С. 254.

Михаил Иванович Иванов в прогулочном шерстяном вестоне в мелкую клетку.
Ателье «Х. Д. Бровкин», Тамбов. 1-я пол. 1870-х гг.
Архив О.А. Хорошиловой

В 1870-е годы бакенбарды продолжали оставаться в моде. Молодой человек отрастил их в подражание императору Александру II.
Неизвестное ателье, Санкт-Петербург. 1-я пол. 1870-х гг.
Архив О.А. Хорошиловой

Прогулочные наряды мужчины часто дополняли полосатыми галстуками, завязанными свободным большим виндзорским узлом.
Ателье «J. Jeanneret», Монтре. 2-я пол. 1870-х гг.
Архив О.А. Хорошиловой

Богач в пальто на медвежьем меху и роскошной «боярской» шапке.
Ателье «И. Дьяговченко», Москва. 1878 г.
Архив О.А. Хорошиловой

Господин в зимней одежде, защищающей от петербургских стуж.
Ателье «Н. Абрагамсон», Санкт-Петербург. 1-я пол. 1870-х гг.
Архив О.А. Хорошиловой

Сергей Павлович Яковлев, статский советник, камергер Высочайшего двора, основатель московского Общества поощрения трудолюбия. Позирует в однобортном сюртуке и шелковом галстуке с красивой золотой булавкой.
Ателье «Художник Р. Тиле», Москва. 2-я пол. 1870-х гг.
Архив О.А. Хорошиловой

Столичный франт в однобортном сюртуке, жилете и модном галстуке-пластроне.
Ателье «Фотография И. Гринберга»,
Санкт-Петербург. 1-я пол. 1870-х гг. *Архив О.А. Хорошиловой*

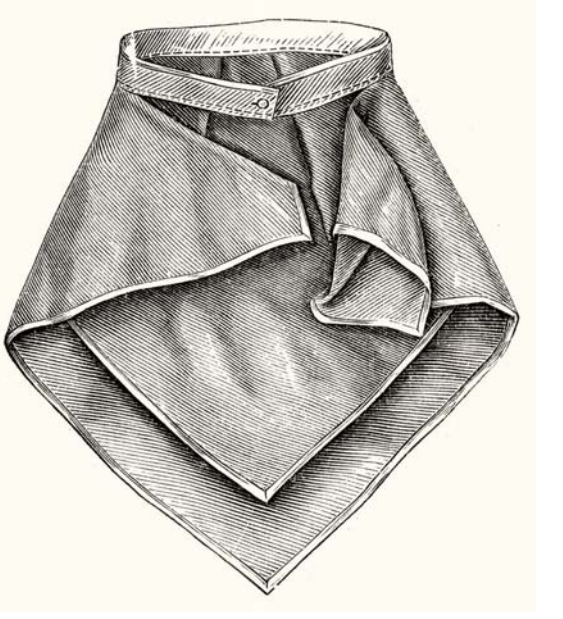
Господин демонстрирует дорогую шубу на медвежьем меху. На голове – каракульчовый ток.
Ателье «Мебиус», Москва. 1-я пол. 1870-х гг.
Архив О.А. Хорошиловой

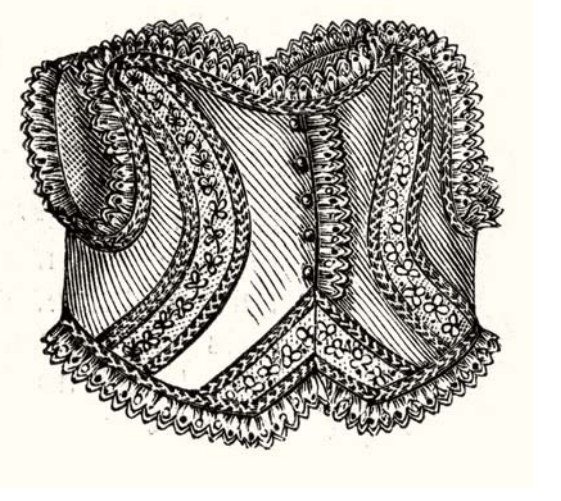
Детский костюм

Удобство и здоровье продолжали считать главными добродетелями детского костюма. Ничего кардинально нового по сравнению с 1860-ми годами портные не придумали. Зато изобретали новые варианты фасонов, отделки, застежек. Новорожденному обыкновенно готовили приданое, в котором было все необходимое. Короткие свивальники из плотной ткани, фланелевые пояса для стягивания, простые и нарядные баветки, пеленки-панталоны на пуговицах, дюжина батистовых денных сорочек с узенькой полоской вязаного кружева, дюжина таких же ночных, денные и ночные чепцы с английским шитьем или кружевом, утренние платья из белой фланели «с насыпью», батистовые нарядные платья с шитьем и кушаком, носильный салопчик, хлопковые ночные платья, вязаные кофточки, башмачки и пинетки.

С трех лет детей одевали в платьица, которые отчасти повторяли общие тенденции дамской моды. Они, к примеру, имели две юбки, украшенные патами сзади и отделанные контрастными воланами и бантами. Фланелевые кофточки напоминали женские блузы-гарибальдийки и османские жилетки-чепкен, которые, как считалось, весьма шли детям. Белая кисея в детском гардеробе продолжала доминировать.

К четырем годам различие в одежде мальчиков и девочек усиливалось. Первым полагались очаровательные бархатные курточки с кюлотами, блузы и широкие панталоны, матросские костюмы и пардессю, пальто и шубки. Александр Бенуа вспоминал: «Меня не оставили дома, а нарядили в парадный бархатный костюм с шелковым бантом у кружевного воротника и повезли на Кирочную»[20]. Оставались популярными гусарские костюмчики – короткие чакчиры и замшевые куртки, отделанные шнурами и барашковой опушкой. Любопытно, что даже в пять лет некоторых мальчиков рядили в юбки-плиссе и пардессю.





Элементы нижнего белья младенцев: рубашечка, свивальник, баветка, крестильное платье.
Гравюры. Журнал «La Mode illustree», 1876 г.
Архив О.А.Хорошиловой

[20] Бенуа А. Н. Мои воспоминания. – М.: Наука, 1990, Т. 1, I-III. – С. 356.

Дети, как и взрослые, носили корсеты – вначале мягкие, едва заметные. Затем, лет в 10, девочки надевали корсеты, приближенные к дамским, но не повторявшие их целиком. Эластичные и податливые, они формировали стан с помощью «тонко выструганных» китовых усов.

Одежда первого причастия в целом осталась прежней – время откорректировало лишь силуэт девичьих платьев, который в 1870-е годы стал тоньше и стройнее. Через много лет Александр Бенуа все еще ясно помнил эти наряды: «Иллюзия, что Софи являлась вроде какой-то моей “небесной невестой”, еще усилилась, когда на вторую репетицию (как и все прочие девочки) она явилась в белом платье до самого пола, с целым облаком кисейных вуалей, с венком из белых роз на голове.

Платья для малышей от 2 до 4 лет.
Гравюры. Журнал «La Mode illustree», 1876 г.
Архив О.А.Хорошиловой

Детский костюм того времени вообще был гораздо удобнее и разумнее взрослого. Девочки, к примеру, носили шелковые, кашемировые и хлопковые платья с заниженной линией талии, акцентированной кушаком или поясом. Такой крой, как считали, не вредил растущему организму и способствовал развитию тела детей. Это понимали тогда, но оценили гораздо позже. В таких вот платьях с юбками-плиссе великовозрастные флапперы 1920-х лихо отплясывали «шимми» в крошеве золотого конфетти.

Любовь Евгеньевна фон Шульман с дочкой Любочкой, одетой в летний костюмчик.
Ателье «Charles Borchardt», Ревель. Начало 1870-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Володя Рыков в нарядном шерстяном костюме.
Ателье «Фотография И. Дьяговченко», Москва. Середина 1870-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Люба фон Шульман в нарядном платьице с оборками. Такие до 3–5 лет носили и мальчики.
Ателье «L. Cluver», Санкт-Петербург. 1-я пол. 1870-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Очаровательный малыш в шелковом платьице с кушаком.
Ателье «Фотография О. Паршиной», Уфа. Начало 1870-х гг.
Архив О.А. Хорошиловой

Мальчик в шерстяной клетчатой рубашке.
Ателье «Эмиль Нино», Благовещенск. 2-я пол. 1870-х гг.
Архив О.А. Хорошиловой

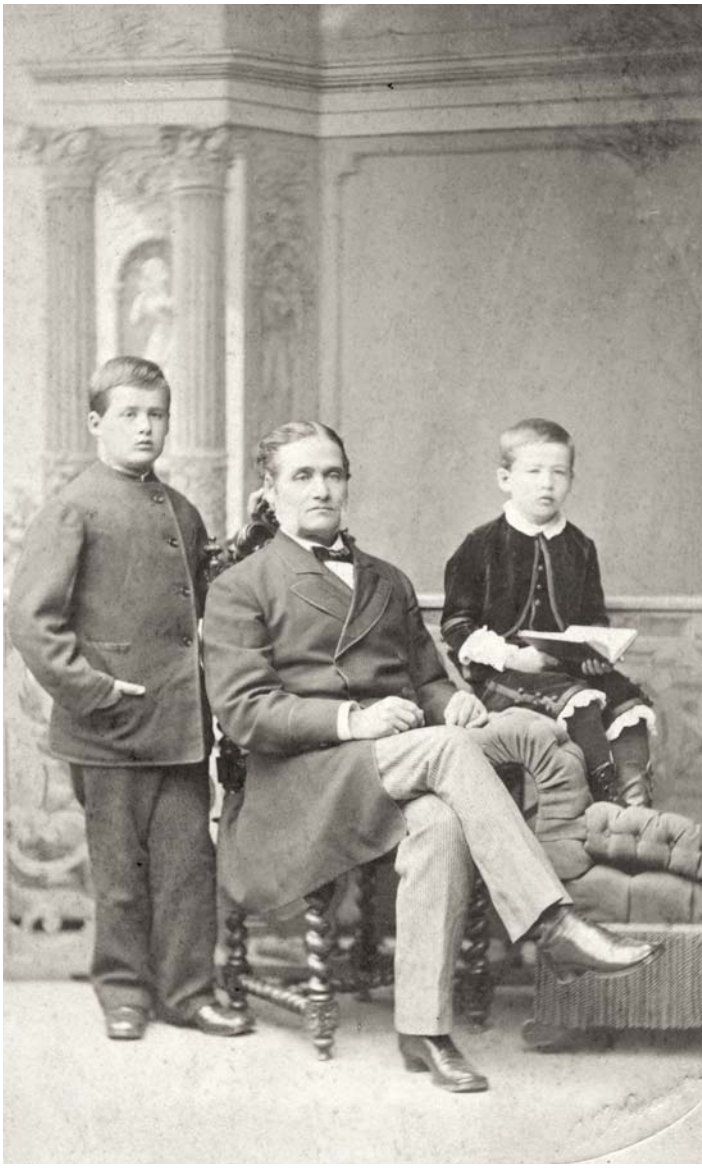
Маленький щеголь в клетчатом прогулочном костюме – пиджаке и кникербокерах.
Ателье «Trausilek», Смихов. 2-я пол. 1870-х гг.
Архив О.А. Хорошиловой

Саша Половцов, в будущем известный дипломат, этнограф, ориенталист.
Позирует в бумажной блузе с отложным воротником, шерстяной матроске и шелковом галстуке.
Ателье «Ch. Bergamasco» (?), Санкт-Петербург. 1871–1872 гг.
Архив О.А. Хорошиловой

Александр Глазунов, в будущем – известный композитор.
Запечатлен в прогулочном костюме и щегольских «русских» сапогах.
Ателье «R. Beyer», Санкт-Петербург. 2-я пол. 1870-х гг.
Коллекция А.А. Классена (Санкт-Петербург)

Стр. 353

Богатое семейство позирует в выходных костюмах.
На господине – сюртучная тройка, на его супруге – шелковое визитное платье.
На трех младших сыновьях однотипные матросские костюмы, на старшем – форма гимназиста.
Неизвестное ателье, Москва (?). 1-я пол. 1870-х гг.
Архив О.А. Хорошиловой



Строгий отец с сыновьями. На младшем – модный бархатный костюм, отделанный атласными бейками.
Ателье «А. Ясвоин», Санкт-Петербург. 2-я пол. 1870-х гг.
Архив О.А. Хорошиловой

Костюм этот и ей и всем прочим девицам удивительно был к лицу, а в целом их рой производил прелестное впечатление. Напротив, мальчики в новеньких курточках выглядели не особенно авантажно, а многие даже казались смешными, представляя собой подобие карликов. Спасал широкий белый бант с великолепной золотой бахромой, которым была повязана левая рука каждого, а кроме того, в правой руке появилось по толстой свече, тоже украшенной белым бантом»[21].

21 Бенуа А. Н. Мои воспоминания. – М.: Наука, 1990, Т. 1, I-III. – С. 454.

Две маленькие модницы в платьях в пейзанском вкусе.
Ателье «Н. Абрагамсон», Санкт-Петербург.
Нач. 1870-х гг.
Архив О.А. Хорошиловой

Девочка из семьи Рыковых в нарядном платье.
Неизвестное ателье, Москва (?). Начало 1870-х гг.
Архив О.А. Хорошиловой

Юная особа в прогулочном туалете – двубортной куртке и юбке с тюником.
Ателье «К. Андерсон», Санкт-Петербург.
Конец 1870-х гг.
Архив О.А. Хорошиловой

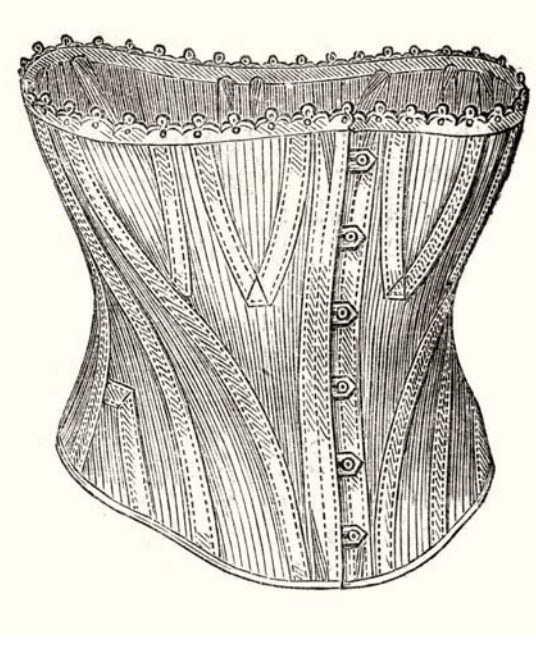
Ольга Склифосовская, дочь известного хирурга, в элегантном прогулочном платье.
Ателье «Р. Бейер», Санкт-Петербург.
1874-1876 гг.
Архив О.А. Хорошиловой

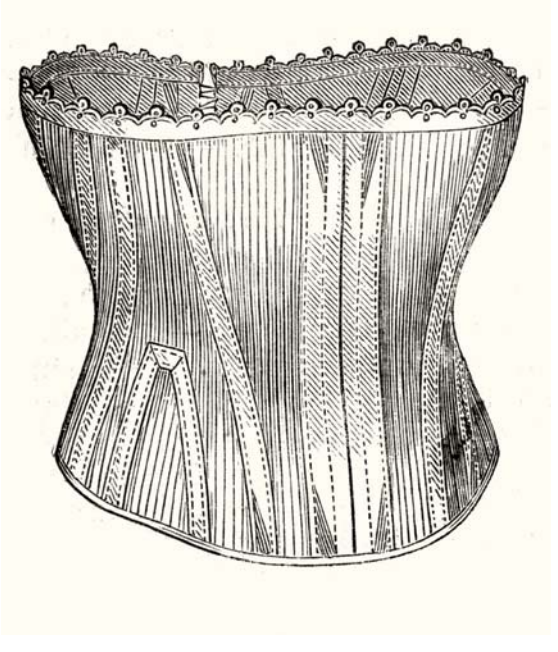
Маскарадные костюмы детей были гораздо смелее взрослых. Помимо обыденных, таких привычных «Итальянок», «Крестьянок», «Календарей», «Роз» и «Домино», портные создавали фантастические конструкции в духе Льюиса Кэрролла. Вот, к примеру, описание костюма «Рабочий ящик»: «Составлен из розовой тафтяной юбки с белым фуляровым тюником и корсажем. Вместо отделки идет ряд катушек с разноцветными шелками, сбоку висят ножницы. Шиньон изображает подушечку с воткнутыми булавками. С другой стороны тюника находится моток шерсти».

Или вот еще – «Костюм школы для первоначального обучения» (замечу – не ученика, а школы!): «Одежда из синего сукна, полоса с цифрами на обеих ногах панталон, азбука на груди, ноты на рукавах, портфель за спиной, в виде солдатского ранца, на голове чернильница с гусиным пером, пучок розг сбоку».

Азбука на груди, ноты на рукавах, чернильница на голове... Знаменитые сюрреалисты Эльза Скиапарелли и Сальвадор Дали ничего не придумали. Рожденные на границе веков, они прекрасно помнили те маскарады и те забавные костюмы-перевертыши из кэрролловской Страны чудес.

Княгиня Зинаида Юсупова в элегантном двубортном пальто и бархатном токе.
Ателье «Ch. Bergamasco», Санкт-Петербург.
Начало 1870-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой





Корсеты для девочек 11–13 лет.
Гравюры.
Журнал «La Mode illustree», 1876 г.
Архив О.А.Хорошиловой

Дети в выходных костюмах. Девочки – в светлых платьях с оборками и воланами. Мальчики – в модных тирольских курточках с зелеными обшлагами и лацканами.
Неизвестное ателье. 1870-е гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Платье девочки для первого причастия.
Гравюра. Журнал «La Mode illustree», 1876 г.
Архив О.А.Хорошиловой

Костюмы для спорта

Теперь больше времени проводили на открытом воздухе, благодаря новым буржуазным нравам, немецким врачам и французским импрессионистам. Костюмы для верховой езды менялись незначительно и в полном соответствии с логикой светской моды – пухлые турнюры, узкие лифы, длинные трены и более высокие шляпы. Амазонок могли и вовсе не надевать: «Женщины, ездящие верхом, не считают непременной обязанностью носить классический амазонский костюм; они заказывают себе обыкновенную полудлинную юбку из цветного сукна или какой-нибудь материи fantasie, темной, с мелкой насыпью, и все щегольство костюма составляет охотничий жакет, длинный, из киперного бархата»[22]. Ездили верхом и в охотничьих куртках. Были модны светлые пардессю, напоминавшие мужские прогулочные вестоны и застегивавшиеся совсем по-мужски – на одну верхнюю пуговицу. К ним полагались ловкие котелки с изящно отогнутыми полями.

Стал активно развиваться горный туризм. Дамы и господа отправлялись на покорение дремучего Щварцвальда и величественного Лаутербруннена в странной смеси светского и охотничьего костюмов. Мужчины надевали бархатные вестоны, суконные норфолки или тирольские курточки с широкими отворотами на пуговицах, кникербокеры, а иногда и местные кожаные штаны, толстые вязаные носки, гетры и швейцарские ботинки, подбитые гвоздями. В руках – длинная палка, за плечами – рюкзак, на боку – фляжка с водой. Дамы, всегда более внимательные в выборе туалетов, надевали специальные костюмы, которые в тот период широко рекламировали журналы мод: «Юбка из шерстяной ткани, отделанная воланами и бульоне с головкой. Вместо лифа, для избежания жара, надевается белая ширтинговая свободная шемизетка с рукавами. Верхняя одежда состоит из полуприлегающего пальто. Наша модель сделана из шелковистого дубль-могера (двойной мохер. – *О. Х.*) песочного

22 Парижские моды / Модный магазин, 1878, № 19. – С. 295.

Варианты дамских амазонок, слева направо: из серо-голубого драпа, из черного драпа, из коричневого драпа.
Гравюра. Журнал «La Mode illustree», 1876 г.
Архив О.А.Хорошиловой

цвета с отделкой из шелковой тесьмы. Полы застегнуты наискось. Воротничок стоячий с отогнутыми концами; обшлага на рукавах – с манжетами-раструбами. На боках карманы. Шляпа из соломы песочного цвета с газовым вуалем той же тени и букетом пунсового мака»[23].

Летом отправлялись на водные прогулки. Господа – в темно-синих куртках-«риферах», похожих на бушлаты, и белых фланелевых брюках, дамы – непременно в бретонских костюмах из синей шерсти. На берегу озера или моря принимали легкие солнечные ванны в специальных костюмах – темно-синих панталонах, пристегнутых к лифу. «Костюмы для купанья, – сообщал светский журнал, – делаются из фланели или из так называемой материи Lescot; их отделывают кашемировыми или фланелевыми полосами, шерстяной тесьмой,

23 Костюм с верхней одеждой для туристок / Модный магазин, 1876, № 31. – С. 1.

Известная русская актриса Вера Аркадьевна Мичурина-Самойлова в изящной амазонке.
Ателье «Ch. Bergamasco», Санкт-Петербург. 1870-е гг. *Коллекция А.А. Классена (Санкт-Петербург)*

Дама в охотничьем костюме «а-ля мушкетер».
Журнал «La Mode illustree», 1876 г. *Архив О.А. Хорошиловой*

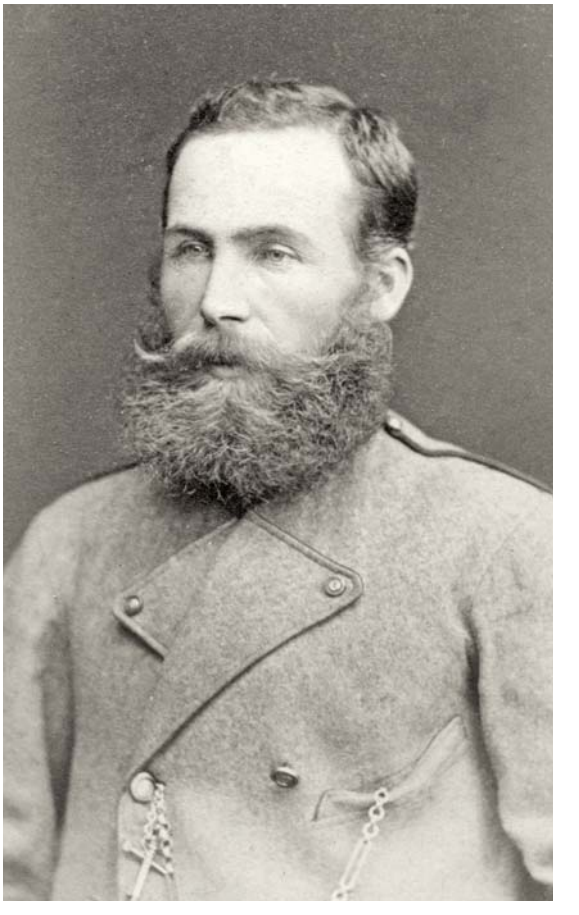
лентой или сутажом»[24]. К костюму полагались просторный фланелевый салоп с воротником-пелеринкой, туфельки для купания, пелеринка для просушивания волос, а также разнообразные шапочки, в выборе которых следовало быть осмотрительной. София Мей предупреждала: «Совет купальщицам: остерегаться, пуще всего, отвратительного желтого каучукового чепца. Самое кокетливое в этом роде – непромокаемая косыночка, которую повязывают a'la Bordelaise, пришпиливая ее на голове серебряной булавкой с изображением рыбы, ненюфара (кувшинки. – *О.Х.*) или морской лошади»[25].

Любопытно, что дамы, надевая купальные костюмы, оставались в корсетах, хотя это было неудобно и даже вредно для здоровья. В конце 1870-х хитроумные мастера придумали специальный корсаж, названный «bains de mer» («купание»): «Это новое изобретение, очень одобренное как кокетством, так и гигиеной. Действительно, очень полные особы вынуждены надевать корсет или пояс для купанья в море, но обыкновенные корсеты из кути очень вредны, потому что задерживают воду до той минуты, когда купальщица возвратится в свою кабину. Оттуда постоянные простуды. Вновь изобретенный корсет шерстяной. Остальные его части проткнуты дырочками, так что вода

24 Модный свет, 1870, № 31. – С. 278.
25 Мей С. Модная хроника / Модный магазин, 1874, № 19. – С. 304.

Ток с наушниками для охоты.
Гравюра. Журнал «La Mode illustree», 1876 г.
Архив О.А.Хорошиловой

Охотничий стиль проник в детскую одежду. На мальчике – шерстяная куртка «норфолк», входившая в то время в светскую моду.
Ателье «L. Grossmann», Санкт-Петербург. 1870-е гг.
Коллекция В.В.Авдеева



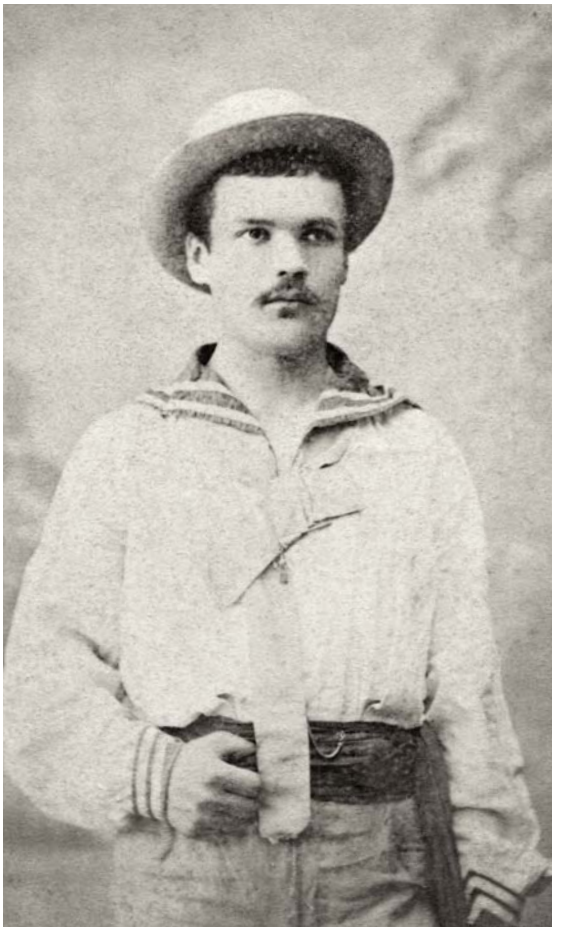
Господин в модной суконной охотничьей куртке в тирольском вкусе.
Неизвестное ателье,
Пенза. 2-я пол. 1870-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

не может в них удержаться и, так как на нем нет стального бюска, и ржаветь нечему»[26].

Помимо катания на коньках (в традиционных уже венгерских шубках бордового и бутылочного оттенков с непременной меховой опушкой) стали безумно популярны ролики, вернее, как их тогда называли, «коньки на колесиках». Для этой забавы выбирали обычно платья кроя принцесс из нетолстой шерстяной материи, двубортные, с невысоким воротничком-стоечкой. Движению ног ничего не должно было мешать, потому низ тюника кроили чуть шире обычного и подшивали к нему «косой полосатый волан» со многими сборками.

26 Модный магазин, 1877, № 14. – С. 161.

Русский путешественник позирует в костюме для горных альпийских прогулок. При нем весь необходимый антураж – теплый клетчатый плед, двустволка и палка, помогающая преодолевать высокогорные препятствия.
Ателье «Carl Jagerspacher», Гмюнден. 2-я пол. 1870-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой



Молодой человек в костюме для лодочной прогулки, который весьма напоминает обмундирование матросов.
Неизвестное ателье, Россия. 2-я пол. 1870-х гг.
Архив О.А. Хорошиловой

Костюмы для купания.
Гравюра. Журнал «La Mode illustree», 1876 г.
Архив О.А. Хорошиловой

Костюмы для купания и солнечных ванн.
Гравюра. Журнал «La Mode illustree», 1876 г.
Архив О.А. Хорошиловой

Костюмы для катания на роликах.
Гравюра. Журнал «La Mode illustree», 1876 г.
Архив О.А. Хорошиловой

Портные, ателье, магазины

В России еще не было модного пророка. Отечественная мода была русской только географически. Стиль, цвета и цену диктовала Европа. Туда мчались петербургские аристократки, чтобы обогатить свои баснословные гардеробы дорогими произведениями известного портного. Какого? На этот вопрос великосветские барышни, комично, по-британски вытягивая лица, отвечали с викторианским акцентом: «Charles Frederick Worth». Это имя вышито золотом на атласном грифе модной Европы. Чарльз Фредерик Ворт, провидец и льстец, твердо верил в судьбу и быстро приспособился к новым политическим обстоятельствам. Империя мертва. Ну что ж, да здравствует республика, да здравствуют Тьер и Мак Магон! Ему простили всё. Английское происхождение, шелковые курганы Евгении Монтихо, имперское тщеславие, завышенные цены и диктаторские замашки. Первые леди Третьей республики послушно шелестели по паркету примерочной на Рю де ла Пэ, 7, терпели остроты и резкие словечки «мэтра моды» ради бесценных оберток, превращавших дурнушек в конфетных красавиц.

Длинным горностаевым шлейфом тянулись в ателье Ворта русские великие княгини, графини, баронессы. Его клиентками были черноокая Дагмара и ее сестра красавица Александра, графиня Софья Петровна Шувалова, Надежда Михайловна Половцова и ее дочь Анна, княгини Щербатова, Барятинская, Юсупова...

Во второй половине 1870-х в России узнали о лондонском модном доме Redfern & Sons. Тогда он еще не составлял конкуренции Ворту, но славился изящными нарядами и потчевал щеголих приятными новинками. К примеру, в 1879 году Редферны придумали платье «Джерси Лили» специально для актрисы Лили Лэнгтри. Сшитое из плотного вязаного полотна, оно получило свое название по месту рождения этой английской актрисы.

Русские дамы готовы были тратить целые состояния на свои гардеробы. Это хорошо понимали европейцы. И они готовы были жертвовать мягким природным и политическим климатом ради холодной, опасной, но такой щедрой и доброжелательной к иностранцам страны. Они приезжали в Россию и оставались здесь. В Петербурге и Москве открывались европейские магазины и ателье. Популярностью пользовался Торговый дом Августа Бризака на Малой Конюшенной, 8. Помимо изысканных туалетов и красивых вещиц, француз предлагал богатый уют и высокий уровень обслуживания. В одном из официальных отчетов сообщалось: «Торговый дом Бризак, существующий с 1868 года. Первый этаж разделяется широким коридором с колоннами по одну сторону на две части; в одной двухсветный зал, в другой контора – кабинет для приема заказов и еще две комнаты, в которых, как и в двухсветном зале, устроены магазины с шкапами и витринами с разнообразными материями. Подкладками, отделками и проч... Первый этаж соединяется со вторым внутренней деревянной лестницей, покрытой ковром и уставленной зеркалами; во втором этаже к двум светлым залам примыкает галерея, покрытая коврами и зеркалами; здесь выставлены манекены с готовым платьем; кроме того, во втором этаже еще шесть комнат, из которых две светлые служат для примерки, а три темные и освещающиеся электричеством специально предназначены для выбора материй для вечерних туалетов»[27].

Столичные издания отмечали дарование портного Розенфельда, экспонента Всероссийской мануфактурной выставки 1870 года: «В отделке этих платьев богатство гармонирует с изяществом. Но и цена гармонирует с богатством: на ярлычках, обозначающих цену, сотни рублей стоят как вещь самая обыкновенная. Дамское черное платье с черной кружевной отделкой, выставленное Розенфельдом, стоит 280 рублей (цена не из самых

27 Руан К. Новое платье империи. – М.: НЛО, 2011. – С. 180.

высоких, есть дороже); это платье удивительно изящно и элегантно».

Мужчины заказывали костюмы у портного Жана Флорана, чье ателье располагалось на Невском проспекте, в доме 15. Самым модным столичным магазином шляп считался «Ф. Циммерман» (на Невском проспекте, в доме Петропавловской церкви). Мари Иврoз, владелица магазина «Левавассер» (улица Малая Морская, дом Гамбса), торговала костюмами и шляпами, магазин «Андрие» (ул. Большая Морская, 21), принадлежавший Виктору Франсюро и Полине Шансо, предлагал модное платье.

Лучшие в Петербурге шляпы, как сообщала реклама, можно было приобрести в мастерской «Эжен» (Невский проспект, 60, во дворе), лучшие корсеты – в магазине «Вирт» и в ателье Гюссон-Дементьевой, а лучшую обувь – у братьев Целибеевых в Гостином дворе. Там же располагалась лавка «Торговля аптекарскими и благовонными товарами», принадлежавшая Ивану Кирилловичу Саблукову. Здесь можно было купить духи и помаду от «Любен», «Пармские фиалки» от «Пино», духи от «Гендри» и знаменитые мужские одеколоны от «Фарина».

Как писали современники, варшавские портные «соперничали в модах с петербургскими», а варшавские обувщики создавали чуть ли не лучшие в России боты и полусапожки на высоких каблучках. А вот московские мастера, по мнению арбитров моды, «далеко подотстали». Однако и среди них были звезды, к примеру, С. И. Белкин, владелец меховых магазинов, поставщик великой княгини Александры Иосифовны (прейскурант помещен в приложении 12), В. Г. Щеславский, глава одноименного торгового дома, Г. Судаков, владелец шляпного ателье. В 1874 году Людвиг Мандль открыл в Москве представительство известной австрийской компании «М. и И. Мандль», ставшей впоследствии крупнейшим поставщиком готовой одежды в России.

В провинции тоже существовали модные ателье и магазины. Орловские дворянки и купчихи ходили в платьях исключительно от «парижской кутюрьерки» мадам Леблан. Она приехала в этот городок еще в 1850-е годы и к началу 1870-х владела не только кафе, кондитерской и рестораном на центральной улице, но и «роскошным по провинциальным меркам магазином, в который шляпки, бурнусы, материи и разные “галантерейные” вещи выписывались прямо из Парижа».

Нижегородские дородные купчихи млели и таяли в ласково-снежных манто, которые предлагала им Анна Виноградова. Это была обычная швея, бедная и малообразованная. Но она имела деловую хватку и такое острое желание работать на себя, что в 1857 году смогла взять кредит и открыть мастерскую пуховых изделий. «В заведении госпожи Виноградовой действуют в настоящее время шесть станков, – сообщал “Модный магазин”. – При этом замечательно то, что госпожа Виноградова изобрела сама станок для тканья пуховых вещей. Сверх ума, находчивости и энергичности госпожа Виноградова обладает еще той добротой, за которую ее благодарят много несчастных: в ее нижегородском заведении работают 50 девушек и детей из беднейшего сословия. В настоящее время она поставила свое заведение на твердую ногу. Она имеет постоянные работы от Императорского Двора и награждена медалью»[28].

Готовую одежду среднего качества производили швейные мастерские, в которых работали, а порой и жили, девушки из малообеспеченных семей. С 1869 года в доме Тура на Невском проспекте функционировала мастерская Общества дешевых квартир. Ее организовала предприимчивая аристократка Анна Павловна Философова вместе с Надеждой Васильевной Стасовой и Марией Васильевной Трубниковой. Швеи работали и жили здесь же, дешево снимая в доме Тура крохотные квартирки. Ежедневно в мастерской трудилось 12–15 женщин. В начале 1870-х этот опыт признали успешным – и социально, и финансово. Поэтому комитет общества открыл вторую мастерскую в доме Реймерса в 1-й Измайловской роте.

28 Модный магазин, 1872, № 18. – С. 279.

Там работницы трудились над нехитрыми солдатскими вещами в окружении гвардейских казарм. Аналогичные ателье организовали при школе Сергиевского братства и приюте Святой Ксении.

Но шили и сами. Великосветские дамы, дворянки разного ранга, купчихи и мещанки – все умели рукодельничать. В 1870-е годы, когда народные традиции и стиль обрели наконец почетное место в моде, шитье, вязание, кружевоплетение стали весьма актуальными домашними занятиями. Журналы мод предлагали выкройки и делились советами, как старые костюмы и платья «можно употребить в дело и сделать из них новые туалеты».

Журналов выходило много. И отличить один от другого было сложно. Копировали французские, английские и венские картинки, переписывали советы и рецепты. Впрочем, писали и кое-что от себя. София Мей, владелица «Модного магазина», вела рубрику «Моды», в которой мягко высказывала свое мнение о европейском стиле и том, что она видела в Петербурге. Новости столичного света и фантастически длинные советы, как и что носить, предлагал «Модный свет» Германа Гоппе. «Новый русский базар» Вильгельма Гольдшмидта успешно торговал напомаженным и раздушенным прусским стилем, выводя под копирку берлинский «Bazar». Многие столичные аристократки с трудом понимали русский и с удовольствием выписывали французские издания «Le Moniteur de la Mode», «La Mode Illustree», «Magasin des Demoiselles».

Дамы
за любимым рукоделием.
Ателье «J. X. Raoult», Одесса. Начало 1870-х гг.
Коллекция В.В.Авдеева (Санкт-Петербург)

6

Мода 1880–1890-х годов

Иконы стиля
Из прошлого в будущее
Женская мода
Мужской костюм
Детский костюм
Костюмы для спорта
Ателье и магазины

Кронпринц Рудольф
и его супруга бельгийская принцесса Стефания.

Ателье «Oskar Kramer», Вена. Начало 1880-х гг.

Архив О.А. Хорошиловой

Приближалось время перемен. Медленно, почти незаметно. Тихой жужжащей металлической нотой в сочных колоратурах беспечной салонной жизни. Острой дробью каблучков и тросточек в гулком гомоне мужских улиц.

Серебристой скороговоркой скромных часов в сдобном шелковом хрусте «фру-фру». Победным клацаньем ломающихся турнюров в руках торжествующих профессоров анатомии. Этих холодных неверных нот было достаточно, чтобы расстроить блистательный концерт парижских портных, без устали воскрешавших фантомы прошлого на сцене европейского театра моды.

Знания редко бывают лишними, но мода 1880-х – именно тот случай. Знания утяжелили формы, усложнили отделку. Щеголихи перестали ощущать чувство меры. Историзм казался многим забавной пьесой со многими переменами облачений. Средневековые доспехи, флорентийские джуббы, английские вердугадены, венецианские кружева, испанские воротники, бурбоновы панье, складки Ватто – вся история костюма уместилась в одно десятилетие. Врачи-физиологи призывали одуматься: «Турнюр и корсет погубят женщин!» Суфражистки требовали запретить французскую моду, вздернуть мерзкого диктатора Ворта на фонаре, на уличном фонаре. Художники и эстеты повторяли лозунг Руссо «Назад к природе, господа!» и выдумывали «натуральные» наряды, столь же перегруженные знаниями.

Но победили не они. Победило время – новые условия жизни и труда, технические изобретения, колониальная политика, либерализм, социализм, эстетизм, ар-нуво. И победила форма – тягучая, природная, приторно изящная. В ней было еще много салонной истомы. Но была и абстракция, которая позже совершит переворот в искусстве, дизайне и моде.

Иконы стиля

В России внимательно следили за ростом генеалогических древ Европы. Обозреватели светских изданий наперебой сообщали о новом выгодном красивом браке, не забывая сочно описать традиционно пышные церемонии, венчальные костюмы, щедрое приданое.

В начале 1880-х шумно праздновали свадьбу кронпринца Австрии Рудольфа и бельгийской принцессы Стефании. Вена благоухала. Вена утопала в пестрой пене фиалок, лилий, чайных роз, пионов, тюльпанов. Парадный эскорт блистал начищенной медью, густо хрипели фанфары, августейшие свидетели роняли жемчужные слезы, а новобрачные под лепетание аплодисментов «обменивались сердечными поцелуями».

После церемонии в Брюсселе выставили на всеобщее обозрение богатое приданое невесты, созданное лучшими портными и мастерицами Европы. Журналисты выбились из сил, считая платья, накидки, сорочки: «Подвенечное платье... по традиции из серебряной парчи, богато вышитое серебром. Талия и рукава отделаны воздушными, прозрачными, серебряными кружевами, сложенными в тонкое плиссе. Manteau de cour, так же как и подвенечное, сделаны из серебряной парчи с такой же вышивкой, но здесь ее больше. Рядом с подвенечным платьем находится другое, которое королева наденет после венца. Небесно-голубая бархатная ткань с богатым серебряным шитьем ниспадает на нижнее платье из матово-голубого атласа, отделанного с большим вкусом

серебряными кружевами и рюшками... Другие платья: серое, бордо, черное, цвета зеленого мха – все с самой разнообразной отделкой – представляют также не менее разнообразный покрой: полонез, принцесс, английский покрой... Сорочки вышиты изящным дорогим шитьем, даже известные портнихи утверждают, что ничего подобного не приходилось им видеть в магазинах»[1].

В 1885 году французская принцесса Мария Орлеанская обвенчалась с принцем датским Вальдемаром. Церемония прошла в Париже, где позже представили драгоценные туалеты невесты и ее приданое, изяществом и дороговизной не уступавшее нарядам Стефании. Об этом судачил высший петербургский свет, отмечая прекрасное чувство вкуса Марии, ее умение выбирать туалеты и похвальную любовь к роскоши. Всех особенно поразил придворный выход – платье из белого атласа с вышитыми, как настоящими, васильками, розами и колокольчиками.

Но эти бледные «белые дамы», призраки заоблачных романических замков, были слишком далеки от жизни, которой вот уже второе десятилетие правили тугобрюхие буржуа, любители водевилей, плоских шуточек и хохотливых певичек. Театр был лабораторией моды. Актрисы смело экспериментировали и дефилировали в новинках, сводили с ума публику и портных, провоцировали скандалы и тенденции. Так поступала Сара Бернар, главная икона стиля 1880-х годов.

Каждая ее реплика казалась гениальной, каждый ее костюм считали шедевром. Эта юркая, ловкая дама с хрупкой фигуркой мальчишки заставила модниц хорошенько затягиваться в корсеты и худеть, худеть. Французские журналы угощали щеголих диетическими рецептами от Сары Бернар, назвали ее именем модный вид худобы: «maigreur Sarrah-bernardesque» («худоба в стиле Сара Бернар»). Много писали об ее сценических выходах: «В первом действии “Дамы с камелиями” Сара Бернар является в платье с большим декольте, наряд сделан из брокара, атласа, кружев и настоящего жемчуга. Нарядные накидки из перламутра, стеклярусa и драгоценных каменьев; сбоку – панье из белого атласа, грациозно откинутое назад и ниспадающее на богатый трен из белого брокара. У ворота – высокая и пышная фреска Стюарт из настоящего жемчуга. Руки обтянуты кожаными перчатками с буфами... Во втором действии актриса появляется в платье из синеватого атласа с лифом и треном из бархата более темного цвета. Перед атласного платья богато вышит накладными бархатными цветами с серебряной каймой... Наряд, в котором она появляется в третьем действии, превосходит все, что описано было нами раньше: он сделан из белого китайского крепа. Весь перед этого платья богато убран сборчатым кружевом и креповыми бувами; на боках панье из китайского крепа с кружевной отделкой. Длинный трен весь покрыт двойными плиссе из алансонских и кружев цвета крэм. Высокий лиф с белым атласным кушаком, пелериночкой и полудлинными рукавами с газовыми буфами, разделенными бандо из атласа»[2].

Бернар изводила портных. Она призывала их к себе, и те покорно приезжали. Она запиралась с ними в гостиной и не выпускала, пока вместе они не изобретали новой революции в костюме. Эти мучительные встречи (бой часов, бой мнений и сухая россыпь театральных «нет-нет-нет») назывались «seances». Бернар была требовательна. Ей было сложно угодить. Уходили от нее за полночь.

Говорили, что она пользуется услугами художников и скульпторов, что она ходит с ними по модным галереям, выбирает материалы, драпируется и выслушивает советы творцов по части цвета. Затем – встреча с мучениками-портными, примерки и первое появление на публике. Так рождались тенденции и новые фасоны: «Таким образом появились, например, лифы с острыми шнипами и панье,

Актриса Сара Бернар.
Фототипия по известному снимку Надара 1864 года.
Архив О.А.Хорошиловой

[1] Приданое принцессы Стефании / Новый русский базар, 1881. № 20, – С. 215.

[2] Туалеты Сары Бернар / Новый русский базар, 1881, № 46. – С. 491, 492.

Сара Бернар в роли Гамлета. Благодаря актрисе мужской стиль в женской моде стал весьма популярен. Фотооткрытка. 1880-е гг. *Архив О.А.Хорошиловой*

пришитыми к самой баске лифа, – комментировал "Новый русский базар", – фасон этот пользуется теперь большой известностью и встречается на всех современных туалетах. Затем Сара Бернар придумала рукава с буфочками, бульоне, кулисками и обшлагами с той именно целью, чтобы скрыть чрезмерную худобу своих запястий: все модные рукава нарядных туалетов гарнируются в таком же вкусе. На гулянье, в театре и вообще всех выездах Сара Бернар прикалывает к груди большие букеты живых цветов опять-таки для того, чтобы скрыть свои телесные недостатки; букеты эти и у нас вошли в моду и считаются самой элегантной гарнировкой. То же самое случилось и с перчатками; ей понравились шведские перчатки, она надевала их во всех своих ролях, со всеми туалетами, и у нас они вошли в такое употребление, что идут не только к простым, но даже и к нарядным и бальным туалетам»[3].

В ее образе мягко сочетались исторические цитаты и пестрые оттенки 1880-х с холодными нотами ар-нуво и эксцентрикой британского декаданса. Подобно Уайльду и Бердслею, она любила играть со смертью. Говорили, что ее будуар оклеен черным атласом, что она спит в черном бархатном гробу, а в шкафу держит скелет, «составляющий pendant к ее собственной особе».

Ей приписывали то, чего она не создавала, ее именем называли то, что она не носила. В 1880 году после премьеры драмы «Фру-фру», в которой блистала Бернар, закройщики придумали одноименный фасон платья для гуляний и вечеров: «Вся юбка сверху до низу покрыта самыми мелкими оборочками плиссэ из красного фуляра и черных кружев. Фуляровый красный шарф перехватывает юбку сбоку и заканчивается двумя длинными концами с бахромой. Изящный лиф из красного фуляра покрывается черным тюлем и отделывается черным кружевом. На красных фуляровых рукавах, покрытых тюлем, нашивается та же отделка, что и на лифе»[4].

В 1882 году после триумфа Бернар в пьесе Викториена Сарду «Федора» появилось множество одноименных новинок – кружевные парюры, галстуки, матине, лифики и ночные сорочки. Именем актрисы называли трены вечерних платьев, лифы, кружевные жабо и даже матросские воротнички.

След в моде оставила Лили Ленгтри, театральная звезда 1880-х, одинаково легко покорившая мягкосердечную американскую публику и чопорных британцев. Англичанин Редферн посвятил ей прогулочное платье

3 Новый русский базар, 1881, № 20. – С. 216.
4 Новый русский базар, 1881, № 28. – С. 297.

Оперная певица Дезире Арто в зимнем визитном туалете.
Ателье «Gottheil & Sohn», Данциг.
Коллекция Й. Новака (Чехия)

Надар часто снимал Сару Бернар.
Эта фотография была сделана в 1878 г.

«Джерси Лили». Около 1887 года появился небольшой ловкий турнюр «Ленгтри», тихо складывавшийся, когда дама садилась. Многие тогда сочли его самым талантливым изобретением в истории костюма.

Пухлая королева французской оперетты Анна Жюдик, дитя сладко-салонной эпохи, составляла двум театральным львицам определенную конкуренцию. Для нее творили Ворт и Редферн, ее наряды представляли на специальных выставках, предварявших заграничные турне. «Перлом всей этой гардеробной коллекции является платье из атласа персикового цвета с отделкой из золотых и серебряных кружев. – сообщал "Новый русский базар". – Длинный трен, также сделанный из атласа, богато заткан золотом и синими шелками. Этот оттенок золота с синими цветами есть новость, изобретенная в последнее время. Он впадает в красную тень и имеет сходство с цветом тех материй, которые употреблялись на туалеты римских императриц на больших выходах и церемониях»[5].

Аделина Патти все еще успешно выступала в Европе и России, удивляя не только своим талантом, но и фантастическими гонорарами. К примеру, за два концерта в 1881 году она получила 30 тысяч франков золотом. Это было неслыханно. Но ей все прощали ради нескольких звуков – «таких чистых, высоких и мягких» (Мария Башкирцева). Публика оставалась преданной певице, без устали обсуждала ее выходы и наряды. «Один из наиболее выдающихся туалетов представляет платье бледно-голубого сатина, отделанное белым брокатом с цветочками. Фасон его так великолепен, что краткое описание едва ли может дать понятие об изяществе этой вещи»[6], – сообщал светский хроникер.

Законодательницами вкуса в России были пианистка Анна Есипова, актриса Дезире Арто, певица Елизавета Лавровская.

5 Новый русский базар, 1885, № 42. – С. 431.
6 Новый русский базар, 1881, № 40. – С. 420.

Актриса Лили Ленгтри.
Ателье «Мога»,
Нью-Йорк. 2-я пол. 1880-х гг.
Частная коллекция (Париж)

Из прошлого в будущее

Первое слово в моде все еще принадлежало Франции, хотя сказать ей, в общем, было нечего. Отсутствие идей с лихвой компенсировали детали – рюши, бульоне, плиссе и буфы. Затянутые в «русалочьи» платья дамы выглядели грузными и неповоротливыми в густых французских сливках отделки. Многим это не нравилось. «Наше подражание всему иноземному, особенно парижскому, столь велико, – жаловался обозреватель моды, – что мы никак не можем забраковать все то, чем так назойливо угощают нас парижские модистки и портные».

Не нравилось, но приходилось носить. Впрочем, альтернатива все-таки была. Английские и американские закройщики предлагали легкие пуританские прогулочные платья и костюмы-троттеры, в которых дамы выглядели моложе и спортивнее своих комодоподобных современниц. «Американка сделалась королевой наших салонов, – утверждал “Новый русский базар”. – Она безукоризненно ездит верхом, бывает на всех скачках, как истая англичанка, и вместе с тем может служить образцом хорошей и расчетливой хозяйки и доброй матери. Костюм ее соответствует ее характеру, а потому и отличается той простотой, которую можно встретить в туалете светской женщины. Фасон ее костюма – чисто мужской, не убран побрякушками и теми бесчисленными мелочами, которыми так охотно француженки украшают свои затейливые наряды»[7].

Все, что было мало-мальски удобно и происходило из мужского гардероба, называли американским или английским. К примеру, в начале 1880-х стал популярен американский костюм. Он включал в себя куртку-казак и юбку: «Казак сделан по талии, из английского клетчатого дра-де-дама с большими отворотами. Перед казака двубортный, застегивается на крупных роговых пуговках. Сверх полотняного воротничка надевается мужской фуляровый галстук с крупными полосками; серебряная булавка в виде подковы довершает этот оригинальный костюм американки»[8]. С ним носили «американскую шляпу» – широкополую, из темно-синего плюша с большим страусовым пером.

Мужское состязалось с женским, техногенная современность с рюшевым прошлым. Дамы драпировались в цитаты, украшали себя гроздьями библиотечных знаний. В Европе и России обожали кровавую эпоху Генриха III Валуа и славное время парижского элегантена, «зеленого любовника», Генриха IV. Лифы следовало носить непременно во вкусе XVI века – из бархата, с длинными басками и четырехугольным вырезом. Сзади пристегивался

7 Новый русский базар, 1882, № 36. – С. 371.
8 Новый русский базар, 1882, № 3. – С. 373.

Девушка в скромном прогулочном костюме – куртке и юбке. Низ рукавов украшен отворотами в военном стиле.
Ателье «Ю. Штейнберг», Санкт-Петербург. 2-я пол. 1880-х гг.
Архив О.А. Хорошиловой

Один из ранних вариантов прогулочного костюма-троттера – однобортная цельнокроеная куртка-казак с отложным нижним воротником, дополненным верхним кружевным, и юбка в тон.
Ателье «Фотография Вяткина», Казань. 2-я пол. 1880-х гг.
Архив О.А. Хорошиловой

веерообразный кружевной воротник – столь высокий, что приходилось, как в XVII веке, прибегать к помощи металлического каркаса. Назывались воротники «Генрих IV» и «Мария Медичи». Рукава лифов безжалостно рассекали и прокладывали с изнанки контрастным атласом – в этом образованные дамы видели приятное сходство с костюмами ландскнехтов. Жирные рукава вечерних платьев, ловко перехваченные бархатными лентами, отсылали к итальянскому Чинквеченто, а высокие плоеные воротники – к испанскому золотому веку.

Не забывали о бурном восемнадцатом столетии. В конце 1880-х годов усилился интерес к Великой французской революции. Третья республика готовилась помпезно, мирно и хмельно отметить ее столетний юбилей. Дамы напоминали жирондисток-вязальщиц в своих «крестьянских», довольно коротких юбках без турнюров и жакетах с широкими лацканами, похожими на куртки-пьеро столетней давности. Возродили и термидорианские «голубиные грудки» – полувоздушные зобы из батиста и кружева. В 1889 году появились платья-«анкруаябль» с полонезом и огромными отворотами, напоминавшими баснословные фраки парижских «невероятных».

Цитаты из истории прекрасно сочетались с национальными мотивами. Шотландский стиль оставался популярным в России, несмотря на войны и политические разногласия с Британией. Русские модницы, поддаваясь искушениям оттоманского Востока, примеряли его пестрый гардероб – куртки и халаты, широкие кушаки и пояса. Они с удовольствием носили бархатные платья, дивно расшитые сутажом в ориентальном вкусе, и милые кофточки-«смирниотки», замысловатое название которых напоминало о старинном турецком городе. «Это красивые очень корот-

Маскарадный костюм и грим «Генрих III». Стиль этого короля вошел в моду в 1880-е годы.
Гравюра. Журнал «La Mode illustree», 1888 г.
Архив О.А.Хорошиловой

Маскарадный грим и костюм «анкруаябль» (невероятный), ставший весьма популярным в 1888–1889 годах, когда Франция готовилась отметить 100-летие Великой французской революции.
Гравюра. Журнал «La Mode illustree», 1888 г.
Архив О.А.Хорошиловой

кие кофточки, которые надевают на любое домашнее платье. – объяснял "Модный свет". – Их делают с рукавами и без них и украшают вышивкой или басонными работами»[9].

В 1880-е годы русский стиль стал государственным. Император Александр III обратился в бородатого кряжистого мужика в «мурмолке» и мундире навроде армяка. Вслед за ним переоблачилась аристократия. Пышный бал 25 января 1883 года во дворце великого князя Владимира Александровича утвердил неорюс в придворной маскарадной моде, а многочисленные выставки народных промыслов укрепили его существование в моде повседневной.

На Всероссийской художественно-промышленной выставке 1882 года было много народных поделок и подделок под народ. Госпожа Лачинова разворачивала перед посетителями диковинные скатерти, рушники и покрывала с вышивками и неприхотливыми кружевами, которые день-деньской сочиняли для нее безропотные крестьянки Петербургской, Тверской и Новгородской губерний. Были здесь и женские народные костюмы, игрушки и утварь. Авдотья Меликова, крестьянка Петербургской губернии, с поклоном и присказкой

9 Модный свет, 1889, № 8. – С. 90.

торговала своими кружевными работами, произведшими на публику большое впечатление. Русское кружево было повсюду: «Ими убирают теперь не только дамские наряды, но и все принадлежности будуара и дамской спальной. Для такой отделки удобнее всего суровое русское кружево с синей и красной ниткой»[10], – отмечала София Шаховская.

После Всероссийской выставки дамы вновь примерили русское шитье и национальный триколор. «В большой моде вышивки в русском вкусе по белой и суровой материи», «Эти летом непременно будут носить русские и матросские костюмы с богатой вышивкой в русском вкусе», – сообщали петербургские журналы. Подхлестнул интерес к русскому стилю коллекционер Константин Далматов, в 1883 году устроивший в Петербурге первую выставку узорного шитья. Изданный им каталог, а также роскошный фолиант Генриха Гоппе «Рисунки русских и славянских народов» стали настольными книгами многих ценителей народной культуры и быта.

Если поклонникам государственного шика иллюстраций было недостаточно, они отправлялись в магазин госпожи Вонифантьевой на Малую Морскую улицу, 19. Румяные длиннокосые венециановские красавицы за прилавком торговали всем необходимым для поддержки ура-патриотических настроений – народными кружевами и утварью, вышитым бельем и нарядами. «Великолепно исполнен костюм в русском вкусе, – комментировал "Новый русский базар"», – по голубой шелковой материи, золотом, блестящими блестками и пестрыми шелками; голубые шелковые полоски чередуются с полосками из суровых прошивок и кружев, богато затканным пестрыми нитками и шелком. Этот костюм состоит из рубашечки, передника и маленького кокошника. В данный момент, когда балы, рауты и маскарады в полном ходу, такой костюм может пригодиться молодым девицам или дамам для маскированных вечеров»[11].

[10] Новый русский базар, 1881, № 26. – С. 278.
[11] Новый русский базар, 1884, № 4. – С. 38.

Эффектная дама в прогулочном платье из модной шотландки и шляпе с плюмажем.
Ателье «Фотография И. Яковлева», Кронштадт. 1-я пол. 1880-х гг.
Коллекция В.В.Авдеева (Санкт-Петербург)

Но страсть к исторической реконструкции ослабевала. В конце 1880-х возникло пока еще легкое увлечение чистой формой – текучими абстрактными орнаментами, в которых едва угадывались лепестки чайных роз, фестоны распустившихся лилий, диковинные пастельные соцветья, скопированные с дальневосточных текстилей. Китай и Япония были теми неведомыми странами диковинных цветов и тонких ароматов, которые вдохновляли Оскара Уайльда и Обри Бердслея, русских мирискусников и парижских постимпрессионистов, Рене Лалика и Эктора Гимара.

Маскарадные костюмы в болгарском (слева) и сербском (справа) стилях.

Гравюра. Журнал «La Mode illustree», 1888 г.

Архив О.А.Хорошиловой

Платье в русском вкусе.

Гравюра. Журнал «La Mode illustree», 1888 г.

Архив О.А.Хорошиловой

Дама в маскарадном костюме в стиле эпохи царя Алексея Михайловича. Вероятно, он был придуман под влиянием костюмированного бала 1883 года.
Ателье «М. Конарский», Москва. Середина 1880-х гг.
Архив О.А. Хорошиловой

Очаровательный малыш в маскарадном костюме в польско-венгерском стиле.
Ателье «Левицкий и сын», Санкт-Петербург. 1890-е гг.
Коллекция А.А. Классена (Санкт-Петербург)

Европейский модерн рождался в райских кущах Востока.

Тогда, в конце 1880-х, русские журналы мод начали публиковать образцы цветочных китайских вышивок. Вскоре они легли нежной паутиной на поверхность бархатистых платьев, шелковых сорти-де-баль и суконных казаков. Японские ткани пользовались необычайным спросом. Из них шили нарядные платья и зонтики. Кимоно надевали по утрам вместо матине и днем – вместо чайного платья. Кое-что из пестрого маньчжурского гардероба мелькало на январских балах русской знати.

Не только Восток привлекал новизной. Остро современными были всемирные выставки, в недрах которых формировался стальной XX век. В 1889 году в Европе и России обсуждали необычайно дерзкую конструкцию Густава Эйфеля – стальная стрела амбициозно впилась в упругую синеву неба, будто указывая направление движения будущего. Тут же вошли в моду «эйфелевские цвета» – все оттенки стального, а также коричневый и серый.

О будущем думали не только архитекторы, но и врачи, справедливо полагавшие, что оно зависит от состояния здоровья женщины.

Эйфелева башня, возведенная в 1889 году и оказавшая влияние на модные цвета десятилетия.
Фотография.
1889 – начало 1890-х гг.
Flickr.com

А оно оставляло желать лучшего. Русалочьи корсеты больно впивались в тело, деформировали скелет, ломали ребра, что весьма искусно, в деталях, изображали художники в книжках немецких физиологов. Женщины привыкли к выкидышам, асфиксии и обморокам. Врачи забили тревогу. Еще в 1860-е годы в США начали всерьез размышлять о новом реформированном костюме для женщин. В 1870-е идею подхватили в Европе – не только суфражистки, но и медики, изучавшие пагубное воздействие корсетов на анатомию. С ними был солидарен бородатый натуралист Густав Егер, написавший в 1880 году эссе «Повседневная одежда как способ охраны здоровья» и утвердивший в нем значение шерсти в костюме.

Мария Александровна Кази
в светлом праздничном платье и прическе в стиле японских гейш.
Ателье «Lorens», Санкт-Петербург. Начало 1890-х гг.
Архив О.А. Хорошиловой

В 1880-е реформа женской одежды стала наконец реальностью. В 1882-м в Лондоне возникла Rational Dress Association, а в следующем году она представила выставку проектов реформированных костюмов. Аналогичные ассоциации появились в Германии и Швеции. Русские красавицы вне всяких обществ и медицинских рекомендаций пытались отречься от корсетных кирас. Мария Башкирцева, известная парижская художница и модница, сделала это еще в 1882 году: «Я всегда одеваюсь с особенным тщанием для художников и притом – совсем особенно: длинные платья, без корсета, драпировки; в свете мою талию нашли бы недостаточно тонкой, а мои платья недостаточно модными»[12]. Судя по количеству рекомендаций в журналах, а также безымянных жалоб читательниц, Башкирцева не была единственной.

12 Башкирцева М. К. Дневник. – М.: Захаров, 2000. – С. 359.

Натуралист Густав Егер, пропагандист здоровой удобной шерстяной одежды.
Фототипия. Flickr.com

Драматург и законодатель моды Оскар Уайльд позирует в знаменитом эстетическом костюме и польской шубе на медвежьем меху.
Ателье «W. Thrupp», Бирмингем. *Частная коллекция*

В том же 1882 году «Новый русский базар», отвечая на вопрос от неких «матери и дочери», строго обозначил границы дозволенного: «Без корсета можно теперь носить только кофты, безрукавки и пеньюары, тогда как ни один модный лиф не может без него хорошо сидеть на фигуре»[13].

В конце 1880-х и в 1890-е годы к диспуту о реформах подключились художники и философы. Вслед за пионером в этой области Уильямом Моррисом проекты новых женских костюмов предложили Артур Либерти, Фридрих Денекен, Анри ван де Вельде. Блистательный драматург и острослов Оскар Уайльд в 1880-е заинтересовался реформированием женского костюма и написал даже два эссе: «О женской одежде» и «Еще несколько радикальных мыслей о реформе одежды». Британец повторял идеи американцев и немцев: «Покуда нижнее белье будет висеть на бедрах, без корсета не обойтись; ошибка здесь в том, что опорой для всей одежды не служат плечи. В последнем случае корсет становится бесполезным, тело остается незатянутым и свободным для дыхания и движений, от этого женщина становится лишь более здоровой и, следовательно, более красивой»[14].

13 Новый русский базар, 1882, № 48. – С. 500.

14 Уайльд О. Полное собрание сочинений. – СПб.: Товарищество А. Ф. Маркс, 1912. Т. 4 – С. 159.

Дама в дневном платье, украшенном шитым кружевом.
Неизвестное ателье, Россия. Конец 1870-х – начало 1880-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Женская мода

В это десятилетие дамы усердно боролись с расплывавшейся талией. Главным оружием были жесткие воронкообразные корсеты со шнипом. Их носили стиснув зубы, вопреки здравому смыслу, удобству и законам анатомии. Силуэт начала 1880-х – идеально русалочий. Узкие плечи, хрупкий стан, едва ощутимые бедра и шипящий, змеиный шлейф, он же «русалочий хвост». К середине 1880-х турнюры вновь раздобрели, рукава расширились в своей верхней части. И все это для того, чтобы талия казалась совсем тонкой, полупрозрачным мысиком песочных часов.

Но и эти средства помогали не всем. Тогда на помощь приходили врачи с дельными советами, как похудеть: «Пища должна быть смешанная, но содержать преимущественно белковые вещества – 160 граммов белковины, 10 граммов жира, 80 граммов углеводов», «С мясом следует употреблять в пищу овощи, но никогда не готовить их на масле и жире», «Мучные блюда, богатые жиром и углеводами, разные печенья, конфекты, пряники совсем не следует кушать».

Дамам надлежало обильно потеть, заниматься физическими упражнениями, много ходить и умеренно спать. Рекомендации, актуальные до сих пор.

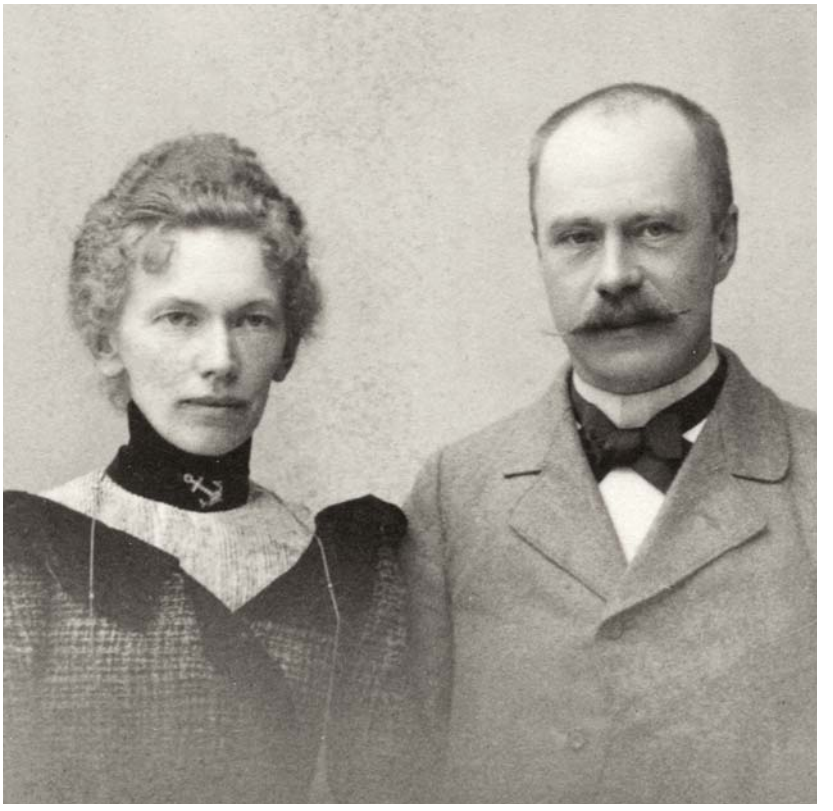
В конце 1880-х – начале 1890-х талия чуть расширилась, турнюры уменьшились, юбка стала похожа на колокол. И можно было назвать силуэт естественным, если бы не рукава, выросшие вдруг до размеров воздушных шаров в стиле Энгра и Гоголя.

Мода противилась мирскому натурализму. Ей хотелось театра, полета, эффекта...

Названия цветов звучали опереточной арией – руж вьё, руж виолас, лила, корай. Ярких тонов и опасных диссонансов не боялись. Для утра выбирали оттенок аметиста, зеленый, темно-бронзовый и даже темно-красный. Днем – немаркие прогулочные: синий, зеленый, коричневый, серый мышиный, серый пепельный, серый солдатский, а также чрезвычайно модный «electrique» – голубовато-синий. Вечером предпочитали мягкие полутона – белый, палевый, кремовый, бледно-зеленый, бледно-розовый. С 1885 года цветовая палитра вечерних и бальных платьев расширялась. Помимо привычных пастельных, вошли в обиход пестрые: «На юбку из желтоватой материи надевают лиф голубого цвета с отделкой из золотого галуна или оранжевого шнурка. Платье шоколадного цвета убирают красной материей и даже нашивают темно-малиновый бархат на туалеты из сиреневой или темно-серой материи. Также чрезвычайно эффектны туалеты из темной материи с гарнировкой из широкого галуна»[15].

15 Новый русский базар, 1884, № 42. – С. 417.

Элементы дамского нижнего белья.
Гравюра. Журнал «La Mode illustree», 1888 г.
Архив О.А.Хорошиловой



Дама в шерстяном прогулочном платье позирует с супругом в серой визитной двойке. Ее высокий бархатный воротник украшает брошь в форме якоря, что, возможно, указывает на то, что ее муж имеет отношение к флоту.
Ателье «E. Chiffelle», Нефшатель. 2-я пол. 1880-х гг.
Архив О.А. Хорошиловой

Девушка в шерстяном прогулочном платье, лиф которого украшен бархатными отворотами.
Ателье «Митрейтер», Москва. 2-я пол. 1880-х гг.
Архив О.А. Хорошиловой

Евгения Александровна Рыкова в дневном платье.
Позирует с супругом, доктором Мункевичем.
Ателье «М. Островский», Рославль. Начало 1890-х гг.
Архив О.А. Хорошиловой

Наталья Нолле с супругом.
Позирует в простом прогулочном платье.
Ателье «И. Антонопуло», Одесса. Конец 1880-х гг.
Архив О.А. Хорошиловой

Девушка в элегантном прогулочном платье, лиф которого украшен кружевом ручной работы.
Ателье «М. Глоцер», Херсон. Конец 1880-х гг.
Архив О.А. Хорошиловой

Девушка в шелковом дневном платье.
Неизвестное ателье, Россия. 1-я пол. 1880-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Семейство в прогулочных туалетах.
Неизвестное ателье. 1880-е гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Молодая пара на отдыхе за границей. На даме – прогулочный наряд, лиф которого отделан черным бисером.
Ателье «Lawitzky», Берлин. 1-я пол. 1880-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Тенденция соединять мягкие пастельные и сочные оттенки сохранялась в первой половине 1890-х. Цветные лифы дополняли черной бархатной гарнировкой, лиловый примиряли с розовым, бирюзовый – с оттенком резеды. Желтый, цвет не столь уже далекого Дальнего Востока, притянутого к России прочными лесками Сибирской железной дороги, был особенно популярен. Носили все его оттенки – от бледно-палевого до красноватого. Существовали и более экзотические – «кофеин» (кофейно-ореховый) и «суматра» (коричневато-желтый). Названия и назначение видов нижнего белья почти не изменились. Носили рубашки и кофточки (утренние и ночные), сорочки и панталоны. Появились более функциональные модели, отвечавшие моде на узкий силуэт. К примеру, сорочки фасона «принцесса»: «Она слегка прилегает к талии и соединяет в себе сорочку заодно с коротенькой юбкой. Такая сорочка может заменить обыкновенный коленкоровый лифик и изображает таким образом три различные принадлежности дамского наряда: сорочку, лифик и юбку», – отмечал русский обозреватель моды. Весьма удобными были панталоны-рубашка и «усовершенствованная дамская сорочка» из шертинга, которая «одновременно служила юбкой и весьма удобна для теплого летнего времени».

Девушка в визитном платье с шикарным бантом, напоминающим раскрытый веер.
Ателье «Фотография Страхова», Санкт-Петербург.
1-я пол. 1880-х гг.
Архив О.А. Хорошиловой

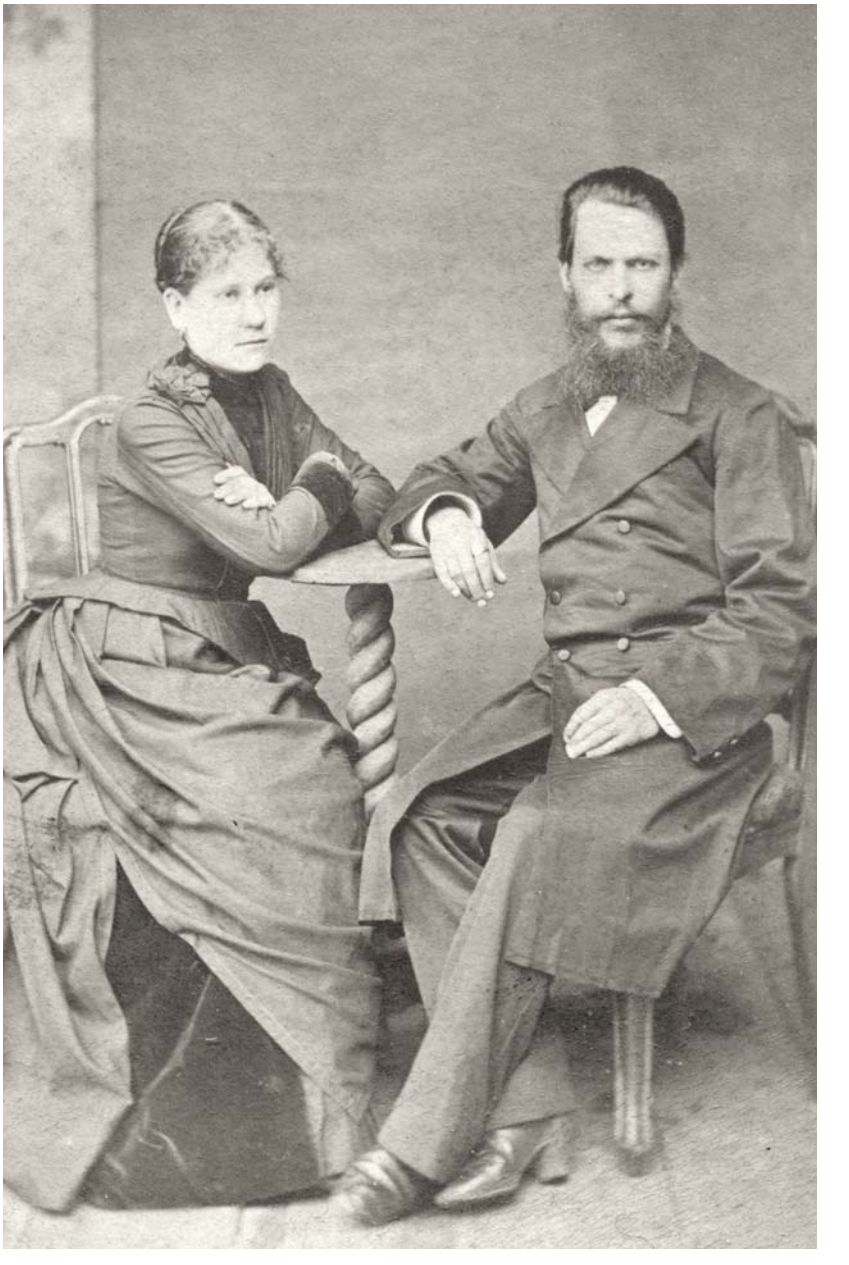
Девушка в дневном туалете.
Ателье «А. Семененко», Санкт-Петербург.
Начало 1880-х гг.
Архив О.А. Хорошиловой

Утром дамы надевали батистовые матине из сюра или плюша, капоты из кашемира. Неглиже было двух видов: «С длинной кофточкой и юбкой и в виде широкого капота и со сборчатыми передними полочками и с кружевами, нашитыми сверху». Дополняли утренний наряд чепцы из креп-лисса и вышитые мягкие туфли. В начале 1890-х формы этих видов одежды стали более свободными, а крой – проще.

Турнюры исчезали и появлялись вновь. В 1881-м они аккуратные, узковатые, волосяные. В 1882 году стали большими и пухлыми, как в середине прошлого десятилетия. Это многих расстроило. София Шаховская негодовала: «С душевным прискорбием (если только так можно выразиться в модных заметках) должны мы сообщить нашим дамам о возвращении прежних турнюров, довольно больших размеров и надеваемых на юбке сзади. Неужели в действительности возвратится царство стальных обручей в виде кринолинов?»[16]. Оно, конечно, не вернулось, но в середине 1880-х,

16 Новый русский базар, 1882, № 26. – С. 272.

Дамы и ребенок в прогулочных туалетах.
Середина 1880-х гг. *Архив О.А.Хорошиловой*



Дама в визитном платье, молодой человек – в деловой сюртучной тройке.
Неизвестное ателье, Казань (?). Начало 1880-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

когда резко увеличился объем турнюров, появилась юбка-кринолин с несколькими не слишком широкими обручами. Она держала на себе заметно расширившуюся юбку с увесистыми подборами на боках.

Широкие турнюры 1885–1886 годов, столь ненавистные многими в Европе и России, были предметом шуток и анекдотов. Журналисты запустили утку. В Германии, мол, нет от них спасенья, но один из них спас-таки младенца от гибели. В городке Апольд, что в Тюрингии, по улице прогуливалась модная дама. Вдруг со второго этажа сорвался ребенок и упал на нее – вернее, на мягкую юбку с турнюром. Дитя было спасено, дама отделалась легким испугом. В городке Апольд сочинили турнюру хвалебную песню. Гротеск в лучших традициях журнала «Панч».

Но волосяных подушек и клацающих стальных «креветочных хвостов» никто уже не хотел. Возвратившись на пару лет в моду, они вновь вышли из нее в конце десятилетия. В 1889 году русские журналы сообщили приятную новость: «Турнюров больше нет. Некоторые дамы еще надевают подушечки, но прежние кринолинетты совсем исчезли».

А. Пущина в визитном выездном туалете.
Ателье «А. Семененко», Санкт-Петербург. Середина 1880-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Девушка в визитном платье, украшенном модным «аксельбантом» с бусинами «грело».
Неизвестное ателье, Россия. Конец 1870-х – начало 1880-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Девушка в нарядном платье, декорированном бисером.
Ателье «Славянская фотография Денисова», Уфа. 1-я пол. 1880-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Корсеты, меняясь в угоду моде, стали узки и жестки. Дамы, как говорили тогда, «затягивались в рюмочку», то есть послушно уминали свои корпускулярные телеса в тесную воронку из шелка и китовых усов. В конце 1880-х корсеты стали чуть шире, шнип исчез. В начале 1890-х они мягче облегали фигуру и укоротились. Тогда же модницы примерили и смелую альтернативу – нагрудники. Их шили из кретона, сатина, тика, шелка или фланели. К двум упругим чашам пришивали наплечья и тесемки, опоясывавшие талию. Их следовало носить поверх корсета «для придания бюсту желательной модной округлой формы». Однако дерзкие молодые особы игнорировали корсет и надевали только нагрудники во время прогулок, верховой езды и занятий спортом. Так

Девушка в нарядном платье, украшенном бисером и кружевным фишю.
Ателье «И. Антонопуло», Одесса. Конец 1880-х гг.
Архив О.А. Хорошиловой

Графиня Елена Григорьевна Шереметева (урожденная Строганова) в нарядном шелковом платье.
Ателье «Bassano», Лондон. Начало 1880-х гг.
Архив О.А. Хорошиловой

медленно приближалось время бюстодержателей, женской эмансипации и Поля Пуаре.

В 1880-е годы весьма разнообразными были лифы платьев. Безусловный писк моды начала десятилетия – эластичный лиф-«майо» из трико. София Шаховская комментировала: «В Париже их делают нередко из материи телесного цвета и надевают почти совсем без всяких корсетов; но это слишком эксцентрично и вряд ли сможет привиться в нашем обществе. У нас их делают преимущественно из темных материй синего, темно-зеленого, коричневого и цвета гелиотроп»[17]. Их дополняли высокими бархатными «офицерскими» воротничками. Тогда же стали популярны лифы с басками и лифы-фраки с лацканами и небольшими фалдами сзади. К 1885 году баски исчезли, в костюме заметно усилилась вертикаль, которую подчеркивали высокие воротнички. Одновременно вышли из моды длинные трены. К середине десятилетия они остались лишь на бальных платьях, однако молодые дамы обходились вовсе без них.

Большое значение в костюмах 1880-х имела отделка. Модницы купались в ней, словно венеры в пене морской. «В настоящее время покупается платье, чтобы иметь возможность показать отделку... Как бы дорога и богата ни была материя, если она ничем не убирается, то и наряд будет считаться слишком простым» – так полагали щеголихи.

Кружева кружились у шеи густыми шуршащими фресками и спускались к талии сквозящими воздушными парюрами, морскими ба-

17 Новый русский базар, 1881, № 2. – С. 22.

Ольга Ильинична Кази-Резниченко в визитном платье и кофточке с изящной вышивкой.
Ателье «И. Антонопуло», Одесса. 2-я пол. 1880-х гг.
Архив О.А. Хорошиловой

Ксения Александровна Казнакова с дочкой. Позирует в шерстяном визитном платье.
Ателье «Я. Тираспольский», Одесса. Начало 1890-х гг.
Архив О.А. Хорошиловой

рашками зыбились на атласе тренов, пикантно трепетали у декольте. «Женщина родится, засыпает, просыпается, торжествует, живет и умирает в кружевах!» – справедливо отмечала София Шаховская. А сколько было видов – русское, брюссельское, бретонское, валансьенское, шантильское, венецианское, алансонское, гипюровое, кружево вермишель, кружево из золота и стали.

Отделывали платья вышивками, атласными лентами и бархотками. Офицерский стиль, оказавший влияние на форму воротничков, отразился на гарнировке – на правом плече дамских лифов повис шелковый шнур-аксельбант.

Платья, как прежде, делились на виды. Городские прогулочные стали коротки и удобны – никаких тренов и путающегося подола под ногами. Летом их шили из фуляра, крепа, муслин-де-лина. В начале десятилетия к ним надевали полонезы из модного джерси. В конце 1880-х и начале 1890-х помимо платьев дамы с удовольствием носили легкие короткие рубашечки из креп-лисса или сюра с плиссированной кокеткой у ворота, кушаки и фланелевые юбки. Голову покрывали широкополыми соломенными шляпами в стиле Виже-Лебрен. Осенне-зимние прогулочные платья шили из вигони, репс-кашмира, фланели, легкого драде-дама, тонкого кашемира. Однако самым модным материалом был признан плюш, из которого создавали не только платья, но и почти все виды верхней одежды, включая шляпы.

Конкуренцию прогулочным платьям составляли тайеры или городские костюмы –

Наталья Васильевна Нолле в шерстяном платье, украшенном кружевом «кроше».
Ателье «Н. Уземский», Киев. 1895-1896 гг. *Архив О.А.Хорошиловой*

простые, удобные, из тонкой шерсти, шевиота или бэжа коричневого, серого или зеленых цветов. На юбке – несколько нашитых воланов.

Прогулочные платья щедро украшали фигурным кружевом, брошками и булавками из золота и жемчуга, вышивками из сутажа, тесемками и шнурами. Осенью и зимой тайеры отделывали мехом, руководствуясь строгими правилами: «Если вы делаете его (городской костюм. – *О.Х.*) из драпа или вигони, то можете убрать его настоящим барашком... Куница и соболь подойдут на отделку костюмов из бархата и брокара, а прелестная шиншиля со своим серебристым отливом идет решительно ко всякой материи»[18].

Визитные платья, столь же узкие и щедро гарнированные, отличались рукавами в три четверти и чуть длиннее. Однако если дама отправлялась на званый обед или торжество, лиф она выбирала непременно с коротким рукавом (до локтевого сгиба), богатой отделкой и длинным

Две модницы в визитных платьях с рукавами «жиго».
Ателье «Ю. Штейнберг», Санкт-Петербург. 1894-1896 гг. *Коллекция В.В.Авдеева (Санкт-Петербург)*

треном. В 1883 году в моду вошли сборчатые рукава – их часто называли «французскими». Им предсказывали большое будущее. Действительно, в начале следующего десятилетия они преобразились в буфы, ставшие в середине 1890-х почти круглыми «бараньими ногами». Тогда же возникла мода сочетать одноцветные лифы с контрастными пестрыми юбками. В начале 1890-х начинается мода на короткие рубашечки и кофты-лифы с широкими лацканами, украшенными вышивкой или флоральными аппликациями во вкусе расцветающего модерна.

18 Новый русский базар, 1882, № 42. – С. 432.

Очаровательная дама в осеннем прогулочном наряде. На воротничке – брошь в античном вкусе.
Ателье «В. Высоцкий», Киев. Середина 1890-х гг.
Архив О.А. Хорошиловой

Девушка в шерстяном прогулочном платье. Обращает внимание ее тонкая талия.
Неизвестное ателье, Петрозаводск. Середина 1890-х гг.
Архив О.А. Хорошиловой

Нарядных платьев было множество – концертные и театральные, для малых и больших обедов и вечеров. Трены (чаще всего привязные) считались обязательными. Черный доминировал, однако с ним конкурировали яркие цвета. Стало модно гарнировать платья контрастной бархатной отделкой. Бальные туалеты были традиционно самими дорогими и роскошными. Они поражали обилием гарнировки и разнообразием оттенков, порой кричащих. «Какой блеск, какая пестрота в наших бальных нарядах! – удивлялась София Шаховская. – Все, что в былые времена считалось аномалией и отсутствием хорошего тона, теперь сделалось последней модной новостью. Сиреневое с голубым, красное с желтым и лиловым, розовое с оливковым, лиловое с цветом электрик, розовое с красным, черное с желтым и зеленым... Узоры во вкусе Помпадур бледнеют в сравнении со всем турецким, персидским, египетским и болгарским вкусом, господствующим на богатых материях наших парадных платьев»[19]. К этому богатому списку национальностей стоит добавить и русскую. В середине 1880-х стало модно шить бальные платья из драгоценной материи «московит» – толстого сиреневого, бледно-желтого или розового атласа, сплошь затканного крупными букетами из серебряных и золотых нитей. Столь же популярной для бала считалась экзотическая ткань «Радамес-ажур» – шелковый сатин с прозрачными букетами. Для панье и тюников использовали атлас «лампа-гераниум» и «сатин-плюш».

Оставались неизменными традиционные для бальных туалетов декольте, короткие рукава и длинные трены. Силуэт был отредактирован в угоду «русалочьей» моде, а стиль – в угоду

19 Новый русский базар, 1882, № 1. – С. 471, 472.

пышному историзму. «Нарядные платья (robes de gala, de ceremonie et de bal) это не что иное, как самые верные снимки с туалетов Марии Стюарт, Маргариты Валуа, Марии Антуанетты, графини Монтеспань и других дам, игравших весьма важную роль не только в обществе, но даже и в моде. Теперь прямо можно заказать себе платье во вкусе Людовика XV, Маргариты Валуа и др., не входя в подробный обзор всех бантиков и петелек, кулисок и сборок. Все эти исторические новинки моды имеют за собой еще и то преимущество, что не могут так скоро надоесть и приглядеться и идут почти всякой фигуре»[20], – сообщал «Новый русский базар».

В ту эпоху бальные туалеты могли быть самими смелыми и вычурными. Каноны хорошего вкуса изрядно расшатала городская культура. Уместным считалось почти все – исторические цитаты, ворох кружева, тяжкие золотные вышивки. Живым цветам тоже хватило места на лифах. Существовали строгие предписания, кому какие цветы надевать. К примеру, белыми лилиями украшали свои платья молодые девицы, флердоранжем – невесты, фиалками – девушки и дамы, считающие скромность своей главной добродетелью. Полный список цветов для бальных туалетов и их значения привожу в приложении № 6.

С цветами и кружевом конкурировал жемчуг, матово переливавшийся на лифах и богатых тренах бальных платьев. Считалось, что он одинаково идет блондинкам и брюнеткам, юным красавицам и выцветшим мамашам. И даже драгоценные бриллианты были ими на время забыты. Ценились крупные жемчужины идеально круглой формы, чистые, с прозрачным блеском, настоящие аристократки. Ими украшали лифы, но чаще всего составляли высокие колье и носили на шее, отчего их прозвали «ошейниками» (collier de chien). Матовыми, гораздо более дешевыми, утешались дамы среднего достатка. Оставались неизменными бальные аксессуары – длинные шведские перчатки и веера, цвет и форму которых подбирали в тон платья: «При белом платье необходим белый веер, слоновой кости, перламутровый или шелковый, а для замужних дам – кружевной или из страусовых перьев. К цветным платьям берут цветные же подходящие, но непременно нарядные веера»[21].

Ольга Воронец в шерстяном осеннем прогулочном туалете, барашковом токе и с муфтой.
Ателье «Я. Тираспольский», Одесса. 1895-1897 гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Было множество видов верхней одежды – кашемировые манто и мантле из пестрого репса-«оттоман» или бархата, ротонды и узкие пальто для катания в экипажах, драповые пардессю и длинные двубортные пальто, ловкие короткие «казачки» и нарядные пальто на пестрой плюшевой подкладке. В начале 1880-х вошли в моду недлинные куртки «гусар» темно-

[20] Новый русский базар, 1882, №2. – С. 18.

[21] Новый русский базар, 1885, № 36. – С. 369.

Щеголиха (возможно, актриса) в нарядном туалете для театра.
Ателье «Везенберг», Санкт-Петербург. 1880-е гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Дама в шелковом бальном платье.
Неизвестное ателье, Лодзь. Середина 1890-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

оливкового и синего цветов с толстыми шнурами-бранденбургами. Самым популярным материалом оставался драп в разнообразных видах – «soleil», оттоман, брокатель, брошэ, тисненый драп и драп-монтаньяк (лохматый с завитыми шерстинками). Зимой носили ротонды и шубки, подбитые лисицей, песцом, куницей, скунсом. Во время выездов на вечера и в театр накидывали горностаевые пардессю. На бал отправлялись в кашемировых и плюшевых сорти-де-баль, богато убранных мехом.

В маскарадных костюмах царил праздничный хаос. Персонажи из Античности мирно резвились с кровожадными средневековыми королями и гениальными отравительницами эпохи Ренессанса. Здесь были уместны римские доспехи и суконные плащи-сагумы, неуклюжие штаны-«тыквы» и дублеты с «гусиным брюшком», остроконечные эннены и баретто флорентийских мыслителей, турецкие фески и гусарские ментики. Однако появились и новые персонажи, выходцы из городской культуры – вязальщицы, наездницы и почтальонши. Костюм последних выглядел так: «Коротенькая юбка из голубого кашемира. На ней наклеены или нашиты различные марки, настоящие или сделанные из материи, и затем

Бальное платье для молодой дамы.
Гравюра. Журнал «La Mode illustree», 1888 г.
Архив О.А. Хорошиловой

Сорти-де-баль для девушки.
Гравюра. Журнал «La Mode illustree», 1888 г.
Архив О.А. Хорошиловой

письма из белого сукна с печатью из красного сукна. Казачок по талии из темно-синего сукна обшит красным кашемиром. Спереди на кожаном кушаке висит кожаная сумка для писем. Почтовые ящики и пакеты прикреплены на шнурках сзади. Синяя суконная фуражка с красным околышком и черным козырьком. На околышке серебряная кокарда. Высокие ботинки со шпорами»[22].

Анимированные маскарадные костюмы оставались популярными и в последующие два десятилетия. Дамы и господа, хохоча, обращались в школьные парты, снеговые заносы и кипы журнальных листков. Фантазии не было пределов.

В 1890-е годы внимание царя и политиков было направлено на Дальний Восток, где с фантастическим упорством и невиданными для России темпами прокладывали железную дорогу в Сибири, уже нацеливаясь на Маньчжурию и Порт-Артур. Пока военные инженеры выводили химическими карандашами узоры будущей КВЖД, русские модницы терпеливо переводили с бумаги на шелк замысловатые китайско-японские орнаменты. Желтый, цвет Дальнего Востока, стал главным в крикливой гамме русского маскарада. Он же дал имя новому забавному костюму «Желтоцвет»: «Представляет модный теперь цветок. Оттенки его очень разнообразны – от желтого до красного. Рассеянные цветы можно написать или вырезать из набитой материи и приклеить.

22 Новый русский базар, 1884, № 47. – С. 480.

Модница в маскарадном костюме во вкусе мадам Помпадур.
Ателье «М. Конарский», Москва. 1880-е гг.
Архив О.А. Хорошиловой

Девушка в зимнем пальто, отороченном мехом, и собольем токе.
Ателье «Фотография Гершевичевых», Витебск. 1880-е гг.
Архив О.А. Хорошиловой

Мария Николаевна Рыкова в пальто, муфте и токе.
Ателье «А. Эйхенвальд», Москва. 1-я пол. 1880-х гг.
Архив О.А. Хорошиловой

Щеголиха в роскошном маскарадном костюме в стиле Екатерины Медичи.
Неизвестное ателье, Россия.
2-я пол. 1880-х гг.
Архив О.А. Хорошиловой

Задорный маскарадный костюм в греческо-цыганском стиле.
Ателье «К. Шапиро», Санкт-Петербург.
2-я пол. 1880-х гг.
Архив О.А. Хорошиловой

Яркий костюм в греко-османском вкусе.
Ателье «К. Шапиро», Санкт-Петербург. 2-я пол. 1880-х гг.
Архив О.А. Хорошиловой

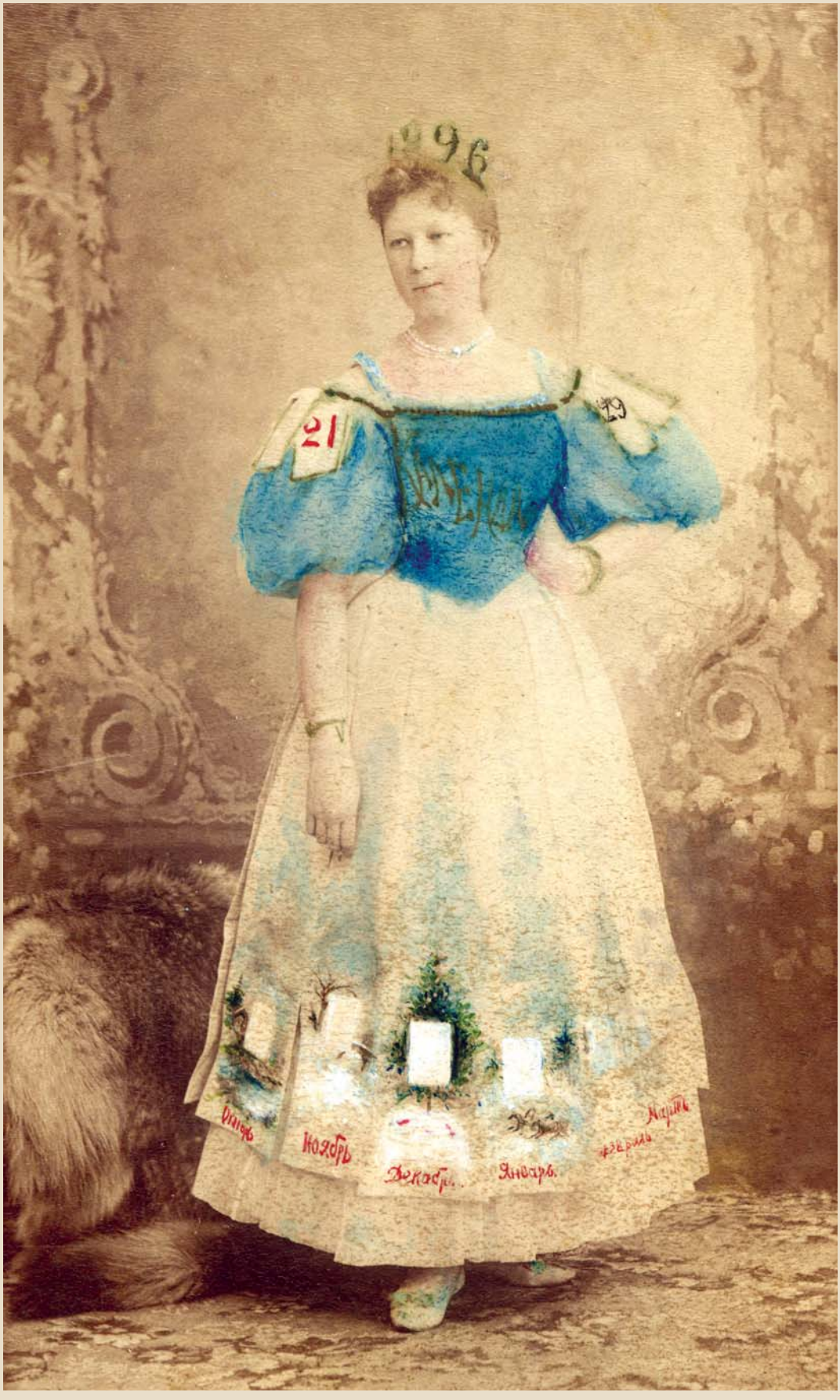
Дама в дорогом маскарадном костюме во вкусе Марии Медичи.
Неизвестное ателье. Санкт-Петербург. 1890-е годы.
Архив О.А. Хорошиловой

В боковой прорехе верхнего платья видно нижнее белое, покрытое большими зубчатыми листьями. Вершина прически украшена букетом свежих цветов на форме из проволоки. На веере написаны желтоцветы»[23].

Увлечение флорой, в конце 1890-х превратившееся в модерновую манию, заставило парфюмеров откорректировать ароматы по новому фасону. Сплошь в узорах, бутонах и листьях, дамы росли и распускались словно райские побеги. Дамы были цветами. Дамы пахли цветами – ландышами, чайными розами, сиренью и акацией – в исполнении лучших парфюмеров Европы и России.

Венчальные платья оставались самыми нарядными, дорогими и невинно-белыми. Однако теперь атлас щедро посыпали цветами, вышитыми серебром или шелком, ведь главное правило подвенечной моды гласило: «Чем богаче платье, тем больше на нем цветочной гарнировки». Траурные костюмы оставались черными и помпезно-роскошными. Большой спрос на них сделался в 1881 году, сразу после кровавой мартовской расправы с Александром II. Но и позже интерес к ним не угасал, так как бесконечным чередом угасали чьи-то безымянные жизни, обогащая не только терпеливо скорбящих родственников, но и траурные ателье.

23 Модный свет, 1892, № 1. – С. 7.



Маскарадный костюм «Календарь». Низ юбки украшен рисунками с изображением двенадцати месяцев. Голову украшает новогодняя диадема.
Ателье «A. Pasetti», Санкт-Петербург. Конец 1895 г.
Архив О.А. Хорошиловой

Участница благотворительного бала в поддержку издания «Одесский листок» в одноименном маскарадном платье, имитирующем страницы издания. Замечу, что текстиль с газетной набойкой появится в моде гораздо позже – благодаря Эльзе Скиапарелли.
Ателье «Д. И. Пудичева», Одесса. 1901 г.
Коллекция С. Е. Володарского (Харьков)

Участник благотворительного бала в поддержку издания «Одесский листок» в маскарадном костюме «Снежные заносы». На лифе надпись: «Ст. Гниляково, поезд № 7», на лопате – название костюма, на голове – модель поезда № 7 и электрические столбы.
Ателье «Д. И. Пудичева», Одесса. 1901 г.
Коллекция С. Е. Володарского (Харьков)

Эклектика и разновкусица буйствовали в фасонах шляп. Были всякие – высокие в стиле Генриха Валуа и Генриха Наваррского и низкие в стиле итальянских баретто и милых соломенных шляпок Виже-Лебрен. Одни носили на самом лбу, другие едва держались на затылке. Но все украшались лентами, перьями, бисером и кружевами. В начале 1890-х, когда в моде ненадолго утвердился романтизм, появились шляпки-кабриолеты в стиле 1830-х годов, шляпы-подносы с райскими птичками и невиданными существами из перьев, тюля и стекляруса.

Столь же разнообразны были зонты. София Шаховская справедливо отмечала: «Пестрота в зонтиках, как и вообще во всех принадлежностях дамского туалета, играет весьма важную роль, и потому голубые зонтики с пестрыми букетами, черные – с цветной каймой, отделанной накладными фигурками; красные, желтые и вообще цветные ленты на зонтиках не могут назваться редкостью в данном случае»[24].

Дама в траурном наряде.
Неизвестное ателье.
Начало 1890-х гг.
Архив О. А. Хорошиловой

24 Новый русский базар, 1883, № 18. – С. 180.

Варианты свадебных платьев.
Гравюра. Журнал «La Mode illustree», 1888 г.
Архив О.А.Хорошиловой

В распоряжении щеголихи были всевозможные варианты – небольшие складные зонтики-маркизы и складные с широким куполом, прогулочные зонты-трости и парасоли со сквозящими кружевами. К изысканным деревянным ручкам (в форме изогнутого костыля, большой подковы или мордочки любимого пса) привешивалось медное кольцо для ношения зонта на руке.

Среди пестроты и многозвучия аксессуаров, украшавших и утяжелявших даму, были едва заметные, но столь необходимые в обновленной городской жизни – визитные карточки. Деловитые модницы пристрастились к ним, как их мамочки в 1860-е годы к фотоминиатюрам Дисдери. Петербургская high life упорно зубрила сложные правила. Загнутый верхний левый угол карточки означает благодарственный визит на следующий день после бала и вечера. Загнутый нижний левый угол – визит соболезнования, по случаю смерти или тяжелой болезни члена семьи. Правый верхний уголок загибают, когда наносят прощальный визит перед отъездом, правый нижний уголок – дружеский визит. При визите официальном или поздравительном загибают всю левую сторону, а при деловом – всю правую сторону параллельно краю.

Впрочем, иногда визитки оставляли запросто – о цели посещения красноречиво говорили имя и титул, аккуратно выгравированные на матово-золотистой поверхности.

Молодожены в венчальных костюмах.
Неизвестное ателье, Россия.
Начало 1890-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Мужской костюм

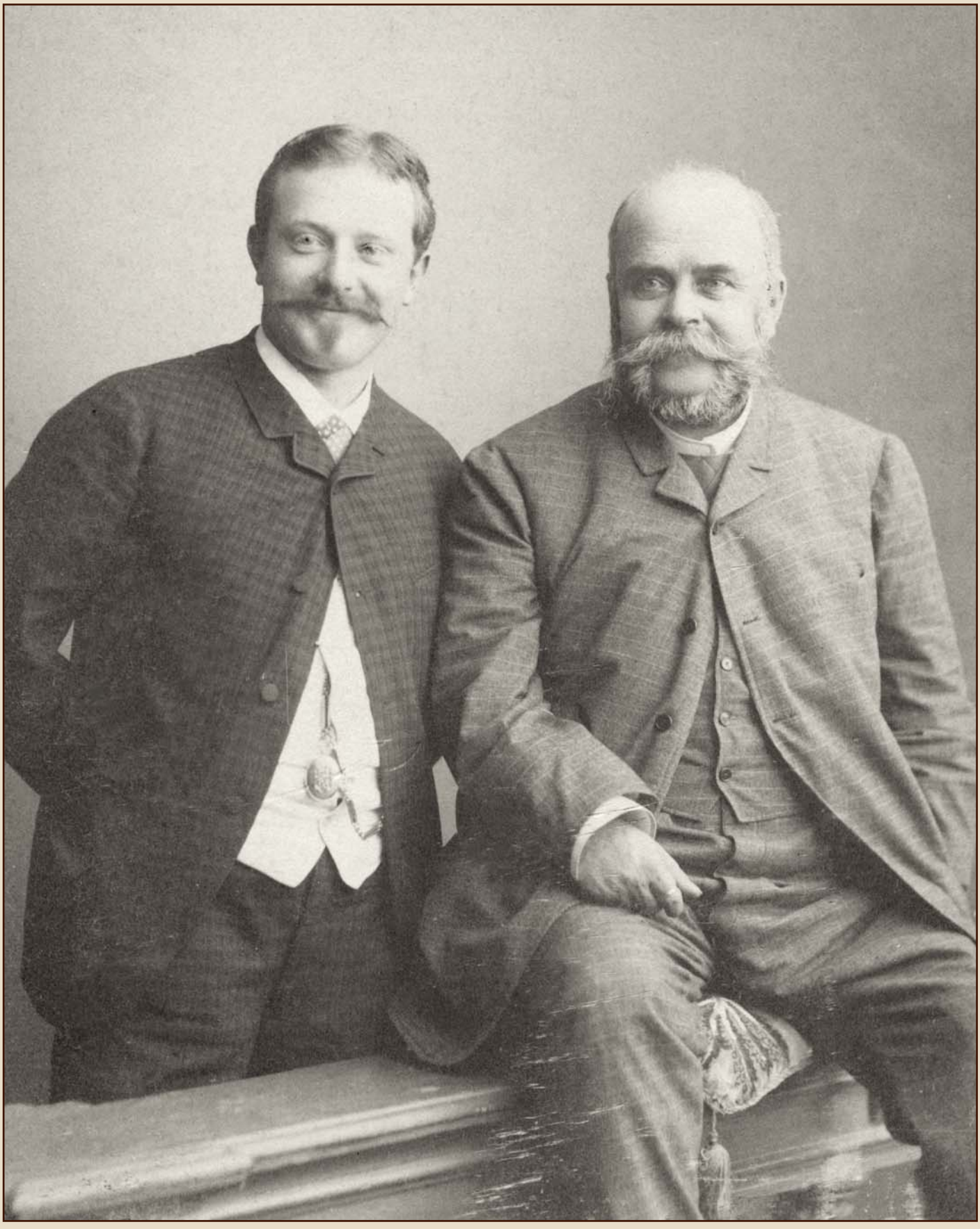
Мужчины, тратившие состояния на тяжкие, обильно гарнированные туалеты жен, тихо носили тихие вещи, придуманные портными еще лет двадцать назад. Почти ничего не менялось. Все было спокойно, достойно, размеренно. Крепкие резные комоды хранили десятки ночных рубашек и денных сорочек, пристяжные твердые воротнички и скрипучие от крахмала манжеты, кальсоны летние и кальсоны с начесом, несчетное число тканых чулок и знаменитое «егеровское белье» – шерстяные кальсоны и фуфайки, сшитые по всем правилам природолюбца Густава Егера.

По утрам и вечерам мужчины любили уютно завернуться в кашемировый халат с шалевым воротником и жирным бахромистым кушаком. К нему подбирали ермолки – бархатные, с узорчатой вышивкой. Днем безмундирные господа носили пиджачные тройки с мягкими фетровыми шляпами, котелками и фуражками. В визитках совершали променад и отправлялись в гости – запросто. Сюртуки, касторовые цилиндры и атласные шапокляки оставляли для службы, биржи и официальных встреч. Хвостатые черные фраки привидениями летали на балах и картинно обрамляли пестрых дам на концертах и вечерах. Проворным аллюром в меховом пальто спасались от преследований ветра и вьюги. В баснословных шубах, николаевских шинелях и боярских щегольских шапках летели с ямщицким посвистом в колкое серебро пьяной русской ночи.

Традиционно популярными аксессуарами были шелковые галстуки и булавки, карманные часы с цепочками, не слишком толстыми и длинными, брелоки с жетонами, запонки всех форм и фасонов, бутоньерки.

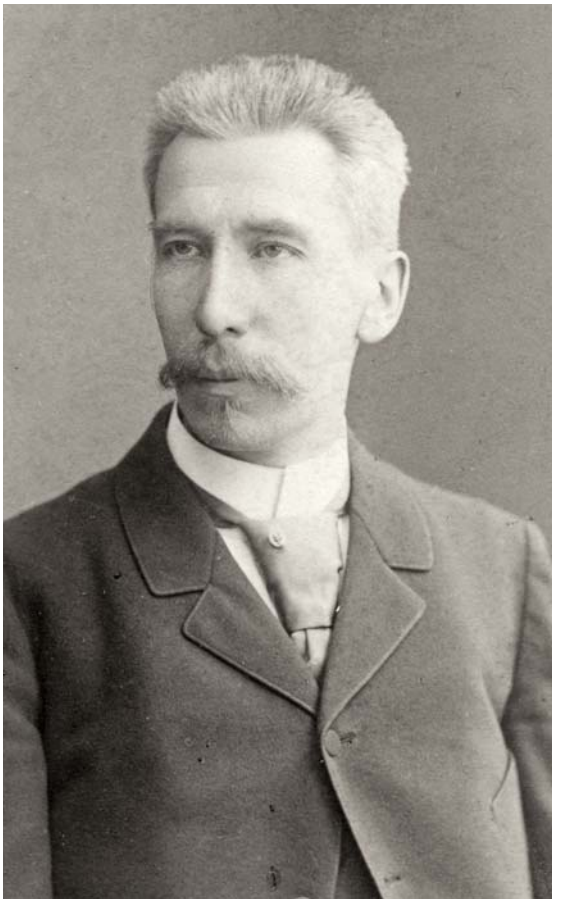
Домашний халат для мужчин.
Гравюра. Журнал «La Mode illustree», 1888 г.
Архив О.А. Хорошиловой

Два щеголя в модных прогулочных костюмах – визитках, жилетах и брюках.
Ателье «И. Антонопуло», Одесса. Конец 1880-х гг.
Архив О.А. Хорошиловой



Семья в дневных туалетах. Дама в шелковом платье, украшенном кружевом шантильи и бисером, господин и молодой человек в визитках.
Ателье «M. Hirsch», Карлсбад.
1-я пол. 1880-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Господин в визиточной тройке.
Ателье «Б. Р. Бик», Симбирск. Конец 1880-х гг.
Архив О.А.Хорошиловой



Солидный господин в прогулочной визитке. На галстуке, повязанном большим виндзорским узлом, заметна головка булавки в форме подковы.
Ателье «И. Дьяговченко»,
Москва. 1889-1890 гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Великовозрастный романтик в прогулочном пиджачном костюме в клетку.
Ателье «Ed. Buhgan», Аренсбург.
Архив О.А.Хорошиловой

Известный британский писатель Джером Клапка Джером.
Сфотографирован во время своего недолгого визита в Санкт-Петербург в 1899 году. Позирует в сюртучной тройке. Брюки имеют отвороты, которые незадолго до этого ввел в моду принц Уэльский Эдвард. Впрочем, чаще их носили не с сюртуками, а с пиджаками. Снимок подписан писателем с обеих сторон.
Ателье «Е. Мрозовская», Санкт-Петербург. 1899 г. *Архив О.А.Хорошиловой*

Известный артист Василий Пантелеймонович Далматов в модном «художественном» пиджаке и шелковой бабочке.
Неизвестное ателье, Москва. 1890-е гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Певец Николай Михайлович Нолле в прогулочном двубортном сюртуке и галстуке-пластроне.
Ателье «В. Таубе», Санкт-Петербург. 1887-1888 гг. *Архив О.А.Хорошиловой*

Столичный господин в роскошной николаевской шинели на медвежьем меху и цилиндре «шапокляк».
Ателье «И. Гёр», Санкт-Петербург. 1890-е гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Николай Михайлович Нолле в визитном пиджачном костюме и полосатом галстуке-пластроне.
Ателье «В. Высоцкий», Киев. 1889-1890 гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Стрижки были аккуратными и короткими, все еще носили две кулиски a'la Капуль, встречались даже острые усы в стиле Наполеон III. Впрочем, большинство русских мужчин копировали стиль русского монарха, терпеливо отращивали «мужицкие» бороды и трепетно за ними ухаживали. Некоторые расчесывали густую «лопату» на две половины, и получались солидные «скобелевские» бакенбарды.

Благодаря Александру III русский стиль укрепился в мужской моде. Часто вместо дневных фасонистых сорочек с накрахмаленной грудью солидные помещики надевали бумажную или шелковую косоворотку, обшитую пестрой бейкой, широкие шаровары, сапоги со многими складками и фуражку. Зимой носили пухлые романовские шубы, не брезговали и валенками. В светской одежде, хоть и придерживались европейских канонов, любили щегольнуть аксессуарами «неорюс» – галстучными булавками, брелоками и массивными, с хороший поднос, запонками, расписанными в стиле хохлома. Такие, к примеру, предлагала фирма Эдварда Болина.

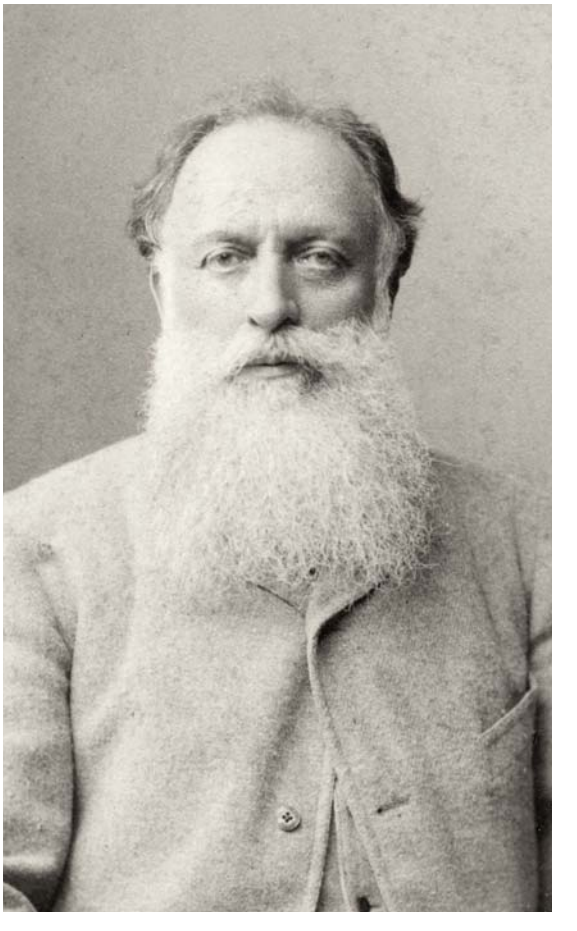
Неизвестный господин в сюртуке и очках с цветными стеклами.
Ателье «Левицкий и сын», Санкт-Петербург. 1890-е гг.
Архив О.А. Хорошиловой

Молодой человек в прогулочном двубортном вестоне.
Ателье «Е. Овчаренко», Москва. 2-я пол. 1880-х гг. *Архив О.А. Хорошиловой*

Сергей Павлович Яковлев, статский советник, камергер Высочайшего двора, основатель московского Общества поощрения трудолюбия. Позирует в двубортном сюртуке и шелковой бабочке.
Ателье «К. Шапиро», Санкт-Петербург. 2-я пол. 1880-х гг.
Архив О.А. Хорошиловой

Эффектный господин во фраке с белым пикейным жилетом. В руках – сигара.
Ателье «Фотография Л. В. Красовского», Курск. 1890-е гг.
Архив О. А. Хорошиловой

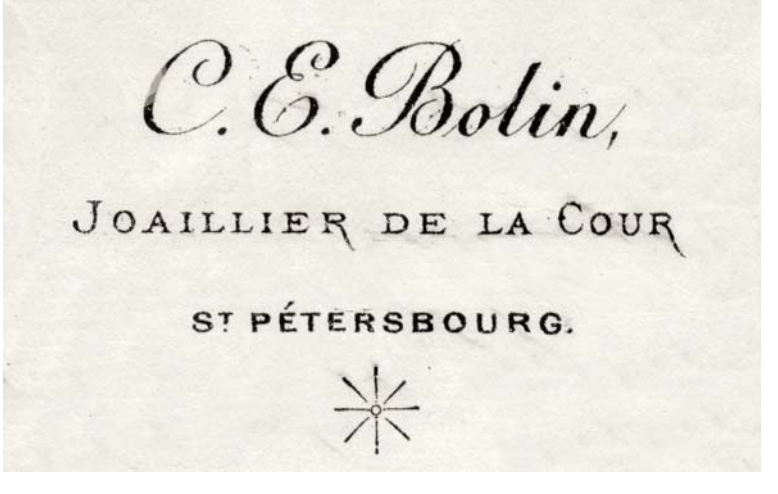
Актер Александр Павлович Ленский в сорочке с отложным воротником и однобортном пиджаке. Он ревностно следил за своей внешностью. Бородка аккуратно острижена, волосы тщательно уложены.
Ателье «Г. Трунов», Москва. 1880-е гг.
Архив О. А. Хорошиловой



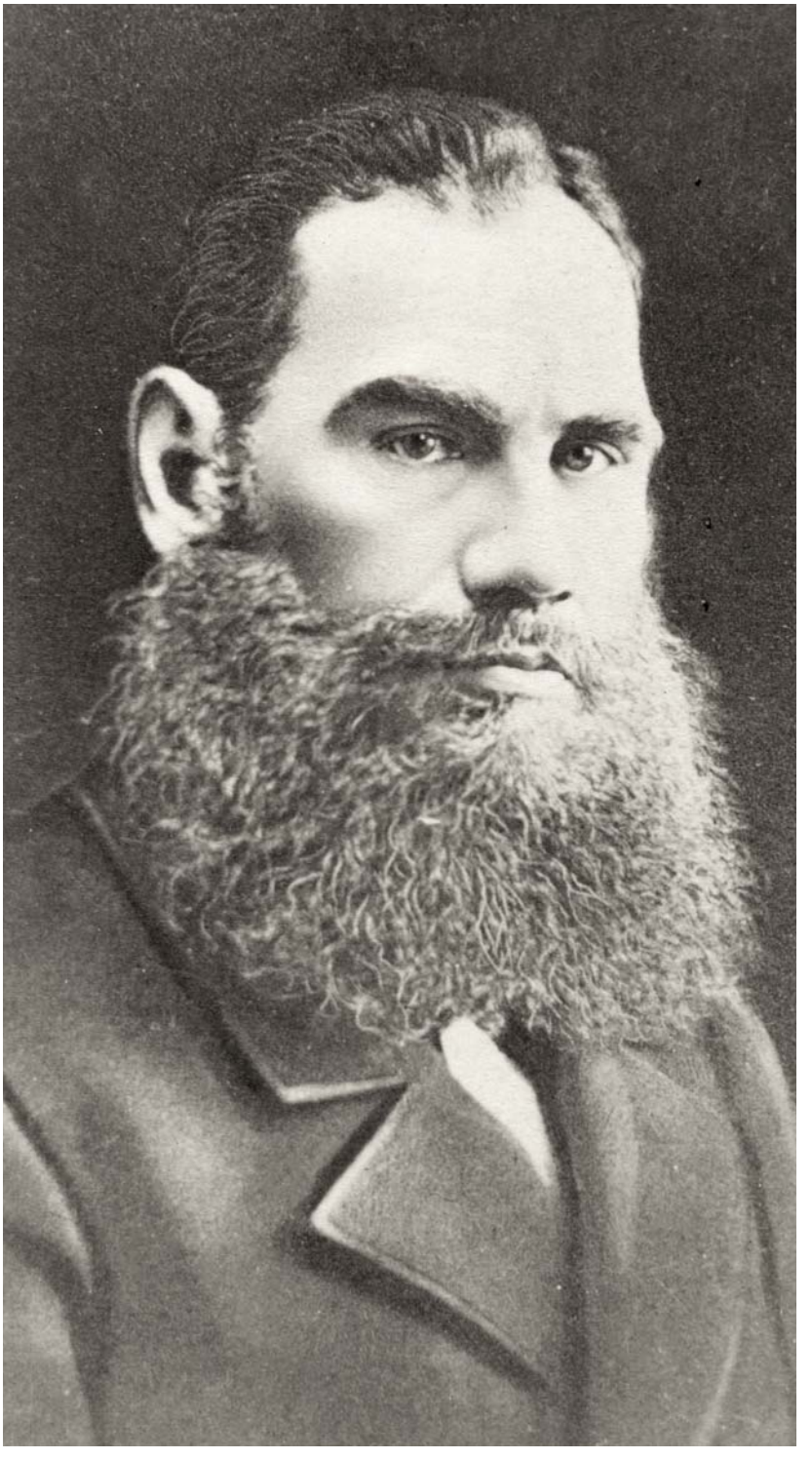
Николай Ильич Кази, чиновник Одесского морского порта, в прошлом – участник Крымской войны, офицер Александрийского гусарского полка.
Неизвестное ателье, Одесса. 1893 г.
Архив О. А. Хорошиловой

Александр Константинович Анастасьев, член Государственного совета, черниговский губернатор.
Позирует в прогулочном сюртуке и «художественном» банте в горошек.
Ателье «Kabinet Portrait». 1890-е гг.
Архив О.А. Хорошиловой

Композитор Григорий Федорович Львовский, регент Санкт-Петербургского митрополичьего хора. Он носит старинные бакенбарды, волосы слегка подвиты на концах в стиле эпохи Александра II.
Ателье «А. Семененко», Санкт-Петербург. 1889-1890 гг.
Архив О.А. Хорошиловой



Фирменный бланк с маркой фирмы Э. Болина,
Санкт-Петербург.
Архив О.А. Хорошиловой

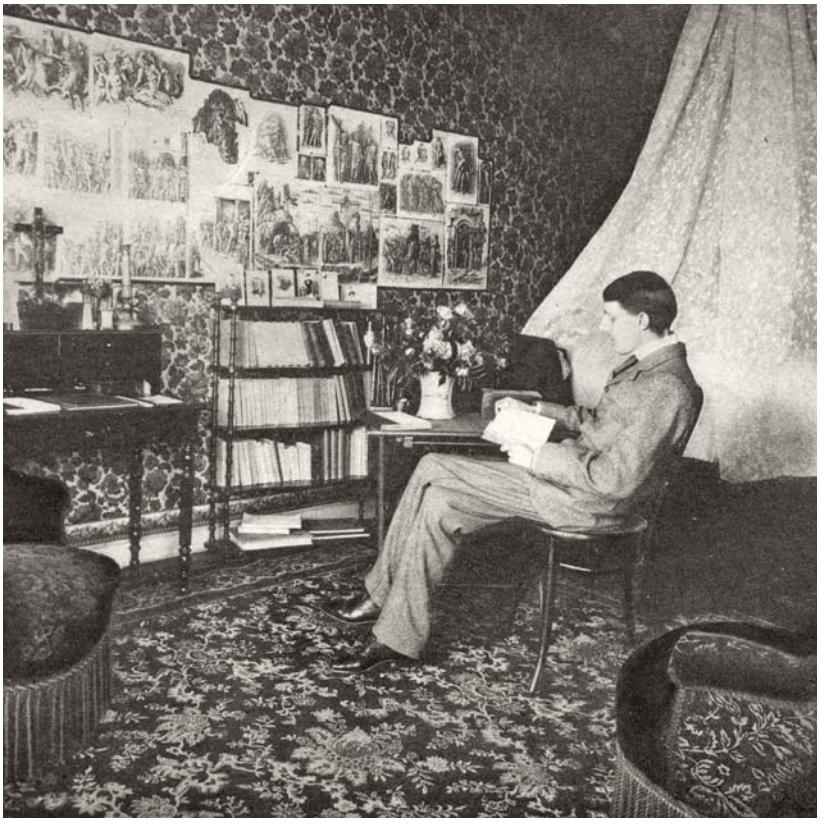


Граф Лев Николаевич Толстой в начальной стадии своего «опрощения».
Ателье «Везенберг и К°», Санкт-Петербург. 1876 г.
Архив О.А.Хорошиловой

«Опростившийся» Лев Николаевич Толстой в знаменитой синей блузе, прозванной в его честь «толстовкой».
Ателье «Шерер и Набгольц», Москва. 1898 г.
Архив О.А.Хорошиловой

«Мужицкий» стиль пропагандировал не только крепыш-император, но и малохольная творческая интеллигенция, убежденная в том, что у России собственный путь, хоть и не измерить его траекторию общим аршином европейской логики. Плешивые профессора-славянофилы носили мшистые бороды леших и колдунов-берендеев. Вихрастые студенты прогуливали лекции в расшитых малоросских рубашках. Властитель дум Лев Толстой месил жирную бороненную землю грубыми свиными сапогами. Графские крестьяне только усмехались и языками цокали, завидев бородатого сумрачного барина в простецкой широкой блузе с узким пояском, шароварах, заношенном сероватом картузе, верхом на благороднейших кровей жеребце. В таком виде мыслитель дум и владелец душ объезжал свои немалые владения. Этот стиль Лев Николаевич придумал еще в 1860-е годы, когда от себя и семьи жестко потребовал «опрощать» жизнь и быт. Семья тактично приняла к сведению и не подчинилась. Граф Лев Николаевич опрощался в одиночестве и к 1890-м столь в этом преуспел, что его, бородатого, по-мужицки одетого, перестали узнавать соседи.

Татьяна Львовна Толстая вспоминала: «Отец всегда ходил в традиционной блузе, а зимой, выходя из дома, надевал тулуп. Он так одевался, чтобы быть ближе к простым людям, которые при встрече будут обходиться с ним, как с равным. Но иногда одежда Толстого порождала недоразумения. Вот что случилось однажды. В Туле ставили “Плоды просвещения”, сбор предназначался приюту для малолетних преступников. Меня попросили сыграть роль в пьесе. Я согласилась и часто ездила из Ясной Поляны на репетиции. Во время одной из репетиций швейцар сообщил нам, что кто-то просит разрешения войти. “Какой-то старый мужик, – сказал он. – Я ему втолковывал, что нельзя, а он стоит на своем. Думаю, он пьян... Никак не уразумеет, что здесь ему не место”... Мы сразу догадались, кто этот мужик, и, к большому неудовольствию швейцара, велели немедленно впустить его.



Обри Бердслей в своей мастерской в Ментоне.
Фотогравюра, 1898 г. *Архив О.А.Хорошиловой*

Через несколько минут мы увидели моего отца, который вошел, посмеиваясь над тем, с каким презрением его встретили из-за его одежды»[25].

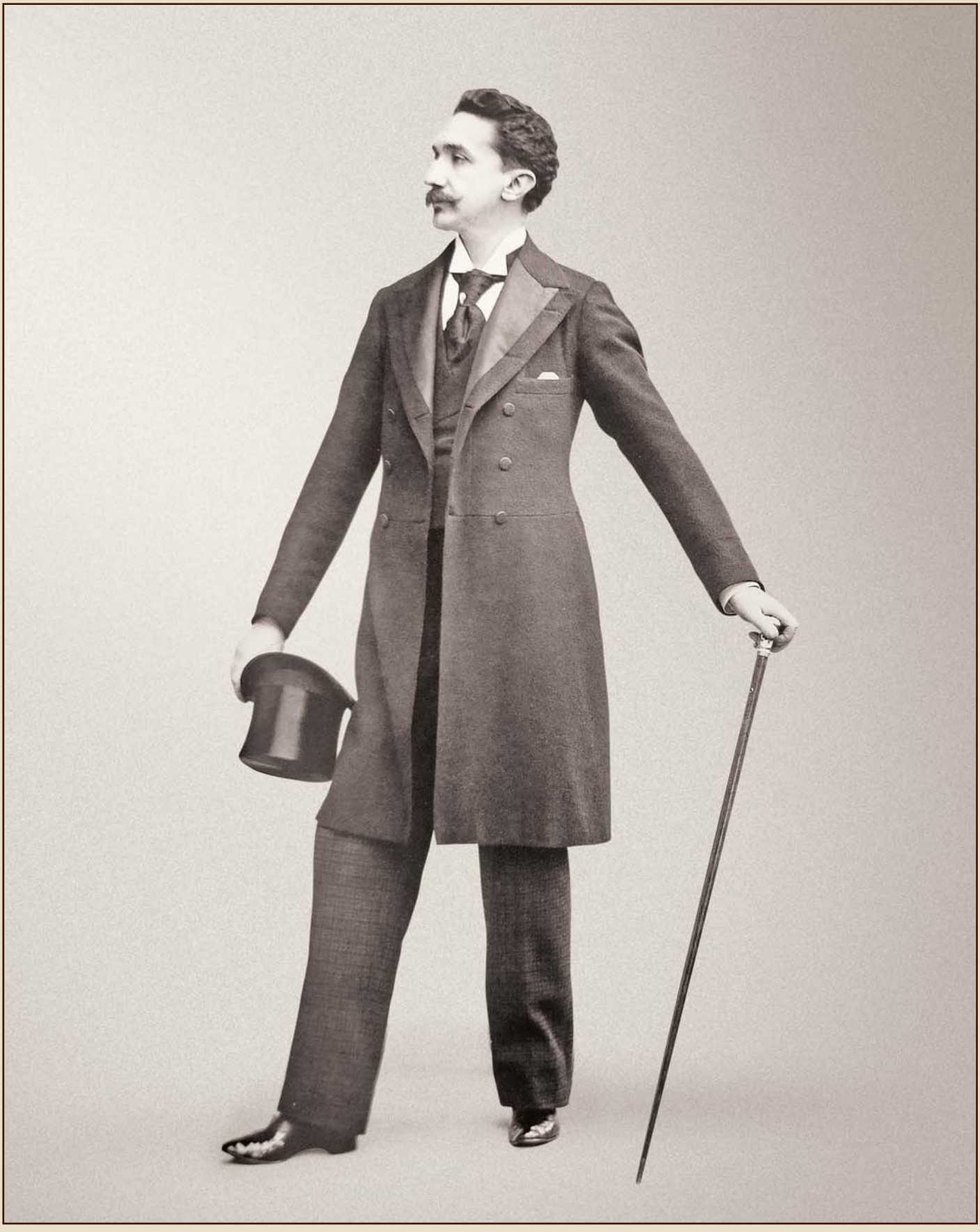
А в это время в Европе уже бредили декадансом. Оскар Уайльд демонстрировал эстетический костюм, странноватый симбиоз детского и художественного платья. Робер де Монтескью учил теплолюбивую Европу наслаждаться холодными оттенками английского серого. Задыхающийся от туберкулеза и викторианского Лондона, острый, смертельно бледный Обри Бердслей заразил юношество любовью к траурному черному. Но Россия оставалась безразличной к декадансу. Ее утонченные денди, Юсупов, Дягилев, Гумилев, Нижинский, еще нежились в младенческих кружевах и послушно носили кюлоты и шелковые банты образцовых мальчиков.

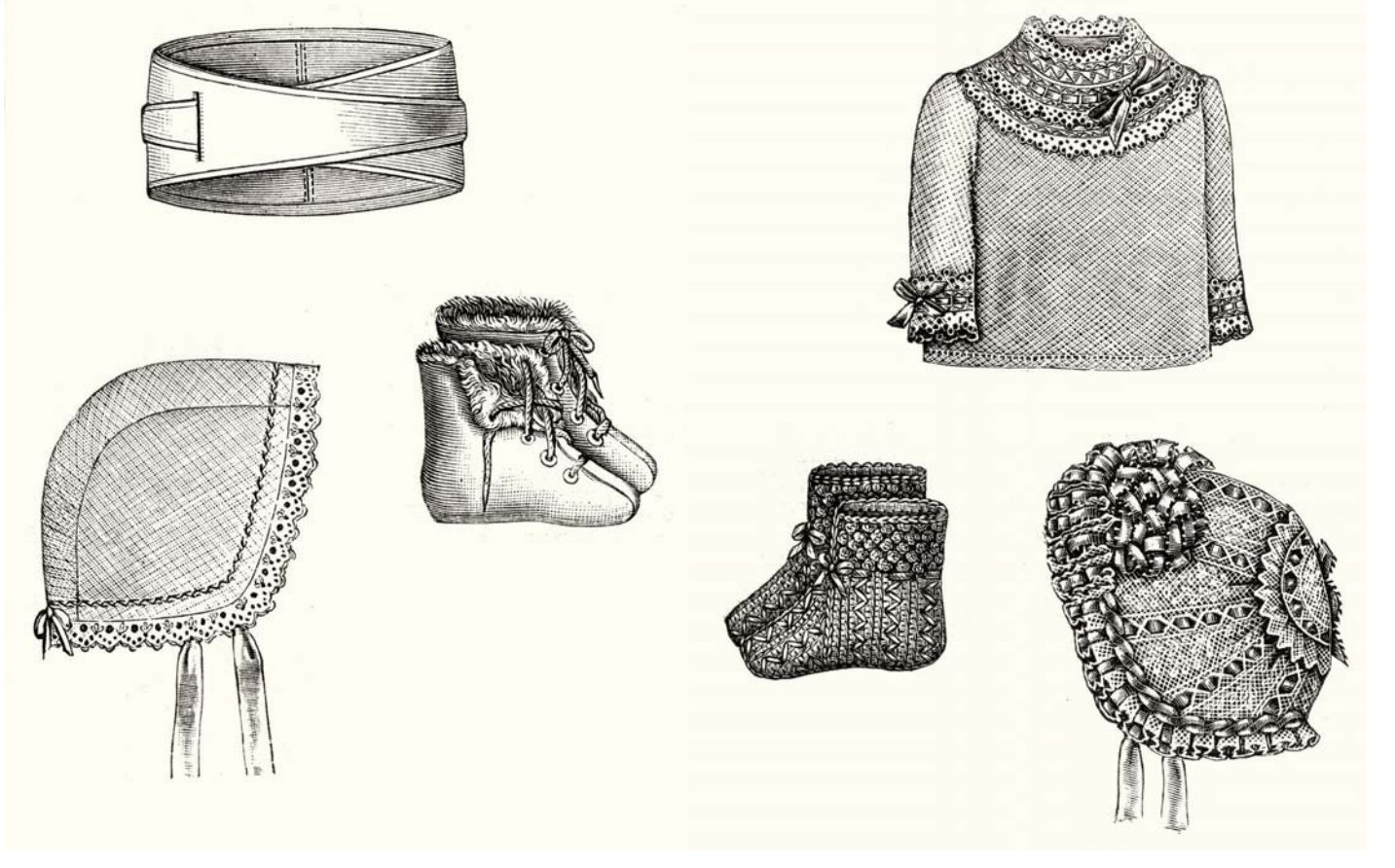
[25] Сухотина-Толстая Т. Л. Воспомианния. – М.: Художественная литература, 1980. – С. 132. Сайт: http://www.litmir.net/br/?b=97042

Молодой щеголь в шелковой русской рубашке с греческим меандром по низу.
Любительское фото. 1890-е гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Стр. 417

Известный денди Робер де Монтескью в элегантном прогулочном костюме.
Фототипия, 1895 г. *Flickr.com*





Офицер-артиллерист с ребенком, одетым в зимний салоп на меху.
Ателье «Cabinet Portrait», Санкт-Петербург (?). 1890-е гг.
Архив О.А. Хорошиловой

Детский костюм

Малышей одевали в невинное белое – кофточки и распашонки, фланелевые свивальники и пикейные нагрудники, платьица и чепчики. Чем старше становился ребенок, тем больше признаков взрослой моды появлялось в его гардеробе. Уже в два года девочкам положены были платьица популярного узкого фасона, однако с ним не перебарщивали. «Все детские туалеты, – комментировала София Шаховская, – делаются теперь чрезвычайно узких размеров, то есть собственно нижняя их часть, тогда как лифы и полонезы не должны слишком туго охватывать талию, а сидеть на фигуре как можно свободнее»[26]. Были модны простые платьица «bonne femme» с кофточкой, большим отложным воротником, кушачком и плиссированной юбкой.

[26] Новый русский базар, 1881, № 4. – С. 43.

Рисунок британской художницы Кейт Гринауэй, на котором изображены девочки в платьях, ставших популярными в 1880-е годы. Они были предвозвестниками ампирной моды 1910-х годов.
Фототипия. Конец XIX в. *Архив О.А. Хорошиловой*

Дама с дочкой, одетой в осенне-зимний вариант платья «Гринавей».
Ателье «Самсон Маргулиус», Одесса. 1890-е гг.
Архив О.А. Хорошиловой

Белье для младенцев.
Гравюра. Журнал «La Mode illustree», 1888 г.
Архив О.А. Хорошиловой

Ольга Николаевна Яковлева (урожденная Склифосовская) с детьми.
Неизвестное ателье, Москва. 1-я пол. 1890-х гг.
Архив О.А. Хорошиловой

Девочка в фантастической тюлевой шляпке.
Ателье «А. П. Чернов», Екатеринодар. 1890-е гг.
Архив О.А. Хорошиловой

Малыш в хлопковом платьице.
Ателье «Х. Бровкин», Тамбов. 2-я пол. 1890-х гг.
Архив О.А. Хорошиловой

Популярностью пользовались и платьица-плиссе со сплошными вертикальными складками. В конце 1880-х стали модны платья «Гринавей» – со сборчатыми короткими или длинными юбками, с буфчатыми рукавами и кушаком чуть выше естественной линии талии. Такой костюм придумала своим героиням художница Кейт Гринауэй еще в 1870-е годы, а в следующее десятилетие на основе ее рисунков мастерицы скроили удобный наряд, который девочки Европы и России носили до 1910-х годов.

У мальчиков появился свой художественный костюмчик, который носил маленький лорд Фонтлерой, герой одноименной детской повести Фрэнсис Элизы Ходжсон Бёрнетт. Он состоял из курточки, кюлот, шелковых чулок, широкого кружевного отложного воротника и таких же манжет. Волосы следовало носить длинные и слегка завитые на концах в стиле «вандейкинг».

Мальчики в весенних фланелевых костюмах.
Ателье «A. Fedecki», Харьков. 1-я пол. 1890-х гг.
Архив О.А. Хорошиловой

Дима Усов в бархатном костюме «лорд Фонтлерой» и соответствующей прическе в стиле Ван Дейк.
Ателье «А. Семененко», Санкт-Петербург. 1890-е гг.
Архив О.А. Хорошиловой

Реклама книги Фрэнсис Элизы Ходжсон Бёрнетт «Маленькой лорд Фонтлерой».
Фототипия. Конец 1890-х гг.

Юная модница в легком летнем прогулочном платье легко управляет бутафорной лодкой под присмотром левретки.
Ателье «Н. Абрагамсон», Санкт-Петербург. Конец 1880-х гг.
Архив О.А. Хорошиловой

Девочка в шерстяном платье с романтично распущенными волосами.
Ателье «Левицкий и сын», Санкт-Петербург. 1890-е гг.
Архив О.А. Хорошиловой

Дети в прогулочных пальто и шляпах.
Любительское фото, окрестности Санкт-Петербурга. 1890-е гг.
Архив О.А. Хорошиловой

Дама с сыном, одетым в русскую рубашку.
Неизвестное ателье, Рославль. 1890-е гг. *Архив О.А. Хорошиловой*

Дама в окружении сыновей в модных синих матросках и соломенных шляпах.
Неизвестное ателье, Россия. 1890-е гг.
Архив О.А. Хорошиловой

Костюм для первого причастия для мальчика.
Гравюра. Журнал «La Mode illustree», 1888 г.
Архив О.А. Хорошиловой

Девичий костюм для первого причастия.
Гравюра. Журнал «La Mode illustree», 1888.
Архив О.А. Хорошиловой

Наряды девочек от 7 лет шили более приталенными, почти взрослыми, и нередко весьма яркими. Мальчиков наряжали в бархатные или драповые курточки, кюлоты и шелковые чулки, куртки-норфолк и кникербокеры.

Зимой малышей кутали в салопики и шубки из модного плюша, головы прятали под чепцы из пряжи и плюшевые шляпки. Детей от 5 лет рядили в драповые пальто, двубортные темно-синие бушлаты в военно-морском стиле, шубы из пряжи или бархата.

Мужские костюмы для охоты.
Гравюра. Журнал «La Mode illustree», 1888 г.
Архив О.А.Хорошиловой

Костюмы для спорта

Общество становилось здоровее, крепче, активнее. Виноваты в этом были британские суфражистки, отстаивавшие права дам заниматься «мужскими» видами спорта, и тучные усастые промышленники, заставлявшие современников гнаться за ускорявшимся временем на велосипедах, авто, аэропланах. Спорт превратился в модную необходимость. Им занялись всерьез – в обществах, клубах, профессиональных ассоциациях. В России заметно вырос спрос на амазонки, так как среди дам усилился интерес к верховой езде. В 1885 году в Петербурге было даже основано Общество женского спорта, члены которого участвовали в скачках, конных каруселях и преподавали верховую езду дамам. Амазонки стали заметно удобнее, проще и лаконичнее в отделке. Их шили из легких, гигиеничных материалов, как рекомендовал доктор Егер, – из драдедама, двойного репс-кашемира, вигони, бумажного бархата и плюша.

Дамские охотничьи костюмы кроили без складок и сборок. Поверх рекомендовали надевать короткие шерстяные куртки, а не пальто, «в которых неудобно носить ружье и прицеливаться». К охотничьему комплекту полагались сапоги: «Непременно высокие, из хорошей кожи или шагрени, и лучше всего на фланели или даже на меху. Сапоги на резинках удобнее, чем на пуговках... Удобны также высокие сапоги, сделанные вроде мужских сапог – совсем без резин»[27].

Вслед за мужчинами в 1880-е годы дамы надели необычные костюмы для гребли и рыбной ловли. Их шили из желтовато-белого неваляного сукна или небеленого льна. Низ круглой широкой юбки украшала красная или синяя тесьма. Поверх нее выкладывали драпировку-передник с нашитыми большими якорями. Удобная блузка с мелкими пуговичками по центру имела широкий отложной воротник типа гюйса, украшенный якорями. К такому костюму полагалась жокейская красно-белая или сине-белая шапочка с длинным козырьком.

В начале 1890-х столичные модницы горячо спорили по поводу парижской спортивной новинки – костюма для велосипедных прогулок «bicyclette». Одним он казался деревенским и вульгарным, другие (курсистки, к примеру) называли его плодом женской эмансипации и символом грядущих перемен в обществе. Костюм не оставил равнодушным никого. Он был прост, удобен и отличался короткой юбкой, которую многие сочли «опасной»: «Допускается только совершенно гладкая не узкая юбка, едва доходящая до лодыжек, и просторная длиннополая блуза с широким кушаком; притом необходимы панталоны из материи платья или же прилегающего трико, доходящие ниже колен. Относительно самой

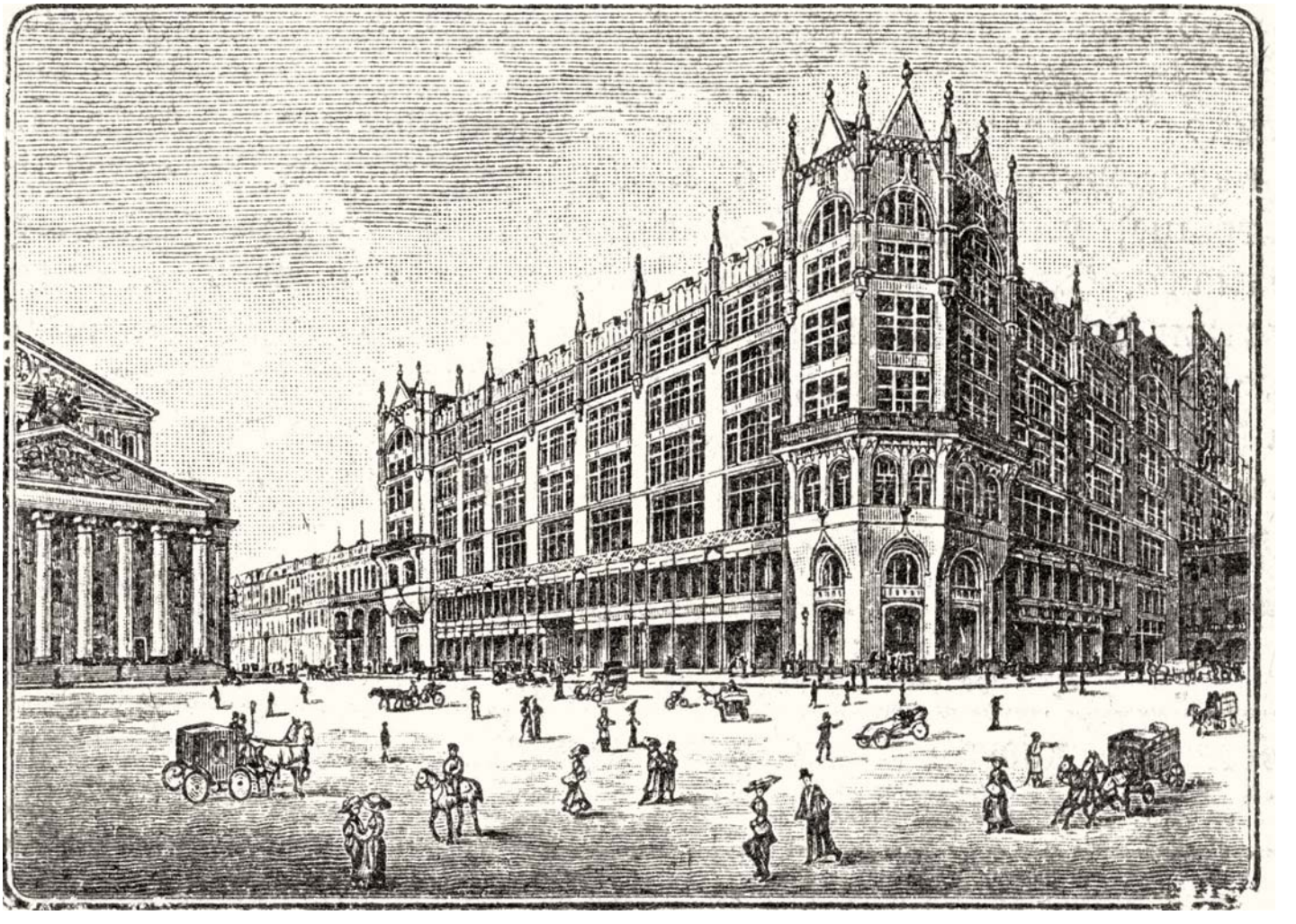
27 Мода/ Новый русский базар, 1884, № 38. – С. 381.

Амазонка, а также корсеты и панталоны специально для этого костюма.
Гравюра. Журнал «La Mode illustree», 1888 г.
Архив О.А. Хорошиловой

Чепчик, купальный костюм и панталоны.
Гравюра. Журнал «La Mode illustree», 1888 г.
Архив О.А. Хорошиловой

целесообразной обуви мнения расходятся: одни предпочитают полусапожки со шнурованными гамашами, а другие – очень высокие сапоги из мягкой кожи. Головной убор должен сидеть на голове вполне надежно даже при ветре. Сего лучше носить жокейскую шапочку с небольшим козырьком»[28].

28 Известия о модах / Модный свет, 1892, № 28. – С. 294.



Здание универсального магазина «Мюр и Мерилиз».
Литография из рекламного каталога. 1890-е гг.
Архив О.А.Хорошиловой

Стали больше заниматься гимнастикой, чаще на открытом воздухе. Делали несложные упражнения в самых удобных простых платьях из тонкой шерсти или полотна, по крою напоминавших матроски. Для любителей одеваться «по форме» французские портные придумали, а русские скопировали, специальный костюм для гимнастических игр – фланелевая юбка (чаще синяя или в вертикальную черно-белую полоску), короткая куртка с застежкой по центру и отложным воротником типа гюйс. Обе части костюма украшали вышитыми изображениями воланов и ракеток для бадминтона.

Кстати, эта любопытная отделка перекочевала со спортивных костюмов на светские платья и жакеты. Красноречивыми вышивками и аппликациями дамы намекали, каким видом спорта занимаются: «Если дама принадлежит к любительницам игры в крокет, – сообщал “Новый русский базар»”, – то она вышивает свое платье целыми рядами шаров, молотков, мачт или же заказывает материю, затканную принадлежностями крокета. Если же дама – любительница катанья на лодке, то она изображает на своем платье маленькие лодочки, рули, удочки или сети и рыбы»[29]. Эта мода возникла в Париже, в котором через пятьдесят лет модельер-сюрреалист Эльза Скиапарелли будет создавать наряды с очень похожими вышивками и набойками.

[29] Мода / Новый русский базар, 1885, № 32. – С. 329.

Ателье и магазины

Русские львицы продолжали атаковать парижское ателье Чарльза Фредерика Ворта. Обозревательница «Нового русского базара», скрывшаяся под псевдонимом Кружевная маркиза (возможно, София Шаховская), подробно описала свой визит на Рю де ла Пэ, в храм моды и отменного вкуса: «Мое платье было принесено. Костюм сидел превосходно, и я уже хотела снять его, как вдруг одна из приказчиц сказала: "Voila le patron!"[30] В соседней комнатке показался красивый бодрый старик с лицом англосаксонского типа, державшийся прямо и гордо, в черном застегнутом наглухо сюртуке. Это был le chef de la maison[31], сам знаменитый Ворт. Вежливо поклонившись, он подошел ко мне и, осмотрев меня с видом знатока с ног до головы, произнес: "На спине есть небольшая складка (pli cache), а на груди четвертая пуговица сверху имеет неравную выпуклость est trop saillant[32]. Переделать!"... Цены за платья очень почтенные; самое простенькое не обходится дешевле пятисот франков, а более изящные от 1000 франков – до бесконечности, так как у Ворта максимума не существует. Барышни, служащие в салонах второго и третьего этажей, с утра надевают каждая костюм, олицетворяющий известную моду, и таким образом играют роль манекенщиц... Через полчаса мой костюм был принесен. Я оделась, и Ворт снова окинул меня взором. "C'est bien"[33], – изрек он после продолжительной паузы и, раскланявшись со мною, удалился»[34].

С Вортом конкурировал Редферн, ставший в 1880-е годы любимцем петербургского высшего света. Однако и в России были свои звезды портновского искусства. Семейство Бризаков, все без исключения одаренные хорошим вкусом и деловой хваткой, предлагали дамам наряды не хуже вортовских. На набережную реки Мойки, 42, в уютный и комфортный дом послушно текли вереницы знатных особ. К великим княжнам и княгиням Виктор Бризак и его ловкая супруга отправлялись сами – готовые во что бы то ни стало услужить высокородным клиенткам.

Нарядные платья можно было заказать у госпожи Голубковой в доме 22 на углу Большой Московской и Разъезжей, в мастерской «Блент» на Офицерской улице, в салоне «Мадам Матильд» на углу Невского проспекта и Конюшенной улицы. В начале 1890-х чрезвычайно популярным стало ателье Ольги Николаевны Бульбенковой (набережная реки Мойки, 8). Платья в русском вкусе предлагала Анна Гавриловна Вонифантьева (улица Подольская, 14). В Москве славились торговые дома «М. и И. Мандль», «Мюр и Мерилиз», «Александр Уатт», «Петуховы и сын».

Детские вещи приобретали в Петербурге в магазине Рубина на Владимирском проспекте, салоне «Мадам Зина» на набережной реки Мойки, магазине «Au petit bebe» на Караванной улице. В Москве детские костюмы предлагали «Мастерская детских нарядов» на улице Гончарной, салон «Мадам Матильда» на Кузнецком Мосту.

Лучшие меховые изделия покупали в доме Мертенса (Невский проспект, 21), обувь – в магазине Генриха Вейса на Невском проспекте, шиньоны заказывали у Анри Делькроа на Невском проспекте в доме 60.

30 «А вот и хозяин».
31 «Глава модного дома».
32 «Она слишком выпуклая»
33 «Хорошо».
34 Новый русский базар, 1884, № 10. – С. 100,101.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 1.
Виды военно-морской формы

Из «Правил о формах одежды для адмиралов, генералов, штаб- и обер-офицеров». 1856 год.

Формы городские:

А. Форма парадная городская

Все вообще адмиралы, генералы, при общеадмиральской и общегенеральской формах: полукафтан парадный; шаровары с галуном; ленты через плечо; сабля; шляпа, в строю и вне строя

Примечание 1. В те дни, когда по расписанию положено быть в полной парадной форме, но в полковых или званию и местам присвоенных полукафтанах, имеющие таковые полукафтаны надевают полную парадную форму той части, звания или места, коих форма им присвоена.

Примечание 2. При полковых или званию и местам присвоенных полукафтанах адмиралы и генералы Гвардейского экипажа и учебных заведений на службе или при войске должны быть в кивере с султаном или без оного, смотря кому султан положен; вне же строя или службы дозволяется быть в шляпе.

Адмиралы, состоящие при Особе Его Величества, генерал-адъютанты, адмиралы Свиты Его Величества, при общеадмиральской форме: сходны с показанными выше для общеадмиральской формы.

Примечание. В те дни, когда по расписанию назначено быть в свитских полукафтанах, надеваются: свитский парадный полукафтан и шаровары с галуном.

Флигель-адъютанты: полукафтан свитский; ордена; сабля; шляпа; шаровары с галуном.

Штаб- и обер-офицеры: Гвардейского экипажа, Морского кадетского корпуса, Черноморской Гардемаринской роты, 1-го Штурманского полуэкипажа, Черноморской Штурманской роты и кондукторских рот Учебного рабочего экипажа: полукафтан парадный; ордена; сабля; кивер с султаном или без султана, смотря кому султан положен; шаровары темно-зеленые.

Адъютанты, дежурные штаб- и обер-офицеры и состоящие по особым поручениям: полукафтан парадный; ордена; сабля; шляпа; шаровары темно-зеленые.

Военные чины, имеющие мундиры Морского министерства; флотских, Финских, учебных и мастерских рот Учебного рабочего экипажей; состоящие по флоту; корпусов: морской артиллерии, флотских штурманов, корабельных инженеров и инженер-механиков: полукафтан парадный; ордена; сабля; фуражка с гербом; шаровары темно-зеленые.

Штаб- и обер-офицеры: ластовых рабочих и машинных рабочих экипажей; портовых рот и состоящих по адмиралтейству; арсенальных, лабораторных и арестантских рот: полукафтан с эполетами; ордена; сабля; фуражка с гербом; шаровары темно-зеленые.

Б. Городская праздничная форма

Для всех частей, чинов и званий сходна с вышеописанной парадной формой, но адмиралы и генералы лент не надевают.

Адмиралы и генералы, имеющие полковые или званиям и местам присвоенные полукафтаны, надевают праздничную форму той части, звания или места, коих форма им присвоена.

В. Городская воскресная форма

Адмиралы и генералы, при общеадмиральской и генеральской формах: полукафтаны без шитья с эполетами; лент не надевают; ордена; сабля; шляпа; шаровары без галуна.

Адмиралы и генералы, имеющие полковые или званиям и местам присвоенные полукафтаны: надевают воскресную парадную форму (во всем сходной с парадной) той части, звания или места, коих форма им присвоена; но без лент.

Затем городская воскресная форма для всех частей, чинов и званий во всем сходна с городской парадной формой.

Г. Городская обыкновенная форма

Адмиралы и генералы, при общеадмиральской и генеральской формах: полукафтан без шитья с эполетами; ордена; сабля; шляпа; шаровары без галуна.

Адмиралы, состоящие при Особе Его Величества, генерал-адъютанты, адмиралы Свиты Его Величества и флигель-адъютанты: полукафтан свитский; ордена; сабля; шляпа; шаровары без галуна.

Адъютанты, дежурные штаб-офицеры и состоящие по особым поручениям: полукафтан парадный, ордена, сабля, шляпа, шаровары темно-зеленые.

Гвардейский экипаж: полукафтан с галунами с эполетами; ордена; сабля; кивер без султана; адмиралы, вне службы, могут быть в шляпе.

Морской кадетский корпус, Черноморская гардемаринская рота, 1 Штурманский полуэкипаж, Черноморская штурманская рота и кондукторские роты Учебного рабочего экипажа: полукафтан без шитья с эполетами; ордена; сабля; кивер без султана; шаровары темно-зеленые, адмиралы, вне службы, могут быть в шляпе.

Военные чины, имеющие мундиры Морского министерства; флотских, Финских, учебных и мастерских рот Учебного рабочего экипажей; состоящие по флоту; корпусов: морской артиллерии, флотских штурманов, корабельных инженеров и инженер-механиков: полукафтан без шитья с эполетами; ордена; сабля; фуражка с гербом, шаровары темно-зеленые.

Штаб- и обер-офицеры: ластовых рабочих и машинных рабочих экипажей; портовых рот и состоящих по адмиралтейству; арсенальных, лабораторных и арестантских рот: полукафтан с эполетами; ордена; сабля; фуражка с гербом, шаровары темно-зеленые.

Примечание к обыкновенной городской форме: обыкновенная городская форма заключает в себе также и полукафтаны без эполет, без орденов, при кортике, и надевается в тех случаях, когда при прежней обыкновенной форме дозволялось быть в сюртуке. Имеющие свитские полукафтаны и адъютанты, числящиеся в Гвардейском экипаже, надевают полукафтаны с галунами. Все же вообще сохраняют при этом головной убор, положенный для обыкновенной городской формы, то есть шляпу, кивер без султана или фуражку с гербом. При вышеозначенной форме вне службы всем вообще дозволяется носить фуражку без герба, но всегда при кортике.

Формы походные

А. Походная парадная форма

Все вообще адмиралы, генералы, при общеадмиральской и общегенеральской формах: сходные с показанными для городской парадной формы, но шаровары без галуна.

Примечание 1. В те дни, когда по расписанию положено быть в полной парадной форме, но в полковых или званию и местам присвоенных полукафтанах, адмиралы и генералы, имеющие таковые полукафтаны, надевают полную парадную форму той части, звания или места, коих форма им присвоена.

Примечание 2. Адмиралы и генералы, коих части имеют кивер с султаном, при полковом полукафтане, будучи в морском походе, надевают кивер без султана; а имея постоянную службу на берегу, надевают кивер с султаном.

Адмиралы, состоящие при Особе Его Величества, генерал-адъютанты, адмиралы Свиты Его Величества и флигель-адъютанты: сходный с городской парадной, но шаровары без галуна.

За сим походная парадная форма для всех частей, чинов и званий во всем сходна с городской парадной формой. Офицеры, которым положен кивер с султаном, когда они в морском походе, надевают кивер без султана; имеющие же постоянную службу на берегу надевают его с султаном.

Б. Походная праздничная форма

Для всех частей, чинов и званий сходна с походной парадной формой, но адмиралы и генералы лент не надевают.

Адмиралы и генералы, имеющие полковые или званиям и местам присвоенные полукафтаны, надевают праздничную форму той части, звания или места, коих форма им присвоена.

В. Походная обыкновенная форма

Адмиралы и генералы: полукафтан без шитья без эполет; ордена; сабля; шляпа; шаровары темно-зеленые.

Примечание. Когда адмиралы и генералы надевают присвоенную им особо форму полковую, звания или места, то сообразоваться должны с положенным для походной обыкновенной формы тех частей, звания или места, коих форма им присвоена.

Адмиралы, состоящие при Особе Его Величества, генерал-адъютанты, адмиралы Свиты Его Величества и флигель-адъютанты: полукафтан с галунами; ордена; сабля; шляпа; шаровары темно-зеленые.

Адъютанты, дежурные штаб-офицеры и состоящие по особым поручениям, не числящиеся в Гвардейском экипаже: полукафтан без шитья, без эполет, ордена, сабля, шляпа, шаровары темно-зеленые.

Гвардейский экипаж: полукафтан с галунами без эполет; ордена; сабля; кивер без султана; шаровары темно-зеленые.

Морской кадетский корпус, Черноморская гардемаринская рота, 1 Штурманский полуэкипаж, Черноморская

штурманская рота и кондукторские роты Учебного рабочего экипажа: полукафтан без шитья без эполет; ордена; сабля; кивер без султана; шаровары темно-зеленые.

Имеющие мундиры Морского министерства; флотские, Финские, учебные и мастерские роты Учебного рабочего экипажей; состоящие по флоту; корпуса: морской артиллерии, флотских штурманов, корабельных инженеров и инженер-механиков: полукафтан без шитья, без эполет; ордена; сабля; фуражка с гербом, шаровары темно-зеленые.

Ластовые рабочие и машинные рабочие экипажи; портовые роты и состоящие по адмиралтейству; арсенальные, лабораторные и арестантские роты: полукафтан без эполет; ордена; сабля; фуражка с гербом, шаровары темно-зеленые.

Примечание к обыкновенной походной форме. Когда назначена обыкновенная походная форма, то в тех случаях, в которых дозволяется надевать прежний сюртук, дозволяется быть без орденов и при кортике. Вне службы при вышеозначенной форме всем вообще дозволяется носить фуражку без герба, но всегда при оружии.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 2

Правила ношения принадлежностей различных форм одежды. Из «Правил о формах одежды для военных офицеров, гардемаринов, кондукторов, а также медицинских и гражданских чинов Морского ведомства», Санкт-Петербург. 1878.

О головном уборе: 1) Шляпу, когда она снята, следует держать в левой руке, петлицей кверху, имея большой палец в головном отверстии шляпы, а остальные четыре пальца на правом поле оной, по направлению петлицы.

2) Шапку и фуражку следует держать в левой руке за козырек, верхом вперед, имея большой палец сверх козырька.

Примечание. При держании в руке головного убора рука должна быть опущена, кроме при молитве в строю.

3) Подбородочные ремни шапок и фуражек при службе на берегу или в строю иметь на козырьке; в морском же походе и на берегу, при сильном ветре, дозволяется их застегивать под подбородок.

4) Белые чехлы на фуражки всем военным и гражданским чинам Морского ведомства надевать, когда последует приказание носить летние брюки, а снимать 1 сентября.

5) В Черноморских и каспийских командах, а также в портах Восточного Океана, белые чехлы на фуражках, и в команде Аральской флотилии, присвоенные ей белые фуражки, носятся в тех случаях, когда начальство тех команд признает то нужным.

6) Все военные чины Морского ведомства на берегу, исключая чинов Гвардейского экипажа, с 15 сентября по 1 мая в строю носят фуражки, а Гвардейского экипажа – всегда шапки.

7) Адмиралам и генералам при мундире Гвардейского экипажа быть в шапках нового образца только при командовании строем на берегу; в остальных же всех случаях быть в шляпах.

Об оружии

Все офицеры, гардемарины и кондукторы, а также гражданские чины Морского ведомства в столицах и городах должны всегда быть при оружии, свойственном форме их одежды.

Примечание. В загородных местах, вне службы, при сюртуках дозволяется быть без оружия

Караульные и дежурные не снимают оружия со времени вступления в должность до следующей смены.

При полотняниках, когда при отправлении службы следует быть при оружии, иметь кортик.

Пистолеты носятся в строю, когда нижние чины с боевым оружием. Дежурные же надевают пистолеты при походной форме.

В строю, при представлениях и для присутствия при парадах, смотрах и разводах саблю надевать на крючок.

Когда в строю плащ надевается в рукава, то оружие должно быть пристегнуто сверх плаща.

То же правило соблюдается дежурными по адмиралтействам, когда караулы в шинелях в рукава; во всех же остальных случаях оружие пристегивается под плащом.

Оружие снимается при приобщении Св. Тайн и при поклонении Св. Плащанице и местным иконам пред Причастием.

На балах для танцев оружие снимается.

Во всех случаях, когда оружие снимается при мундире и вицмундире, снимать одну саблю, оставив портупею, а чтобы пассики не болтались, соединять концы их между собой.

При сюртуке же снимать кортик с портупеей, причем дозволяется расстегивать сюртук.

О летних брюках, жилетах, галстуках и воротничках рубашек:

На берегу штаб-офицеры Морского ведомства надевают белые полотняные шаровары только в строю, при всех формах, когда команды в белых брюках; обер-офицеры же, гардемарины и кондукторы надевают белые полотняные брюки в летнее время во всех случаях при парадной, праздничной и воскресной формах и при всех формах в строю, когда команда в белых брюках.

Примечание 1-е. Лица, имеющие шаровары с галуном и адъютанты всегда и все вообще чины Морского ведомства, когда они верхом во фронте или вне оного, при всех формах, надевают суконные шаровары.

Примечание 2-е. В морском походе, когда команда в белых брюках, все офицеры должны быть в белых шароварах, но адмиралы и генералы надевают белые шаровары только при экипажах и местам присвоенных мундирах.

Примечание 3-е. При свитской форме белые шаровары не надеваются.

Примечание 4-е. Флигель-адъютанты надевают белые шаровары только при флотской форме.

Адмиралам, генералам, штаб- и обер-офицерам, гардемаринам и кондукторам, а также гражданским чиновникам Морского ведомства разрешается носить белые полотняные шаровары: а) для письменных занятий в департаментах, управлениях, госпиталях и т. п. и б) вне службы вообще.

При вицмундире дозволяется надевать однобортные суконные или пикейные двубортные или однобортные белые жилеты, а при сюртуке с погонами во всякое время – двубортные суконные или двубортные или однобортные летние белые жилеты.

При сюртуке с погонами дозволяется носить узкие галстуки с малым бантом или большие с длинными концами, опускающимися под жилет, но цвет галстука должен быть непременно черный.

При вицмундире и сюртуке с погонами дозволяется иметь и отложные воротнички рубашек.

О полотнянике (кителе)

Всем чинам Морского ведомства летом в теплое время дозволяется надевать полотняник при белых шароварах и летнем белом двубортном или однобортном жилете на берегу во всех портах и гаванях, всем находящимся при работах и при вооружении судов, в кампании как на рейде, так и в море, а также вне службы, кроме столиц везде, за исключением однако же публичных собраний, зрелищ и гуляний. Морским медикам разрешается носить полотняники при своих занятиях внутри госпиталей. Во всех упомянутых случаях полотняником заменяется суконная одежда, как при отправлении обязанностей службы, так и вне оной; но в тех случаях, когда при отправлении обязанностей службы следует быть при оружии, с полотняником следует надевать кортик.

Чины, имеющие ордена за отличие в сражении, носят оные на полотнянике по той же форме, как положено носить эти ордена при сюртуках.

О верхней одежде

Плащ полагается как для городской, так и для походной форм, и когда он надевается в строю в рукава, то иметь оружие, пристегнутое сверх плаща. Вне же строя вообще и в строю, когда плащ надевается внакидку, оружие пристегивается под плащом.

Военным и гражданским чинам разрешается в ненастье носить, как во время кампании на судах, так равно и на берегу, плащи черного цвета: каучуковые или другой непромокаемой ткани или кожаные.

Башлык употребляется на берегу и на судах во всякое время года, при ненастной погоде или морозе свыше 5°, как вне службы, так и при исполнении служебных обязанностей.

О трауре:

При глубоком трауре обшивается флером:

а) На всех шапках с гербами – весь герб и кокарда

б) На фуражке закрывается только кокарда

в) На шляпе – кокарда с петлей и кисточки на углах

г) На мундире и сюртуке обшиваются погончики для пристегивания эполет и надевается флер над обшлагом левого рукава

д) Эполеты и погоны обшиваются кругом, но пуговицы остаются не закрытыми

е) На плаще обшиваются погоны и надевается флер над обшлагом левого рукава

ж) Серебряный темляк сабли обшивается кругом, а у темляков ленточных только кисти

з) Аксельбант обшивается весь, каждый снур отдельно; наконечники остаются не закрытыми

При всех погребениях присутствующим иметь траур на левом рукаве как мундира, так и плаща.

Адмиралам, генералам, штаб- и обер-офицерам при погребении родственников дозволяется быть в глубоком трауре.

При наложении общего траура следует быть без оного только в те дни, когда развод назначен в парадной или праздничной форме.

Для представления начальству, вступления в караул, а также на дежурствах и учениях траур не снимается.

Формы одежды, соблюдаемые при некоторых особых случаях

Форма при брачной церемонии, при восприятии от Купели, приобщении Св. Тайн, выносе Св. Плащаницы и божественных службах при Высочайшем дворе:

а) Участвующим в брачной церемонии быть в праздничной форме, присутствующим – в обыкновенной, но адмиралам и генералам в лентах

б) При восприятии от купели быть в обыкновенной форме

в) Приобщающимся Св. Тайн быть в обыкновенной форме

Примечание. Приобщающиеся Св. Тайн для причастия и поклонения местным иконам пред причастием снимают оружие

г) При выносе Св. Плащаницы быть в обыкновенной форме

Примечание. Для поклонения Св. Плащанице оружие снимать

д) В воскресные дни, когда не положены ни парадная, ни праздничная форма, при съездах к Высочайшему двору надевать форму воскресную тогда только, если развод назначен с церемонией, а если без церемонии, то надевать форму обыкновенную

е) У всенощного бдения при Высочайшем дворе в Вербную субботу быть в обыкновенной форме, но адмиралам и генералам в лентах

ж) в Великую пятницу у вечерни и всенощного бдения при Высочайшем дворе быть в обыкновенной форме

з) В Великую субботу у всенощного бдения быть в парадной форме; адмиралам и генералам – в адмиральских мундирах

и) В первый день Св. Пасхи у вечерни при Высочайшем дворе быть в парадной форме, но в экипажных, местам и званиям присвоенных мундирах

Форма на официальных обедах, балах при высочайшем дворе и в частных домах:

а) На официальных обедах, даваемых главнокомандующими лицами в высокоторжественные дни рождения и тезоименитств Их Императорских Величеств и прочих лиц императорской фамилии, а равно в дни восшествия на престол и коронования Их Величеств быть в парадной форме, как положено для развода

б) На балах в Высочайшем присутствии, если приказано быть в праздничной форме, всем господам адмиралам и генералам, флигель-адъютантам – при свитской форме, и всем штаб- и обер-офицерам Гвардейского экипажа быть в бальных шароварах белого сукна

Форма в маскарадах, в театрах, на концертах и на публичных гуляньях:

а) В те дни, когда после развода назначено быть в праздничной форме, в маскарадах быть также в праздничной форме; в остальные дни – в обыкновенной

б) В те дни, когда после развода назначено быть в праздничной форме, в театрах следует быть также в праздничной форме

в) На всех публичных концертах быть в сюртуках с эполетами, за исключением тех дней, когда по расписанию назначено быть до развода и после оного в праздничной форме

г) В те дни, когда назначена после развода праздничная форма, на публичных гуляньях быть также в праздничной форме

д) В те дни, когда после развода назначено быть в праздничной форме, дозволяется быть в сюртуке с погонами при кортике и фуражке только для письменных и хозяйственных служебных занятий и вне службы для прогулок

В загородных местах

В загородных местах при исполнении служебных обязанностей соблюдаются в точности формы городские и походная; вне службы дозволяется быть в сюртуках и полотняниках без оружия; для приезда же во дворцы лицам Свиты при свитской форме, при сюртуках иметь эполеты (если не последует особого приказания быть в погонах)

ПРИЛОЖЕНИЕ № 3

Правила ношения орденов, медалей и других знаков отличия. Из «Правил о формах одежды для военных офицеров, гардемаринов, кондукторов, а также медицинских и гражданских чинов Морского ведомства», Санкт-Петербург. 1878.

Знаки ордена св. Апостола Андрея Первозванного:

Крест на ленте через правое плечо и звезда на левой стороне груди.

Кавалеры ордена св. Андрея в дни орденских праздников, когда назначено быть при Высочайшем дворе (для выхода или по другому случаю) в полной парадной форме вместо ленты надевают цепь ордена, а под ней через плечо ленту празднуемого ордена.

Цепь ордена св. Андрея надевается также и в другие дни, на выходах же при Высочайшем дворе, но не иначе как по особому Высочайшему повелению; в таком случае через плечо надевается лента нижеследующего по старшинству ордена (св. Георгия, св. Владимира или св. Александра Невского).

Знаки ордена св. Александра Невского

Крест на ленте через левое плечо и звезда на левой стороне груди.

При ордене св. Андрея звезда не носится, а крест надевается на шею на узкой ленте.

Знаки ордена Белого Орла

Знак на ленте через левое плечо и звезда на левой стороне груди. При старших орденах звезда не носится, а знак при ордене св. Александра Невского надевается на шею на узкой ленте; при ордене же св. Андрея заменяется знаком меньшего размера в петлице, ниже ордена св. Георгия 4-й степени.

Примечание. Если орден пожалован за военные подвиги, то знак его носится на шее и при ордене св. Андрея

Знаки ордена св. Георгия

1-я степень. Крест на ленте через правое плечо и звезда на левой стороне груди. Лента ордена надевается поверх мундира только в день орденского праздника 26 ноября или, как выше объяснено, при цепи ордена св. Андрея; во всех прочих случаях носится под мундиром по камзолу, причем концы ее с крестом продеваются внаружу в поперечный прорез, имеющийся с левой стороны мундира, несколько ниже линии талии.

Звезда носится при всех формах и при всех других орденах, на мундире ниже ордена св. Андрея, а на сюртуке одна.

2-я степень. Крест на шее и звезда на левой стороне груди. Крест носится всегда, даже и при 1-й степени ордена, а звезда при всех других орденах, ниже звезд 1-х степеней старших орденов. При сюртуке носится только один крест.

3-я степень. Крест на шее носится на мундире, вицмундире и сюртуке при всех старших орденах и даже при высших степенях ордена.

4-я степень. Крест в петлице носится при всех орденах и при всех высших степенях ордена, на мундире по середине груди на особой пряжке выше всех прочих орденов, медалей, а на сюртуке во второй от верху петлице левого борта.

Крест той же степени с надписью; за 23 лет или за 20 и 18 морских кампаний носится при высших степенях ордена.

На плаще крест 4-й степени носится только в строю, а вне строя дозволяется носить только одну лишь ленту ордена, во второй от верха петле.

Знаки ордена св. Равноапостольного князя Владимира.

1-я степень. Крест на ленте через правое плечо и звезда на левой стороне груди. Лента ордена надевается поверх мундира, если кавалер не имеет других старших орденов или, как выше объяснено, в день орденского праздника 22 сентября и вообще при цепи ордена св. Андрея, если нет ленты ордена св. Георгия 1-й степени; во всех же прочих случаях носится по камзолу, как и лента ордена св. Георгия.

Звезда с мундира и вицмундира никогда не снимается и носится ниже звезд старших орденов.

2-я степень. Крест на шее и звезда на левой стороне груди. Крест без мечей носится при всех высших орденах, а с мечами даже и при первой степени того же ордена, звезда снимается только при 1-й степени того же ордена.

3-я степень. Крест на шее; без мечей носится при всех старших орденах, а с мечами даже и при высших степенях того же ордена.

4-я степень. Крест в петлице носится при всех орденах точно так же, как и крест той же степени ордена св. Георгия, но ниже сего ордена. Крест с надписью за 35 или за 25 лет, за 20 или 18 кампаний не снимается и при высших степенях того же ордена.

Примечание. При сюртуке носятся кресты ордена всех его степеней, но только в таком случае, если нет крестов тех же степеней ордена св. Георгия.

Знаки ордена св. Анны

1-я степень. Крест на ленте через левое плечо и звезда на правой стороне груди. При старших орденах звезда снимается; лента через плечо надевается только, как выше объяснено, в день орденского праздника 3 февраля, если бы в этот день назначен был выход при Высочайшем дворе; крест без мечей при ордене Белого Орла носится на шее, а при ордене св. Александра Невского в петлице, ниже ордена св. Владимира 4-й степени. При пожаловании ордена той же степени с украшением Императорской короной простые знаки его снимаются.

Крест с мечами носится на шее при всех старших орденах и при своем ордене с украшением Императорской короной, если тот был пожалован не за военные подвиги; в последнем случае, при других старших орденах, крест ордена св. Анны 1-й степени с Императорской короной без мечей не носится.

2-я степень. Крест на шее без украшений носится при всех старших орденах, кроме старшей степени того же ордена.

Крест с мечами снимается при кресте той же степени

с короной и мечами, тот и другой снимается при ордене 1-й степени, пожалованном с мечами, когда оный должен носиться на шее.

3-я степень. Крест в петлице, пожалованный за военные подвиги, с мечами носится при всех других орденах и при высших степенях своего ордена и заменяет собой крест 1-й степени, если тот пожалован не за военные подвиги, должен быть перенесен, как выше объяснено, в петлицу.

4-я степень. Знак ордена на грифе шпаги, сабли или палаша. Оружие это может быть только заменено золотым оружием; принадлежность его составляет темляк на ленте ордена.

Примечание. При сюртуке надевается только старший крест ордена с мечами, и то если нет орденов св. Георгия и св. Владимира.

Знаки ордена св. Станислава

1-я степень. Крест на ленте через правое плечо и звезда на левой стороне груди.

2-я степень. Крест на шее.

3-я степень. Крест в петлице.

К ношению всех этих знаков вполне применяются правила, указанные для ношения ордена св. Анны.

Крест же 1-й степени при ордене 1-й же степени св. Анны носится на шее, а при пожаловании ордена Белого Орла переходит в петлицу.

Орденский праздник 25 апреля

Золотое оружие с надписью «За храбрость».

При переходе из одного рода войск в другой должно изменяться сообразно формы той части, в которой лицо состоит.

Принадлежность его составляет на ленте ордена св. Георгия; если же оно пожаловано с алмазными украшениями, то носится без темляка.

Оружие, заменяющее оружие с алмазными украшениями, носится с Георгиевским темляком.

Знак отличия Военного ордена

Носится и при офицерских крестах ордена св. Георгия, в петлице, ниже всех офицерских крестов и выше всех медалей.

На сюртуке носится во второй от верха петле, если только кавалер оного не имеет ордена св. Георгия 4-й степени, который заменяет его в петлице.

На плаще, вне строя, взамен креста дозволяется носить одну только ленту во 2-й от верха петле борта.

Медали и польский знак отличия за военные достоинства

Носятся только на мундире и вицмундире вместе с орденами в петлице, ниже всех крестов и по старшинству пожалования.

Знак отличия беспорочной службы

Носится только на мундире и вицмундире под орденами в петлице.

Кавказский крест

Носится только на мундире и вицмундире на левой стороне груди, за бортом ниже всех звезд, а если таковых нет, то на высоте между 2-й и 3-й пуговицами.

Милиционный крест

Носится только на мундире и вицмундире на левой стороне груди, как и Кавказский крест, но ниже оного.

Вензелевые изображения имен императоров: Александра I и Николая I

Носится на мундире и вицмундире на левой стороне груди, как и Кавказский крест, но ниже всех вышеозначенных знаков.

Знаки за успешность окончания курса наук в Николаевской морской и других академиях

Носится на мундире, вицмундире и сюртуке (во всех случаях), на правой стороне груди, за бортом между 3-й и 4-й пуговицами мундира (или 2-й и 3-й сюртука), но ниже звезд.

Примечания.

Из орденов 1-й степени, переходящих, как выше объяснено, в петлицу, носится всегда один только старший крест и одного размера с положенным для степеней, которые носятся в петлице.

В дни праздников орденов, на выходах и торжествах все кавалеры, имеющие 1-ю степень празднуемого ордена, должны быть в ленте того ордена.

Имеющие несколько орденов для ношения на шее. при мундире надевают старший из них по галстуку, а остальные пропускаются между пуговицами, по борту мундира. При вицмундире надевается на шею один старший крест, наблюдая при этом, что лица, имеющие на шее орден св. Великомученика и Победоносца Георгия и св. Владимира, надевают оба креста, а имеющие на шее орден Белого Орла и св. Владимира надевают один владимирский крест. Петличные же ордена надеваются параллельно продольному левому лацкану, младшие и иностранные ближе к плечу.

Иностранные ленты и звезды надеваются лицами, не имеющими русских лент, во всех случаях, когда следует быть в лентах; лица же, имеющие русские ленты, надевают иностранные при некоторых особых случаях, как то: при представлении высоким особам, даровавшим ордена, при их встрече или когда о надевании иностранной ленты будет объявлено особое приказание.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 4.
Костюмы и мода в жизни Петра Ильича Чайковского

Мы сидели в уютном петербургском кафе – я и мой дальний родственник, русский парижанин, ловкий ловец антикварных жемчужин. Было уже поздно, и город привычно и устало менял декорации, готовясь представить зрителям старинный спектакль в сценографии пушкинских белых ночей. Обновленное сфумато акварельных серебристых сумерек развязало парижанину язык. Он говорил без умолку, жонглировал цитатами из обожаемого русского классика, перебивая строфы впечатлительными цифрами бидов и эстимейтов. Затем разговор предсказуемо перешел на Чайковского. Ловец жемчужин посетовал на то, что автографы его бесценны, но снимки его малоинтересны и однообразны. Что, в сущности, Чайковский почти не фотографировался и носил всегда один и тот же костюм. И что в отличие от Пушкина, записного денди, Чайковский модой не интересовался, щеголем не был и фотографических аппаратов избегал.

Спор не всегда приводит к истине. Но он определенно рождает любопытство. Я робко напомнила парижанину байку о композиторе – как он появился в Москве в монументальной шубе, всех ею насмешив. И современники, кажется, удивлялись неожиданной его трансформации из послушного чиновника в лохматого профессора с бородой народовольца. И, по-моему, кто-то и где-то писал о парижской элегантности Чайковского, его щегольстве и неизлечимой страсти к покупкам... Парижанин остался глух к зыбким доводам. Но это было не важно. Мне захотелось выяснить, как именно кудлатый русский композитор преобразился в светского «элегантэна» с легким налетом грассирующего французского стиля, какие костюмы носил и как влиял на облик и манеры обожавших его современников.

«Чижик-пыжик»

Чайковский много и часто фотографировался. Существует всего 130 снимков, включая и недавно обнаруженный мной в архиве профессора консерватории Н. М. Нолле[1]. Первая фотография, для которой позировал Петя Чайковский, – это смуглый альбуминовый отпечаток формата «будуар», сделанный с петербургского дагеротипа

Восьмилетний Петр Ильич Чайковский (крайний слева) с семьей. Мальчик позирует в платье из шотландки.
Фототипия 1890-х гг. с дагеротипа 1848 г. *Коллекция О.А.Хорошиловой*

1848 года. Он хорошо известен. Большое и относительно счастливое семейство послушно приняло срежессированные фотографом позы. Справа – отец, Илья Петрович Чайковский, бывший директор воткинских горных заводов, а нынче – отставной чиновник, ищущий работу в столице. Вторая слева – Александра Андреевна, супруга Ильи Петровича. Будущий композитор – первый слева. Он принял красивую романтичную позу, сложив руки на груди, совсем как взрослый. Восьмилетний Петя одет по возрасту – в длинную, до колен, рубашку (из фланели или шерсти), перетянутую кушаком. Мода 1840-х годов все еще испытывала влияние британского романтизма, и стиль «балморал» с его «плэдами», килтами и пестрой шотландской клеткой все еще был востребован, особенно в детском костюме. Чайковские были небогатыми, и возможно в ней, как и в большинстве таких семейств, одежды старших донашивали младшие. Такая традиция существовала даже в семье Романовых. Потому возможно, что эта блуза перешла к Пете от старшего брата Николая, одетого уже по-юношески в жилет, бархатную курточку и панталоны.

[1] Хорошилова О. А. «Редкий Чайковский». Малоизвестный фотопортрет композитора из архива Н. М. Нолле / Антиквариат, предметы искусства и коллекционирования. – М., 2013, № 5. – С. 70-73.

После мимолетного обучения в пансионе Шмеллинга Петр поступил в младший приготовительный класс Императорского училища правоведения. Основанное в 1835 году по распоряжению и на личные средства принца Петра Ольденбургского, оно призвано было «готовить благородное юношество на службу по судебной части». В конце XIX века это заведение успешно конкурировало с Александровским лицеем в престижности, но в 1850-е годы оно еще не отличилось сильным преподавательским составом, и в списках его воспитанников почти не было громких и родовитых фамилий. Особенный статус заведения и великосветский ореол его патрона, принца Ольденбургского, отразились, тем не менее, на внешнем облике учащихся. Когда Петр Чайковский поступил в младший приготовительный класс, он, как все новички, надел особую форму – темно-зеленую (почти черную) куртку до талии с невысоким по моде того времени стоячим светло-зеленым воротником и одним рядом золоченых пуговиц «сенатского чекана», то есть с выбитым на каждой изображением столпа закона под короной. До 1855 года панталоны положены были серые: зимой – из сукна, летом – из нанки. Из-за доминирующего в костюме зеленого цвета, а также желтого приборного металла остряки прозвали правоведов «чижиками-пыжиками».

Чайковский учился без вящего удовольствия – скорее для родителей, просто потому, что надо хорошо учиться. Кстати, благодаря этому чувству долга он потом пойдет на службу и быстро покинет ее – творческий долг одержит верх над обывательским. Сохранились снимки 1859 года, когда Петр учился в старшем, 1-м классе. Он и его соученики носили два вида одежды – классный и парадный. Первый комплект включал в себя «темно-серые нанковые панталоны, черную курточку с зеленым воротником и черный суконный галстук с вырезанным языком на груди»[2]. Верхняя одежда состояла из фуражки со светло-зеленым околышем и зеленой (чаще черной) шинели со светло-зеленым воротником. Впрочем, ни Чайковский, ни его друзья не спешили фотографироваться в казенном скучном костюме. Потому снимки правоведов в этой форме встречаются крайне редко. Для столичного фотоателье они выбирали красивую парадную форму. Именно в ней будущий композитор запечатлен на нескольких выпускных фотографиях. Чайковский позирует в темно-зеленом однобортном мундире – казенном, а не сшитом на заказ.

Петр Чайковский в форме воспитанника старшего класса Императорского училища правоведения. Одна петлица на рукаве указывает на то, что в классе он был «подстаршим».

Фототипия конца XIX века по снимку 1859 г.

Коллекция О.А. Хорошиловой

В то время среди правоведов хорошим тоном считалось носить только казенную форму. Тех, кто это правило нарушал, зло высмеивали, а иногда и били. Владимир Герард, сокурсник и друг Чайковского, вспоминал: «В эту эпоху даже в старшем курсе только у двух товарищей из нашего класса были собственные мундиры, и они за свое щегольство часто подвергались насмешкам других. Остальные все обходились казенными мундирами. Вообще направление и интересы были очень серьезные»[3].

2 Стасов В. В. Училище правоведения 40 лет тому назад / Русская старина, СПб., 1880, XXIX, Ч. 9-12. – С. 1030.

3 Герард В. Н. Чайковский в училище правоведения / Воспоминания о Чайковском, 2-е изд. М., 1973. – С. 31, 32.

На фотографии будущий композитор позирует в мундире, застегнутом по-щегольски – только на верхнюю пуговицу. Такую вольность юноша мог позволить лишь в ателье – в стенах училища должно было выглядеть подтянуто, молодцевато, так сказать застегнутым на все пуговицы. Светло-зеленый с черной выпушкой воротник украшен золотыми петлицами старшего класса. Можно также различить одну петлицу на обшлаге его мундира. Она указывает на то, что Чайковский в своем классе был «подстаршим». Еще в 1840-е годы училище подверглось реформам, ввели муштру, на должность директора назначили генерала. Заведение стало похоже на военное. Среди правоведов начали выбирать лучших учеников, назначая их «старшими в классе», что было равнозначно званию вице-фельдфебеля в кадетских корпусах. Их помощниками, своеобразными вице-унтер-офицерами, стали «подстаршие», к числу которых относился и Петр Чайковский. Впрочем, должность свою он не понимал и петлицами своими не гордился, потому и не стал их нарочито выставлять перед зорким объективом фотографа. Откровенно ненавидя плац-парадные красоты, юноша не захотел демонстрировать и другой изящный аксессуар – ловкую пехотную шпагу, которую он получил, перейдя в заключительный класс. Ее скромный эфес едва можно различить в темно-кофейной мути старинного снимка.

Но была одна деталь в форме, которую Петр любил и которой гордился, – фетровая шляпа с золотой петлицей. Модест Чайковский, вслед за Петром окончивший училище, вспоминал: «Правоведская треуголка для массы окружена почти таким же ореолом великосветскости, как каска пажа и красный воротник лицеиста. Я упоминаю здесь об этом потому, что это неосновательное предубеждение породило и некоторый оттенок тщеславия в самих правоведах и имело хотя и слабое, но несомненное значение в жизни Петра Ильича этого периода»[4]. Петру нравилась эта шляпа с петлицей. Он красиво положил ее на колено. Она прекрасно видна.

Императорское училище правоведения Чайковский окончил в 1859 году тринадцатым в классе по успеваемости.

Петр Чайковский в модной курточке в стиле «матлот», которую биографы композитора неверно атрибутируют как мундир чиновника.
Открытка 1960-х гг. *Коллекция О.А.Хорошиловой*

Двойная жизнь

По правилам училища все его выпускники должны были прослужить шесть лет в Министерстве юстиции и по окончании заведения получали чины: «Ученики первого разряда – чин титулярного советника, ученики второго разряда – чин коллежского секретаря, ученики третьего и последнего разряда – чин губернского секретаря»[5]. Чайковский был среди перворазрядников и покинул стены заведения титулярным советником. Он поступил на службу в 1-е (распорядительное) отделение Министерства

4 Чайковский М. И. Жизнь Петра Ильича Чайковского. – Москва – Лейпциг, 1900, Т. 1. – С. 86.

5 Арсеньев К. К. Воспоминания об училище правоведения / Русская старина, 1886. Т. XLX, Ч. 4, – С. 214, 215.

юстиции. «Через полгода его прикомандирования к Департаменту он был сделан младшим помощником столоначальника; через три месяца – старшим и далее этого не пошел», – свидетельствовал Модест Чайковский[6].

Фотографий этого периода немного. К началу 1860-х годов относится известный снимок фотоателье «Кулиша», на котором молодой чиновник Чайковский позирует в черной шелковой бабочке и куртке с вышитыми полосами и горошком на воротнике. Биограф Александр Познанский и вслед за ним прочие исследователи неверно атрибутируют этот костюм как форменное платье чиновника Министерства юстиции[7]. Служащие этого министерства носили либо однобортные полукафтаны со стоячим воротником и шитьем, либо двубортные сюртуки с отложным воротником без шитья. И даже нештатным чиновникам, которым Чайковский был полгода, полагался форменный костюм – однобортный сюртук с отложным воротником без шитья и золочеными пуговицы с сенатским чеканом. На юноше – не чиновничий мундир, а всего-навсего юношеская, весьма модная в тот период куртка a'la matelot, навеянная морской романтикой.

Ни на одной из сохранившихся фотографий Чайковский не позирует в форменном костюме. Объяснить это можно тем, что он откровенно не любил бюрократов, мундиры и кабинетную рутину, хотя служил «отлично благородно». Он фотографировался исключительно в светских костюмах, уже в то время неплохо разбираясь в моде и зная толк в щегольстве. Модест Чайковский вспоминал: «Отделавшись от тягостной необходимости проводить известные часы в Департаменте, остальное время Петр Ильич мог бесконтрольно отдаваться удовлетворению ненасытной жажды удовольствий. Невозможно уследить за бесконечным разнообразием их в этот период в жизни Петра Ильича. В изящных салонах, в театре, ресторанах, в прогулке по Невскому и Летнему саду в модные часы дня, во всем, везде он ищет и находит цветы радостей жизни»[8].

Новообращенный светский модник, петербургский «фэшионабль», Чайковский ревностно следил за своим внешним видом, старательно корректируя его по законам столичной «бонтонности», и вел жизнь столичного «онагра». Герман Ларош свидетельствовал: «Двадцатидвухлетний Чайковский, с которым я познакомился в Петербургской консерватории, был светский молодой человек, с лицом, вопреки моде, уже тогда всеобщей, совершенно выбритым, одетый несколько небрежно, в платье дорогого портного, но не совсем новое, с манерами очаровательно простыми и, как мне тогда казалось, холодными; знакомых имел тьму, и когда мы вместе шли по Невскому, сниманиям шляп не было конца. Раскланивался с ним преимущественно (но не исключительно) народ элегантный. В это раннее время и еще долго после [он] совсем не умел ходить пешком и даже на самые маленькие расстояния нанимал извозчика, и если я сейчас говорил, что я хаживал с ним по Невскому, то это такое исключение, которое свойственно петербуржцу: по Невскому ходят такие, которые вообще не ходят»[9].

Лишь своим близким Петр Чайковский с горечью признавался: «Не могу сделаться вполне светским человеком». Причиной этому были скудные финансы. Титулярный советник Минюста получал каких-то 50 рублей. На холостые, с дорогим шампанским и картинными цыганами, вечеринки, на театры, танцы, щегольской гардероб и дорогие аксессуары жалованья не хватало. Костюм, сшитый у портного, стоил тогда от 20 до 40 рублей, а за отменную пару брюк приходилось отдавать 15–20 рублей. Основательная сумма для бедного чиновника.

В тот период Чайковский носит темные, возможно синие или черные, однобортные вестоны, визитки из тонкой шерсти и сюртуки, панталоны слегка мешковатые по французской моде того периода, а также шелковые бабочки и пластроны с едва заметными галстучными булавками. Ларош упоминает, что Чайковский пользовался услугами «дорогого портного», однако другие современники композитора, к примеру Маслов, утверждали, что «будучи беден, он не мог элегантно одеваться»[10]. Действительно, не все вещи Чайковского начала 1860-х годов безупречны по крою и посадке. На фотографии 1860 года Петр Ильич позирует в мешковатом, с морщинами, сюртуке, слишком тяжеловесном в сравнении с тонкой фигурой вечно голодного молодого чиновника. Возможно, тогда он пользовался услугами недорогих портных либо покупал вещи в конфекционах.

Чайковский ежедневно бывал в свете, его многие знали, он со многими был дружен. Появилась необходимость в остро-модных «визитках» – небольших фотографиче-

6 Чайковский М. И. Жизнь Петра Ильича Чайковского. – Москва – Лейпциг, 1900, Т. 1. – С. 113.

7 Poznansky A., Langston B. The Tchaikovsky Handbook: A guide to the man and his music. Catalogue of letters, genealogy, bibliography. Indiana University Press, 2002, Vol.2, P. 478.

8 Чайковский М. И. Жизнь Петра Ильича Чайковского. – Москва – Лейпциг, 1900, Т. 1. – С. 114.

9 Ларош Г. А. Собр. музыкально-критических статей. – М., 1922, Т. 2, Ч. 1. – С. 6-8.

10 Маслов Ф. И. Воспоминания друга / Воспоминания о Чайковском, 2-е изд. М., 1973. – С. 33.

Столичный бонвиван и чиновник Министерства юстиции Петр Чайковский в цивильном платье – сюртуке, шароварах и цилиндре.

Фототипия конца 1890-х по снимку 1860 г. *Коллекция О.А.Хорошиловой*

ских карточках, которые с конца 1850-х предлагали столичные ателье и которыми стало принято обмениваться, оставляя бисерные автографы на оборотах. Современники назвали эту новую фотографическую моду «картоманией». Петр Ильич выбирает не самые дорогие, но именитые мастерские – Штейнберга на Малой Миллионной, дом 12, и Карла Людвига Кулиша на Невском проспекте в доме 55. Фон скуп, антураж беден (резная балюстрада, гнутый стул и неизбежная драпировка в углу), но качество снимков превосходное, что, бесспорно, ценили петербургские «картоманы».

Модная бедность

То, что произошло с Чайковским в конце 1861 года, называют «перерождением». Послушный чиновник и молодой светский лев, тщетно старавшийся угнаться за проворной модой, неожиданно для всех превратился в прилежного студиоза. Его мучают звуки, ему мерещатся музыкальные фантасмагории, его даже украдкой посещает вдохновение, но Чайковский еще так мало умеет и почти ничего не смыслит в теории музыки. Он фанатично и самозабвенно учится. Посещает классы Русского музыкального общества, в 1862 году поступает в только что открывшуюся Санкт-Петербургскую консерваторию. Все, кроме музыки, перестает для него существовать, в том числе и мода. «С осени 1862 года ни о любительских спектаклях, ни о светских знакомых нет и речи, – пишет Модест Чайковский. – Музыка поглощает все. Его дразнят длинными волосами, которые он себе отпускает, удивляются, порицают». В биографии, посвященной брату, Модест дополняет этот портрет новыми штрихами: «От светского молодого человека не осталось и следа. С длинными волосами, одетый в собственные обноски прежнего франтовства, он внешним образом переменился так же радикально, как и во всех других отношениях»[11].

Кажется, так просто объяснить новый облик Чайковского его похвальным творческим горением, его новой, почти монашеской жизнью. Но композитор никогда не был аскетом и затворником. Увлекшись музыкой, он продолжал бывать в обществе, но не в том, блистательно-салонном и пустом, а в художественном, либеральном, жившим по другим правилам. В нем было модно не следовать моде, а неряшливо носить потертые, бедные вещи, подчеркивая свое полное безразличие к светскому лоску и элегантности. В таком обществе предпочитали стиль вольнодумцев-студентов, либеральных профессоров-славянофилов и косматых народников. И это общество сформировало новый образ Петра Чайковского, в котором внимательный Модест Ильич почувствовал толику франтовства: «В резкой перемене внешности некоторая доза преднамеренности, стремление обратить внимание на нее была. Происходило это исключительно из гордости: легкой утрировкой небрежности и бедности своего вида он хотел пойти навстречу возможного в той среде,

11 Чайковский М. И. Жизнь Петра Ильича Чайковского. – Москва – Лейпциг, 1900, Т. 1. – С. 158.

в которой он вращался, отказа от знакомства – показать, что отныне не имеет с этими людьми (светскими модниками. – *О. Х.*) ничего общего»[12].

С 1862 года Чайковский носит длинные неаккуратные волосы, кое-как зачесанные назад, русую бородку русофила, помятые серые пиджаки и мешковатые черные сюртуки, шелковые банты творца-вольнодумца. Внешне он очень напоминает студента-народовольца, образ, который в тот пореформенный период широко обсуждали и даже пытались копировать. «Типичными чертами такого студенческого образа, – вспоминал Александр Бенуа, – была широкополая мятая шляпа, длинные неопрятные волосы, всклокоченная нечесаная борода, иногда красная рубаха под сюртуком»[13]. Екатерина Андреева-Бальмонт запомнила их такими: «Небрежно одетые, в расстегнутых тужурках, из-под которых видны были их русские рубашки. У всех у них волосы были растрепаны, все непрерывно курили»[14]. Кстати, курил Чайковский тоже очень много, однако привычку эту унаследовал от старших воспитанников в училище правоведения.

Будущий композитор, весьма восприимчивый к внешним влияниям, молодой и увлекающийся, легко перенял облик, популярный в среде учеников Петербургской консерватории, людей небогатых или откровенно бедных, склонных к либерализму и народничеству, таких же пылких и фанатичных, как сам Чайковский. Новый образ был, впрочем, не только уместен и популярен, он позволял неплохо экономить. Петр Ильич, лишенный финансовой поддержки отца (в 1863 году он оставил пост директора Технологического института), вынужден был строго ограничить траты и много работать, в том числе давать частные уроки: «Я уж достал себе на будущий год несколько уроков, и самое главное, так как я совершенно отказался от светских удовольствий, от изящного туалета и т. п., расходы мои сократились до весьма малых размеров»[15]. Гардероб не обновлялся – Чайковский донашивал то, на что щедро тратил деньги в 1860-1861 годах. «Петя ходил в потертом пиджаке и вместо белья имел какое-то отрепье», – писал Модест Ильич.

В декабре 1865 года Чайковский окончил консерваторию, получив диплом «вольного художника» и серебряную медаль за кантату к оде Шиллера «К радости». И тогда же к нему обратился Николай Рубинштейн с предложением стать профессором гармонии в московском отделении Русского музыкального общества. Окончательно решив посвятить себя музыке, Чайковский с радостью принял это лестное предложение и в январе 1866 года отправился в Москву.

Петр Чайковский, только что прибывший в Москву, позирует в енотовой шубе, подаренной ему поэтом Алексеем Апухтиным.

Фототипия 1890-х гг. *Коллекция О.А.Хорошиловой*

Так начался его путь к славе.

Чайковский отправился к новому месту своего вдохновленного служения в образе эдакого Ивана Сусанина. Стоял мороз, и молодой профессор, одолеваемый неболь-

12 Чайковский М. И. Жизнь Петра Ильича Чайковского. – Москва – Лейпциг, 1900, Т. 1. – С. 158.

13 *Бенуа* А. Н. Мои воспоминания. – М.: Наука, 1990, Т. I-III. – С. 378.

14 Андреева-Бальмонт Е. А. Воспоминания. – М.: Издательство имени Сабашниковых, 1997. — С. 186.

15 Чайковский П. И. Письма к родным – М.: Государственное музыкальное издательство, 1955. – С. 15.

Аскетичный профессор гармонии
Петр Чайковский,
в облике которого уже не осталось и толики светского лоска.
Фототипия 1890-х гг. *Коллекция О.А.Хорошиловой*

шими и частыми недугами, патологически боявшийся серьезно заболеть, приехал в Москву в шубе. Но какой! Длинная, почти до пят, по-обломовски широкая, из толстого сукна неопределенного цвета, подпоясанная кушаком и с огромным, устало повисшим на плечах изъеденным молью меховым воротником какого-то старинного зверя. Называлась она, впрочем, енотовой шубой. Этот гигантский меховой салоп был щедрым подарком Апухтина, человека широкой души и широкого тела. Узнав о том, что его бывший сокурсник-правовед и близкий вечно нуждающийся друг едет в Москву, он выдал ему свою «необыкновенно старую шубу, употреблявшуюся в деревенских поездках»[16].

С кудлатой бородой, длинными волосами и в нахлобученной серой каракулевой шапке, Чайковский более походил на заправского кучера, чем на профессора гармонии. Однако не будем забывать контекст. Середина 1860-х годов – время не только «ходоков в народ», но и фанатичных русофилов, живописавших идеальную матушку-Русь в литературных, ученых и музыкальных сочинениях. Русский стиль стал тогда весьма востребован и моден в различных слоях общества, в том числе и в кругах разночинной интеллигенции. Русские шубы, меховые токи «под кучера», жирные бороды и усы, рубашки и кушаки – всем этим псевдонародным антуражем пополнялись гардеробы многих столичных и московских «фэшионаблей», смаковавших русскую идею, словно заморскую сласть. Чайковский в апухтинской шубе был весьма уместен и выглядел модно. Вероятно поэтому, только приехав в Москву, он отправился в фотоателье запечатлеть себя в этом оперно-русском облачении. Впрочем, над молодым профессором все же посмеивались украдкой его студенты и коллеги-западники.

Чайковский работал в Русском музыкальном обществе много и старательно, но жалованье получал мизерное и потому продолжал экономить. Он довольствовался комнаткой в квартире своего патрона, шумного и талантливого Николая Рубинштейна, скромно обедал в дешевых дурно пахнущих трактирах и носил «какое-то отрепье», по меткому выражению брата Модеста. «Как памятен мне его (Петра Чайковского. – *О. Х.*) тогдашний внешний облик: молодой, с миловидными, почти красивыми чертами лица, с глубоким, выразительным взглядом красивых темных глаз, с пышными, небрежно зачесанными волосами, с чудной русой бородкой, бедновато-небрежно одетый, по большей части – в потрепанном сером пиджаке», – вспоминал бывший ученик композитора Ростислав Геника[17].

Вихрастый и раздушенный Николай Рубинштейн понимал и сочувствовал положению молодого профессора, но он не мог мириться с его печальными обносками. Он почти насильно реформировал внешность Чайковского в согласии с собственными представлениями о мужской моде и хорошем вкусе. Во-первых, Николай Григорьевич подарил своему протеже черный фрак, который уже давно не носил. Он вполне подошел, хотя смотрелся немного «с чужого плеча». Затем Рубинштейн взялся за костюмы и белье. В письме к своим братьям Петр Ильич не без иронии сообщал: «Этот последний (Н. Г. Рубинштейн. – *О. Х.*) ухаживает за мной, как нянька, и хочет непременно исполнять при мне эту должность. Сегодня он подарил мне насильно шесть рубашек, совершенно новых (не говорите этого Давыдовым и никому), а завтра хочет насильно везти заказывать платье»[18].

16 Кашкин Н. Д. Воспоминания о П. И. Чайковском. – М., 1896. – С. 11.

17 Геника Р. В. Из консерваторских воспоминаний / Воспоминания о Чайковском, 2-е изд. М., 1973. – С. 72-73.

18 Чайковский П. И. Письма к родным – М.: Государственное музыкальное издательство, 1955. – С. 25.

В сентябре 1866 года Чайковский стал профессором только что открывшейся Московской консерватории, и его ежемесячное жалованье увеличилось до ста рублей. В ноябре композитор жаловался брату Анатолию: «Что пишешь: отчего у меня нет денег? Их у меня бывает много, но ведь и трат ужасно много! А Боксо? А новое платье и теплое пальто?»[19]. Это уже говорил не тот скромный, застенчивый, лишь музыкой одной живущий профессор. Это говорил другой Петр Чайковский – соблазненный первыми гонорарами, остро чувствовавший грядущий успех и славу, небрежно элегантный транжира, научившийся легко расставаться с деньгами.

«Полуфранцуз»

1870-е в жизни композитора – не только годы исканий и странствий. Это время формирования композиторского образа – не без помощи друзей и профессиональных портных. Автор русофильских опер «Опричник» и «Кузнец Вакула», тонкий музыкальный критик «Русских ведомостей», Чайковский стал хорошо зарабатывать (более 2000 рублей в год) и чаще бывать в обществе. Гардероб заметно увеличился. К знаменитому и всеми памятному серому пиджаку добавились хорошо сшитые шерстяные вестоны и черные двубортные сюртуки, репсовые галстуки-бабочки и шелковые в тонкую белую полоску «регаты». Густая борода в стиле «неорюс» была аккуратно острижена, волосы тщательно зачесаны и слегка напомажены. В 1872 году Чайковский обзавелся новым аксессуаром, добавившим к его профессорской внешности значительности: «Зрение так ослабло в сравнении с прежним, что я обзавелся пенсне, которое, как говорят, весьма украшает меня»[20].

У Петра Ильича формируется круг пылких поклонниц (в основном из среды его студенток), ежедневно умоляющих молодого и симпатичного профессора о фотографической карточке. Желания музыкально одаренных барышень Чайковский спешит исполнить, регулярно посещая самые модные петербургские и московские ателье. Его облик 1870-х годов запечатлели виртуоз русской светописи Александр Эйхенвальд и тонкий портретист Михаил Панов, мастер официального портрета Иван Дьяговченко, друг столичных артистов Альфред Лоренс и великий Карл Бергамаско, король фотографов, фотограф королей.

В начале 1870-х облик композитора вновь изменился. Теперь он тщательно следит за собой и тратит много денег на костюмы. На этой фотографии 1874 года он позирует в шерстяном вестоне с модными тогда широкими лацканами.

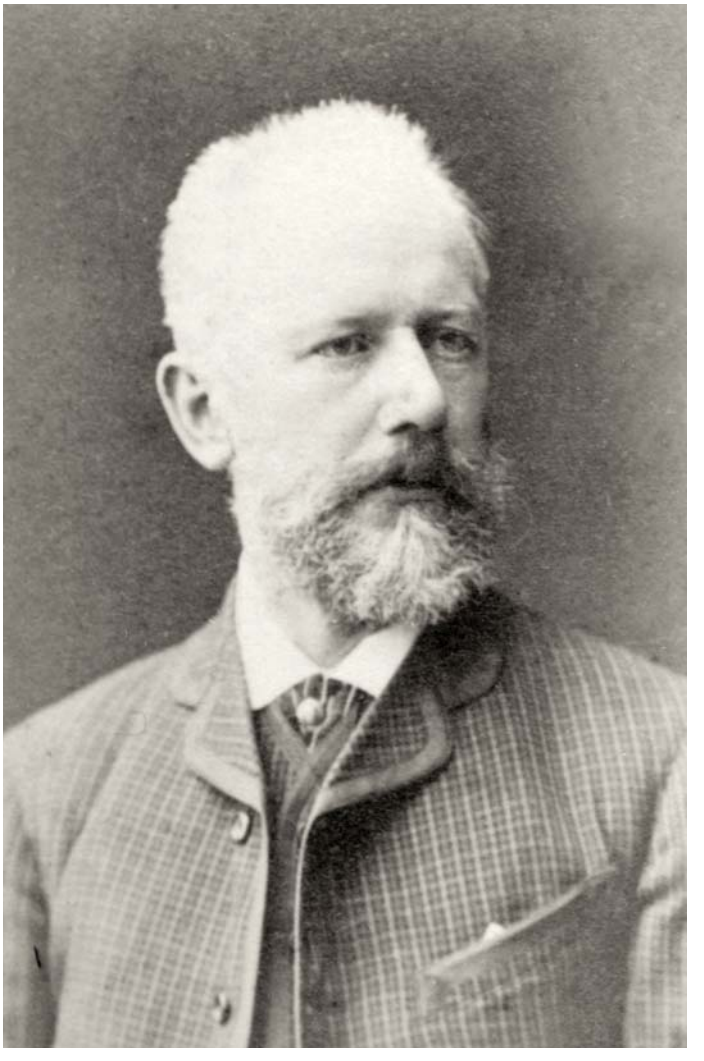
Фотоателье А. Лоренс. *Коллекция О.А.Хорошиловой*

В домашней одежде Чайковский все еще предпочитает русский стиль. Он носит невообразимых размеров халаты, а в особо холодные дни – шубу, весной и летом – простые рубашки-косоворотки, в непогоду – «непромокайки» и высокие болотные сапоги.

Но его светские костюмы все больше подчиняются мягкому диктату французской моды. Полуприлегающие двубортные пиджаки и сюртуки отличаются чересчур широкими лацканами и бархатными воротниками, тонкая атласная обшивка, чуть светлее основного тона, плавно огибает борт, лацканы и клапан пошета. Легкое грассирование этого нового облика легко объяснить.

19 Там же. С. 34.

20 Чайковский М. И. Жизнь Петра Ильича Чайковского. – Москва – Лейпциг, 1900, Т. 1. – С. 396.



Любитель французского стиля и моды
Петр Ильич Чайковский в костюме, сшитом, вероятно, в одном из парижских ателье.
Фотоателье «Везенберг», конец 1880-х гг. *Коллекция О.А.Хорошиловой*

В начале 1870-х годов Чайковский окончательно влюбляется в Париж, который регулярно навещает: «Поразмыслив хорошенько, направил свои стопы в Париж, где хорошо во всякое время года. Нельзя описать, до чего этот Париж удобен и приятен для жизни и как приятно можно здесь проводить время человеку, имеющему намерение веселиться. Уже самое гулянье по улице и глазенье на магазины в высшей степени занимательно»[21]. Впрочем, композитор не только рассматривал витрины, он часто и с большим удовольствием посещал универмаги и бутики, оставляя в них большие суммы. В письме из Парижа он признавался брату Анатолию: «Вместо театра у меня явилась другая слабость: *покупать*! Вчера купил *восемь галстуков* (курсив П. И. Чайковского)»[22].

Внимание гениального транжиры привлекали не только аксессуары. В Париже он покупал белье, костюмы, шляпы, перчатки, трости. Небрежное русофильство уступило место безудержной франкомании, превращавшей Чайковского в ловкого парижского фланера с полотен Эдуарда Мане. Петр Ильич нет-нет, да и позволял себе слабость хвастаться своим новым, безупречным внешним видом: «Как бы то ни было, но вчера и сегодня я таким гоголем расхаживаю по Парижу и тешу себя сладким сознанием, что можно баклуши бить, что ты не узнал бы своего братца, увидевши его в новом пальто, в цилиндре, в элегантных перчатках фланирующим...»[23]

С конца 1870-х годов автор очаровательного «Детского альбома» и проникновенной музыки к «Лебединому озеру» усердно пишет дневник, в котором, помимо милых личных признаний («кутил безудержно», «наплакался от души», «много пил»), все чаще упоминает купленные вещицы и портновские ателье.

«24 февраля 1879 г. Париж. Купил сегодня тебе (брату Анатолию. – *О.Х.*) и Модесту по три галстука»[24].

«17 мая 1886 г. Париж. С Алешей пошли заказывать рубашки. Заказали и шапку купили»[25].

«2 июня 1886 г. Париж. Завтракал в Café d'Orleans. Купил булавку (галстучную. – *О.Х.*). Шлялся»[26].

«4 июня 1886 г. Париж. Сумасшедший день. Покупал разные подарки и нужные вещи, потом фрак приобрел»[27].

«20 июля 1887 г. Вена. Заказал ботинки и купил другие»[28].

«21 июля 1887 г. Вена. Покупал нож для Н. Д. и галстуки для себя»[29].

«27 июля 1887 г. Вена. Рубашки. Возня с новой рубашкой»[30].

«26 марта 1888 г. Вена. Разменял деньги; купил пальто и платье. 27 марта. Вышел в 12 часов в новом пальто. Стригся по соседству»[31].

---

21 Чайковский П. И. Письма к родным. – М.: Государственное музыкальное издательство, 1955. – С. 83.

22 Там же. С. 223.
23 Там же. С. 226.
24 Там же. С. 227.
25 Чайковский П. И. Дневники. 1873–1891. – Москва–Петроград, 1923. – С. 60.
26 Там же. С. 65.
27 Там же. С. 66.
28 Там же С. 162.
29 Там же.
30 Там же. С. 164.
31 Там же. С. 206.

«14/26 марта 1889 г. Париж. Заказал платье и белье. 17/29 марта. Визиты к портному (примерка)»[32].

Чайковский предпочитал баловать себя красивой парижской одеждой, сшитой дорого и на заказ. В дневниках и письмах он неоднократно упоминает имена тех портных, к услугам которых прибегал:

«21 ноября 1884 г. Париж. Кучу я неистово. Заказал у Тремблета массу белья и у Николя две пары платья»[33].

«30 мая 1886 г. Париж. Большая прогулка. Зашел к Nikoll и заказал платье. 4 июня. К Nicolle примерять платье»[34].

Гриф венского ателье Генриха Грюнбаума, в котором Петр Ильич Чайковский заказывал костюмы. Реклама из венского журнала моды. *Частная коллекция (Австрия)*

Чайковский заказывал платья и у венских портных: «23 июля 1887 г. Вена. Ожидал платье (после примерки в ателье. – *О.Х.*). После ванны надел новое платье»[35].

В клинском музее хранится элегантный прогулочный пиджак и жилетка из престижного венского ателье «Генрих Грюнбаум» (Heinrich Grünbaum), сшитые, судя по крою и силуэту, в середине 1880-х годов. Находилось оно в самом центре щегольской Вены, на модном и дорогом Грабене, в доме 26. Услугами мастера пользовались не только известные музыканты и художники, но и представители монаршей семьи Габсбургов, в связи с чем услужливый и деликатный Грюнбаум получил право именоваться придворным поставщиком и портным.

Петр Ильич Чайковский в любимом «художественном» пиджаке. Этот снимок, выполненный в гамбургской студии E. Bieber, до сих пор считается лучшим фотопортретом композитора. 1888 г. *Коллекция О.А. Хорошиловой*

В 1880-е и начале 1890-х гардероб Чайковского стремительно рос. Покупались в конфекционах или шились на заказ сюртуки, прогулочные ансамбли, сорочки, пальто, халаты и непромокаемые плащи. Но больше всего композитор любил лаконичные и весьма удобные однобортные пиджаки французского кроя – со скошенными полами, высокой застежкой, небольшими аккуратными лацканами и воротником, неизменным пошетом на левой полочке. Исаак Букиник вспоминал: «По фигуре он выглядел довольно бодрым и стройным. Был всегда аккуратно одет и производил впечатление европейца. Такой благородной внешностью не отличались наши профессора консерватории, и Чайковский выделялся на этом фоне. <...> Чайковский был среднего роста, весь седой, очень изящный, одет в коричневый костюм французского покроя»[36].

32 Там же. С. 230.

33 Чайковский П. И. Письма к родным. – М.: Государственное музыкальное издательство, 1955. – С. 323.

34 Чайковский П. И. Дневники. 1873-1891. – Москва–Петроград, 1923. – С. 65,66.

35 Там же. С. 163.

36 Букиник И. Е. Концерты П. И. Чайковского в Харькове / Воспоминания о Чайковском, 2-е изд. М., 1973. – С. 349.

Композитор в «художественной» куртке и полосатых брюках. Таким был его повседневный костюм в конце 1880-х – начале 1890-х.
Фотооткрытка 1890-х гг. *Коллекция О.А.Хорошиловой*

Был у композитора и самый любимый предмет гардероба – описанный во многих мемуарах и запечатленный лучшими фотографами России и Европы – темно-синий пиджак, называвшийся в бомонде «художественным». Еще в 1860-е годы он стал необыкновенно популярен среди французских любителей изящной словесности и художников. Его прославили Альфонс Кар, Стефан Малларме и парижский портной Чарльз Фредерик Ворт, считавший себя «настоящим художником».

С 1880-х годов за этой ловкой темно-синей или черной курткой прочно закрепилось определение «художественной». В 1890-е годы ее прославил Оскар Уайльд, превратив в часть своего эстетического имиджа. В 1870 – 1880-е художественный пиджак с большим удовольствием примерили русские служители муз – Николай и Антон Рубинштейны, писатель Александр Островский, артист Василий Далматов, поэт Семен Надсон. Он представлял собой короткий однобортный (гораздо реже двубортный) пиджак со срезанными полами, мягкими неширокими лацканами. Борт, манжеты и отложной воротник овивала атласная или репсовая бейка. Шили художественную куртку из бархата или тонкой шерсти. Судя по воспоминаниям, в гардеробе Петра Ильича были как бархатные, так и шерстяные «художественные» пиджаки, которые он носил постоянно и с большим удовольствием. Владимир Погожев: «Впечатление изящества закрепилось во мне и возобновлялось при всякой обстановке встречи с Чайковским, был ли он одет во фраке, в шубе или в обычном для него синем пиджаке»[37]. Леонид Сабанеев: «Он так и врезался в мою память: в бархатной черной “тужурке”, седой, с нервным, передергивающимся лицом»[38].

Чайковский сделал «художественной» куртке определенную рекламу, и вслед за композитором ее стали носить консерваторские студенты и молодые сочинители, наивно верящие, что этот костюм и аккуратно остриженная «под Чайковского» бородка могут с лихвой компенсировать отсутствие божественного дарования.

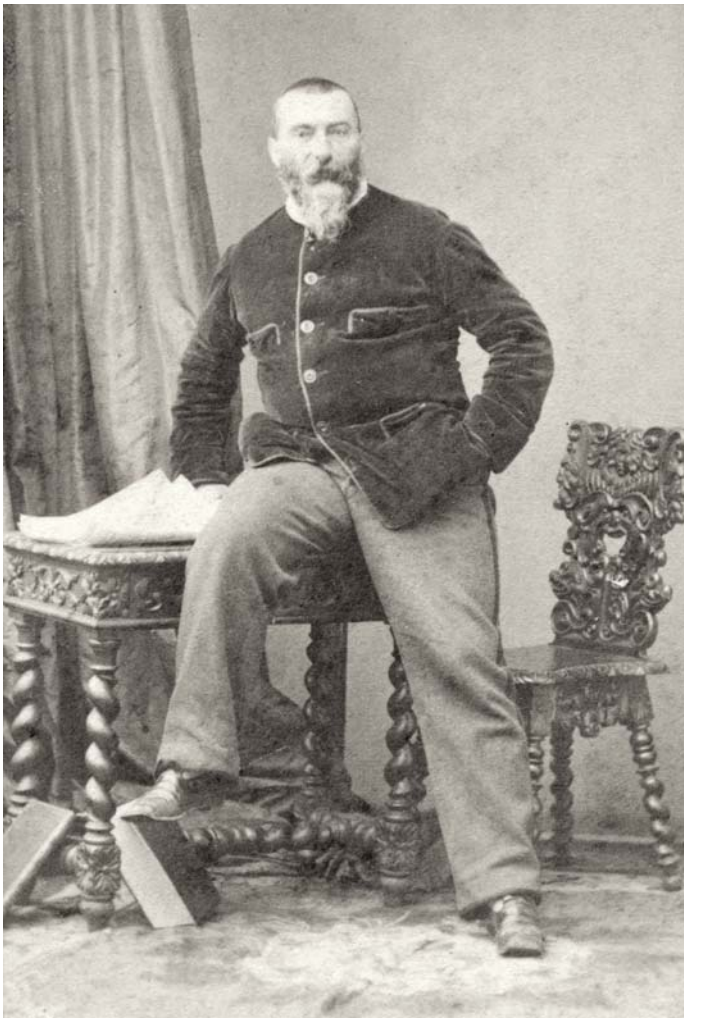
Петр Ильич иногда позволял себе шалости. С детства любивший маскарады и переодевания, он и в зрелые годы устраивал розыгрыши с элементом безобидной травестии. Любопытную историю приводит Софья Нюберг, дочь Николая Дмитриевича Кашкина, близкого друга композитора:

«Не помню уж, где это было, кажется, не то в частном доме, не то в Артистическом кружке. Я знаю только, что отец мой, Н. Д. Кашкин, и Чайковский решили нарядиться так, чтобы друг друга не узнать, и держали пари. В общественных маскарадах обычно мужчины масок не надевали, а дамы были в масках обязательно. Отец, по словам мамы, сидел довольно долго дома, спокойно занимаясь своими делами, потом, даже не переодеваясь, зашел в парикмахерскую, сбрил начисто бороду и усы и в таком виде поехал на вечер. Там его никто не узнал; кто-то, посвященный в секрет, познакомил его, представляя как приехавшего откуда-то музыканта; он сидел и разговаривал с каким-то из своих близких друзей, который, как и все прочие, не узнавал его, а только не мог сообразить, кого же ему этот человек напоминает. Между тем произвело некоторую сенсацию появление очень элегантной дамы, высокого роста; она была одета в какое-то необычайно роскошное домино из черного кружева, на ней были бриллианты,

37 Погожев В. П. Воспоминания о П. И. Чайковском/ Воспоминания о Чайковском, 1-е изд. М., 1973. – С. 69.

38 Сабанеев Л. Л. Воспоминания о России. – М.: Классика XXI, 2004. – С. 17.

в руках веер,— кажется, из страусовых перьев; она стала величественно прогуливаться под руку с кем-то из кавалеров. Многие узнали это домино – это была единственная в своем роде вещь, сделанная на заказ одной из московских богатых барынь. Ее муж, присутствовавший на маскараде,



Французский писатель Альфонс Карр в бархатном «художественном» вестоне.
Фотоателье Disderi, Париж. 1860-е гг. *Коллекция О.А.Хорошиловой*

Английский драматург Оскар Уайльд в «художественном» пиджаке, ставшем частью его эстетического костюма.
Фотоателье Sarony, Нью-Йорк. 1882 г. *Архив Библиотеки Конгресса (США)*

был очень смущен. Друзья его предупредили, что приехала его жена. Ему она сказала, что плохо себя чувствует и на маскарад не поедет, и он стал ухаживать за какой-то артисткой, которой он увлекался и к которой жена его ревновала. Он поспешил куда-то скрыться, его даму взял кто-то другой, а виновница сего переполоха продолжала спокойно прогуливаться мимо танцующих и беседующих гостей. Она несколько раз прошла мимо столика, около которого сидел со своими собеседниками Н. Д. Кашкин, как вдруг, повернувшись так, что Кашкин ей стал виден со спины, она остановилась, широким жестом ударила себя по лбу и воскликнула: "Идиот, да ведь он же обрился!" – дама узнала папу, а по характерному жесту и голосу присутствующие узнали Чайковского, и их инкогнито было, ко всеобщему увеселению, открыто»[39].

39 Нюберг-Кашкина С. Н. О Чайковском/ Воспоминания о Чайковском, 2 изд. М., 1973. – С. 270.

Другой необычный костюм Петр Ильич примерил 1 июня 1893 года в Кембридже во время помпезной университетской церемонии присвоения звания почетного доктора. «В 11 часов мы собрались в особом помещении, – писал Чайковский, – где вся корпорация профессоров университета и начальствующих лиц присутствовала при нашем облачении в докторский костюм. Костюм состоит из белой мантии (шелковой), обшитой бархатом, и из черного бархатного берета»[40]. Хоть и лаконично, но композитор точно описал этот старинный, почти готический наряд. Со времен Петра Ильича он не изменился. Доктора музыки до сих пор облачаются в роскошную мантию из кремовой парчи с шелковой темно-вишневой отделкой, широкими рукавами, обшлага которых перехвачены толстыми шнурками повыше локтей, и тяжелым почти до пят капюшоном. То, что композитор назвал «беретом», представляет собой черную бархатную шляпу с полями из баснословных тюдоровских времен.

Но Чайковскому мантия не понравилась. Он считал ее маскарадом и поспешил разоблачиться, как только охрипшие вековые фанфары протрубили окончание церемонии.

Любимые вещицы

Петр Ильич редко покупал одежду и аксессуары в России. Но его бесспорно тонкое чувство вкуса и любовь к элегантным вещицам подсказывали, когда следовало сделать выбор в пользу русских мастеров. Известно, к примеру, что композитор носил «циммермановские» шляпы, лаконичные и ловкие головные уборы, которыми бредили записные русские модники в середине и 2-й половине XIX века. Их упоминают в романах и повестях, о них с ностальгией пишут престарелые мемуаристы. «У нас был один новеллист, всякий раз обрисовывавший своих изящных героев такими словами: “на голове NN превосходно сидела циммермановская шляпа!” Есть циммермановская шляпа, и все кончено. Вне циммермановской шляпы нет счастья, циммермановская шляпа избавляет нас от наблюдения внутренней стороны характера, циммермановская шляпа представляет собою геркулесовы столпы *хорошего тона*», – свидетельствовал Александр Дружинин[41].

Недавно обнаруженный малоизвестный портрет Петра Ильича Чайковского со странным аксессуаром – ватным тампоном в ухе. На шелковом галстуке прекрасно видна головка галстучной булавки в форме лилии Бурбонов. Ее композитор, скорее всего, приобрел в Париже.
Фотоателье «А. Пазетти», 1890 г. *Коллекция О.А. Хорошиловой*

Эти головные уборы называли по имени их создателя – петербургского мастера Карла-Фридриха Циммермана. Окончив Петровское коммерческое училище и став 2-й гильдии купцом, он занялся галантерейной торговлей, затем открыл шляпную фабрику на Петергофском проспекте в доме Шварца и шляпный салон «Ф. Циммерман» на Невском проспекте у церкви Святых Петра и Павла. В доме-музее Чайковского хранится удивительно элегантная круглая циммермановская шляпа со светло-серой окантовкой и репсовой лентой. В ней композитор неоднократно позировал – в том числе для любительских фотографий.

Петр Ильич Чайковский в мантии почетного доктора музыки Кембриджского университета.
Пресс-фото начала XX в. по снимку 1893 г. *Коллекция О.А. Хорошиловой*

40 Чайковский П. И. Письма к родным – М.: Государственное музыкальное издательство, 1955. – С. 542.

41 Дружинин А. В. Письма иногороднего подписчика о русской журналистике. Сайт Rusbook // URL: http://rusbook.com.ua/russian_classic/drujinin_av/pisma_inogorodnego_podpischika_o_russkoy_jurnalistike

Питомец мод и пламенный транжира, Петр Ильич обожал ловкие и банально красивые детали, оживлявшие строгую элегантность его внешности. Он любил чуть тесные тонкие перчатки из нежнейшей лайки, которые в больших количествах покупал в Париже (предпочитал фирму «General Grant»). Он украшал свои безупречные галстуки удивительно изящными булавками – к примеру, в форме геральдической лилии Бурбонов. Он не мог устоять перед тонкой изысканностью тростей, модерновым изгибом серебряных пенсне и дорожил монаршими подарками, но только такими, которые соответствовали его развитому и взыскательному светскому вкусу. К примеру, летом 1883 года он получил от императора Александра III «кольцо с большим бриллиантом, очень красивым»[42], в знак признательности за его кантату «Москва», написанную специально для коронации 15 мая 1883 года. Однако композитор остро нуждался в деньгах и заложил перстень, потеряв при этом и полученные деньги, и квитанцию. В августе он пишет Модесту: «Относительно кольца исполнены все, какие нужно, формальности, чтобы оно осталось за мной, но ранее трех месяцев со дня закладки я получить его не могу»[43]. До сих пор в его клинском кабинете-гостиной хранятся дивные серебряные туфельки-черевички, миниатюрный шедевр фирмы «П. Овчинников». Их композитор нежно любил.

Впрочем, описание внешнего вида Чайковского было бы не полным без упоминания одного престранного аксессуара. Петр Ильич был патологически мнительным и всерьез верил в то, что когда-нибудь непременно застудит уши и оглохнет, как Бетховен. Успокоения его лечащего врача, Василия Бертенсона, мало помогали, и тот предложил композитору простой, но действенный способ – затыкать уши ватой в холодные дни. Этот мелкий штрих биографии русского гения вряд ли был замечен, если бы не рассеянность Чайковского. Он являлся с ватой на концерты, светские мероприятия и, совершенно позабыв о ней, позировал лучшим столичным фотомастерам, слегка смущая их необычным аксессуаром.

У композитора была и другая «мания» – составлять смеси из духов. Чайковский, подобно многим своим современникам, предпочитал тонкие цветочные запахи, особенно фиалки и ландыш. Парфюмы он покупал и в Петербурге, и за границей – чаще всего в Париже. В его аккуратных шкафчиках и вечных его спутниках, кожаных кофрах, всегда хранилось несколько изящных флаконов с божественно тонкими «одорами». Помимо традиционной для мужчины-модника того периода «Кельнской воды», Чайковский использовал более нежные (в том числе и дамские) ароматы парижской фирмы Guerlain и русской компании Брокар.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 5

Дамская одежда. Из книги «Правила светского этикета для дам», Санкт-Петербург, 1873

Красота заключает в себе самой рекомендательный диплом, так как производит несомненное впечатление на ум посредством зрения.

Не в нашей власти придать красоту, если она не дана природой, – хотя развитием хорошего нрава и ума мы можем выработать прелесть манер, которая будет не только равняться красоте по впечатлению, но стоять выше красоты. Но в нашей власти смягчить многие недостатки, улучшить обыкновенную внешность, прибавить к красоте грацию. Так как нравиться другим есть одна из немаловажных нравственных задач жизни, которой мы не должны пренебрегать, то нам следует, между прочим, знать и понимать, что такое *хорошая одежда,* и применять свои познания на практике.

Не думайте, чтобы одеваться дорого и вычурно значило одеваться хорошо.

Простота всегда элегантна, и хороший вкус может придать одежде грацию, которой нельзя купить ни за какие деньги. Едва ли нужно говорить, что самое главное – безукоризнейшая опрятность. Волосы женщины должны быть расчесаны, приглажены и убраны в такой форме, которую она предпочитает. Заметим, что слишком резкое уклонение от установившейся моды придает вид вульгарный или эксцентричный. Зубы и руки должны быть предметом особенного внимания. Мягкая белая рука сохраняется при некоторой заботливости, не мешающей быть полезной и деятельной. Старые замшевые перчатки с отрезанными кончиками пальцев следует надевать, приступая ко всякому делу, могущему замарать руки, сделать их грубыми или красными. Эти перчатки необходимо хорошо вымыть и высушить, по миновании надобности.

Что касается до одежды, то главное внимание женщины должно быть обращено на перчатки и обувь; рваные или грязные перчатки или плохая обувь расстроят впечатление самой изящной одежды.

---

42 Чайковский П. И. Письма к родным – М.: Государственное музыкальное издательство, 1955. – С. 298.

43 Там же. С. 299.

Перчатки должны гармонировать с платьем. Если средства не позволяют иметь большой выбор различных оттенков, хорошо выбирать те нежные нейтральные цвета, которые идут ко всяким платьям: светло-серый цвет и очень светло-коричневый для лета, более темные для зимы.

Обувь должна хорошо сидеть и всегда быть достаточно *солидной*, чтобы предохранять ногу от сырости и холода.

Туалет должен согласоваться с часом дня. Быть слишком светло, весело одетой утром или для улицы – вульгарно. Утреннее платье должно быть просто, темных цветов, но всегда свежо и изящно. Женщина даже в своем собственном доме не должна выходить из своей комнаты в таком платье, в котором ей было бы стыдно показаться чужим. Воротничок и рукавчики должны быть чисты и хорошо накрахмалены и выглажены, волосы гладко причесаны. Утром драгоценных украшений не носят, за исключением колец, с которыми не расстаются, брошки и серег, которые не должны быть с жемчугом или бриллиантами, так как эти драгоценности носят исключительно с парадным туалетом.

Одевайтесь скромно, выходя пешком на улицу. Надеть шляпку, годную для кареты, и пойти в ней пешком – признак самого дурного тона. В экипаже дама может быть одета так нарядно, как ей заблагорассудится; но она должна заботиться о развитии своего вкуса и уметь сопоставлять цвета, от чего главным образом зависит эффект туалета.

Надевать одновременно красное с зеленым, розовое с желтым значит нарушать все принципы вкуса. Если платье яркого цвета, как, например, синего или лилового, мантилья или пардессю должны быть черные, а шляпа должна гармонировать в цвете с платьем. Лиловое платье, например, невозможно с синей шляпкой.

Высокие полные женщины не должны носить ярких, светлых цветов. Черное и коричневое платье гораздо приличнее. Они должны также избегать излишней пестроты и вычурности в отделках и фасонах. Тоненькие и миниатюрные женщины должны носить преимущественно светлые цвета и легкие ткани.

Всегда переодевайтесь к обеду. Это хорошая привычка, даже если вы обедаете рано, и вовсе не разорительная. Мы знаем дом богатых и высокопоставленных, которые считают это переодеванье к вечеру большой экономией. Платье не достаточно свежее для дня кажется очень хорошим при свете ламп, а блестящая зуавка или кружевная накидка или кисейная кофточка придают туалету вполне приличный вид и избавляют от необходимости надевать вечером новые платья.

На званые вечера молодые девушки являются в разных платьях. Если вечер небольшой, надевают сверху прозрачную канзу или кружевную или кисейную кофточку. Но помните, что всегда лучше быть слишком просто одетой, чем чересчур нарядно, и ничто не может быть конфузнее для дамы, как очутиться в гостях *одной* с открытым воротом.

На большие званые обеды ездят в открытых платьях. Замужние и пожилые дамы сверх открытого лифа надевают кружевные косынки или те изящные кружевные безрукавки, которые вошли в моду в последнее время.

Для бала необходим нарядный костюм из легких материй и ярких цветов или чисто белый. Очень молодые девушки всегда очень милы в белом тарлатане или тюле сверх белого шелка; цветы для молодых гораздо более приличное украшение, чем какие-либо драгоценности. Свежие цветы на проволоках предпочтительнее искусственных и положительно сохраняются в течение целого вечера.

Chaperon молодых особ тоже должна быть в парадном туалете на балу.

Дамы должны иметь красивые и свежие sortie de bal, так как надевать что-нибудь неизящное сверх бального платья значит портить общий эффект.

Никогда не носите фальшивых драгоценностей; лучше быть вовсе без украшений, чем надевать дешевые подделки, которыми увешивают себя многие в наше время.

Никогда не выходите из дома без перчаток и надевайте их непременно дома. Натягивать перчатки на улице так же неприлично, как завязывать ленты шляпы. Перчатки всегда должны быть кожаные: шелковые или фильдекосовые очень вульгарны.

Позвольте в заключение посоветовать вам:

Никогда не одевайтесь выше своего положения и средств: это жестокая ошибка, ведущая нередко к большим несчастиям, не говоря уже о том, что это есть одно из доказательств крайне дурного тона.

Избегайте резких контрастов в цветах. Черный очень полезен для согласования красок и смягчения впечатления слишком ярких.

Заботьтесь больше о том, чтобы ваше платье хорошо сидело, нежели о материале его. Дурно сшитое шелковое уступает по эффекту платью из дешевой материи, но прекрасно сшитому. Знаменитая Ментенон отличалась уменьем хорошо одеваться, даже в дни ее крайней бедно-

сти. Она говорила, что это происходило от того, что она больше заботилась о грациозном покрое платья, чем о материи, из которой его шили. Она носила часто серые и бледно-лиловые бумажные ткани в роскошных и художественно расположенных складках, всегда заботясь о том, чтобы платье хорошо сидело, было свежо и чисто.

Никогда не имейте вида озабоченной своей одеждой, но носите роскошные платья и самые скромные с одинаковой простотой. Ничто так не связывает по рукам и по ногам, как постоянное размышление о том, что и как на нас надето. Никогда не заставляйте ждать утренних посетителей, пока вы переодеваетесь. Вы должны быть всегда одеты, чтобы вас можно было видеть; и лучше выйти в домашнем платье, чем невежливо заставить ждать.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 6

Цветы для бальных платьев. Из журнала «Новый русский базар», № 6, 1885

Белая лилия – символ чистоты, предназначается преимущественно для украшений молодых девиц и была бы чрезвычайно оригинальна на женщине средних лет.

Роза белая означает непорочность.

Розовый бутон – развивающаяся красота.

Недотрога (не-тронь-меня) – означает непорочность.

Бирючина – символ юности.

Скороспелка – символ чистоты.

Ландыш – весеннее счастье.

Маргаритка – невинность.

Лиловая лилия – эмблема юности, идет замужним молодым дамам, тогда как белая лилия предназначается для украшения туалета молодой девицы.

Пятилистник – эмблема материнской любви.

Флер-д'оранж – (эмблема девства) или мирту (чистая любовь) надевает на голову и на платье молодая невеста.

Фиалка – эмблема скромности. Она идет ко всякому возрасту и заодно с резедой употребляется для букетов, в особенности если букет готовится молоденькой девушке. При всей своей скромной внешности эти цветы отличаются приятным и нежным запахом и как бы служат доказательством того, что внутренние качества могут нравиться больше, чем красота.

Боярышник – означает надежду, идет для украшения туалетов молодых девиц.

Розовая роза – эмблема расцветшей красоты женщины.

Желтая роза – эмблема брачной любви.

Бель-де-жур (дневная красавица) – означает кокетство.

Бель-де-нюи (ночная красавица) – означает застенчивость.

Все цветы ярко-красного цвета не должны встречаться на туалетах молодых девиц. Они служат эмблемой пылких страстей, так же как и мак, красная гвоздика, капуцин.

Гортензия и кувшинчики – означают холодность и равнодушие.

Дрок – есть эмблема домашней добродетели.

Надо избегать ноготки, так как они означают ревность и беспокойство.

Гвоздика – эмблема кокетства.

Лавровые листья преподносят только ученым или гениальным людям.

Серебрянок означает гордость, могущество, заносчивость.

Кипарис – эмблема печали.

Полынь – означает сердечные страдания аналогично, вероятно, с той же горечью, которой она отличается.

Левкой – эмблема роскоши.

Тюльпан – означает могущество.

Пшеница – эмблема довольства.

Базилика – эмблема бедности.

Гелиотроп – означает увеселение; прекрасным запахом этого цветка не следует однако же злоупотреблять.

Все виды роз имеют свое особое значение помимо того, какое мы описывали раньше; так, например, шиповник означает увеселение и сладострастие, роза, цветущая каждый месяц, означает мимолетный блеск, роза зинзивер есть эмблема благородной красоты.

Душистый горошек – эмблема деликатности.

Подснежник означает счастливого предвестника.

Тысячелистник означает выздоровление и здоровье.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 7

Туалет мужчин. Из книги «Правила светской жизни и этикета. Хороший тон. Сборник советов и наставлений», Санкт-Петербург, 1889 год

Уменье одеваться более важно, нежели уменье входить в комнату или уменье кланяться. Ничто так не бросается в глаза, как одежда человека, – недаром же составилась пословица: «По платью встречают, по уму провожают».

Уменье хорошо и со вкусом одеться есть верный признак благовоспитанности.

Порядочный человек всегда должен быть так хорошо и гармонично одет, чтобы ни одна часть его одежды не бросалась в глаза. Величайшая элегантность заключается в величайшей простоте. Если кто-нибудь из ваших знакомых или приятелей станет хвалить ваш галстук или жилет ваш, будьте уверены, что этот галстук или жилет красивы более, чем нужно, иначе они не бросились бы в глаза, а если это так, что, стало быть, комплимент вашему галстуку или вашему жилету вовсе не комплимент для вас самих, а, напротив, прямое порицание вашему вкусу и намек на то, что вы должны бы надеть галстук менее бросающийся в глаза или жилет менее красивый. Когда про кого-нибудь говорят, что он носит превосходные бриллианты, это значит, что он надевает на себя такую массу бриллиантов, что они, бросаясь в глаза, обращают на себя внимание и заставляют о себе говорить.

К разряду вещей, неуместных в туалете мужчин, следует отнести вышитые рубашки, вычурные часовые цепочки, брелоки и т. п.

Одеваться чересчур по моде так же вульгарно, как и слишком отставать от моды, поэтому нужно одеваться так, чтобы платье ваше было сшито только лишь согласно с модой, но не было бы рабским подражанием модной картинке и не походило бы на нее, как две капли воды.

Утром можно одеваться в сюртучную, жакетную или, наконец, в пиджачную пару, цвет которой должен согласоваться с сезоном, летом более светлый, зимою же более темный цвет.

Вечером для мужчин самый приличный цвет – черный.

Что касается драгоценных украшений, то их нужно носить как можно менее и притом не надевать ничего такого, что слишком бросается в глаза; ценность вещи всегда нужно предпочитать ее внешнему виду. Золотые часы с цепью, дорогие запонки и одно кольцо – этих вещей вполне достаточно для приличного мужчины. Утром носите перстень, вечером же заменяйте его кольцом с одним бриллиантом. Запонки должны быть ценны, но не велики. Относительно выбора драгоценных украшений нужно заметить, что одна их ценность не всегда служит ручательством их достоинства, вкуса и изящества. Редкое произведение искусства, замечательное по художественной работе, например, черная жемчужина, несравненно солиднее крупного бриллианта, которым может обладать каждый богач, хотя бы самый невежественный. При выборе кольца человек со вкусом всегда предпочтет драгоценный античный intaglio прекраснейшему бриллианту или рубину, которые можно купить у первого встречного ювелира.

Из всех драгоценных камней самый приятный и приличный – опал; человек с вульгарным понятием и вкусом никогда не купит опал и всегда предпочтет более видный бриллиант, рубин, яхонт или изумруд.

Носовые платки следует носить исключительно белые. Цветные носовые платки носят только нюхающие табак.

Старайтесь избегать всего, что может быть названо *аллитерацией* цветов, так, например, бирюзовая булавка на лиловом галстуке немыслима. Вообще всегда нужно избегать гармонирующие цвета как в отношении цвета камня булавки к цвету галстука, так и относительно смешения и контраста цветов жилетов и галстуков. Если в вашей булавке вставлена бирюза, то галстук должен быть коричневый, при коралловой булавке следует надевать черный или темно-синий; если в булавке камень желтого цвета, то галстук нужно иметь черный. Рубин идет к оттенкам серого цвета. Соблюдая это же правило по отношению к жилетам и галстукам, нужно, например, чтобы при синем или зеленом галстуке был коричневый жилет, при красном – черный и т. п.

Слишком ярких и светлых цветов в костюмах нужно избегать даже летом. Считается предосудительным носить ткани фантастических и оригинальных рисунков и сочетаний.

Пестрые рубашки позволительно носить утром, но нужно, чтобы рубашки эти были мелких рисунков и не слишком ярких цветов.

При пестрой рубашке обязателен белый галстук.

Фуражки позволительно носить только в поле и в саду. Шляпа должна быть всегда черная.

Если зрение ваше слабо и требует, чтобы вы носили очки, то они должны быть в изящной и тончайшей оправе из стали или золота. Если вам, по совету доктора, нужно носить цветные очки, то заведите себе синие или дымчатые. Зеленые очки крайне неприятны для постороннего взгляда.

Относительно перчаток следует заметить, что они должны быть непременно лайковые или замшевые. Суконные, фильдекосовые, шерстяные или шелковые в высшей степени неприличны.

Выходя на улицу, всегда нужно иметь на руках перчатки, и притом безукоризненной чистоты. Лучше быть

совсем без перчаток, нежели надеть грязные и плохого достоинства перчатки.

Главные заботы туалета должны состоять в чистоте и покрое.

Относительно изящества и богатства туалета каждый должен посоветоваться со своим состоянием и вкусом. Если вкус слишком изыскан, можно сделаться мелочным в своем туалете до смешного, но этим мы никого не оскорбляем. Между тем как небрежность в белье, волосах, обуви и платье оскорбительна при каких бы то ни было условиях. Опрятная и приличная наружность почти всегда указывает на порядочность человека.

Безупречная чистота – первое качество светского человека. Вам скорее простят потертое платье, чем жирное пятнышко на вашем жилете.

Молодой человек должен следовать моде во всем, что не смешно; женатый человек также должен следовать за ней, но не слишком, так сказать, издалека.

Вращаясь в обществе, легко приобрести изящество в манере носить платье и в самом платье; поэтому необходимо выбрать себе хорошего портного.

Никогда благоразумный человек не должен привлекать к себе внимание эксцентричностью своего костюма.

Вполне черная и блестящая шляпа, хорошей работы сапоги или ботинки, свежие перчатки, воротничок со старательно повязанным галстуком, вот главнейшие предметы, в отношении которых не допускается никаких исключений.

При церемонных визитах лайковые перчатки всегда в руках, а трость, как бы ни была она богата, оставляется в передней.

Придя в гости, снимите перчатку с правой руки; потом, раскланявшись с хозяевами, поставьте вашу шляпу вместе с перчатками на окне или где-нибудь в углу залы, чтобы иметь возможность, уходя, взять их незаметно и никого не стесняя.

На танцевальном вечере или на балу принято одевать черную пару, белый галстук и белые перчатки. На простых вечерах позволительно надеть черный галстук.

Цветной жилет и брюки, хотя менее приятны, могут однако быть одеваемы к знакомым: явиться же в таком костюме к начальству было бы грубым невежеством.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 8

Кружевная маркиза. Январский Большой бал в Николаевском зале Зимнего дворца. Из журнала «Новый русский базар», № 6, 1884 год

Бал собственно происходил в Николаевской зале. Величественно, художественно отделанная, она утопала в море огней. С потолка спускались колоссальные люстры с тысячами свечей, и все колонны были перевиты огневыми лилиями, блестевшими на фоне из цветущих камелий. Посредине, напротив портрета императора Николая Павловича, была устроена эстрада для придворного бального оркестра, музыканты которого были в парадных красных мундирах русского покроя.

В концертной зале до начала бала собрались дежурства при особах императорской фамилии. К девяти часам съехались высшие сановники, гражданские чины, занимающие должности до IV класса включительно, дипломатический корпус, придворные чины и кавалеры, генералитет, офицерские депутации от квартирующих в Петербурге частей и высшее городское общество. Образовался большой полукруг, установкой которого и размещением приглашенных занимались церемониймейстеры князь Урусов, князь Салтыков, барон Штемпель, граф Бенкендорф, барон Корф и граф Киселев. Около десяти часов раскрылись двери из концертной залы и на пороге показались государь император и государыня императрица. Раздались звуки торжественного марша, свободно долетавшие до меня. Их величества остановились у входа в Николаевскую залу и общим поклоном приветствовали собрание. Государь был в красном бальном мундире Ее Величества полка с андреевской лентой через плечо. Государыня имела на себе белое, из тяжеловесной материи платье, спереди отделанное цветами, колье из крупных бриллиантов и бриллиантовую диадему. При звуках глинковского полонеза открылось шествие, во главе которого шли церемониймейстеры – граф Ожаровский и г. Дурасов; за ними следовали: исправляющий должность обер-церемониймейстера, князь Долгорукий со статс-дамой, графиней Е. А. Адлерберг. Государь изволил идти рядом с государыней императрицей. За их величествами следовали: великий князь Владимир Александрович в мундире Кавалергардского полка с великой княгиней Александрой Иосифовной, одетой в белое платье, исключительным украшением которого был жемчуг. В шествии участвовали все остальные особы царской семьи. Великий князь Алексей Александрович был в мундире Гвардейского экипажа,

великий князь Сергий Александрович – лейб-гвардии Преображенского полка, великий князь Николай Николаевич-старший – казачьего Его Величества полка, великий князь Михаил Николаевич – в красном мундире Собственного Его Величества конвоя. При государыне императрице в качестве дежурных состояли: камергеры – г. Балашев и князь Оболенский и камер-юнкеры – граф Строганов и граф Пален. В состав шествия также вошли и статс-дамы. Первый тур полонеза проследовал через всю Николаевскую залу. При втором туре обер-церемониймейстер шел с гофмейстериной, графиней Е. П. Кочубей. Государыня изволила шествовать последовательно с представителями иностранных держав, а государь с супругами послов. Полонез продолжался около 20 минут, а затем начались танцы, которыми дирижировал командир Кавалергардского полка, генерал-майор Шипов. Во время вальса государь изволил беседовать со многими особами дипломатического корпуса, а затем церемониймейстер приступил к устройству карэ для кадрили. Государыня изволила танцевать с великобританским послом, сэром Торнтоном, имея vis-a-vis принцессу Евгению Максимилиановну Ольденбургскую и германского посла. Рядом с ее величеством танцевал великий князь Алексей Александрович со старшей дочерью нового французского посла, m-lle Аппер. Длинная вереница пар вошла в императорское карэ. Во время кадрили в Концертной зале и ротонде были поставлены столы для карточной игры. После второй кадрили государыне были представлены городские дамы, не имевшие счастья быть ранее известными ее величеству. Государь во время танцев изволил переходить от одной группы к другой, и многие из гостей удостоились вниманием августейшего хозяина. В 11 часов в смежной с Концерной залой гостиной их величества изволили кушать чай, к которому через церемониймейстера князя Урусова и князя Салтыкова были приглашены послы с их семействами.

По возвращении их величеств в Николаевскую залу началась мазурка. Императорское карэ для мазурки было установлено среди залы. Государыня изволила занять место перед портретом императора Николая I и танцевать с свиты его величества генерал-майором бароном Фредериксом. Принцесса Евгения Максимилиановна Ольденбургская танцевала с свиты его величества генерал-майором князем Долгоруким, а герцогиня Елена Георгиевна Мекленбург-Стрелицкая – со шталмейстером г. Новосильцевым. В мазурке преимущественно приняли участие офицеры Кавалергардского и лейб-гвардии Конного полка. за десять минут до выхода к вечернему столу особы дипломатического корпуса были проведены церемониймейстерами – бароном Корфом, гг. Дитмар и Веневитиновым – из Николаевской залы в Петровскую, причем супругу великобританского посла вел под руку церемониймейстер князь Салтыков, а супругу французского посла – граф Бенкендорф. По окончании мазурки последовало шествие к высочайшему вечернему столу в Гербовую залу, убранную тропическими растениями. По серединке, на небольшом возвышении, полукругом был накрыт императорский стол. Вся сервировка, массивные канделябры и surtout de table были из золота; на скатерти изящными группами были разбросаны мелкие живые цветы. Государыня изволила занять место за серединой стола, имея с правой стороны германского посла, генерала Швейница, а с левой – турецкого посла, Шакир-пашу. За столом заняли места великие княгини и принцессы, послы со своими супругами и некоторые статс-дамы; за другими столами поместились остальные лица дипломатического корпуса и высшие гражданские чины. В портретной галерее, Георгиевской и Андреевской залах и запасной половине ужинали прочие приглашенные на бал. Среди военных занял место великий князь Николай Николаевич-старший. Сам же августейший хозяин во время ужина обходил столы и с истинно царской приветливостью дарил всемилостивейшим вниманием своим многочисленных гостей. Во всех залах играла музыка. Ужин окончился в три четверти первого часа пополуночи; после чего танцы возобновились, а ровно в час их величества изволили удалиться во внутренние покои.

С роскошной и утонченно-изящной обстановкой бала вполне гармонировали туалеты дам. Преобладали яркие цвета, преимущественно белый. М. В. Дурново была в белом платье, отделанном бархатом, с ожерельем из громадных жемчугов и бриллиантовой диадемой. Графиня Богарне была в светло-розовом платье. Дочери французского посла, Маделена и Элеонора Аппер, обе брюнетки, похожие между собой, поражали своей красотой и изящными туалетами; они были в белых легких платьях, отделанных с большим вкусом цветами, рассыпанными по материи в виде мелкого шиповника. Всеобщее внимание обратила на себя прибывшая недавно в Петербург г-жа Эфрусси, урожденная баронесса Ротшильд. Платье ее было буквально залито массой крупных бриллиантов и драгоценных камней, а на шее блистало ожерелье из рубинов поразительно чистого цвета и громадной величины.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 9

Костюмированный бал во дворце князя Владимира Александровича 25 января 1883 года. Журнал «Новый русский базар», 1883, № 6

На был было приглашено до 250 знатных лиц обоего пола; офицеры приглашались из Кавалергардского Его Величества, Преображенского и других полков. Съезд начался на исходе десятого часа вечера. К этому времени на парадной лестнице, ее площадке и в дверях Малой столовой стояла прислуга, одетая в живописные костюмы разных эпох, имеющие связь с русской историей: то были скифы, варяги, бермяты, стрельцы новгородские и московские и т. п. В галерее перед танцевальной залой и в Малой столовой было устроено два роскошных буфета, изящно убранных цветущими растениями. На хорах танцевальной залы помещался бальный оркестр придворной музыки; в Большой столовой, отделанной в старинном русском вкусе, со столами, сервированными для ужина, на хорах был оркестр музыки лейб-гвардии Преображенского полка.

Перед началом съезда августейшие хозяева, великий князь Владимир Александрович и супруга его, великая княгиня Мария Павловна, изволили выйти из внутренних апартаментов в красную (среднюю) гостиную. Его высочество, великий князь Владимир Александрович, был одет в кафтан русского боярина XVII века, сделанный из темно-зеленого бархата и отороченный собольим мехом, причем боярская шапка, кушак и воротник шелковой рубашки были унизаны драгоценнейшими каменьями. Великая княгиня Мария Павловна изволила быть в праздничном роскошном костюме русской боярыни того же века. На голове его высочества был высокий кокошник (новгородского образца). Кокошник, шубка и ферязь золотой парчи были унизаны разноцветными драгоценными камнями и жемчугом.

Вскоре гостиная и танцевальная зала наполнилась русскими боярами, боярынями и боярскими детьми обоего пола, воеводами, витязями, думными и посольскими дьяками, кравчими, сокольничими, ловчими, рындами, конными и пешими жильцами (времен Иоанна IV), варягами, печенегами, запорожцами, казаками; явился думный дьяк с чернильницей и пером за поясом – П. А. Васильчиков, гусляр с гуслями и другие. Казалось, вся допетровская Русь воскресла и прислала на этот бал своих представителей. Вошел офицер-преображенец, в мундире времен основателя первого регулярного полка; то был его высочество Александр Петрович Ольденбургский. Другой офицер Преображенского полка, в мундире времен императрицы Елисаветы Петровны, в пудреном парике с косой, – был нынешний командир лейб-гвардии Преображенского полка князь Оболенский. На балу были также ливонский рыцарь, русалка, представители и представительницы Кавказа, Южной России и прочие.

Костюмы императорских особ были следующие. Великий князь Алексей Александрович был в боярском, малинового бархата, кафтане. Великие князья Сергей и Павел Александровичи в белых кафтанах, также с драгоценными камнями; кафтан у великого князя Сергей Александровича был обшит горностаем. Их высочества: герцог Эдинбургский – в темно-синем бархатном боярском кафтане и в собольей шапке, с драгоценными украшениями; Мария Александровна – в роскошном, золотой парчи, костюме русской боярыни и в меховой шапке с драгоценными камнями и жемчужной сеткой; великий князь Михаил Николаевич – в живописном алом грузинском костюме; великая княгиня Ольга Федоровна – в старинном русском наряде. Их августейшие сыновья: Николай Михайлович был витязем в кольчуге и шлеме; Михаил Михайлович – рындой; Георгий Михайлович – ловчим, в темно-зеленом суконном кафтане с козырем, расшитым жемчугом; на перевязи у него находился серебряный старинный охотничий рог, на голове старая поярковая шапка. Великий князь Дмитрий Константинович – в красном боярском кафтане. Князь Евгений Максимиллианович Романовский герцог Лейхтенбергский был в костюме витязем, в старинной кольчуге с саблей XVII столетия. Георгий Максимилианович – в белом боярском кафтане; шапка и кушак украшены драгоценными каменьями и жемчугом. Евгения Максимиллиановна принцесса Ольденбургская – в роскошном костюме русской боярыни; Елена Георгиевна герцогиня Мекленбург-Стрелицкая – в изящном костюме молодой боярышни; великая княгиня Екатерина Михайловна – в обыкновенном бальном платье. Все прочие высочайшие особы были в русских костюмах.

Кроме высочайших особ, особенно типично были костюмированы: супруга министра Императорского двора графиня Воронцова-Дашкова – в роскошном и изящном наряде русской боярыни, со множеством бриллиантов, рубинов и других драгоценных украшений; супруга флигель-адъютанта полковника Шереметева, Елена Григорьевна, – в голубой ферязи, с серебряными цветами и со множеством драгоценнейших каменьев; графиня Богарне, рожденная Скобелева. – в голубом, осыпанном бриллиантами и жемчугом, наряде русской боярыни;

супруга министра юстиции – в голубом, осыпанном жемчугом с жемчужным ожерельем наряде русской боярыни; князь Лопухин-Демидов – в живописном и характерном костюме русского пожилого боярина; князь А. С. Долгорукий – костюмом и гримировкой напоминал тип Иоанна Грозного; директор Императорского Эрмитажа А. А. Васильчиков – в полном костюме русского боярина; его две дочери – в роскошных голубых с жемчугом нардах молодых боярышень; корнет Кавалергардского полка г. Карцев – в костюме варяга; государственный секретарь А. А. Половцов – в известном по старинной гравюре костюме стольника князя Потемкина, причем он был еще прекрасно загримирован; его супруга – в русском костюме X века, а дочь – в наряде молодой татарки; директор Императорских театров И. А. Всеволожский – в русском боярском костюме, по снимку с костюма Бориса Годунова; командир Конногвардейского полка барон Фредерикс – в костюме войскового старшины; Товарищ министра народного просвещения князь М. С. Волконский – в историческом, фамильном костюме князей Репниных XVII века: белая горностаевая мантия, поверх белого штофного кафтана – старинный меч и княжеский посох. Ротмистр барон Мейендорф и корнет барон Шиллинг были одеты печенегами; шталмейстер Новосильцев – ловчим времен царя Алексея Михайловича. Все костюмы вообще были роскошны, изящны и исторически верны. Оружие и некоторые к ним принадлежности были настоящие, сохранившиеся от тех времен.

В 10 часов 25 минут вечера изволили прибыть на бал их императорские величества государь император и государыня императрица. Его величество был в современном генеральском конноартиллерийском мундире, а государыня императрица в одежде русской царицы (XVII века). На ее величестве была надета из дорогой золотой парчи ферязь, украшенная бриллиантами, изумрудами, рубинами, жемчугом и другими драгоценностями. На оплечье – бармы, украшенные драгоценными камнями; парчовая шубка – с золотыми цветами, отороченная собольим мехом и с разрезными рукавами. На голове ее величества была надета серебряная шапка-венец, отороченная соболем и украшенная большими бриллиантами, изумрудами и крупным жемчугом, который в несколько ниток ниспадал с шапки на оплечье.

На площади парадной лестницы августейшие хозяева встретили государя и государыню по русскому обычаю хлебом-солью, причем поднесли русское полотенце. Их величества, приняв хлеб-соль, благодарили их высочества и, поднявшись наверх, проследовали с высочайшими особами и другими лицами, находившимися здесь. Бал открылся польским. В первой паре изволили шествовать августейший хозяин, его императорское высочество великий князь Владимир Александрович, с ее императорским высочеством государыней императрицей; за ними – их высочества герцог Эдинбургский и августейшая хозяйка Мария Павловна; далее великий князь Алексей Александрович, с ее высочеством герцогиней Эдинбургской, и прочие высочайшие особы. Польский продолжался около 25 минут. Начались танцы, в которых изволили принимать участие государыня императрица, великая княгиня Мария Павловна, герцогиня Эдинбургская и другие высочайшие особы. После мазурки начался ужин, сервированный в Малой столовой, красной гостиной и Большой столовой, а также внизу, в комнатах его высочества.

Государь император изволил ужинать внизу, а государыня императрица, великая княгиня Мария Павловна, герцогиня Эдинбургская и другие высочайшие особы ужинали в красной гостиной и Малой столовой, где сервировка столов отличалась особенно-роскошным убранством. Некоторые из великих князей и все остальное общество – бояре, воеводы, витязи, боярыни и другие – ужинали в Большой столовой, которая отделана в русском вкусе, теперь так кстати гармонируя с русскими костюмами ужинающих лиц.

Во время ужина – за которым хор музыки исполнял исключительно русские песни – августейший хозяин великий князь Владимир Александрович два раза радушно и приветливо обходил своих гостей. По окончании ужина танцы возобновились котильоном и продолжались до 4 часов.

На костюмированном балу присутствовали, между прочим, министры: Императорского двора граф И. И. Воронцов-Дашков и юстиции Д. Н. Набоков, обер-гофмаршал Императорского двора Э. Д. Нарышкин, статс-дама графиня Е. Н. Адлерберг, статс-дама княгиня Е. П. Кочубей, состоящий при особе ее величества гофмейстер князь И. М. Голицын; генерал-адъютанты: О. Б. Рихтер, П. А. Черевин; граф П. А. Шувалов; А. Е. Тимашев; князь А. М. Дондуков-Корсаков; граф Б. А. Перовский; генерал-лейтенант Н. А. Скалон; адъютант герцога Эдинбургского и другие лица. Некоторые из военных (генералы) поверх мундира имели венецианские плащи. На балу находились некоторые из наших художников. Бал кончился в начале пятого часа.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 10

Приданое Е. И. В. великой княгини Ксении Александровны. Журнал «Модный свет», 1894, № 1

Если вообще можно интересоваться приданым лиц богатых, высокопоставленных, то еще больший интерес должно возбуждать приданое царственной особы. Нам посчастливилось получить разрешение сделать осмотр части приданого Е. И. В. великой княгини Ксении Александровны, изготовленного в разных мастерских нашей столицы, и мы намерены поделиться результатом осмотра с нашими читательницами. Начнем прежде всего с подвенечного наряда: платье – фасон придворного сарафана – сделано из серебряной матовой парчи и вышито серебром гладью. Перед юбки вышит сверху донизу. Рисунок изображает выпуклые цветы и листья как бы связанные бантами. Этот сарафан дополняется другой юбкой с трэном длиной в 4 ½ аршина. Вышивка на трэн шириной сзади в 1 ¼ аршина суживается на боках до ½ аршин. Трэн подбит белым атласом и оторочен густой рюшкой из белых атласных лент. Открытый корсаж с шнипом вышит также серебром. Длинные висящие открытые рукава с вышивкой подбиты белым атласом и оторочены белым марабу. Особенный блеск и великолепие придают этому наряду бриллианты, которые расположены на швах, отделяющих жилет от корсажа, и на фате, идущей от ворота до подола. Шейный вырез окаймлен цепочкой а-ля грек, состоящей из бриллиантов. Венчальный наряд добавляется еще роскошной порфирой из малинового бархата, опушенной горностаевой пелериной. Вся порфира подбита белым атласом и оторочена рюшкой из белой атласной ленты; длина ее 4 ½ аршин. Ворот порфиры обшит белым длинным шелковым шнуром с кистями, доходящими до пола. Порфира сдерживается на груди большим аграфом-застежкой из бриллиантов. Не менее изящен второй наряд из розового бархата и белого атласа. Белый сарафан сплошь зашит серебром. Вторая юбка с трэном из розового бархата вышита тоже серебром. Вышивка шириной сзади в 1 ½ аршина художественно исполнена по старым образцам. Открытый вышитый корсаж из бархата дополнен белым жилетом, также вышитым серебром. Далее следует наряд из белого муар-антик с золотом. Вышивка на сарафане, трэне и открытом корсаже в высшей степени мастерски исполнена. Также изящен наряд из белого фая и тюля, затканного серебряными мушками. Это платье отделано бледно-розовыми мелкими розами. Перед сарафана покрыт пышными буфами из тюля и украшен серебряными галунами и бледно-розовыми розами. Длинный трэн из фая покрыт вышесказанным тюлем и отделан серебряными галунами шириной в 4 сантиметра. Между буфами виднеются гирлянды из мелких роз. Трэн подшит рюшкой из белого тюль-иллюзион. Открытый корсаж с буфчатыми длинными открытыми рукавами отделан бертой из затканного тюля, которой оторочен узенькими серебряными кружевами. Ворот обшит узким галуном. Чудный наряд из голубого бархата и белого атласа вышит серебром. Белый атласный сарафан зашит гладью сверху донизу. Этот сарафан дополняется голубым бархатным трэном, украшенным гирляндой из серебряных вышитых цветов. Открытый бархатный корсаж с белым вышитым жилетом зашит серебром. Этот наряд сделан так же, как и предыдущий, с той только разницей, что вышивка исполнена другим узором. Придворный наряд из бархата сапфирового цвета вышит золотом. Белый вышитый сарафан дополняется длинным трэном, который почти весь вышит золотом. Открытый корсаж с белым жилетом также вышит золотом. Все эти наряды художественно исполнены в мастерской Ольги Николаевны Бульбенковой и притом большей частью из русского материала. Парча, бархат, атлас и фай доставлены московской фабрикой Сапожникова.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 11

Прейскурант торгового дома Антонова и К°. Реклама из журнала «Модный свет», 1870 год

В Гостином дворе, №№ 119, 120 и 121, в Санкт-Петербурге

Постоянно огромный выбор дамских нарядов из первых домов Парижа, также бархата и фай, всех цветов, Лионских фабрик

Отделение I

Бархатные вещи:

Пальто из лионского бархата. Гладкий фасон, от 90 до 125 р.

Пальто из лионского бархата, отделанные богатыми кружевами и аграмантом, от 110 до 200 р.

Тальмы и мантильи из лионского бархата, вышитые и отделанные аграмантом, от 60 до 200 р.

Пальто-кофты из лионского бархата, без отделки и с отделкой, от 50 до 100 р.

Отделение II

Пальто из лионского фай, от 50 до 100 р.

Тальмы из фай для гулянья и ротонда. Мантильи для комнат, от 25 до 60 р.

Кофты шелковые, от 20 до 50 р.

Казак-фай. Новость, от 30 до 100 р.

Отделение III

Драповые вещи

Пальто из кастора и дра-де-бибер, отделанные и вышитые, от 20 до 50 р.

Пальто из французской материи, от 40 до 60 р.

Пальто короткие для гулянья и комнат, от 6 до 50 р.

Пальто из плюша и шерстяного барашка всех цветов, от 25 до 45 р.

Отделение IV

Белые вещи

Мантиль Ротонд для свадеб и вечеров, вышитые и с отделкой, от 40 до 75 р.

То же из белого лионского фай, вышитые, от 50 до 125 р.

Ротонды. Кружевные ляма настоящие, белые и черные, от 20 р. и дороже

Бедунны настоящие ляма, белые и черные, от 45 до 100 р.

Дамские платья короткие

Шерстяные с богатой отделкой всех цветов, от 20 до 50 р.

Шелковые черные, от 50 до 100 р.

Бархатные черные, от 100 до 150 р.

Плюшевые всех цветов, от 75 до 125 р.

Платья длинные шерстяные всех цветов, от 25 до 100 р.

Юбки шерстяные, от 6 до 15 р.

Для платьев большой выбор всех цветов шелковых материй, от 1 р. 75 коп. до 5 р. за аршин

Фай от 2 р. 50 коп. до 4 р. за аршин

Лионский бархат черный от 6 р. и дороже за аршин

Кринолины-новость от 6 до 9 р.

Платки кашемировые

Черные вышитые с бахромой от 6 до 130 р.

Платки кашемировые белые от 18 до 25 р.

Дамские шляпки всех цветов от 6 до 20 р.

Круглые бархатные и касторовые по последним моделям от 5 до 15 р.

Дамские зонтики. Омбрель с бахромой и пухом от 15 до 30 р.

Антука всех цветов от 2 р. 25 коп до 8 р.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 12

Прейскурант цен меховых изделий фирмы С. И. Белкина. Реклама из журнала «Модный магазин», 1872 год

Двора Его Императорского Высочества Государыни Великой Княгини Александры Иосифовны

Поставщик С. И. Белкин

Магазины в Москве, на Кузнецком Мосту в Доме Попова; в Иркутске, в доме Белкиной в Нижегородской ярмарке, в Запасном ряду, №№ 16 и 17.

Цены вещам следующие (серебром рубли):

Меховые салопы:

На лисьем межеумчатом (караганском) меху, с воротником под куницу, крытые русским атласом или шерстяной материей.....80, 90, 100 до 110

На лисьем красном, очень хорошем меху, натуральном или подцвеченном, с большим сконгсовым воротником, крытые лучшей доброты шелковым атласом ...125, 135, 130 до 160

Такие же с большим хорошим куньим воротником.....140, 145, 160 до 175

На лисьем сибирском, мягком лучшем меху, с высоким куньим или соболиным воротником, крытые лионским атласом.....200, 215, 225 до 235

Такие же с лучшим собольим воротником, крытые лучшим бархатом или высокой доброты лионским атласом.....245, 275, 300 до 400

Примечание. Салопы, шубки (косые) с длинными рукавами те же сорта дешевле на 15 проц. назначенных цен

На лисьем чернобуром темном меху (из хвостов), с такими же воротниками, богатого вида и теплые, крытые русским атласом.....70, 80, 85 до 90

Такие же покрытые шерстяной материей, удобные для дороги.....50, 55, 60 до 70

На лисьем черно-серебристом меху (из хвостов), с черным воротником, крытые лионским атласом или шелковым бархатом.....125, 150, 170 до 180

На лисьем совершенно черном меху (из хвоста), с таким же воротником, легкие и пушистые, богатейшего вида, крытые лучшим лионским бархатом.....260, 300, 350 до 375

Такие же крытые высокой доброты атласом и репсом.....180, 225, 250 до 275

На песцовом темно-голубом меху (из хвостов), с цельным

песцовым воротником, крытые лионским бархатом.....215, 230, 250 до 275

Такие же крытые лионским атласом и репсом высокой доброты.....150, 155, 160 до 200

Такие же с хвостовым воротником.....105, 125, 130 до 140

На песцовом светло-голубом меху (из хвостов), с таким же темным воротником, крытые лучшим русским атласом.....80, 90, 95 до 100

На лисьем чернобуром, цельном натуральном меху с лучшим темным собольим или лисьим черно-серебристым воротником.....450, 500, 750 до 1000

На лисьем черном, цельном черевьем меху, с воротником совершенно черным, драгоценным.....1500, 1750, 2000 до 2500

На собольем сибирском натуральном меху, с воротником высоких темных соболей .....1650, 1750, 2000 до 3000

На куньем меху, лучшем рослом, с лучшим собольим воротником.....600, 700, 900 до 1200

На песцовом темно-голубом цельном меху,
с таким же лучшим воротником.....500, 600, 700 до 750

Шубки, пальто новых фасонов:

Длинные, для катанья и прогулок (соединена практичность с изяществом фасонов)

Цены назначены с меховыми отделками новых фасонов

Шубки из бархата, лучшего лионского, стеганные на гагачьем пуху, на атласном подбое и пудесуа или на мехах пыжике (молодой олень), под цвет соболя, легкие и теплые, на мехах американского выхухоля, черно-серебристого кролика и сибирской темной белки с роскошной опушкой, по новому фасону, из натуральных темных соболей высокого сорта.....235, 250, 350 до 700

Шубки такового же материала с опушкой одних рукавов и маленьким воротничком таких же соболей.....175, 200, 225 до 275

Шубки такового же фасона, материала и подбоя, с роскошной опушкой из лучших соболей, подцвеченных под натуру и с высшего сорта норвежской куницей, темно-натуральный, также с опушкой превосходной шиншиллы.....185, 299, 225 до 250

Шубки такового же материала с опушкой одних рукавов и маленьким воротничком.....140, 150, 160 до 170

Шубки из бархата, шелкового, высокого, сорта (своей фабрики), добротой не уступающего лионскому, на лучшем шелковом подбое, стеганные на гагачьем пуху, или на белом, легком (сибирского зайца) меху, а также и на пыжике, выхухолевом, серебристом кролике и сибирской белки мехах; те же фасоны с опушкой пол, лацкан и шали, или воротника и рукавов; лучших сибирских соболей, хорошей подцветки и лучшей куницы, натуральной и подцвеченной.....135, 145, 160 до 175

Шубки такового же материала и фасона, с опушкой одних рукавов и маленьким воротничком, такового же меха.....110, 125 до 140

Шубки из московского бархата, высокой доброты, на прочном шелковом подбое, стеганные на мехах сибирского зайца, легкие и теплые, новых фасонов, с опушкой коричневого бобрика, черного американского выхухоля (под соболь), кролика черно-серебристого и барашка хивинского, черного и белого.....70, 80, 85 до 95

Шубки такие же из шелкового лучшего бархата и шелкового лионского репса и прочих шелковых материй с опушкой американского сконгса.....95, 105, 115 до 125

Шубки московского бархата, высокой доброты, на прочном шелковом подбое, стеганные на меху (сибирского зайца) легкие и теплые, новых фасонов с опушкой американского выхухоля (под соболь), коричневого обрика, кролика черно-серебристого и барашка хивинского, черного, белого и серого.....70, 75, 85 до 95

Шубки шелкового лионского репса, атласа, фай, драде лион и прочих шелковых материй, тех же фасонов и опушек.....65, 75, 85 до 95

Шубки лучшего русского атласа (с талькой), на шелковом подбое, стеганные на меху с таковыми же опушками.....45, 55, 60 до 65

Шубки на цельном собольем сибирском темном меху натуральном, покрытые высокой доброты лионским бархатом новейших фасонов, с роскошной опушкой высоких соболей.....1000, 1200, 1500 до 2500

Шубки на цельном куньем меху, темном натуральном с опушкой темных натуральных соболей.....750, 900, 1200 до 1500

Примечание. Все последние фасоны шубок делаются с широкими рукавами, очень красивы; для тепла устроен особенным способом внутренний полурукав; но, по желанию, шубки делаются и с узкими рукавами. длина шубки определяется на 4, 5 и 6 вершков от пола

Шубки совершенно длинные:

Шубки на мехах сибирских лисиц очень пушистых и легких, покрытые лучшим лионским шелковым репсом или атласом, с маленьким воротничком и обшлагами, хороших соболей или лучшей куницы.....155, 170, 200 до 300

Шубки шелковые же без меховой отделки для употребления с меховыми пелеринами.....125, 135, 150 до 175

Шубки на красных хороших лисьих мехах, покрыты шелковым атласом лучшей доброты, с воротником и обшлагами куницы или американского сконгса.....95, 110, 120 до 130

Шубки на лисьих межеумчатых (караганских) мехах, прочных, легких и пушистых, покрытых хорошим русским атласом, французским шерстяным репсом и другими новейшими шерстяными материями, с воротничком и обшлагами, выхухоля, американского бобрика, кролика и сибирской белки.....60, 65, 70 до 80

Ротонды длинные и полные:

Ротонды на мехах настоящих тибетских коз, совершенно белой, блестящей, мягкой волны, легкие, покрытые широким (двойным) лионским бархатом, самой высокой доброты, с одним кантом без отделки.....350, 400, 450 до 500

Ротонды такие же, покрытые лучшим шелковым бархатом (своей фабрики).....300, 400, 450 до 500

Ротонды на легком недопесковом (кретоватик) меху, очень теплые, и также на пыжиковом меху, покрытые лионским бархатом высокой доброты.....170, 180, 190 до 200

Ротонды на таких же мехах, покрытые шелковым бархатом высокой доброты (своей фабрики).....125, 135, 145 до 155

Примечание. Фасоны ротонд без рукавов, с кармашками (на меху для рук), очень удобны тем, что не мнут пышных туалетов, а потому делаются только на вышеозначенных мехах, отличающихся своей легкостью

Шапочки дамские:

Шапочки из лучшего натурального темного соболя, из цельного зверька, или с бархатной отделкой, новейших фасонов, изящной работы и отделки, с натуральной головкой.....22, 25, 35, 50 до 75

Шапочки из лучшей куницы и хорошего соболя, подцвеченного, того же фасона, с головкой зверька..... 15, 18, 20 до 25

Шапочки из американского черного выхухоля, норки, бобрика, барашка хивинского черного, белого и серого, те же фасоны.....6, 7, 8 до 10

Муфты и горжетки:

Муфты из высоких натуральных темных соболей, средней величины, обыкновенного фасона (круглый), лучшей работы.....125, 150, 200, 300 до 400

Муфты таких же соболей (модные фасоны), маленькие круглые и муфт-сак с натуральными головками соболя, изящной работы и отделки.....85, 100, 125 до 200

Муфты из хороших сибирских соболей, средней темноты или хорошо под натуру подцвеченных, также и настоящей норвежской натуральной куницы средней величины (круглые).....65, 75, 85 до 100

Горжетки цельные натуральные соболек с головкой изящной работы.....20, 25, 35, 50, 70 до 100

Горжетки цельная куница, темная натуральная, с головкой.....13, 15, 20, 25 до 28

Шубы и шубки мужские:

Шубы на мехах американских енотов высшего сорта, легких, рослых и мягких, крытые лучшими сукнами и кастором, фасоны с воротниками и шалью, хорошей работы.....от 100, 120, 150, 175, 200, 250, 350, 500 до 1000

Шубы и шубки на мехах ильки (американский соболь), легкие и красивые, фасоны с воротниками и шалью.....550, 750, 1000 до 1300

Шубы и шубки на мехах американского черного медведя, очень легкие, с воротниками и шалью.....275, 350, 400 до 500

Шубы и шубки на мехах сконгса натурального, высокого сорта, воротниками или шалью, хорошего фасона и работы.....250, 300, 400 до 450

Шубки бобра речного (польского) натуральные, легкие, высокого достоинства, с воротником и лацканами или шалью такого же бобра, крытые лучшим кастором или сукном.....120, 130, 140 до 145

Шубки такие же с воротником и лацканами или шалью из лучшего камчатского серебристого бобра.....185, 200, 225 до 300

Шубки на хорьковом черном, норковом, собольем темном лапчатом и ильковом лапчатом мехах, с шалью и обшлагами или воротником и лацканами камчатских натуральных соболей, норвежской превосходной куницы и лучшей ильки.....225, 250, 300 до 400

Шубки таких же мехов и черного американского выхухоля, с воротником и лацканами или шалью камчатского бобра.....175, 200, 250 до 300

Шубки на собольих и куньих лапчатых мехах и американского выхухоля с воротником и лацканами или шалью отличной куницы.....125, 135, 145 до 160

Шубки на таковых же мехах с воротником и шалью лучшего американского сконгса.....125, 135, 140 до 150

Шубка вся на цельном меху лучших рослых натуральных соболей, с таким же воротником и шалью.....1000, 1250, 1500 до 2500

Шапки мужские:

Шапки боярки и высокие (складные) лучших фасона и работы из лучших натуральных темных соболей и камчатского бобра.....30, 35, 45, 50 до 100

Шапки хороших сибирских соболей и лучшей куницы.....20, 25, 28 до 30

Шапки американского сконгса, речного бобра и черного натурального выхухоля.....10, 12, 15 до 17

Шапки вся цельная из хивинского барашка черного и серого, фасоны – боярка и высокая складная лучшей работы.....10, 12, 14 до 15

ПРИЛОЖЕНИЕ № 13

Прейскурант цен на головные уборы шляпной фабрики Лемерсье. Реклама из журнала «Новый русский базар», 1883 год

Шляпа плюшевая:
Высший сорт – 11 рублей
Первый сорт – 9 рублей
Второй сорт – 7 рублей
Из кастора разных цветов – 11 рублей

Складная шляпа:
Из атласа – 9 рублей
Из кашемира – 7 рублей
С металлическими буквами дороже на 1 рубль

Шляпа ливрейная плюшевая:
С настоящим серебряным или вызолоченным галуном, края полей обшиты также галуном – от 23 до 31 рубля
То же не обшитые края галуном, но шелковой черной лентой – от 20 до 25 рублей
То же не настоящий галун, но заграничный, края обшиты – 20–21 рубль

Шляпа форменная:
4-го класса генеральская с золотым галуном – 50 и 55 рублей
То же 5-го класса с генеральской петлицей – 17 рублей
То же 6-го класса – 15 рублей
Шляпы высших классов на разные цены, и желающие иметь их могут списаться с магазином

Касторовая шляпа твердая:
Из черного кастора, низ полей из шелковой материи – 9 рублей
То же из кашемира – 8 рублей
То же из кастора разных цветов с кашемиром – 9 рублей

Касторовые шляпы мягкие:
Из черного кастора – 7, 8 и 9 рублей
Из кастора разных цветов – 9 и 10 рублей

Индейские каски:
Из кастора разных цветов – 10 рублей
На соломе – 10 рублей
Китайской шелковой материи – 9 рублей

Серого или белого кашемира – 7 рублей
Шарфы к ним из белой шерстяной материи – 3 рубля

Шляпа соломенная:
Английской соломы – 6 рублей
Итальянской соломы – 4 рубля
Из пальмовой стружки – 4 рубля 50 копеек

Шапка шерстяная валенная (Beret)
Для взрослых и детей, разных цветов – 3 рубля 50 копеек

Шапка детская:
Из сукна или трико – 3 рубля
Из драпа – 3 рубля 50 копеек и 4 рубля
Из шелкового бархата – 5 и 6 рублей

Амазонка:
Плюшевая без вуали – 7 рублей
Из кастора разных цветов без вуали – 9 рублей
Вуали газовые всех цветов – от 4 рублей 50 копеек
Вуали тюлевые – от 3 рублей и дороже

ПРИЛОЖЕНИЕ № 14

Словарь старинных терминов, связанных с костюмом и модой

A la vielle – крупные складки трубочками
Application – накладное шитье
Амазонка – женский костюм для верховой езды
Амбрас – перехват на занавесках и драпри
Ангажанты – манжеты рукавов платьев из нескольких кружевных оборок или муслина
Английская шерсть – шерсть для вязания чулок
Аграф – пряжка, застежка
«Баранья нога» – см. жиго
Барбы – косынки на голову или завязки у чепчиков и шляп
Баска – широкая полоса материи (иногда состоящая из нескольких частей), пришиваемая к низу куртки или жакета
Блонды – тонкие кружева
Бранденбург – застежка из шнура или позумента с кисточкой и петлей
Брокар (брокат) – тяжелая шелковая ткань
Броше – штофная ткань сложного переплетения
Ватерпруф – непромокаемая верхняя одежда, дождевик
Вестон – куртка, пиджак
Вигонь – шерсть из вигони, млекопитающего животного семейства верблюдовых
Высечка – мельчайшие зубчики, вырезанные на материи
Гарнировка – отделка
Гарус – мягкая крученая нить для шитья и отделки
Гофрировка – плойка
Гленгарри – шотландский национальный головной убор наподобие пилотки, который иногда носили европейские и русские дети в 1860–1880-е годы
Грело (грелотки) – стеклярусные или бисерные шарики
Гимповый тамбур – тамбурное вязанье крупными петлями металлическим крючком
Дамб (дамаст) – шелковая ткань с крупным (чаще цветочным) рисунком
Джерси – трикотажное полотно
Дмимонденка – дама полусвета
Драпри – занавески, драпировки
Жабо – сборчатая кружевная отделка лифа спереди
Жакетка – коротенький казачок по талии
Жиго («баранья нога») – рукав с сильно расширенной верхней частью
Жилетка – вставка на лифе спереди
Запошивка – двойной шов: две материи сшиваются, а потом запошиваются
Зефировая шерсть – тонкая глянцевитая шерсть для вязания платков
Зуав (зуавка) – короткая курточка, расшитая сутажом, заимствованная из обмундирования французских зуавов
Казакка – короткая женская куртка-жакет
Казакин – короткая женская куртка-жакет с баской
Канотье – соломенная круглая шляпа с жесткими полями, невысокой тульей и лентой
Кант – косая полоса материи с тонким шнурком
Каркас – шляпная проволока, перевитая нитками
Каррик – пальто с несколькими слоями пелерины
Касторовая шерсть – для вышивок
Кирасса – лиф, туго охватывающий грудь и бока
Клек – мешок на пальто
Кникербокеры – короткие, по колено, штаны, род бриджей
Кокетка – верхний кусок, к которому пришивают стан сорочки
Кокилье – отделка раковинами
Контур – обвод, очерк
Кордонэ – род выметки
Корсаж – лифик без рукавов
Кулиски – самые мелкие сборки
Ламбрекен – зубцы или фестоны вверху у занавесок и рабочих корзинок
Лацкан – отворот на куртке, жакете, пиджаке

Лизере – кант без шнурка
Линон – тонкая льняная ткань
Манжета – нарукавник
Матине – утренняя длинная кофта с отделкой
Мантелэ – летняя накидка
Мантилья – испанская косынка (на голову) из черных и белых кружев, блонд или тюля
Миньярдиз – узенькая тесемочка с колечками по обеим сторонам
Муар – шелковая ткань с волнистыми узорами
Мюли – туфли восточного происхождения на небольшом каблуке без задника
Накладное шитье (application) – фигурка из кретона, сукна, атласа, нашиваемая на материю
Неглиже утреннее – нарядная утренняя кофта с юбкой
Облый – круглый, круглобокий, полный
Панье – пышная отделка на юбке сзади вверху
Парасоль – зонтик от солнца
Пардессю – накидка, пальто, кофта из драпа, бархата, фая
Парюра – кружевная отделка у ворота, пелеринка, а также комплект ювелирных украшений
Пасс – передняя часть шляпы и чепчика
Пеньюар – капот
Перкаль – хлопчатобумажный батист
Перчатки douairieres – шведские длинные без пуговиц
Пике – плотная хлопчатобумажная ткань с рельефными рубчиками или геометрическими узорами
Пико – маленькое колечко из выметки и тамбура
Плиссе – крупные или мелкие складки
Плотная петля – петля, сделанная на вязанье
Плюмаж – отделка из перьев
Полонез – длинный казак с подбором
Помпон – пышный хохолок из мягкого шелка
Поплин – двусторонняя узорчатая шелковая ткань
Проборка по тюлю и филе – шов вроде наметки
Прозрачная строчка – по полотну с выдернутыми на нем нитками
Простое вязанье – чулочное
Пуф – пышный подбор
Розетка – вязаный кружок для салфеток или же отделка из лент
Ротонда – длинная накидка, иногда с мехом
Руло – узкая косая полоска материи на вате
Саше – коробка или ящик для перчаток
Сорти-де-баль – бальная накидка
Сотуар – украшение в виде длинной нити жемчуга
Спенсер – коротенький лифик без рукавов
Тайер – женский городской костюм, состоявший из блузы (сорочки), жакета и юбки
Тамбур – вязанье из петель
Тамбурный шелк – витой толстый шелк
Тесьма point lace – тесьма с узором
Ток – небольшая шляпа без полей или с очень узкими полями
Трен – шлейф или подол длинной юбки
Троттер – английское название тайера (см. выше)
Тулейка – форма шляпы без отделки
Тунисское вязанье – двойными рядами, длинным крючком
Тур – ряд в описании вязаний
Тур de jupe – коленкор, волан у подола
Турнюр – небольшая подушка или каркас сзади платья или костюма, придававший объем
Тюник – верхняя укороченная юбка
Филе – несученый шелк
Фишю – батистовая и кружевная косыночка
Фреска – кружево, креп или вышивка у ворота
Шантильи – плетеное льняное кружево
Шемизетка – рубашечка, отделанная рюшем или кружевами
Шертинг – тонкое льняное или хлопчатобумажное полотно
Шнип – центральная часть переда женского лифа в форме острого угла
Эгрет – небольшое украшение из перьев
Эннен – конусообразный женский головной убор XV века

Библиография

Цитируемые архивные документы:
ГАРФ. Ф. Оп. 1. Д. 254. С.156
РГИА. Ф. 482. Оп. 10. Д. 77. Отчет о расходах по коронации, 1883 г.
РГИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 996. Л. 205. Денежные документы за 1881 г.
РГИА. Ф. 469. Оп. 12 (738/1854). Д. 293. Л. 33. Выписка о Высочайших больших балах в 1867 г.
РГИА.Ф. 525. Оп. 2 (217/2715). Д. 1. Л. 5, И, 22,42,57,87
РГВИА. Ф. 400. Оп. 2. Д. 6632. Л. 121

Фотоархивы и коллекции:
Коллекция Дж. Кеннана, Библиотека Конгресса (Вашингтон, США)
Отдел гравюр и фотографий, Библиотека Конгресса (Вашингтон, США)
Коллекция эстампов Джеймса Смита Ноэла, библиотека Государственного университета Луизианы (Шривпорт, США)
Национальная библиотека Франции, отдел эстампов (Париж)
Собрание ВИМАИВиВС (Санкт-Петербург)
Архив Красноярского краеведческого музея (Красноярск)
Коллекция В. В. Авдеева (Санкт-Петербург)
Коллекция А. А. Классена (Санкт-Петербург)
Коллекция С. Е. Володарского (Харьков)
Собрание А. М. Милякова (Москва)
Архив О. А. Хорошиловой (Санкт-Петербург)

Опубликованные документы:
Полное собрание законов Российской империи – Второе собрание (1825-1881): СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1830-1885
Полное собрание законов Российской империи – Третье собрание (1881-1913): СПб.: Гос. тип., 1885-1916
Журнал Министерства народного просвещения, Т. 103, 1859
Журнал Министерства народного просвещения, ноябрь 1863, Т. 120
Журнал Министерства народного просвещения, Т. 105, 1860
Билет извозчику от 1794 года/ Русская старина, 1896, Т. 85, 1-3. – С. 122-124
Правила о форме одежды для генералов, г.г. штаб- и обер-офицеров : Изд. 1882. – 68 с.
Правила о форме одежды : Приказ по воен. вед. 1883 г. № 66, доп. соответствующими изменениями. – Санкт-Петербург : В. Березовский, 1894. – 27 с.

Периодические издания эпохи:
Модный магазин, 1862-1883
Модный свет, 1868-1898
Новый русский базар, 1867-1898
Gazette of Fashion, 1868-1873

Дневники, воспоминания:
Александр II. Воспоминания. Дневники. – СПб.: Пушкинский фонд, 1995. – 444 с.
Александр III. Воспоминания, дневники, письма. – СПб.: Издательство «Пушкинского фонда», 2001. – 400 с.
Андреева-Бальмонт Е.А. Воспоминания (отрывки). — М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1997. – 559 с.
Башкирцева М. К. Дневник. – М.: Захаров, 2000. – 446 с.
Бенуа А. Н. Мои воспоминания. – М.: Наука, 1990, I-III. – 711 с.
Верещагин В. В. Повести, очерки, воспоминания. М.: «Советская Россия», 1990 г. – 352 с.
Верещагин В. В. На войне в Азии и Европе. Воспоминания. – М., 1894. – 186 с.
Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминания. – М.: Современник, 1991. – 271 с.
Витте С. Ю. Воспоминания. – М.: Мысль, 1991. – 719 с.
Водовозова Е. Н. На заре жизни. Воспоминания. – СПб., 1911. – 608 с.
Ворт Ж. Ф. Век моды. – М.: Этерна, 2013. – 288 с.
Воспоминания о Чайковском, изд. 2, М., 1973. – 559 с.
Готье Т. Путешествие в Россию. – М.: Мысль, 1988. – 397 с.
Добужинский М. В. Воспоминания. – М.: Наука, 1987. – 475 с.
Институтки. Воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц. – М.: НЛО, 2008. – 576 с.
Кашкин Н. Д. Воспоминания о П. И. Чайковском. – М., 1896. – 163 с.
Кривенко В. С. В министерстве двора. Воспоминания. – СПб.: Нестор, 2006. – 320 с.
Ларош Г. А. Собр. музыкально-критических статей. – М. : О-во «Муз.-теорет. б-ка в Москве», 1913-1924. Т. 3
Макаров Ю. В. Моя служба в Старой Гвардии. 1905–1917. – Буэнос-Айрес: Доррего, 1951. – 382 с.
Немирович-Данченко Вл. И. Из прошлого. – М.: Гос. Издательство худ. литературы, 1938. – 298 с.
Памяти К. Д. Ушинского. – СПб., 1896.
Половцов А. А. Дневник государственного секретаря А.А. Половцова в двух томах. – СПб.: Центрполиграф, 2005, Т. I. 1883-1886 гг. – 606 с.
Россия в мемуарах. Епархиалки. – М.: НЛО, 2011. – 304 с.
Сабанеев Л. Л. Воспоминания о России. – М.: Классика XXI, 2004. – 263 с.
Станиславский К. С. Моя жизнь в искусстве. – М.: Искусство, 1983. – 424 с.
Чайковский П. И. Дневники. 1873-1891 – Москва-Петроград, 1923. – 295 с.
Чайковский П. И. Письма к родным – М.: Государственное музыкальное издательство, 1955. – 670 с.
Шереметев С. Д. Воспоминания. 1853-1861. – СПб., 1898. – 126 с.
Mackenzie Wallace, Donald, sir. Russia. – Lnd, 1912. – 788 p.
Арсеньев Д. С. Из записок адмирала / Русский архив – Кн. 3, вып. 10, 1910
Арсеньев К. К. Воспоминания об училище правоведения / Русская старина, 1886 Т. XLX, Ч. 4
Берс А. А. Воспоминания офицера лейб-гвардии Преображенского полка о походе в Турцию в 1877-1878 гг./ Русская старина, 1898, вып. 4-6
Берс А. А. Воспоминания офицера лейб-гвардии Преображенского полка о походе в Турцию в 1877-1878 гг./ Русская старина, 1898, вып. 7-9
Волконская М. В., княгиня. За 38 лет/ Русская старина, 1913, Т. 153
Воспоминания Елены Юрьевны Хвощинской/ Русская старина, 1898, Т. 93, 1-3
Добровольский К. Н. Из памятных запи-

сок/ Русский архив, 1907, кн. 1, вып. 4
Записки К. К. Мердера, воспитателя цесаревич Александра Николаевича. 1826-1832/ Русская старина, 1885, № 7-9
Записки сельского священника / Русская старина, 1880, Т. 27, вып. 1-4
Из дневника графа Г. А. Милорадовича/ Русский архив, 1884, № 3
Императрица Александра Федоровна в своих воспоминаниях/ Русская старина, 1896, Т. 88, кн. 10
Любимов Л. Н. Из жизни инженера путей сообщения / Русская старина, 1913, Т 155, вып. 1-3
Миллер Г. В. Воспоминания пажа / Исторический вестник, 1897, Т. 68, № 4
Морозов Н. Люди и нравы за полвека/ Русская старина, 1913, Т. 154
Паренсов П. Д. Из прошлого. Воспоминание офицера Генерального штаба о войне 1877-1878 гг./ Русская старина, 1899, вып. 7-9
Пузыревский А. К. Переход через Балканы в 1877 году. Военно-исторический очерк/ Русская старина, 1880, вып. 9-12
Рембелинский А. М. Из воспоминаний старого офицера Гвардейского экипажа / Русский архив. – 1910, кн. 2, вып. 7
Синицын А. А. Из воспоминаний старого врача/ Русская старина, 1913, Т. 154
Смородин В. А. Годы службы моей в Варшавском учебном округе и эпизоды рабочего быта. Воспоминания педагога / Русская старина, 1913, Т. 155
Стасов В. В. Училище правоведения 40 лет тому назад/ Русская старина, СПб., 1880, XXIX, Ч. 9-12
Тютчев И. А. В Училище правоведения в 1847-1852 гг. Воспоминания по поводу 50-летнего юбилея Училища / Русская старина. 1885, Т. 48, № 11
Щеховский Н. А. Воспоминания, мысли и признания человека, доживающего свой век смоленского дворянина / Русская старина, 1896, Т. 85, вып. 7-9
Яковлева А. И. Воспоминания бывшей камер-юнгферы императрицы Марии Александровны/ Исторический вестник, 1888, Т. 33, I-III
Якубовин Н. А. (Гриневич Н. В.). Летопись и мысли старого педагога / Русская старина, 1913, Т. 154

Книги, монографии, статьи:

Аранович В. А. Интендантское снабжение русской армии во второй половине XIX – начале XX века. СПб., 2005. – 425 с.
Беляков В. В. Русский Египет. – М.: Вече, 2008. – 336 с.
Бурышкин П. А. Москва купеческая. – М.: Высшая школа, 1991. – 352 с.
Васильев А. А. Европейская мода. Три века. – М.: Слово/Slovo, 2008. – 440 с.
Гончаров Ю. М. Купеческая семья второй половины XIX – начала XX века. – Российская академия наук, Институт этнологии и антропологии РАН, Алтайский государственный университет, 1999. – 244 с.
Зимин И. В. Взрослый мир императорских резиденций. Вторая четверть 19 - начало 20 в. – СПб.: Центрполиграф, 2013. – 560 с.
Зимин И. В. Повседневная жизнь российского императорского двора. Детский мир императорских резиденций. – СПб.: Центрполиграф, 2010. – 576 с.
Зимин И. В. Царская работа XIX - начало XX в. Повседневная жизнь Российского императорского двора. – СПб.: Центрполиграф, 2013. – 640 с.
История торговли и промышленности в России (под ред. П. Х. Спасского). – СПб., 1910., Т. 1. – 22 с.
Карцов П. Исторический очерк лейб-гвардии 1-го Стрелкового Его Императорского Величества батальона с 1856 по 1885 год. – СПб., 1885. – 304 с.
Клевезаль Ф. Ф. Гимнастика для девиц в применении к различным возрастам для общественного и домашнего воспитания: введена для руководства в Санкт-Петербургские институты ведомства Императрицы Марии. – СПб, 1869. – 128 с.
Конисская Л. М. Чайковский в Петербурге. – Л.: Лениздат, 1969. – 319 с.
Ривош Н. Я. Время и вещи. – М.: Искусство, 1990. – 303 с.
Российские императрицы. Мода и стиль. Конец XVIII – начало XX века. – М.: Кучково поле, 2013. – 512 с.
Руан К. Новое платье империи. – М.: НЛО, 2011. – 416 с.
Сборник законов и форм о наградах духовенства и других лиц. – Харьков, 1893. – 142 с.
Татищев С. С. Александр II/ Русский биографический словарь, Т. 1. – СПб., 1896.
Тишкин Г.А. Женский вопрос в России. В 50—60 гг. XIX в. — Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1984. – 239 с.
Уайльд О. Полное собрание сочинений. – СПб.: Товарищество А. Ф. Маркс, 1912, Т. 4. – 196 с.
Черепнин Н. П. Императорское воспитательное общество благородных девиц. – СПб.-Петроград, 1914-1915. Т 1-3.
Чайковский М. И. Жизнь Петра Ильича Чайковского. – Москва-Лейпциг, 1900, Т. 1. – 537 с.
Шепелев Л. Е. Чиновный мир России XVIII – начало XX в. – СПб.: Искусство-СПБ, 2001. – 520 с.
Бордунов Н., Шевченко И. Стрелки Императорской Фамилии/ Цейхгауз, № 37. – С. 26-44.
Хорошилова О. А. «Синяя говядина», «тонняги» и «корнеты». Форма гимназистов императорской России / Теория моды, № 26. – С. 1-20

Сетевые ресурсы:

Боборыкин П. Д. За полвека. Воспоминания. – Классика КнигаФонда. – С. 174: http://www.knigafund.ru/books/49423
Варенцов Н. А. Слышанное, виденное, передуманное, пережитое: http://lib.rus.ec/b/372112/read
Боборыкин П. Д. Китай-город: http://az.lib.ru/b/boborykin_p_d/text_0120.shtml.
Сухотина-Толстая Т. Л. Воспоминания. – М.: Художественная литература, 1980. – С. 132. Сайт: http://www.litmir.net/br/?b=97042
Дружинин А. В. Письма иногороднего подписчика о русской журналистике. Сайт Rusbook // URL: http://rusbook.com.ua/russian_classic/drujinin_av/pisma_inogorodnego_podpischika_o_russkoy_jurnalistike

Указатель имен и названий

«А. Ломан», золотошвейная мастерская 40
Абрамов П., извозчик 197
Авдеев М. В., писатель *270*
Авдеева-Полевая Е. А., писательница 188, 189
Адлерберг В. Ф., граф, генерал от инфантерии *60*
«Александр», фирма, производившая зонты и веера 27
Александр II, император *11*, 12-32, 34, *50*, 51, 52, 60, 63, 65, 70, 71, 73, 82, 99, 105, 108, 113, 115, 116, 120, 130, 131, 135, 145, 147, 152, 229, 231, 265, 305, 400
Александр III, император 31, 32-39, 42, 43, 64, 83, 88, 100, 105, 114, 130, 148, 149, 216, 376, 410, 450
Александр Александрович, великий князь 43, 45
Александр Михайлович, великий князь 38, 46, *95*
«Александр Уатт», магазин 427
Александра, дочь Карла IX 42, 216, *217*, 218, 300, *301*, 362
Александра Александровна, великая княжна 31
Александра Иосифовна, великая княгиня 255, 363
Александра Федоровна, императрица, супруга Николая I *12*, 13, 17, 26
Александра Федоровна, императрица, супруга Николая II 46
Александрова И. А., владелица магазина 259
Александровский А. А., офицер *52*
Александровский И. Ф., фотограф *253*
Алексей Александрович, великий князь 31
Алексей Михайлович, царь 43, 231, *379*
Альберт, принц-консорт 71, 210, 264
Альфред, принц, герцог Эдинбургский *95*, 302, 313
«Амели-Мари», костюмная мастерская 257
Андреева-Бальмонт Е. А., литератор 163, 441
«Андрие», магазин 363
«Антонов и Ко», торговый дом 458-459
Апухтин А. Н., поэт 278, 442
Арсеньев Д. С., адмирал 107
Артемьева А. В., владелица мастерской «Мария Залеман» 106
Арто Д., певица 373
Асадулаев Ш., заводчик 180
«Ателье Гюссон-Дементьевой» 363
Баден В., фон, принц Бадена 218
Базырин Н. В., торговец лентами и кружевами 42
Байрон Дж., поэт 209
Бакунин М. А., мыслитель *271*
Балакирев М. А., композитор 340-341
Баранов Э. Т. граф, генерал-адъютант 36
Башкирцева М. К., художница 373, 380
Бекетов А. Н., ботаник 162
Белкин С. И. владелец фирмы меховых изделий 7, 255, 363, 459-462
Бенуа А. Н. художник 42, 149, 306, 336, 348, 349, 441
Бергамаско К. И. фотограф 9, *31,32, 61, 95, 227, 252, 260, 277, 280, 301, 302, 342, 342, 344, 355, 358,* 443
Бердслей О., художник 372, 377, 416
Берлиоз Г., композитор 268
Бернар С., актриса 370-372, *373*
Берс А. А.. полковник, музыкант 34, 75, 76, 78, 79
Бертенсон В. Б., врач 450
Бёрнетт Ф. Х., писательница 420, *421*
Бисмарк О. фон, военный и политический деятель 210, 223, 224, 238, 304, 305
«Блент», мастерская платья 427
Боборыкин П. Д., писатель 130, 131, 153, 182, 187, 190, 197, 268, 278
Болдырев И. В., фотограф 170
Болин Э., ювелир 410, *413*
Бонёр Р., художница *234*
Борджия Л., светская львица 255
Бризак А. портной 7, 42, 362
Бризак В. А., портной 427
Брюно ? обувщица 27
Брокар Г. А., парфюмер 450
Букарь М., фотограф *168*, 169
Букиник И. Е., скрипач 445
Буксгевден А. А., барон, егермейстер *118*
Бульбенкова О. Н. модельер 27, 42, 46, 427
Бурышкин П. А., писатель 182, 184
Бутовский В. И., историк 309
Бутримович Л. И., фотограф 265
Вагнер Р., композитор 212
Валуев П. А. граф, государственный деятель 36
Вальдемар, принц Датский 370
Ван де Вельде А., архитектор 381
Варенцов Н. А., предприниматель 180, 187, 189
Васильева ? купчиха 328
Васильчиков А. А., директор Императорского Эрмитажа 43
Ватто А., художник 224, 234
Вейс Г., обувщик 43, 427
Веласкес Д., художник 321
Верещагин В. В. 65, 68, 70, 71, 73, 80, 82, 83, 85
Верди Дж., композитор 219, 317
Виже-Лебрен Е., художница 259, 392, 402
Виктор-Эммануил II, король Объединенной Италии 220, 221
Виктория, королева Великобритании *212*, 300, 313, *314*
Винклер К. Е., камер-фрау 45
Виноградова А., предпринимательница 363
Винтергальтер Ф. художник-портретист 8, 210
Витте С. Ю. государственный деятель 36
Владимир Александрович, великий князь 31, 43, 376, 456-457
Водовозова Е. Н., писательница 157
Волконская М. В., княгиня 340
Вонифантьева А. Г., портниха 427
Ворт Ч. Ф., модельер 7, 27, 38-40, *41*, 46, 209, 211, 212, 214, 218, *301*, 320, 324, 362, 369, 373, 427, 446
«Вирт», магазин корсетов 363
Гагарин Г. Г. князь, художник 43
Гарибальди Дж., военный деятель 210, 220, *221*, 222, 268
Гаррард Р., ювелир 218
«Гвардейское экономическое общество» 108
Геккерен ван, Л., барон, государственный деятель *273*
Геника Р. В., пианист 442
Генрих III, король Франции 374, *376*, 402
Генрих IV, король Франции 374, 375, 402
Георгий Александрович, великий князь *41*, 43, *44*, 45, *46*
Герард В. Н., адвокат 437
Гимар Э., архитектор и дизайнер 377
«Гишар», парикмахерский салон 43
Глазунов А. Н., композитор *352*
Глинка М. И. композитор 17
Гоголь Н. В., писатель 382
Голицын Ю. Н., композитор 286
Гольдшмидт В., издатель 365
Гончаров И. А., писатель *266*
Гоппе Г. Д., издатель 365, 377
Горчаков А. М., князь, государственный деятель 220, 305
Горчаков П. Д., генерал от инфантерии *59*
Готлиб Ю.-Г., владелец магазина 108
Готье Т. писатель 27, 65, 173, 190-194, 196, 199, 203, 205, 255, 280
Гринауэй К., писательница *418*, 420
Грюнбаум Г., портной 7, 445
Гумилев Н. С., поэт 416
Гурко И. В., генерал-фельдмаршал 308
Гюйо Ж., перчаточник 42

Дагер Л. один из изобретателей дагеротипа 9
Дали С., художник 255, 355
Далматов В. П., артист *409*, 446
Далматов К. Д., коллекционер 377
Делькроа А., парикмахер 43, 427
Денекен Ф., директор музея императора Вильгельма в Крефельде 381
Деньер Г. И., фотограф *58, 258*
Джером Дж. К., писатель *409*
Диллон Э. журналист 33
Дисдери А., фотограф *59*, 210, *211, 262, 279,* 405
Дмитриев М. П., фотограф *151*
Дмитриев Я. Д., военный портной 105, 106
Добровольский К. Н. офицер 21
Долгоруков В. А., князь, генерал-лейтенант *61*
Домье О., художник *235*
Доронин С. Я., военный портной 105
Доу Дж. художник-портретист 15
Дубасов Ф. В., адмирал *98*
Дусе Ж., модельер 42, 46
Дьяговченко И. Г., фотограф 443
Дягилев С. П., деятель культуры 416
Евгения, императрица Франции *208*, 210-212, *213*, 221, 255, 258, 300, 362
Егер Г., биолог 108, 380, *381*, 406, 424
Елисеев А. В., путешественник 142
Елисавета Алексеевна, императрица, супруга Александра I 14
Епанчин Н. А., генерал от инфантерии *84*
Есипова А. Н., пианистка 373
Жигунов П. Н., купец 107
Жуковский В. А. поэт 14, 23
Жюдик А., певица 373
Зеест Г., модистка 42
Зеленой Н. А., контр-адмирал *93*
Зефтингер Л., ювелир 25
Иванова А. Т., портниха 42
Ивроз М., владелица магазина 363
Индутный Н., фотограф *53*
Иоанн Кронштадтский, священник *136, 137*
Кавур, Бенсо ди К., граф, политический деятель 220
Кадулин В. Ф., художник 163
Кази С. И., генерал-майор по Адмиралтейству *94*
Каменский И., сапожник 43
Капуль Ж., певец 334, 410
Кар А., писатель 446
Каратыгина А. М., артистка *258*
Карл I, король Англии 316
Каррик В. А., фотограф *64,* 170, *171, 178, 195, 198, 201*
Кашкин Н. Д., музыкальный критик 446-447
Кене Б. В. барон, нумизмат 34, 36
Киселев П. Д., граф, государственный деятель *134*
Китаев П. И., портной 42
Клейнмихель П. А., генерал-адъютант *58*
Ковалевская С. В., математик 163
Комиссаров-Костромской О. И., спаситель Александра II *342*
Кононов А. Л., издатель *53*
Константин Николаевич, великий князь 70, *97*, 98, 100
Королёв М. Л., городской голова 182
Корде Ш., революционерка 304-305
Коцебу П. О., контр-адмирал *94*
Краевич К. Д., физик 162
Крамской И. Н. художник 9
Крестовский Вс. В., писатель *342*
Кривенко В. С., общественный деятель 112, 113, 116
Кристиан IX, король Дании 38
Кропоткин П. А., князь, революционер 70
Ксения Александровна, великая княжна *41*, 43, 45, 46, 457
Кувшинников С. П., предприниматель 187
Кудрин Н. П., купец 182
Кулиш К. Л., фотограф 439
Курицын Н., купец 309
Курковский ? денщик М. Д. Скобелева 80
Кэрролл Л., писатель 355
Лавровская Е. А., певица, 373
Лалик Р., ювелир
Ламанова Н. П., модельер 42, 46
Лансад А., купчиха 238
Лансере Е. А., скульптор 305
Ларош Г. А., критик 439
Лебедева А. В., мемуаристка 160
Леблан ? предпринимательница 363
«Левавассер», магазин 363
Левицкая-Гирс П. С., певица 303
Левицкий С. Л. Фотограф 8, 9, *18-19, 21,* 22, *25, 26, 29, 30, 60, 61, 62, 63, 210, 228-229*, *262-263,* 268, *303, 343, 379, 422*
Лелянов П. И., торговец мехами 42
Леман А., художник 36
Ленгтри Л., актриса 362, 372, 373, *374*
Ленский А. П., актер, режиссер *412*
«Леон Кастильон», магазин военной одежды 107
Лесовский С. С., адмирал *92-93*
Лещинская М., королева Франции 224
Либерти А. Л., предприниматель 381
Ливен Е. А., светлейшая княжна *157*
Ливен Ш. К., баронесса, статс-дама 14
Лидваль Ю.-П. Э., портной 46
Лир Ф., танцовщица 21
Лист Ф., композитор 268
Литке Ф. П. адмирал, мореплаватель 104
Лихачев И., фабрикант 17, 25
Лоренс А. Ф., фотограф *89, 126, 138,* 443
Луиза, принцесса *298*, 300
Лукка П., певица 219
Львов А. Ф., композитор 17
Львовский Г. Ф., композитор 413
Людовик XIII, король Франции 262
Людовик XV, король Франции 234, 395
«Магазин военных вещей» 107
«Магазин офицерских вещей» 107
«Мадам Зина», магазин 427
«Мадам Матильд», ателье 427, 427
«Мадам Матильда», салон модного платья 427
«Мадам Эжен», шляпное ателье 7
Мадзини Дж., идеолог Рисорджименто 220
Макензи Д., журналист 177, 185, 203
Максимов А. М., артист *280*
Малков А. Л., обувщик 43
Малларме С., писатель 446
Мандль Л., предприниматель 363, 427
Манзей К. Н., генерал-майор *62*
Манэ Э., художник 444
Марат Ж. П., революционер 304
Маргарита де Валуа, французская принцесса 395
Мария I Стюарт, королева Шотландии 395
Мария Александровна, великая княжна 31, 32, 302, *303*, 308, 313
Мария Александровна, императрица, супруга Александра II 16, 17, 21-32, 36, 38, 43, 261
Мария Антуанетта, королева Франции 211, 259, 395
«Мария Залеман», мастерская вышивки 106
Мария Медичи, королева Франции 375, *400*
Мария Орлеанская, принцесса 370
Мария Федоровна, императрица, супруга Александра III 38-46, 216, 307, 362
Мария Федоровна, императрица, супруга Павла I 13
Мартини Ф., владелец мастерской «А. Ломан» 40
Мартынов Н. А., художник 310
Маслов Ф. И., юрист 439
«Мастерская детских нарядов» 427
«Мастерская Общества дешевых квартир» 363-364
Мей С. Г., редактор и издательница журнала «Модный магазин» 224, 239, 251, 255, 272, 309, 317, 321, 322, 358, 365

Мекленбург-Стрелицкий Г., герцог, генерал-адъютант *63*
Меликова А., торговка кружевами 376-377
Менделеев Д. И., химик *343*
Мердер К. К., генерал-майор 14, 15, 16
Меттерних Паулина, фон, княгиня 212, 214, *215*, 239, 255
Метцель Л., предприниматель *182, 186*
Миллер Г. П. офицер гвардии 114, 115
Милорадович Г. А., граф, сенатор 18
Милютин Д. А., военный министр 70, 72, 73, 115
Митрейтер Т. А., фотограф
Михаил Александрович, великий князь 43, 45
Михаил Николаевич, великий князь *85*
Михайлов А., портной 42
Михельсон Л. П., военный портной 106, 107
Мичурина-Самойлова В. А., актриса *358*
«Модный магазин», журнал 135
Моне К., художник 240
Монтескью Р. де, писатель, денди 416, *417*
Монтеспань Ф.-А. де, маркиза 395
Монштейн И. А., *198*
Морни С. С., де, см. Трубецкая де Морни С. С.
Морни Ш. де, герцог 214
Морозов И. З., купец *228, 278*
Морозов Т. С., купец *283*
Морозова М. Ф., купчиха *254*
Моррис У., художник 334, 381
Муравьев М. Н., граф, генерал от инфантерии *60*
«Мюр и Мерилиз», торговый дом *426*, 427
Набоков В. В., писатель 71
Надпорожская А. Г., владелица мастерской 309
Надсон С. Я., поэт 446
Наполеон I Бонапарт, император Франции 209
Наполеон III, император Франции 31, 60, 212, 214, 229, 262, *264*, 299, 300, 318, 410
Некрасов Н. А., писатель *343*
Немирович-Данченко Вл. И., режиссер 187
Нессельроде Д. К., граф, государственный деятель *264*
Нижинский В. Ф., танцовщик 416
Николай I, император *12*, 13, 14, 15, 16, 23, 26, 45, 51, 52, 53, 108, 125, 145, 305
Николай II, император 34, *41*, 43, *44*, 45, *53*, 89, 106, 107, 160
Николай Александрович, цесаревич 28, 31, 32
Николай Николаевич старший, великий князь 116
Новосильцева Е. Е., глава общества кружевниц 310
Нолле Н. М., певец *384, 407, 409, 410*, 436
Норденштрем В. И., военный портной 105
Норденштрем К. И., военный портной 34, 46, 105
Норденштрем Н., военный портной 105
Нюберг-Кашкина С. Н., мемуаристка 446-447
Обренович Ю., княгиня Сербии *304*
Овчинников П. А., ювелир 450
Ольга Александровна, великая княжна 37, 43, 45
Ольга Константиновна, великая княжна *327*
Ольденбургская Е. М., принцесса 42
Ольденбургский П. Г., принц 437
Островский А. Н., писатель, драматург 446
Павел Александрович, великий князь 31
«Павел Буре», часовая компания 27
Пазетти А., фотограф 9, *54, 401, 449*
Панов М. М., фотограф 443
Паренсов П. Д. генерал от инфантерии 76
Паска, актриса *302*, 303
Патти А., певица *218*, 219, *302*, 303, 373
Паульсон И. И. педагог 162
Перкин У., химик 26
Перовская С. А., графиня 308
Персон О., инженер 209
Петров И. Н. см. Ропет И. П.
Петров О. А., певец *138*
«Петуховы и сын», магазин 427
Пётр I, царь 231
Пиратский К. К., художник *50, 52*
Пирсон П.-Л., фотограф 210
Плетнев П. А. государственный деятель 131
Погожев В. П., военный юрист 446
Половцов А. А. старший, государственный деятель 43
Половцов А. А. младший, дипломат, ориенталист *352*
Половцова Н. М., светская дама 362
Полонский Я. П., поэт *279*
Полторацкая Л. фотограф 169
Потемкин А. М., стольник 43
Прео В., владелица магазина 287
Прохоров Н. И., промышленник 184
Пуаре П., модельер 255, 391
Пузыревский А. К. генерал от инфантерии 76, 78
Пунин М. А., купец 187
Пунин Н. М., военный врач *144, 188*
Пунина В. Д., купчиха 187, *188*
Пюпа Г., владелец лавки 108
Разумовская М. Г., графиня *253*
Рапопорт И. В., владелец магазинов 107
Раузер Ф., портной 34
Рауль И. Х., фотограф 169
Редферн Дж., портной 27, 38, 42, 46, 362, 372, 373, 427
Рейзакер ? владелица магазина 259
Рембелинский А. М., офицер Гвардейского экипажа 99
Репнин Н. В., князь, государственный деятель *55, 277*
Решетников Н. И., купец 180
Ридигер Ф. В., граф, генерал от кавалерии 53
Римская-Корсакова В. Д., знаменитая модница 8, 255
Римский-Корсаков Н. А., композитор 317
Робеспьер М., революционер 304
Робийяр И. И., художник, фотограф 8
Рожественский З. П., вице-адмирал *99*
Розен П. Г., баронесса, известная как игумень Митрофания *139*
Розенфельд ? портной 362
Романовская герцогиня Лейхтенбергская М. М., светлейшая княжна 218
Ропет И. П., архитектор 310, *312*
Ростовцев Я. И., генерал-адъютант 22
Рубенс П. П., художник 316
Рубинштейн А. Г., композитор 268, *269*, 278, 446
Рубинштейн Н. Г., пианист 341, *343*, 441, 442, 446
Рудольф, кронпринц Австрии 43, *368*, 369
Сабанеев Л. Л., композитор, критик 446
Саблуков И. К., владелец парфюмерного магазина 363
Сапожниковы А. и В., братья, владельцы торгового дома 40
Сергей Александрович, великий князь 9, 31
Сарду В., драматург 372
Сиверс Е. П., владелица магазина 259
Скиапарелли Э., модельер 355, 426
Скобелев Д. И., генерал-лейтенант 65
Скобелев М. Д., генерал от инфантерии 71, 80, *81*, 308
Скосырев А. М., военный портной 106
Скотт В., писатель 209, 313
Служенко ? артиллерист 68
Сметана Б., композитор 212
Смородин В. А., чиновник 131
Собенникова М., купчиха 107
Соколова В. Д. см. Пунина В. Д.
Соллогуб Л. Л., граф, генерал-майор *274*
Сосницкий И. И., артист *277*

Станиславский К. С., режиссер 189
Стасова Н. В., предпринимательница 363
Стефания, принцесса *368,* 369, 370
Страхов Н., купец 238
Строганов Г. А., граф, меценат *279*
Строганов П. С., граф, государственный деятель *119*
Судаков Г., владелец шляпного ателье 363
Сулейман I, султан 231
Сухозанет Н. О., военный министр 53, 63
Татищев С. С., историк, дипломат 14, 15
Тируань де Меррикур А.-Ж., революционерка 304
«Товарищество Р. Голике и А. Вильборг», издательство *55, 56, 57*
«Товарищество Санкт-Петербургского механического производства обуви» 107
Толстая А. А., графиня, камер-фрейлина 308
Толстая Т. Л., графиня, дочь писателя Л. Н. Толстого 414
Толстой Л. Н., граф, писатель *69,* 414, *415*
Томсон В. С., предприниматель 209, 211, 235-236, 238
Тормасов А. П., генерал от кавалерии 14
Торнау Ф. Ф., барон, государственный деятель *63*
Тотлебен Э. И., инженер-генерал *58*
Трепов Ф. Ф. государственный и военный деятель 163
Трубецкая де Морни С. С., графиня 211, 214, *216*, 256
Трубникова М. В., предпринимательница 363
«Тувенен», винтовка 63
Тулинов М. Б., фотограф 9
Туманов И. Ш., генерал-лейтенант *63*
Тургенев И. С., писатель *344*
Тютчева А. Ф., фрейлина 18, 25
Уайлд О., драматург 372, 377, 381, 416, 446
Удино Н. Ш., маршал 209
Уолкер М., женщина-врач *234*
«Фанни», магазин одежды 107
Философова А. П., предпринимательница 363
Фишер К. А., фотограф 9
Флоран Ж., портной 363
Франсюро В., владелец магазина 363
Франц-Иосиф, император Австрии 71, 223, 265
Фридрих II, король Пруссии 224
Фридрих III, император Пруссии *61*
Фридрих Вильгельм III, король Пруссии 14
Фризенгоф (урожденная Гончарова) А. Н., баронесса *254*
Хвощинская Е. Ю., помещица 205
Хлудов В. А., купец 190
Хлудов П. Г., предприниматель 189
Худзинская-Гоельская Л. А., мемуаристка 161
Целибеевы Ф. Ф. и Г. Ф., купцы 363
Циммерман К. Ф., владелец мастерской 363, 449
Чайковская А. А., супруга И. П. Чайковского 436
Чайковская А. И. (в замужестве Давыдова), сестра композитора П. И. Чайковского 222
Чайковский А. И., брат П. И. Чайковского 443, 444
Чайковский И. П., горный инженер 132, 436
Чайковский М. И., брат П. И. Чайковского, драматург 132, 152, 438, 439, 440, 441, 442, 450
Чайковский Н. И., брат П. И. Чайковского 436
Чайковский П. И., композитор 132, 152, 222, 231, 262, 278, 334, 436-
Черевин П. А., генерал-лейтенант 37
Черняев М. Г., генерал-лейтенант 306-307, 308
Шагазиев Х., торговец 180
Шамиль, имам *228-229*, 230
Шансо П., владелица магазина 363
Шапиро К. А., фотограф 9
Швартовский ? профессор 74
Шелгунов Н. В., публицист *126*
Шереметев Б. С., граф, офицер *54*
Шереметев С. Д. граф, общественный деятель 15, 21, 36, 37, *305*
Шереметева Е. Г., графиня *391*
«Шерер и Набгольц», фотоателье *69, 194, 199, 203, 204, 228, 242, 260, 279, 281, 282*
Шестаков А. П., контр-адмирал *95*
Шеффер А., художник 317
Шиллер Ф., поэт 441
«Шляпная фабрика Лемерсье», 462-463
Шоазель ? владелица магазина 255
Шпаковский А. И., фотограф *246*
Штейнберг Г. Ф., фотограф 440
Штейнгель В. В., барон, генерал-лейтенант 70
Штиглиц А. Л., барон, меценат *279*
Штраус И., композитор 256, 265, 266, *267*, 334
Шувалова С. П., графиня, модница 362
Щеславский В. Г., глава торгового дома 363
Щеховский Н. А. мемуарист 125, 126, 135, 156, 199
Щукин П. И., купец 182
Эдберг Н., пловчиха 293
Эдвард, принц Уэльский 216, *217*, 218, *262*, *263*, 264
«Эжен», шляпная мастерская 363
Эйфель Г., архитектор 379
Эйхенвальд А. Ф., фотограф 443
Энгр О. Д., художник 382
«Энфилд», винтовка 63
Эрнрот К. Г., генерал-лейтенант 82
Юренев С. А., поручик *53, 72*
Юсупов Н. Б., действительный тайный советник 14
Юсупов Ф. Ф. младший, князь 416
Юсупова З. Н., княгиня *355*, 362
Яковлева А. И., камер-юнгфера 23-28, 45
Якубович Н. А., преподаватель 111, 112
Якушкин П. И., писатель 268, *270*
Яхес С., купец 107

Иноязычные имена и названия:

«Au Bon Marche», магазин 255
«Au Petit Bebe», магазин 427
«Callot Soeurs», дом моды 42, 46
«Cartier», ювелирный и часовой дом 7
«Davis & Son», лондонское ателье мужской одежды, 7
«Edouard Pinaud», парфюмерная фабрика 261
«Guerlain», парфюмерная компания 450
«Izambard Chanceau», дом моды 40
«L. Angerer», фотоателье *63, 259*
«M. Fajans», фотоателье *39*
«Mayer et Pierson», фотоателье *58*
«Rational Dress Association», ассоциация реформированного платья 380
«Russell&Sonss», фотоателье *37*
«Sherwood», марка кринолина 209
«Verry fils», фотоателье *24*
«W. S. & E. H. Thomson», компания, производившая кринолины 235

Научно-популярное издание

Хорошилова Ольга Андреевна

Костюм и мода Российской империи

ЭПОХА АЛЕКСАНДРА II и АЛЕКСАНДРА III

Редактор *Н.В. Комарова*
Макет *Александр Зарубин*
Корректоры *О. В. Круподер, В. А. Нэй*

Подписано в печать с готовых файлов издательства 16.02.2015
Формат 60x90/8. Гарнитура NewBaskerville
Печать офсетная. Печ. л. 59. Тираж 1000 экз.
Заказ №

ООО «Издательство «Этерна»
115477, г. Москва, Кантемировская ул., д. 59а
Тел./факс (495) 755-81-23

E-mail: info@eterna-izdat.ru
www.eterna-izdat.ru